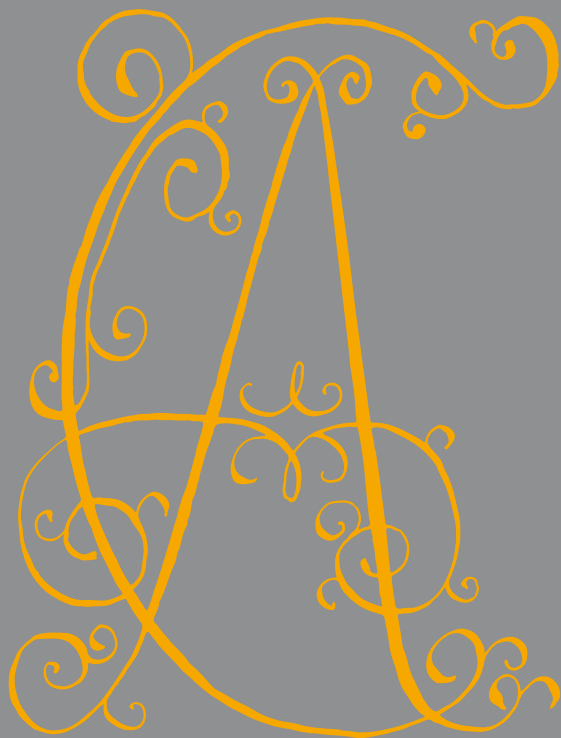

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

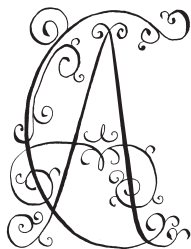
3-4·2024

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

3-4 · 2024

Slavic ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2024

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2024. – Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2024. – 560 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2024.3-4

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2024 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, лингвистики, литературоведения и истории культуры. Хронологический охват материалов – от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© Издательство «Индрик», 2024

Slavic Almanac 2024. Issues 3–4 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief – Moscow: Indrik, 2024. – 560 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731.2024.3-4

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2024) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, literary studies and history of culture. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Insitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2024
© Authors, 2024
© Publishing house “Indrik”, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kocheharov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

- Флоря Б. Н. (Москва)*. Вопрос о судьбе переселенцев с Правобережья в отношениях России и Левобережного гетманства (1680–1681 гг.) 12
- Станков Н. Н. (Москва)*. Эдвард Бенеш и «полоса признания СССР». Беседа корреспондента РОСТА Р. О. Якобсона с министром иностранных дел ЧСР 7 ноября 1924 г. 22
- Тимофеев А. Ю., Байин З. (Белград)*. Историография Второй мировой войны и восприятие советской / российской исторической науки в Югославии во второй половине XX в. 36
- Безрученко В. И. (Санкт-Петербург)*. Комиссия Бадинтера 1991–1993 гг. и судьба Югославии 78

Лингвистика и этнолингвистика

- Вернер И. В. (Москва)*. К вопросу об авторстве церковнославянского перевода предисловия к Франкфуртской Библии 1597 г. и его судьбе в полемической литературе рубежа XVII–XVIII вв. 102
- Ващенко Д. Ю. (Москва)*. Словацкие экзистенциальные наречия *zavše, chvíľami, z času na čas* на фоне немецких (по данным параллельного корпуса) 132
- Агапкина Т. А. (Москва)*. Заговоры, народная медицина и обряды в ареальной проекции: Белоруссия и русский северо-запад 160
- Пилипенко Г. П., Саенко М. Н. (Москва)*. Экспедиция в Веселовский район Ростовской области к потомкам репатриантов из Уругвая 179

Литературоведение

- Гусев Ю. П. (Москва)*. Нация и эмиграция (На материале венгерской литературы) 194

<i>Амелина А. В. (Москва). Восприятие России и русской литературы в чешском журнале «Модерни реви» в 1920-е гг.</i>	216
<i>Вирен Д. Г. (Москва). (Не)свобода в польском кино времен «зрелого социализма»</i>	228
<i>Гаврилова П. Д. (Москва). Танатопэтика прозы П. М. Андреевского (на примере сборника рассказов «Все лики смерти» и романов «Пырей» и «Туннель»)</i>	242
<i>Усачева А. В. (Москва). Поэтика комического в драматургии Матея Вишнека</i>	252
<i>Поляков Д. К. (Москва). «Югославская Атлантида» в балканской и центральноевропейской оптике Драгана Великича</i>	266
<i>Шатько Е. В. (Москва). Сараево vs Загреб в прозе М. Ерговича</i>	284
<i>Адельгейм И. Е. (Москва). «Вечное настоящее». Фотографическое видение Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг»)</i>	295

История культуры

<i>Наумов Н. Н. (Москва). «Страх Божий» в позднесредневековой Чехии</i>	312
<i>Фадеев И. В. (Москва). Образы крестьянина в польских диалогах эпохи Барской конфедерации и Великого Сейма</i>	334
<i>Фролова М. М. (Москва). Церемония вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению 6 мая 1877 г.</i>	352
<i>Короневский В. И. (Санкт-Петербург). Православие и культ католического святого Андрея Боболи в XIX – начале XX в.</i>	376

Публикации

<i>Марней Л. П., Носов Б. В. (Москва). Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии отечественного славяноведения в 1930-е гг. (К предыстории Института славяноведения РАН)</i>	394
<i>Стыкалин А. С. (Москва). «Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов...». Особая позиция В. М. Молотова в вопросе о сближении с Югославией и ее критика Н. С. Хрущевым глазами рядовых членов КПСС (1955 г.)</i>	427

Рецензии

<i>Кузьмичева Л. В. (Москва). Долгое странствие Милорада Экмечича к постижению взаимосвязи югославизма и сербской национальной идеи</i>	454
<i>Йожа Д. З. (Будапешт). Эпоха Екатерины Великой в интерпретации венгерского историка</i>	473
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва). Польское Январское восстание 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях: самосознание повстанческих верхов в свете новых архивных поисков</i>	482
<i>Лескинен М. В. (Москва). Новая книга о русских добровольцах на Балканах в 1876 г.</i>	500
<i>Баринов И. И. (Москва). Обобщающий труд по истории европейской нетерриториальной автономии</i>	512
<i>Ибришимович-Шабич А. (Сараево). Сны о городах, литературная реальность: Центральная и Юго-Восточная Европа в лабиринте письменного слова</i>	515
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Полифония словенского художественного перевода: история, теория, практика</i>	535

Хроника

<i>Седакова И. А. (Москва). Круглый стол «Старое и новое в языках и культурах Балкан»</i>	547
<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва). Международная научная конференция «Православие в исторических судьбах славянских народов»</i>	551
<i>Пилько Н. С., Лобачева Ю. В. (Москва). Международная научная конференция «Женщина в политике, культуре и истории на югославском и постъюгославском пространстве»</i>	555

Contents

History

- Florya B. N. (Moscow)*. The Problem of Migrants
from the Right-Bank Ukraine in the Relationships between
Russia and the Left-Bank Cossack Hetmanate (1680–1681) 12
- Stankov N. N. (Moscow)*. Edvard Beneš and “The Stripe of Recognition
of the USSR”. Conversation of ROSTA Correspondent
R. O. Jakobson with the Minister of Foreign Affairs
of Czechoslovakia on November 7, 1924 22
- Timofeev A. Ju., Bajin Z. (Belgrade)*. Historiography
of the Second World War and the Perception of Soviet / Russian
Historical Science in Yugoslavia in the Second Half
of the 20th Century 36
- Bezruchenko V. I. (Saint Petersburg)*. Badinter Commission 1991–1993
and the Fate of Yugoslavia 78

Linguistics and ethnolinguistics

- Verner I. V. (Moscow)*. Towards Authorship of the Church Slavonic
Translation of the Preface to the 1597 Frankfurt Bible and Its Fate
in the Polemical Literature at the Turn of the 17th – 18th Centuries 102
- Vashchenko D. Yu. (Moscow)*. Slovak existential Adverbs *zavše,*
chvílami, z času na čas on the Background of German
(According to the Parallel Corpus) 132
- Agapkina T. A. (Moscow)*. Incantations, Traditional Medicine
and Rituals in Areal Aspect: Belarus and the Russian Northwest 160
- Pilipenko G. P., Saenko M. N. (Moscow)*. Field Research
in the Veselovsky District of the Rostov Region among
the Descendants of Repatriates from Uruguay 179

Studies of literature

- Gusev Yu. P. (Moscow)*. Nation and Emigration
(Based on the Material of Hungarian Literature) 194

<i>Amelina A. V. (Moscow)</i> . Perception of Russia and Russian Literature in the Czech <i>Moderní Revue</i> Magazine in the 1920s	216
<i>Viren D. G. (Moscow)</i> . (Un)freedom in Polish Cinema during “Mature Socialism”	228
<i>Gavrilova P. D. (Moscow)</i> . Thanatopoetics of P. M. Andreevsky Prose (On the Example of the Collection of Stories “All Faces of Death” and the Novels “Wheatgrass” and “Tunnel”)	242
<i>Usacheva A. V. (Moscow)</i> . Poetics of the Comic in the Dramaturgy of Matei Vişniec	252
<i>Polyakov D. K. (Moscow)</i> . “Yugoslav Atlantis” in the Balkan and Central European Optics of Dragan Velikić	266
<i>Shatko E. V. (Moscow)</i> . Sarajevo vs Zagreb in the Prose of M. Jergović	284
<i>Adel’geym I. Ye. (Moscow)</i> . “Eternal Present”. Photographic Vision of Andrzej Stasiuk (“On the Way to Babadag”)	295

History of culture

<i>Naumov N. N. (Moscow)</i> . “The Fear of God” in Late Medieval Bohemia	312
<i>Fadeev I. V. (Moscow)</i> . Images of Peasantry in Polish Dialogues of the Bar Confederation and the Great Sejm Eras	334
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . The Ceremony of Awarding the Samara Banner to the Bulgarian Militia on May 6, 1877	352
<i>Koronevskii V. I. (Saint Petersburg)</i> . The Orthodoxy and the Cult of the Catholic Saint Andrew Bobola in the 19 th – Beginning of the 20 th Century	376

Publications

<i>Marney L. P., Nosov B. V. (Moscow)</i> . Letter and Note of Academician N. S. Derzhavin to the Chairman of the Council of People’s Commissars of the USSR V. M. Molotov on the Development of Domestic Slavic Studies in the 1930s. (On the Origins of the Foundation of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences)	394
<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . “You Cannot Endlessly Exploit the Patience of Communists...” The Special Position of V. M. Molotov on the Issue of Rapprochement with Yugoslavia and Its Criticism by N. S. Khrushchev Viewed by Ordinary Members of the CPSU (1955)	427

Reviews

- Kuzmicheva L. V. (Moscow)*. Milorad Ekmečić's Long Journey to Understanding the Relationship between Yugoslavism and the Serbian National Idea 454
- Józsa Gy. Z. (Budapest)*. The Era of Catherine the Great. The View of a Hungarian Historian 473
- Borisyonok Yu. A. (Moscow)*. The Polish January Uprising of 1863–1864 in the Lithuanian-Belarusian Lands: The Self-Consciousness of the Rebel Leaders in Light of New Archival Searches 482
- Leskinen M. V. (Moscow)*. A New Book about Russian Volunteers on the Balkans at 1876 500
- Barinov I. I. (Moscow)*. A Generalizing Work on the European Non-territorial Autonomy 512
- Ibrišimović-Šabić A. (Sarajevo)*. Urban Dreams, Literary Realities: Central and Southeastern Europe in the Labyrinth of the Written Word 515
- Starikova N. N. (Moscow)*. Polyphony of Slovenian Literary Translation: History, Theory, Practice 535

Chronicles

- Sedakova I. A. (Moscow)*. The Round Table “The Notions of the New and the Old in the Balkan Languages and Cultures” 547
- Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)*. International Scientific Conference “Orthodoxy in the Historical Destinies of the Slavic Peoples” 551
- Pilko N. S., Lobacheva Yu. V. (Moscow)*. International Scientific Conference “Woman in Politics, Culture and History in the Yugoslav and Post-Yugoslav Space” 555

УДК 94(47).04

Б. Н. Флоря

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.01

**Вопрос о судьбе переселенцев с Правобережья
в отношениях России и Левобережного гетманства
(1680–1681 гг.)**

Флоря Борис Николаевич

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование

Флоря Б. Н. Вопрос о судьбе переселенцев с Правобережья в отношениях России и Левобережного гетманства (1680–1681 гг.) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 12–21. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.01

Статья поступила в редакцию 01.06.2024.

Рецензирование завершено 03.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В ходе русско-турецкой войны 1672–1681 гг. происходила массовая миграция населения Правобережной Украины за Днепр, на левый берег. Таким образом население Правобережья пыталось спастись от власти османов и набегов крымских татар. Значительная часть этих переселенцев была устроена на территории Белгородского разряда, который граничил с Левобережным гетманством. В составе Белгородского разряда уже существовали т. н. слободские полки, которые по своей организации были близки к той административной структуре, которая существовала в Левобережном гетманстве. Завершение русско-турецкой войны актуализировало проблему переселенцев в отношениях между русским правительством и левобережным гетманом И. Самойловичем. Для гетмана стало очевидным, что в ближайшее время Правобережье не вернется под его власть, а следовательно, он потеряет контроль и над населением этих земель. В связи с этим Самойлович стал добиваться передачи под его управление слободских городов Белгородского разряда либо незаселенных южных земель, где должны были

осесть переселенцы. Это требование неоднократно звучало на переговорах представителей гетмана и московских властей в 1680–1681 гг. Царское правительство было готово предоставить переселенцам земли, но передать их под власть Самойловича отказывалось. Это стало причиной трений в русско-украинских отношениях уже в первые месяцы после заключения Бахчисарайского мира 1681 г.

Ключевые слова

Иван Самойлович, русско-украинские отношения, Левобережное гетманство, Правобережная Украина, миграции населения, слободские полки Белгородского разряда

70-е гг. XVII в. отмечены тесным военно-политическим сотрудничеством России и Левобережного гетманства в борьбе с османами за Правобережье. Однако, когда эта борьба закончилась неудачей и наметилась близкая перспектива заключения мира, по которому Правобережье осталось бы под османской властью, в этих отношениях возникли сложности. Как показал уже Н. И. Костомаров в «Руине», они были связаны с вопросом о судьбе переселенцев с Правобережья.

В 70-е гг. XVII в. имел место массовый уход населения Правобережья, желавшего избавиться от власти османов, на Левобережье и далее на земли Слобожанщины, находившиеся под русской властью, но заселенные в значительной мере украинским населением и имевшие полковую организацию, схожую с административным устройством Левобережного гетманства. Это воспринималось как временное явление. С вхождением Правобережья в состав гетманства указанное население смогло бы вернуться на места прежнего проживания.

Когда к 1680 г. обозначилась перспектива близкого заключения невыгодного для России и гетманства мира, возник вопрос о будущей судьбе переселенцев. Вопрос этот был поднят по инициативе гетманской стороны. Уже на беседе с царским посланцем М. Головиным 18 июля 1680 г. гетман говорил о судьбе людей, которые теперь не смогут вернуться в свои «маетности», и спрашивал, «где им поселится будет и какое милосердие за свои убытки примут»¹. В сентябре 1680 г. вопрос был поднят на переговорах с царским посланцем В. М. Тяпкиным, ехавшим в Крым для заключения мирного договора.

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 199.

По мнению Самойловича, следовало оказать переселенцам «милость», чтобы они остались на Левобережье. Тогда «без них бусурманы» Правобережье «населить» и «городов и мест построить в таких пустых странах и дальних от своих краев не возмогут»². На беседах Тяпкина с гетманом отмечалось, что переселенцы «по се время... на сей стороне нигде не селятца»³. Очевидно, «милость» должна была проявиться в том, чтобы переселенцам были бы выделены земли для проживания. Вопрос этот был прямо затронут в беседе гетмана с М. Головинным. Гетман говорил царскому посланцу, что для устройства переселенцев он «в крае Малыя Росии таких угодных мест и земель у себя... не имеет», а «люди без угодей... многие пошли на сторону королевского величества»⁴.

Конкретные предложения об устройстве переселенцев привезли в Москву в конце февраля 1681 г. послы гетмана гадячский полковник М. Васильев и И. С. Мазепа. Начальная часть переговоров сохранилась неполно. Но ясно, что на первой встрече с представителями царя они ходатайствовали насчет переселенцев, чтобы «указано было б им место, где имут иметь поселение свое»⁵. Их много, Днепр перешли казаки 10 правобережных полков. Им было обещано, что «в поселении учинено будет всякое довольство», но этого не произошло, и теперь они хотят вернуться, а гетман их «не пускает». Если будет царский указ, посланцы «объявят, где им имать поселение свое»⁶.

Указ, видимо, последовал, так как на встрече 5 марта с представителем царя боярином Василием Семеновичем Волынским посланцев спросили, где должны поселиться выходцы с Правобережья. Мазепа и Васильев сообщили, что земли для расселения им должен выделить царь, так как гетману «поселить их негде, все степи, а лесов нет». При этом посланцы специально отметили, что на выделенных для переселенцев царских землях они должны быть «под ево гетманским начальством». Таким образом, царь должен был на своей территории выделить земли для переселенцев и включить их в состав гетманства.

Позднее посланцы предложили, чтобы выходцы с Правобережья поселились «по Белгородцкой черте... в Сумском и Ахтырском

2 Там же. № 3. Л. 70–71, 77.

3 Там же. Л. 74.

4 Там же. Ф. 229. Оп. 1. № 156. Л. 35, 38.

5 Там же. Л. 29.

6 Там же. Л. 29–30.

и в ыных полках», где уже живут «их отцы и братья»⁷. Таким образом, был поднят вопрос о включении Слобожанщины в состав Левобережного гетманства. В апреле 1681 г., встречаясь с возвращавшимся из Крыма В. М. Тяпкиным, гетман также говорил ему, что следовало бы передать по его власть людей, которые «обретаютца под Белгородским разрядом... вместо заднепрские пустые стороны»⁸. Таким образом, предполагалась как бы двойная компенсация за утрату Правобережья: и переселенцам, и гетману. Утратив Правобережье, И. Самойлович пытался усилить позиции гетманства за счет Русского государства. Понятно, что такая инициатива гетмана не могла вызвать одобрение в Москве. В ответ на предложение послов последовал ответ, что переселенцев следует разместить так, чтобы они были «при гетмане Иване Самойловиче в ближних местех на отпор неприятелю», то есть проживали на территории гетманства. Мазепа и Васильев отвечали, что на Левобережье «порозжих мест нет»⁹. Посланцы снова предложили поселить выходцев с Правобережья на Слобожанщине «и земель диких прибавити по Донец Северский»¹⁰. Таким образом, гетманские представители предлагали расширить на юг за счет незаселенных земель ареал территорий, которые русская сторона передала бы гетманству.

В. С. Волынский в ответ на эти инициативы предложил поселить выходцев «за Полтавским полком по ту сторону реки Орели», то есть также расширить южные границы гетманства, но за счет «диких земель». Мазепа и Васильев отвечали, что там «степи дикие, а вод и лесов мало»¹¹.

Вместе с тем боярин считал возможным поселить переселенцев «по Донцу Северскому и по иным тамошним речкам», но жить они там

7 Там же. Л. 11; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб., 1905. С. 322.

8 Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Издан с подлинника, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова / [под ред. Н. Мурзакевича]. Одесса, 1850. С. 261–262.

9 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 156. Л. 10–11.

10 Там же. Л. 11.

11 Там же. Л. 12.

будут не «под гетманским региментом», а «в одной службе с слободскими казаки в Белгородском разряде»¹². Таким образом, переселенцам будут выделены земли на русской территории, но там они должны будут проживать под русской властью. Получив такой ответ, гетманские посланцы снова предложили включить в состав гетманства слободские полки, чтобы И. Самойлович «с теми полками Белгородскую черту держал, а в ином месте поселить людей ему негде». В. С. Волынский отвечал, что указанные полки должны подчиняться боярам и воеводам в Белгороде¹³. Встреча закончилась сообщением, что посланцам будет объявлен царский указ по поставленному ими вопросу.

О царском решении посланцам сообщили 6 марта. Царь Федор Алексеевич постановил отправить «дворян добрых досмотреть и описать порозжие земли». После этого гетману будет отправлен «указ... о тех землях». Казакам же «в новопостроенных городех и слободах по Белгородской черте... быти по прежнему у бояр и воевод в Белгородском полку»¹⁴. На следующей встрече 8 марта Мазепе и Васильеву разъяснили, что дворяне будут описывать земли «по Белгородской черте и за Белгородской чертой»¹⁵.

В итоге в Москве было принято определенное решение о устройстве переселенцев с Правобережья. Его изложил гетману и генеральной старшине 25 мая 1681 г. царский посланец А. Карандеев¹⁶. Им сообщили, что царь отправляет своих представителей для описания «порозжих» земель «для поселения той стороны заднепрских людей». Г. И. Косагов должен был, отправившись из Чугуева, описать земли «от Царева Борисова вверх по Северскому Донцу», а также земли у южных границ гетманства «по реке Коломаку до реки Мерли» и на крайнем юге земли по рекам Орели и Самаре «с вершин до устья». Одновременно острогожский полковник Иван Сас должен был описать земли «от Нового Оскола... к Цареву Борисову» и вниз по течению Северского Донца вплоть до казачьих городов на Дону. Писцам предписывалось «сметить и описать, сколько на тех землях

12 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 156. Л. 13–14; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 322–323.

13 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 156. Л. 15–16; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 324.

14 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 156. Л. 18–19; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 325.

15 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 156. Л. 21, 24.

16 Там же. № 92. Ч. 2. Л. 460.

людей з дворами возможно устроить». Гетману предлагалось послать и своих представителей «на Белгородскую черту... тех порозжих земель потому ж досмотреть и описать»¹⁷. Таким образом, в Москве готовы были предпринять серьезные усилия по устройству переселенцев. Обращает на себя внимание, что для их устройства выделялись земли на русской территории, в районе Северского Донца, где в конце 30-х гг. XVII в. были поселены участники восстания 1638 г. Эти земли – продолжение к югу территории Белгородского разряда – и разместившиеся на них переселенцы должны были оказаться под властью не гетмана и полковников, а русских воевод.

Неудивительно, что гетман сразу и в довольно резкой форме выразил свое несогласие с предложенным решением. Земли эти расположены далеко от границ гетманства, «блиско татарских поль и к поселению заднепрских жителей не угодны». Казаки «в такие кочевые дальние места не ездят». «Описывать тех земель не для чего», – полагал И. Самойлович, который, по его словам, и так знал, «что они к поселению людем не пригодны»¹⁸.

Одновременно И. Самойлович сообщил царскому посланцу, что многие переселенцы уже начинают уходить за Днепр, то есть сохранять существующее положение нельзя, и, разумеется, гетман неслучайно указал, что люди уходят прежде всего «из слободцких городов»¹⁹. Очевидно, тем самым русской стороне давалось понять, что если эти города будут переданы гетману, такая практика прекратится.

Далее эта тема не обсуждалась. 5 июня в Глухове А. Карандееву была вручена грамота гетмана к царю и статьи²⁰. К этому времени Г. И. Косагову 30 мая уже был послан указ начать описание²¹. Во врученных посланцу статьях уже письменно снова резко выражалось несогласие с принятым в Москве решением. Статьи исходили от гетмана, старшины, казаков и «народу... украинского, малороссийского»²². В третьей статье после перечня подлежащих описанию земель указывалось, что «неприлично на них селитися... и людем нашим не на прибыль» и, соответственно, представителям гетманства нечего участвовать в их описании²³.

17 Там же. Л. 474–475.

18 Там же. Л. 477.

19 Там же.

20 Там же. Л. 484.

21 Там же. Л. 366.

22 Там же. Л. 350–351.

23 Там же. Л. 362.

14 июня царь и бояре «слушали» тексты, присланные гетманом, и статейный список А. Карандеева²⁴. В отправленном И. Самойловичу 30 июня ответе на статьи вопрос об описании земель был обойден молчанием²⁵.

О том, что происходило дальше, можно узнать из грамоты гетмана, полученной в Москве 22 июля²⁶. В ней указывалось, что Г. И. Косагов «был уже везде около речек Каламака, Орели и Самары и знаки поставил на поселение слобод». Таким образом, когда гетман отказался послать своих представителей, было предпринято описание земель без их участия. Это побудило гетмана заострить свою позицию. В грамоте подчеркивалось, что эти земли «издавна належали и належат полку Полтавскому» и «не надобно тех мест слободами осаживать». Устройством таких слобод «учинитца великая обида жителем старинных городов полку Полтавского... и полку отчасти Гадяцкого». Образованные на границе со степью слободы «не одержатся», их жители «на Заднепріе... свободно пойдут». Таким образом, гетман резко выступал против предпринятых действий, утверждая, что задуманная акция не приведет к желанным результатам и серьезно осложнит отношения Москвы и гетманства.

К этому гетман добавил сообщения о «обидах», которые несут жители Полтавского и Гадяцкого полков от слобод, поставленных у границы гетманства на реках Мерли и Коломаке. Эти люди действуют «на подгородных местех и на пасаках людских поселиваясь... и сенокосы насилством у старинных отымают». Позднее И. Самойлович предпринял и другой подобный шаг. 31 июля он передал в Москву жалобы солдат Белгородского разряда из городка Орел от 12 и 15 июля на тяжелые условия службы²⁷. В связи с этим гетман предложил, что так как с Османской империей заключен мир, можно было бы вывести солдат из этого городка и передать его полтавскому полковнику²⁸.

Ответ на новое обращение гетмана последовал быстро. В грамоте от 3 августа его известили, что Г. И. Косагову послан указ, что ему «осматривать и ездить в те места не велено»²⁹. Таким образом, от задуманного плана устройства переселенцев в Москве,

24 Там же. Л. 323.

25 Там же. Л. 331–333.

26 Текст грамоты по теме описания земель см.: Там же. Л. 175–177.

27 Там же. Л. 195 и след.

28 Там же. Л. 182 и след.

29 Там же. Л. 370–371.

не желая серьезного конфликта с гетманством в момент, когда мир с Османской империей еще не был заключен, решили отказаться. Чтобы их удержать в сложившейся ситуации, пришлось прибегать к дисциплинарным мерам. Воеводам Белгородской черты предписывалось не пропускать людей «на ту сторону Днепра... приказ учинить под смертною казнию»³⁰.

В итоге из-за расхождения мнений между сторонами не было принято решение об устройстве судьбы переселенцев с правобережных земель. С исчезновением большой общей цели для Москвы и гетманства – подчинения Правобережья на длительный период времени – различные расхождения интересов стали выходить на первый план. Разумеется, очень важные общие моменты сохранялись. Важно было совместное противостояние возможным притязаниям на земли гетманства Речи Посполитой. Следовало и совместно добиваться более благоприятных условий русско-османского мирного договора. Однако попытка гетмана и старшины обеспечить себе компенсации за потери на Правобережье за счет Русского государства вызвала негативную реакцию московских политиков, и это в дальнейшем должно было сказаться на характере отношений России и гетманства.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный Фонд»), 1905. 815 с.

Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Издан с подлинника, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова / [под ред. Н. Мурзакевича]. Одесса: в городской типографии, 1850. 284 с.

30 Там же. Л. 324 (распоряжение от 25 августа).

References

Kostomarov, N. I. *Sobranie sochinenii. Istoricheskie monografii i issledovaniia*. Book 6. Vol. XV: Ruina. Getmanstva Brukhovetskogo, Mnogogreshnogo i Samoilovicha; Vol. XVI: Mazepa i mazesintsy. St. Petersburg: Obshchestvo dlia posobiia nuzhdaiushchimsia literatoram i uchonym («Literaturnyi Fond»), 1905, 815 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.01

B. N. Florya

The Problem of Migrants from the Right-Bank Ukraine in the Relationships between Russia and the Left-Bank Cossack Hetmanate (1680–1681)

Boris N. Florya

Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. The Problem of Migrants from the Right-Bank Ukraine in the Relationships between Russia and the Left-Bank Cossack Hetmanate (1680–1681) // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 12–21 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.01

Received: 01.06.2024.

Revised: 03.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

During the Russo-Turkish war of 1672–1681 the population of the Right-Bank Ukraine massively migrated eastwards across Dnepr, trying to escape the Ottoman domination and Crimean attacks. The vast majority of migrants settled on the land of the *Belgorodzkij razriad* (regiment), which bordered the Left-Bank Cossack Hetmanate. Military units of *Belgorodzkij razriad* included so-called sloboda regiments, recruited from Ukrainian Cossacks, who had relocated there some time before. Its administrative structure was close to the one of the Left-Bank Hetmanate. The end of the Russo-Turkish war in 1681 made the problem of

migrants from the Right Bank an urgent matter in the relations between the Left-Bank hetman Ivan Samojlovich and the Russian government. As Samojlovich realized that the Right Bank wouldn't return under his control any time soon, he requested from Moscow to transfer the sloboda regiments under hetmans power or to unpopulated Southern lands where migrants from the Right Bank were supposed to be settled. This problem was constantly discussed during the negotiations between Samojlovich or his representatives with the Russian government. The latter was ready to settle migrants on the Russian lands but refused to give hetman authority over them, which caused some tensions in the Russian-Ukrainian relations in the first months after the conclusion of the Bakhchysarai treaty of 1681.

Keywords

Ivan Samojlovich, Russo-Ukrainian relationships, The Left-Bank Cossack Hetmanate, The Right-Bank Ukraine, mass migration, Sloboda regiments of Belgorodskij razriad.

**Эдвард Бенеш и «полоса признания СССР».
Беседа корреспондента РОСТА Р. О. Якобсона
с министром иностранных дел ЧСР 7 ноября 1924 г.**

Станков Николай Николаевич
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: stankovnn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Станков Н. Н. Эдвард Бенеш и «полоса признания СССР». Беседа корреспондента РОСТА Р. О. Якобсона с министром иностранных дел ЧСР 7 ноября 1924 г. // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 22–35. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.02

Статья поступила в редакцию 01.07.2024.

Рецензирование завершено 25.07.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье на основе архивных материалов автор рассматривает отношение министра иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеша к вопросу о признании СССР в 1924 г. В течение этого года Советский Союз de jure признали одиннадцать государств мира, в том числе Великобритания, Франция, Италия и Китай. Этот международный процесс получил название «полоса признания СССР». Чехословакия же воздержалась от признания СССР de jure, хотя Э. Бенеш неоднократно заявлял о том, что Прага сделает это немедленно вслед за признанием со стороны великих европейских держав. Основное внимание в статье уделено анализу беседы Бенеша с заведующим бюро печати советского полпредства и корреспондентом Российского телеграфного агентства в Праге Р. О. Якобсоном, состоявшейся 7 ноября 1924 г., во время которой чехословацкий министр объяснил, почему Прага не готова была признать СССР de jure. Учитывая опыт европейских государств, признавших к тому времени СССР, Бенеш считал, что, если ЧСР последует их примеру, деятельность Коминтерна неизбежно вызовет обострение

чехословацко-советских отношений, что в свою очередь приведет к подрыву позиций политических сил, на которые опирались он сам и правящая элита страны.

Ключевые слова

Э. Бенеш, Р. О. Якобсон, чехословацко-советские отношения, вопрос о признании СССР, Коминтерн.

О политике Э. Бенеша в отношении СССР написаны многочисленные научные труды и опубликовано множество документов¹. Тем не менее каждый новый обнаруженный в архивных хранилищах источник вызывает интерес у исследователей внешней политики ЧСР, открывает новые, ранее неизвестные штрихи в «русской» политике Бенеша.

Данная статья посвящена анализу беседы с Бенешем заведующего бюро печати советского полпредства и корреспондента Российского телеграфного агентства (РОСТА) в Праге Р. О. Якобсона 7 ноября 1924 г.

Очевидно, первоначально имелась договоренность Якобсона с чехословацким министром иностранных дел об интервью. Такое предположение можно сделать, учитывая, во-первых, дату 7 ноября 1924 г. – седьмую годовщину Октябрьской революции, во-вторых, содержание записи: слова Бенеша представляют собой ответы на вопросы, хотя интервьюер вопросы не формулирует. Часто свой ответ министр предваряет фразой: «Вы спрашиваете меня...». Только в конце беседы Бенеш подчеркнул, что «его разговор ни в коем случае не для печати (здесь и далее подчеркнуто в документе. – *Н. С.*)»². Поэтому документ отложился в фонде «Референтура по Чехословакии» Архива внешней политики Российской Федерации. В заглавии документа архивариус рядом с фамилией Якобсона сделал приписку «ТАСС», которая, очевидно, должна была обозначать, что он беседовал с Бенешем не как сотрудник советского полпредства, а как корреспондент РОСТА (с 1925 г. – ТАСС). Эти должности Якобсон совмещал с 1923 г.³

1 См.: *Dejmeck J. Edvard Beneš – obtížná cesta k politické biografii (pokus o historiografický přehled) // Český časopis historický. 2003. Č. 3. S. 624–662; Dejmeck J. Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovan-ský přehled. 2001. Č. 2. S. 165–188.*

2 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 6.

3 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53951. Л. 16–17.

Р. О. Якобсон работал в составе советских миссий в Чехословакии с 1920 г. и имел чрезвычайно широкий круг знакомств и связей. Несмотря на молодые годы, он был известным ученым, внес значительный личный вклад в развитие российско-чехословацких научных и культурных отношений. Якобсон был беспартийным, и все сменявшие друг друга советские представители в Чехословакии считали, что он «типичный спец. [...] которого прежде всего необходимо держать в руках» (П. Н. Мостовенко)⁴, «совершенно чуждый нам по духу элемент» (К. К. Юренев)⁵, но без него не могли обойтись. Каждый новый полпред считал, что пусть Якобсон еще какое-то время послужит, а за это время в Москве найдут ему замену. Однако все попытки управления делами НКВД непосредственно и через ЦК РКП(б) найти сотрудника со знанием чешского языка, способного занять должность заведующего бюро печати, ни к чему не привели⁶. Поэтому он оставался на своем посту до конца 1927 г., а в 1928 г. оставил дипломатическую службу.

Якобсон поддерживал связи не только с учеными и деятелями культуры, но и с представителями различных политических кругов, с чехословацкими и иностранными дипломатами и журналистами. С Бенешем это была его первая встреча, и министр начал ее словами, что хотя до сих пор он не имел случая с Якобсоном познакомиться, но достаточно много слышал о нем от своих сотрудников. «Поэтому можете ставить мне самые щекотливые вопросы, и я охотно на все отвечу совершенно откровенно», – заявил Бенеш⁷. Такими обещаниями министра не стоило обольщаться. Якобсон был далеко не первым, с кем Бенеш начинал беседу, уверяя в своей полной откровенности.

Затем министр подчеркнул, что в Москве его «политику обычно понимали неправильно», из-за чего возникали различные недоразумения. Бенеш считал себя революционером и «не только национальным, а и социальным». Он не скрывал, что не являлся сторонником коммунистической доктрины, но «интересы социализма» ему были дороги. Бенеш уверял, что он никак не связан с буржуазными кругами, и приветствовал революцию в России как «необходимый фактор русской и международной жизни». Бенеш не испытывал никаких враждебных чувств или антипатии по отношению к тем, «кто делал и кто продолжает делать русскую революцию». Во время Первой мировой войны, когда

4 Там же. Д. 53943. Л. 55.

5 Там же. П. 279. Д. 53992. Л. 7.

6 Там же. Л. 7–7об.

7 Там же. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 1.

он сам и многие будущие вожди русской революции были в эмиграции, Бенеш с некоторыми из них познакомился, в частности, с Л. Д. Троцким, и, по его словам, «их психология никогда не была [...] чуждой» ему⁸. Следует отметить, что это замечание не было данью случаю. В опубликованных через несколько лет мемуарах Бенеш подчеркивал (правда, при этом не упоминая конкретных имен), что во Франции он встречался с большевиками после поражения в России революции 1905–1907 гг., посещал их собрания, изучал русскую классическую и революционную литературу, которая оказала на него большое влияние⁹.

Во время беседы с Якобсоном Бенеш утверждал, что он не против революционного насилия, что в определенных условиях «необходим именно насильственный процесс», и не осуждал насильственных методов революции. Но чехословацкий министр не скрывал своего отрицательного отношения к «красному террору», который, по его убеждению, не был вызван внутренней необходимостью и вредил интересам русской революции и престижу власти¹⁰.

Бенеш отвергал все слухи о своей антисоветской политике и уверял, что «никогда не делал политики интервенции», а, напротив, последовательно боролся с лидером чехословацких национальных демократов К. Крамаржем, проповедовавшим такую политику. Он назвал лживыми показания Б. В. Савинкова, данные во время следствия и на судебном процессе в августе 1924 г., о поддержке его антисоветской деятельности чехословацкими лидерами – Т. Г. Масариком и им, Бенешем¹¹. «Скоро придет момент, когда я с документами в руках изобличу его в этой лжи и черным по белому докажу мое активно враждебное отношение к деятельности Савинкова, – утверждал министр. – Я не только не содействовал его деятельности, а, напротив, решительно противодействовал расширению и поддержке такой деятельности»¹².

8 Там же.

9 *Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha, 1930. D. 1. S. 2.*

10 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 1.

11 Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 81, 87–88. Док. 11; С. 92. Док. 12; Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда с примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина). М., 1924. С. 64, 146–147; Дело Савинкова. Брошюра составлена по материалам, опубликованным московскими газетами в день суда. М., 1924. С. 30, 44–45, 61, 85–86, 122.

12 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 1.

По поводу приписываемых ему надежд на переворот в России Бенеш заметил, что «это было бы просто наивно» с его стороны. Он был убежден, что если бы в России произошел переворот, то умеренные элементы не смогли бы удержать власть в своих руках и к власти пришли бы правые. Это было бы торжеством политики Крамаржа, но не отвечало бы интересам ни Бенеша, ни президента страны Т. Г. Масарика¹³.

Последующая часть беседы была в основном посвящена признанию Чехословакией СССР. Прежде всего Бенеш считал необходимым разъяснить, почему во время Генуэзской конференции он был противником признания Советской России *de jure*, согласившись лишь на признание *de facto* и временный договор, который был подписан в Праге 5 июня 1922 г. С Советской Украиной аналогичный договор был подписан на следующий день¹⁴. «В тогдашних условиях признание грозило нам большими осложнениями, в частности, оно при тогдашних настроениях рабочих окончательно бы смело с лица земли социал-демократическую партию, так как рабочие еще только смутно чувствовали границу между социал-демократией и компартией, и признание было бы толчком для массового перехода социал-демократических рабочих к коммунистам»¹⁵.

Отвечая на вопрос Якобсона, каковы конкретные препятствия для установления дипломатических отношений между ЧСР и СССР, Бенеш подчеркнул, что для признания Советского государства *de jure* существует «только одно препятствие»: «Это политика Коминтерна и ненормальные с точки зрения международного права отношения между Коминтерном и сов[етским] пра[вительством]». Министр заметил, что он не боится этой политики и предполагает, что «последние шаги Коминтерна по отношению к КПЧ» приведут к ослаблению последней, очевидно, имея в виду решения V конгресса Коминтерна (17 июня – 8 июля 1924 г.) по национальному вопросу и курс на большевизацию коммунистических партий, сопровождавшиеся резкой критикой руководства КПЧ¹⁶.

Бенеш не упомянул о своей ноте протеста правительству СССР от 11 августа 1924 г. в связи с работой и решениями V конгресса

13 Там же. Л. 2.

14 Подробнее см.: Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 15–18.

15 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 2.

16 Там же.

Коминтерна (о ней Якобсон безусловно знал). В ноте речь шла о публикации в газетах «Известия» и «Правда» выступления «товарища Васильева» на V конгрессе Коминтерна, который призывал к отторжению Подкарпатской Руси от ЧСР и присоединению ее к СССР, и о резолюции конгресса, открыто подталкивавшей КПЧ к революционным выступлениям против существовавшего в ЧСР строя. В чехословацкой ноте отмечалось, что эти действия несовместимы с буквой и духом «договоров, заключенных между ЧСР и РСФСР и ЧСР и УССР, которые действительно теперь и для взаимных отношений между Чехословацкой Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик»¹⁷. В этой связи понятны слова Бенеша, сказанные Якобсону, что со стороны советского правительства он рассчитывал «на большую честность в выполнении обязательств и во всей его тактике по отношению к нам»¹⁸.

Чехословацкий министр считал необходимым объяснить Якобсону свое отношение к КПЧ. «Я считал и считаю в наших условиях коммунистическую революцию невозможной, – заявил Бенеш. – Всякая попытка в этом направлении могла бы привести только к крайней реакции и к сокрушению государства. Я никогда не был врагом КПЧ. Я делал ряд шагов навстречу нашим коммунистам. [...] Будучи премьером, я взял самый либеральный курс по отношению к нашим коммунистам. Если они начали против меня кампанию, тем хуже для них. Я же сумею делать свою политику и без них, и если они объявляют мне борьбу, то также и против них»¹⁹.

Возвращаясь к вопросу о Коминтерне, Бенеш выразил глубокое убеждение, что финансовое и экономическое положение Советской страны «заставит ее правящие круги понять необходимость ревизии нынешнего ненормального отношения между правительством и Коминтерном». «Если это понято не будет, тем печальнее, потому что тогда естественно изнутри идущий процесс заменится нажимом извне, – продолжал министр. – А такой нажим неизбежен. Для меня совершенно ясно, что западноевропейские государства не смогут поддерживать сколько-нибудь нормальные отношения с Сов[етской] Россией при нынешней ненормальной зависимости сов[етского] пра[вительства] от Коминтерна»²⁰. Бенеш не скрывал, что он хоро-

17 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53975. Л. 12–13.

18 Там же. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 2.

19 Там же. Л. 2–3.

20 Там же. Л. 3.

по осведомлен об охлаждении отношений Берлина с Москвой после бесплодной попытки последней организовать революцию в Германии осенью 1923 г. Он был своевременно проинформирован чехословацким посольством в Германии об обыске берлинской полицией советского торгпредства 3 мая 1924 г. и об ухудшении в этой связи советско-германских отношений²¹.

Бенеш был убежден, что теперь «со всей силой» наступит охлаждение и в отношениях Лондона с Москвой, имея в виду так называемое «письмо Зиновьева» с призывом к британским коммунистам оказать давление на правительство и парламент, чтобы ускорить ратификацию советско-английского договора²². Скандал привел к падению признавшего 1 февраля 1924 г. СССР *de jure* правительства Р. Макдональда, приходу к власти консервативного кабинета Болдуина – Чемберлена и вызвал кризис в советско-британских отношениях²³.

Чехословацкий министр считал, что, несмотря на признание СССР Францией 28 ноября 1924 г.²⁴, в скором времени неизбежно ухудшение отношений и Парижа с Москвой²⁵. Эти обстоятельства, по словам Бенеша, были «важным фактором», замедлявшим установление полноценных дипломатических отношений между ЧСР и СССР. Министр уверял Якобсона, что он мог бы уже признать Советский Союз и «хотел бы это сделать, но нынешние ненормальные внутренние отношения в СССР», о которых он только что говорил, «влекли бы неизбежность конфликтов в дальнейшем, и эти конфликты были бы при наличии нормальных дипломатических отношений еще болезненней». По его мнению, лучше вовсе не обмениваться послами, чем быть вынужденным

21 Например, см.: Archiv Ministerstva zahraničních věcí (AMZV). Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 25.

22 О «письме Зиновьева» см.: *Сергеев Е. Ю.* «Письмо Зиновьева» британским коммунистам 1924 года: современный взгляд // [Не]законченные революции и реформы: политическая практика и историческая реальность (Опыт США и Европы). Колл. монография / отв. ред. Ар. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М., 2022. С. 63–92; *Komunistická internacionála anglické straně komunistické. 15 září 1924 // Zahraniční politika. 1924. Č. 21. S. 1441.*

23 Подробнее см.: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 506–516.

24 Подробнее см.: *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.* / отв. ред. А. Ю. Павлов. СПб., 2021. Т. 1. С. 655–664.

25 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 3.

заявить советскому представителю: «Наши отношения не приводят ни к чему хорошему, будьте любезны, уезжайте домой». И одновременно «отозвать своего посла, а что конфликты между Сов[етской] Россией и европейскими государствами в связи с коминтерновскими делами неизбежны, в этом я уверен», – говорил Бенеш.

Если бы Чехословакия уже признала СССР, а «затем начались бы неприятности из-за Коминтерна», то национальные демократы и клерикалы обвинили бы Бенеша в том, что в случившемся виновен он, поскольку не прислушался к их предостережениям. «А я не хочу вести к торжеству Крамаржа, я не хочу ослаблять позицию моей партии, социал-демократов, наконец, даже коммунистов, которые все поддерживали бы признание [...]»²⁶, – говорил министр. «Пусть со стороны национал-демократов и клерикалов это было бы в значительной степени демагогией, но беда в том, что в настоящих условиях с этой демагогией трудно бороться, трудно убедить широкие чешские круги в том, что сов[етское] пра[вительство] не связано с Коминтерном и не ответственно за агрессивные действия последнего, – продолжал Бенеш. – Трудно убедить, что советские представительства пользуются своим правом экстерриториальности не только для государственной, но и для коминтерновской почты и что они не являются связующими звеньями между Коминтерном и его местными секциями»²⁷. Министр уверял, что у него на руках достаточно тому доказательств, но он не хотел бы их использовать. Бенеш вновь подчеркнул, что «корень затруднений» для признания СССР de jure лежит в отношениях между Коминтерном и советским правительством²⁸.

Эмигрантский вопрос, который Москва со своей стороны считала главным препятствием для развития советско-чехословацких отношений, Бенеш назвал «ерундой, о которой не трудно договориться». Министр доверительно сообщил Якобсону, что в настоящее время он «занят лично выработкой формул ликвидации вопроса о помощи эмиграции [в] ЧСР и формул установления нормальных отношений ЧСР и СССР». И как только эти формулировки будут готовы, а это произойдет «в самом ближайшем будущем», он немедленно приступит «к конкретным переговорам» с советским полпредом в Праге В. А. Антоновым-Овсеенко. Бенеш рассчитывал найти такое решение эмигрантского вопроса, которое снимет все затруднения на пути установления

26 Там же. Л. 4.

27 Там же.

28 Там же.

чехословацко-советских дипломатических отношений и не будет создавать их в будущем. Министр заверил, что, вступая в переговоры о нормализации отношений, он не намерен выдвигать какие-либо условия; он лишь ищет методы «наиболее гладкого и безболезненного и наиболее реального осуществления этих отношений». Бенеш считал, что его прогноз в январском номере «Prager Presse» о признании Чехословакией СССР *de jure* в 1924 г. осуществится²⁹.

Министр отметил, что ему нужно поскорее установить дипломатические отношения с СССР, «чтобы развязать себе руки для предстоящих переговоров с Польшей». «В противном случае эти переговоры вызвали бы всяческие кривотолки в СССР и могли бы послужить источником новых осложнений. Мы должны установить нормальные отношения с СССР прежде, нежели договариваться с Польшей», – подчеркнул он. По поводу предстоявших переговоров с Варшавой Бенеш «совершенно категорически» заявил, что пока Т. Г. Масарик и он «у власти, ни один шаг не может быть сделан Чехословакией, который бы был сколько-нибудь направлен против России, вне зависимости от режима в последней». Несмотря на ряд общих интересов у ЧСР с Польшей, Прага ни в какой степени не гарантировала и не намеревалась гарантировать ее восточные границы и поддерживать ее восточную политику. Равно как, имея общие интересы и союзнические отношения с Румынией, Чехословакия не связывала себя никакими обязательствами в решении бессарабского вопроса³⁰.

На вопрос Якобсона, имел ли Бенеш в виду Советскую Россию, когда в своих выступлениях говорил, что для «Чехословакии Россия должна занять на востоке то место, которое на западе [занимает] Франция», министр ответил утвердительно. И добавил, что как только между ЧСР и СССР установятся дипломатические отношения и «как только Советской России удастся договориться с Францией, так сейчас же станет актуальным вопрос о нашем дальнейшем сближении с Россией». При этом он подчеркнул, что не является врагом Советской России, ценит завоевания революции и не хотел бы их утраты³¹.

Заключительную часть беседы Бенеш посвятил общественным и культурным связям. Он отметил, что «всецело» сочувствует «Обществу экономического и культурного сближения с новой Россией»,

29 Там же. См.: *Beneš E.* Das neue Jahr // Prager Presse. Den 1. Januar 1924. № 1. S. 1.

30 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 16. Л. 5.

31 Там же.

которое заявило о своем учреждении и обратилось с призывом ко всем желающим в него вступить 7 ноября 1924 г., т. е. в тот день, когда Бенеш давал интервью Якобсону. Министр, очевидно, с первых же дней попытался повлиять на формирование состава общества, чтобы, по возможности, в будущем контролировать его работу. Бенеш сказал Якобсону, что рекомендовал целому ряду близких ему людей обязательно вступить в него и причем поскорее, чтобы «общество не успело приобрести репутацию объединения крайне левых элементов, не стало мишенью правой демагогии, которая отпугнула бы от общества нейтральные круги». Он выразил уверенность, что «общество будет важным орудием улучшенной взаимной информации и взаимного сближения»³². Бенеш высказал пожелание, чтобы «параллельное общество» было создано в Москве. Министр говорил, что после «установления нормальных отношений» между ЧСР и СССР вопросы культурного сближения приобретут для них «актуальное значение и большую важность», что у него уже готов план основания Русского института, к осуществлению которого следовало приступить сразу же после признания Советского Союза Чехословакией. Русский институт Бенеш предполагал создать по образцу уже существовавшего в Праге Французского института и выразил пожелание, чтобы он обслуживался «силами исключительно из Сов[етской] России». По его мнению, там должны были читаться курсы по русскому языку, литературе, современной России и т. д. Бенеш сообщил Якобсону, что при министерстве иностранных дел ЧСР создается Славянский институт, который «задуман очень широко». Он будет заниматься научным изучением всех славянских народов в их прошлом и настоящем, и СССР в этих исследованиях займет «большое место»³³.

Вопросы о сближении ЧСР и СССР на почве обмена информацией, создания Славянского института, развития культурных связей поднимались чехословацкой стороной не впервые. Годом раньше, 10 ноября 1923 г., тогдашний советский полпред в ЧСР К. К. Юренев сообщал об этих предложениях ЧСР народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину и подчеркивал, что они нужны прежде всего для борьбы с «германофильскими настроениями русского народа», в которых в Праге были убеждены и поэтому предпринимали меры с целью развить в СССР «чехофильскую пропаганду»³⁴.

32 Там же.

33 Там же. Л. 6.

34 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53956. Л. 36.

Таким образом, Бенеш воспользовался встречей с Якобсоном, чтобы в неофициальной обстановке донести до советской стороны свои суждения о состоянии и перспективах чехословацко-советских отношений. Министр стремился убедить Якобсона, что главным препятствием для признания СССР *de jure* является не его личное отношение к Октябрьской революции и к советской власти, не проблема эмигрантов, а двойственность международной политики Москвы, проводимой советским правительством и Коминтерном, вмешательство последнего во внутренние дела других стран. Исходя из опыта государств, уже признавших СССР, в частности, Германии и Великобритании, у которых тем не менее из-за «коминтерновских дел» развитие отношений с Москвой сопровождалось скандалами и конфликтами, Бенеш предпочитал повременить с признанием. Представляется не случайным частое употребление чехословацким министром во время интервью слов «нормальные» – «ненормальные» (14 раз), подчеркивавших, что при ненормальных обстоятельствах нормальных отношений быть не может. Он считал, что даже в случае признания чехословацким правительством СССР *de jure* деятельность Коминтерна неизбежно вызовет обострение чехословацко-советских отношений, что приведет к торжеству политических партий, противящихся признанию, и подрыву позиций политических сил, на которые опиралась правящая элита ЧСР и лично Бенеш. Министр предлагал в условиях того времени ограничиться развитием общественных и культурных связей между ЧСР и СССР, обменом информацией и т. п. «Откровенность» Бенеша, очевидно, имела целью продемонстрировать добрые намерения в отношении Москвы, чтобы сбить волну критики в свой адрес в советской и чехословацкой коммунистической печати, которая усилилась в условиях признания СССР другими государствами. А чтобы не давать повода для нападок со стороны противников признания в ЧСР, он отказался от публикации интервью.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Archiv Ministerstva zahraničních věcí (AMZV).

Борис Савинков на Лубянке: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.

Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда с примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина). М.: Издание Литиздата НКВД, 1924. 254 с.

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А. Ю. Павлов. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. Т. 1. 705 с.

Дело Савинкова. Брошюра составлена по материалам, опубликованным московскими газетами в день суда. М.: Рабочая Москва, 1924. 128 с.

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.

Сергеев Е. Ю. «Письмо Зиновьева» британским коммунистам 1924 года: современный взгляд // [Не]законченные революции и реформы: политическая практика и историческая реальность (Опыт США и Европы) / отв. ред. Ар. А. Улуян, Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 63–92.

Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1

Beneš E. Das neue Jahr // Prager Presse. Den 1. Januar 1924. № 1. S. 1.

Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Čin a Orbis, 1930. D. 1. 537 S.

Dejmek J. Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled. 2001. Č. 2. S. 165–188.

Dejmek J. Edvard Beneš – obtížná cesta k politické biografii (pokus o historiografický přehled) // Český časopis historický. 2003. Č. 3. S. 624–662.

Komunistická internacionála anglické straně komunistické. 15 září 1924 // Zahraniční politika. 1924. Č. 21. S. 1441.

References

Beneš, E. “Das neue Jahr.” *Prager Presse*. Den 1. Januar 1924, No 1, p. 1.

Beneš, E. *Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa*. Praha: Čin a Orbis, 1930, No 1, 537 p.

Boris Savinkov na Lubianke: Dokumenty. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2001, 576 p.

Boris Savinkov pered Voennoi kollegiei Verkhovnogo suda SSSR. Polnyi otchet po stenogramme suda s primechaniiami pod obshchei redaktsiei I. Shubina (Samarina). Moscow: Izdanie Litizdata NKID, 1924, 254 p.

Dejmek, J. “Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami.” *Slovanský přehled*, 2001, part 2, pp. 165–188.

Dejmek, J. “Edvard Beneš – obtížná cesta k politické biografii (pokus o historiografický přehled).” *Český časopis historický*, 2003, part 3, pp. 624–662.

Delo Savinkova. Broshiuira sostavlena po materialam, opublikovannym moskovskimi gazetami v den' suda. Moscow: Rabochaia Moskva, 1924, 128 p.

“Komunistická internacionála anglické straně komunistické. 15 zří 1924”. *Zahraniční politika*, 1924, part 21, p. 1441.

Sergeev, E. Iu. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniia, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniuu.* St. Petersburg: Nauka, 2019, 831 p.

Sergeev, E. Iu. “«Pis'mo Zinov'eva» britanskim kommunistam 1924 goda: sovremennyy vzgliad.” [*Ne]zakonchennye revoliutsii i reformy: politicheskaia praktika i istoricheskaia real'nost' (Opyt SShA i Evropy)*], ed. by Ar. A. Ulunian, E. Iu. Sergeev. Moscow: IVI RAN, 2022, pp. 63–92.

Stankov, N. N. “Pervyi sovetsko-chekhoslovatskii dogovor: ot proekta do podpisanii (2 apreliia 1921 – 5 iunია 1922 goda).” *Slavianovedenie*, 2022, No 3, p. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1

Vrag, protivnik, soiuznik? Rossiia vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg., ed. by A. Iu. Pavlov. St. Petersburg: Izd-vo RKHGA, 2021, vol. 1, 705 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.02

N. N. Stankov

**Edvard Beneš and “The Stripe of Recognition of the USSR”.
Conversation of ROSTA Correspondent R. O. Jakobson with
the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia on November 7, 1924**

Nikolay N. Stankov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: stankovnn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Stankov N. N. Edvard Beneš and “The Stripe of Recognition of the USSR”. Conversation of ROSTA Correspondent R. O. Jakobson with the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia on November 7, 1924 // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 22–35 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.02

Received: 01.07.2024.

Revised: 25.07.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

In the article, based on archival materials, the author examines the attitude of the Minister of Foreign Affairs of the Czechoslovak Republic Edvard Beneš towards the issue of recognition of the USSR in 1924. During this year, the Soviet Union was recognized de jure by eleven states, including Great Britain, France, Italy and China. This international process was called “the stripe of recognition of the USSR”. Czechoslovakia refrained from de jure recognition of the USSR, despite the fact that E. Beneš had repeatedly stated that Prague would immediately follow recognition by the great European powers. The article focuses on the analysis of Beneš’ conversation with the head of the press bureau of the Soviet plenipotentiary and correspondent of the Russian Telegraph Agency in Prague R. O. Jakobson, which took place on November 7, 1924. During the conversation, the Czechoslovak minister explained to Jakobson why Prague was not ready to recognize the USSR de jure. Taking into account the experience of European states that recognized the USSR by that time, Beneš believed that if Czechoslovakia followed their example, the activities of the Comintern would inevitably cause a deterioration in Czechoslovak-Soviet relations. This, in turn, would lead to undermining the positions of the political forces on which he and the country’s ruling elite were based. Under the conditions of the time, Beneš proposed limiting the connection between the countries to the development of cultural ties between Czechoslovakia and the Soviet Union.

Keywords

E. Beneš, R. O. Jakobson, Czechoslovak-Soviet relations, the problem of recognition of the USSR, Comintern.

УДК 94(47).081.4

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.03

А. Ю. Тимофеев, З. Байин

**Историография Второй мировой войны
и восприятие советской / российской исторической науки
в Югославии во второй половине XX в.**

Тимофеев Алексей Юрьевич
Доктор исторических наук, научный советник
Институт новейшей истории Сербии
Трг Н. Пашића, 11, Београд, Република Србија
E-mail: al.timofev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4568-8104

Байин Зоран
PhD, научный сотрудник
Институт новейшей истории Сербии
Трг Н. Пашића, 11, Београд, Република Србија
E-mail: zorbajin@yahoo.com
ORCID: 0009-0000-5959-4155

Цитирование

Тимофеев А. Ю., Байин З. Историография Второй мировой войны и восприятие советской / российской исторической науки в Югославии во второй половине XX в. // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 36–77. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.03

Статья поступила в редакцию 28.02.2024.

Рецензирование завершено 10.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Сравнивая документы Комиссии по международным отношениям и связям ЦК СКЮ, Союза историков Югославии и редакции «Югославского исторического журнала» с публикациями в белградской научной периодике, авторы анализируют динамику развития взаимоотношений советских/российских и югославских историков в 1946–2000 гг. Особое внимание уделено работе Комиссии историков СССР и СФРЮ в 1974–1991 гг., пытавшейся взять на себя роль субститута прямых контактов между историками двух стран. В 1973 г. была начата подготовка к созданию межгосударственной комиссии историков СССР и СФРЮ, подобной другим комиссиям, действовавшим

между социалистическими странами и СССР. Было проведено шесть пленарных заседаний двусторонней комиссии (в 1974, 1975, 1981, 1984, 1987 и 1991 гг.). Лишь одна научная конференция была проведена непосредственно под эгидой Комиссии – в 1981 г. в Волгограде, причем сборник трудов этой конференции удалось опубликовать лишь в 1991 г. из-за остроты дискуссии по поводу истории Второй мировой войны. Информация о работе Комиссии историков носила нерегулярный характер. Историография Второй мировой войны была исключительно важной темой в восприятии отечественной историографии в Югославии во второй половине XX в.

Ключевые слова

Русско-сербские научные связи, Вторая мировая война в Югославии, дипломатические отношения СССР – Югославия, история югославистики в СССР, Комиссия историков СССР и СФРЮ.

Достаточно сложно зафиксировать непосредственную связь историографий и факт осведомленности историков конкретной страны о работе своих зарубежных коллег. Это взаимное влияние можно проследить лишь с помощью косвенных способов. Например, можно анализировать количество цитат из зарубежных работ в ведущих монографиях, в их библиографиях и сносках. Такой количественный метод, вероятно, даст наиболее подробную картину, хотя и потребует многолетних исследовательских усилий. Однако даже в этом случае мы не получили бы исчерпывающей картины, поскольку часть трудов, с которыми ознакомился историк, так никогда и не войдет в список литературы, а отразится лишь в научном языке, методологии и формулировке целей исследования. Другой подход можно было бы свести к анализу выбора тем, обзору способов использования источников, сравнительному изучению упомянутой методологии исследования и влияния доминирующей идеологии. При этом пришлось бы рассмотреть почти полное наследие югославской историографии, и масштаб исследования был бы даже больше, чем в первом случае. Заранее оценить выводы такого исследования сложно, но получившаяся выборка в любом случае была бы подвержена субъективности исследователя.

Для данной работы был избран другой подход. Мы постарались рассмотреть рецензии и обзорные статьи, посвященные трудам советских / российских историков, занимавшихся историей

XIX–XX вв. Нами были проанализированы все публикации исторической периодики, выходившие в столице Югославии, начиная с послевоенного периода и заканчивая концом XX в., то есть двухтысячным годом. Мы рассмотрели «Югославский исторический журнал» (Југословенски историјски часопис) – орган Союза историков Югославии, выходивший с перерывами в 1962–1981, 1986–1989, 1996–2000 гг., а также «Исторический вестник» (Историјски гласник) – журнал Общества историков Сербии, выходивший в 1948–1967, 1969–2000 гг. Также были изучены институтские издания: «Исторический журнал» (Историјски часопис) – журнал Исторического института САНУ за 1948–2000 гг., «Военно-исторический вестник» (Војноисторијски гласник) – журнал Военно-исторического института за 1950–2000 гг.; журнал «Пути революции / Пути / Пути истории» (Токови револуције / Токови / Токови историје) – издания Института истории рабочего движения Сербии / Института новейшей истории Сербии за период 1988–2000 гг.; журнал Института современной истории «История XX века» (Историја 20. века) за 1983–2000 гг. Отметим, что два последних институтских журнала за несколько лет до того, как превратились в периодические издания, выходили в форме ежегодников. Однако в то время они не публиковали историографических обзоров или рецензий, и поэтому остались вне рамок нашего исследования. Кроме того, нами были изучены архивные фонды Комиссии по международным отношениям и связям ЦК СКЮ и Союза историков Югославии в Архиве Югославии (АЈ).

В перечисленных шести белградских исторических журналах на протяжении более чем полувека, с 1948 по 2000 год, было напечатано 137 статей, посвященных советской/российской историографии XIX–XX вв. Их авторами были ведущие сербские и югославские историки, но в разные десятилетия количество этих работ менялось. Например, в сороковые годы только в 1948 г. в двух журналах появилось шесть таких статей. Во время конфликта Югославии с Информбюро в 1948–1955 гг. и последующей постепенной нормализации отношений наступила напряженная пауза – за единственным исключением, выбивающимся из хронологических рамок нашего анализа¹. Во второй половине пятидесятых годов (1956–1960 гг.) в этих двух журналах вновь появилось восемь статей о трудах

¹ *Острогорски Г.* Успенский Г. И., История византийской империи, Том III. Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1948 // Историјски часопис. 1949–1950. № 2. С. 206–209.

советских историков. Очевидно, что именно политическая ситуация стала причиной публикации статей в это десятилетие (в отличие от более поздней эпохи), поскольку работы печатались двумя волнами – в 1956 и в 1959/1960 гг. с перерывом, последовавшим вслед за событиями в Будапеште и охлаждением отношений между двумя странами. В последующее десятилетие (1961–1970 гг.) количество рецензий советских исторических трудов и обзоров советской историографии в трех белградских исторических журналах увеличилось более чем в пять раз – была опубликована 41 статья, при этом равномерно распределенная и без каких-либо «политических перерывов». В семидесятые годы (1971–1980 гг.) количество статей осталось почти прежним, а в четырех журналах количество опубликованных статей увеличилось до 42 статей и отчетов. Со временем это число стало уменьшаться, и за последнее десятилетие существования однопартийных многонациональных государств (1981–1990 гг.) в пяти журналах появилось всего 23 статьи, посвященных советской историографии или сотрудничеству с советскими историками. В последнем десятилетии XX в. (1991–2000 гг.) в пяти выходивших в Белграде исторических журналах, несмотря на все трудности девяностых годов и на нерегулярность публикации научной периодики в это время, количество исследований осталось практически неизменным – появилось 17 статей.

Тематику работ этих десятилетий можно классифицировать по-разному. Если отталкиваться от хронологии тем отечественных исследований, то сразу становится очевидным относительно малое количество статей, посвященных проблемам XIX века (28 статей), и доминирование исследований о XX веке (76 статей). Остальные труды (33 статьи), привлекавшие внимание белградских авторов, касались тем, имеющих более широкие хронологические границы, но включающих в себя в том числе и XX век. Подобное акцентирование внимания на XX веке было характерно не только для рецензируемых трудов, но и вообще для внимания белградских ученых, что, вероятно, объясняется и тем, что в СССР также доминировали историки, занимавшиеся именно XX веком. Естественно, большая часть статей о трудах, посвященных XX веку, приходилась на «идеологически» значимые темы: из 72 статей 25 касались вопросов, связанных со Второй мировой войной, в ходе которой родилась новая Югославия, а еще 23 статьи были посвящены периоду революции и гражданской войны в Восточной Европе – времени рождения идеологической матрицы большевизма.

Тематика советской/российской литературы, попавшая в поле обзора югославских историков на страницах белградской научной прессы, была крайне обширна. Советская историография, касающаяся прошлого югославских народов – в более узком или более широком смысле, – разумеется, привлекала внимание югославских коллег (43 работы), однако не была доминирующей. «Неюгославским» темам в трудах советских историков в широком хронологическом диапазоне была посвящена 71 публикация в белградских научных изданиях изучаемого периода.

Другие рецензируемые работы были посвящены значимым для советской истории темам и более широким обзорам советской историографии. Последнее было достаточно редким явлением, так как требовало знакомства с обширной литературой и очень хорошего знания русского языка. К таким уникальным работам относятся, прежде всего, два обзора журнала «Вопросы истории» за 1945–1948 гг. – бывшего ведущего журнала советской историографии, издававшегося Академией наук СССР². В тот период этот журнал был главным идеологическим вестником советской науки и часто сотрясался многочисленными скандалами, связанными с трактовкой идеологически значимых событий прошлого³. В 1948 г. югославские историки видели в этом флагмане советской историографии «образец марксизма-ленинизма»⁴. Следующие широкие обзоры советской исторической литературы (или хотя бы сразу нескольких изданий) появились в белградской научной печати нескоро⁵. В эту группу попали четыре работы, которые можно условно отнести к рассматриваемой теме. В трех из них представлены тематические обзоры советской историографии Югославии, но написаны они были авторами не из Белграда, а из Москвы. Однако, поскольку работы были опубликованы на сербском языке в белградских журналах, они были доступны

2 М. П. Р. Вопросы истории (1945, 1946) // Историјски гласник. 1948. № 1. С. 77–80; *Острогорски Г.* Вопросы Истории (Академия Наук, Институт истории), Москва, издательство Правда. 1945, 1–6; 1946, 1–22; 1947, 1–12; 1948, 1–12 // Историјски часопис. 1948. № 1. С. 353–354.

3 *Савельев А. В.* Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 гг. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 148–162.

4 *Вучо Н.* Преглед литературе марксизма-ленинизма // Историјски часопис. 1948. № 1. С. 314–324.

5 *Dinić-Knežević D.* Вопросы истории Славян 3, 4, Воронеж 1970, 1972 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1972. № 3–4. S. 212–216.

югославской научной общественности и поэтому могут быть отнесены к рассматриваемой нами теме⁶. Последняя статья из этой группы посвящена теме видения России в сербских исследованиях и в каком-то смысле представляла собой своего рода «зеркало» исследуемой нами темы⁷. В целом можно сказать, что и в период идеологических ограничений, и в период идеологических послаблений белградские историки крайне редко обращались к темам обобщения и синтеза исторического знания как наиболее тяжелой, трудоемкой и уязвимой для критики сферы.

Статьи об отдельных событиях и явлениях в советской/российской историографии, опубликованные в белградских журналах, были немногочисленны (13), но разнородны и дают более широкую картину явления. Это статьи, посвященные различным событиям, которые показали исследователям значимыми в рамках истории взаимоотношений советских и югославских историков.

Довоенный редактор «Югославского исторического журнала», известный академик САНУ Виктор Новак (1889–1977) написал обширную статью, где дается ретроспектива взаимоотношений советско-югославских историков до и после Второй мировой войны. Он упомянул о первой встрече ученых, в которой он принимал участие, в августе 1933 г. на VII Международном конгрессе историков в Варшаве – там присутствовали русские историки как из СССР, так и из рядов русской эмиграции (в составе других делегаций)⁸. Конечно, Новак даже не упомянул русских историков-эмигрантов (один из них, профессор М. И. Ростовцев, выступил с настоящей сенсацией – докладом об открытии «крепости Европы» – Дура-Европос на Евфрате, что привлекло внимание всех участников конгресса)⁹. Участие советской

6 *Виноградов С. А.* Библиографија радова о историји Југославије објављених у СССР од 1945. до 1962. године // *Историјски часопис*. 1963–1965. № 14–15. С. 623–641; *Naročnicki A. L., Pisarev J. A.* Dosadašnji rezultati i perspektive izučavanja istorije Jugoslavije u SSSR // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1975. № 1–2. С. 131–152; *Romanov V. E., Slavín G. M.* Sovjetska istoriografija oslobođilačkog rata i socijalističke revolucije u Jugoslaviji (1941–1945) // *Vojnoistorijski glasnik*. 1981. № 3. С. 275–289.

7 *Perović L.* Ka boljem poznavanju ruske istorije: Rusija u izdanjima Službenog lista SRJ // *Tokovi istorije*. 1998. № 1–4. С. 316–320.

8 *Новак В.* Истакнути совјетски историчари и археолози у посети Југославији // *Историјски часопис*. 1948. № 1. С. 391–394.

9 *Rostovtzeff M.* *Dura-Europos and its art*. Oxford, 1938.

делегации¹⁰ было упомянуто Новаком только в контексте его личного знакомства с академиком АН СССР Н. С. Державиным. По воспоминаниям Новака, обмен изданиями, которого пытались добиться югославские и советские историки в предвоенный период, был крайне затруднен цензурой.

Согласно В. Новаку, академик Н. С. Державин прибыл в Белград в мае 1946 г. и прочитал в Коларчевском национальном университете две лекции: «Об Академии наук СССР в прошлом и настоящем» (13 мая) и «Деятельность советских научных работников в период Отечественной войны» (14 мая). В начале февраля 1946 г. Югославию посетила целая группа советских историков-археологов, которую Новак назвал «группой археологов и этнологов». Эта квалификация слишком узка, так как в группу входили как археологи, так и историки: П. Н. Третьяков (1909–1976), В. Я. Равдоникас (1894–1976), А. В. Арциховский (1902–1978) и Б. А. Рыбаков (1908–2001). В основном в их выступлениях речь шла о происхождении славянских народов и раннесредневековой культуре восточных славян. Во время Всеславянского конгресса с 8 по 11 декабря 1946 г. Белград помимо Н. С. Державина посетил и Б. Д. Греков (1882–1953). Виктор Новак назвал Грекова «директором Исторического института АН СССР», а также упомянул о наличии в составе советской делегации и некоего отдельного представителя «Института по изучению славянства при Академии наук СССР». На самом деле Б. Д. Греков и был директором недавно созданного Института славяноведения АН СССР (1947–1951), а также одним из трех основных докладчиков советской делегации. Он выступил на съезде с речью о культуре славян на протяжении всей мировой истории¹¹. В. Новак упомянул и выступление Б. Д. Грекова в «Русском доме» (а не в «Доме советской культуры»), как его тогда официально называли), посвященное «антинорманизму». Изложенные В. Новаком данные крайне показательны и свидетельствуют о том, что вторая половина 1940-х гг. была лишь начальным этапом знакомства советской и югославской историографий. Во время первых контактов в 1946 г. научные интересы коллег и точные названия учреждений порою путались и плохо

¹⁰ Панкратова А. Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 130–136.

¹¹ Зайцев А. В. Югославия на страницах журнала «Славяне» (1942–1958) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 100–126; Кикишев Н. И. Славянская идеология. М., 2014.

запоминались¹². Во взаимоотношениях с белградскими историками в Москве с 1947 г. важную роль играл обновленный Институт славяноведения РАН, основанный в конце 1946 г. значительными усилиями Б. Д. Грекова и профессора В. И. Пичеты (1878–1947), сына Йована Пичеты, серба из Мостара. Интересно, что в своей статье В. Новак не упомянул В. И. Пичету¹³. Возможно, он и не ведал, какую важную роль сыграл В. И. Пичета в восстановлении славистики в СССР: сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян на историческом факультете Московского государственного университета (1939), а после войны Института славяноведения АН СССР (1946/1947)¹⁴.

Следующую значительную обзорную статью в белградской научной прессе о советско-югославских научных контактах написал Йован Марьянович (1922–1981)¹⁵. Речь шла о значимом событии – публикации первой (и, как оказалось позже, последней) полной «Истории Югославии»¹⁶. Труд представлял собой двухтомную монографию, рукопись которой насчитывала около 1600 страниц. В конце 1960 г. заместитель директора института И. А. Хренов (1906–1975) находился в Югославии. Этот историк, специалист в области новейшей истории Польши и будущий директор Института славяноведения, подписал

12 Архив Југославије (АЈ). Ф. 524. Друштво за културну сарадњу Југославија–СССР. Ф. 3. Јо. 1945. Извештај акционог одбора Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР-ом поднет Првом конгресу Друштва новембра 1946. године: структура организације, дотадашње активности и польа деловања.

13 *Карасев В. Г., Королюк В. Д., Санчук Г. Э.* Академик В. И. Пичета (1878–1947): (к 100-летию со дня рождения) // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 77–82; *Горяинов А. Н.* В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. С. 286–303; *Горяинов А. Н.* Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года // Славяноведение. 2002. № 1. С. 62–72.

14 *Никифоров К. В.* Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–26; *Бабенко О. В.* Славяноведение в МГУ в 1939–2019 гг. К 80-летию кафедры истории южных и западных славян // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2020. № 3. С. 15–25.

15 *Marjanović J.* Sastanak jugoslovenskih i sovjetskih istoričara // Jugoslovenski istorijski časopis. 1962. № 1. S. 146–148.

16 История Югославии: в двух томах. М., 1963.

договор с Союзом исторических обществ Югославии на рецензирование рукописи «Истории Югославии» с целью «получения вспомогательных дополнений и устранения возможных фактических ошибок и любых других недостатков». На основании этого договора в октябре 1961 г. были высланы два экземпляра рукописи на русском языке, которые были переданы компетентным специалистам. Заключительная встреча советских членов редакции с югославскими рецензентами состоялась с 19 по 22 декабря 1961 г. в здании САНУ¹⁷. Идея попросить рецензию на «Историю Югославии» у югославских коллег, родившаяся, вероятно, в светлых умах, обитавших в районе Старой площади, изначально была крупной ошибкой. В Москве этот ход рассматривали как укрепление научного сотрудничества и путь к обмену рецензиями в будущем, а также как способ избежать скандалов и протестов по чувствительным историческим темам с югославской стороны. Однако с точки зрения югославской стороны этот шаг ставил советских историков в положение «подчиненности», в положение учеников перед учителем.

В составе советской делегации, прибывшей для переговоров в Белград в 1961 г., оказались директор Института славяноведения И. И. Удадьцов (1918–1995), главный редактор издания и заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова С. А. Никитин (1901–1979), члены редакции Ю. В. Бромлей (1921–1990), Л. Б. Валев (1915–1981), Ю. А. Писарев (1916–1993), Г. М. Славин (1917–1994) и М. М. Сумарокова (р. 1939). Й. Марьянович упомянул двадцатидвухлетнюю аспирантку Майю Сумарокову, включенную в состав знаменитой делегации, поскольку она была дочерью тогдашнего члена Президиума Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслова, естественно, не уточняя подобных деталей. По словам Й. Марьяновича, в Белграде к делегации присоединился и В. Г. Карасев (1922–1991), доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, прибывший в Белград по межвузовскому обмену в качестве стипендиата. Это был один из первых обменов, вслед за приездом в СССР на кафедру истории южных и западных славян Б. Павичевича¹⁸. С югославской

17 АЈ. Ф. 507. СКЈ. Комисија за међународне односе и везе. IX. 119/V-164. К 35. О рукопису Историја Југославије т. 1 и т. 2, издање Академије наука СССР-а, 12. априла 1963.

18 Там же. IX. 119/V-142. К 35. Извештај Б. Павићевића В. Влаховићу, председнику Комисије за међународне везе ЦК СКЈ и ССРЈ, 1958.

стороны участвовали историки из всех республик: Й. Тадиц (1899–1969), Ф. Цвиттер (1905–1988), В. Богданов (1902–1967), В. Чубрилович (1897–1990), Б. Графенауэр (1916–1995), И. Божич (1915–1977), Б. Джурджев (1908–1993), Н. Клайич (1920–1988), Д. Янкович (1911–1990), А. Христов (1914–2000), Л. Лапе (1910–1985), Д. Перович, Т. Никичевич, Б. Храбак (1927–2010), Б. Павичевич (1922–2012), Х. Андоновски (1917–2006), Д. Зографски (1920–1997), Д. Митрев (1919–1976), С. Гаврилович (1924–2008), С. Чиркович (1929–2009), М. Джорджевич, П. Морача (1920–1993), С. Миушкович (1912–1989), Ж. Аврамовски (1926–2020) и Й. Марьянович (1922–1981). Наряду с дипломатическими реверансами по поводу взаимного признания научных достижений, автор доклада упомянул и о дискуссиях, возникших между двумя сторонами. Основанием для дискуссий стало знакомство одной из сторон с замечаниями к рукописи, а другой – с предварительно доставленным двухтомным изданием. Предметом дискуссии оказалось практически все: название книги, периодизация, толкования характера отдельных национальных движений, национальный вопрос, история Второй мировой войны. В частности, югославской стороной на основании неравномерности «исторического развития некоторых югославских народов», из-за которой роль «социально-экономических факторов» несопоставима, делался в кавычках вывод, что раз это неравенство существовало, то не стоит придавать его анализу одинаковое (для разделов о разных народах) значение «по политическим причинам». Опираясь на историографию того времени, можно понять, что речь шла о попытках найти зародыши капиталистического хозяйства в Македонии и Черногории (в кругах российских славистов до сих пор сохранилось устное предание о дискуссии по поводу количества овец в стаде черногорского крестьянина, которое тот должен был бы иметь, чтобы историк мог назвать его капиталистом).

Присутствие македонских историков в югославской команде и одного этнического болгарина в советской не могло быть совпадением. Й. Марьянович очень подробно описал эту часть дискуссии, отметив, что советская сторона «не представила историю Македонии в необходимой и соответствующей пропорции с историей других югославских народов». Этот вопрос оставался весьма актуальным вплоть до восьмидесятых годов, пока написание сводных историй зарубежных стран находилось под строгим контролем международного отдела аппарата ЦК КПСС. В тот период советские историки пытались лавировать между попытками стереть прошлое македонского народа в Софии и претензиями на историческую вертикаль вплоть

до античной эпохи в Скопье. В результате этих дискуссий в советской науке все чаще происходило осознание существования особой идентичности македонского народа (несмотря на давление со стороны болгарских коллег). Если в учебнике «История южных и западных славян», изданном в 1957 г., недавнее прошлое Македонии даже не упоминалось¹⁹, то «История Югославии» посвятила этому вопросу уже несколько страниц. В последующих учебниках по истории южных и западных славян²⁰ эта тема развивалась все больше и больше, поэтому верстка советского учебника истории славян, подготовленная к печати в начале 1980-х гг., была уничтожена после прямого вмешательства международного аппарата ЦК КПСС и протестов болгарской стороны. Согласия советской стороны на эволюцию в толковании македонского вопроса нельзя было не заметить в весьма хвалебном выступлении В. Винавера после выхода очередного издания учебника в 1969 г. – что было сочтено за большой шаг вперед после «схематичного» учебника 1957 г.²¹ В результате, попав в «Историю Югославии» 1963 г., средневековая Македония еще долго представлялась падчерицей в университетском учебнике. На страницах отечественных учебников истории зарубежных славян история Македонии со времен средневековья появилась лишь в 1990-е гг., когда «дипломатическая» осторожность уже не могла мешать работе ученых, освобожденных в то время как от государственной опеки, так и от высоких зарплат²². В Институте славяноведения дискуссии с югославской стороной произвели должное впечатление. Книга была сдана в набор 21 сентября 1962 г. и подписана в печать 31 июля 1963 г., однако югославская сторона пыталась вплоть до 22 мая 1963 г. что-то корректировать и выступать с предложениями²³. Было, очевидно, ошибкой (которая долгое время аукалась в самых причудливых формах) дать возможность югославским коллегам даже подумать, что они могут

19 История южных и западных славян / ред. С. А. Никитин. М., 1957.

20 История южных и западных славян / ред. И. М. Белявская. М., 1969; История южных и западных славян: курс лекций / ред. И. В. Созин. М., 1979.

21 *Vinaver V.* История южных и западных славян, Московский университет, Москва 1969, стр. 536 // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1970. № 1–2. S. 207–209.

22 История южных и западных славян / ред. Г. Ф. Матвеев. М., 1999. Т. 1–2.

23 А.Ю. Ф. 507. СК. Комисија за меѓународне односе и везе. СССР. IX. 119/V-164. К. 35. Допис ЦК СК. Амбасади у Москви, 22. маја 1963.

что-то редактировать в официальном издании Академии наук СССР, подготовленном ее ведущими учеными. Коллективная история югославских народов от средневековья до современности (в отличие от историй других славянских стран) больше ни разу не появлялась в изданиях Института славяноведения вплоть до наших дней. Судьба первой, в которой попытались учесть мнение югославских коллег и которая вызвала их столь желчную критику несмотря на все принятые исправления, была тому порукой. Первая «История Югославии» не только не вызвала симпатий со стороны югославских историков, но и породила достаточно жесткую критику в белградской научной периодике²⁴.

Но все-таки существовали и некие положительные результаты этой первой широкой дискуссии между советскими и югославскими историками в 1961 г. По мнению Й. Марьяновича, обе стороны заметили и подчеркнули необходимость более полного знакомства между историками обеих стран, а также важность взаимного ознакомления с научными достижениями и историографией обеих стран. Несмотря на признание этого факта, прошло еще 15 лет, прежде чем этот пробел удалось ликвидировать. Причин этому могло быть несколько: в первую очередь, политические – после смещения Хрущева югославская сторона очень настороженно смотрела на Восток, опасаясь появления «нео сталинизма». Советская сторона, «согласившаяся на критику югославских коллег», так и не смогла выразить своего мнения по работам югославских историков. Попытка написать нечто подобное была предпринята в Сараево в издании Высшей педагогической школы, но результат разочаровал даже югославскую научную общественность. Югославским историкам было трудно писать о событиях в России, особенно в XX в., поскольку они не могли положительно отзываться о каком-либо политическом деятеле из элиты СССР, не впадая

24 *Grafenauer B.* История Югославии, в двух томах, Издательство Академии наук СССР, Москва, 1963. Том I. Под редакцией Ю. Бромляя, И. С. Достяна, В. Т. Карасева, С. А. Никитина // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1964. № 2. S. 89–98; *Marjanović J.* История Югославии, в двух томах, Издательство Академии наук СССР, Москва 1963. Том II, под редакцией Л. Б. Валева, Г. М. Славина и Л. И. Удальцова // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1964. № 4. S. 133–139; *Чубрилович В.* История Югославии, I–II, Москва 1963, Академия наук СССР, Институт славяноведения (запажања и критичке примедбе) // *Историјски часопис.* 1963–1965. № 14–15. С. 517–545.

в сталинизм (осуждаемый в югославской парадигме) или троцкизм (осуждаемый в советской парадигме). Поэтому вопросы культурной и политической истории избегались, при этом преувеличивалась роль военной и дипломатической проблематики²⁵. Неудивительно, что после первого поражения югославские историки еще долгое время воздерживались от написания подобных работ. Систематическое информирование заинтересованных специалистов и студентов об истории России/СССР в XX в. осуществлялось посредством перевода трудов диссидентов или ревизионистов, фактически трактовавших события в русле противников СССР в Холодной войне, и этот подход сохранился вплоть до начала XXI в.²⁶

Югославская историография до поры до времени стремилась наблюдать за развитием исторической науки в СССР лишь издалека. Статьи в советской научной печати уже не переводились «для служебного пользования» и стали доступны широкой публике, а не только избранным, как это было в предыдущем периоде²⁷. Советская сторона активно обращалась к югославской с просьбой о рецензиях научных статей, подбрасывая им пробные камешки, вроде статей политэмигранта И. Очака²⁸. История активно использовалась советской стороной для инфильтрации югославских политэмигрантов в информационное поле югославской науки, что воспринималось Белградом категорически негативно. «Югославский исторический журнал» даже в более «травоядных» 70-х отказывался поместить хотя бы критическую статью о книге сотрудника Московского

25 *Lovrenčić R. A. Bumbić – F. Slipčević, Istorija Rusije i SSSR-a, Viša pedagoška škola, Sarajevo 1963 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1964. № 4. S. 118–121.*

26 *Nekrič A. M. 22. junij 1941. Ljubljana, 1969; Istorija revolucija XX veka. Beograd, 1970; Boffa G. Povijest Sovjetskog Saveza. 1, Od revolucije do Drugoga svjetskog rata: Lenjin i Staljin 1917–1941. Opatija, 1985; Гелер М., Некрич А. Утопија на власти: историја Совјетског Савеза. Подгорица, 2000.*

27 А.И. Ф. 507. СК. Комисија за међународне односе и везе. СССР. IX. 119/V-60. К. 35. Преглед чланака објављених у часопису «Вопроси историје» и чланак Н. Бондара «Из Академије друштвених наука при ЦК КПСС(б)», 3. март 1948.

28 Там же. IX. 119/V-151. К. 35. Забелешка о разговору са чланом редакције часописа «Вопроси историје КПСС» М. А. Абдурахмановим о чланку И. Очака «Југословенске групе РКП(б) у Совјетској Русији 1918. године», Москва, 18. јануара 1963.

университета М. Джурича²⁹. Причиной было то, что он оставался для Белграда политическим эмигрантом³⁰.

В 1964–1965 гг. налаживается обмен научной периодикой между обществом историков Югославии и Институтом славяноведения АН СССР, т. е. научный обмен между редакциями «Югославского исторического журнала» и журналов «Советское славяноведение» и «История СССР», которые попали в список обмена после того, как югославские коллеги убедились в приемлемости обмена, начав его с «Вопросов истории КПСС» и «Новой и новейшей истории»³¹. Научный обмен и информирование о научных событиях были на первых порах нерегулярными, хаотичными и зависели от случайных обстоятельств. Например, из регулярных всероссийских съездов историков-славистов (Москва, 1962; Киев, 1963; Воронеж, 1966; Минск, 1968; Харьков, 1970; Львов, 1973; Черновцы, 1975; Донецк, 1978; Ужгород, 1982; Харьков, 1985; Минск, 1988; Москва, 1990; продолжение в Москве 2003, 2013, 2023) внимание было уделено только съезду 1968 г. в Минске³². Учеными упоминались и другие, нерегулярные, мероприятия, такие как помпезный XIII Всемирный конгресс историков с 16 по 23 августа 1970 г. в Москве или VII Международный конгресс архивистов в Москве³³ с 21 по 25 августа 1972 г. – на которых также присутствовали югославские делегации³⁴.

29 Коновалов Д. Д. Момчило Милутинович Джурич (1912–1980) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 5. С. 132–135.

30 АЈ. Ф. 684. Савез историчара Југославије. К. 7. Материјали Југословенског историјског часописа: уредник Владо Стругар обавештава Берђа Гала да не могу објавити његов приказ књиге М. Ђурића у издању Московског универзитета «с обзиром на личност аутора», 26. јануара 1972.

31 Там же. К. 7. Материјали Југословенског историјског часописа, размена: Редакција журнала Советское Славяноведение, Редакција журнала История СССР, Библиотека СССР им В. И. Ленина, АН СССР – Фундаментальная библиотека общественных наук им. В. П. Волгина, 1964–1965.

32 Jovanović N., Glišić V. Советское славяноведение, Материалы IV конференции историков славистов (Минск, 31 января – 3 февраля 1968 г.), Минск 1969 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. № 1–2. S. 183–188.

33 Vuksanović-Anić D. Svetski kongres istoričara // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. № 3–4. S. 233–238.

34 Jemuović R. Učešće arhivskih radnika Jugoslavije na VII međunarodnom kongresu arhiva u Moskvi, avgusta 1972. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 1972. № 3–4. S. 225–227.

Вероятно, первым случаем, когда югославский историк принял официальное участие в международных научных мероприятиях в СССР, была поездка П. Дамьяновича (1921–2015), научного сотрудника и будущего директора Института современной истории (1976–1982), в Москву³⁵. Он был в Москве в качестве официального представителя Союзного комитета Югославии по научной работе, как член Подкомитета по исторической работе и как представитель Института современной истории на важном международном событии в столице СССР: на первом координационном совещании историков социалистических стран, в котором принимали участие представители Академий наук и научных учреждений Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Германии, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии. При этом стоит отметить, что совещание «носило информационный характер и никаких практических мероприятий не наметило»³⁶. Для прямых личных контактов между историками, которые могли бы привести к реальным научным результатам, было еще слишком рано. Напомним, что, по открытым для исследователей на сегодняшний момент документам, последние «политические», по административному решению, за «ИБ-пропаганду» (т. е. за неосторожные просоветские высказывания в разговорах) попадали в лагерь на Голом острове еще в 1961³⁷.

Господствовавшие в двух странах авторитарные режимы и партийный контроль над основными вопросами исторической науки сильно затрудняли прямое личное общение историков СФРЮ и СССР вплоть до второй половины 1970-х гг. Именно поэтому лишь тогда смогла осуществиться идея о создании межгосударственной комиссии историков, подобно другим комиссиям,

35 АЈ. Ф. 507. СКЈ. Комисија за међународне односе и везе. СССР. IX. 119/V-160. К. 35. Поверљива информација о боравку у СССР-у од 22. априла до 12. маја 1963. године и учешћу на информативном саветовању историчара социјалистичких земаља, Београд, јун 1963.

36 *Кляцкин С. М.* К 50-летию Великого Октября: Сотрудничество историков социалистических стран по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 192.

37 Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије / приредили Д. Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофејев. Београд, 2016.

действовавшим между социалистическими странами и СССР³⁸. Материалы о первых заседаниях этой комиссии опубликовал Радомир Емуович (1926–1987), который и ранее писал о научных конференциях, проводившихся в Москве.

Предварительные переговоры об организации конференции прошли во время очередного съезда историков Югославии с 6 по 10 октября 1973 г. в Будве. Помимо других делегаций из Австрии, Болгарии, Франции, Венгрии, ФРГ и Польши на съезд прибыла также делегация СССР. В состав комиссии с югославской стороны должны были войти представители всех республиканских и провинциальных обществ историков и Института военной истории. Возглавить комиссию с югославской стороны прибыл проверенный партийный ученый из Черногории, академик Димитрие Димо Вуйович (1922–1995)³⁹. Его сфера научных интересов в основном включала дипломатическую историю Черногории и формирование черногорской нации, в международных отношениях он специализировался на взаимоотношениях Черногории и Франции. Правда, у него была также и одна статья, посвященная российско-югославским отношениям, но это явно не было основной темой его исследований⁴⁰. Словом, это был идеальный кадр для того, чтобы не подпасть под обаяние Москвы, дурно влиявшей на сторонников идеи единства сербских земель и ученых, занимавшихся темами сербско-русских отношений периода Российской империи или, хуже того, Русского царства. Учитывая дальнейшее развитие комиссии, заметен неслучайный выбор в качестве югославских представителей тех ученых, которые не имели прямого отношения к истории советско-югославских отношений (не говоря уже о сербско-русских связях). Эта практика, кроме кадровой надежности, была обусловлена еще и другим обстоятельством, идущим от первой встречи в 1961 г., когда югославская сторона взяла на себя труд регулярно объяснять советской стороне верную интерпретацию событий истории Югославии. Уже тогда возникла

38 *Jemuović R.* Saradnja istoričara SFRJ i SSSR u toku 1973–1975. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 1975. № 3–4. S. 224.

39 *Дашуић М.* Димитрије Димо Вујовић – историчар црногорско-француских односа и Црне Горе и Француске у Првом свјетском рату // Црна Гора у Првом светском рату: зборник радова са округлог стола Историјског института. Подгорица, 1998. Књ. 2. С. 19–36.

40 *Вујовић Д.* Октобарска револуција и црногорска емиграција // Историјски записи. 1959. № 3–4. С. 51–70.

ситуация, в которой с обеих сторон вели переговоры ученые, занимавшиеся историей Сербии/Югославии/Балкан, а вопрос истории России/СССР естественным образом оставался за пределами узкого круга интересов обеих сторон. В таких условиях объективное изучение русско-сербских/советско-югославских отношений было весьма затруднительно.

Летом 1974 г. президент Ассоциации историков СФРЮ и президент югославской части Комиссии историков СССР посетили Москву и согласовали программу работы Первого пленума Комиссии, который планировался в столице СССР. Первое заседание состоялось 16–20 декабря 1974 г. в Москве. Советскую секцию возглавил академик А. Л. Нарочницкий (1907–1989), который, как и его югославский коллега, активно занимался дипломатией, но, тем не менее, весьма интересовался историей Балкан – равно как и большинство других именитых членов комиссии, сотрудников академических институтов Москвы, Ленинграда, а также исторического факультета МГУ. Работа комиссии, как и любая другая крупная научная деятельность, связанная с советско-югославским научным обменом, не ограничивалась областью исключительно научных связей, с советской стороны к проекту был прикреплен также и конфиденциальный «куратор» из научного отдела ЦК КПСС⁴¹. Аналогичный идеологический контроль по линии Комиссии по международным связям ЦК СКЮ осуществлялся и с югославской стороны. В «Югославском историческом журнале» был опубликован пленарный доклад советской части комиссии «Итоги и перспективы изучения истории народа Югославии в Советском Союзе»⁴², а также программный протокол первого пленарного заседания историков Югославии СФРЮ и СССР⁴³.

Комиссия историков изначально сформулировала крайне обширные задачи. Необходимо было охватить «политические, экономические, культурные и этнические связи» между народами СФРЮ

41 Данченко С. И. Сараево – 1975. Воспоминания // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. № 10. С. 417–432; Митрохин Н. А. Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого» общества // Новое литературное обозрение. 2006. № 6. С. 200–220.

42 *Naročnicki A. L., Pisarev J. A. Dosadašnji rezultati...* S. 131–152.

43 *Protokol prvog plenarnog zasedanja istoričara SFRJ i SSSR, održanog u Moskvi 16–20. decembra 1974. g.* // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1975. № 3–4. S. 224–226.

и СССР с древнейших времен до современности. Настойчиво подчеркивались мотивы боевого братства в совместной обороне: отношения России с «национально-освободительными движениями югославских народов», «история совместной борьбы народов Югославии и народов СССР против иностранных захватчиков», а также «боевое содружество» народов Югославии и СССР в годы Великой Отечественной войны. Разумеется, планировались и идеологические проекты: «революционно-демократическое движение России и Сербии во второй половине XIX века» и «рабочее и социалистическое движение конца XIX – начала XX века в югославских землях и России». Планировалась совместная деятельность в области разработки теоретических и методологических проблем исторической науки, причем отдельные темы даже в наше время звучат крайне актуально. Например: «Россия, югославские народы и Европа в международных отношениях на Балканах с XVIII века по 1918 год» или «История социально-экономического и политического развития и эволюции общественного мнения среди народов СФРЮ и СССР». Нижняя хронологическая граница упомянутых тем приходилась на XVIII век (темы, посвященные эпохе Средневековья или античности, не упоминались), а верхняя граница касалась истории югославо-советского сотрудничества в новейшее время.

Согласованные рамки сотрудничества были гораздо шире теоретических и, как показало время, фактических возможностей. Например, было решено издавать Информационный бюллетень Комиссии историков СФРЮ и СССР на сербскохорватском и русском языках. Но издание подобного периодического международного журнала было невозможно в условиях, когда дискуссии по каждому серьезному историческому вопросу должны были решаться с помощью ненаучных, партийных или дипломатических структур, которые начинали протестовать в случае несогласия с позициями оппонентов. Вместе с тем были поставлены и менее фантастические цели. В рамках согласованных задач планировалось подготовить сборник архивных материалов по историческим вопросам, коллективные научные работы синтетического характера и сборник статей – и это было не просто, но более достижимо. Наконец, проще всего было осуществить согласованную взаимную публикацию научных работ, перевод монографий и статей, взаимную презентацию научных работ. Помимо обмена и сотрудничества в составлении сборников источников и коллективных научных монографий, появились также идеи о сотрудничестве в области преподавания истории. В основном речь шла о высших учебных заведениях. Ситуация была

специфической. Преподавание истории южных и западных славян было обязательной частью университетской программы ряда исторических факультетов, история Югославии преподавалась как отдельный предмет на старших курсах специализированных кафедр в университетах с сильными славяноведческими центрами (прежде всего в Москве и Ленинграде) с середины XX в., в то время как история России/СССР (или Восточной Европы как отдельной единицы) являлась факультативным предметом и как отдельный предмет даже в столичном Белграде не изучалась. Ее начали преподавать только в Белградском университете и лишь с начала XXI в. При этом основа взаимных отношений между учеными двух стран уже существовала, была реализована и требовала лишь дополнительного финансирования – со второй половины пятидесятых годов действовал научный обмен. Это было крайне важно для Белграда, так как архивы Москвы и Ленинграда представляли собой настоящую сокровищницу для югославских историков. С другой стороны, такой обмен был необходим для знакомства с новой научной литературой, периодикой и просто для языковой практики советских югославистов.

Второе пленарное заседание Комиссии историков состоялось в 1975 г. в Сараево в рамках Международного научного съезда по случаю 100-летия Восточного кризиса 1875–1878 гг., восстания 1875 г. в Боснии и Герцеговине и его отзвуков на Балканах. Советская сторона собрала серьезную делегацию (директор Института истории СССР А. Л. Нарочницкий, профессор Ленинградского университета К. Б. Виноградов (1921–2003), профессор Московского университета В. Г. Карасев, заместители директора и заведующие секторами Ю. А. Писарев, И. С. Достян (1920–2012) и молодой ученый С. И. Данченко (р. 1949), на которую были возложены функции секретаря комиссии).

Поскольку речь шла о городе Сараево, в составе делегации органично выглядел и представитель исламских народов СССР – азербайджанец Т. М. Исламов (1927–2004), выдающийся специалист по истории Австро-Венгрии. Естественно, среди членов делегации был и ее куратор – сотрудник отдела науки при ЦК КПСС В. И. Куликов, имевший высшее историческое образование. Встреча прошла в дружеской атмосфере, которую отразила скупая строчка протокола о сотрудничестве – «расширение обмена научно-туристическими группами историков с целью более подробного знакомства обеих сторон». Помимо Белграда, Сараево и Мостара, советские историки посетили Цетинье и Герцег-Нови – в качестве гостей Общества историков Черногории. По воспоминаниям С. И. Данченко,

большинство участников, занимавшихся историей Балкан, до этого уже бывали в Югославии (Достян, Карасев, Виноградов и Писарев), имели знакомства в кругу югославских коллег и сразу установили с ними неформальные контакты. Помимо советских участников, на Международном съезде в Сараево присутствовали также представители ряда других стран (Болгарии, Австрии, Франции, ФРГ и ГДР, США и Турции)⁴⁴. Материалы международного съезда были опубликованы через два года после его проведения⁴⁵. Комиссия провела заседание и одобрила его протокол. С югославской стороны, «как и при подготовке к первому заседанию, у югославской части комиссии возникли определенные трудности с составом». В первый раз не все захотели и смогли полететь в Москву, на этот раз отсутствовал даже председатель комиссии Д. Вуйович, которого заменил тогдашний декан философского факультета Сараево Марко Шунич (1927–1998). В то же время присутствовали представители всех югославских республик и автономных областей. Секретарем комиссии с югославской стороны был Радоман Йованович (1934–2006). Протокол носил исключительно рабочий характер, и в планировании на этот раз было гораздо меньше амбиций. Предполагалось, что на следующем заседании комиссии в СССР в 1976 г. будет обсуждаться вопрос «о совместной борьбе народов и народностей СФРЮ и СССР против фашизма», при этом намечалось проведение совместной конференции по данной тематике. Кроме того, планировалось поддерживать контакты и сотрудничество научных учреждений, договориться о переводе научных и исторических работ и сформировать перспективный план дальнейшего сотрудничества⁴⁶. Отметим, что совместную конференцию по вышеуказанному вопросу советско-югославской комиссии историков удастся провести лишь спустя шесть лет – в 1981 г., а сборник ее трудов опубликовать спустя целых шестнадцать лет – в 1991 г.!

В дальнейшем информация о работе Комиссии историков носила нерегулярный характер и появлялась в различных журналах

44 Данченко С. И. Сараево – 1975. Воспоминания... С. 417–432.

45 Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo, 1977. Knj. I–III.

46 [Protokol drugog plenarnog zasedanja istoričara SFRJ i SSSR, održanog u Sarajevu 3. oktobra 1975. g.] // Jugoslovenski istorijski časopis. 1975. № 3–4. S. 226–227.

и у разных авторов⁴⁷. Встреча советских и югославских историков для обсуждения вопросов Второй мировой войны и третье заседание комиссии состоялись лишь 9–13 июня 1981 г. в Волгограде. Интересно, что до этой встречи югославские историки поспешили дважды встретиться с историками из Британии (в 1976 г. в столичном Лондоне и в 1979 г. в элитном районе Купари в пригороде Дубровника) и один раз с историками из США (в роскошном отеле в природном парке Плитвице в 1980 г.).

От непосредственной встречи по подготовке конференции в Белграде в январе 1981 г. дистанцировались участники из Черногории, Хорватии, Словении и Воеводины «из-за проблем с транспортом и других уважительных причин». Больше всего югославская сторона стремилась избежать того, чтобы конференция в Волгограде рассматривалась «в связи с юбилеем начала» восстания в Югославии летом 1941 г. При этом югославская сторона хотела бы отложить встречу «на сентябрь 1981 г. или, возможно, и позднее»⁴⁸.

Встречу с советскими историками в далеком Волгограде одновременно трактовали и как продолжение работы, начатой в совместной коллективной монографии «Белградская операция», опубликованной в 1961 г.⁴⁹ Тогда издали полумемуарное произведение, в котором обращение к архивам служило лишь «освежению памяти» непосредственных участников событий. Конечно, даже в 1970-е гг. значительное число историков имело непосредственный опыт военных лет, но к концу десятилетия работы, основанные на источниках, стали преобладать вне зависимости от политической предвзятости авторов и необходимости так или иначе обходить многочисленные деликатные вопросы. На встрече в Волгограде присутствовали и ветераны высокого уровня. Это были подполковник А. С. Шорников (1912–1983), в 1941 г. командир транспортника С-47 из состава 1-й авиационной транспортной дивизии авиации дальнего действия (Главное командование ВВС

47 *Kljaković V.* Susret jugoslavenskih i sovjetskih historičara u Volgogradu // *Vojnoistorijski glasnik*. 1981. № 2. S. 203–205.

48 А.И. Ф. 684. Савез историчара Југославије. К. З. Белешка са разговора о припремама научног скупа «Учешће народа Совјетског Савеза и Југославије у Другом светском рату» одржаних у Секцији СК ССРПЈ за образовање, науку, културу и физичку културу, 14. јануара 1981.

49 *Beogradska operacija / kolektiv sovjetskih i jugoslovenskih autora, u redakciji maršala Sovjetskog Saveza S. S. Birjuzova i general-pukovnika JNA R. Namovića.* Beograd, 1964.

Красной Армии), которая доставила в Югославию советскую военную миссию в январе – феврале 1944 г., а в мае 1944 г. эвакуировала Тито и его окружение из осажденного немцами Дрвара. Кроме этого офицера, удостоенного звания и героя СССР, и героя Югославии, перед собравшимися выступил адмирал С. Г. Горшков (1910–1988), в то время Главнокомандующий ВМФ и заместитель министра обороны СССР (1956–1985). В 1944 г. он командовал Дунайской военной флотилией, освобождавшей Подунавье от устья Дуная до Вуковара. Их выступления состоялись в перерывах, не были частью официальной программы и не были опубликованы в сборнике по настоянию югославской стороны под предлогом отсутствия адекватного «реципроцитета». В окончательную публикацию 1991 г., естественно, не вошло и приветственное вступительное слово от секретаря Волгоградского обкома КПСС И. А. Литвинова (1920–1998)⁵⁰.

Заседание в Волгограде открыли председатель советско-югославской комиссии академик А. Л. Нарочницкий и М. Апостолски, возглавлявший комиссию с югославской стороны с 1979 по 1987 год. Оказалось, что обе стороны совершенно расходятся в мнении по ряду вопросов: значимость материальной помощи, оказанной НОАЮ со стороны СССР (была ли она значительна и могла ли она быть сравнимой с помощью США и Англии); роль советских военных операций в восточной части Югославии в освобождении страны, и в целом роль Белградской операции. Последнюю югославские историки считали не самой важной, поскольку были разбиты всего три дивизии врага, при том что в это же время НОАЮ в других районах Югославии, по их мнению, сражалась сразу с шестнадцатью вражескими дивизиями. Трудно совместимы были представления о пропорциях вклада югославской борьбы в глобальную битву против нацистской Германии и ее европейских союзников. Общее собрание ученых показало, что время для написания единой научной монографии по данной теме еще не пришло. Готовившаяся долгое время конференция привела лишь к подготовке второго издания монографии «Белградская

50 Программа проведения научной сессии комиссии историков СССР и СФРЮ, посвященной 40-летию начала вооруженной борьбы народов СССР и Югославии против фашизма, 9–13 июня 1981 г. Волгоград, 1981; Југословенско-советските односи во втората светска војна (1941–1945): (материјали на југословенските и советските историчари на III пленарно заседание на Комисијата на историчарите на СФРЈ и СССР, одржано од 9 до 13 јуни 1981 година во Волгоград, СССР). Скопје, 1991.

операция», которая появилась на свет только на закате существования однопартийных многонациональных государств⁵¹. И все равно опубликованная тогда книга стала лишь результатом политического компромисса советских и югославских историков, далекого от реального положения вещей⁵². Отчет о самом заседании Комиссии историков в Волгограде был доступен югославскому научному сообществу лишь в рамках обобщающей советской статьи в «Военно-историческом вестнике». При этом в публикации даже не было указано, что настоящий текст является результатом работы заседания комиссии, не говоря уже об открытой публикации протокола о сотрудничестве⁵³. Как дальнейшую деградацию надо рассматривать и перемещение центра комиссии от Черногорского союза историков в Скопье. Уже на этом съезде число участников из западных республик Югославии стало минимальным, а сама Комиссия стала превращаться в чистый инструмент практической дипломатической цели Югославии – признания советской стороной «особости» истории Македонии. Для советской стороны поездки в Македонию могли быть полезны только с точки зрения языковой практики и научного туризма в силу молодости архивных и библиотечных собраний этой республики.

Четвертое заседание комиссии было проведено в Крушево (1984 г.) и совмещено с конференцией на тему «Политические, военные, экономические и культурные связи народов СССР и Югославии». В белградской научной прессе эта конференция даже не была упомянута, что глубоко контрастировало с практикой советской стороны, которая регулярно публиковала информацию о заседаниях советско-югославской комиссии историков⁵⁴. Естественно, никаких

51 Beogradska operacija 20. oktobra 1944 / grupa autora. Beograd, 1989.

52 О спорах по поводу Второй мировой войны см.: *Тимофеев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. С. 320–321.

53 *Romanov V. E., Slavin G. M.* Sovjetska istoriografija oslobođilačkog rata... S. 275–289.

54 *Писарев Ю. А., Сумарокова М. М.* Комиссия историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 185–187; *Карасев В. Г.* В Комиссии историков СССР и Югославии и на Международном симпозиуме в Сараево // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 182–183; *Романов В. Е.* Сессия комиссии историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1982. № 2. С. 148–150; *Романов В. Е., Славин Г. М.* Сессия Комиссии историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1984. № 10. С. 153–155; *Решетникова О. Н.* В комиссии историков СССР И СФРЮ // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 154–156.

научных публикаций по результатам четвертого заседания комиссии так и не появилось.

Лишь пятое заседание Комиссии историков все же было отмечено белградскими научными изданиями. По словам профессора философского факультета в Никшиче Миомира Дашича (1930–2020), автора информационной заметки об этом заседании, комиссия несколько раз откладывалась из-за болезни академика М. Апостолского в 1985 и 1986 гг., т. е. комиссия несколько лет просто отказывалась приезжать в Москву, не считая это важным. Отметим, что болезненность академиков, желавших возглавлять комиссии и участвовать в заседаниях Союза историков Югославии, проявлялась неоднократно, вынуждая Президиум Союза историков Югославии принимать специальные решения. Подчеркивалось, что «вопрос международного сотрудничества историков не может быть лишь вопросом энтузиазма отдельных лиц, а должен получать понимание и поддержку государства и партии», «пришли к выводу, что при назначении представителей в международные комиссии надо иметь в виду их состояние здоровья и возраст кандидатов, чтобы все члены комиссий могли регулярно появляться на встречах»⁵⁵. Пятое заседание (1987 г.), как признавал М. Дашич, было проведено лишь тогда, когда отказ стал бы выглядеть почти демаршем, так как в рамках встречи планировалось обсудить подготовку к очередной круглой годовщине Октябрьской революции 1917 г. Встреча проходила в Москве 12–14 октября 1987 г. Югославскую сторону возглавил М. Дашич, исполнявший обязанности председателя, а с советской стороны председательствовал все тот же А. Л. Нарочницкий. Естественно, основная тема заседания была связана с 70-летием Октябрьской революции, вторая тема была менее политизированной и касалась взаимоотношений югославских народов и России с начала XIX в. по 1882 год. На заседании с югославской стороны присутствовали ученые из Сербии, Черногории и Македонии, тогда как с советской стороны диапазон участников был более широким. Планировалось опубликовать материалы прочитанных докладов, что, с учетом темпов работы Советско-югославской комиссии историков, так и не было никогда реализовано. Следующая сессия должна была состояться в 1989 г. в Югославии. Для обсуждения было предложено развитие предыдущего вопроса «Отношения югославских

55 А. Л. Ф. 684. Савез историчара Југославије. К. 2. Записник са седнице Председништва Савеза историчара Југославије и Југословенског комитета за историјске науке, 25. октобра 1985. С. 7.

народов с Россией с начала 1882 года по 1912 год» и новая тема: «Сравнительный анализ истории национальных отношений в СССР и Югославии»⁵⁶. Советские историки, а также практические специалисты по Югославии того времени уже отчетливо осознавали остроту межэтнических противоречий в СФРЮ⁵⁷.

Последний текст о работе советско-югославской комиссии историков появился в белградской научной печати в 1990 г. в журнале Института современной истории. Однако он был не публикацией югославского члена комиссии, а переводом статьи, написанной и опубликованной О. Н. Решетниковой, последним ученым секретарем советской части Комиссии историков СССР и СФРЮ. В своей статье О. Н. Решетникова подвела итоги полутора десятилетий совместной деятельности комиссии историков, осветив и проблемы в работе, о которых умалчивалось в предыдущих публикациях, тем самым впервые открыто познакомив с ними белградских историков. Согласно этой статье, деятельность комиссии началась по предложению югославской стороны, выраженному в личном письме тогдашнего директора Исторического института Черногории. В то же время большой перерыв между встречами в Сараево в 1975 г. и в Волгограде в 1981 г. произошел из-за смены югославского председателя комиссии и задержки югославской стороны с формированием ее нового состава. Лишь после того, как во главе комиссии оказался академик М. Апостолски (которому в работе помогал новый секретарь Р. Терзиоски), комиссии удалось провести заседание в 1981 г. Очевидная проблема с югославской стороны носила не только кадровый и политический характер, но и финансовый, что решалось лишь включением ее деятельности в план межакадемического обмена обеих стран. Так, были организованы промежуточные круглые столы, которые фактически были частью плана международного сотрудничества двух академий наук (в 1981 и 1983 гг. в Белграде и в 1985 г. в Москве). Комиссия участвовала также в проведении научных конференций в Москве и Белграде в 1988 г., посвященных 150-летию консульских отношений между Россией и Сербией. Труды совещаний, несмотря на все попытки, в виде отдельного сборника также не были опубликованы. Белградское научное издание, таким образом, не только предоставило страницы

56 *Dašić M.* Peto zasijedanje komisije istoričara SFRJ i SSSR // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1988. № 1–2. S. 227–235.

57 *Решетников Л. П.* В тени и на свету. Линия жизни разведчика. М., 2021. С. 140–180.

для иностранного секретаря двусторонней комиссии, но и опубликовало прямую критику действий югославской части комиссии. В статье О. Н. Решетниковой была выражена обеспокоенность по поводу перспектив проведения следующего заседания комиссии, запланированного на 1990 г. в Югославии. Невероятно, но в опубликованной в Советском Союзе статье того же автора прямой критики югославской стороны было меньше⁵⁸. В последние годы существования комиссии ее возглавляли академики А. Христов (1914–2000) и В. А. Куманев (1931–1994). После некоторых распрей была изменена тема сопровождающей научной конференции (из ее программы был исключен чересчур актуальный национальный вопрос, смело запланированный в ходе предварительных переговоров в относительно спокойном 1987 г.). Публикация статьи в столь решительном тоне была связана с намерением югославской стороны отсрочить проведение заседания комиссии и перенести конференцию с 1990 г. на 1991 г.⁵⁹ В этот переломный момент истории Югославии и СССР (как и в периоды застоя) югославские историки не сочли Комиссию удобным инструментом для выражения их собственной позиции. О проведении последнего, шестого заседания советско-югославской комиссии историков в Македонии перед распадом СФРЮ белградская научная печать и вовсе не проинформировала историков. Разгоралась гражданская война, и было не до комиссий и конференций.

В белградской официальной научной печати сохранилось сравнительно мало следов личных контактов советских и югославских историков, активизировавшихся с начала 1970-х гг. Имело место лишь одно упоминание юбилейного сборника – сборника к 70-летию С. А. Никитина. Характерно, что написание заметки доверили Надежде Светозаревне Йованович, ученому непростой судьбы⁶⁰. Это исключение для С. А. Никитина повторилось и через несколько лет, когда лично Милорад Экмечич написал о нем некролог⁶¹. После этого следов «личных отношений» в журналах не было вплоть до конца

58 *Решетникова О. Н.* В комиссии историков... С. 154–156.

59 *Rešetnikova O. N.* Komisija istoričara SSSR i SFRJ – 15 godina: rezultati i perspektive saradnje // *Istorija 20. veka.* 1990. № 1–2. С. 223–225.

60 *Jovanović N.* Славяне и Россия, к 70-летию со дня рождения С. А. Никитина, Институт славяноведения и балканистики, Москва 1972 // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1972. № 1–2. С. 171–173.

61 *Ekmečić M.* Sergej Aleksandrovič Nikitin (1901–1979) // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1979. № 1–2. С. 230–231.

существования однопартийных государств, когда идеологические ограничения ослабли. После смерти первого советского председателя двусторонней комиссии историков в 1989 г., в роковом 1991 г. был опубликован некролог о нем⁶². Этот некролог по тематике стал и настоящим некрологом деятельности самой советско-югославской комиссии историков, от которой так много ожидалось, но которая мало что фактически смогла сделать в научном плане.

С самого начала своей деятельности Комиссия историков не отличалась расторопностью и активностью. Осознание «государственной важности» исторических решений и заявлений было свинцовой тяжестью, тормозившей научную работу историков с обеих сторон. При этом нельзя сказать, что такие проблемы были лишь в деятельности советско-югославской комиссии или что она формально была «нелюбимым ребенком» в Союзе историков Югославии. Число желающих съездить в Москву за государственный счет было, конечно, меньше, чем тех, кто хотел съездить в западные столицы. В силу этого, годами откладывая проведение заседаний советско-югославской комиссии, югославская сторона обращалась к итальянским коллегам с просьбой ускорить проведение следующей встречи италяно-югославской комиссии и умоляла английских коллег снизить до организации англо-югославской комиссии⁶³. В формальном смысле советско-югославская комиссия ранжировалась достаточно высоко и в 1980-е гг. обычно была важной темой обсуждений на заседаниях Президиума Союза историков Югославии.

Роковой оказалась и последовательная тенденция югославской стороны формировать руководящий состав своей части комиссии из ученых, в названиях монографий которых не упоминалась Россия или СССР, а документы из московских архивов не были исключительно важными для области их непосредственных научных интересов. При этом в Югославии, разумеется, были зрелые ученые, рефераты которых внесли значительный научный вклад в историю советско-югославских отношений и которые в силу своих научных интересов стремились к укреплению советско-югославской комиссии историков. Так, первым пленарным докладом, который должен был

62 *Дашинћ М.* Алексеј Леонтјевич Нарочнички (1907–1989) // *Историјски часопис*. 1991. № 38. С. 325–334.

63 А. Ј. Ф. 684. Савез историчара Југославије. К. 2. Записник са седнице Председништва Савеза историчара Југославије и Југословенског комитета за историјске науке, 25. октобра 1985. С. 6.

открыть заседание в 1987 г. с советской стороны, был доклад академика А. Л. Нарочницкого, а с югославской, в силу болезни и смерти М. Апостолского, был доклад Н. Б. Поповича, которому в то время было 48 лет⁶⁴. Низкий уровень подготовки долгожданных заседаний комиссии (в силу специфических кадровых решений) вызывал естественную критику со стороны тех членов Союза историков Югославии, которые были заинтересованы в ее продуктивной работе. Так, по возвращении ученых с последней «регулярной» встречи комиссии до развала СССР и Югославии в сентябре 1987 г. организаторов встречи критиковали за ее неподготовленность. Особенно острой была критика представителя Союза историков Сербии Р. Люшича⁶⁵. В то же время представители Союзов историков Словении и Хорватии просто не сочли нужным участвовать в заседании Президиума Союза историков Югославии, на котором обсуждался этот вопрос. В конце 1980-х гг., когда идеология уже перестала довлеть над публикациями трудов, основной проблемой становилось отсутствие средств у Союза историков Югославии. Остается лишь пожалеть, что так и не вышел из печати сборник научной конференции «Югославянско-советские отношения до 1945 года. К 150-летию прибытия первого русского консула в Сербию», которую Комиссия организовала 17–19 ноября 1988 г. и в которой приняли участие 8 советских и 25 югославских историков⁶⁶. В 1990-е гг. работа Комиссии была прервана из-за распада многонациональных государств, а затем из-за санкций, к которым присоединилась искавшая свое место на Западе Российская Федерация, и общего экономического кризиса. Комиссии предстояло возродиться лишь спустя несколько лет, причем с сохранением всех врожденных травм прошлого, да еще и в новых условиях облегчения личных связей и упрощения межинституциональных контактов.

Со второй половины девяностых годов прошлого века сербско-русское научное сотрудничество в области исторической науки развивалось активнее посредством двусторонних соглашений отдельных

64 Там же. К. 2. Записник са седнице Председништва Савеза историчара Југославије и Југословенског комитета за историјске науке, 15. септембра 1985. С. 6.

65 Там же.

66 Там же. К. 2. Записник са седнице Председништва Савеза историчара Југославије и Југословенског комитета за историјске науке, 7. новембра 1988. С. 9.

научных и академических учреждений, а также личных контактов отдельных сербских и российских историков в рамках совместных проектов. Даже в период деятельности югославско-советской комиссии взаимное сотрудничество историков двух стран осуществлялось в значительной степени по программам межинституционального сотрудничества: в рамках плана сотрудничества академических институтов, межакадемического, межуниверситетского и межбиблиотечного обмена. История деятельности югославско-советской комиссии историков наглядно демонстрирует расхождение результатов сотрудничества и ожиданий от него обеих сторон. Югославской стороне так больше никогда и не удалось добиться такого уровня вмешательства в российскую науку и в ее тезисы, как при подготовке советской «Истории Югославии» 1961 г. Не получило развития и официальное взаимное рецензирование. Советской стороне не удалось достичь желаемого уровня сотрудничества в области коллективных научных монографий, сборников конференций и переводов монографий, отправленных через комиссию в Югославию. Отметим, что переводов работ по истории СССР на югославянские языки с английского и других западноевропейских языков, написанных с другой стороны баррикад холодной войны в период 1953–1990 гг., выходило немало. Обзор этих переводов и их восприятия советской стороной, особенно по контрасту с ограниченным корпусом переводов исторических монографий с русского языка за тот же период, заслуживает отдельного исследования⁶⁷.

Результативнее в научном плане стала публикация ряда сборников архивных документов, осуществленная в сотрудничестве с учреждениями, непосредственно участвовавшими в проектах⁶⁸.

67 Например: *Ernandes X.* Републиканска Шпанија и СССР. Београд, 1953; *Konkvest R.* Izobčeni, izbrisani: kronika stalinskih čistk. Ljubljana, 1972; *Medvedev R.* Buharinove posljednje godine. Zagreb, 1980; *Štajner K.* Povratak iz Gulaga, Zagreb, 1981; *Carr E.* Ruska revolucija: od Lenjina do Staljina (1917–1929). Zagreb, 1984; *Medvedev R.* Lenjinizam i zapadni socijalizam. Zagreb, 1986; *Medvedev R.* Revolucija 1917. godine u Rusiji: problemi, karakteristike, ocene. Beograd, 1986; *Leggett G.* Čeka – Lenjinova politička policija: Sveruska izvanredna komisija za borbu protiv kontrarevolucije i sabotáže od decembra 1917 do februara 1922 godine. Beograd, 1988; *Conquest R.* Čemerna žetva: sovjetska kolektivizacija i teror gladi. Beograd, 1988; *Brossat A.* Moskovski agenti: staljinizam i njegova sjena. Sarajevo, 1989; *Ulam A.* Nedovršena revolucija: marksizam i komunizam u modernom svetu. Beograd, 1990.

68 Лучшим примером стала, несомненно, публикация: Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1–2.

На сербскохорватский язык переводилась только советская литература, посвященная определенным узким темам, легко вписывавшимся в общее югославское историческое повествование⁶⁹. Слабым местом сотрудничества были и взаимные распри между различными группами югославских историков (в основном раздел проходил по национальному признаку, а также в самом сербском научном мире), которые не могли или не хотели преодолеть клановых разногласий в ходе работы комиссии и тем самым создавали субъективные препятствия ее работе. Новые исследования истории деятельности Союза историков Югославии могут пролить свет на эту тему. На основании научной периодики, печатавшейся в столице Югославии, можно заключить, что советско-югославский научный обмен существовал в условиях, в которых институциональные советско-югославские научные связи развивались медленнее, чем личные и неформальные. Показательным является факт публикации в 1960-х гг. в белградской научной прессе рецензий пяти сборников документов, изданных в СССР, в 1970-е гг. — четырех, в 1980-е — четырех, в 1990-е — пяти. Очень скудным было и рецензирование советских и российских методологических трудов. За четыре десятилетия (1960–2000) в исторических журналах, опубликованных в Белграде, прорецензировали всего пять советских работ, связанных с методологией или рассматривающих исследование в контексте методологии.

Историография Второй мировой войны была исключительно важной темой в восприятии советской и российской историографии в Югославии во второй половине XX в., но с ослаблением давления монопартийной идеологии в Белграде значимость этой темы слабела. При этом в период однопартийных государств с 70-х гг. XX в. личные связи и неформальные знакомства связали сербских и русских историков гораздо теснее, чем югославские и советские научные учреждения. Яркими фигурами этого явления можно считать таких «неформальных послов отечественной историографии», как Ю. А. Писарев, В. Г. Карасев, А. Л. Шемакин, и других ученых, у которых помимо научного интереса были также и личные симпатии к Сербии, друзья и знакомые в Белграде и во многих республиках бывшей Югославии.

69 Наиболее часто цитировались: *Loktionov I. I. Dunavska flotila u velikom otadžbinskom ratu: 1941–1945.* Beograd, 1966; *Zelenin V. V. Jugosloveni pod zastavom Oktobra.* Beograd, 1967; *Volkov V. K. Ubistvo kralja Aleksandra: Hitlerova zavera.* Beograd, 1983; *Volkov V. K. Minhenski sporazum i balkanske zemlje.* Beograd, 1987.

Путем неформального общения с российскими коллегами во второй половине 1970-х гг. сербская сторона смогла ознакомиться с российской историографией намного детальнее и глубже, о чем свидетельствуют многочисленные советские и российские научные труды 1970-х – 1990-х гг. с посвящениями и автографами в кабинетах белградских историков старшего поколения.

Источники и литература

Архив Југославије (АЈ).

Бабенко О. В. Славяноведение в МГУ в 1939–2019 гг. К 80-летию кафедры истории южных и западных славян // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2020. № 3. С. 15–25.

Виноградов С. А. Библиографија радова о историји Југославије објављених у СССР од 1945. до 1962. године // Историјски часопис. 1963–1965. № 14–15. С. 623–641.

Вујовић Д. Октобарска револуција и црногорска емиграција // Историјски записи. 1959. № 3–4. С. 51–70.

Вучо Н. Преглед литературе марксизма–лењинизма // Историјски часопис. 1948. № 1. С. 314–324.

Гелер М., Некрич А. Утопија на власти: историја Совјетског Савеза. Подгорица: ЦИД, 2000. 787 с.

Горяинов А. Н. В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. С. 286–303.

Горяинов А. Н. Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года // Славяноведение. 2002. № 1. С. 62–72.

Данченко С. И. Сараево – 1975. Воспоминания // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. № 10. С. 417–432.

Дашкић М. Алексеј Леонтјевич Нарочницки (1907–1989) // Историјски часопис. 1991. № 38. С. 325–334.

Дашкић М. Димитрије Димо Вујовић – историчар црногорско-француских односа и Црне Горе и Француске у Првом светском рату // Црна Гора у Првом светском рату: зборник радова са округлог стола Историјског института. Подгорица: Историјски институт, 1998. Књ. 2. С. 19–36.

Ернандес Х. Републиканска Шпанија и СССР. Београд: Култура, 1953. 428 с.

Зайцев А. В. Југославија на страницах журнала «Славяне» (1942–1958) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 100–126. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.06.

Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије / приредили Д. Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофејев. Београд: Архив Србије; Институт за савремену историју, 2016. 527 с.

История Югославии: в двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 430 с.

История южных и западных славян / ред. С. А. Никитин. М.: Издательство МГУ, 1957. 574 с.

История южных и западных славян / ред. И. М. Белявская. М.: Издательство МГУ, 1969. 536 с.

История южных и западных славян: курс лекций / ред. И. В. Созин. М.: Издательство МГУ, 1979. 590 с.

История южных и западных славян / ред. Г. Ф. Матвеев. М.: Издательство МГУ, 1998. Т. 1. 686 с.; Т. 2. 270 с.

Карасев В. Г. В Комиссии историков СССР и Югославии и на Международном симпозиуме в Сараево // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 182–183.

Карасев В. Г., Королюк В. Д., Санчук Г. Э. Академик В. И. Пичета (1878–1947): (к 100-летию со дня рождения) // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 77–82.

Кикешев Н. И. Славянская идеология. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 697 с.

Кляцкин С. М. К 50-летию Великого Октября: Сотрудничество историков социалистических стран по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 192.

Коновалов Д. Д. Момчило Милутинович Джурич (1912–1980) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2020. № 5. С. 132–135.

М. П. Р. Вопросы истории (1945, 1946) // Историјски гласник. 1948. № 1. С. 77–80.

Митрохин Н. А. Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого» общества // Новое литературное обозрение. 2006. № 6. С. 200–220.

Никифоров К. В. Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–26.

Новак В. Истакнути совјетски историчари и археолози у посети Југославији // Историјски часопис. 1948. № 1. С. 391–394.

Острогорски Г. Вопросы Истории (Академия Наук, Институт истории), Москва, издательство Правда. 1945, 1–6; 1946, 1–22; 1947, 1–12; 1948, 1–12 // Историјски часопис. 1948. № 1. С. 353–354.

Острогорски Г. Успенский Г. И., История византийской империи, Том III. Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1948 // Историјски часопис. 1949–1950. № 2. С. 206–209.

Панкратова А. Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 130–136.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М.: Наука, 1980–1983. Кн. 1. 480 с.; Кн. 2. 398 с.

Писарев Ю. А., Сумарокова М. М. Комиссия историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1975. № 4. С. 185–187.

Программа проведения научной сессии комиссии историков СССР и СФРЮ, посвященной 40-летию начала вооруженной борьбы народов СССР и Югославии против фашизма, 9–13 июня 1981 г. Волгоград, 1981.

Решетников Л. П. В тени и на свету. Линия жизни разведчика. М.: Отчий дом, 2021. 366 с.

Решетникова О. Н. В комиссии историков СССР И СФРЮ // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 154–156.

Романов В. Е. Сессия комиссии историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1982. № 2. С. 148–150.

Романов В. Е., Славин Г. М. Сессия комиссии историков СССР и СФРЮ // Вопросы истории. 1984. № 10. С. 153–155.

Савельев А. В. Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 гг. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 148–162.

Тимофеев А. Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. 464 с.

Југословенско-советските односи во втората светска војна (1941–1945): (материјали на југословенските и советските историчари на III пленарно заседание на Комисијата на историчарите на СФРЈ и СССР, одржано од 9 до 13 јуни 1981 година во Волгоград, СССР). Скопје: Институт за национална историја; Југословенско-советска комисија на историчарите, 1991. 331 с.

Чубриловић В. Историја Југославији, I–II, Москва 1963, Академија наук СССР, Институт славјановеденија (запажања и критичке примедбе) // Историјски часопис. 1963–1965. № 14–15. С. 517–545.

Beogradska operacija / kolektiv sovjetskih i jugoslovenskih autora, u redakciji maršala Sovjetskog Saveza S. S. Birjuzova i general-pukovnika JNA R. Namovića. Beograd: Vojnoistorijski institut JNA, 1964. 282 s.

Beogradska operacija 20. oktobra 1944 / grupa autora. Beograd: Institut za vojnu istoriju Ministarstva odbrane SSSR; Vojnoistorijski institut JNA, 1989. 368 s.

Boffa G. Povijest Sovjetskog Saveza. Opatija: „Otokar Keršovani“, 1985. T. 1. 555 s.; T. 2. 565 s.

Brossat A. Moskovski agenti: staljinizam i njegova sjena. Sarajevo: Svjetlost, 1989. 245 s.

Carr E. Ruska revolucija: od Lenjina do Staljina (1917–1929). Zagreb: Globus, 1984. 178 s.

Conquest R. Izobčeni, izbrisani: kronika stalinskih čistki. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1972. 538 s.

Conquest R. Čemerna žetva: sovjetska kolektivizacija i teror gladi. Beograd: Filip Višnjić, 1988. 430 s.

Dašić M. Peto zasijedanje komisije istoričara SFRJ i SSSR // Jugoslovenski istorijski časopis. 1988. № 1–2. S. 227–235.

Dinić–Knežević D. Вопросы истории Славян 3, 4, Воронеж 1970, 1972 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1972. № 3–4. S. 212–216.

Ekmečić M. Sergej Aleksandrovič Nikitin (1901–1979) // Jugoslovenski istorijski časopis. 1979. № 1–2. S. 230–231.

Grafenauer B. История Югославии, в двух томах, Издательство Академии наук СССР, Москва, 1963. Том I. Под редакцией Ю. Бромлея, И. С. Достяна, В. Т. Карасева, С. А. Никитина // Jugoslovenski istorijski časopis. 1964. № 2. S. 89–98.

Istorija revolucija XX veka. Beograd: Komunist, 1970. Knj. 1. 380 s.; Knj. 2. 387 s.; Knj. 3. 374 s.; Knj. 4. 435 s.

Jemuović R. Učešće arhivskih radnika Jugoslavije na VII međunarodnom kongresu arhiva u Moskvi, avgusta 1972. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 1972. № 3–4. S. 225–227.

Jemuović R. Saradnja istoričara SFRJ i SSSR u toku 1973–1975. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 1975. № 3–4. S. 224.

Jovanović N. Славяне и Россия, к 70-летию со дня рождения С. А. Никитина, Институт славяноведения и балканистики, Москва 1972 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1972. № 1–2. S. 171–173.

Jovanović N., Glišić V. Советское славяноведение, Материалы IV конференции историков славистов (Минск, 31 января – 3 февраля 1968 г.), Минск 1969 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. № 1–2. S. 183–188.

Kljaković V. Susret jugoslavenskih i sovjetskih historičara u Volgogradu // Vojnoistorijski glasnik. 1981. № 2. S. 203–205.

Leggett G. Čeka – Lenjinova politička policija: Sveruska izvanredna komisija za borbu protiv kontrarevolucije i sabotaže od decembra 1917 do februara 1922 godine. Beograd: Rad, 1988. 443 s.

Loktionov I. I. Dunavska flotila u Velikom otadžbinskom ratu 1941–1945. Beograd: Vojnoizdavački zavod, 1966. 320 s.

Lovrenčić R. A. Bumbić – F. Slipčević, Istorija Rusije i SSSR-a, Viša pedagoška škola, Sarajevo 1963 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1964. № 4. S. 118–121.

Marjanović J. Sastanak jugoslovenskih i sovjetskih istoričara // Jugoslovenski istorijski časopis. 1962. № 1. S. 146–148.

Marjanović J. Историја Југославије, в двух томах, Издање Академије наука СССР, Москва 1963. Том II, под редакцијом Л. Б. Валева, Г. М. Славина и Л. И. Удаљцова // Jugoslovenski istorijski časopis. 1964. № 4. S. 133–139.

Medvedev R. Buharinove posljednje godine. Zagreb: Globus, 1980. 205 s.

Medvedev R. Lenjinizam i zapadni socijalizam. Zagreb: Globus, 1986. 291 s.

Medvedev R. Revolucija 1917. godine u Rusiji: problemi, karakteristike, ocene. Beograd: Rad, 1986. 172 s.

Међународни научни skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo: ANUBiH, 1977. Knj. 1. 407 s.; Knj. 2. 439 s.; Knj. 3. 292 s.

Naročnicki A. L., Pisarev J. A. Dosadašnji rezultati i perspektive izučavanja istorije Jugoslavije u SSSR // Jugoslovenski istorijski časopis. 1975. № 1–2. S. 131–152.

Nekrič A. M. 22. junij 1941. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1969. 200 s.

Perović L. Ka boljem poznavanju ruske istorije: Rusija u izdanjima Službenog lista SRJ // Tokovi istorije. 1998. № 1–4. S. 316–320.

Protokol prvog plenarnog zasedanja istoričara SFRJ i SSSR, održanog u Moskvi 16–20. decembra 1974. g. // Jugoslovenski istorijski časopis. 1975. № 3–4. S. 224–226.

[Protokol drugog plenarnog zasedanja istoričara SFRJ i SSSR, održanog u Sarajevu 3. oktobra 1975. g.] // Jugoslovenski istorijski časopis. 1975. № 3–4. S. 226–227.

Rešetnikova O. N. Komisija istoričara SSSR i SFRJ – 15 godina: rezultati i perspektive saradnje // Istorija 20. veka. 1990. № 1–2. S. 223–225.

Romanov V. E., Slavin G. M. Sovjetska istoriografija oslobođilačkog rata i socijalističke revolucije u Jugoslaviji (1941–1945) // Vojnoistorijski glasnik. 1981. № 3. S. 275–289.

Rostovtzeff M. Dura-Europos and its art. Oxford: Clarendon Press, 1938. 162 pp.

Štajner K. Povratak iz Gulaga. Zagreb: Naprijed, 1981. 283 s.

Ulam A. Nedovršena revolucija: marksizam i komunizam u modernom svetu. Beograd: Prosveta, 1990. 269 s.

Vinaver V. Историја јужних и западних славјан, Московский университет, Москва 1969, стр. 536 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. № 1–2. S. 207–209.

Volkov V. K. Minhenski sporazum i balkanske zemlje. Beograd: Nova knjiga, 1987. 392 s.

Volkov V. K. Ubistvo kralja Aleksandra: Hitlerova zavera. Beograd: Nova knjiga, 1983. 181 s.

Vuksanović-Anić D. Svetski kongres istoričara // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. № 3–4. S. 233–238.

Zelenin V. V. Jugosloveni pod zastavom Oktobra. Beograd: Mlado pokolenje, 1967. 246 s.

References

Babenko, O. V. "Slavianovedenie v MGU v 1939–2019 gg. K 80-letiiu kafedry istorii iu-zhnykh i zapadnykh slavian." *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura, Ser. 5. Istorii: Informatsionno-analiticheskii zhurnal*, 2020, No 3, pp. 15–25.

Beogradska operacija 20. oktobra 1944. Beograd: Institut za vojnu istoriju Ministarstva odbrane SSSR; Vojnoistorijski institut JNA, 1989, 368 p.

Boffa, G. *Povijest Sovjetskog Saveza*. Opatija: "Otokar Keršovani", 1985, vol. 1, 555 p.; vol. 2, 565 p.

Brossat, A. *Moskovski agenti: staljinizam i njegova sjena*. Sarajevo: Svjetlost, 1989, 245 p.

Carr, E. *Ruska revolucija: od Lenjina do Staljina (1917–1929)*. Zagreb: Globus, 1984, 178 p.

Conquest, R. *Izobčeni, izbrisani: kronika stalinskih čistk*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1972, 538 p.

Conquest, R. *Čemerna žetva: sovjetska kolektivizacija i teror gladi*. Beograd: Filip Višnjić, 1988, 430 p.

Čubrilović, V. "Istorii Jugoslavii, I–II, Moskva 1963, Akademiia nauk SSSR, Institut slavianovedeniia (zapažanja i kritičke primedbe)." *Istorijski časopis*, 1963–1965, No 14–15, pp. 517–545.

Danchenko, S. I. "Sarajevo – 1975. Vospominaniia." *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2015, No 10, pp. 417–432.

Dašić, M. "Aleksej Leontjevič Naročnicki (1907–1989)." *Istorijski časopis*, 1991, No 38, pp. 325–334.

Dašić, M. "Dimitrije Dimo Vujović – istoričar crnogorsko-francuskih odnosa i Crne Gore i Francuske u Prvom svjetskom ratu." *Crna Gora u Prvom svjetskom ratu: zbornik radova sa okruglog stola Istorijskog instituta*. Podgorica: Istorijski institut, 1998, vol. 2, pp. 19–36.

Dašić, M. "Peto zasjedanje komisije istoričara SFRJ i SSSR." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1988, No 1–2, pp. 227–235.

Dinić-Knežević, D. "Voprosy istorii Slavian 3, 4, Voronezh 1970, 1972." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1972, No 3–4, pp. 212–216.

Ekmečić, M. "Sergej Aleksandrovič Nikitin (1901–1979)." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1979, No 1–2, pp. 230–231.

Ernandes, H. *Republikanska Španija i SSSR*. Beograd: Kultura, 1953, 428 p.

Geler, M., Nekrič, A. *Utopija na vlasti: istorija Sovjetskog Saveza*. Podgorica: CID, 2000, 787 p.

Goriainov, A. N. "V. I. Picheta kak pobornik edinstva slavian i storonnik idei sotsializma." *Slavianskii al'manakh*, 2001, pp. 286–303.

Goriainov, A. N. "Tragicheskaia stranitsa biografii V. I. Pichety v svete odnoi stenogrammy 1928 goda." *Slavianovedenie*, 2002, No 1, pp. 62–72.

Grafenauer, B. "Istoriia Iugoslavii, v dvukh tomakh, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moskva, 1963, Tom I. Pod redaktsiei Iu. Bromleya, I. S. Dostian, V. T. Kara-seva, S. A. Nikitina." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1964, No 2, pp. 89–98.

Istoriia revolucija XX veka. Beograd: Komunist, 1970, book 1, 380 p.; book 2, 387 pp.; book 3, 374 p.; book 4, 435 p.

Istoriia Iugoslavii. In 2 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963, vol. 1, 736 p.; vol. 2, 430 p.

Istoriia iuzhnykh i zapadnykh slavian, ed. by S. A. Nikitin. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1957, 574 p.

Istoriia iuzhnykh i zapadnykh slavian, ed. by I. M. Belyavskaya. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1969, 536 p.

Istoriia iuzhnykh i zapadnykh slavian: kurs lektsii, ed. by I. V. Sozin. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1979, 590 p.

Istoriia iuzhnykh i zapadnykh slavian, ed. by G. F. Matveev. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1998, vol. 1, 686 p.; vol. 2, 270 p.

Jemuović, R. "Učešće arhivskih radnika Jugoslavije na VII međunarodnom kongresu arhiva u Moskvi, avgusta 1972. godine." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1972, No 3–4, pp. 225–227.

Jemuović, R. "Saradnja istoričara SFRJ i SSSR u toku 1973–1975. godine." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1975, No 3–4, p. 224.

Jovanović, N. "Slaviane i Rossiia, k 70-letiiu so dnia rozhdeniia S. A. Nikitina, Institut slavianovedeniia i balkanistiki, Moskva 1972." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1972, No 1–2, pp. 171–173.

Jovanović, N., Glišić, V. "Sovetskoe slavianovedenie, Materialy IV konferentsii istorikov slavistov (Minsk, 31 ianvaria – 3 fevralia 1968 g.), Minsk 1969." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1970, No 1–2, pp. 183–188.

Jugoslovensko-sovetskite odnosi vo vtorata svetska vojna (1941–1945): (materijali na jugoslovenskite i sovetskite istoričari na III plenarno zasedanie na Komisijata na istoričarite na SFRJ i SSSR, održano od 9 do 13 juni 1981 godina vo Volgograd, SSSR). Skopje: Institut za nacionalna istorija; Jugoslovensko-sovetska komisija na istoričarite, 1991, 331 p.

Karasev, V. G. "V Komissii istorikov SSSR i Jugoslavii i na Mezhdunarodnom simpoziume v Saraevo." *Voprosy istorii*, 1976, No 3, pp. 182–183.

Karasev, V. G., Koroliuk V. D., Sanchuk G. E. "Akademik V. I. Picheta (1878–1947): (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia)." *Sovetskoe slavianovedenie*, 1978, No 5, pp. 77–82.

Kikeshev, N. I. *Slavianskaia ideologija*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014, 697 p.

Kliackin, S. M. "K 50-letiiu Velikogo Oktjabria: Sotrudnichestvo istorikov sotsialisticheskikh stran po probleme «Istoriia Velikoi Oktjabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii»." *Voprosy istorii*, 1966, No 1, p. 192.

Kljaković, V. "Susret jugoslavenskih i sovjetskih historičara u Volgogradu." *Vojnoistorijski glasnik*, 1981, No 2, pp. 203–205.

Konovalov, D. D. "Momchilo Milutinovich Dzhurich (1912–1980)." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. II. Pravo*, 2020, No 5, pp. 132–135.

Leggett, G. *Čeka – Lenjinova politička policija: Sveruska izvanredna komisija za borbu protiv kontrarevolucije i sabotaže od decembra 1917 do februara 1922 godine*. Beograd: Rad, 1988, 443 p.

Loktionov, I. I. *Dunavska flotila u Velikom otadžbinskom ratu 1941–1945*. Beograd: Vojnoizdavački zavod, 1966, 320 p.

Lovrenčić, R. "A. Bumbić – F. Slipčević, Istorija Rusije i SSSR-a, Viša pedagoška škola, Sarajevo 1963." *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1964, No 4, pp. 118–121.

M. P. R. "Voprosy istorii (1945, 1946)." *Istorijski glasnik*, 1948, No 1, pp. 77–80.

Marjanović, J. "Sastanak jugoslavenskih i sovjetskih istoričara." *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1962, No 1, pp. 146–148.

Marjanović, J. "Istoriia Jugoslavii, v dvukh tomakh, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moskva 1963. Tom II, pod redaktsiei L. B. Valeva, G. M. Slavina i L. I. Udal'tsova." *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1964, No 4, pp. 133–139.

Medvedev, R. *Buharinove posljednje godine*. Zagreb: Globus, 1980, 205 p.

Medvedev, R. *Lenjinizam i zapadni socijalizam*. Zagreb: Globus, 1986, 291 p.

Medvedev, R. *Revolucija 1917. godine u Rusiji: problemi, karakteristike, ocene*. Beograd: Rad, 1986, 172 p.

Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo: ANUBiH, 1977, vol. 1, 407 p.; vol. 2, 439 p.; vol. 3, 292 p.

Mitrohin, N. A. "Apparat TsK KPSS v 1953–1985 godakh kak primer «zakrytogo» obshchestva." *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, No 6, pp. 200–220.

Naročnicki, A. L., Pisarev J. A. "Dosadašnji rezultati i perspektive izučavanja istorije Jugoslavije u SSSR." *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1975, No 1–2, pp. 131–152.

Nekrič, A. M. 22. junij 1941. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1969, 200 p.

Nikiforov, K. V. "Tsentru rossiiskoi slavistiki – 70 let." *Slavianskii al'manakh*, 2017, No 1–2, pp. 13–26.

Novak, V. "Istaknuti sovjetski istoričari i arheolozi u poseti Jugoslaviji." *Istorijski časopis*, 1948, No 1, pp. 391–394.

Ostrogorski, G. "Voprosy Istorii (Akademiiia Nauk, Institut istorii), Moskva, izdatel'stvo Pravda. 1945, 1–6; 1946, 1–22; 1947, 1–12; 1948, 1–12." *Istorijski časopis*, 1948, No 1, pp. 353–354.

Ostrogorski, G. "Uspenskii G. I., Istoriiia vizantiiskoi imperii, Tom III. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moskva–Leningrad 1948." *Istorijski časopis*, 1949–1950, No 2, pp. 206–209.

Pankratova, A. "Sovetskaia delegatsiia i pol'skaia obshchestvennost'." *Istoriik-marksist*, 1933, No 5, pp. 130–136.

Pervoe serbskoe vosstanie 1804–1813 gg. i Rossiia. Moscow: Nauka, 1980–1983, vol. 1, 480 p; vol. 2, 398 p.

Perović, L. "Ka boljem poznavanju ruske istorije: Rusija u izdanjima Službenog lista SRJ." *Tokovi istorije*, 1998, No 1–4, pp. 316–320.

Pisarev, Iu. A., Sumarokova, M. M. "Komissiiia istorikov SSSR i SFRJu." *Voprosy istorii*, 1975, No 4, pp. 185–187.

Programma provedeniia nauchnoi sessii komissii istorikov SSSR i SFRJu, posviashchennoi 40-letiiu nachala vooruzhennoi bor'by narodov SSSR i Jugoslavii protiv fashizma, 9–13 iyunia 1981 g. Volgograd, 1981.

"Protokol prvog plenarnog zasedanja istoričara SFRJ i SSSR, održanog u Moskvi 16–20. decembra 1974. g." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1975, No 3–4, pp. 224–226.

"[Protokol drugog plenarnog zasedanja istoričara SFRJ i SSSR, održanog u Sarajevu 3. oktobra 1975. g.]" *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1975, No 3–4, pp. 226–227.

Reshetnikov, L. P. *V teni i na svetu. Liniia zhizni razvedchika*. Moscow: Otchii dom, 2021, 366 p.

Reshetnikova, O. N. "V komissii istorikov SSSR I SFRJu." *Voprosy istorii*, 1988, No 2, pp. 154–156.

Rešetnikova, O. N. "Komisija istoričara SSSR i SFRJ – 15 godina: rezultati i perspektive saradnje." *Istorija 20. veka*, 1990, No 1–2, pp. 223–225.

Romanov, V. E. "Sessiia komissii istorikov SSSR i SFRJu." *Voprosy istorii*, 1982, No 2, pp. 148–150.

Romanov, V. E., Slavin, G. M. "Sessiia komissii istorikov SSSR i SFRJu." *Voprosy istorii*, No 10, pp. 153–155.

Romanov, V. E., Slavin, G. M. "Sovjetska istoriografija oslobodilačkog rata i socijalističke revolucije u Jugoslaviji (1941–1945)." *Vojnoistorijski glasnik*, 1981, No 3, pp. 275–289.

Rostovtzeff, M. *Dura-Europos and its art*. Oxford: Clarendon Press, 1938, 162 p.

Savel'ev, A. V. "Nomenklaturaia bor'ba vokrug zhurnala «Voprosy istorii» v 1954–1957 gg." *Otechestvennaia istoriia*, 2003, No 5, pp. 148–162.

Štajner, K. *Povratak iz Gulaga*. Zagreb: Naprijed, 1981, 283 p.

Timofejev, A. *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011, 464 p.

Ulam, A. *Nedovršena revolucija: marksizam i komunizam u modernom svetu*. Beograd: Prosveta, 1990, 269 p.

Vinaver, V. "Istoriiia iuzhnykh i zapadnykh slavian, Moskovskii universitet, Moskva 1969, str. 536." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1970, No 1–2, pp. 207–209.

Vinogradov, S. A. "Bibliografija radova o istoriji Jugoslavije objavljenih u SSSR od 1945. do 1962. godine." *Istorijski glasnik*, 1963–1965, No 14–15, pp. 623–641.

Volkov, V. K. *Minhenski sporazum i balkanske zemlje*. Beograd: Nova knjiga, 1987, 392 p.

Volkov, V. K. *Ubistvo kralja Aleksandra: Hitlerova zavera*. Beograd: Nova knjiga, 1983, 181 p.

Vujović, D. "Oktobarska revolucija i crnogorska emigracija." *Istorijski zapisi*, 1959, No 3–4, pp. 51–70.

Vuksanović-Anić, D. "Svetski kongres istoričara." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1970, No 3–4, pp. 233–238.

Vučo, N. "Pregled literature marksizma–lenjinizma." *Istorijski časopis*, 1948, No 1, pp. 314–324.

Zaitsev, A. V. "Iugoslaviia na stranitsakh zhurnala «Slaviane» (1942–1958)." *Slavianskii al'manakh*, 2021, No 1–2, pp. 100–126. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.06.

Zatočenici Golog Otoka: registar lica osuđivanih zbog Informbiroa: dokument Uprave državne bezbednosti FNR Jugoslavije, ed. by D. Mihailović, M. Jovanović, G. Miloradović, A. Timofejev. Beograd: Arhiv Srbije; Institut za savremenu istoriju, 2016, 527 p.

Zelenin, V. V. *Jugosloveni pod zastavom Oktobra*. Beograd: Mlado pokolenje, 1967, 246 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.03

Aleksey Ju. Timofeev, Zoran Bajin

**Historiography of the Second World War and the Perception
of Soviet / Russian Historical Science in Yugoslavia
in the Second Half of the 20th Century**

Aleksey Ju. Timofeev

Doctor of History, principal research fellow

Institute for Recent History of Serbia

Trg N. Pašića, 11, Belgrade, Republic of Serbia

E-mail: al.timofev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4568-8104

Zoran Bajin

PhD, research fellow

Institute for Recent History of Serbia

Trg N. Pašića, 11, Belgrade, Republic of Serbia

E-mail: zorbajin@yahoo.com

ORCID: 0009-0000-5959-4155

Citation

Timofeev A. Ju., Bajin Z. Historiography of the Second World War and the Perception of Soviet / Russian Historical Science in Yugoslavia in the Second Half of the 20th Century // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 36–77 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.03

Received: 28.02.2024.

Revised: 10.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

Comparing the documents of the Commission on International Relations of the Central Committee of the League of Communists of Yugoslavia and of the Union of Historians of Yugoslavia with scholarly periodicals published in Belgrade, the authors analyze the dynamics of the development of relations between Soviet / Russian and Yugoslav historians in 1946–2000. Particular attention is paid to the work of the Commission of Historians of the USSR and the SFRY in 1974–1991, which served as a substitute for direct contacts between historians of the two countries. In 1973, preparations began for the creation of an interstate Commission

of historians of the USSR and the SFRY, similar to other commissions operating between socialist countries and the USSR. Six plenary sessions of the bilateral commission were held (in 1974, 1975, 1981, 1984, 1987 and 1991). Only one scientific conference was held directly under the auspices of the Commission – in 1981 in Volgograd, and the collection of papers from this conference was published only in 1991 due to the intensity of the debates about the history of World War II. Information about the work of the Commission of Historians was irregular. The historiography of the Second World War was an extremely important topic in the perception of Soviet / Russian historiography in Yugoslavia in the second half of the 20th century.

Keywords

Russian-Serbian scientific relations, diplomatic relations between the USSR and Yugoslavia, World War II in Yugoslavia, history of Yugoslavia studies in the USSR, Commission of Historians of the USSR and SFRY.

Комиссия Бадинтера 1991–1993 гг. и судьба Югославии

Безрученко Виктор Иванович
Кандидат политических наук, независимый исследователь
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-8393-7315

Цитирование

Безрученко В. И. Комиссия Бадинтера 1991–1993 гг. и судьба Югославии // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 78–101.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.04

Статья поступила в редакцию 05.07.2024.
Рецензирование завершено 05.08.2024.
Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье на основе документов Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), правительства Югославии и Европейского Союза (ЕС) анализируется позиция ЕС по ключевым вопросам урегулирования югославского конфликта: государственный суверенитет, право на национальное самоопределение и границы югославских республик. Анализ сделан в историческом контексте на основе документов (Мнений) Арбитражной комиссии Европейского Союза (Комиссия Бадинтера), которая предприняла попытку разработки правовой базы процесса распада Югославии. Заявленной целью конференции Европейского Союза и Арбитражной комиссии было урегулирование политического кризиса в Югославии посредством изменения ее конституционной структуры. Комиссия рассмотрела широкий круг вопросов, относящихся к процессу распада Югославии, и разработала соответствующие рекомендации (Мнения) для Конференции ЕС по бывшей Югославии. Мнения Арбитражной комиссии Бадинтера сыграли важную роль в интерпретации конфликтов в Хорватии и Боснии и Герцеговине и последующем их урегулировании. В статье раскрывается политический контекст деятельности Комиссии, содежится критическая оценка ее деятельности и подчеркивается несоответствие рекомендаций Комиссии Конституции Югославии. Рекомендации Комиссии

в сущности свелись к неконституционным изменениям границ Югославии и упразднению ее как государства. Рекомендации Комиссии Бадинтера привели к поспешному международному признанию Хорватии и Боснии и Герцеговины, что стало основной причиной начала гражданской войны в этих республиках.

Ключевые слова

Арбитражная комиссия, Югославия, Европейское Экономическое Сообщество, Европейский Союз, границы, международное право, международное признание, суверенитет, национальное самоопределение, конституция, конфликт.

Политическая динамика в странах Восточной Европы в конце 1980-х гг., объединение Германии, распад «социалистического лагеря» и «парад суверенитетов» в Советском Союзе создали для Европейского сообщества и НАТО невероятные возможности политического, военного и экономического расширения на Восток. В странах ЕС стал популярен лозунг «Европа без границ». Амбиции Европейского экономического сообщества (ЕЭС) выразил его президент и министр иностранных дел Люксембурга Ж. Поос. «Это час Европы. Это не час американцев», – заявил он 29 июня 1991 г. во время своего первого визита в СФРЮ¹.

Общая политическая позиция стран ЕЭС по югославской проблематике была сформулирована в Декларации ЕЭС от 5 июля 1991 г. В Декларации подчеркивалась необходимость разрешения всех споров только мирными средствами, соблюдение прав национальных меньшинств и предлагалось посредничество ЕЭС в разрешении конфликта². Этот подход основывался на следующих предпосылках: югославский конфликт являлся первой серьезной внешнеполитической проблемой ЕС, решать которую следовало в рамках «Общей платформы по внешней политике и безопасности»; распад Югославии угрожал подорвать мирный ход реформ М. С. Горбачева в СССР и спровоцировать новые этнические конфликты в Европе.

1 Lucarelli S. Europe and the Breakup of Yugoslavia: a political failure in search of scholarly explanation. The Hague, 2000. P. 278.

2 EC Declaration on the situation in Yugoslavia. 5 July 1991 // Trifunovska S. Former Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dis-solution. The Hague, 1994. P. 310.

На фоне «десятидневной войны» в Словении и межэтнических столкновений в Хорватии и Боснии и Герцеговине министры иностранных дел ЕС 27 августа 1991 г. приняли Декларацию о Югославии, в которой возложили ответственность за насилие на Президиум СФРЮ. Это было первое заявление ЕС, которое было сделано в ультимативной форме, без консультаций с государственными органами Югославии.

С целью урегулирования кризиса ЕЭС приняло решение учредить международную Конференцию Европейского экономического сообщества по Югославии (КЕСЮ). В Декларации ЕЭС от 27 августа 1991 г. подчеркивалось: «Сообщество не может бездействовать, когда кровопролитие в Хорватии возрастает с каждым днем. Соглашение о наблюдении за перемирием позволит Сообществу и его государствам-членам созвать мирную конференцию и установить процедуру арбитража»³. Были определены основные принципы мирного разрешения югославского кризиса: 1. Недопустимость одностороннего изменения границ силой; 2. Защита прав всех в Югославии; 3. Уважение всех легитимных интересов и устремлений. Для участия в Конференции ЕЭС были приглашены члены Президиума СФРЮ, а также президенты всех югославских республик. В Декларации также содержалась недвусмысленная угроза, что в случае отказа будут приняты «действия на международном уровне», а это означало экономические санкции⁴. По существу же целью конференции было урегулирование политического кризиса посредством изменения конституционной структуры Югославии, что подразумевало и территориальные изменения.

Президиум СФРЮ собрался для обсуждения Декларации вечером того же дня, 27 августа. Глава Президиума Борислав Йович сравнил Декларацию с резолюцией Информбюро 1948 г. и заявил, что «они в ЕС решили осудить Сербию и ЮНА, а не тех, кто довели до развала Югославии и гражданской войны. Они перепутали причины и следствия и пошли совершенно неверным путем. Они говорят о насилии в Хорватии, а не о насилии над Югославией со стороны Словении и Хорватии с их сепаратизмом и их решениями вооружиться и ввезти оружие, что противоречит Конституции Югославии. Они говорят, что никогда не признают изменения границ, забывая об ответственности Европы за государственные границы, закрывая

3 Declaration on Yugoslavia. Brussels, 27 August 1991 // Ibid. P. 333–334.

4 Ibid.

глаза на тот факт, что сецессия, к которой привела политика Словении и Хорватии, разбила границы Югославии, а это в сущности и является причиной кризиса в Югославии и Европе. [...] Это вмешательство во внутренние дела нашего государства, подавление его суверенитета, отрицание прав Президиума. Европейское сообщество встало в условиях конфликта в Югославии на одну сторону. [...] Европа обвиняет сербский народ в Хорватии, который встал на защиту своего права остаться в собственном государстве, и никто не может лишить его гражданства Югославии. Почему они так поступают? Потому что они считают нас колонией, потому что думают, что имеют право нас учить»⁵.

После бурных дебатов Президиум СФРЮ принял решение участвовать в работе КЕСЮ. Первым председателем Конференции стал британский дипломат и бывший министр иностранных дел Великобритании П. Каррингтон. Местом работы Конференции была выбрана столица Нидерландов Гаага.

По воспоминаниям председателя Президиума СФРЮ того периода Б. Йовича, С. Милошевичу позвонил президент Франции Ф. Миттеран и убедил его дать свое согласие на формирование ЕЭС правовой комиссии, которая рассмотрит все правовые аспекты югославского кризиса и предложит адекватные решения для защиты интересов всех народов СФРЮ, включая и сербский народ. Миттеран пообещал ему, что он лично определит члена комиссии от Франции, который будет ее председателем, и что решения и рекомендации комиссии будут реализованы в пользу Югославии и на основе ее Конституции. Веря в искренность Миттерана и зная, что правовое обоснование сохранения Югославии, как с точки зрения международного, так и с точки зрения конституционного права Югославии, имело сильные аргументы, Милошевич ответил согласием⁶.

Арбитражная комиссия была создана для рассмотрения спорных вопросов, относящихся к суверенитету, праву на национальное самоопределение и границам югославских республик. В состав комиссии были именованы председатель конституционного суда Франции Р. Бадинтер (R. Badinter), председатель конституционного суда Италии Альди Коразанити (A. Corasaniti) и председатель

5 Joviћ B. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд, 1996. С. 375–377.

6 Joviћ B. Od Gazimestana do Haga. Vreme Slobodana Miloševića. Beograd, 2009. S. 84.

Федерального конституционного суда Германии Р. Герцог (R. Herzog). Президиуму СФРЮ была предоставлена возможность назначить двух своих представителей в состав Комиссии. Однако поскольку члены Президиума не смогли определить кандидатуры этих представителей, судьи сами назначили еще двух членов комиссии – председателя конституционного суда Испании Ф. Томаса Вальенте (F. Thomas) и председателя конституционного суда Бельгии и И. Петри (I. Petry).

Комиссия получила название комиссии Бадинтера, по имени ее председателя, президента конституционного суда Франции Роберта Бадинтера. Задачей комиссии стало рассмотрение широкого круга вопросов международного права, относящихся к процессу распада Югославии. Мнения Арбитражной комиссии Бадинтера сыграли важную роль в интерпретации конфликтов в Хорватии и Боснии и Герцеговине и последующем их урегулировании. О создании Арбитражной комиссии было объявлено в Декларации ЕС от 27 августа 1991 г. Министр иностранных дел СФРЮ В. Йованович предложил на рассмотрение Арбитражной комиссии три ключевых вопроса, отражавших предмет конфликта:

1. Кто имеет право на самоопределение с точки зрения международного права – нации (народы) или субъекты федерации (республики)? Является ли право народа на самоопределение субъективным коллективным правом народа или это право территорий?

2. Является ли отделение допустимым правовым актом с точки зрения Устава ООН и норм международного права?

3. Являются ли разделительные линии между составными частями федеративного государства (провинциями, кантонами, энтитетами, республиками) границами по международному праву?⁷

Конституционный суд Югославии представил Арбитражной комиссии свою правовую позицию: СФРЮ является федеративным государством добровольно объединившихся народов и их республик; право народа на самоопределение вплоть до отделения не может быть осуществлено односторонними актами республик; всякий республиканский акт, которым республика провозглашается суверенным и независимым государством, является неконституционным, т. е. актом сепарации; Югославия является федеративным государством и субъектом международного права до тех пор, пока

⁷ *Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Beograd, 1997. S. 282.*

в ее составе находятся по крайней мере две республики⁸. На основании заключения конституционного суда Югославии Сербия и Черногория считали, что после отделения других республик они останутся в составе новой Югославии, которая станет единственным правопреемником СФРЮ и сохранит за собой статус субъекта международного права.

Власти самопровозглашенной Сербской автономной области (САО) Краины в Хорватии обозначили свое отношение к конференции 5 сентября. В их заявлении указывалось, что сербский народ в Краине «борется за свободу, человеческое и национальное достоинство» и что он является объектом агрессии «хорватской неофашистской власти» и решил не жить в хорватском государстве, а «реализовал свой суверенитет в государстве, в котором будут жить все части сербского народа на Балканах»⁹.

Первое заседание КЕСЮ состоялось 7 сентября. На заседании присутствовали все члены Президиума Югославии и все президенты ее республик. С. Милошевич в своем выступлении изложил позицию Сербии: кризис в Югославии вызван односторонними действиями Словении и Хорватии; их сецессия открыла вопрос границ; сербы в Хорватии имеют право на самоопределение; участие в работе конференции их легитимных представителей не только желательно, но и необходимо. Милошевич подчеркнул краеугольный принцип политики Сербии: «Внутренние границы Сербии имеют административный характер и никогда не представляли собой ни государственных, ни этнических границ. Не могут быть признаны односторонние акты республик, которыми в рамках внутренних административных границ провозглашен государственный суверенитет и установлен примат республиканских законов над федеральными. Право на самоопределение принадлежит в равной мере всем народам Югославии. Оно включает в себя как право народа демократическим путем создать собственное национальное государство вне Югославии, так и право остаться в Югославии и жить вместе с ее народами. [...] Сегодня в Югославии протагонисты актов незаконной сецессии силой оружия хотят отобрать то, что принадлежит другому народу. Это и есть причина вооруженных столкновений в Хорватии

8 Document D271.2. Case IT-02-54. The Prosecutor versus Slobodan Milosevic // International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia Court Records (далее – ICTY). URL: <http://icr.icty.org/> (дата обращения: 15.10. 2017).

9 Document 00236. Case IT-95-11. The Prosecutor versus Milan Martić // Ibid.

и мотив государственного террора хорватских властей над сербским населением. Изменения границ неминуемы только в случае отделения от Югославии. Этот вопрос не стоит для тех республик и народов, которые остаются в Югославии»¹⁰.

Переговоры в рамках КЕСЮ сопровождались параллельной работой Арбитражной комиссии, которая представила несколько «мнений», которые носили консультативный характер и составляли правовую базу для политических решений КЕСЮ. Работа Арбитражной комиссии проходила на фоне состоявшегося 12 мая 1990 г. в Хорватии референдума сербского населения и плебисцита сербского населения Боснии и Герцеговины 9–10 ноября 1991 г., на которых были приняты решения остаться в составе Югославии. Это подразумевало реализацию конституционного права сербского народа этих республик на самоопределение, образование собственных государств и их присоединение к Сербии.

Каррингтон направил участникам Конференции документ под названием «Элементы соглашения по глобальному решению югославского кризиса». В его основу был положен принцип суверенности и независимости республик и их признания в качестве независимых государств. В документе детально был разработан статус «национальных и этнических групп»: указывалось, что им должно быть обеспечено право на национальные символы, право на национальную идентичность наряду с республиканским гражданством, свою систему образования, административную структуру, включая и региональную полицию, и судопроизводство. Подчеркивалось, что этот статус предназначался для «сербов, которые живут в Хорватии на территориях, где они составляют большинство населения»¹¹.

Скупщина Сербии обсуждала этот документ 17 октября. Выступая в Скупщине, С. Милошевич заявил, что Югославию невозможно «отменить росчерком пера», и потребовал сохранить ее «для тех народов, которые хотят в ней остаться»¹². В своем выступлении Милошевич подчеркнул, что сербский народ отвергает ультиматум ЕС: «Мы этот ультиматум отвергаем как акт давления и насилия, который несовместим с демократическим порядком [...], как шаг, который

10 *Николић К.* Југославија, последњи дани (1989–1992). Београд, 2022. Књ. 3. С. 26.

11 *Borba*. 18. oktobar 1991.

12 *Николић К.* Југославија, последњи дани... Књ. 3. С. 109.

грубо нарушает равноправность сторон, участвующих в работе Конференции»¹³. Его поддержали все делегаты Скупщины.

Каррингтон переформулировал вопросы В. Йовановича, добавил свои и представил их на рассмотрение комиссии. Первый вопрос касался существования СФРЮ. В «Мнении № 1» от 29 ноября 1991 г. комиссия сообщила, что «существование или исчезновение государства является вопросом фактического состояния» и что «в случае федеративных государств, которые включают в себя сообщества с определенной степенью автономии [...] существование государства предполагает, что федеральные органы представляют компоненты Федерации и осуществляют политическую власть». Далее в документе указывалось, что хотя СФРЮ и имела статус субъекта международного права и членство в международных организациях, четыре республики (Словения, Хорватия, Македония и Босния и Герцеговина) заявили о своей независимости и прекратили всякое участие в совместных органах федерации, что не отвечает принципам построения федеративного государства. Общие федеральные органы (Президиум, Скупщина, Союзный совет, Союзное исполнительное вече, Конституционный суд, федеральная армия) более не представляют интересы всех республик. Применение силы привело к вооруженному конфликту между СФРЮ и некоторыми из составляющих ее республик. На основе этих тезисов Арбитражная комиссия утвердила следующее: Социалистическая Федеративная Республика Югославия находится в стадии распада; республики имеют обязанность разрешить вопрос о правопреемственности государства на основе принципов международного права, те республики, которые этого желают, могут сформировать новое содружество¹⁴.

Основываясь на «Мнении № 1», ЕС предложило всем республикам подать заявки о своем международном признании. Хорватия, Словения, Македония и Босния и Герцеговина это сделали. Сербия и Черногория отказались это делать, так как получили суверенитет и международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г. Таким образом, ЕЭС фактически пограло суверенитет Югославии как субъекта международного права и предоставило возможности для международного

13 Там же. С. 110.

14 Opinion № 1 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 29 November 1991 // Trifunovska S. Former Yugoslavia through Documents... P. 415–417.

признания всем ее республикам, несмотря на то, что Югославия как государство существовало более 70 лет.

Вопросу права народов на самоопределение и республиканских границ было посвящено «Мнение № 2» от 6 января 1992 г., которое содержало ответ на вопрос: «Имеет ли сербское население Хорватии и Боснии и Герцеговины как один из конститутивных народов Югославии право на самоопределение?».

В «Мнении № 2» Арбитражная комиссия определила, что «современное международное право не определяет всех последствий права на самоопределение, но право на самоопределение не может включать изменение существующих границ в момент приобретения независимости (*uti possidetis juris*)¹⁵, за исключением случаев, когда заинтересованные стороны договорятся иначе. Так как право на самоопределение служит защите прав человека, сербскому населению в Боснии и Герцеговине и Хорватии, которое имеет право на признание своей идентичности согласно международному праву, должны быть предоставлены все права, предусмотренные для меньшинств по международным конвенциям, а также государственные и международные гарантии». В то же время комиссия подчеркнула, что согласно международным соглашениям по правам человека право на самоопределение подразумевает право каждого человека «принадлежать любому этническому, религиозному или языковому сообществу по своему выбору»¹⁶.

«Мнение № 2» противоречило Конституции СФРЮ 1974 г., которая не содержала понятия «национального меньшинства», вместо него использовался термин «народность». Статья 154 Конституции СФРЮ 1974 г. гарантировала всем гражданам «равноправие, без различия национальности, расового происхождения, пола, языка, религии, образования и общественного статуса»¹⁷.

Сербы, в том числе и жившие в Хорватии и Боснии и Герцеговине, имели статус конститутивного (государствообразующего) народа внутри Югославии, а республиканские конституции обеспечивали им коллективные национальные права. Так, согласно Конституции

15 Кто владеет, тот и правит (*лат.*).

16 Opinion № 2 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Trifunovska S. Former Yugoslavia through Documents... P. 474–475.

17 The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Belgrade, 1974. P. 170.

Социалистической Республики Хорватия, Хорватия была «национальным государством хорватского народа, государством сербского народа в Хорватии и государством народностей, которые в ней живут»¹⁸. Конституция СФРЮ также предоставила право на самоопределение и отделение народам Югославии, а не республикам, причем статья 5 Конституции требовала согласия всех республик и автономных краев, прежде чем границы Югославии могли быть изменены¹⁹.

Арбитражная комиссия воздержалась от однозначного ответа на поставленный ей вопрос, а ее трактовка права на самоопределение вызывала противоречия. Из «Мнения № 2» можно было сделать вывод, что правом на внешнее самоопределение обладают только составные части федеративного государства, поэтому возможность создания независимого государства принадлежит лишь шести бывшим югославским республикам в силу их конституционного статуса, в то время как сербское население Хорватии и Боснии и Герцеговины имеет право исключительно на внутреннее самоопределение в рамках тех республик, где оно проживает. В международном праве внутреннее самоопределение понимается как политическая и культурная автономия, особый статус родного языка, создание местных органов власти (администрация, полиция, суды). Такое самоопределение не предполагает права на сепессию и создание независимого государства.

«Мнение № 3» Арбитражной комиссии от 11 января 1992 г. отвечало на вопрос: «Могут ли внутренние границы между Хорватией и Сербией и между Боснией и Герцеговиной и Сербией рассматриваться с качестве границ по публичному международному праву?». Основываясь на принципе международного публичного права *uti possidetis juris*, который ранее применялся только к бывшим колониям в Африке и Латинской Америке, Арбитражная комиссия пришла к следующим выводам:

1. Все внешние границы защищаются в соответствии с принципами Устава ООН Хельсинским Заключительным актом.
2. Границы между Хорватией, Сербией и Боснией и Герцеговиной, как и между другими соседними государствами, не смогут быть изменены, кроме как свободно заключенным договором.

18 *Ustav Socijalističke Republike Hrvatske. Glava I. // Narodne novine. 1974. Br. 8.*

19 *The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Ljubljana, 1974. P. 80.*

3. Границы республик становятся государственными границами, если не будет достигнута иная договоренность.
4. В соответствии с ясно утвержденным принципом международного права изменения существующих государственных границ силой не имеют никакой законной силы»²⁰.

Таким образом, «Мнение № 3» исключало произвольное изменение республиканских границ в интересах той или иной республики или того или иного народа. Тем самым Арбитражная комиссия подтвердила права Хорватии на территории в своих административных границах, что делало для сербов бесперспективными всякие переговоры о статусе Сербской Краины.

«Мнение № 4» было посвящено просьбе Боснии и Герцеговины от 20 декабря 1991 г. к государствам – членам ЕС признать Боснию и Герцеговину в качестве суверенного и независимого государства. Поскольку три конститутивных народа Боснии и Герцеговины, мусульмане, сербы и хорваты, не смогли достичь консенсуса о будущем своей республики, Арбитражная комиссия ЕС рекомендовала Боснии и Герцеговине провести референдум по вопросу независимости. В «Мнении № 4» комиссия выразила мнение, что «в существующих обстоятельствах невозможно считать, что население Боснии и Герцеговины полностью выразило свою волю, чтобы признать Боснию и Герцеговину в качестве суверенного и независимого государства», и рекомендовала провести референдум о независимости под международным контролем²¹.

Референдум о независимости Боснии и Герцеговины состоялся 29 февраля – 1 марта 1992 г. В нем участвовали только хорваты и мусульмане (2 073 932 человека, или 63,4 % населения), из которых 99,43 % проголосовали за суверенную и независимую Боснию и Герцеговину²².

Полтора миллиона сербов Боснии и Герцеговины отказались участвовать в референдуме, поскольку 9–10 ноября 1991 г. в ходе своего плебисцита высказались за то, чтобы остаться в Югославии.

20 Opinion № 3 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Trifunovska S. Yugoslavia through Documents... P. 479–480.

21 Opinion № 4 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Ibid. P. 486–488.

22 Танјуг. 03.03.1995 // Радишић Д. Хронологија догађаја на простору претходне Југославије 1990–1995. Бања Лука, 2002. С. 189.

В плебисците участвовали практически все сербы Боснии и Герцеговины, которые составляли 31 % ее населения²³.

16 декабря 1991 г., стремясь продемонстрировать солидарность всех стран – членов ЕЭС перед подписанием Договора в Маастрихте о образовании Европейского Союза, Совет министров ЕЭС решил признать те югославские республики, которые этого захотят. Была принята «Декларация о принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе». Среди важнейших критериев признания были: уважение положений Хельсинского Заключительного акта и Устава ООН; гарантии прав этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с обязательствами ОБСЕ; нерушимость границ, которые могут быть изменены только мирным путем и двусторонним договором; принятие всех обязательств по разоружению, в том числе ядерному; решение всех вопросов правовой преемственности и региональных споров договорным путем. В заявлении всем югославским республикам также было предложено до 23 декабря определиться, принимают ли они эту Декларацию и желают ли они получить международное признание, причем Арбитражная комиссия должна была дать свое заключение о выполнении этих условий. Особо подчеркивалось, что ЕС и ее государства-члены не признают энтитеты, которые возникнут в результате агрессии²⁴.

Тем самым ЕЭС отказалось от своего подхода к глобальному решению кризиса путем учета интересов всех народов Югославии, проигнорировав мнение Президиума, Скупщины и Конституционного суда Югославии.

Скупщина Сербии собралась для обсуждения ситуации 17 декабря. Заседание было закрытым. Тон дискуссии задал министр иностранных дел СФРЮ В. Йованович, который заявил, что Югославия «находится на анатомическом столе Европейского сообщества» и что ее пример будет использован при распаде других федеративных государств. Параллели с Советским Союзом были более чем очевидны. Йованович подчеркнул, что ЕЭС отошел далеко от своего

23 Становништво према националној припадности и површина насеља. Попис 1991. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G1991/Pdf/G19914013.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

24 Declaration on the “Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union”. 16 December 1991 // Trifunovska S. Former Yugoslavia through Documents... P. 433.

первоначального мандата «добрых услуг и посредничества» и присвоил себе неприемлемое право диктата условий в полном противоречии с суверенитетом Югославии, угроз и ультиматумов²⁵. Скупщина пришла к заключению, что «сербское население в Республике Хорватия и Социалистической республике Босния и Герцеговина имеет право на самоопределение как конститутивный народ (нация) в Югославии и в этих республиках»²⁶.

18 декабря для встречи с Милошевичем Каррингтон прибыл в Белград. Президент Сербии заявил британскому дипломату, что ЕЭС отрекся от принципа, который сам декларировал, что только народы Югославии могут определять свое будущее. Милошевич подчеркнул, что нарушены принципы ОБСЕ и Хельсинкского Заключительного акта в отношении самоопределения и прав человека²⁷. Тем не менее эта встреча уже ничего изменить не могла.

19 декабря Германия и Швеция, не дожидаясь заключения Арбитражной комиссии, признали Хорватию и Словению, после чего дальнейшие дипломатические поиски всеобъемлющего решения югославского кризиса потеряли смысл.

Реакция краинских сербов на признание Хорватии была предсказуемой. В тот же день, 19 декабря, сербское население Краины провозгласило Республику Сербская Краина (РСК) и приняло ее Конституцию, которая определяла Республику Сербскую Краину как «национальное государство сербского народа и всех граждан, которые в нем живут». В преамбуле Конституции подчеркивалось, что «право сербского народа на самоопределение и создание демократического государства сербского народа на своих исторических и этнических территориях стало результатом вековой борьбы за свободу»²⁸. Согласно конституции, территории РСК включали в себя Краину, Восточную Славонию, Банию, Западный Срем и Западную Славонию.

23 декабря 1991 г. заявки на дипломатическое признание подали Босния и Герцеговина, Македония и Республика Сербская Краина. Сербия и Черногория не подавали заявки о признании независимости, поскольку и Сербия, и Черногория получили независимость

25 *Николић К.* Југославија, последњи дани... Књ. 3. 153–154.

26 Там же. С. 156.

27 Политика. 19 децембар 1991.

28 Устав Републике Српске Краине // Паспаљ М. Албум из Крајине. Сарајево, 1996. С. 94–117.

еще в 1878 г. на Берлинском конгрессе по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Республике Сербская Краина в признании было отказано.

7 февраля 1992 г. Маастрихтским договором был создан Европейский Союз (ЕС), заменивший ЕЭС, но Арбитражная комиссия продолжила свою работу как орган при КЕСЮ.

11 января 1992 г. Арбитражная комиссия приняла «Мнение № 5», которое было посвящено заявлению Хорватии о признании ее в качестве суверенного и независимого государства. В этом «Мнении» она заявила, что Хорватия соответствует критериям признания, изложенным в «Декларации о принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе», но что международное признание ее независимости возможно после того, как будет принят конституционный закон о правах национальных меньшинств²⁹.

В тот же день были приняты «Мнение № 6» по вопросу международного признания Македонии и «Мнение № 7» по вопросу международного признания Словении. Арбитражная комиссия рекомендовала признать Македонию в качестве суверенного и независимого государства после того, как Македония заявила, что гарантирует уважение территориальной целостности соседней Греции и не имеет к ней никаких территориальных претензий³⁰. Аналогично комиссия рекомендовала признать Словению³¹.

15 января 1992 г. Австрия, Болгария, Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Мальта, Норвегия, Португалия и Франция признали Словению и Хорватию, а в течение нескольких последующих дней это сделали еще 50 государств. Это стало возможным в результате давления на страны ЕС со стороны Германии, которая активно отстаивала интересы Хорватии.

Правительство СФРЮ выступило с осуждением этого решения: «Федеральное правительство с сожалением приняло сообщение государств-членов ЕС о том, что они [...] приступают к признанию независимости отдельных югославских республик. [...] Этот шаг,

29 Opinion № 5 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Trifunovska S. Yugoslavia through Documents... P. 489–490.

30 Opinion № 6 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Ibid. P. 491–494.

31 Opinion № 7 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Ibid. P. 495–500.

как неоднократно подчеркивала югославская сторона, противоречит суверенным правам Югославии. [...] Федеральное правительство считает, что такие шаги отдельных государств не могут предопределить конечного исхода решения югославского кризиса. Необходимо заключить договор о будущих отношениях на пространстве внутри международно признанных границ Югославии. До принятия такого договора федеральное правительство будет выполнять свои определенные конституцией функции в целях защиты нашей страны, народов и граждан, а всякие попытки присвоения прав и собственности СФРЮ представляют собой насильственную и противоправную узурпацию и повлекут за собой соответствующие последствия»³².

После того как Словения, Хорватия и Босния и Герцеговина стали независимыми республиками, 27 апреля 1992 г. Сербия и Черногория объединились в союзное государство – Союзную Республику Югославию (СРЮ). В этот день на совместном заседании Скупщины Сербии и Скупщины Черногории была принята Конституция нового государства, которая в литературе получила название «третьей Югославии». Заседание скупщин также приняло «Декларацию», в которой подчеркивалось, что Союзная Республика Югославия не имеет территориальных претензий ни к одному из граничащих с ней государств. Провозглашением Союзной Республики Югославии (СРЮ) в составе Сербии и Черногории была определена судьба самопровозглашенных Республики Сербская Краина и Республики Сербской. Референдум сербского населения Хорватии 12 мая 1990 г. и плебисцит сербского населения Боснии и Герцеговины от 9–10 ноября 1991 г. с решением остаться в составе Югославии были забыты. Несмотря на уверения С. Милошевича о том, что «все сербы должны жить в одном государстве», ни Республика Сербская Краина, ни Республика Сербская не были приняты в СРЮ.

В «Мнении № 8» от 4 июля 1992 г. Арбитражная комиссия рассмотрела вопрос о завершении процесса распада СФРЮ и сделала следующие выводы: Словения, Хорватия и Македония «путем референдумов выразили стремление к независимости»; «состав и функционирование основных органов федерации более не отвечают требованиям участия и представленности»; новые государства уже признаны международным сообществом, а «СФРЮ более не обладает

32 Ставови супротни сувереним правима Југославије // Шушић С., Терзић З. Од Бриона до Дејтона. Хронологија кризе на простору Југославије. Београд, 2003. С. 239.

международной правосубъектностью». Также было указано, что референдум о независимости в Боснии и Герцеговине был проведен и что большая часть населения республики высказалась за независимость. На этом основании Комиссия указала, «что процесс распада СФРЮ, о котором упоминается во “Мнении № 1” от 29 ноября 1991 г., уже завершен, и что СФРЮ больше не существует»³³.

«Мнение № 9» было посвящено проблеме правопреемства югославских республик. В нем отмечалось, что правопреемство государств происходит «в соответствии с принципами международного права, закрепленными в Венских конвенциях от 23 августа 1978 г. и 8 апреля 1998 г.». При этом «членство СФРЮ в международных организациях должно быть прекращено, и ни одно государство, ранее входившее в СФРЮ, «не может претендовать на право членства в них»³⁴. Вместе с тем каждое такое государство вправе дать заявку на членство в международных организациях.

«Мнение № 10» было представлено Комиссией 4 июля 1992 г. и было посвящено статусу провозглашенной Союзной Республики Югославии. Комиссия пришла к выводу, что провозглашенная СРЮ не может считаться правопреемником бывшей СФРЮ, так как является новым государством³⁵. Работа комиссии продолжалась до августа 1993 г.

Правовые мнения комиссии Бадинтера легли в обоснования резолюции Совета Безопасности ООН 777 от 19 сентября 1992 г. В ней подчеркивалось, что «Социалистическая Федеративная Республика Югославия прекратила существование», а новая Союзная Республика Югославия «не может автоматически продолжать членство СФРЮ в Генеральной Ассамблее ООН и участвовать в ее работе» и должна подать заявку на вступление³⁶. Другими словами, СРЮ была уготовлена участь государства-изгоя. И только благодаря позиции России миссия СРЮ при ООН продолжала работать, флаг Югославии продолжал висеть перед зданием ООН в Нью-Йорке.

33 Opinion № 8 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 4 July 1992 // Trifunovska S. Yugoslavia through Documents... P. 634–636.

34 Opinion № 9 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Ibid. P. 637–638.

35 Opinion № 10 of the Arbitration Commission of the Peace Conference on Yugoslavia. 11 January 1992 // Ibid. P. 639–640.

36 United Nations Security Council Resolution 777. 19 September 1992. S/RES/777.

Союзная Республика Югославия не могла согласиться с выводами Арбитражной комиссии ЕС. 12 июня и 14 июля 1992 г. правительство СРЮ дважды выступило с заявлениями о непризнании компетенции Арбитражной комиссии ЕС по причинам «принципиального характера» и о том, что ее деятельность можно рассматривать как «вмешательство во внутренние дела государства». В заявлении от 14 июля подчеркивалось, что ее «Мнения», в особенности № 8, № 9 и № 10, «не представляют собой правовых оснований для каких-либо решений»³⁷. Арбитражная комиссия отклонила возражения Югославии и 16 июля и 13 августа 1993 г. вынесла заключения № 11–15, которые относились к определению дат правопреемства, разделения государственного имущества, архивов и долгов, ответственности за военный ущерб.

Многие юристы-международники выступили с критикой Арбитражной комиссии. Так, австралийский юрист П. Радан, анализируя «Мнение № 3», писал, что, согласно международному праву, принцип неизменности границ относится к признанным государствам, а не к их федеральным единицам, и мог применяться только при сохранении территориальной целостности самой Югославии. Радан подчеркнул, что Комиссия проигнорировала положения пунктов статьи 5 Конституции СФРЮ, согласно которой ее границы не могли быть изменены без согласия всех ее республик и автономных краев³⁸. Американский юрист Р. Хейден указывал, что «Мнение № 8» также было ошибочным, так как результаты референдума о независимости в Боснии и Герцеговине, состоявшегося 2 февраля – 1 марта, не отражали волю всех народов Боснии и Герцеговины³⁹. По мнению бывшего представителя СРЮ в ООН В. Йовановича, лишение СРЮ возможности участвовать в работе органов ООН имело политическую природу и находилось в противоречии с международным правом⁴⁰.

37 Бадентеров документ нема правног основа. Танјуг. 14 јула 1992 г. // Шушић С., Терзић З. Од Бриона до Дејтона... С. 315.

38 *Radan P.* Post-Secession International Borders: A Critical Analysis of the Opinions of the Badinter Arbitration Commission // *Melburn Law Review*. Vol. 24. № 1. P. 50–76.

39 *Heyden R.* Blueprints for A House Divided. The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts. Ann Arbor, 1999. P. 95.

40 *Jovanovic V.* The Status of the Federal Republic of Yugoslavia in the United Nations // *Fordham International Law Journal*. 1997. Vol. 21. Issue 5. P. 1721–1722.

Сопредседатель КЕСЮ Д. Оуэн отметил противоречивость решений Арбитражной комиссии: «Непонятно почему, но все 11 государств – членов ЕС отвергли предложения пересмотреть границы республик. [...] Действительно, все сербские требования были трудновыполнимыми, но было невероятным, что они отказались от всякого обсуждения или компромисса, чтобы предотвратить войну. [...] Я всегда считал, что рассматривать внутренние границы шести республик бывшей Югославии, а именно Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии как границы независимых государств, даже до возникновения вопроса о признании этих республик, было глупостью еще большей, чем преждевременное их признание»⁴¹.

По мнению российского историка В. К. Волкова, все четыре варианта плана урегулирования Каррингтона, «представленные конференцией в течение осени 1991 г., поощряли сепаратистскую линию республик, решивших отколоться от югославской федерации, особенно Словении и Хорватии, и играли деструктивную роль по отношению к югославской государственности, причем с заметно возрастающей раз от раза антисербской направленностью»⁴².

Российский историк Е. Ю. Гуськова считает, что Арбитражная комиссия была целенаправленно создана с целью правового обоснования распада Югославии и что «с этого времени антисербская направленность решений и действий международных организаций ощущалась все острее»⁴³. Однако следует отметить, что «Мнение № 1» Арбитражной комиссии было опубликовано 29 ноября 1991 г., через 11 дней после того, как 18 ноября части ЮНА после упорных боев и массированных артиллерийских обстрелов взяли хорватский город Вуковар. Город был почти полностью разрушен артиллерией ЮНА⁴⁴. Вскоре в городе появились отряды Сербской радикальной партии. Один из этих отрядов 20 ноября 1991 г. на ферме «Овчара» расстрелял 260 хорватских пленных⁴⁵. По мнению А. В. Березина,

41 Owen D. *Balkan Odyssey*. New York, 1995. P. 33.

42 Волков В. К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 21.

43 Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 340.

44 Document D00834. Case IT-95-13/1. The Prosecutor versus Mile Mrkšić // ICTY.

45 Document D3660. Case IT-04-75-1. The Prosecutor versus against Goran Hadžić. First Amended Indictment. 22 July 2011. Para 32 // Ibid.

в сложившейся ситуации ЕС не видело другого выхода, кроме прекращения вооруженного конфликта между Сербией и Хорватией путем ослабления СФРЮ и ее институтов, включая и Югославскую народную армию (ЮНА)⁴⁶. Поэтому представляется, что подлинной причиной «антисербской направленности решений и действий международных организаций» был переход межэтнического конфликта в Хорватии в фазу боевых действий между Хорватией и ЮНА и ее наступление на Вуковар.

Тем не менее деятельность Арбитражной комиссии Бадинтера можно обвинить в необъективности. Игнорируя ключевые положения Конституции СФРЮ, Арбитражная комиссия фактически защитила сепаратистские силы в республиках и обосновала распад Югославии с точки зрения международного права. Формально-легалистская ограниченность ее выводов и упорное игнорирование политико-правовых реалий СФРЮ усложнили процесс урегулирования конфликтов на территории бывшей Югославии.

По воспоминаниям председателя Скупщины Республики Сербской М. Крайшника, он «ощутил у Милошевича определенную долю злости на французов, как бывает у людей, которые стали жертвой обмана»⁴⁷. Несомненно, что эта неудача придала С. Милошевичу решимости отстаивать интересы сербского населения Боснии и Герцеговины и Хорватии военно-дипломатическими методами.

Работа комиссии и сегодня представляет интерес тем, что она обозначила реперные точки анализа югославского конфликта в рамках категорий международного права: суверенитет, самоопределение народов и правонаследие государств. В контексте незавершенности процессов государственного строительства на территории бывшей Югославии, где споры о суверенитете, праве наций на самоопределение и государственных границах не утихают и сегодня, решения комиссии имеют долговременное значение для анализа дальнейшего развития ситуации на Балканах.

⁴⁶ Березин А. В. Становление ЕС как субъекта внешней политики на примере Балканского региона // Актуальные проблемы Европы. 2006. № 4. С. 82–106.

⁴⁷ Крајишник М. Како се рађала Република Српска. Београд, 2011. С. 222.

Источници и литература

Бадентеров документ нема правног основа. Танјуг, 14 јула 1992 г. // Шушић С., Терзић З. Од Бриона до Дејтона. Хронологија кризе на простору Југославије. Београд: Војна Књига, 2003. 315 с.

Березин А. В. Становление ЕС как субъекта внешней политики на примере Балканского региона // Актуальные проблемы Европы. 2006. № 4. С. 82–106.

Волков В. К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50.

Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 340 с.

Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд: Призма, 1996. 487 с.

Крајишник М. Како се рађала Република Српска. Београд: Вести, 2011. 478 с.

Милошевић С., Вилић Д, Тодоровић Б. В чем обвиняют Югославию? М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 353 с.

Николић К. Југославија, последњи дани (1989–1992). Београд: Службени гласник, 2022. Књ. 3. 515 с.

Политика. 19 децембар 1991.

Радишић Д. Хронологија догађаја на простору претходне Југославије 1990–1995. Бања Лука: Глас Српски, 2002. 707 с.

Ставови супротни сувереним правима Југославије // Шушић С., Терзић З. Од Бриона до Дејтона. Хронологија кризе на простору Југославије. Београд: Војна Књига, 2003. С. 239.

Становништво према националној припадности и површина насеља. Попис 1991. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G1991/Pdf/G19914013.pdf> (дата обраћања: 20.10.2020).

Устав Републике Српске Краине // Паспаљ М. Албум из Крајине. Сарајево: Јавност, 1996. С. 94–117.

Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Beograd: Vaternik, 1997. 282 s.

Borba. 18. oktobar 1991.

Heyden R. Blueprints for A House Divided. The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999. 208 p.

International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia Court Records (ICTY). URL: <http://icr.icty.org/> (дата обраћања: 15.10.2017).

Jovanovic V. The Status of the Federal Republic of Yugoslavia in the United Nations // Fordham International Law Journal. 1997. Vol. 21. Issue 5.

Jović B. *Od Gazimestana do Haga. Vreme Slobodana Miloševića*. Beograd: Metaphysica, 2009. 413 s.

Lucarelli S. *Europe and the Breakup of Yugoslavia: a political failure in search of scholarly explanation*. The Hague: Kluwer Law International, 2000. 278 p.

Owen D. *Balkan Odyssey*. New York: Harcourt Brace & Co., 1995. 389 p.

Radan P. *Post-Secession International Borders: A Critical Analysis of the Opinions of the Badinter Arbitration Commission // Melburn Law Review*. Vol. 24. № 1. P. 50–76.

Statement by an extraordinary Ministerial Meeting concerning Yugoslavia. 27 August 1991 // *European Political Cooperation Documentation Bulletin*. 1991. Vol. 7. P. 390–391.

The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Belgrade, 1974. 314 p.

Trifunovska S. *Former Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dissolution*. The Hague: Kluwer Law International, 1994. 1104 p.

Ustav Socijalističke Republike Hrvatske. Glava I. // *Narodne novine*. 1974. Br. 8.

References

Avramov, S. *Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije*. Beograd: Vaternik, 1997, 282 p.

“Badinterov dokument nema pravnog osnova. Tanjug, 14 jula 1992.” Šušić, S., Terzić, Z. *Od Briona do Dejtona. Hronologija krize na prostoru Jugoslavije*. Beograd: Vojna knjiga, 2003, 315 p.

Berezin, A. “Stanovleniie EU kak sub"ekta vneshnei politiki na primere Balkanskogo regiona.” *Aktual'nye problemy Evropy*, 2006, No 4, pp. 82–106.

Borba, 18. oktobar 1991.

Gus'kova, E. Iu. *Istoriia Iugoslavskogo krizisa (1990–2000)*. Moscow: Russkoe pravo / Russkii natsional'nyi fond, 2001, 720 p.

Heyden, R. *Blueprints for A House Divided. The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999, 208 p.

International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia Court Records (ICTY). URL: <http://icr.icty.org/> (accessed: 15.10.2017).

Jovanovic, V. “The Status of the Federal Republic of Yugoslavia in the United Nations.” *Fordham International Law Journal*, 1997, vol. 21, issue 5, pp. 1719–1736.

Jović, B. *Poslednji dani SFRJ. Izvodi iz dnevnika*. Beograd: Prizma, 1996, 487 p.

Jović, B. *Od Gazimestana do Haga. Vreme Slobodana Miloševića*. Beograd: Metaphysica, 2009, 413 p.

Krajišnik, M. *Kako se rađala Republika Srpska*. Beograd: Vesti, 2011, 478 p.

Lucarelli, S. *Europe and the Breakup of Yugoslavia: a political failure in search of scholarly explanation*. The Hague: Kluwer Law International, 2000, 278 p.

Milošević, S., Vilić, D., Todorović, D. *V chem obviniaut Jugoslaviiu?* Moscow: RITS ISPI RAN, 2002, 353 p.

Nikolić, K. *Jugoslavija, Poslednji dani. (1989–1992)*. Beograd: Službeni glasnik, 2022, book 3, 515 p.

Owen, D. *Balkan Odyssey*. New York: Harcourt Brace & Co., 1995, 389 p.

Radan, P. "Post-Secession International Borders: A Critical Analysis of the Opinions of the Badinter Arbitration Commission." *Melburn Law Review*, vol. 24, No 1, pp. 50–76.

Radišić, D. *Hronologija događaja na prostoru prethodne Jugoslavije 1990–1995*. Banja Luka: Glas Srpski, 2002, 707 p.

"Statement by an extraordinary Ministerial Meeting concerning Yugoslavia. 27 August 1991." *European Political Cooperation Documentation Bulletin*, 1991, vol. 7, pp. 390–391.

"Stavovi suprotni suverenim pravima Jugoslavije." Šušić, S., Terzić, Z. *Od Briona do Dejtona. Hronologija krize na prostoru Jugoslavije*. Beograd: Vojna Knjiga, 2003, p. 239.

The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Belgrade, 1974, 314 p.

Trifunovska, S. *Former Yugoslavia through Documents. From Its Creation to Its Dissolution*. The Hague: Kluwer Law International, 1994, 1104 p.

"Ustav Republike Srpske Krajine." Paspalj, M. *Album iz Krajine*. Sarajevo: Javnost, 1996, pp. 94–117.

"Ustav Socijalističke Republike Hrvatske." Glava I. *Narodne novine*, 1974, No. 8.

Volkov, V. K. «Novyi mirovoi poriadok» i balkanski krizis 90-kh gg. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2002, No 2, pp. 11–50.

Badinter Commission 1991–1993 and the Fate of Yugoslavia

Viktor I. Bezruchenko

Candidate of Political Science, independent researcher

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-8393-7315

Citation

Bezruchenko V. I. Badinter Commission 1991–1993 and the Fate of Yugoslavia // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 78–101 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.04

Received: 05.07.2024.

Revised: 05.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The author provides an analysis of the European Union's position on key issues of settlement of the Yugoslav crisis (state sovereignty, the right to self-determination and borders of the Yugoslav republics) through examination of the documents of the International Criminal Tribunal for former Yugoslavia, as well as the documents of the Yugoslav government and the European Union Arbitration Commission. The analysis takes into account the historical context of the Yugoslav crisis on the basis of Opinions of the Arbitration Commission of the European Union (Badinter's Commission). The Commission attempted to elaborate legal basis of the process of disintegration of Yugoslavia. The EU Opinions contributed to premature international recognition of Croatia and Bosnia and Herzegovina which plunged these republics into civil war. The stated goal of the Conference of European Union for former Yugoslavia and the Arbitration Commission was the settlement of the political crisis in Yugoslavia through changes of its constitutional framework. The Commission examined a broad range of issues concerning the process of disintegration of Yugoslavia and elaborated relevant recommendations (Opinions) for the EU Conference for former Yugoslavia. The Opinions of Badinter's Arbitration Commission played an important role in interpretation of conflicts in Croatia and Bosnia and Herzegovina and their eventual settlement. The article reveals the political context

of the Commission's activities and provides a critical assessment of its activities with emphasis on incompatibility of the Commission's recommendations with the Constitution of Yugoslavia. The Commission's recommendations were in fact reduced to unconstitutional changes of the borders and elimination of Yugoslavia as a state. Recommendations of Badinter's Commission resulted in a hasty international recognition of Croatia and Bosnia and Herzegovina, which became the main reason for civil wars in these two republics.

Keywords

Arbitration Commission, Yugoslavia, European Economic Community, European Union, borders, international law, sovereignty, international recognition, sovereignty, national self-determination, constitution, conflict.

УДК 811

И. В. Вернер

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.05

**К вопросу об авторстве церковнославянского перевода
предисловия к Франкфуртской Библии 1597 г.
и его судьбе в полемической литературе
рубежа XVII–XVIII вв.**

Вернер Инна Вениаминовна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: inna.verner@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8385-3599

Цитирование

Вернер И. В. К вопросу об авторстве церковнославянского перевода предисловия к Франкфуртской Библии 1597 г. и его судьбе в полемической литературе рубежа XVII–XVIII вв. // *Славянский альманах*. 2024. № 3–4. С. 102–131. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.05

Статья поступила в редакцию 24.03.2024.

Рецензирование завершено 08.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье представлен полный лингвистический анализ единственного списка конца XVII в. с церковнославянским переводом предисловия к изданной во Франкфурте в 1597 г. греческой Септуагинте. Выявлены общие для переводческой школы Чудова монастыря лингвистические особенности текста. Присутствие в нем специфических лексико-грамматических форм идиолекта Епифания Славинецкого, имеющих белорусско-украинское происхождение и характерных для других переводных текстов Епифания, позволило атрибутировать ему авторство перевода, исключив иные версии. Установлено, что выполненный Епифанием, вероятно, в 1650–1660-е гг. в связи с библейской справой перевод был востребован в 1690-е гг. при составлении полемического трактата «Обличение на гаждатели Священного Писания Библии». Сокращенный и переработанный текст библейского предисловия вместе с фрагментами из сочинений Афанасия Александрийского, Епифания Кипрского и Цезария Барония вошел в раздел трактата, посвященный истории греческих библейских

переводов. Прослежена судьба отрывков из предисловия в полных списках полемического трактата, демонстрирующих восприятие книжниками ученого языка Епифания Славинецкого.

Ключевые слова

Церковнославянские переводы с латыни, Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Франкфуртская Библия 1597 г., «Обличение на гаждатели Священного Писания Библии».

1. Предисловие к изданной во Франкфурте греческой Библии 1597 г.¹ сохранилось в церковнославянском переводе в единственной рукописи под названием **Андреа Вехела Ередска Предсловіе к читателю** в составе сборника ГИМ Син. 11951 (лл. 200–205об.)². В названии упоминается работавший в Париже, но из-за гонений на гугенотов в 1572 г. обосновавшийся во Франкфурте-на-Майне потомственный немецкий типограф-протестант Андрей Вегелий († 1581), в типографии которого Септуагинта была напечатана его преемниками французами Жаном Обри († 1600/1601) и Клодом де Марном († 1610). Это греческое издание считается ответом протестантов на появление Вульгаты (*Sixtina Romana*) в 1587 г. Текст был напечатан элегантным шрифтом, имитировавшим средневековые византийские рукописи, и снабжен уникальным справочным аппаратом: помимо обозначенных арабскими цифрами номеров стихов внизу каждой страницы были даны обширные примечания с разночтениями из разных изданий Робера Этьенна, Комплютенской полиглотты 1514–1517 гг. и Антверпенской полиглотты 1569–1572 гг., Страсбургской Библии 1524–1526 гг. и Вульгаты 1587 г., а также и старших рукописных текстов. Примечания к ветхозаветным книгам включали чтения Симмаха и, опосредованно, еврейского текста, а в примечаниях к новозаветным книгам учитывались

1 *Divinae scripturae, nempe veteris ac novi testamenti omnia, Recens à viro doctissimo & linguarum peritissimo diligenter recognita, & multis in locis emendata, variisq(ue) lectionibus ex diversorum Exemplarium collatione decerptis, & ad Hebraicam veritatem in veteri Testamento revocatis aucta & illustrata.* Francofurti: Apud Andreae Wecheli heredes, Claudium Marnium, & Ioan. Aubrium, MDXCVII.

2 *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. II, №№ 820–1051. М., 1973. С. 103.

в первую очередь издания Этьенна. Предисловие и справочный аппарат, как и в других библейских изданиях протестантов рубежа XVI–XVII вв., были напечатаны на латыни.

В контексте европейской библейской филологии это издание стало довольно значимым и весьма авторитетным для своего времени. К нему обращались, например, английские переводчики Библии короля Иакова 1611 г.³ Франкфуртское издание было и одним из источников перевода Ветхого Завета на румынский язык, выполненного Николаем Спафарием (Николае Милеску-Спэтару) и изданного в составе Бухарестской Библии в 1688 г.⁴ В славянской традиции этот греческий текст использовался при подготовке издания Библии 1663 г., в переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского 1670–1680-х гг., а позднее, возможно, и петровскими справщиками.

Сборник, в составе которого дошел до нас перевод Предисловия, представляет собой 33 сплетенные вместе рукописи церковно-исторического содержания, датируемые концом XVII – началом XVIII в. Рукописи пронумерованы, текст Предисловия находится под номером VIII. Переплет сборника был выполнен уже в XX в.: А. И. Соболевский, первым указавший оригинал перевода Предисловия, держал в руках еще непереpletенные тексты. Соболевский охарактеризовал язык перевода как «церковнославянский ученый» и кратко предположил, что это «перевод едва ли не известнаго Евфимия»⁵. Это предположение позднее было принято О. Б. Страховой⁶. Почти век спустя после Соболевского Ф. Томсон столь же лапидарно отметил, что «по каким-то причинам перевел на церковнославянский предисловие» Епифаний Славинецкий⁷. Еще одна атрибуция принадлежит Т. А. Исаченко,

3 *Miller J. A.* The Earliest Known Draft of the King James Bible: Samuel Ward's Draft of 1 Esdras and Wisdom 3–4 // *Labourers in the Vineyard of the Lord: Erudition and the Making of the King James Version of the Bible* / ed. by M. Feingold. Leiden, 2018. P. 233.

4 *Pavel E.* The Beginnings of Textual Criticism in Old Romanian Writing // *Dacoromania, serie nouă*. 2016. XXI. No. 1. P. 18.

5 *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 214.

6 *Strakhov O. B.* The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Köln, 1998. P. 106–107.

7 *Thomson F. J.* The Slavonic translation of the Old Testament // *Interpretation of the Bible. Interpretation der Bibel. Interpretation de la Bible. Interpretacija Svetega Pisma*. Ljubljana, 1998. P. 691.

которая связала рукопись с Федором Поликарповым, указав на время ее написания после 1691 г. Основанием для датировки стали водяные знаки бумаги, для атрибуции – по-видимому, почерк, хотя он не был предметом отдельного рассмотрения⁸.

1.1. Перевод латинского предисловия греческой Библии был выполнен на церковнославянский язык полностью, без купюр. Текст довольно информативен в плане представлений библейской филологии рубежа XVI–XVII вв.: в нем последовательно сообщаются сведения о переводах семидесяти, Акилы, Симмаха, Феодотиона и двух анонимных греческих переводах, обстоятельствах возникновения каждого текста и указываются источники сведений – сочинения Отцов церкви. Говорится о том, что в «трудовитом и преизящном» деле Оригена – тетрапле, гекзапле или октапле – учтены все эти переводы, но поскольку этот труд «великою церкви тщетою» утрачен, то и перевод LXX в дальнейшем исправлялся «зело погрешно и растлено» в разных областях греко-византийского мира (Египте, Палестине, Константинополе, Антиохии). Особо подчеркиваются многочисленные разногласия греческого текста семидесяти и еврейского текста, а достоинством франкфуртского издания назван учет этих разногласий, которые специально отмечаются в аппарате издания.

Очевидно, что перевод Предисловия был выполнен ввиду особой важности франкфуртского текста. Сейчас известно, что наиболее активно это издание было востребовано при переводе Нового Завета Епифания Славинецкого, который в 1670-х гг. редактировал Евфимий Чудовский: последний постоянно обращался к разночтениям греческих печатных и рукописных текстов, приведенных в постраничных сносках Библии 1597 г.⁹ Первоначальный перевод Славинецкого до нас не дошел, однако можно полагать, что по крайней мере начало работы Епифания над ним относится еще к 50-м гг. XVII в. Естественно поэтому, что наиболее вероятными авторами перевода Предисловия могли быть Епифаний Славинецкий или Евфимий Чудовский. С другой стороны, Федор Поликарпов, учившийся у Евфимия и начинавший

⁸ *Исаченко Т. А.* «Оглавление лжесловий латинских» в составе трактата на «Оглаголющая Священную Библию» и вопросы полемики вокруг нового библейского перевода конца XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2009. № 5. С. 133.

⁹ *Вернер И. В.* К вопросу о европейских источниках перевода Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е гг.): греческие рукописи и печатные издания // *Slověne*. 2023. Т. 12. № 2. С. 97–126.

свои переводные труды под его началом, также мог в 90-е гг. XVII в. выполнить этот перевод. Однако с 1694 г., когда после отстранения братьев Лихудов от преподавания в Славяно-греко-латинской академии Полицарпов уже преподавал сам, латынь была временно исключена из программы обучения в Академии. Поэтому Полицарпов, очевидно, вряд ли мог переводить Предисловие с учебными целями, и его потенциальное авторство оставляет открытым вопрос, для чего именно ему понадобился славянский перевод Предисловия.

2. В настоящей работе мы попытаемся лингвистически дифференцировать работу книжников одного круга, переведивших, по определению Соболевского, на ученый церковнославянский язык и обладавших в значительной степени общим набором стилистических признаков, в число которых входят и лексические предпочтения, и синтаксические особенности. Эту задачу осложняет то обстоятельство, что переводы чудовского книжного круга с греческого известны и изучены лучше, чем переводы с латыни.

2.1. В тексте Предисловия можно обнаружить несколько общих для всех чудовских книжников лингвистических характеристик. Прежде всего, это наличие множества композитов, относящихся к разным частям речи: **бл̄гонскѣствѣтъ** probat; **довлѣтворитѣно быти** **ѡповаемъ** satisfacturam esse speremus; **отъ военъ** и **должноделныхъ вещей нѣдѣяшеся** a bellis gerendisque rebus esse cogeretur; **нѣкоегѡ Птолемеѣва щитоносца** quodam Ptolemaei satellite; **вбл̄гочастити бл̄говолитъ** secundare dignetur; **призваннымъ ѡвсюдѣ бл̄гоестествіемъ** accitis undique ingeniis; **ѣ фарѣ верхоградѣ Александріи** in Phari arce Alexandria; **звѣздословныхъ хитростей** Astrologicarum artium; **различнѡ и многовратнѡ** multis et variis modis; **еврейскимъ словотканіемъ** Hebraeo textucollatis. Многочисленные примеры подобных образований неоднократно рассматривались как характерный признак чудовской переводческой школы конца XVII в., который присущ всем без исключения переводчикам¹⁰.

2.2. Довольно узнаваемой особенностью чудовских книжников является избыточная префиксация глаголов и отглагольных дериватов, которая

10 *Strakhov O. B. The Byzantine Culture...* P. 45; *Николаева Н. Г.* Индивидуальное начало в переводческом творчестве Епифания Славинецко-го // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 156. 2014. Кн. 5. С. 33; *Николенкова Н. В.* Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 312.

в тексте Предисловия может как повторять морфемную структуру латинских форм, так и быть от нее независимой. Ср. префиксальные кальки: **вонзправитѣся** recognoscetur; **предпоставити** praefigere; **преддѣготовляеть** praeparat; **въѡдана** redditaque; **возѡвѣстѣвѣющимъ** respondentibus; **ѡвсѣхъ привозкликнѣся** ab omnibus acclamatum; **приназначнаемъ** annotabimus; **припослѣдоваше** successit; **въ изданіихъ предизчисленыхъ** in editionibus iam numeratis; **со ... прѣказами** cum exemplaribus; **предизящественно есть** praestitum est.

Аналогичные префиксальные формы глаголов и отглагольных существительных широко используются и в переведенном Епифанием Новом Завете¹¹: Мк 2:15 **соволежахъ** συναλέκειντο; Лк 1:3 **припослѣдовавшъ** παρηκολουθηκότι; Лк 2:38 **въисповѣдашесѧ** ἀνωμολογεῖτο; Лк 8:7 **совозрастшая** συμφυεῖσαι; Мк 4:7 **сподавши** συνέλνιξαν; Мк 14:44 **сознаменіе** σύσημον и др. Исправляя перевод Епифания, Евфимий еще чаще добавляет префиксы к глаголам там, где у Епифания они отсутствовали. При этом Евфимий может исходить не только из морфемного соответствия (Мк 5:37 **спослѣдовати** συνακολουθήσαι, Мк 3:12 **запрещаше** ἐλετίμα, Мф 22:9 **на происходища** ἐπί τὰς διεξόδους), но и из видо-временной эквивалентности славянской и греческой формы¹² (Лк 18:20 **не вопрелюбодѣйствиши, не волжесвидѣтелствиши** οὐ μοιχεύσεις, οὐ ψευδομαρτυρήσεις, Лк 9:50 **не возбраните** μὴ κωλύετε, Мк 3:10 **да емъ прикоснѣтсѧ** ἄψωνται, Мф 26:40 **повдѣти** ὑπηγορήσαι). Подобные переводы есть и в тексте Предисловия, ср. **воисправи** как эквивалент активной формы перфекта emendavit.

2.3. Продуктивной и регулярной словообразовательной моделью для чудовских переводчиков является образование глаголов и отглагольных имен с суффиксом *-ств-*: **писателствоваша** scriptitarint; **свидѣтелствѣють** testetur; **ω ... повѣстѣваемыхъ** de ... quae narrantur; **достачество** copia; **недоумѣнство** dubium; **преводства** Graecae versiones; **хрта** ὄχρημα; **ѡчителство** Christi doctrinam; **ѡстѣпства навѣтѣ** apostasiae fucum; **не возможе началничества ... достѣпити** principatum ... obtinere non posset.

Чрезмерным пристрастием к отглагольным формам с суффиксом *-ств-* и глаголам, часто образуемым от именных основ,

11 Далее в примерах мы различаем оставленные Евфимием без исправления переводы Епифания и исправленные Евфимием чтения в Новом Завете по ркп. ГИМ, Син. греч. 473.

12 Николаева Н. Г. Индивидуальное начало... С. 32.

отличается и перевод Нового Завета Епифания и Евфимия: Лк 6:12 **бѣ преноществѹя**, Мф 6:20 **сокровищствѹйте**, Мф 4:24 **демонствѹемыея и лѹнствѹемыея**, Лк 1:8 в **чинѹ подневства**, Мк 10:22 **дряхлствовавѹ**, Мк 14:65 **ланитствами ... вѣлхѹ**, Ин 4:36 **немоштвоваше**, Лк 19:13 **кѹплствѹйте**, Лк 22:65 **старшество**, Ин 3:33 **запечатствова**, Лк 16:2 **икономства** и др. Евфимий в своих исправлениях наследует и распространяет формы с *-ств-*, ср. Лк 18:20 **не лювоудѣши** → **не воспрелювоудѣствиши**, Лк 21:17 **ненавидими** → **ненавиствѹеми**, Мк 12:15 **посѹжденіе** – глосса **лицемѣрство** и др.

Подобные формы характерны для всех текстов Евфимия Чудовского¹³. Присутствуют они и в текстах Епифания Славинецкого: в изданном в 1665 г. на Московском печатном дворе Сборнике переводов Епифания¹⁴, в рукописи переведенной Епифанием с латыни части Атласа Блау¹⁵, а также в рукописных сборниках слов и поучений Епифания (ГИМ, Син. 597, Син. 1195I). Лексикон Федора Поликарпова также содержит значительное число глаголов с суффиксом *-ств-*.

2.3.1. Для периода конца XVII в. можно констатировать активную конкуренцию именных суффиксов *-ств-*, *-ость* и *-(е)ниѹ-*, ср., например, словообразовательную вариативность в переводе греч. ἀπόρημα, соответствующего в тексте Предисловия лат. *dubium* и переведенного как **недоумѣнство**, в трехязычном лексиконе Епифания Славинецкого: ἀπόρημα ατος τὸ **безпѣтіе** via *carentia*. **недоумѣнность**. **недоуміе** *animi pendentia*. **сомнительство** *dubitatio*. **скѹдость**. **оскѹдѣніе** *defectus*. **воѹисканіе** *quaestio*. **безсовѣство** *inopia consilii*. **нестяжаніе** *possessionis caentia* (НБ МГУ, Мур. 9Вi45, л. 173). В русском языке XVIII в. такая вариативность повлечет за собой дифференциацию семантики суффиксальных дериватов: будучи полисемантическими, тем не менее имена на *-(е)ниѹ-* преимущественно закрепляют за собой значение отвлеченного действия, а имена на *-ость* – значение отвлеченного признака. Семантически тождественные им формы с суффиксом *-ств-* становятся слабыми и немаркированными¹⁶. Эту тенденцию иллюстри-

¹³ Исаченко Т. А. Переводная московская книжность: митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009. С. 75–76.

¹⁴ Николаева Н. Г. Индивидуальное начало... С. 36.

¹⁵ Николенкова Н. В. «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // *Slověne = Словѣне*. International Journal of Slavic Studies. 2018. Т. 7. № 2. С. 105–133.

¹⁶ Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на *-ств/о/*, *-ость* и *-ниѹ* в русском языке XVIII века (на материале

рует уже сравнение приведенных выше вариантов **недоумѣнство** / **недоумѣнность** с Лексиконом Поликарпова: в последнем они уступают место лексеме **недоумѣніе** ἀπορία, dubium¹⁷. В этом отношении тексты чудовской школы представляют противоположную картину: суффикс *-ств-* является очень продуктивным для образования неконкретных имен и выступает в качестве основного средства большого количества глагольных отыменных новообразований.

2.4. Всем чудовским переводчикам свойственно, с одной стороны, обращение к архаизмам и редким лексемам, а с другой – использование неологизмов, в большинстве своем оставшихся окказиональными. В тексте Предисловия обнаруживается несколько такого рода лексем.

2.4.1. К числу редких и архаичных, к примеру, принадлежит лексема **делва** – *dolium* ‘бочка’: **Первое** [издание] **вврѣтеса в делвахъ нѣкихъ ѿ града Іеріхона ... другое подобнѣ в делвахъ заключены в нікополѣ вврѣтеса** in *doliis* ... in *doliis*. Старославянская лексема **дълы** (**дълвь**) встречается в Паремейнике Григоровича конца XII в.¹⁸, в списках «Паренесиса» Ефрема Сирина 1288 г. и «16 Слов» Григория Назианзина с толкованиями Никиты Ираклийского XIV в.¹⁹ Лексема родственна лат. *dolium* ‘бочка’, болг. *делва* ‘большой горшок с двумя ручками’ (болг. диал. *девла* ‘большой глиняный сосуд’, *дилве* ‘горшочек’)²⁰.

Делва присутствует и в латинском лексиконе Е. Славинецкого и А. Сатановского, и в трехязычном лексиконе Епифания, и в лексиконе Федора Поликарпова. В последнем словаре **делва** и **бочка** выступают как варианты перевода греч. τίθος и лат. *dolium*, тогда как в обоих лексиконах Славинецкого синонимами лексемы **делва** являются **кадь**, **корчагъ**, **чванъ**, но не **бочка**²¹. Толкование Славин-

лексикографических произведений гражданской печати) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2022. Вып. 5. С. 144.

¹⁷ Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704. С. 189.

¹⁸ Словарь старославянского языка. СПб., 2006. Т. 1. С. 538.

¹⁹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I, ч. 1. С. 767.

²⁰ Этимологический словарь славянских языков. М., 1978. Вып. 5. С. 210.

²¹ Поликарпов Ф. П. Лексикон... Л. 84об.; Німчук В. В. Лексикон латинський Є. Славинецького: Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973. С. 170; НБ МГУ Мур 9Vi45, л. 373об.

нецкого более соответствует греч. λίθος, обозначавшему не деревянную бочку, но большой керамический сосуд для зерна или глиняный кувшин для вина.

Архаичность лексемы **ДЕЛВА** подтверждают списки «Слова о милости» (ГИМ, Син. 483 и Син. 716), авторство которого приписывается Епифанию или Евфимию²². **ДЕЛВА** в этом тексте встречается несколько раз, однако в «черновом» списке ГИМ, Син. 483 имеется отсутствующая в «беловом» списке Син. 716 глосса **БОЧКА**, вписанная рукой Евфимия: **ДЕСЯТКИ ДЕЛВЪ** (поля: **БОЧЕКЪ**) (л. 900об.). Дальнейшая судьба чтений Предисловия с лексемой **ДЕЛВА** также свидетельствует о том, что лексема не входила в активный лексикон переписчиков XVII в. (см. об этом ниже). В словаре XVIII в. лексема *делва* зафиксирована со значением деревянной бочки с железными обручами²³. В Словарь Академии Российской *делва* вошла с пометой «старинная»²⁴.

2.4.2. Еще одной архаичной лексемой является глагол **ПЛѢЗАТИ** – **ПЛѢЗИТИ** ‘ползать, ползти’, два префиксальных деривата которого употреблены в Предисловии в переносном значении: **Іеронимъ ... на тоє разѹменїє проплѣзати видитсѹ** Hieronimus ... in eam sententiam propendere videtur; **во изданїихъ предизчисленыхъ многая погрѣшенїя заплѣзити познаше** in editionibus iam numeratis, multa vitia obrepssisse cognosceret.

В соответствии с латинскими глаголами **проплѣзати** – propendere значит ‘склоняться к чему-либо’, **заплѣзити** – obrepere имеет значение ‘вкрадываться, прокрадываться куда-либо’. Бесприставочный глагол **плѣзати** – **плѣзити** в форме **плѣжѹ** зафиксирован в обоих словарях Славинецкого и в лексиконе Поликарпова как синоним глагола **пресмыкаюся**. Он присутствует также в тексте Библии 1663 г.

Глаголы **плѣзати** – **плѣзити**, содержащие в корне ступень чередования гласных, связаны с парой **плѣзати** – **плѣзити** / **плѣзѣти**, засвидетельствованной уже начиная со старославянских текстов²⁵. Словарная фиксация форм от **плѣзати** – **плѣзити** преимущественно связана с ранними церковнославянскими текстами XII–XIII вв. или их

22 Пентковская Т. В. «Слово о милости» книжного круга Епифания Славинецкого: проблемы и перспективы изучения // Stephanos. 2016. № 5 (19). С. 100–111.

23 Словарь русского языка XVIII века / под ред. Ю. С. Сорокина. Л., 1991. Вып. 6. С. 84.

24 Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Ч. II. С. 576.

25 Словарь старославянского языка... Т. 4. С. 54.

позднейшими списками, а вторичное значение ‘тайком, незаметно подкрадываться к чему-л.’ отмечено лишь для XII в.²⁶

Актуализация лексем **пѣзати** – **пѣзити** и их производных в текстах XVII в., возможно, связана с влиянием юго-западно-русского лексического узуса цсл. языка, ср. присутствие лексемы также в Лексиконе Памвы Берынды: **Пѣжѣ: Ползѣ. Левѣ ѿ. по̀зѣю, пресмыкаюса**²⁷. Можно предполагать, что и лексема **делва** была более узуальной в киевских церковнославянских текстах, чем в московских, ср. также в Лексиконе Берынды: **Делва: Кадь, стаговѣ, фаска, вочка, или дѣжка**²⁸.

2.4.3. Заслуживает внимания и перевод в Предисловии лат. secta лексемой **чета** со значением ‘ересь, еретическое течение’: **Феодотиѡнѣ ... Писанія на греческѣ глаголѣ преложи ... на разрѣшеніе своея четы** ad propriae sectae confutationem (имеется в виду ересь Маркиона, к которой изначально, до перехода в иудаизм, принадлежал Феодотион). **Чета** представляет собой вариативный, наряду с лексемой **ересь**, перевод лат. secta, ср. несколько ранее также о Феодотионе: **Феодотиѡнѣ понтическій ѿ домочади и ереси маркіонови** Theodotio quidam Ponticus a familia sectaque Marcionis.

Цсл. **чета** имеет значение ‘отряд, воинская группа’; с этим значением лексема представлена в южнославянских языках, а также в чешском и словацком (как вероятное заимствование из сербохорватского)²⁹. В латинском лексиконе Славинецкого **чета** наряду с лексемой **полкъ** переводит лат. acies ‘войско, армия’³⁰, в греко-латинском словаре Епифания – греч. λόχος ‘отряд’ (НБ МГУ, Мур 9Ві45, л. 174). С тем же значением **чета** встречается в Геннадиевской, Острожской и Московской Библиях (Иов 1:17), в Лексиконе Берынды и в Лексиконе Поликарпова. Ни в одном из этих источников не представлено значение secta.

Однако в старших цсл. текстах для **чета** отмечены также значения ‘собрание’ – *τάγμα* и ‘(монашеская) община’ – *φρατρία*, с одной стороны, и ‘толпа, полчище, сообщники’ с отрицательными коннотациями

26 Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1989. Вып. 15. С. 83.

27 Берында П. Лексикон славенороссій, и имен толкование. Киев: типография Киево-Печерской лавры, 1627. Стлб. 157.

28 Берында П. Лексикон... Стлб. 50.

29 Этимологический словарь славянских языков. М., 1977. Вып. 4. С. 92.

30 Німчук В. В. Лексикон... С. 66.

(чета грѣшникъ, разбойникъ, нечестивыхъ), с другой³¹. Вероятно, эти коннотации позволили переводчику использовать лексему **чета** в значении *secta*, чтобы избежать повтора **ересь** в тексте.

2.4.4. Наконец, несомненным неологизмом выступает лексема **секратникъ**, соответствующая лат. *recentior*: **юже** [= книгу с переводом LXX] **ѡбаче Ѡ нѣкоегѡ секратника съмышленѡ нѣции мнѣтъ** *quem tamen ab aliquot recentiore conflictam quidam existimant*. Лат. имя производно от прилагательного *recentior* ‘свежий, недавний, новый, современный’ (также наречие) и в данном контексте может быть переведено как ‘современник’. Именно это значение имеет и лексема **секратникъ**, образованная от наречия **секратъ** ‘только что, сейчас’. Самые ранние случаи употребления наречия **секратъ** отмечены в Погодинской и Болонской Псалтырях³², в цсл. текстах оно встречается в форме **секратъ** / **секраты**³³. Эта лексема отсутствует в словарях Славинецкого и Поликарпова, но отмечена в Лексиконе Памвы Берынды с толкованием ‘новый, свежий, недавний, теперешний, небывалый’, ссылками на тексты Острожской Библии³⁴ и вариантами **секрати** / **секраты**³⁵. Как и в случае с указанными выше лексемами, последнее обстоятельство дает некоторые основания для того, чтобы говорить о значимости для переводчика лексического узуса киевских цсл. текстов.

2.5. Буквализм перевода Предисловия также объединяет его с прочими переведенными с греческого и латыни текстами чудовской школы. Следование синтаксическому строю латинского источника, в частности, обусловило регулярное вынесение в препозицию атрибута в родительном падеже, а также и зависимого от глагола дополнения: **сѣненыхъ же и греческихъ писменъ любителемъ** *sacrarum cum Graecarum literarum amantibus*; **птолемеа цря блгочестивѣи воли покаряющеся** *Ptolemaei regis piaie voluntati morem gerentes*; **гражданввъ завистію прогнанъ къ немѡ привѣже** *civium invidia pulsus ad eum confugerat*; **преводѡ Роберта Стефана типографа црѣкагѡ очемѡ**

31 Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка... Т. III, ч. 2. С. 1503.

32 Словарь старославянского языка... Т. 4. С. 55.

33 Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка... Т. III, ч. 1. С. 323; Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М., 2000. Вып. 24. С. 39.

34 В Библии 1663 г. в указанных у Берынды чтениях (Втор. 42:17 и 2 Макк. 14:46) лексема **секратъ** / **секраты** также читается.

35 Берында П. Лексикон... Стлб. 217.

и сыновню послѣдовахумъ exemplar Roberti Stephani typographi regii patris et filii secuti sumus.

В переводе во множестве сохраняются и передаются конструкции с двойным винительным: **оное всѣхъ бл҃гихъ желанію дозаетворително быти ѡповаемъ** eam omnium bonorum desiderio satisfacturam esse speremus; **его же ... самарянина быти Θεодωριτть сказзѣтъ** quem Samaritanum fuisse Theodoretus autor est; **ини же достовѣрнѣе нещѣютъ оно до нынѣ пребывати** alii vero probabilius censent illam adhuc superesse и др.

Трижды встречается буквальный перевод союзов post cum и post quam, вводящих придаточное предложение времени, сочетанием **по вьегда: и по вьегда вблчненія и ѡвѣщанія попра** et post cum reprehensiones admonitionesque respueret; **и по вьегда тыхъ языкъ издчи** et post quam eorum linguam didicisset; **по вьегда Хр҃това Еванліе всюдѣ и пространнѣ проповѣдася** postquam Christi Evangelium fuit in orbem lateque divulgatum.

Более частными случаями буквального перевода латинских синтаксических конструкций выступают аналитические формы пассивного залога (**приложена сѣтъ** additae sunt, **наблюдена сѣтъ** observata sunt, **пріято естъ** recepta est), регулярный перевод аблатива действующего лица родительным падежом имени с предлогом **отъ** (**вся ѡ оныхъ преведена быти пишѣтъ** omnia ab ipsis versa esse scribunt; **таже ѡ Оригена трѣдомъ изданы** quos ab Origene elaboratos).

Наконец, как и в других чудовских текстах, в Предисловии встречаются грецизмы, оставленные без перевода или снабженные объяснительным переводом в сочетании с **сирѣчь** или **рекше**: **сїя книги Оригена различными звѣздками и чертицами** и λημνίσκοις и ὑπολημνίσκοις **назnamenova** – Hos libros Origenes variis ἀστερίσκοις et ὀβελοῖς et λημνίσκοις atque ὑπολημνίσκοις notavit; **тожде же назва изданіе** κοινὴν, **рекше вьще нарицатися** – eandem quoque editionem κοινὴν, hoc est, communem appellari; **тогжде Птолемае** Πτολεμαῖος (рекше **цитоносець, или защитни^к, или берегатель вколничіи**) – eiusdem Ptolemaei Πτολεμαῖος; **ѣ предсловіи на книгѣ Паралаипоμένων** – in praefat. in lib. Paralipomenon. За исключением последнего примера, все грецизмы в латинском тексте Предисловия напечатаны также по-гречески. Объяснительные переводы даны и к тем грецизмам, которые в оригинале латинизированы: **тетрапла** (рекше **четверници, или четвероубна**) – tetrapla; **ѣзапла сирѣчь шестогуби** – hexapla; **вктапла рекше осмерники или всмогубныя** – octapla.

3. Перечисленные лингвистические характеристики перевода Предисловия позволяют с уверенностью говорить о принадлежности

текста к чудовскому книжному кругу, однако не дают оснований для однозначных выводов о конкретном авторе перевода. Анализ лексики Предисловия на предмет ее принадлежности идиолекту Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского или Федора Поликарпова дает немногим больше в силу преемственности лексического узуса Епифания его учениками и последователями. Очевидным примером является лексема **изящный** и ее разнообразные производные, в большом количестве присутствующие в Предисловии: **дѣло от негѡ прензѡществѣемое** operam ab eo praestitam; **быти всѣхъ ... изящнѣйшо** fuisse omnium ... nobilissimam; **изящнѣйшими и величайшими почтенъ саны** nobilissimis maximisque functus magistratibus; **дѣло ... трѣдовито и прензѡщно** opus ... laboriosum et divinum; **изяществено бѣдетъ** praestitum sit; **прензѡществено естъ** praestitum est.

Столь же часто лексема **изящный** со значением ‘превосходный, выдающийся, лучший’ и ее дериваты, соответствующие широкому кругу различных латинских лексем, употребляется в переводе Атласа Блау, выполненном совместно Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исией Чудовским³⁶. Глагол **прензѡществовати** читается в переводе Нового Завета Епифания и Евфимия: **прензѡществѣете** (Мф 6:26, Мф 10:31), **прензѡществѣтъ** (Мф 12:12)³⁷. Словарь Федора Поликарпова приводит два словообразовательных гнезда для **изящный** и **прензѡщный**: (пре)изѡщество, (пре)изѡщный, (пре)изѡществѣю, (пре)изѡщнѡ³⁸.

Словарь Поликарпова наглядно демонстрирует преемственность и зависимость от лексиконов Епифания: рассмотренные выше редкие лексеммы из Предисловия, находящие соответствие в обоих лексиконах Славинецкого, учитываются и Поликарповым. То же самое можно констатировать в отношении лексем **гражданинъ** и **гражданство**, **разглаголъ** ‘диалог’, **звѣздословіе** ‘астрология’, **тканіе** ‘текст’ и их производных, которые встречаются в Предисловии и во всех упомянутых словарях, а также в других текстах чудовской школы. Напротив,

36 *Николенкова Н. В.* Лексическая структура... С. 311; *Николенкова Н. В.* Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2018. № 6. С. 86.

37 В Мф 12:12 и Мф 10:31 в тексте имеются исправления Евфимия: **лѣчши есте** и **лѣчши естъ**, сопровождаемые на полях глоссой **прензѡществѣете** и ссылкой на Мф 6:26.

38 *Поликарпов Ф. П.* Лексикон... Л. 300б., 135.

в переводе есть и несоотносимые со словарями варианты: к примеру, лексема *bibliotheca* – βιβλιοθήκη в латинском лексиконе Славинецкого передана как **внвлюѡ-ѡ-ика**, **книгохранилище**, **книжница**, в лексиконе Поликарпова – как **книгохранилище**, в славяно-греко-латинском лексиконе Славинецкого – как **книгохранилище**, а в библейском Предисловии употреблены варианты **книгохранилища**, **книгоположница** и **вѣвлѡ-ѡ-ика**³⁹. Поскольку на представление той или иной лексемы в словаре влияет множество разных факторов, начиная от этимологических гнезд переводного языка и заканчивая прецедентными переводами, подобный сравнительный анализ лексики едва ли может предоставить надежные доказательства авторства перевода.

4. Более определенными маркерами принадлежности перевода представляются специфические грамматические (лексико-грамматические) формы и орфографические особенности, встречающиеся в Предисловии, которые находят соответствие в других переводах Епифания Славинецкого и позволяют уверенно атрибутировать текст именно ему. В отличие от лингвистических характеристик, объединяющих adeptов переводческой школы Епифания, эти особенности, до сих пор не обращавшие на себя должного внимания исследователей, являются индивидуальными, связаны не с переводным языком-источником, но с церковнославянским идиолектом Епифания.

4.1. Прежде всего, в Предисловии такие особенности демонстрируют формы превосходной степени наречий на -о после шипящих: **показъется оное вѣтхѡгѡ завѣта преведеніе Греческое быти вѣхъ кромѣ противорѣчїа древнѣйшо изящнѣйшо и достовернѣйшо** *constat illam veteris Testamenti interpretationem Graecam, fuisse omnium sine controversia antiquissimam, nobilissimam ac celeberrimam*; **дѣло сїе полнѣйшо и исправлнѣйшо произидетъ** *hoc opus auctius, elegantius, et emendatius prodiret*; **согласнѣйшо быти предаютьъ** *convenientissimam fuisse tradunt*.

Релевантным является орфографическое и, по-видимому, также фонетическое оформление приведенных форм. Написания -о вместо -ѡ, а также -ы вместо -и после шипящих *ж, ш, ц* встречаются во многих текстах Епифания Славинецкого. Эти написания, как правило, варьируются со стандартными цсл. написаниями -ѡ и -и после шипящих, но являются довольно частотными, поскольку за ними,

³⁹ Ср. также глоссу Евфимия Чудовского **книгоположница** в тексте «Обличения на гаждатели Священного Писания Библии», где употреблена лексема **внвлюѡ-ѡ-ика** (ГИМ, Син. 373, л. 11).

как должно думать, стояло соответствующее произношение Епифания – выходца из белорусских земель⁴⁰: в белорусских говорах безударный вокализм после шипящих, *ц* и *р* после их отвердения изменился по типу вокализма после твердых согласных. Интересующая нас орфография Епифания может отражать конотопский тип вокализма, в котором после твердых шипящих и *ц* на месте *e*, *a* образуется *o*⁴¹. Говоры с конотопским вокализмом распространены в том числе на территории Брестской области, где находится Пинск – предполагаемая малая родина Епифания Славинецкого. Подобные написания, таким образом, выступают еще одним подтверждением, наряду с архивными свидетельствами, версии о белорусском происхождении Епифания.

В печатном издании переводов Епифания 1665 г., которое правил Евфимий Чудовский, в первом слове Григория Богослова есть показательный пример, где рядом стоят однородные формы с разным оформлением флексии: **бѣѡ, единомѡ гавственнѣйшемѡ, и свѣтлѣйшемѡ** (л. 1об.). В этом же тексте имеются и другие случаи, оставшиеся неисправленными: **ѡ страстѣ первшомѣ сѣшомѣ** (л. 1); **вещи влажншой** (л. 2об.), **велащой заповѣди; велнчайшомѡ; текѡщой, разрѣшѡщойса, постраждѡщой; спѣшащойса** (л. 3).

Намного больше примеров таких написаний после всех шипящих в рукописных сборниках слов и поучений Епифания Славинецкого. Ср. в сбонике ГИМ, Син. 11951: **ѡ юнѣйшомѣ снѣѣ** (л. 528); **блѡгдати бѣжой споспѣшествѡщой** (л. 534); **ѡв радѡщойса и веселящойса** (л. 532); **на мѣстѣ неподобающомѣ** (л. 523); **въ цркви бѣжой** (505об.,

40 О происхождении Епифания Славинецкого нет достоверных сведений. На основе косвенных свидетельств в научной литературе были высказаны предположения о том, что Епифаний родом из украинских или белорусских земель, см.: *Панченко А. М.* Епифаний Славинецкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 310. Последняя версия подкрепляется замечанием его ближайшего соратника Евфимия о том, что Славинецкий был «родом белорусец», и известным по завещанию Славинецкого пожертвовани-ем значительной суммы Пинскому монастырю «на убогую братию и на шпитали на дробную милостыню», см.: *Ротар И.* Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. // *Киевская старина*. 1900. Октябрь. Т. LXXI. С. 4–5.

41 *Войтович Н. Т.* О структурном параллелизме типов безударного вокализма и нарушениях его в белорусских говорах (к проблеме аканья) // *Вопросы языкознания*. 1971. № 2. С. 88.

506об.), в домѣ бжомъ (л. 508); въ срѣцѣ нашомъ (л. 524), въ животворящей трѣцы (л. 524об.), въ настоящомъ вѣцѣ, возрастившейся пшеницѣ (л. 541) и др. В «Слове о милости» (ГИМ, Син. 716): в лазарѣ нишомъ и в хромомъ сѣдящѣмъ (л. 54об.), млтвѣцвѣвъ (л. 30об.), млтвѣцвѣмъ (л. 52об.), тѣнеядцвѣмъ (л. 56об.). В этом тексте с регулярной вариативностью оформляются композиты с соединительной гласной: птенцовраны (л. 47об., 48), нищопріемници (л. 41об.), нищопиталище (л. 39об., 40об., 41об., 42, 51, 51об., 52об.) / нищепиталище (л. 60, 60об., глоссы на л. 39об., 42). Эта особенность списков «Слова о милости» дает основания видеть в этом тексте, как и во многих других переводах, совместную работу Епифания и Евфимия.

Присутствует подобная орфография и в переведенной Епифанием части Атласа Блау: въ западнѣйшой оубѣ Европы, въ Германіи такъ вышшон, такъ нишшой, въ восточнѣйшой Европы части, въ вышшой, и нишшой Месіи⁴².

В отличие от этих текстов, отредактированный Евфимием перевод Нового Завета Епифания содержит лишь нерегулярные написания -и вместо -и во флексиях прилагательных и причастий, вполне возможные в великорусских текстах.

4.2. Вторым ярким знаком принадлежности перевода Предисловия Епифанию являются префиксальные глагольные формы с итеративным суффиксом или, точнее, с суффиксом имперфективации -ева-: различная реченія ... въ томъ преводѣ ... собраніи содержевахѣся varias lectiones ... in eo exemplari ... collecta continebantur; то ... ѡсмѣвѣваетъ Іеронимъ illud ... irridet Hieronymus.

Глаголы и причастия с суффиксами -ова- и -ева- также довольно регулярны в текстах Епифания, ср. в Житии Григория Назианзина в составе печатного Сборника переводов Епифания 1665 г.: испытывати (л. 1), ѡсмѣвѣаетъ (л. 1об.), превчистованы (л. 2об.), скончавааетъ (л. 3об.), содѣловааетъ (л. 4об.), разширѣвающихся, преподасовахѣся (л. 7об.), разширѣваемо (л. 8), совѣщаванте (л. 9об.), содѣловати (л. 10); в сборнике слов Епифания (ГИМ, Син. 11951): ѡдерживаетъ (л. 524), ѡвѣтшаваютъся (л. 533), снабдѣваютъ (л. 556); в «Слове о милости» (ГИМ, Син. 716): не скончавайте жатвы (л. 45), стяжавати (л. 57). В Новом Завете Епифания и Евфимия такие глаголы встречаются реже: разкопываютъ (Мф 6:20), кѣповахѣ (Лк 17:28), ѡвѣщеваше (Лк 23:9), ѡвѣщаваше (Ин 5:17, Ин 5:19).

42 Николенкова Н. В. Диатриба о языках европейцев... С. 119–120.

Вероятно, приверженность к подобным образованиям связана с малорусским влиянием на узус Славинецкого в киевский период его жизни до 1649 г. Известно, что продуктивные еще с дописьменной позднепраславянской эпохи и хорошо засвидетельствованные в письменных древнерусских памятниках XI–XIII вв. киевского происхождения суффиксы имперфективации *-ива-/-ыва-* с XVI в. заменяются в галицко-волынских и киевских диалектах на суффикс *-ова-*⁴³. Оформление суффикса имперфективации относится к числу основных диалектных различий позднедревнерусской глагольной системы. В текстах Епифания встречаются вторичные имперфективы с суффиксами *-ова-* и *-ева-*, но не формы на *-ива-/-ыва-*, которые для XVII в. уже являются специфически великорусскими.

5. Таким образом, помимо общих лингвистических характеристик переводов чудовской школы, эти две специфичные черты в тексте Предисловия к Франкфуртской Библии позволяют с уверенностью считать его автором Епифания Славинецкого. «Тяжелый» слог перевода, сильно зависимого от латинского оригинала, типичен для переводов Епифания и разительно отличен от языка его оригинальных сочинений. Вероятнее всего, Предисловие было переведено в 50–60-е гг. XVII в., когда Епифаний приступал к работе над Новым Заветом. Вопрос греческих источников исправления славянского текста был весьма актуален, а Предисловие содержит важную информацию, касающуюся истории греческого перевода, которая должна была быть учтена справщиками в рамках филологической критики библейского текста. Практическим воплощением последней стали исправления Епифаниева перевода Нового Завета Евфимием Чудовским, основанные на справочном аппарате Франкфуртской Библии 1597 г., а Предисловие издания 1597 г. было использовано на рубеже 80–90-х гг. XVII в. в полемическом трактате «Обличение на гаждатели Священного Писания Библии».

6. Сохранившийся в сборнике ГИМ 1195I список перевода Епифания был выполнен уже после его смерти. Переписчиком текста был, как верно указала Т. А. Исаченко, Федор Поликарпов: беглый

43 Шевелева М. Н. К истории восточнославянского суффикса имперфективации *-ыва-/-ива-* // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 3. С. 74–75; Шевелева М. Н. О древнерусских диалектных различиях в глагольной системе // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева. М., 2019. С. 355–360.

полууставный почерк на лл. 200–205об. в Синодальном сборнике идентичен почерку Поликарпова⁴⁴, к примеру, на лл. 1–7об. списка трактата «На оглаголюющия Священную Библию» (ГИМ, Син. 373) или в 5-й тетради Син. сборника V на лл. 308–313⁴⁵. Однако нет оснований приписывать Поликарпову и авторство перевода.

На полях списка Предисловия имеются два принадлежащих руке Евфимия Чудовского замечания: глосса **писмены** к чтению **преписа еврейское тканіе кнїггми еврейскими** (л. 203об.) и вписанные киноварью имена переводчиков Акилы, Симмаха и Феодотиона, о которых критически говорится в следующем фрагменте Предисловия: **Син три, писанїи толковници, врази вяхъ вѣры хрѣтіанскїя, и писанїя словѣрнѣ прелагахъ** (л. 203). Последнее замечание связано с работой Евфимия над составлением «Обличения».

На принадлежность трактата Евфимию указывали еще А. В. Горский и К. И. Невоструев⁴⁶. Эта точка зрения была поддержана М. Сменцовским⁴⁷, в новейшее время – Т. А. Исаченко⁴⁸. Альтернативные версии связывают текст с Епифанием Славинецким⁴⁹ или с братьями Лихудами⁵⁰. Трактат дошел до нас в нескольких списках конца XVII – начала XVIII в., отличающихся своим составом⁵¹. Т. А. Исаченко, издавшая трактат по списку ГИМ, Син. 373 с заглавием «На оглаголюющия Священную Библию», считает этот черновой список Евфимия основной версией, все замечания и исправления которой были учтены в списках полного состава: чудовском (ГИМ, Чуд. 285), списке

44 О почерке Ф. Поликарпова и написанных его рукой текстах см.: *Исаченко Т. А.* Переводная ... С. 253–254; *Исаченко Т. А.* Вера и противление... С. 78, 81, 90, 93.

45 *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. М., 1862. С. 443.

46 *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание... С. 407–415.

47 *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 398.

48 *Исаченко Т. А.* Вера и противление...

49 *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. С. 208.

50 *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995. С. 140.

51 Издание и исследование трактата см.: *Исаченко Т. А.* Вера и противление... С. 72–152.

Ниловой пустыни (РГБ, ф. 200, № 77), великоустюжском (РГБ, ф. 354, № 182)⁵². Однако в полных списках присутствуют два не вошедших в Син. 373 текста: перевод предисловия Иеронима Стридонского к Пятикнижию и текст Афанасия Александрийского о греческих переводах Библии⁵³.

7. Помимо этих двух текстов, указанных Т. А. Исаченко, самостоятельным отрывком является и фрагмент «Из предисловия на греческую Библию», также не читающийся в Син. 373⁵⁴, но вошедший в полные списки и представляющий собой извлечение из Предисловия 1597 г. Далее мы будем ссылаться на список ГИМ, Чуд. 285, принадлежавший, вероятно, иеродиакону Дамаскину, ближайшему соратнику Евфимия⁵⁵, как на наиболее исправный с языковой точки зрения. Как и все полные списки, чудовская рукопись имеет заглавие «Обличение на гаждатели Священного Писания Библии».

Большая часть «Обличения» представляет собой свод авторитетных свидетельств об истории греческого перевода Библии, призванных подтвердить его превосходство над латинским переводом Иеронима и основанными на нем новыми переводами (католическими и протестантскими, латинскими и польскими). Среди разных греческих переводов безусловное предпочтение отдается переводу семидесяти толковников.

Источниками информации о том, как возник перевод LXX и альтернативные ему греческие версии Писания, в трактате выступают извлечения из четырех текстов: Афанасия Александрийского, Епифания Кипрского, Предисловия Библии 1597 г. и Цезаря Барония (каждый из них указан в подзаголовке). Переработанные фрагменты из Предисловия 1597 г. в трактате озаглавлены «Из предисловия на греческую Библию» (ГИМ, Чуд. 285, лл. 26–28). Приведем некоторые цитаты из текста трактата в сравнении с переводом Епифания:

52 Список РНБ, Соф. 1203 и указанный Т. А. Исаченко второй великоустюжский список БАН 19.4.41 остались нам недоступны.

53 *Исаченко Т. А.* Вера и противление... С. 92.

54 В издании трактата Т. А. Исаченко, тем не менее, текст «Из предисловия на греческую Библию» вошел с неверным указанием на его наличие в списке Син. 373. Определить, по какой рукописи опубликован этот фрагмент, не представляется возможным: обозначенная фолиация совпадает со списком Чуд. 285, однако сам текст, набранный гражданским шрифтом со знаками препинания, расставленными по современной норме, не совпадает ни с чудовским, ни с другими полными списками.

55 *Исаченко Т. А.* Вера и противление... С. 105–107.

<p>Андреа Вехела Средска Предсловіе к читателю (ГИМ. Син. 11951)</p>	<p>И^з предисловіа на греческѣю вивлію (ГИМ, Чуд. 285)</p>
<p>первое показѣтся оное ветхагѣ завѣта преведеніе Греческое, выти всѣхъ кромѣ противорѣчіа древнѣйшо изыщнѣйшо и достовѣрнѣйшо. Егѣ же сѣмьдесятъ два преводниці во Егѣптѣ Птоломеа црѣа бл҃гочестивѣй воли покарѣющеса толкователи быша (л. 201).</p>	<p>первое показѣтся оное ветхагѣ завѣта преведеніе греческое, вѣ всякагѣ прекословіа древнее изыщнѣйшо и достовѣрнѣйшо, еже ѡв преводниці во егѣптѣ птоломеа црѣа бл҃гочестивѣй воли покарѣющеса толкователи быша. (л. 26–26об.)</p>
<p>И^стінъ повѣстѣетъ во ѡвѣтномъ къ языкомъ. Црѣ црѣа, іакѣ да вѣрѣ извѣстнѣ преводникѣвъ изкѣситъ или ѡвѣдаетъ, и ѡ согласіа истинѣ возпріимѣ храмини повелѣ^т 72 построити, и ѡити коемѣждо во свою, внегда преводити бѣдетъ. послѣди сънести всѣхъ преведеніа, и во всѣхъ мѣдѣ собою согласитися. Слѣды храминѣ И^стінъ себе повѣдѣетъ видѣти въ вѣ фарѣ верхоградѣ Алезандрін (л. 201об.)</p>	<p>в нихъ же повѣстѣетъ іс^тінъ с^тгнй м^чникъ и фѣлософъ въ ѡвѣтномъ къ языкомъ гла: црѣ хотѣ извѣстнѣ ѡвѣдѣти разѣмъ преводникѣвъ, и единомысліа истиннѣ, домики⁵⁶ ѡв повелѣ ѡстроити, и въ еже преводити имъ, повелѣ коемѣждо въ свою келлію ѡити. послѣди си^нести всѣхъ преведеніа, и прочести прѣ собою, и не шверѣтеса рагласіе: но бж҃іе чѣдное дѣло, въ еже познатися, іакѣ дх҃а с^тгагѣ имѣше даръ оніи мѣжіе. Слѣды храминѣ оныхъ іс^тінъ себе повѣдѣетъ видѣти въ фарѣ верхоградѣ Алезандрін. (л. 26об.)</p>
<p>Кромѣ сегѣ же первагѣ и славнѣйшагѣ преведенія, егѣ же оніи LXXII преводниці преложителн быша, иная нѣкая преводства Греческая ветха^т завѣта ѡ разныхъ ѡчителей потрѣженіемъ изданная быша. по внегда Хр҃тово Е^вл҃іе всюдѣ и пространнѣ проповѣдася. си^нхъ первый Акула бѣше понтіанинѣ синопианинѣ (л. 202об.)</p>	<p>Кромѣ сегѣ первагѣ и славнѣйшагѣ преведеніа ѡхъ преводникѣвъ, быша и иная нѣкая преведеніа, на греческѣй діалектѣ, ветхагѣ завѣта ѡ разныхъ ѡчителей, по внегда х^во е^вл҃іе всюдѣ проповѣдася. н^хже первый Акула бѣше понтіанинѣ ѡ синопін. (л. 27)</p>

⁵⁶ Замена храминѣ на домики и келліи связана с переводом из латинского предисловия Иеронима к Библии и комментариев к нему, помещенных в трактате перед фрагментом из Предисловия 1597 г. В предисловии Иеронима читается *сѣмьдесятъ домики* (ГИМ, Чуд. 285, л. 15, ГИМ, Син. 373, лл. 21об.–22об.), *коемѣждо ... келліицѣ созда* (гlossa Евфимия келлію) (ГИМ, Чуд. 285, л. 21, ГИМ, Син. 373, л. 20об.).

В составе трактата текст Предисловия подвергся очевидной переработке и редактуре, подчиненной полемическим целям (ср. второй приведенный выше фрагмент). Языковые характеристики текста также претерпели некоторые изменения во всех списках. Глагол и отглагольные имена с суффиксом *-ств-* частично утратили свое изначальное оформление: *писателствоваша* → *писаша*, *преводства* → *преведенія*, *ѡстѡпства* → *ѡстѡпленія*, но *началничества* → *началничества*. Исключение составила лишь лексема *разглаголъ*, которая, напротив, получила суффикс *-ств-*: *в разглаголѣ* → *въ разглаголствѣ*⁵⁷. Избыточная префиксация глаголов также была ограничена: *припослѣдоваше* → *послѣдоваше*, *пожити* → *жити*. Заменены некоторые буквально-этимологические переводы, ср. *obtinere достѣпити* → *полѣжити*, *testor свидѣтелствовати* → *сказовати*, выполнены семантически недостаточные переводы *Hierosolyma instavrait Іерѡсалимъ вгради* → *Іерѡсалимъ вграждаше стѣнами*. Были сохранены композиты исходного текста (*верхоградъ*, *звѣздословный*), не претерпели изменений синтаксические кальки с сочетанием *по внегда*. В текст был внесен грецизм *пентотенѣхъ*, не читающийся в Предисловии: *ѡ предисловіи на пентотенѣхъ сирѣчь на пятокнижіе* (in prologo Pentateuchi).

8. В отличие от перечисленных общих для всех списков «Обличения» характеристик, фонетико-орфографические и лексико-грамматические особенности идиолекта Епифания, отмеченные нами в переводе Предисловия, по-разному отражены в списках: лишь чудовский список сохранил чтения *изяцинѣйшо* и *достовѣрнѣйшо* и *всмѣваеть*; в списке РГБ, ф. 354, № 182 без изменений читаются только формы наречий, а в списке РГБ, ф. 200, № 77 устранены уже все особенности: *изяцинѣйше* и *достовѣрнѣйше* и *всмѣваеть*.

8.1. Кроме того, списки трактата, за исключением чудовского, внесли в текст Предисловия несколько искажений, связанных с непониманием зависимого от латыни «ученого языка» Епифания. Так,

⁵⁷ Для младшего поколения чудовских книжников узuallyной является лексема *разглаголство*, но не *разглаголъ*. Так у Евфимия Чудовского в переводе из Симеона Фессалоникийского, см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. I: Толкование Священного Писания. М., 1857. С. 491. Так же в словаре Поликарпова, так же в «Мечце духовном» Софрония Лихуда, текст которого входил в состав полемических сборников вместе с «Обличением» (ср. в великоустюжском списке).

в ниловском и великоустюжском списках вместо им. мн. **ТОЛКОВАТЕЛИ** появился род. падеж **ТОЛКОВАТЕЛЕЙ**, нарушивший смысл предложения (в чудовском списке **ТОЛКОВАТЕЛЕ**) (см. первый фрагмент в таблице выше). Были превратно поняты фразы о двух безымянных переводах, найденных в бочках (**ВЕРѢТЕСЯ ВЪ ДЕЛВАХЪ НѢКИХЪ**): местоимение получило форму им. п. **нѣкій**. Утрата согласования местоимения с архаичной лексемой **ДЕЛВА**, вероятно, связана с пониманием последней в качестве имени собственного⁵⁸.

8.2. Еще одним испорченным чтением стал фрагмент с упоминанием императора Аврелия Вера: **ЕГО ЖЕ [Симмаха] ЕПИФАНІЙ ПРИ АВРЕЛІИ ВЕРѢ ПОЖИТИ СВИДѢТЕЛСТВІЮ**⁵⁹ quem Eriphanus Aurelii Veri temporibus vixisse testatur. Омоформа имени императора *Вер*⁵⁹ ввела в заблуждение как переписчиков, так и издателя трактата. Первые (за исключением писца чудовского списка, верно передавшего текст) увидели в ней словоформу от лексемы **вѣра** или просто не поняли: **при Аврелии вѣре жити скажетъ** (РГБ, ф. 354, № 182, л. 33об.), **при аврелии верѣ житѣ скажетъ** (РГБ, ф. 200, № 77, л. 24). Т. А. Исаченко сочла это чтение искажением названия сочинения Марка Аврелия⁶⁰. Однако из латинского оригинала следует, что здесь названо родовое имя императора Марка Аврелия, которое верно передано в Син. 1995I и Чуд. 285. В «Обличении» Предисловию предшествует текст из Епифания Кипрского, где упомянут также сын Марка Аврелия – Луций Элий Аврелий Коммод (**комодъ лѣкій аврелий**), правивший 13 лет после смерти отца, – со временем его правления связывается перевод Феодотиона (ГИМ, Чуд. 285, л. 24об.).

8.3. Наконец, поистине камнем преткновения для переписчиков трактата неожиданно стала латинская лексема *familia*, в списке Предисловия переданная как **домочады: ѿ домочади и ереси маркіоновы** è familia sectaque Marcionis. По-видимому, в антиграфе составителя «Обличения» лексема *familia* была оставлена без перевода и записана

⁵⁸ Именно так интерпретированы эти формы в издании трактата Т. А. Исаченко. Чтение **въ делвахъ** как в составе Предисловия, так и в предшествующем ему фрагменте из Епифания Кипрского передано в публикации как имя собственное: «въ Делвахъ», т. е. в Дельфах (?). См.: *Исаченко Т. А.* Вера и противление... С. 267, 271.

⁵⁹ Император Марк Аврелий Антонин был сыном Марка Анния Вера и внуком Марка Анния Вера. После смерти отца и деда и до восшествия на престол он именовался Марк Элий Аврелий Вер Цезарь.

⁶⁰ *Исаченко Т. А.* Вера и противление... С. 270.

латиницей. Только так можно объяснить чтение W *familii* на л. 27об. чудовского списка. В списке РГБ, ф. 354, № 182, л. 33об. лексема написана уже очень корявыми латинскими буквами. Писцу ниловского списка понять и передать латиницу было не под силу, в результате чего возникло искаженное чтение W *хатихіи* (РГБ, ф. 200, № 77, л. 24).

9. Таким образом, можно предположить, что латинское Предисловие к греческой Библии 1597 г. было переведено Епифанием Славинецким в начальный период работы над исправлением библейских текстов в 1650-е гг. Активное использование справочного аппарата этого издания при редактировании Нового Завета Евфимием Чудовским уже в 1670-е гг. предполагало знакомство книжников с историей возникновения разных греческих версий текста, чтения которых приведены в постраничных сносках франкфуртской Библии. Текст перевода не только представляет собой образец «ученого» церковнославянского языка, характерного для переводов Епифания, но и отличается специфическими особенностями его идиолекта, связанными с происхождением и образованием Епифания на белорусских и украинских землях.

Значимость содержащейся в Предисловии информации обусловила появление списка Син. 1195I, выполненного после 1691 г. Федором Поликарповым. После официального отстранения от sprawy Евфимия Чудовского Поликарпов, как и иеродиакон Дамаскин, был наиболее активным последователем школы Епифания и Евфимия и, вероятно, предпринимал усилия по сохранению письменного наследия Епифания. В это же время не сохранившийся антиграф списка Син. 1195I (автограф Епифания) был использован Евфимием Чудовским или иеродиакonom Дамаскином в процессе работы над полемическим трактатом «Обличение на гадатели Священного Писания Библии». Извлечения из перевода Предисловия были включены в трактат на завершающем этапе его создания вместе с эксцерптами из трудов Афанасия Александрийского и Епифания Кипрского под общим заголовком *ка я и коликая преданія сѣть ежѣтвеннаго писанія или W еврейскаго во еллинскій толкованія, и кін сіе толковавше; и когда*. Эта статья вошла в состав полных списков трактата, но отсутствует в черновике «Обличения» (ГИМ, Син. 373). Текст статьи является едва ли не первым сводом известий о греческих переводах Библии в церковнославянской письменности.

Отражение фрагментов Предисловия в полных списках «Обличения» свидетельствует о том, что «ученый» язык Епифания вызывал у книжников проблемы понимания, повлекшие за собой искажения текста. Исключение составляет лишь чудовский список трактата, который следует признать основным и наиболее исправным полным списком.

Источники и литература

ГИМ, Син. 11951 – Сборник церковно-исторических актов и других статей, XVII в.

ГИМ, Син. 373 – Книга на оглаголюющыя Священную Библию, конец XVII в.

ГИМ, Син. 716 – Сборник, конец XVII в.

ГИМ, Чуд. 285 – Сборник, конец XVII в.

ГИМ, Син. греч. 473 – Новый Завет в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, конец XVII в.

РГБ, ф. 200, № 77 – Сборник, конец XVII в.

РГБ, ф. 354, № 182 – Сборник, начало XVIII в.

НБ МГУ, Мур 9Вi45 – Лексикон греко-славяно-латинский Епифания Славинецкого, XVIII в.

Берында П. Лексикон славеноросский, и имен толкование. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1627. 477 с.

Вернер И. В. К вопросу о европейских источниках перевода Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е гг.): греческие рукописи и печатные издания // *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2023. Т. 12, № 2. С. 97–126. DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.06.

Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб.: Императорская Академия наук, 1890. 379 с.

Войтович Н. Т. О структурном параллелизме типов безударного вокализма и нарушениях его в белорусских говорах (к проблеме аканья) // *Вопросы языкознания*. 1971. № 2. С. 83–92.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 1: Толкование Священного Писания. М.: Синодальная типография, 1857. 199 с.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. М.: Синодальная типография, 1862. 841 с.

Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М.: Русский двор, 1995. 416 с.

Исаченко Т. А. «Оглавление лжесловий латинских» в составе трактата на «Оглаголюющыя Священную Библию» и вопросы полемики вокруг нового библейского перевода конца XVII в. // *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*. 2009. № 5. С. 128–135.

Исаченко Т. А. Переводная московская книжность: митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М.: Пашков дом, 2009. 334 с.

Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015. 382 с.

Николаева Н. Г. Индивидуальное начало в переводческом творчестве Епифания Славинецкого // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 30–40.

Николенкова Н. В. «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера в церковнославянском переводе XVII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. Т. 7. № 2. С. 105–133. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.5.

Николенкова Н. В. Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 308–314.

Николенкова Н. В. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2018. № 6. С. 77–91.

Німчук В. В. Лексикон латинський Є. Славинецького: Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ: Наукова думка, 1973. 546 с.

Панченко А. М. Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Часть 1. А–З. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. С. 309–313.

Пентковская Т. В. «Слово о милости» книжного круга Епифания Славинецкого: проблемы и перспективы изучения // Stephanos. 2016. № 5 (19). С. 100–111.

Поликарпов Ф. П. Лексикон трязычный, сиречь речений славенских, еллингреческих и латинских сокровище. М.: Синодальная типография, 1704. 403 л.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. II, №№ 820–1051. М.: [б. и.], 1973. 164 с.

Ротар И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. // Киевская старина. 1900. Октябрь. Т. LXXI. С. 1–38.

Сборник переводов Епифания Славинецкого: Григорий Богослов, Василий Великий, Афанасий Александрийский, Иоанн Дамаскин. М.: Печатный двор, 1665. 410 л.

Словарь Академии Российской. Ч. II. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. 664 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1989. Вып. 15 (Персть-Подмышка). 288 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 2000. Вып. 24 (Се-Скорый). 254 с.

Словарь русского языка XVIII века / под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1991. Вып. 6 (Грызться – Древный). 256 с.

Словарь старославянского языка = Slovník Jazyka Staroslověnského. В 4 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. Т. 1. 950 с.

Словарь старославянского языка = Slovník Jazyka Staroslověnského. В 4 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. Т. 4. 1054 с.

Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. 449 с.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 460 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. В 3 т. М.: Книга, 1989. Т. I, ч. 1. 806 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. В 3 т. М.: Книга, 1989. Т. III, ч. I. 910 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. В 3 т. М.: Книга, 1989. Т. III, ч. II. 1683 с.

Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на *-ств/о/*, *-ость* и *-ние* в русском языке XVIII века (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2022. Вып. 5. С. 124–149. DOI: 10.30842/26583755202208.

Шевелева М. Н. К истории восточнославянского суффикса имперфективации *-ыва-/ива-* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 3. С. 61–85.

Шевелева М. Н. О древнерусских диалектных различиях в глагольной системе // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева. М., 2019. С. 355–380. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.3.11.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Miller J. A. The Earliest Known Draft of the King James Bible: Samuel Ward's Draft of 1 Esdras and Wisdom 3–4 // Labourers in the Vineyard of the Lord: Erudition and the Making of the King James Version of the Bible / ed. by M. Feingold. Leiden: Brill, 2018. P. 187–265.

Pavel E. The Beginnings of Textual Criticism in Old Romanian Writing // Dacoromania, serie nouă. XXI. 2016. No. 1. P. 17–30.

Strakhov O. B. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Köln: Böglau Verlag, 1998. 349 p.

Thomson F. J. The Slavonic translation of the Old Testament // Interpretation of the bible. Interpretation der Bibel. Interpretation de la Bible. Interpretacija Svetega Pisma. Ljubljana-Sheffield: Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Sheffield Academic Press, 1998. P. 605–920.

References

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheski fond, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.

Evgenii (Bolkhovitinov). *Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisateliakh dukhnovogo china Greko-Rossiiskoi Tserkvi*. Moscow: Russkii dvor, 1995, 416 p.

Feliksov, S. V. “Imena sushchestvitel'nye religioznoi semantiki na -stv/o/, -ost' i -nie v russkom iazyke XVIII veka (na materiale leksikograficheskikh proizvedenii grazhdanskoi pechati).” *Slavianskaia istoricheskai leksikologiya i leksikografiia*, 2022, No 5, pp. 124–149. DOI: 10.30842/26583755202208.

Isachenko, T. A. “«Oglavlenie lzheslovii latinskikh» v sostave traktata na «Oglagoliuschiiia Sviashchennuiu Bibliiu» i voprosy polemiki vokrug novogo bibleiskogo perevoda kontsa XVII v.” *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9: *Filologiya*, 2009, No 5, pp. 128–135.

Isachenko, T. A. *Perevodnaia moskovskaia knizhnost': mitropolichii i patriarshii skriptorii XV–XVII vv.* Moscow: Pashkov dom, 2009, 334 p.

Isachenko, T. A. *Vera i protivlenie v otvetakh i oblicheniakh 80-90-kh gg. XVII v.: novye bibleiskie perevody v filologicheskikh shkolakh XVII v.* Moscow: Azbukovnik, 2015, 382 p.

Miller, J. A. “The Earliest Known Draft of the King James Bible: Samuel Ward's Draft of 1 Esdras and Wisdom 3–4.” *Labourers in the Vineyard of the Lord: Erudition and the Making of the King James Version of the Bible*, ed. by M. Feingold. Leiden: Brill, 2018, pp. 187–265.

Nikolaeva, N. G. “Individual'noe nachalo v perevodcheskom tvorchestve Epi-faniia Slavineckogo.” *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 156, No 5, pp. 30–40.

Nikolenkova, N. V. “«Diatriba o iazykakh evropeitsev» Iosifa Iusta Skaligera v tserkovnoslavianskom perevode XVII veka.” *Slověne = Slovrñe. International Journal of Slavic Studies*, 2018, vol. 7, No 2, pp. 105–133. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.5.

Nikolenkova, N. V. “Leksicheskai struktura perevoda Atlasa Blau kak ob-razets uchenogo tserkovnoslavianskogo iazyka XVII v.” *Mir nauki, kul'tury, ob-razovaniia*, 2017, No 4 (65), pp. 308–314.

Nikolenkova, N. V. "Perevodcheskaia deiatel'nost' v moskovskom Chudovom monastyre: novye dannye o kruzhke Epifanii Slavinetskogo." *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9: *Filologiya*, 2018, No 6, pp. 77–91.

Nimchuk, V. V. *Leksykon latyns'kiy Ā. Slavynec'kogo: Leksykon sloveno-latyns'kiy Ā. Slavynec'kogo ta A. Korec'kogo-Satanovs'kogo*. Kyiv: Naukova dumka, 1973, 546 p.

Panchenko, A. M. "Epifanii Slavinetskii." *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3 (XVII v.) Chast' I*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1992, pp. 309–313.

Pavel, E. "The Beginnings of Textual Criticism in Old Romanian Writing." *Dacoromania, serie nouă*, 2016, vol. XXI, No 1, pp. 17–30.

Pentkovskaya, T. V. "«Slovo o milosti» knizhnogo kruga Epifanii Slavinetskogo: problemy i perspektivy izucheniia". *Stephanos*, 2016, No 5(19), pp. 100–111.

Protas'eva, T. N. *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniia (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva*. Part II, No 820–1051. Moscow: [s.n.], 1973, 164 p.

Sheveleva, M. N. "K istorii vostochnoslavianskogo suffiksa imperfektivatsii -yva-/iva-." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2013, No 3, pp. 61–85.

Sheveleva, M. N. "O drevnerusskikh dialektnykh razlichiyakh v glagol'noi sisteme." *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Rusistika. Slavistika. Komparativistika. Sbornik k 64-letiiu S. L. Nikolaeva*, 2019, vol. 19, pp. 355–380. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.3.11.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv., ed. by G. A. Bogatova. Vol. 15. Moscow: Nauka, 1989, 288 p.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv., ed. by G. A. Bogatova. Vol. 24. Moscow: Nauka, 2000, 254 p.

Slovar' russkogo iazyka XVIII veka, ed. by Iu. S. Sorokin. Vol. 6. Leningrad: Nauka, 1991, 256 p.

Slovar' staroslavianskogo iazyka = Slovník Jazyka Staroslověnského. In 4 Vols. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006, 950 p.

Slovar' staroslavianskogo iazyka = Slovník Jazyka Staroslověnského. In 4 Vols. Vol. 4. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006, 1054 p.

Strakhov, O. B. *The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*. Köln: Böglau Verlag, 1998, 349 p.

Thomson, F. J. "The Slavonic translation of the Old Testament." *Interpretation of the bible. Interpretation der Bibel. Interpretation de la Bible. Interpretacija Svetega Pisma*. Ljubljana-Sheffield: Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Sheffield Academic Press, 1998, pp. 605–920.

Verner, I. V. “K voprosu o evropeiskikh istochnikakh perevoda Novogo Zave-ta Epifaniia Slavinskogo i Evfimiia Chudovskogo (1670–1680-e gg.): grecheskie rukopisi i pechatnye izdaniia”. *Slověne = Slovъne. International Journal of Slavic Studies*, 2023, vol. 12, No 2, pp. 97–126. DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.06.

Voitovich, N. T. “O strukturnom paralelizme tipov bezudarnogo vokalizma i narusheniakh ego v belorusskikh govorakh (k probleme akan'ia).” *Voprosy ia-zykoznanii*, 1971, No 2, pp. 83–92.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.05

I. V. Verner

**Towards Authorship of the Church Slavonic Translation
of the Preface to the 1597 Frankfurt Bible
and Its Fate in the Polemical Literature
at the Turn of the 17th–18th Centuries**

Inna V. Verner

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: inna.verner@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8385-3599

Citation

Verner I. V. Towards Authorship of the Church Slavonic Translation of the Preface to the 1597 Frankfurt Bible and Its Fate in the Polemical Literature at the Turn of the 17th–18th Centuries // Slavic Almanach. 2024. No 3–4. P. 102–131 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.05

Received: 24.03.2024.

Revised: 08.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article presents a complete linguistic analysis of an only copy of the 17th century, which contains a Church Slavonic translation of the preface to the Greek Septuagint published in Frankfurt in 1597. The common linguistic features of the translation school of the Chudov Monastery have been identified. The presence of specific lexico-grammatical forms of the Epiphanius Slavinsky's idiolect, which are of Belarusian-Ukrainian origin and characteristic of other Epiphanius' translations, made

it possible to attribute to him the authorship of the translation, excluding other versions. The text was written by Epiphanius, probably, in the 1650–1660s in connection with the revision of the Church Slavonic Bible translation. It has been established, that the translation was used in the 1690s in the compilation of the polemical treatise «*Oblichenie na gazhdateli Svyashchennogo Pisaniya Biblii*». The shortened and revised text of the biblical preface, together with fragments from the works of Athanasius of Alexandria, Epiphanius of Cyprus and Caesarius Baronius, was included in the section of the treatise devoted to the history of Greek biblical translations. The fate of excerpts from the preface in the complete copies of the polemical treatise is traced.

Keywords

Church Slavonic translations from Latin, Epiphanius Slavinetzky, Eufimius Chudovsky, Frankfurt Bible 1597, “Oblichenie na gazhdateli Svyashchennogo Pisaniya Biblii”.

**Словацкие экзистенциальные наречия
zavše, chvíľami, z času na čas
на фоне немецких (по данным параллельного корпуса)**

Ващенко Дарья Юрьевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: daranis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1628-3861

Цитирование

Ващенко Д. Ю. Словацкие экзистенциальные наречия *zavše, chvíľami, z času na čas* на фоне немецких (по данным параллельного корпуса) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 132–159.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.06

Статья поступила в редакцию 22.04.2024.

Рецензирование завершено 09.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье анализируются словацкие темпоральные наречия *zavše, chvíľami* и *z času na čas*, относящиеся к группе с общим значением ‘иногда’, которые употребляются для указания на повторение некоторой ситуации, при этом число повторов не представляется говорящему большим. Данные наречия принадлежат к «ближней периферии» группы, они рассматриваются в контрастивно-сопоставительном плане, на фоне немецкого языка, имеющего давнюю историю языковых контактов со словацким языком. Исследование выполнено на материале словацко-немецкого параллельного корпуса, входящего в Словацкий национальный корпус. Ввиду того, что в данном подкорпусе представлены преимущественно переводы с немецкого языка на словацкий, привлекаются лишь немецкие стимулы словацких наречий, а не наоборот; параллельные переводы с третьего языка не привлекаются. Показано, что для *zavše* наиболее частотным стимулом является *manchmal*, распространенными

являются наречия *bisweilen / zuweilen*. Для наречия *z času na čas* основными немецкими эквивалентами являются наречия *und*-группы, а также *von zeit zu zeit*. *Manchmal* в качестве стимула фигурирует реже – когда ситуация предполагает четкую фиксацию или может быть потенциально конкретизирована, если ее регулярность является следствием некоторой иной ситуации. Наибольшее количество стимулов, примерно сопоставимых по числу вхождений, насчитывает словацкое наречие *chvíľami*, которое может быть переводным эквивалентом лексем *manchmal, bisweilen / zuweilen, von zeit zu zeit*, наречий *und*-группы, адвербов *zeitweilig, zeitweise, zuzeiten, kurzzeitig, zwischenzeitlich, bald* и предложных конструкций с существительными *Weile* и *Augenblick*. Контексты появления *chvíľami* в переводе сходны: это ситуация непосредственного наблюдения в прошедшем, а также ситуация «нечеткого суждения», когда говорящему сложно однозначно охарактеризовать происходящее. Все это позволяет говорить об определенной этноспецифичности словацкого *chvíľami*.

Ключевые слова

Семантика, темпоральные наречия, параллельный корпус, словацкий язык, немецкий язык.

1. Словацкие темпоральные наречия с экзистенциальным значением: специфика семантической группы

1.1. Предметом рассмотрения в статье являются темпоральные наречия, относящиеся к группе с общим значением ‘иногда’, которые употребляются для указания на то, что некоторая ситуация повторяется, при этом число повторений не квалифицируется как большое. Специфика данной группы состоит в том, что она аккумулирует в себе лексемы с экзистенциальным и итеративным значением, граница между которыми не всегда является четкой и может проявлять себя лишь контекстуально; кроме того, число повторений описываемой этими наречиями ситуации может представляться говорящему в большей или меньшей степени регулярным.

1.2. В словацком языке, по данным «Синонимического словаря словацкого языка» (SSS), сюда входят следующие лексемы, которые мы приводим в порядке убывания их частотности в «Национальном корпусе словацкого языка» (Slovenský národný korpus,

далее SNK)¹: *niekedy* 254 915 вхождений (154,53 на миллион), *občas* 109 709 (66,51 на миллион), *zavše* 17 408 (10,55 на миллион), *z času na čas* 13 088 (7,93 на миллион), *chvilami* 11 447 (6,94 на миллион), *sem-tam* 10 557 (6,40 на миллион), *dakedy* 6 094 (3,69 на миллион), *priležitostne* 5 836 (3,54 на миллион), *tu a tam* 3 849 (2,33 на миллион), *tu i tam* 1 900 (1,15 на миллион), *kedy-tedy* 1 373 (0,83 на миллион), *chvilkami* 555 (0,34 на миллион), *tu i tu* 118 (0,07 на миллион)².

Мы видим, что в словацком языке центр семантической группы формируют наречия *niekedy* и *občas*, из которых наиболее частотным является *niekedy*. *Občas* встречается примерно в 2 раза реже. Наречия *zavše*, *chvilami* и *z času na čas* в литературном языке встречаются примерно в 20 раз реже, нежели *niekedy*.

Далее мы приведем словарные толкования только для пяти наиболее частотных адвербов группы. Обычно развернутые описания приводятся для *niekedy* и отчасти для *občas*, остальные наречия квалифицируются как синонимы.

Наиболее частотное *niekedy* совмещает в себе несколько значений: по данным новейшего академического «Словаря современного словацкого языка» (SSSJ), наречие «1. указывает на неопределенность

1 Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2022. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 20.04.2024).

2 SNK в плане жанрово-стилистической атрибуции размещенных текстов ориентирован в большей степени на литературный узус, поэтому для иллюстрации приведем данные частотности из другого словацкого корпуса, Araneum Slovacum VI Pentaplex Majus Beta. URL: <http://unesco.uniba.sk/aranea> (дата обращения: 20.04.2024). Этот корпус, сопоставимый по объему с SNK, базируется на интернет-текстах и отражает в большей степени разговорный узус. В Araneum Slovacum частотность словацких темпоральных наречий группы «иногда» следующая: *niekedy* 251 285 вхождений (201,00 на миллион), *občas* 100 428 (80,30 на миллион), *z času na čas* 9 451 (7,60 на миллион), *sem-tam* 8 233 (6,60 на миллион), *priležitostne* 5 353 (4,30 на миллион), *chvilami* 4 060 (3,20 на миллион), *dakedy* 2 191 (1,80 на миллион), *tu a tam* 1 609 (1,30 на миллион), *zavše* 1 537 (1,20 на миллион), *tu i tam* 387 (0,30 на миллион), *kedy-tedy* 189 (0,15 на миллион), *chvilkami* 388 (0,31 на миллион), *tu i tu* 230 (0,20 на миллион). При этом в Araneum Slovacum заметнее разница в частотности между центром и периферией группы, а также представлено иное, нежели в SNK, наполнение «ближней периферии»: частотность *zavše* в 17 раз меньше, чем в SNK, *chvilami* – в 3 раза, *z času na čas* – приблизительно в 1,5 раза.

осуществления действия, на неопределенность его распространения; 2. указывает на точно не определяемое / нерегулярное время действия...; 3. в сочетании с наименованием времени делает это время неопределенным; 4. указывает на точно не определяемое время в прошлом; 5. указывает на точно не определяемое время в будущем»³. Для второго по частотности *občas* самое развернутое определение приводит SSSJ: «повторяется через краткие временные интервалы, *z času na čas, niekedy*»⁴ – в качестве синонимов приводятся также наречия *zavše* и *chvíľami*⁵.

Для *zavše* развернутое толкование приводит лишь SSS: *zavše* «обычно выражает нерегулярную повторяемость действия, состояния и т. п.». «Краткий словарь словацкого языка» (KSSJ) и «Словарь словацкого языка» (SSJ) ограничиваются указанием синонимических рядов: «*niekedy* (зн. 1, 2), *chvíľami, občas, z času na čas*» (KSSJ), «*niekedy, z času na čas, kedy-tedy, občas*» (SSJ). *Chvíľami* во всех рассматриваемых словарях представлено однотипными определениями: «повторяется в коротких (временных) интервалах, *(za)vše, kedy-tedy, občas*» (KSSJ); «повторение в достаточно коротких временных интервалах... *podchvíľou, občas, zavše*» (SSSJ); «повторение в различных временных интервалах» (SSS). Наречие *z času na čas* чаще толкуется лишь посредством указания его ближайших синонимов – *občas* (KSSJ); *niekedy, občas* (SSSJ); только в «Синонимическом словаре словацкого языка» синонимический ряд для *z času na čas* сопровождается комментарием: «*časom, niekedy, dakedy* (обычно в достаточно длинных временных интервалах)» (SSS). Мы видим, что, в соответствии со словарными

3 В «Кратком словаре словацкого языка» (KSSJ) также выделяются пять значений: «1. выражает неопределенность появления ситуаций; 2. выражает темпоральную неопределенность или нерегулярность; 3. в сочетании с наименованием времени делает это время неопределенным; 4. в прошлом; 5. в будущем». В SSS у наречия выделяются четыре значения: «1. выражает неопределенность появления ситуаций, темпоральную неопределенность либо нерегулярность; 2. в сочетании с наименованием времени делает это время неопределенным; 3. в прошлом; 4. в фиксированное, точно не определяемое время в будущем».

4 Здесь и далее переводы толкований принадлежат автору статьи; это же касается перевода текстовых примеров из SNK.

5 В KSSJ и SSS, и в более раннем «Словаре словацкого языка» (SSS) наречие вводится через синонимические ряды: *občas* «*chvíľ(k)ami, (za)vše, z času na čas, kedy-tedy; niekedy*» (KSSJ), *občas* «*chvíľami, niekedy 1, zavše*» (SSS), *občas* «*niekedy, z času na čas, kedy-tedy*» (SSJ).

толкованиями, *niekedy* аккумулирует экзистенциальные и итеративные значения, а *občas*, *zavše*, *chvíľami* и *z času na čas* выражают в первую очередь итеративность (повторяемость через определенные промежутки времени), причем интервалы повторения, по ощущениям носителей языка, несколько меньше для *občas* и *zavše* и больше для *chvíľami* и *z času na čas*⁶.

Далее будет рассмотрена ближняя периферия семантической группы «иногда», а именно наречия *zavše*, *chvíľami* и *z času na čas*. В наших предыдущих работах мы исследовали семантику данных наречий на основе анализа их коллокаций с применением меры ассоциации logDice. В данном случае мы хотели бы сместить ракурс анализа – речь пойдет о словацком и немецком языках, которые, хотя и относятся к разным языковым группам, контактировали на протяжении длительного времени в рамках единого государства. Словацкие темпоральные наречия группы «иногда» будут рассмотрены на фоне соответствующих немецких с целью установления взаимных корреляций между ними, что, в свою очередь, позволит четче прояснить специфику каждого из трех анализируемых словацких адвербов⁷.

1.3. В немецком языке к семантической группе «иногда» относятся следующие наречия: *manchmal*, *bisweilen*, *zuweilen*⁸, *mitunter*, *gelegentlich*, *von Zeit zu Zeit* – группа “und” (*ab und zu* – *ab und an* – *dann und wann* – *hin und wieder* – *hier und da*)⁹. Далее мы приводим данные

6 На русском языковом материале ближняя периферия группы «иногда» рассматривается в работе Е. С. Яковлевой (1994: 301), где кратко формулируются различия между наречиями *иногда*, *подчас* и *порой*.

7 Ср. у Д. О. Добровольского и Анны А. Зализняк: «...исследование “стимулов” появления той или иной языковой единицы в переводе может выявить неочевидные компоненты значения этой единицы» (Добровольский, Зализняк 2022: 801).

8 О немецких темпоральных лексемах с корневым *weil* см., например, в работах М. М. Кондратенко (2013: 134; 2015: 39).

9 Из наиболее употребительных темпоральных наречий в словацком и немецком языках формально коррелятами являются пары *niekedy* – *irgendwann* (частица со значением неопределенности + «когда»), *z času na čas* – *von Zeit zu Zeit* (досл. ‘со времени до времени’), *priležitostne* – *gelegentlich* (досл. ‘случайно, по случаю’), также *tu i tam* – *hier und da*, *sem tam* – *ab und an*, *hier und da*, *kedy-tedy* – *dann und wann*; и отчасти *chvíľami* – *bisweilen*, *zuweilen* (внутренняя форма со значением «неопределенно краткий промежуток времени»). Вопрос соотношения формальных и

по частотности данных темпоральных наречий в немецком и австрийском корпусах семейства Araneum (в целях сопоставимости мы берем здесь корпуса одинаковой величины, то есть соответственно Araneum Germanicum III minus и Araneum Germanicum Austriacum minus, частотность указана в порядке ее убывания, наречия *und*-группы ранжируются отдельно).

В Araneum Germanicum III minus частотность немецких наречий будет следующей: *manchmal* – 14 461 вхождений (115,70 на миллион), *mitunter* 2 327 (18,62 на миллион), *gelegentlich* 3 114 (24,90 на миллион), *zeitweise* 1 306 (10,40 на миллион), *bisweilen* 885 (7,08 на миллион), *zuweilen* 852 (6,80 на миллион), *von Zeit zu Zeit* 527 (4,20 на миллион), *ab und zu* 1 998 (16,00 на миллион), *hin und wieder* 1 346 (10,80 на миллион), *ab und an* 1 000 (8,00 на миллион), *hier und da* 714 (5,70 на миллион), *dann und wann* 114 (0,90 на миллион). В Araneum Germanicum Austriacum Minus соотношение темпоральных наречий следующее: *manchmal* – 13 020 вхождений (104,20 на миллион), *mitunter* 2 817 (22,50 на миллион), *gelegentlich* 2 327 (18,60 на миллион), *zeitweise* 1 176 (9,40 на миллион), *bisweilen* 762 (6,10 на миллион), *zuweilen* 486 (3,89 на миллион), *von Zeit zu Zeit* 416 (3,30 на миллион), *ab und zu* 1 583 (12,70 на миллион), *hin und wieder* 1 204 (9,60 на миллион), *ab und an* 533 (4,30 на миллион), *hier und da* 455 (3,60 на миллион), *dann und wann* 107 (0,90 на миллион). Таким образом, различия между немецким и австрийским вариантами состоят главным образом в распределении *bisweilen* / *zuweilen*, которые в немецком корпусе Araneum сопоставимы в плане частотности, а в австрийском доминирует *bisweilen*.

Для немецких наречий толковые словари приводят следующие определения: *manchmal* «а. нерегулярно, с разной частотой, более или менее часто; *hin und wieder*... б. в некоторых случаях...» (DUDEN). Второй словарь, на который мы опираемся, развернутого толкования не содержит; для данного наречия приводятся два синонима, ср. *manchmal* «*ab und an*, *hin und wieder*» (DWDS); *zuweilen* а) в определенное время, *manchmal*... б) в некоторых случаях; *manchmal* (DUDEN); *zuweilen* «*mitunter*, *bisweilen*, *gelegentlich*, *manchmal*, *ab und zu*» (DWDS); *zuweilen* «в определенное время, но нерегулярно;

семантических корреляций нас в рамках данной статьи интересовать не будет, однако формальные соответствия как минимум в паре *z času na čas* – *von Zeit zu Zeit* следует учитывать в качестве фактора, влияющего на число вхождений соответствующей немецкой лексемы как стимула для появления в переводах словацкой.

в некоторое время и затем снова спустя некоторое время» (WoB); *bisweilen* «manchmal, hin und wieder, ab und zu» (DUDEN); *bisweilen* «manchmal, dann und wann» (DWDS); *bisweilen* «с разной частотой, более или менее часто» (WoB); *mitunter* «manchmal, bisweilen, gelegentlich, von Zeit zu Zeit» (DUDEN); *mitunter* «manchmal, zuweilen» (DWDS); *mitunter* «gelegentlich, manchmal» (WoB); *gelegentlich* «1. при случае, при подходящих обстоятельствах; 2. manchmal, hier und da, von Zeit zu Zeit» (DUDEN) *gelegentlich* «1. происходящее при случае, в удобное время... 2. dann und wann, ab und zu, manchmal» (DWDS); *gelegentlich* «1) когда представляется благоприятная или подходящая возможность, когда возникают обстоятельства, когда появляется возможность; 2) более или менее часто, с различной частотой» (WoB); *von Zeit zu Zeit* (DUDEN); *von Zeit zu Zeit* «gelegentlich, bei Gelegenheit; manchmal, hin und wieder» (DWDS); *von Zeit zu Zeit* «1) более или менее часто, изредка, не регулярно» (WoB).

1.4. При анализе мы будем пользоваться параллельным словацко-немецким корпусом (par-skde 3.0), который включает в себя 468 млн токенов, 318 млн слов. Его специфика заключается в том, что объем текстов, переведенных с немецкого на словацкий, гораздо выше, нежели объем переводов со словацкого на немецкий. В связи с этим при работе с невысокочастотными словами приходится говорить только о немецких стимулах для той или иной лексемы, но не об их переводных эквивалентах в немецком языке. Для каждого из трех наречий, о которых пойдет речь ниже, были установлены основные стимулы в немецких текстах и основные типы контекстов, где тот или иной стимул может фигурировать. В целях экономии объема мы будем приводить полнотекстовые примеры только тогда, когда количество соответствий в оригинале превышает 10 вхождений.

2. Немецкие эквиваленты словацкого наречия *zavše*

2.1. Наиболее частотным стимулом для данного адверба является *manchmal*, которое фигурирует в качестве стимула 162 раза в следующих случаях:

2.1.1. Собственно экзистенциальный контекст, когда постулируется существование некоторой повторяющейся и немаркированной в плане регулярности ситуации в прошлом или настоящем, ср. в (1) и (2) речь о некоторой «фоновой» информации («могу нервничать, но обычно веду себя нормально», «у реки появлялись дети, но чаще никого не было»):

(1) Ach, ich bin *manchmal* etwas zerstreut. // Ach, *zavše* bývam trochu roztržitá. / Да, *иногда* я могу быть раздраженной.

(2) *Manchmal* kamen Kinder zum Fluß gelaufen. // K rieke si *zavše* zabehli deti. / К реке *иногда* прибегали дети.

Ситуация может конкретизироваться в дальнейшем изложении. В (3) в словацком переводе (но не в немецком оригинале!) употреблены два темпоральных наречия: в первом случае, когда говорится о не-частотности действий, употреблено *sotvakedy*, во втором случае, когда утверждается их принципиальное существование, – *manchmal* переводится словацким *zavše*. В (4) сообщается об актуальных ощущениях говорящего в момент рассказа. В (5) сначала называется общее положение дел, которое потом конкретизируется для каждого ее участника, в первом случае употреблены пары *manchmal* – *zavše*, во втором – *mal* – *raz*.

(3) Ich trinke *auch kaum* Alkohol – lediglich *manchmal* ein Bier; etwa eines in der Woche. // *Sotvakedy* pijem alkohol – iba *zavše* pivo; tak jedno za týždeň. / Я *редко* пью алкоголь – так, *иногда* пиво, раз в неделю.

(4) *Manchmal*, wenn ich so neben dir sitze, zum Beispiel jetzt, fällt mir plötzlich etwas Dummes ein. // *Zavše*, keď sedím pri tebe, napríklad ako teraz, vŕhne mi do hlavy dáka sprostosť. / *Иногда*, когда я сижу возле тебя, например как сейчас, мне может прийти в голову любая глупость.

(5) “Als wir noch neu waren, – giftete Enrique, – haben wir auch *manchmal* was verpatzt, *mal* du und mal ich, aber nicht ununterbrochen und *nicht immer* derselbe”. // “Keď sme my boli noví, – jedoval sa Enrique, – aj my sme *zavše* niečo zbabrali, *raz* ty a *raz* ja, ale nie nepretržite a *nie vždy* ten istý”. / «Когда мы были новенькими, – язвил Энрике, – и мы *подчас* что-то портили, *иногда* ты, *иногда* я, но не постоянно, и *не всегда* одно и то же».

Последующая конкретизация ситуации может предполагать ее объяснение, ср. (6), где говорится, отчего именно дети кричали во сне:

(6) Die jüngeren schrien *manchmal* des Nachts; ihnen war, als zöge ein Windzug durch die Kammer. // Mladšie deti v noci *zavše* vykrikovali, zazdalo sa im, akoby miestnosťou prechádzal závan vetra. / Младшие дети ночью *иногда* кричали, им казалось, будто по комнате пробегает ветер.

2.1.2. Темпоральное наречие в данных корреляциях может обозначать подмножество в рамках более широкого множества в контекстах вида «всегда X, при этом иногда также Y». В (7) дамы выступают как одна из разновидностей «новых лиц»; в (8) сначала вводится меньшее множество, то есть «блеснуть», затем расширенное «всегда быть важным».

(7) Dort sieht man *nämlich immer* neue Leute und *manchmal* Damen in Pariser Toiletten. // *Vždy* v ňom vidieť nové tváre a *zavše* aj dámy v parížskych toaletách. / Там *всегда* можно увидеть новые лица и *иногда* даже дам в парижских туалетах.

(8) Kai war nur in wissenschaftlichen Streitgesprächen geübt, da konnte er sogar *manchmal* brillieren, aber immer war die ungeheure Ernsthaftigkeit spürbar... // Kai bol cvičený len vo vedeckých sporoch, tam sa mohol dokonca *zavše* aj blysnúť, ale *vždy* bolo cítiť úžasnú vážnosť... / Кай был искушенным только в научных диспутах, там он мог *иногда* даже блеснуть, но *всегда* в нем чувствовалась страшная важность...

Кроме того, это могут быть пары ситуаций вида «когда X, тогда Y», здесь они не связаны причинно-следственными отношениями, речь идет об их подчеркнутой одновременности, ср. (9), где речь идет о случайном, но регулярном совпадении неприятных чувств и неприятных событий:

(9) *Manchmal* kitzelt er, dann schreibst du mir vermutlich gerade eine zynische E-Mail. // *Zavše* ma štekli, *vtedy* mi asi práve píšeš cynický mail. / *Иногда* мне не по себе, и *именно тогда* ты мне пишешь циничное письмо.

2.1.3. Следующей разновидностью появления *zavše* в качестве эквивалента *manchmal* является обозначение «предельных ситуаций». В (10) говорящий желает того, чего желать неестественно; в (11) утверждается тезис, далекий от общепринятого («успешным быть плохо» vs «успешным быть хорошо»).

(11) *Manchmal* wünsche ich mir sogar, dass mein eigenes Kind stirbt. // *Zavše* si dokonca želám, aby zomrelo moje vlastné dieťa. / *Иногда* я даже желаю смерти своему собственному ребенку.

(12) Nicht im beruflichen Erfolg – denn es kann *manchmal* gut sein, daß jemand etwas weniger erfolgreich ist. // Nespočíva v úspechu v

povolání – lebo ***zavše*** môže byť aj dobré, keď je niekto trochu menej úspešný. / Дело тут не в успехах по работе – поскольку ***иногда*** даже хорошо, когда ты не очень успешный.

2.2. Наречие *gelegentlich* является стимулом для *zavše* в 22 случаях.

2.2.1. Это могут быть высказывания с выраженной модальностью возможности, словацкое наречие маркирует сложные, напряженные ситуации, в (13) приводится утверждение, противоречащее общепринятому, в (14) говорится о любви в преклонном возрасте:

(13) Nicht in der Gesundheit – denn es kann ja ***gelegentlich*** gut sein, daß jemand krank ist. // Nespočívá v zdraví – lebo ***zavše*** môže byť aj dobré, keď je niekto chorý. / Дело не в состоянии здоровья – ***иногда*** даже может быть хорошо, когда кто-то болен.

(14) In der Stille brannte die alte Liebe in mir fort, nur war es nicht mehr das frühere anspruchsvolle Feuerwerk, sondern eine gute und dauerhafte Glut... an der sich ein hoffnungsloser Hagestolz ***gelegentlich*** an Winterabenden die Finger wärmen darf. // V skrytosti však blčala vo mne stará láska, ibaže to nebol už niekdajší náročný oheň, ale dobrá a trvalá žiara, ktorá udržiava srdce mladé a pri ktorej si beznádejné staré mládenčisko môže ***zavše*** za zimných večerov zohriať skrehnuté prsty. / В глубине моей души еще пылала старая любовь, однако это не был уже быллой сильный огонь, но постоянный добрый свет, возле которого безнадежно влюбленный и в старости может в зимний вечер ***иногда*** отогреть оочечневшие пальцы.

2.2.2. К ситуациям с выраженной модальностью возможности относятся контексты с противопоставлением двух ситуаций – наблюдаемой и типичной либо желательной (хотел выпить / становилось плохо; вел себя плохо / относились хорошо):

(15) Er ging ***gelegentlich*** mit, hatte jedoch nach zwei Gläsern genug... // ***Zavše*** sa aj pripojil ku mne, no mal už po dvoch pohárikoch dosť... / ***Иногда*** он присоединялся ко мне, но уже после двух рюмок ему становилось плохо...

(16) Dort empfing man mich als guten Gast mit Respekt, während ich gewöhnlich trutzig und ***gelegentlich*** sackgrob war. // Prijali ma s rešpektom ako dobrého hosťa, aj keď som býval spurný a ***zavše*** aj surový až strach. / Меня приняли со всем уважением как дорогого гостя, даже несмотря на то, что я ***порой*** бывал надменным и до ужаса строгим.

2.3. *Mitunter* фигурирует в качестве стимула один раз.

2.4. *Bisweilen* является стимулом для *zavše* 7 раз, *zuweilen* – 60 раз.

Основные контексты употребления словацкой лексемы в переводе здесь нижеследующие.

2.4.1. Характеристика объекта / обстоятельств, контексты имеют вид «X таков, что иногда Y»: в (17) говорится о том, что даже мудрецы ошибаются, в (18) субъекту ситуации периодически снится определенный тип сна:

(17) Aber Notwendigkeit wird eben auch von den Klügsten und Einsichtsvollsten **zuweilen** als lästig empfunden. // Ale aj najmúdrejší a najchápavejší **zavše** pokladajú nevyhnutnosť za príťaž. / Даже самые мудрые и самые понимающие **иногда** считают необходимость обузой.

(18) Mitten im Traum sah er sich, der **zuweilen** ihn anfiel. // Videl sa uprostred sna, ktorý sa mu **zavše** sníval. / Он представлял себя во сне, который ему **иногда** снился.

2.4.2. Актуальная ситуация противопоставляется узуальной (см. ниже «буду защищать, хотя он плохо себя ведет»; «он спасает человека, хотя раньше выглядел расчетливым») (19, 20):

(19) Auf ihn lass ich nichts kommen, wenn auch sein makabrer Humor **bisweilen** die Grenzen des guten Geschmacks sprengt. // Nedám naňho dopustiť, aj keď jeho čierny humor **zavše** prekračuje hranice dobrého vkusu. / Я не дам его в обиду, даже если его черный юмор **временами** переходит границы хорошего вкуса.

(20) Nüchtern und rechnend war er ihr **zuweilen** erschienen, aber nun hatte er sein Leben gewagt, um einem Menschen... zu helfen... // Zdal sa jej **zavše** priveľmi triezvy, až vypočítavý, ale teraz riskoval vlastný život, aby zachránil človeka, nejakého Indiána, iba kvôli spravodlivosti. / Он **порой** казался ей слишком трезвым, даже расчетливым, но сейчас он рисковал собственной жизнью, чтобы спасти человека...

2.4.3. Наречие употребляется в сложносочиненном предложении при обозначении сменяющих друг друга действий, высказывание с *zavše* маркирует именно начальное действие:

(21) **Zuweilen** erhob sich einer oder der andre, um, langsam an dem Zelte vorübergehend, einen Blick auf die Weißen zu werfen. // **Zavše** niektorý z nich vstal, prešiel pomalými krokmi vedľa stanu

belochov a nepápadne pozrel, čo robia. / *Иногда* кто-то из них вставал, шел медленным шагом мимо лагеря белых и украдкой посматривал, что они делают.

(22) Er hatte *zuweilen* eine Bemerkung in mein Notizbuch gemacht; ich kannte also seine Schrift... // *Zavše* si robil poznámky do svojho zápisníka a dobre som vtedy poznal jeho písmo... / *Иногда* он делал заметки в дневник, и в те дни я хорошо изучил его почерк...

2.5. Наречие *Von zeit zu zeit* является стимулом для *zavše* всего в девяти случаях – точно так же для *zavše* в группу основных стимулов не входят наречия *und*-группы. Так, *je und je* насчитывает 9 соответствий, *hin und wieder* – 7, *hier und da*, *hie und da*, *ab und zu* – по 5, *dann und wann* – 1.

2.5.1. Чаще всего контекст здесь предполагает ситуацию непосредственного наблюдения, когда попеременно осуществляются различные действия, которые говорящий в состоянии перечислить, ср.: в (23) описываются наблюдаемые симптомы болезни, в (24) общее vs индивидуальное пение:

(23) Der Bewusstlose röchelte *von Zeit zu Zeit* oder begann zu phantasieren. // Безведомý *zavše* zachrčal alebo blúznil. / Больной без сознания порой хрипел или бредил.

(24) *Ab und zu* sangen sie mehr herzlich als schön mit lauten Stimmen gegen den Sturm an, mal einzeln, mal im Chor. // Hoci nemali ktovieaké hlasy, *zavše* si z plného hrdla zaspievali, buď jednotlivo, alebo zborovo. / Хотя голоса у них были не очень, *иногда (время от времени)* они пели во все горло, поодиночке или вместе.

Кроме того, среди примеров представлены контексты, предполагающие относительную индивидуальность субъекта / объекта высказывания, поэтому здесь немецкие фреквентативные наречия могут переводиться словацким *zavše*: в (25) речь о романтических встречах с разными женщинами:

(25) *Hin und wieder* war es vorgekommen, daß er sich in eine andere Frau verliebt hatte, aber er war stets so ehrlich gewesen, ihr das einzugestehen. // *Zavše* sa stávalo, že sa zaľúbil do nejakej ženy, ale *vždy* bol taký čestný, že sa k tomu priznal. / *Иногда* случалось, что он влюблялся в какую-нибудь женщину, и *всегда* он был таким честным, что в этом признавался.

2.5.2. Это может быть употребление наречия при речевом предикате, здесь допускается потенциальная конкретизация – в (26) конкретизация имеет место непосредственно в самом высказывании; в (27) говорящий может перечислить те замечания, которые он делал:

(26) Er hat **ab und zu** mal ganz vorsichtig nachgefragt, ob ich noch alle Tassen im Schrank habe, was Cathrin angeht. // **Zavše** sa opatrne opýtal, či mi z Cathrin ešte nepreskakuje. / По поводу Катрин он **периодически** очень деликатно спрашивал, все ли у меня дома.

(27) Sie erzählten ihm alles, ohne zur Wahrheit ein überflüssiges Wort zu fügen; dennoch warf ich **hier und da** eine Bemerkung ein, um gewisse Härten zu mildern und meine Kollegen zu verteidigen... // No ja som **zavše** vyslovil nejakú poznámku, aby som zmiernil niektorý prítvrďý výraz a bránil kolegov... / Я **иногда** делал замечания, чтобы смягчить подчас слишком жесткое выражение, защищая коллег...

3. Немецкие соответствия словацкого наречия *z času na čas*

3.1. *Manchmal* является стимулом для *z času na čas* 17 раз, здесь фигурируют следующие контексты:

3.1.1 Наречие маркирует подмножество, которое может быть потенциально конкретизировано (28) / конкретизируется в дальнейшем изложении (29):

(28) Mrs. Everett hatte dabei gegessen und nur **manchmal** und flüchtig den Blick zu den Männern erhoben. // Pani Everettová sedela obďaleč a **z času na čas** pozerala na zhovárajúčich sa mužov. / Миссис Еверетт сидела поодаль и **время от времени** поглядывала на разговаривавших мужчин.

(29) **Manchmal** waren die Geister, mit denen Hawandschita gesprochen hatte, nicht mächtig genug gewesen, und so war zum Beispiel Weißer Büffel an der unerklärlichen Krankheit gestorben, ohne daß der Zauber- mann ihm hatte helfen können. // Duchovia, s ktorými sa rozprával, sa **z času na čas** neprejavili ako dosť mocní: napríklad Biely Bizón zomrel na nevysvetliteľnú chorobu a šaman mu nevedel pomôcť. / Духи, с которыми он разговаривал, **время от времени** выглядели не слишком сильными: к примеру, Белый Бизон умер от неизвестной болезни, и шаман не смог ему помочь.

Ср. пример (30), когда наречие появляется в главном предложении, придаточное называет условие осуществления ситуации (каждый раз, когда X, тогда Y):

(30) *Manchmal* kam der Mann, wenn er sich elend fühlte, zu ihr und weinte. // *Z času na čas*, keď sa muž cítil biedny a zničený, prišiel za ňou a plakal. / *Иногда*, когда мужчина чувствовал себя несчастным и опустошенным, он приходил к ней и плакал.

3.1.2. Это может быть регулярная ситуация в прошлом / настоящем, предполагающая четкую фиксацию, – см. в примерах ниже: сбой в системе отопления, встреча с кем-то:

(31) *Manchmal* knackten die Röhren der Zentralheizung. // *Z času na čas* zapraskalo v ústrednom kúrení. / *Иногда* что-то щелкало в системе отопления.

(32) Vor vier oder fünf Jahren kam sie *manchmal* zu Herrn Randolf. // Pred tromi – štyrmi rokmi chodievala *z času na čas* k pánu Randolfovi. / Три-четыре года назад она *время от времени* ездила к господину Рандольфу.

3.2. *Gelegentlich* в качестве стимула для *z času na čas* встретилось нам 9 раз. Речь здесь идет о событиях в прошлом, когда актуальная ситуация является следствием некоторой иной – ср. (34), когда герой регулярно получает выпуски газеты, поскольку его отец там работает.

(34) Aber auch durch seinen Vater, der bei der Zeitung arbeitete, erhielt er *gelegentlich* Besprechungsexemplare. // Ale aj od otca, ktorý pracoval v novinách, dostával *z času na čas* recenzné exempláre. / Но и от отца, который работал в газете, он *время от времени* получал экземпляры на рецензию.

Обозначенная ситуация может представляться говорящему незначительной, либо ее значимость в понимании говорящего не соответствует реальному положению дел – в (35) тот, о ком речь, хочет казаться лучше, чем он есть, в (36) необходимость действий, маркированных наречием, противопоставлена глобальному характеру самого бодрствования (ср. «всегда»).

(35) Ich bin für dich Schmuck, mit dem man seine Eitelkeit befriedigt und mit dem man *gelegentlich* vor seinen Freunden prahlt. // Som pre teba ozdoba, ktorou ukájaš svoju márnomyseľnosť a s ktorou sa *z času na čas* pochvasceš pred priateľmi. / Я для тебя украшение, которым ты прикрываешь пустоту своих мыслей и которым ты *время от времени* хвастаешься перед друзьями.

(36) Und dennoch war ihm immer gewesen, als wache man nicht, um diese *gelegentlich* anfallenden Tätigkeiten zu verrichten, sondern als habe die Wache ihren eigenen Sinn. // A napriek tomu sa mu *vždy* zdalo, že pri bdení sa nemajú vykonávať len tieto *z času na čas* potrebné úkony, ale zdalo sa mu, akoby bdenie malo vlastný zmysel. / И несмотря на это, ему *всегда* казалось, что во время бодрствования не должны осуществляться только эти, *время от времени* необходимые, действия, но само бодрствование имеет собственный смысл.

3.3. *Mitunter* является для данного наречия стимулом всего три раза, и появляется только в переводах произведения Ф. Шуберта.

3.4. *Bisweilen* для данного словацкого наречия появляется в оригинале 4 раза, *zuweilen* – 11 раз.

3.4.1. Подобное происходит при глаголах в настоящем времени с эксплицированной модальностью необходимости (37) / возможности (38):

(37) Er muß *zuweilen* toll gesoffen haben. // Ten sa musí *z času na čas* poriadne oslopať. / Ему приходится *время от времени* основательно оправдываться.

(38) “Wir können uns *zuweilen* treffen”, sagte Stein mit Hörnern. // “Môžeme sa *z času na čas* stretnúť,” nadhodil Rohatý Kameň. / «Мы можем *иногда* встречаться», – предложил Рогатый Камень.

3.4.2. Наречия встречаются в случае резкой смены ситуации либо при противопоставлении различных ситуаций – в (39) речь о появлении / исчезновении, в (40) меняются цвета:

(39) Boten aus dem Palast kontrollierten *bisweilen* seine Arbeit, überbrachten Aufträge und verschwanden... // Poslovia z paláca *z času na čas* kontrolovali jeho prácu, odovzdávali mu úlohy a zasa zmizli... / Посланники из дворца *время от времени* контролировали его работу, давали ему задания и вновь исчезали...

(40) *Zuweilen* änderte die Kuppel ihre Farbe, dann nahmen auch die schwebenden Kugeln den neuen Farbton an. // Kupola *z času na čas* menila farby, potom aj poletujúce gule dostávali nový farebný tón. / Купол *время от времени* менял цвет, а потом пролетающие шары окрашивались в новые тона.

3.5. Распространенным стимулом для словацкого наречия *z času na čas* является его полный дословный эквивалент *von Zeit zu Zeit*,

который для данного словацкого наречия фигурирует в качестве стимула 86 раз. Контексты подобных соответствий могут быть следующими:

3.5.1. Подчеркнутая регулярность ситуации. В (41) для психолога важна регулярность возникновения у клиента мыслей определенного рода – сначала проблема вводится через *manchmal*, а затем при повышении статуса ее значимости, когда подчеркивается ее значимость, – через *von Zeit zu Zeit*, в (42) множество является потенциально конкретизируемым, кроме того, важна регулярность возникновения подобного рода доказательств:

(41) *Manchmal* sehnen Sie sich sicher nach mehr Zeit für Ihre Familie, Ihre Freunde und Ihre Hobbys. Ich würde nicht so weit gehen und Ihnen unterstellen, dass das für Sie ein echtes Problem wäre, aber es beschäftigt Sie schon *von Zeit zu Zeit*. // *Niekedy* túžite, aby ste mali viac času na svoju rodinu, priateľov a na koníčky; Nebudem vám podsúvať názor; že je to pre vás skutočný problém, ale *z času na čas* vás to trápi. / *Иногда* вам очень хочется иметь больше времени на свою семью, друзей и хобби. Не буду навязывать мнение, что для вас это действительно проблема, однако *время от времени* вас это мучает.

(42) Die gescheiten Herren weisen immer von *Zeit zu Zeit* nach, daß alles nur Einbildung sei. // *Múdri páni* vždy *z času na čas* dokážu, že všetko je len výplod fantázie. / Мудрые люди *периодически* доказывают, что все это лишь плод фантазии.

3.5.2. Это может быть эксплицированная модальность в высказывании – в (43) и (44) речь о модальности долженствования:

(43) Ich will es aufschreiben, um es *von Zeit zu Zeit* durchzulesen und nie zu vergessen. // *Musím* si to napísať a *z času na čas* prečítať, tak na to určite nezabudnem. / Я должен это написать и потом *время от времени* перечитывать, так я точно не забуду.

(44) *Von Zeit zu Zeit* mußte er sich den Verband lockern lassen, da sonst die Hand abstarb. // *Z času na čas* si musel dať uvoľniť obväz, aby mu ruka neodumrela. / *Время от времени* ему приходилось снимать повязку, чтобы рука не онемела.

3.5.3. Сюда же относятся контексты глаголов прошедшего времени, когда предполагаются разные субъекты ситуации (открывались разные двери, обход предпринимали разные лица):

(45) *Von Zeit zu Zeit* öffnete sich eine der glänzenden Türen. // *Z času na čas* sa otvorili jednu zo sklenených dverí. / *Время от времени* открывалась одна из стеклянных дверей.

(46) *Von Zeit zu Zeit* unternahm einer von ihnen einen Rundgang. // *Z času na čas* sa niektorý z nich pobral na obchôdzku. / *Время от времени* кто-то из них начинал обход.

3.6. Значительное число вхождений демонстрирует *und*-группа. Так, *ab und zu* выступает стимулом 56 раз, *hin und wieder* – 38 раз, *dann und wann* – 10, *je und je* – 8, *ab und an* – 6, *hier und da* – 3. Тогда как у наречия *von Zeit zu Zeit* регулярность повторения является принципиальной для говорящего, в данном случае она носит «фоновый» характер.

3.6.1. Так, подобное может иметь место, когда основная ситуация противопоставляется дополнительной, которая носит относительно регулярный характер. Ср.: в (47) аферы появляются, однако ключевую роль играют не они, в (48) основным местом обитания плезиозавра является дно, а не поверхность:

(47) *Ab und zu* wird mal eine Affäre hochgespielt, aber das ist nur die unrühmliche Spitze eines höchst unrühmlichen Eisberges. // *Z času na čas* sa vyťahne nejaká aféra, ale to je iba neslávny vrchol ešte neslávnejšieho ľadovca. / *Время от времени* всплывает какая-нибудь афера, но это лишь бесславная вершина еще более бесславного айсберга.

(48) Ich rechne damit, dass der Plesiosaurus in der Tiefsee lebt, aber *hin und wieder* nach oben kommt. // *Rátam s tým, že pleziosaurus žije v hľbokej vode, ale z času na čas vychádza na povrch.* / Я учитываю, что плезиозавр живет в глубокой воде, однако *время от времени* выходит на поверхность.

Противопоставляться может более частотная / менее частотная ситуация, ср.: в (49) появляются чиновники, но чаще рабочие, в (50) кто-то все время нужен, иногда землемер, в (51) гром раздается на фоне общего потепления:

(49) *Hier und da* tauchte verschämt ein Ministerlein der Energiebehörde auf, ansonsten latschten chinesische Ölleute durchs Land. // *Z času na čas* sa nasmelo zjavil nejaký úradník z ministerstva energie, inak sa po krajine tmolili iba ťažobní robotníci. / *Время от времени* несмело появлялся какой-нибудь чиновник из министерства энергетики

в остальное время по равнине сновали только добывающие рабочие. (50) Aber **hier und da** braucht man doch einen, zum Beispiel mich, den Landvermesser. // Ale **z času na čas** nejakého predsa potrebujete, ako napríklad mňa, zememerača. / Но **время от времени** кто-то вам нужен, к примеру, я, землемер.

(51) Es war nur warm, und **ab und zu** donnerte es. // Oteplilo sa a **z času na čas** zahrmelo. / Потеплело, и **время от времени** раздавался гром.

3.7.2. Это может быть действие, осуществляемое во время движения, – в (52) мужчина идет и оглядывается, в (53) женщина едет на машине и периодически следит за детьми:

(52) Vor ihm schreitet gekrümmt, **ab und zu** den Kopf leicht nach links und nach rechts drehend, ein Jude. // Pred ním kráča akýsi zhrbený chlap, ktorý sa len **z času na čas** obzrie trocha doľava alebo doprava. / Перед ним шагает какой-то сгорбленный мужчина, который **время от времени** оглядывается налево или направо.

(53) **Ab und an** warf Sayelle einen verstohlenen Blick in den Rückspiegel, um die Kinder zu beobachten. // Sayelle sa **z času na čas** ukradomky pozrela do spätného zrkadla a pozorovala deti. / Сайель **время от времени** тайком смотрела в зеркало заднего вида и наблюдала за детьми.

4. Корреляты словацкого наречия *chvíľami*

Из всех трех рассматриваемых адвербов данный отличается максимальным разнообразием стимулов в немецком языке.

4.1. Так, *manchmal* выступает в качестве стимула 29 раз. Условия появления словацкого наречия в переводе здесь нижеследующие.

4.1.1. Употребление при ментальных и перцептивных предикатах в прошедшем времени в ситуации «неуверенного наблюдения». Контексты имеют вид «иногда казалось» (54), «иногда было видно / слышно» (55), (56). Говорящий испытывает трудности с квалификацией собственных ощущений:

(54) **Manchmal** war ihnen, als seien sie im Himmel... // **Chvíľami** sa im zdalo, že sú v nebi. / **Иногда** им казалось, будто они в небе.

(55) **Manchmal** sah man nur die langen Halme, wie sie sich zu einer Gasse öffneten und danach wieder schlossen. // **Chvíľami** bolo vidieť, iba ako sa dlhé steblá tu a tam trochu rozhrnú, aby sa vzápätí zasa zatvorili. / **Порой** было видно, как длинные стебли тут и там расходятся, чтобы вскоре вновь закрыться.

(56) Es war still, bis auf das schwere, *manchmal* röchelnde Atmen der Eltern. // Nastalo ticho, bolo počuť iba ťažký, *chvíľami* chrapľavý dych rodičov. / Наступила тишина, было слышно лишь тяжелое, *порой* хриплое дыхание родителей.

Это могут быть чередующиеся действия в непосредственном наблюдении, ср.: в (57) «иногда X, иногда Y», в (58) «иногда X, потом Y»:

(57) *Manchmal* schrie ich vor Weinen, und dann keuchte ich wieder, und immerfort bohrte sich mein Gesicht in den rauen Stoff seiner Uniform. // *Chvíľami* to bolo skôr bolestné kvílenie než plač, *chvíľami* useďavé vzlyky, pri ktorých som zabárala tvár do drsnej látky generálskej uniformy. / *Порой* это был скорее болезненный стон, а не плач, *порой* рыдания, во время которых я прятала лицо в жесткую ткань генеральской униформы.

(58) *Manchmal* blitzten die Leuchtorgane an ihren Tentakelenden hell auf, dann liefen schimmernde Wellen über ihre Körper. // Svetelné orgány na ich chápadlách *chvíľami* jasne zažiarili, potom im po telách prebehli ligoťavé vlny. / Источники света на их щупальцах *порой* ярко вспыхивали, потом по их телам пробегали блестящие волны.

4.2. *Mitunter* выступает в качестве стимула для данного наречия всего один раз, *gelegentlich* появляется в корпусе 2 раза.

4.3. Бóльшее количество стимулов обнаруживают наречия *bisweilen* и *zuweilen*, первое насчитывает 13 вхождений, второе – 28. Основными контекстами здесь являются нижеследующие.

4.3.1. Употребление с ментальными и перцептивными предикатами в прошедшем времени – в (59) говорящий пытается осмыслить произошедшие изменения, в (60) и (61) имеет место ситуация непосредственного наблюдения:

(59) Neuerdings kam es mir allerdings *zuweilen* vor, als habe ihre alte angeborene Heiterkeit einige Mühe, sich zu behaupten, und sei *manchmal* müde und verschattet. // Najnovšie sa mi však *chvíľami* zdalo, akoby jej stará vrodená veselosť bola trochu násilná, akoby ju zatieňovala únava. / К тому же *порой* мне казалось, что ее прежняя внешняя жизнерадостность была немного искусственной, словно ее заслоняла усталость.

(60) Nur *zuweilen* klang eine leise Bemerkung, welche einer dem andern zuflüsterte, zu uns herüber, ohne daß wir sie verstanden. // Len *chvíľami*

sme počuli, ako jeden druhému niečo pošepkal, ale nerozumeli sme ničomu. / Лишь *иногда* мы слышали, как один другому что-то шепчет, но ничего не понимали.

(61) *Zuweilen* den Kopf hebend, beobachtete ich den Kreis der Schläfer und war nach einer halben Stunde überzeugt... // *Chvíľami* som zdvihol hlavu a pozoroval kruh spiacich. / *Иногда* я поднимал голову и следил за кругом спящих.

4.3.2. Говорящий испытывает трудности с подбором однозначной оценки ситуации – ср. (62) и (63), где описываются достаточно сложные характеры. В (64) противопоставляется обычное / фактическое положение дел (то, что обычно выполняется добровольно, здесь происходит по принуждению):

(62) Ich blieb schweigsam, aber ich unterlag, ebenso wie es zuvor meiner Tante ergangen war, irgendeinem Zauber, den der seltsame Mensch *zuweilen* haben konnte. // Млчал som, no tak ako predtým moja teta, i ja som podľahol akémusi čaru, ktoré *chvíľami* vyžarovalo z tohto zvláštnoho človeka. / Я молчал, но, так же как и прежде моя тетя, я поддался какому-то волшебству, которое *иногда* исходило от этого странного человека.

(63) Darüber hinaus erweckte er den Anschein eines maulfaulen und *bisweilen* mürrischen Melancholikers. // Navyše vzbudzoval dojem na slovo skúpeho a *chvíľami* mrzutého melancholika. / К тому же он производил впечатление скупого на слова и *временами* раздражительного меланхолика.

(64) Unser bestes Erbe – Witz, Spott, Hohn, Ironie – wurde *bisweilen* zum Zwang. // Naše najlepšie dedičstvo – vtip, výsmech, irónia – sa *chvíľami* stávalo povinnosťou. / Наше самое ценное наследство – шутки, юмор, ирония – *порой* становилось обязанностью.

4.3. *Von Zeit zu Zeit* выступает в качестве стимула 7 раз; как правило, сюда относятся ситуации, где речь идет о некоторых принципиально новых для говорящего впечатлениях, – ср. в (65) именно «новость», хотя и связанная с регулярным появлением женщины; в (66) говорящий акцентирует свое внимание на стае ворон:

(65) Neu war es, daß Sieversen *von Zeit zu Zeit* hereinkam und nichts tat. // Новé bolo, že *chvíľami* vošla dnu Sieversenová a nerobila nič. / Новость была в том, что *порой* входила Сиверсен и не делала ничего.

(66) Indem wir dies thaten, sah ich im Nordwesten eine Krähenschar, welche, **von Zeit zu Zeit** über dem Walde in die Luft steigend, sich immer wieder niedersenkte, und zwar nicht an einer und derselben Stelle, sondern in fortlaufender Weise. Das mußte mir auffallen. // Medzi jazdou sme zbadali pred sebou na severozápade kídfeľ vrán, ktoré sa **chvíľami** vzniesli do výšky, krúžili v povetrí a potom zase zleteli. / Во время езды мы заметили впереди на северо-западе стаю ворон, которые **периодически** взлетали ввысь, кружились в ветре и потом вновь исчезали.

4.4. В качестве стимулов могут выступать наречия *zeitweilig*, *zeitweise*, *zuzeiten*, также *kurzzeitig*, *zwischenzeitlich* (из всех мы здесь приводим лишь два полнотекстовых примера):

(67) **Zeitweise** konnte ich vor Freude keine gerade Linie ziehen. // **Chvíľami** som od radosti nevedel urobiť rovnú čiaru. / **Иногда** я от радости не мог провести прямую линию.

(68) **Zuzeiten** genügte mir das, und ich lebte stille, dankbare Tage in ihrer Nähe. // **Chvíľami** mi to stačilo a prežíval som v jej blízkosti tiché vďačné dni. / **Иногда** мне было этого достаточно, и у нас с ней были тихие благодарные дни.

4.4. Наречия *und*-группы среди стимулов словацкого *chvíľami* сравнительно немногочисленны. Так, *hin und wieder* насчитывает 5 вхождений, *ab und zu* – 4, *dann und wann* – 3, *hie und da* и *je und je* – по одному. Как правило, *chvíľami* в переводах появляется, если происходит быстрая смена ситуации на противоположную – ср.: (69) «читал и быстро бросал», (70) «то и дело отдыхал». Другой возможностью появления в переводе *chvíľami* является употребление при перцептивных глаголах (71):

(69) **Ab und zu** versuchte er in seinem Brevier zu lesen, doch schon nach wenigen Sätzen legte er es beiseite. // **Chvíľami** sa pokúšal čítať v breviári, ale už po niekoľkých vetách ho odložil. / **Порой** он пытался читать бревиарий, однако уже через несколько фраз откладывал его.

(70) Er konnte das Schnaufen der Anstrengung nicht unterdrücken und mußte auch **hie und da** ausruhen. // Nemohol potlačiť dychčanie z tej námahy a **chvíľami** si musel oddýchnuť. / Ему не удавалось подавить тяжелое дыхание от напряжения, и **порой** приходилось отдыхать.

(71) Neben an hörte man **ab und zu** Hasse rumoren unter den Resten seiner Hoffnungen, seiner Ehe und wohl auch seines Lebens. // Iba **chvíľami** z vedľajšej miestnosti bolo počuť, ako Hasse lomozi pod zvyškami svojich nádejí, svojho manželstva a možno aj svojho života. / Только **иногда** из соседней комнаты было слышно, как Хасе дергается под обломками своих надежд, своего брака и, возможно, своей жизни.

4.5. Еще одним стимулом для *chvíľami* является немецкое наречие *bald*, которое, как правило, появляется при обозначении чередующихся ситуаций:

(72) **Bald** fand ich sie wahrhaft schön und hatte meine stolze Freude an ihr, **bald** kam sie mir plötzlich kleinlich, zerrissen und unklar vor. // **Chvíľami** sa mi zdala naozaj pekná, mal som z nej radosť a bol som na ňu hrdý, **chvíľami** sa mi zas videla malicherná, rozorvaná a nezrozumiteľná. / **Порой** она казалась мне очень красивой, я радовался ее появлению, гордился ей, а **порой** она виделась мне мелочной, странной и непонятной.

(73) **Bald** rieben sich unsere Westenknöpfe aneinander wie Zähne, **bald** liefen wir in gleichbleibender Entfernung... // **Chvíľami** sme do seba vrážali laktami, až nám zaštrngali gombičky na vestách, **chvíľami** sme uhaňali v rovnomerných odstupoch... / **Иногда** мы врезались друг в друга локтями, так, что у нас звенели пуговицы на пиджаках, **иногда** шли друг за другом на примерно одинаковом расстоянии...

4.6. Наконец, 9 вхождений насчитывают конструкции с темпоральным существительным *Augenblick* ‘миг’ – *für Augenblicke* – как правило, это происходит в контекстах, описывающих максимально напряженную ситуацию и имеющих вид «X был настолько Y, что иногда Z»:

(74) **Für Augenblicke** genöß ich alles das, es gab vergnügte Tage, Liebeleien, Zechereien, Ferienfahrten. // **Chvíľami** som to aj využíval, boli veselé dni, flirty, flámy, prázdninové cestovanie. / **Иногда** я этим пользовался, были веселые дни, флирт, кутежи, развлекательные поездки.

(75) Sie war so geschafft, dass sie **für Augenblicke** einschlieff; erst als sie Claudios Hände auf ihren Brüsten spürte, erwachte sie. // Bola taká

zničená, že *chvíľami* zaspávala, prebrala sa, až keď na prsiach pocítila Claudiove prsty. / Она была настолько опустошена, что *порой* засыпала, и просыпалась только тогда, когда чувствовала на груди пальцы Клаудио.

Мы видим, что для *zavše* наиболее частотным стимулом является *manchmal*, словацкое наречие появляется в экзистенциальных контекстах, когда говорится о принципиальном существовании объекта либо ситуации; в случае, когда наречие обозначает подмножество в рамках более широкого множества; в случае, когда речь идет об одновременности двух ситуаций; при маркировании нестандартного положения дел. Распространенными стимулами являются наречия *bisweilen / zuweilen*, которые появляются при характеристике объекта в контекстах вида «X таков, что иногда Y»; в уступительных контекстах; при обозначении сменяющих друг друга действий; в сочетании с ментальными предикатами. Наречие *von Zeit zu Zeit* появляется всего в девяти случаях; точно так же 9 вхождений насчитывают все наречия *und*-группы. Как правило, это происходит в ситуации непосредственного наблюдения, когда говорящий в состоянии перечислить чередующиеся ситуации. В качестве стимула у данного словацкого наречия практически не появляются немецкие *einmal, mal*, то есть в экзистенциально-соотносительной функции данная словацкая лексема практически не употребляется.

Для наречия *z času na čas* основными немецкими эквивалентами являются наречия *und*-группы (123 вхождения) в случае, если обозначаемая ситуация соотносится с постоянной / более частотной основной, а также *von Zeit zu Zeit* (86 вхождений) при подчеркнутой регулярности повторений, либо же эксплицитированной модальности в высказывании. *Manchmal* в качестве стимула фигурирует значительно реже – как правило, это происходит, если ситуация предполагает непосредственное наблюдение или может быть потенциально конкретизирована; если ее регулярность является следствием некоторой иной ситуации.

Наибольшее количество стимулов, которые приблизительно сопоставимы по числу вхождений, насчитывает словацкое наречие *chvíľami*. Наречие может быть переводным эквивалентом лексем *manchmal, bisweilen / zuweilen, von Zeit zu Zeit*, наречий *und*-группы, адвербов *zeitweilig, zeitweise, zuzeiten, kurzzeitig, zwischenzeitlich, bald*, и предложных конструкций с существительными *Weile* и *Augenblick*. Контексты появления *chvíľami* в переводе сходны: это

ситуация непосредственного наблюдения в режиме нарратива в прошлом; ситуация «нечеткого суждения», когда говорящему трудно однозначно охарактеризовать происходящее. Все это позволяет говорить об определенной этноспецифичности¹⁰ словацкого *chvíľami* на фоне остальных близких синонимов в группе экзистенциальных наречий¹¹.

Источники и литература

Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Немецко-русский параллельный корпус как инструмент исследования модальности должествования: о семантических различиях между *müssen* и *sollen* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (4). С. 799–820. DOI: 10.21638/spbu09.2022.409.

Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). С. 651–662.

10 Ср. у А. Д. Шмелева: «...для проникновения в семантические секреты русских лингвоспецифичных слов более показательным может оказаться анализ переводов не с русского языка, а на русский язык. В самом деле, если лингвоспецифичное слово появляется в переводе, закономерным оказывается вопрос, какие особенности оригинала побуждают переводчика употребить это слово...» (Шмелев 2015: 590). Соответственно, использованный нами материал переводов с немецкого на словацкий может быть применим в том числе для наблюдений о лингвоспецифичности словацких лексем.

11 Анна А. Зализняк пишет, в частности, что «если мы рассматриваем некоторую лексическую единицу (ЛЕ) интересующего нас языка, то ее лингвоспецифичность тем более вероятна, чем больше имеющих приблизительно равную частотность “моделей перевода” она имеет; чем более неоднословными они являются; чем чаще при переводе происходит замена части речи (напр. существительному соответствует глагол); чем больше количество имеющих приблизительно равную частотность “стимулов перевода”; чем более неоднословными являются эти “стимулы”; чем в большем проценте случаев в иностранном оригинале вообще отсутствует какая-либо единица-“стимул”» (Зализняк 2015: 655–656).

Кондратенко М. М. О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диалектах // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 133–136.

Кондратенко М. М. Обозначение времени в славянских говорах // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 150–153.

Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и подводные камни // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). С. 584–594.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

DD – Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/> (дата обращения: 16.03.2024).

DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/> (дата обращения: 16.03.2024).

KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka / Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., red. 4 v'yd. Bratislava: Veda, 2003. 985 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 14.03.2024).

Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 20.04.2024).

SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006. Zv. 1 (A -G) / Buzássyová K., Jarošová A., eds. 1134 s.; 2015. Zv. 3 (M -N) / Jarošová A., ed. 1100 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 16.03.2024).

SSS – Synonymický slovník slovenčiny / red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 16.03.2024).

WoB – WoB / Wortbedeutung. URL: <https://www.wortbedeutung.info/> (дата обращения: 16.03.2024).

References

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/> (accessed: 16.03.2024).

Dobrovol'skii, D. O., Zalizn'ak, A. A. “Nemetsko-russkii papallel'nyi korpus kak instrument issledovaniia modal'nosti dolzhenstvovaniia: o semanticheskikh

razlichiiakh mezhdu *müssen* и *sollen*.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 2022, No 19 (4), pp. 799–820. DOI: 10.21638/spbu09.2022.409.

Iakovleva, E. S. *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatii)*. Moscow: Gnozis, 1994, 344 p.

Kondratenko, M. M. “O semanticheskikh paralleliakh i zaimstvovaniiah v nemetskikh i slavianskikh dialektakh.” *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2013, vol. I, No 3, pp. 133–136.

Kondratenko, M. M. “Oboznachenie vremeni v slavianskikh govorakh.” *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2015, No 1, pp. 150–153.

Krátky slovník slovenského jazyka, 4 vyd., eds. Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M. Bratislava: Veda, 2003, 985 p. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed: 14.03.2024).

Shmeliiov, A. D. “Russkie lingvospetsifichnye leksicheskie edinitsey v parallel'nykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniia i podvodnye kamni.” *Kompiuternaiia lingvistika i intellektual'nyie tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*, Vol. 14 (21). Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2015, pp. 584–594.

Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (accessed: 20.04.2024).

Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A – G, eds. Buzássyová K., Jarošová A. Bratislava: Veda, 2006, 1134 p.; 3, M – N, ed. Jarošová A. Bratislava: Veda, 2015. 1100 p. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed: 16.03.2024).

Synonymický slovník slovenčiny, 3. nezm. vyd., ed. M. Pisárčiková. Bratislava: Veda, 2004, 998 p. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (accessed: 16.03.2024).

WoB / Wordbedeutung. URL: <https://www.wortbedeutung.info/> (accessed: 16.03.2024).

Wörterbuch der deutschen Sprache. Dudenverlag. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/> (accessed: 16.03.2024).

Zaliz'ak, A. A. “Lingvospetsifichnye edinitsey russkogo iazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza.” *Kompiuternaiia lingvistika i intellektual'nyie tekhnologii: Po materialam iezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Vol. 14 (21). Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2015, pp. 651–662.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.06

D. Yu. Vashchenko

Slovak Existential Adverbs *zavše*, *chvíľami*, *z času na čas* on the Background of German (According to the Parallel Corpus)

Daria Yu. Vashchenko

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: daranis@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1628-3861

Citation

Vashchenko D. Yu. Slovak Existential Adverbs *zavše*, *chvíľami*, *z času na čas* on the Background of German (According to the Parallel Corpus) // Slavic Almanach. 2024. No 3–4. P. 132–159. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.06

Received: 22.04.2024.

Revised: 09.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article analyzes the Slovak temporal adverbs *zavše*, *chvíľami* and *z času na čas*, belonging to a group with a common meaning “sometimes”, when a repetition of a certain situation is assumed, while the number of repetitions does not seem large to the speaker. These adverbs belong to the “near periphery” of the group, they are considered in a contrastive and comparative way, against the background of the German language, which has a long history of language contacts with the Slovak language. The analysis was carried out on the basis of the Slovak-German parallel corpus, which is part of the Slovak National Corpus. Due to the fact that translations from German into Slovak are mainly represented in this subcorpus, only German incentives of Slovak dialects are involved, and not vice versa; parallel translations from a third language are not involved. It is shown that for *zavše* the most frequent equivalent is *manchmal*, as well as *bisweilen* / *zuweilen*. For the adverb *z času na čas*, the main German equivalents are the adverbs of the *und*-group; as well as *Von zeit zu zeit*. *Manchmal* appears less often as an incentive – when the situation involves a clear fixation or can be potentially specified, also if its regularity is a consequence of some other situation. The largest number of equivalents, approximately comparable in number of occur-

rences, includes the Slovak adverb *chvíľami*, which can be the translation equivalent of lexemes *manchmal*, *bisweilen* / *zuweilen*, *von zeit zu zeit*, adverbs of *und-* group, also adverbs *zeitweilig*, *zeitweise*, *zuzeiten*, *kurzzeitig*, *zwischenzeitlich*, *bald*, and prepositional constructions with nouns *Weile* and *Augenblick*. The contexts of the appearance of *chvíľami* in translation are similar: this is a situation of direct observation in the narrative mode in the past; as well as a situation of “fuzzy judgment”, when it is difficult for the speaker to uniquely characterize the situation. All this allows us to speak about a certain ethnospecificity of the Slovak *chvíľami*.

Keywords

Semantics, temporal adverbs, parallel corpus, Slovak language, German language.

**Заговоры, народная медицина и обряды
в ареальной проекции:
Белоруссия и русский северо-запад**

Агапкина Татьяна Алексеевна

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: agapi-t@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8098-7471

Цитирование

Агапкина Т. А. Заговоры, народная медицина и обряды в ареальной проекции: Белоруссия и русский северо-запад // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 160–178. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.07

Статья поступила в редакцию 16.05.2024.

Рецензирование завершено 23.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые фольклорные и этнографические явления сквозь призму их географического распространения в европейской части Восточной Славии. Среди них: один из сюжетов заговоров от рожистого воспаления («Шел / был Христос / Богородица, нес / имел три розы, третья / все три погibli / завяли / упали и т. д.»), мотив мифологического центра в заговорах от укуса змеи, болезнь, называемая «крыльях», при которой у человека возникают неприятные и болезненные ощущения в лопатках, и практика ее лечения, а также троичные поминальные ритуалы «опахивания» (обметания) могил зеленью. Всех их объединяет тот факт, что эти явления известны в Белоруссии и на западе европейской России, откуда они, по всей видимости, распространились на русский северо-запад. Эти явления имеют разное происхождение. Сюжет заговоров от рожистого воспаления обнаруживается в германской, польской и балтийской традициях; наименование болезни *крылішча* объединяет белорусскую традицию с северо-западно-русской и латышской; мотив мифологического центра в заговорах от укуса змеи имеет скорее всего восточнославянское

происхождение, а практика троцкого поминального «опахивания» могил, вероятно, изначально была ограничена рамками новгородско-псковско-смоленского ареала. Статья снабжена четырьмя картами.

Ключевые слова

Заговоры, сюжет, ритуал, Восточная Славия, русский северо-запад, география культуры, картографирование.

Мне уже доводилось писать об особенностях распространения некоторых заговорных сюжетов и этнолингвистических явлений на восточнославянской территории. В частности, мое внимание прежде привлекали отдельные параллели к балканославянским заговорам, которые были обнаружены на Украине преимущественно по линии юго-запад – северо-восток: от Гуцульщины, Покутья и Буковины через Подолию и Поднепровье и далее – на Левобережную Украину, а оттуда вверх по Днепру вплоть до северо-восточной Белоруссии. Было установлено несколько подобных сходжений (Агапкина 2016; 2019; 2020), что навело на мысль об устойчивости такой картины распространения фольклорных сюжетов в Восточной Славии.

В этой совсем небольшой заметке речь пойдет об аналогичном явлении, а именно об устойчивом «рисунке» распределения ряда заговорных сюжетов и обрядовых практик на обширных территориях европейской части Восточной Славии, правда, преимущественно в более северных ее областях. Точкой отсчета будут западнорусские области и северо-восток Белоруссии, а регионами сопредельными, которые могут участвовать в формировании «рисунка» распространения того или иного явления, – прежде всего русский северо-запад и Белоруссия (как восток, так и запад), а также в значительно меньшей степени восток и центр Украины.

В статье рассматриваются четыре примера, специфичных с точки зрения предмета исследования (заговорная сюжетика, обрядовая терминология, ритуальная практика), его массовости / единичности, а также конкретных особенностей распространения на указанной территории. Сопоставление ареальных характеристик этих четырех явлений составляет цель работы и одновременно способ ее осуществления.

Первый пример касается заговорного сюжета, рассматриваемого в рамках определенной функции магических текстов. Речь идет о мотиве мифологического центра в заговорах от укуса змеи.

В свое время я посвятила этому мотиву большую статью (Агапкина 2013), поэтому сейчас сосредоточусь лишь на географии этого мотива в рамках обширного восточнославянского корпуса заговоров от змей. Мое внимание будет привлечено к территориям, соединяющим Белоруссию с западнорусскими областями и русским северо-западом.

Центральное место среди заговоров от укуса змеи занимают тексты, в основе которых лежит один общий для всех трех заговорных традиций (русской, белорусской и украинской) мотив – «обращение в мифологический центр», который известен на значительной территории Восточной Славии. Этот мотив соотносится с известной балтославянской мифологемой о небесном персонаже (Перуне, громовержце), преследующем своего хтонического противника.

Ниже проводятся несколько фрагментов соответствующих заговоров из названных регионов:

У синего моря стояла верба на семь кокотов, на семь воротов. На тых кокотах стояла тесовая кровать. На кровати – пуховые подушки. На тых пуховых подушках лежала гадина Марьяна. Гадина Марьяна, выйми свой тот зуб, которым укусила рабу Божию (имя), а не вый-мешь, я буду просить Бога. Бог тебя будет бить громом и тучею (Ершов, Логинов 2022: № 280, Карелия);

На море на Окияне, на камни на Латыри стоит дуб кроповой. Под этим дубом черное руно. На черном руно лежит Змей-скоробей. Змей-скоробей, унимай своих детей, ярых-перярых, черных и пестрых, водяных, соломенных, лесовых, полевых. Попрошу я Михаила-архандела, он выйдет на Оссионску гору, затрубит в трубу: «Я вас всех погублю!» (Власова 1972: 195, Новгородская обл.);

Стаіць дуб. У тым дубе гняздо з чыстае балады. У тым гняздзе тры лютых змяі: Гада, Нерада і Пелагея. Тры лютыя змяі падпечныя, качарэжныя, нізавыя, гнездавыя, палявыя, пажнявыя, лесавыя, не кусайце людзей, не пускайце яд. Не будзіце слухаць, будзе вас Шахайла-Архайла на белых камнях распінаць, шупшынаю драць, белымі камнямі голавы разбіваць (Лопатин 2016: 84, Гомельская обл.).

Результаты картографирования рассматриваемого мотива представлены на карте 1, к которой необходимо сделать два уточнения. Во-первых, за рамками карты (не уместившись на ней) остались некоторые севернорусские свидетельства, относящиеся к побережью

Белого моря и Кольскому полуострову (Цейтлин 1912: 164; Заговоры из архивных источников: 23; РЗК: № 256). Во-вторых, благодаря кропотливой и систематической работе белорусских фольклористов записей с территории Белоруссии неизмеримо больше, нежели всех остальных, что скорее всего не совсем точно передает реальную картину плотности распространения мотива, хотя вряд ли искажает границы его бытования. При этом западнорусские области – Новгородчина и в особенности Псковщина – исследованы в фольклорно-этнографическом отношении явно недостаточно.

Что же касается результатов картографирования мотива мифологического центра в заговорах от укуса змей, то в целом эта карта такова: украинское Левобережье и Поднепровье, междуречье Припяти и Днепра и Нижняя Припять, белорусское Поднепровье, а также северо-восток Белоруссии, западнорусские области, а затем резкое сужение границ в их северной части с постепенным и порой прерывистым переходом к русскому северо-западу (Олонецкий край, Обонежье, вплоть до Белого моря).

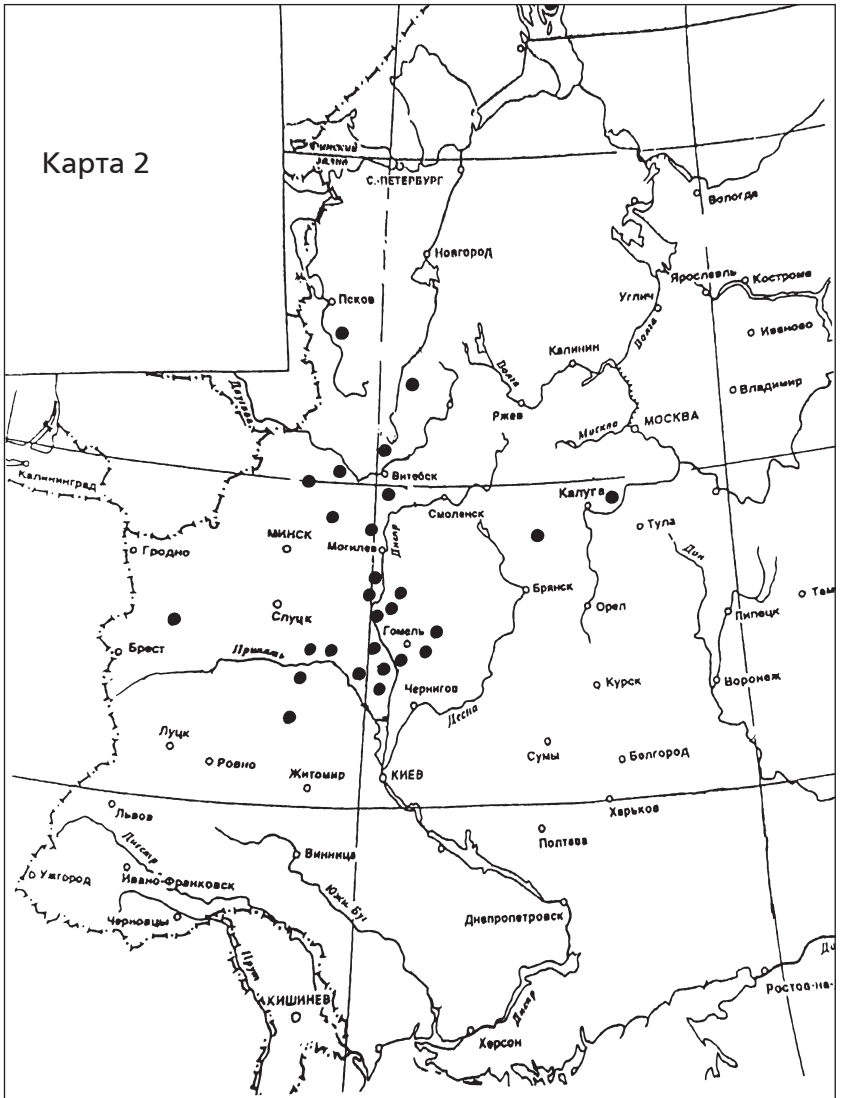
Второй случай касается распространения в Восточной Славии известного мотива заговоров от рожистого воспаления «Шел / был Христос / Богородица, нес / имел три розы, третья / все три погибли (завяли, упали и т. д.)», см.:

Сам Иисус Христос шел через три чистых поля, нес три рожи. Одна рожа посохла, вторая повяла, третья совсем пропала. Пропадите, все эти рожи, все эти болезни, отними щипоту, лому к р.Б. и р. во веки веков (РЗК: № 270, Карелия);

Шёл Христос па дароги. Нёс три розы. Анна (одна) роза ссохла, другая свяла, третия без вести пропала (Валевская и др. 2002: 402, Псковская обл.);

Ишло тры рожы чэрэз тры палі: адна стала, другая спала, а трэцяя сама разышлася (Цяпкова 2015: 392, Витебская обл.).

Мне уже приходилось писать о самом сюжете подробно (Агапкина 2010: 416–419; Восточнославянские заговоры: 44), поэтому ограничимся наблюдениями над его географией. У восточных славян он фиксируется почти исключительно в восточных регионах Белоруссии – Гомельская (восточные районы), Могилевская, Витебская обл. и, как продолжение этой традиции, на Псковщине и у русских

старообрядцев в Литве, а также в Олонецком крае, в Калужской обл. и в некоторых других местах, см. карту 2.

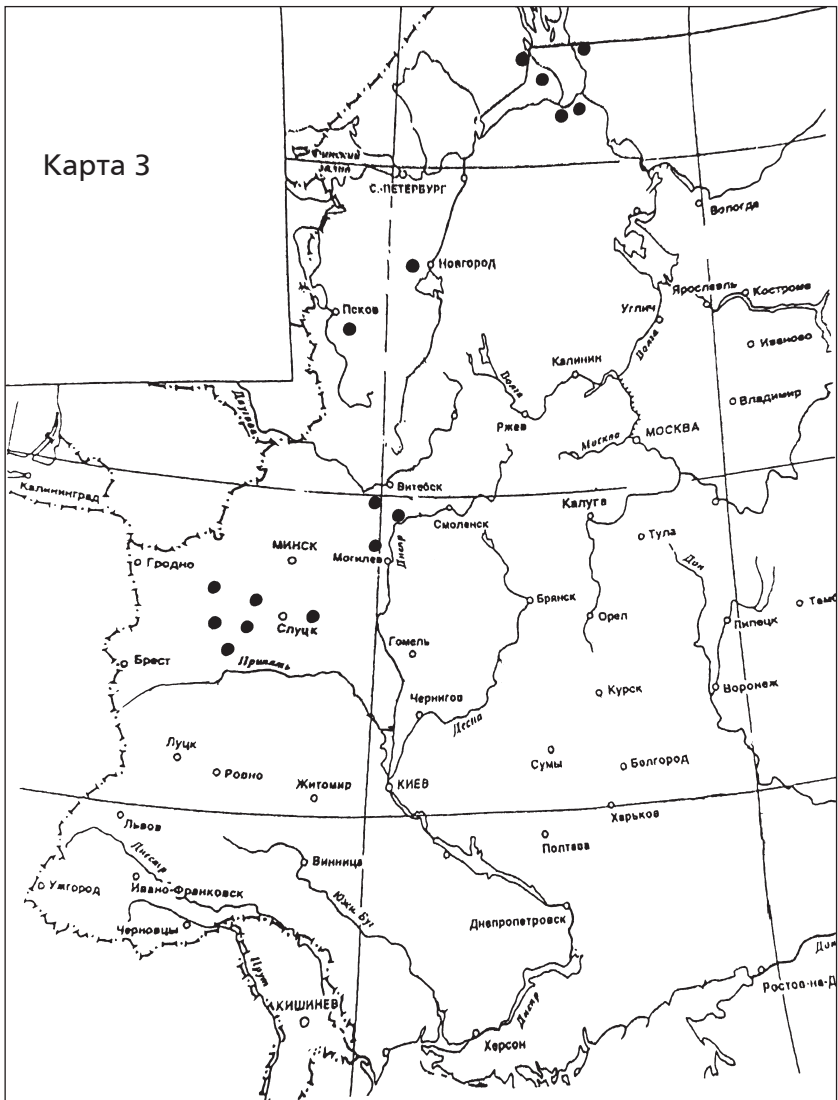
Сюжет, истоки которого обнаруживаются в европейской традиции, встречается в Польше, в том числе у поляков в Литве (Zowczak 1994: 19–20), и в Чехии, а также в германской традиции (о его немецких параллелях см.: Валодзіна 2023: 177–180), но при этом его, кажется, нет у словаков и в Карпатах, равно как и у балканских славян. Кроме того, мотив о трех розах в руках Христа часто встречается в Литве и Латвии (чаще, чем в Польше и Чехии), что и дало основание М. В. Завьяловой предположить, что в Литву он попал из Западной Европы именно через Латвию, а не через Польшу (Завьялова 2006: 209).

Таким образом, можно допустить, что в Восточную Славию мотив о трех розах в руках Христа или Богородицы (реже – других персонажей) проник через балтийские традиции, откуда распространился главным образом по восточной Белоруссии и уже оттуда точечно – по сопредельным западнорусским и северо-западно-русским регионам, где, впрочем, оказался на периферии заговорного репертуара.

Третий пример касается народномедицинской терминологии. Речь идет о болезни, при которой у человека возникают неприятные и болезненные ощущения в лопатках: на них может образовываться нечто наподобие горба, часто в виде небольших опухолей, болит кожа или внутри под ней; нестерпимо зудит и чешется между лопатками, где часто также появляются волоски, сыпь или прыщики. Симптоматика болезни весьма разнообразна, но то, что нас интересует, относится скорее к области ее названий от ⁺*крыл-*.

На западе Белоруссии (Брестская обл., Ляховичский р-н, Пинский р-н; Гродненская обл., Барановичский, Кореличский р-ны; Минская обл., Стародорожский, Копыльский р-ны), также в Ровенской обл. (Дубровицкий р-н), реже на востоке Белоруссии – на стыке восточнобелорусских и западнорусских областей (бывш. Могилевская, Витебская губ.) эта болезнь носит названия бел. *крылішча*, *крылыска* (Народная медицина: № 278–289), а также единично укр. ровен. *крыло* (Полесские заговоры: № 91). Эти названия встречаются как в народномедицинских описаниях болезни и способов ее лечения, так и в текстах заговоров, см. карту 3.

Под терминами *крылішча*, *крылыска* в Белоруссии понимается детская болезнь, и здесь преобладает практика бел. брест., гроднен. *сечь / высыкаць крылішча* (рассекая ножом связку куриных крыльев

и произнося при этом ритуальный диалог) (Народная медицина: № 279, 280, 282, 283), ср. укр. ровен. *крыло сечь* (Полесские заговоры: № 90), брест. пин. *выкачваць / выкатываць крылыска* (там же: № 91), см., например:

Вот ідзеш, дзе курнік, ды курыца пералеціць цераз тую жанчыну. На плячах тады крылішча ў рабёначка. Во так голаў угору закідае, і ня спіць, крычыць. З чорнай курыцы брала пер'е, толькі анно з чорнае. Вязала іх у пучкі. Вот у каго крылішча, прыносіць дзеткі. Кладзе на гэты бок парога, а сама на той бок. А тутака начоўкі. І бярэ яна сакеру, а дзіця пад начоўкі. Маладзіца стаіць на гэты бок парога, а мая мама – на той і тое пер'е сячэ. Тая маладзіца пытаецца: – Што ты сячэш? – Крылішчы. – Сячы, сячы. Каб не было. – Гэтак тры разы мама сячэ. Усё рабілася, каб сонейка заходзіла (Народная медицина: № 280).

По ряду признаков бел. *крылішча* отчасти аналогичны таким детским недугам, как рус. *щетинка* и бел. *шарсцінка*, также сопровождающимся дискомфортом в области лопаток (о последней см.: Валодзіна 2009: 214–216), а в качестве причины их появления у ребенка обычно указывают на то, что его мать, будучи беременной, переступала через какое-нибудь животное либо касалась его ногой.

На западе России (Псковская, Новгородская обл.) и на русском северо-западе (бывш. Олонецкая губ., Петрозаводский, Вытегорский, Пудожский уу.) это болезнь носит названия: рус. олон. *крылья, сухие крылья, крыльца* (СРНГ 43: 15), пск. *сухокрыловица* (СРНГ 43: 16), т. е. в составном наименовании появляется элемент «сухой». В целом из западнорусских областей народномедицинских сведений совсем мало. Можно лишь утверждать, что болезнь под соответствующими названиями поражает как детей, так и взрослых. В Новоржевском районе Псковской обл. зафиксирована *спиральца* (горб как последствие сглаза), которая составляет прямую параллель с *крылишчами* (Володина 2019: 360), ср. также: «Сухоспирица – это у маленьких спина болит; ребенка натирали, компрессы ставили: врачей-то не было» (СРНГ 43: 23, Новгородская обл.).

На русском северо-западе *крылья* – болезнь почти исключительно взрослых, поражающая не кожу, а легкие. Известно, что уже в 1352 г. «в Ладозе» свирепствовала легочная чума, протекавшая с острыми болями в спине под лопатками («межи крыла аки рогатиною ударит») (Мирский 2018: 265); это описание болезни вместо упоминания ее

названия явно указывает на типовое для народной медицины наименование болезней по месту их локализации на теле человека. В Вытегорском у. Олонецкой губ. *сухими крыльями* называли чахотку, воспаление легких или какие-то иные недуги, сопровождавшиеся покалыванием в легких и затрудненным дыханием (якобы потому, что *крылья* прорастают в мясо и колют легкие и грудину), при которых также рекомендовали *сломать сухие крылья*, т. е. щипать кожу на спине между лопаток (Минорский 1879: 247–248). В других местах того же уезда *крыльями* называлась «сильная боль в плечах, происходящая, как говорят, от застоя крови» (Ф...ов 1892: 400). *Крылья* лечат – «ломают»: «Больной ложится на лавку на брюхо, и опытная старуха сначала ощупывает спину между плечами и, если находит желваки (густо застоявшаяся кровь), то начинает их ломать, т. е. сильно нажимает это место руками, так что от каждого нажима непременно “рочконет” (хрупнет) в спине, и прижимает до тех пор, пока не прекратится под руками это “рочканье”» (Там же). «Ломота в крыльцах» (без специального названия) отмечалась и в сибирской народной медицине (Макаренко 1897: 80, Енисейская губ.).

В народномедицинской практике помимо «ломания крыльев» широко практиковалось и лечение заговорами – *крылья заговаривать*: «Выстала раба Божия Палага утром рано перекрестясь, благословясь <...>. И заговариват раба Божия Палага у рабе Божьей Марье сухие крылья, с тридевятъ костей и с тридевятъ мозгей» (Заговоры из архивных источников: 127, № 13, Петрозаводский у.); «Я, раба Божия, Н., зачерчиваю, заговариваю у раба Божия Н. крылья шеевыя, хребтовы, спиновы, что бы не болело, что бы не щемило, что бы отрыжки не было» (Кофырин 1900: 2, Пудожский у.).

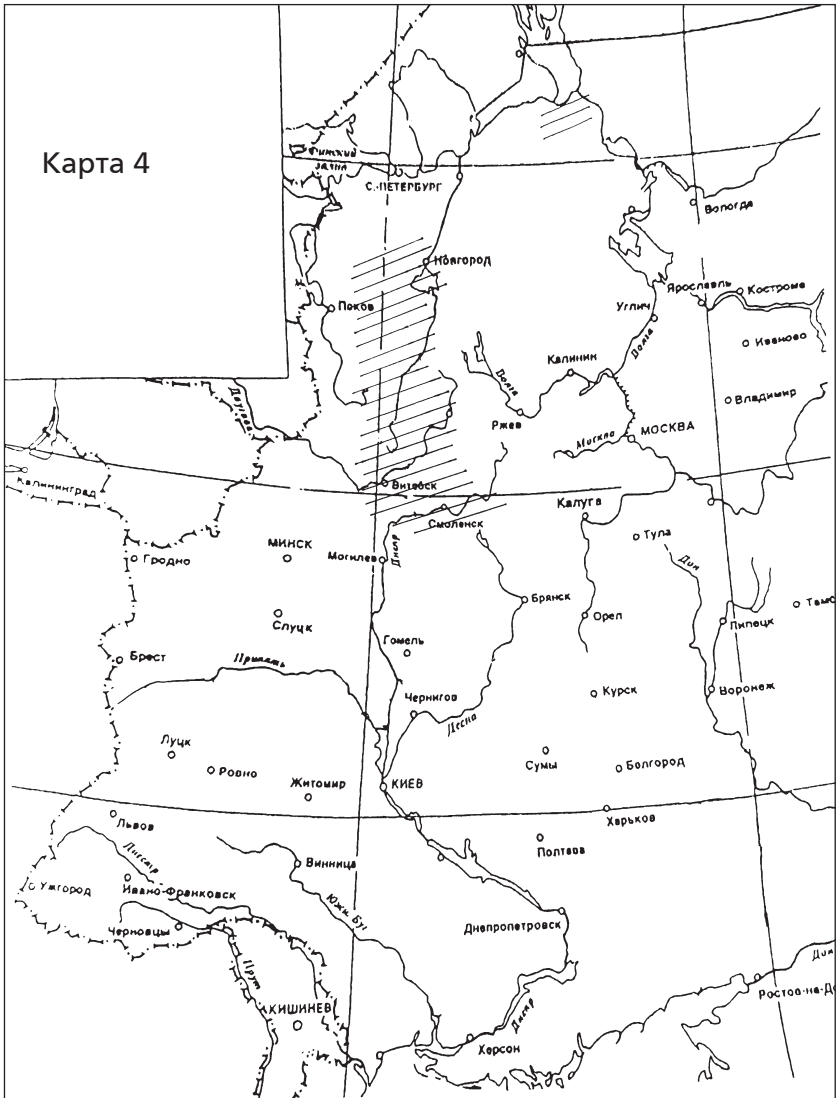
Поскольку речь идет о болезнях, локализованных на спине, на лопатках или между ними, название вполне закономерно, учитывая соматическое значение слов на *крыл-*: рус. диал. *крыло*, *крыльце* ‘плоская плечевая кость человека, выступающая в верхней части спины; лопатка’ (смол., брян., орл., ворон., пск., СРНГ 15: 343); пск. ‘лопатка человека или животного’ (ПОС 16: 269, 273); о.-рус. ‘заплечье, лопатки’ (СРНГ 15: 346), а также смол. *крыло* ‘назади часть плеча’ (СОС: 363), ср. витеб. *крылица* ‘зуд мизу крыл’ (Никифоровский 1897: № 285), однако в других белорусских говорах (судя по известным мне словарям) значение ‘лопатка’ не зафиксировано.

Рассмотренный пример демонстрирует следующую картину распространения явления: три его очага – брестско-гродненские, западнорусские и олонецкие территории – непосредственно друг

с другом не соприкасаются, и тем не менее сформированный эти-ми тремя очагами дискретный ареал связывает Белоруссию (и Латвию), русский запад и северо-запад. При этом остается до некоторой степени открытым вопрос о происхождении названий этих болезней, производных от **крыл-*, поскольку в большинстве белорусских говоров (в том числе брестских и гродненских) *крыло*, *крылля* как ‘лопатка, лопатки’ не зафиксированы, как нехарактерно это значение и для соответствующих слов в западнославянских языках (ЭССЯ 12: 152). По мнению Т. В. Володиной, белорусское название *крылішча* отражает мифологические представления о неполной социальности ребенка, выражающейся в его частичной волосатости, которая, в свою очередь, «перенята им от птиц, откуда и соответствующее название болезни» (Валодзіна 2009: 214–215). При этом она же считает, что, поскольку детская болезнь, имеющая сходные симптомы, названия и способы лечения, широко известна у латышей, ее белорусские и латышские варианты могут быть уцелевшими фрагментами некогда общеевропейского комплекса представлений (Валодзіна 2022: 173). На наш взгляд, поскольку географически псковская *сухокрыловица* и соответствующие латышские народно-медицинские практики расположены в непосредственной близости друг от друга, можно допустить также родство западнобелорусского, латышского и западнорусского названий болезни «крылья» и связанных с нею обычаев, с последующим распространением их на русском северо-западе.

И, наконец, **четвертый** пример – уже не из области народной медицины. Речь идет об особом ритуале в составе троичких поминовений усопших на кладбище, а именно опахивании и подметании могил преимущественно хвойными ветками. Он назывался *парить родителей*, *парить могилы*, *опахивать могилы*, *глаза опахивать* (витеб., смол., новг., пск., с.-петерб.). На Троицу или в троичскую субботу родственники умерших приносили на кладбище по березовой ветке или венику и подметали (*опахивали*, *парили*) ими могилы (Соколова 1979: 227; Агапкина 2002: 307), см.: «Бабы и девки собираются на кладбище после обедни, “опахивают” веником могилы родных и голосят по отце, матери или муже» (Лиль-Адам 1871: 75, Петербургская губ.).

В результате новгородской колонизации Русского Севера (северо-запада) западнорусский троичский ритуал опахивания могил распространился на территорию Олонецкой губ. Так, по записям священника А. Петропавловского, старообрядцы карельских уездов поминовение

по умершим совершают следующим образом: «Нанесут на кладбище пирогов, которые полагают на верхнюю часть могилы, а сами хвоиною *пахнут* по могиле, приговаривая: “Упокой, Господи, душу рабы (имярек)”» (Калашникова 2003: 189); см. карту 4.

Таким образом, этот ритуал сконцентрирован на западнорусско-восточнобелорусской территории и выходит за ее рамки лишь в направлении северо-запада.

* * *

Подводя некоторые итоги предпринятому картографированию отдельных фольклорных и этнографических явлений в европейской части Восточной Славии, можно констатировать существование сходных тенденций их распространения. Независимо от южных границ бытования упомянутых явлений, в целом они протягиваются с юга на север вдоль 30–35-го меридиана, захватывают Поднепровье и распространяются севернее, где оказываются на территории древнего расселения кривичей и новгородских словен. Создается впечатление, что многие явления восточнославянской традиционной культуры попадали в довольно узкое горлышко этих западнорусских территорий, и уже через него, вероятно в ходе новгородской колонизации, оказывались на русском северо-западе, почти исключительно в Олонецком крае, заметно затухая по мере миграции на север.

При этом происхождение самих этих явлений могло быть самым разным: мотив заговоров от рожистого воспаления «Шел Христос / Богородица, имел три розы...» обнаруживается в европейской, в частности в германской, польской и балтийской, традиции; наименование болезни *крылішча* и под. и связанные с ней магические практики объединяют белорусскую традицию с северо-западно-русской и латышской; мотив мифологического центра в заговорах от укуса змеи имеет скорее всего восточнославянское происхождение, а практика троицкого поминального «опахивания» могил, вероятно, изначально была ограничена рамками новгородско-псковско-смоленского ареала.

Источники и литература

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Агапкина Т. А. Восточнославянские заговоры от укуса змеи: темы и сюжеты, локальные особенности и славянские параллели // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М.: Древлехранилище, 2013. С. 434–465.

Агапкина Т. А. Карпато-южнославянские параллели в области вербальной магии и их продолжение у восточных славян // Славяноведение. 2016. № 6. С. 3–13.

Агапкина Т. А. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 10–38.

Агапкина Т. А. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян: «житийный» текст как заговор // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 225–244. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.01.

Валевская Е. А., Королькова И. В., Лобкова Г. В., Мехнецов А. М., Мехнецова К. А. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиц. материалов: в 2 т. Т. 1. Псков: Псковский государственный областной Центр народного творчества, 2002. 686 с.

Валодзіна Т. Нямецкія лекавыя замовы: групы, матывы, беларускія паралелі. Мінск: Беларуская навука, 2023. 344 с.

Валодзіна Т. В. Цела чалавека. Слова, міф, рытуал. Мінск: Тэхналогія, 2009. 432 с.

Валодзіна Т. Латышскія і беларускія лекавыя замовы у пошуках паралеляў. II // In the Shadow of Others: Belarusian-Latvian Relations from the Past to Nowadays / eds. M. Jankowiak, K. Kascian. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2022. P. 171–184.

Власова З. И. К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор. Л.: Наука, 1972. Т. 13. С. 194–201.

Володина Т. В. Русские заговоры в коллекции Литературного музея Эстонии // Рябининские чтения – 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 360–362.

Восточнославянские заговоры – Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Анно-

тированная библиография / авт.-сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.

Завьялова М. В. Балто-славянский заговорный текст. Лингвистический анализ и модель мира. М.: Наука, 2006. 563 с.

Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в.: в 2 т. Т. 2 / изд. подг. А. Б. Ипполитова и А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2024. 536 с. DOI: 10.31168/91674-722-5.

Ершов В. П., Логинов К. К. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: ВЕРСО, 2022. 217 с.

Калашиникова Р. Б. Священник Александр Петропавловский – бытописатель карельских приходов Олонецкой губернии сер. XIX в. // Православие в Карелии (Материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов) / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Издательство КарНЦ РАН, 2003. 450 с.

Кожырин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда // Олонецкие губ. ведомости. 1900. Часть неофициальная. № 114. С. 2 (10).

Лиль-Адам В. де. Деревня Княжая Гора и ее окрестности // Зап. РГО по Отделению этнографии. 1871. Т. 4. С. 235–366.

Лопатин Г. Заговоры Ветковского района Гомельской области // Palaeoslavica. 2016. XXIV. № 1. С. 79–189.

Макаренко А. Материалы по народной медицине Уржумской волости Ачинского округа Енисейской губернии // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 57–100.

Минорский П. А. Народное здоровье и народное лечение (Этнографические наблюдения в Вытегорском уезде) // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 2, № 7. С. 232–257.

Мирский М. Б. Медицина Древней Руси. М.: Родина, 2018. 416 с.

Народная медыцына – Народная медыцына. Рытуальна-магічная практыка / уклад., прадм. і паказ. Т. В. Валодзінай; навук. рэд. А. С. Ліс. Мінск: Беларуская навука, 2007. 744 с.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суевежные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская Типо-литография, 1897. 344 с.

Полесские заговоры – Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / сост., подготовка текстов и примеч. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2003. 752 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: Наука, 1967–. Вып. 1–.

РЗК – Русские заговоры Карелии / сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2000. 276 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СОС – Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 287 с.

Ф...ов К. Присловья, приметы, обычаи, заговоры и верования простого народа в Вытегорском уезде. (Воспоминания из поездки на родину) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 38. С. 399–400.

Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье // Изв. Архангел. о-ва изучения Рус. Севера. 1912. № 1. С. 8–16; № 4. С. 156–165.

Цяпкова Т. З пскоўскіх сшыткаў // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследваньні. Мінск: Беларуская навука, 2015. Вып. 2. С. 456–497.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Zowczak M. Mitologia zamawiania i mistyka zamów na podstawie współczesnych materiałów z Wileńszczyzny // Literatura ludowa. 1994. N 4/6. S. 3–33.

References

Agapkina, T. A. “Karpato-iuzhnoslavianskie paralleli v oblasti verbal'noi magii i ikh prodolzhenie u vostochnykh slavian.” *Slavianovedenie*, 2016, No 6, pp. 3–13.

Agapkina, T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendariia. Vesenne-letnii tsikl*. Moscow: Indrik, 2002, 816 p.

Agapkina, T. A. “Paralleli v oblasti verbal'noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian.” *Slavianskie arkhaischeskie arealy v prostranstve Evropy*. Moscow: Indrik, 2019, pp. 10–38.

Agapkina, T. A. “Paralleli v oblasti verbal'noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian: «zhitiinyi» tekst kak zagovor.” *Slavianskii al'manakh*, 2020, No 3–4, pp. 225–244. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.01.

Agapkina, T. A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira*. Moscow: Indrik, 2010, 824 p.

Agapkina, T. A. “Vostochnoslavianskie zagovory ot ukusa zmei: temy i siuzhety, lokal'nye osobennosti i slavianskie paralleli.” *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki / XV Mezhdunarodnyi s'ezd sla-*

vistov. (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). *Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, pp. 434–465.

Ershov, V. P., Loginov, K. K. *Potaennyi fol'klor Karelii i sopredel'nykh oblastei*. Petrozavodsk: VERSO, 2022, 217 p.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.

Kalashnikova, R. B. “Sviashchennik Aleksandr Petropavlovskii – bytopisatel' karel'skikh prikhodov Olonetskoj gubernii ser. XIX v.” *Pravoslavie v Karelii (Materialy 2-i mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posviashchennoj 775-letiiu kreshcheniia karelov)*, otv. red. V. M. Pivoev. Petrozavodsk: Izdatel'stvo KarNTs RAN, 2003, 450 p.

Lopatin, G. “Zagovory Vetkovskogo raiona Gomel'skoi oblasti.” *Palaeoslavica*, 2016, XXIV, No 1, pp. 79–189.

Mirskii, M. B. *Medsitina Drevnei Rusi*. Moscow: Rodina, 2018, 416 p.

Narodnaia medytyna. Rytual'na-magichnaia praktyka, ed. by T. V. Valodzina, A. S. Lis. Minsk: Belarускаia navuka, 2007, 744 p.

Polesskie zagovory (v zapisiakh 1970–1990-kh gg.), ed. by T. A. Agapkina, E. E. Levkivskaia, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2003, 752 p.

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi. Leningrad: Nauka, 1967–, vols. 1–.

Russkie zagovory Karelii, ed. by T. S. Kurets. Petrozavodsk: Izd-vo PGU, 2000, 276 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka, 1965–, vols. 1–.

Sokolova, V. K. *Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukraintsev i belorusetov. XIX – nachalo XX v.* Moscow: Nauka, 1979, 287 p.

Tsiapkova, T. “Z pskoŭskikh sshytkaŭ.” *Belaruskii fal'klor. Materyialy i dasledyvanni*. Minsk: Belarускаia navuka, 2015, vol. 2, pp. 456–497.

Valevskaia, E. A., Korol'kova, I. V., Lobkova, G. V., Mekhnetsov, A. M., Mekhnetsova, K. A. *Narodnaia traditsionnaia kul'tura Pskovskoi oblasti: obzor ekspedits. materialov*: in 2 vols. Vol. 1. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi oblastnoi Tsentr narodnogo tvorchestva, 2002, 686 p.

Valodzina, T. “Latyshskii i belaruskii lekavyia zamovy u poshukakh paraleliaŭ. II.” *In the Shadow of Others: Belarusian-Latvian Relations from the Past to Nowadays*, eds. by M. Jankowiak, K. Kascian. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2022, pp. 171–184.

Valodzina, T. *Niametskiia lekavyia zamovy: grupy, matyvy, belaruskiiia paraleli*. Minsk: Belarускаia navuka, 2023, 344 p.

Valodzina, T. V. *Tsela chalaveka. Slova, mif, rytual*. Minsk: Tekhnalogiia, 2009, 432 p.

Vlasova, Z. I. “K izucheniiu poetiki ustnykh zagovorov.” *Russkii fol'klor*. Leningrad: Nauka, 1972, vol. 13, pp. 194–201.

Volodina, T. V. “Russkie zagovory v kollekcii Literaturnogo muzeia Estonii.” *Riabininskie chteniia – 2019: materialy VIII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii traditsionnoi kultury Russkogo Severa*. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2019, pp. 360–362.

Vostochnoslavianskie zagovory: Materialy k funktsional'nomu ukazateliiu siuzhetov i motivov. Annotirovannaia bibliografiia, compl. by T. A. Agapkina, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2014, 320 p.

Zagovory iz arkhivnykh istochnikov XVIII – pervoi treti XX v. In 2 vols. Vol. 2, ed. by A. B. Ippolitova, A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2024, 536 p. DOI: 10.31168/91674-722-5.

Zav'ialova, M. V. *Balto-slavianskii zagovornyi tekst. Lingvisticheskii analiz i model' mira*. Moscow: Nauka, 2006, 563 p.

Zowczak, M. “Mitologia zamawiania i mistyka zamów na podstawie współczesnych materiałów z Wileńszczyzny.” *Literatura ludowa*, 1994, no 4/6, pp. 3–33.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.07

T. A. Agapkina

**Incantations, Traditional Medicine and Rituals in Areal Aspect:
Belarus and the Russian Northwest**

Tatiana A. Agapkina

Doctor of Letters, principal research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: agapi-t@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8098-7471

Citation

Agapkina T. A. Incantations, Traditional Medicine and Rituals in Areal Aspect: Belarus and the Russian Northwest // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 160–178 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.07

Received: 16.05.2024.

Revised: 23.08.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article examines some folklore and ethnographic phenomena through the prism of their geographical distribution in the European part of Eastern Slavia. Among them there are: one of the plots of the incantations against erysipelas (“There was Christ / the Virgin Mary, carried / had three roses, the third / all three died / withered / fell, etc.”), the motif of the mythological center in the incantations against snake bite, diseases called “wings” in which a person experiences unpleasant and painful sensations in the shoulder blades, and the practice of their treatment, as well as Trinity memorial rituals of graves “plowing” (sweeping) with greenery. They are all united by the fact that these phenomena are known in Belarus and in the west of European Russia, from where they spread to the Russian Northwest. These phenomena have different origins. The plot of incantations against erysipelas is found in German, Polish and Baltic traditions; the name of the disease *krilishchcha* unites the Belarusian tradition with the northwestern Russian and Latvian; the motif of the mythological center in incantations against snake bites is most likely of East Slavic origin, and the practice of Trinity memorial “plowing” of graves was probably initially limited to the Novgorod-Pskov-Smolensk area. The article is provided with 4 maps.

Keywords

Incantations, plot, Eastern Slavia, Russian Northwest, ritual, cultural geography, mapping.

УДК 811.161.1/811.134.2
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.08

Г. П. Пилипенко
М. Н. Саенко

Экспедиция в Веселовский район Ростовской области к потомкам репатриантов из Уругвая

Пилипенко Глеб Петрович
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Саенко Михаил Николаевич
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: michail.sajenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5829-7527

Цитирование

Пилипенко Г. П., Саенко М. Н. Экспедиция в Веселовский район Ростовской области к потомкам репатриантов из Уругвая // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 179–193. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.08

Статья поступила в редакцию 08.08.2024.

Рецензирование завершено 09.08.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье обсуждаются результаты экспедиции в Веселовский район Ростовской области к потомкам репатриантов из Уругвая, русских по происхождению, последователей религиозного движения «Новый Израиль». Авторы статьи интересовались сохранностью русско-испанского билингвизма, уругвайских обычаев и традиций, которые переселенцы принесли с собой в Россию и уже около века поддерживают в условиях анклавного проживания. Наблюдается хорошая сохранность пищевых практик, сформировавшихся еще в Уругвае. В сфере пищевой лексики фиксируется наибольшее число испанизмов, например, название чая *мате*, который до сих пор пьют,

или блюда *пучера*. В отсутствие активного русско-испанского билингвизма были записаны только отдельные лексемы и цитаты, которые тем не менее позволяют составить представление об исчезнувшей социалингвистической ситуации в хуторе Красный Октябрь. Испанским языком владело первое поколение мигрантов и те, кто родился и получал образование в Уругвае. Кроме записей интервью авторы работали с письменными источниками, в частности, с рукописным сборником духовных песен общины «Новый Израиль». Многие песни идентичны песням в сборнике, который исследователи ранее обнаружили в Сан-Хавьере. Были записаны важные данные об этнических и профессиональных прозвищах, которые относились к репатриантам из Уругвая. В перспективе авторский коллектив планирует сопоставить диалектные особенности русской речи информантов хутора Красный Октябрь и уругвайского Сан-Хавьера.

Ключевые слова

Полевое исследование, русский язык, испанский язык, Новый Израиль, Уругвай, южнорусский говор, русская традиционная кухня, билингвизм, этнонимы, Ростовская область.

В июле 2024 г. старшие научные сотрудники Института славяноведения РАН к. ф. н. Г. П. Пилипенко и к. ф. н. М. Н. Саенко провели полевое исследование среди потомков русских переселенцев из Уругвая, последователей религиозного движения «Новый Израиль» (в оригинальном произношении «Новый Израиль»). Речь идет о конфессиональной группе, которую иногда определяют как ответвление хлыстовства, что, однако, оспаривается (Петров 2019: 377). Последователи этого течения переселились под предводительством В. С. Лубкова в Уругвай в г. Сан-Хавьер (современный департамент Рио-Негро) в 1913–1914 гг. Работа с потомками русских переселенцев в Уругвае с целью изучения сохранности русского языка, диалектных особенностей южнорусского по происхождению говора, а также выявления фактов русско-испанского взаимодействия проводилась нами в 2015–2023 гг. в Монтевидео, Сан-Хавьере и Пайсанду (подробнее см.: Пилипенко 2018; Pilipenko 2023). Исторические и конфессиональные аспекты жизни общин в Сан-Хавьере и в Красном Октябре затрагиваются в публикациях других авторов (Петров 2010; 2019; 2019а; Сухарева 2017).

Наши интервью с информантами показали, что среди санхавьерцев было две волны возвращения на родину. В частности, уже в 1926 г. В. С. Лубков и часть его последователей уезжают из Уругвая и основывают в СССР новую колонию под названием Новый Израиль (в 1950-е гг. она была переименована в Красный Октябрь, так же был назван колхоз). Целью нынешней экспедиции было изучение сохранности испанского языка, уругвайских обычаев и традиций, а также сравнение южнорусского говора, который мы фиксировали в Уругвае, с говором родственного поселения в России. Полевое исследование происходило как в самом хуторе Красный Октябрь, так и в районном центре – в поселке Веселый¹. Потомков переселенцев на сегодняшний день осталось мало. Были получены сведения, что многие репатрианты уезжали из Красного Октября в Ставропольский край, например, в Ставрополь, в станицу Марьинская и в другие места. Всего было записано четыре интервью общей длительностью 10 часов. Среди информантов были непосредственно потомки репатриантов первой волны (НДМ, жен., 77 лет; ААШ, муж., 72 года). Кроме того, записаны ценные сведения от жителей Красного Октября, которые по происхождению не связаны с обществом «Новый Израиль» (ГСК, муж.; НПП, жен.). Отдельно отметим работу сотрудников центральной районной библиотеки пос. Веселый, где нам были предоставлены печатные материалы, посвященные хутору Красный Октябрь. Г. П. Пилипенко и М. Н. Саенко также задокументировали надгробные надписи и изучили захоронения первых поселенцев в Красном Октябре, которые существенно отличаются от других могил тем, что на них установлены прямоугольные деревянные невысокие столбы (нередко вместе с обычным памятником).

Население хутора Красный Октябрь негетогенно. Помимо потомков первых переселенцев из Уругвая, уже немногочисленных, там проживают и представители других народов, в частности, выходцы с Западной Украины, которые в советское время приезжали на работу в колхоз (их называют «гуцулы»), после Великой Отечественной войны было довольно большое число корейцев.

¹ За помощь в организации экспедиции авторы выражают благодарность Роману Павловичу Криворотову, Елене Владимировне Неструк, Ольге Ивановне Курице, Геннадию Семеновичу Колесову, Людмиле Александровне Колесниковой, Людмиле Павловне Ярмалюк, Надежде Дмитриевне Медведевой, Александру Александровичу Шевцову, Надежде Прокофьевне Потаповой.

Захоронение
на кладбище хут.
Красный Октябрь

Общественная группа хозяйства на 1.1.195 г. № 1.1.195 г. на 1.1.195 г.

1. Список членов семьи

СВО	Савранов	Савранова	Савранов	Савранов	Савранов
Ю)	Николай	Анна	Анна	Виктор	Анна
СЕМЬЯ	Федоров	Иванович	Иванович	Иванович	Федоров
И)	глава	песня	сын	сын	брат
И	1940	1917	1932	1949	1902
	русский	испанец	испанец	испанец	русский

Фрагмент хозяйственной книги с указанием национальности «испанец»

Нами были собраны важные сведения об этнических прозвищах репатриантов. Были записаны устные свидетельства о том, что переселенцев из Уругвая называют в Красном Октябре *испанцами* и *американцами*². Документальное подтверждение этому факту было получено благодаря хозяйственным книгам местного колхоза, в которых национальность двух человек семейства Сафоновых (главы семейства 1910 г. р. и его брата 1902 г. р.) была указана как «русский», а трех – как «испанка» / «испанец» (жены 1917 г. р. и двоих сыновей 1932 и 1949 г. р.) (вероятно, по причине рождения всех троих уже на территории Уругвая после переселения из России в 1913 г.).

Наиболее стойкими оказываются пищевые практики, привезенные репатриантами из Уругвая. В частности, обычай заваривать и пить чай мате распространен до сих пор, в том числе у тех жителей Красного Октября, кто родился в России и никогда не был в Уругвае (подробнее о чае мате среди русских переселенцев в Аргентине и Уругвае см.: Березнев, Ясинская 2024). Следует отметить невероятную живучесть этой традиции, если учитывать относительно недлительное время пребывания в Уругвае репатриантов первой волны (с 1913–1914 по 1926 г.). Приведем свидетельство ЛЭ (жен. 1945 г. р.) из второй волны переселения, проживающей в Ставрополе, о поездках в Красный Октябрь еще в советское время:

(1) Мы часто туда ездили с родителями. Как будто в колонию в Сан-Хавьер приехали. Смотрим, то там по-испански песни играют, то там во дворе *мату* пьют сидят, *асадо*³ жарят. Было очень приятно нам... И *мату* пьем, у меня тут тоже достаю *жербу*⁴, мы просто привыкли. Просто там страна мясная. Мясо когда поедят, а если *мату* потом попьют, для желудка благоприятно (ЛЭ).

Как и в языке русских, белорусских и украинских мигрантов в Аргентине и Уругвае, испанская лексема м. р. *mate* адаптировалась, получив окончание ж. р. *-а*: *мата* (ср.: Пилипенко 2021: 372–373). ГСК так описывает этот обычай в Красном Октябре (при первом употреблении лексема имеет исход на *-е* и ударение на последнем слоге):

2 Сами себя они именуют также *уругвайцами*.

3 Мясо на углях.

4 Листы падуба парагвайского, которые используются для приготовления чая мате.

(2) Любили пить *maté*. И сейчас говорят: «*Máту* пьем». Они изменили слово, немножко исковеркали, сегодня заваркой служит чай [...]. Но *máту* пили бабки только так. Собираются на посиделки и пьют *máту*, вот они чай заваривали и смаковали (ГСК).

Сами потомки переселенцев так говорят о чае мате, о том, как его следует пить, а также о способах его заваривания:

(3) У меня и доси *máта* есть [...] *mátница* эта, и трубочка. Специальная *жёрба*, а тут уже *жёрбы* не было, мы калмыцкий чай заваривали и через трубочку, и так по очереди и сосем... а так интересно, сам напился, а другой седить, заглядуеть. И разговоры идут, хорошо! Калибаба, ну ее! *Калибáса*⁵. С Америки мне привезли. *Бамбúжя*⁶ настояща. А тут у нас Мишин жил, он понаделал нам трубочки, но наши привезли ж оттуда были все это... *Бумбúжя*... Только потихоньку тяни, под низом калмыцкий чай. Ну бывает приподнять, чтобы зачверкотáло⁷. *Жёрбу* я сверху посыпала. Насыпаю, трубку ставлю и наливаю. Ото ж испанцы утром рано заваривают. И они тада работают, до самого обеда не пьют, а потом выпьют вот это, вот и работают опять, пообедают. Я всегда привыкла с родителями, утром встаем, мы *máту* пьем. Есть с молоком пьют. Спítую *máту* детям давали⁸ (НДМ).

Обращает на себя внимание испанская лексика, которая используется для рассказа о чае мате и способе его приготовления. Лексема *жёрба* (исп. *yerba*) произносится с особенностями испанского языка региона Рио-де-ла-Плата, где на месте звонкого палатального спиранта [j] кастильского испанского звучит звонкий шипящий [ʒ]. Звонкий шипящий находим также в лексеме *бамбúжя* / *бумбúжя* (исп. *bombilla*) на месте палатального сонанта [ʎ],

⁵ Сосуд, из которого пьют чай мате.

⁶ Трубочка, через которую пьют чай мате.

⁷ Звукоподражательный глагол, передающий звук остатков мате, вытягивающихся со дна сосуда в трубочку и смешивающихся с воздухом.

⁸ Примеры, записанные от НДМ, приводятся в стандартной русской орфографии с отражением наиболее характерных черт в речи информантов: окончание глаголов в 3 л. ед. и мн. ч. на *-ть*, произношение *ў* на месте *в*, специфическая лексика, например, *шмандéлок* 'кусок', *нагортáешь* 'окучиваешь', разговорных форм: *тока* 'только', *чэ* 'что' и т. д.

что подразумевает заимствование из испанского говора с йеизмом (исп. *yeísmo*), то есть [ʎ] > [j]. В лексеме *калибáса* ‘сосуд для заваривания чая мате’ во втором слоге фиксируем *и* вместо изначально-го *a*: *calabaza*. Для *ба/умбижи* и *калибасы* существуют синонимы, образовавшиеся на русской почве: *трубочка* и *мáтница* соответственно (в последнем случае – от испанского корня с русскими словообразовательными элементами). В Сан-Хавьере *мáтница* нами не фиксировалась, тогда как в Красном Октябре не была отмечена лексема *зеленúха*, использовавшаяся для обозначения чая мате. Что касается приготовления самого чая мате, то для заваривания в Красном Октябре использовали калмыцкий чай, а сверху присыпали (при наличии) жербой.

В интервью с НДМ отмечены и другие лексемы из испанского языка, относящиеся к особенностям уругвайской кухни: *муня́та* (батат), *пучéра* (наваристый суп с мясом), *мантéка* (блюдо уругвайской кухни). Приведем фрагменты из интервью:

(4) А, *муня́ту* привезли они... ну *муня́та*, она отакая растёт, как, она плетется. Её нагортаешь, она плетётся, а потом она такая сладкая, вкусная. Не знаю, жарить, так она йишь и йишь хочется. У нас долго она была [...]. Да вот и в газете, в этом хозяйстве продавать. Я грю: «Ой, *мя́ту* надо выписать». У нас тока было. Ото с Уругвая как прехали уругвайцы наши, тётка да дядьки, и ото мы сажали всё время. Варють, жарють её, она прям сладкая. Ничё не добавляють, от жарють как картошку, она такая сладкая. Та же картошка, тока она длинноватая. Розовая, ну как картошка, жёлтая. А так шар-лупка, очистки розовые (НДМ).

(5) *Пучéру*, я и щас даже готовлю. Ну от как, борщ варю, кидая шамандéлок мяса. Картошку целую, потом моркоўку целую, свёклу целую, и капусту, ну от, головоўка на четыре части и от это она там варится. А потом вытаскуешь и руками, не вилок, а руками. Ножом порежешь, ой! Вкусно-о-о! У менé Вова до того любил, говóрить: «Мама, када ты сваришь *пучéру*?» Особенно со свинины. М-м-м! Вку-у-усно! Я часто варю. Хорошая... И не вилок ничё, от ножом картошку, свеклу, морковку порежешь и руками! А на вилке невкусно (НДМ).

(6) Привозили они тоже, мне долго была, это *мантéка*! А это как фасоля, тока она плоская, но как курятина, варишь. Фасоля круглая, а эта плоская, но вкусная. *Мантéку*, чё ж они ещё? (НДМ).

Муньята ‘батат’ – заимствование из уругвайского варианта испанского языка (ср. исп. *moniato* < *boniato*, из индейских языков таино). В русском языке слово приобрело окончание *-а* и относится к женскому роду. В Сан-Хавьере слово используется русскими повсеместно. В беглой речи НДМ редуцируется сочетание *-ун-*, лексема приобретает звучание *мята*. В Красном Октябре до сих пор готовят *пучэру* (исп. *puchero* ‘наваристое блюдо из мяса и овощей’). Существует множество рецептов приготовления *пучеры* в испаноязычных странах. В Уругвае ее готовят с большим количеством мяса, кукурузы, других овощей. В испанском языке слово мужского рода и с исходом на *-о*, в русском языке адаптируется по женскому роду с окончанием *-а* (ср. также с приведенной выше лексемой *муньята*). В речи НДМ зафиксировано слово *мантэка* (исп. *manteca* ‘сливочное масло, жир’), изменения родовой принадлежности не происходит, слово имеет исход на *-а* в испанском языке.

По свидетельству всех наших информантов, испанский язык был распространен у репатриантов. Таким образом поддерживалась их внутриобщинная идентичность. Для мигрантов второй волны, особенно уже для молодого поколения, испанский зачастую был функционально первым языком (данные ОС, жен. 1950 г. р., зап. в ноябре 2023 г. в Монтевидео). Однако детям, которые родились уже в России, активное знание испанского языка не передавалось, как можно судить из рассказа НДМ. В какой-то степени испанский язык приобрел функции тайного языка.

(7) Ну када попрыехали наши, они на испанском разговаривали, чтоб я меньше слышала. Када секреты говорили, чтоб я не знала... Ну знаешь, они от разговаривать, я понимать-понимала, а говорить не могла. Мама всё говорила: «Да выучи!» А! На что оно мне нужно! Ну если русский седить, шо не знает, они по-русски. Ну так чтоб язык не забыть, наверное, мне кажется так. И дети ж приехали, всё по-испански. Ну мама до последнего разговаривали (НДМ).

К сожалению, записать тексты на испанском языке нам не удалось, активных носителей уже нет в живых. Интерес для нас представляет разновидность этого языка, который, несомненно, бытовал среди репатриантов в Красном Октябре. Судить об испанском языке мы можем только по косвенным свидетельствам и отдельным лексемам и цитатам, языковым анекдотам.

Многие испанские лексемы используются для рассказа о жизни в Уругвае, для обозначения уругвайских реалий. В частности, *чáкра* (исп. *chacra* 'ферма', заимствование из языка кечуа) обозначает земельное владение, ферму в Уругвае. Наряду с русским обозначением местных жителей Уругвая – испанцы – используется испанизированное название – *испаньóли* (исп. *español* 'испанец')⁹. Слово *пéсо* употребляется в расширенном значении как синоним для лексемы *деньги*.

(8) Да тоже их высадили, туда приехали они, высадили в степи, ничё не было. Ну а потом ото *чáкры* стали делать... Ну как у помещиков было или как от. Землю себе от этого. И называлась у них *чáкра* (НДМ).

(9) Много нанимались *испаньóли* (НДМ).

(10) *Пéсо* – это денюжки (НДМ).

Испанские высказывания могли употребляться в качестве экспрессивных выражений. В следующем фрагменте испанское существительное сопровождается определенным артиклем (исп. *la puta* 'проститутка').

(11) Матюки много знала по-испански, а теперь уже забыла. *Ля пута* (НДМ).

Испанские слова и выражения возникают при рассказах о тех или иных событиях в прошлом, некоторые из этих историй являются языковыми анекдотами, иллюстрирующими степень владения языком. Так, в следующем примере мы сталкиваемся с частично калькированной испанской конструкцией *dar un beso* 'поцеловать'. В пересказанной истории глагол *dar* переведен на русский язык, тогда как существительное приводится без адаптации – *дай бэсо*; неопределенный артикль м. р. ед. ч. перед существительным опущен, ср. предыдущее высказывание (11).

(12) Када тётя прыехала, такой же пацан был как я, брат уже это двоюродный. Прыехали ж, а тётя говорить: «Витя, Витя *дай* Наде *бэсо*». Эх! Надя как кругом хаты... *бэсо* ж поцелуй же (НДМ).

9 В Сан-Хавьере, а также в аргентинской провинции Мисьонес славянское население называет испанцами местное испаноязычное население (ПМА).

Следующий рассказ является типичным примером языкового анекдота. Речь идет о ситуации общения первых русских переселенцев в Сан-Хавьере с местным испаноязычным населением и неуверенного владения испанским языком. НДМ воспроизводит распространенную, по всей видимости, в среде русских репатриантов историю. При этом у нее происходит хезитация при подборе испанского слова (исп. *caliente* 'горячий'), за помощью она обращается к собирателю. Отметим, что лексема *grácia*, на которой происходит хезитация, употреблена без конечного *-s* (исп. *gracias* 'спасибо').

(13) Н.Д.: Это наши, када прыехали, ото ж сидять и мату ж пьють. В испанцев они были. И один седить же русский, сказали ему, *grácia*, не! Как же они? *Grácia* это спасибо, горячее как?

Соб.: *Кальёнте*.

Н.Д.: *Кальёнте!* И от он грит: «*Кальёнте*». Он же думал спасибо сказать, что не надо, а они ему всё: «Горячее и горячее», подносят и подносят [смех]. Уже ему некуда пить. А они по-своему, грит: «Куда ж ему *кальёнте?* [смех]. Он же с печки». А он грит: «Да скажи им по-русски, что спасибо». От это было ж (НДМ).

Иллюстрацией бытования испанского в среде репатриантов может служить следующая история начала 1980-х гг. Здесь хорошо видно, что испанский язык был в активном пользовании у репатриантов второй волны.

(14) К нам приезжает делегация студентов Центральной Америки... Я спросил: «А у вас какой родной язык?» – «Испанский». Ну, поговорили там через девочку-переводчика... Они такие контактные, кто-то тёмненький, кто-то светленький... Я вышел, говорю: «Так, быстро... везите срочно сюда, пусть бросит работу». А он столяр. Хороший столяр. Привозят... «Вы не забыли свой испанский язык?» Он: «А как же я забуду, я техникум там закончил». Я говорю: «Вы знаете, приехали подростки с Центральной Америки, они испаноязычные, я вас прошу, вот заходите, сразу здоровайтесь по-испански, и побеседуйте с ними». – «А что же я им скажу? Я ж не дипломат». Я говорю: «А всё, что надо, всё говорите». Вы бы видели реакцию этих детей, когда он зашёл и по-испански заговорил. Они к нему как к отцу родному бросились. И начали обнимать, начали щебетать. Ему тоже интересно услышать родную для него испанскую речь, потому что он вырос в этой среде. А дома по-русски, а на улице по-испански (ГСК).

ААШ предоставил нам возможность ознакомиться с рукописным собранием духовных стихов новоизраилевцев. Часть этого собрания совпадает аналогичным сборником из Сан-Хавьера¹⁰. Приведем первый стих из сборника ААШ (левая колонка – Красный Октябрь) с параллельным текстом из санхавьерского сборника (правая колонка – Сан-Хавьер).

Красный Октябрь	Сан-Хавьер
<p>Ликуйте от радости сыны Сиона торжествуй во славе славный город Офир: Город великий церковь первенцов утоено сокрыто от Мудрасти земной на жертвинках твоих не угосимый фимиами Возносет как прошение к горным небесам Золото твое очищено чрез огонь; Блещет не зимною своею красотою: Духовное Багатство сокровище Души преобретеное великим и привеликим трудом 21го 1го века</p>	<p>Ликуйте от радости сыны Сиона торжествуй во славе славный город Офир. Город великий и церковь первенцов Утаёна сокрыта от мудрости земной На жертвенниках твоих неугасимый фимиами Возносится как прошение к горным небесам Золото твоё очищено через огонь Блестит не земною своею красотой Духовное багатство сокровище души Приобретено великим и превеликим трудом.</p>

Текст из Сан-Хавьера подвергался литературной правке, иногда гиперкорректной («горным» вместо «горним»). Текст из Красного Октября же был явно записан на слух. Как мы видим, текст включает в себя различные фрагменты Ветхого и Нового Заветов: *И вы, сыны Сиона, ликуйте и веселитесь о Господе, вашем Боге!* (Иоиль 2:23); *Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев* (К Евреям 12:22–23); *Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное* (Откровение 3:18).

В то же время автор духовного стиха, предположительно сам Лубков, чаще всего не следовал за текстом Библии дословно

¹⁰ Рукописная тетрадь с духовными стихами, обнаруженная нами в Сан-Хавьере в ходе полевого исследования в ноябре 2023 г., гораздо меньше по объему. Кроме того, тексты стихов в данной тетради правил носитель русского литературного языка. В публикации сохраняются особенности оригинала.

и проявлял известную долю фантазии. Например, Офир в Ветхом Завете – страна, а не город, а фимиам никогда не характеризуется как неугасимый.

Распевание духовных стихов с характерными телодвижениями привело к тому, что новоизраилевцев жители соседних хуторов называли прыгунами¹¹:

(15) На выходные ехала помолиться там, попрыгают. Называли прыгунами, когда пели, он подпрыгивали. В хуторе говорили. Наверное, в Красном Октябре это обидно. А в Казачьем¹² говорили: «до прыгунов поехали». «Сектанты» называли, «поехали до сектантов». Наши не ходили прыгать к ним, они не ходили молиться в нашу церковь (НПП).

Репатрианты из Уругвая, последователи религиозного течения «Новый Израиль», поселившиеся в хуторе Красный Октябрь, являются уникальным лингвоконфессиональным сообществом России с южнорусской диалектной основой и уругвайским культурным и языковым наследием (в виде реликтов русско-испанского билингвизма и испанского языка региона Рио-де-ла-Плата). К сожалению, в немногочисленных публикациях, посвященных данной общине, лингвистическому аспекту вопроса внимание до сих пор не уделялось. Многих активных пользователей испанского языка уже нет в живых, поэтому приходится восстанавливать исчезнувшую языковую ситуацию по косвенным источникам: отдельным лексемам, рассказам, письменным материалам (письма, подписи под фотографиями и т. д.). Тем ценнее полученные нами данные, публикуемые впервые в настоящей статье. В перспективе планируется публикация полных расшифровок интервью, а также сравнение диалектных особенностей южнорусского говора потомков переселенцев в хуторе Красный Октябрь с языком потомков переселенцев в уругвайском Сан-Хавьере (из собственного архива записей исследовательского коллектива).

¹¹ Такое же обозначение известно и в применении к сапунам, ответвлению молокан.

¹² Хутор Казачий расположен недалеко от Красного Октября.

Источники и литература

Березнев В. И., Ясинская М. В. Рассказы о еде у русских эмигрантов в Аргентине и Уругвае (по материалам экспедиции 2023 г.) // Живая старина. 2024. № 2. С. 53–54.

Петров С. В. Южноамериканский Израиль: предварительные результаты полевых исследований в русской колонии Сан-Хавьер в Уругвае // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4. С. 66–84.

Петров С. В. Новый Израиль и Красный Октябрь: движение русского религиозного разномыслия на переломе эпох // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 371–395. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-371-395.

Петров С. В. Переписка между кооперативным хозяйством новоизраильтян на Северном Кавказе и их общиной в Уругвае (1927 г.) // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2019. № 1. С. 133–149. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-1-133-149.

Пилипенко Г. П. Русские в Уругвае: полевые заметки // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 306–317. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.3.02

Пилипенко Г. П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес). Дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с. DOI: 10.31168/91674-654-9.

ПМА – полевые материалы авторов, записанные в 2015–2023 гг. в Уругвае.
Сухарева Ю. Священный Маныч. Возвращение на Родину. Таганрог: Ньюанс, 2017. 84 с.

Pilipenko G. Language as a Home Tradition Linguistic Practices of the Russian Community in San Javier, Uruguay // *Homemaking in the Russian-Speaking Diaspora: Material Culture, Language and Identity*. М. Yelenevskaya, E. Protassova (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023. P. 140–163.

References

Bereznev, V. I., Iasinskaia, M. V. “Rasskazy o ede u russkikh emigrantov v Argentine i Urugvae (po materialam ekspeditsii 2023 g.)” *Zhivaia starina*, 2024, No 2, pp. 53–54.

Petrov, S. V. “Iuzhnoamerikanskii Izrail': predvaritel'nye rezul'taty polevykh issledovaniia v russkoi kolonii San-Khav'jer v Urugvae.” *Religiovedcheskie issledovaniia*, 2010, No 3–4, pp. 66–84.

Petrov, S. V. “Novyi Izrail' i Krasnyi Oktjabr': dvizhenie russkogo religioznogo raznomysliia na perelome epokh.” *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v*

Rossii i za rubezhom, 2019, No 1–2, pp. 371–395. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-371-395.

Petrov, S. V. “Perepiska mezhdru kooperativnym khoziaistvom novoizrail'tian na Severnom Kavkaze i ikh obshchinosi v Urugvae (1927 g.)” *Studia Religiosa Rossica: nauchnyi zhurnal o religii*, 2019, No 1, pp. 133–149. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-1-133-149.

Pilipenko, G. P. *Iuzhnovolynskii dialekt ukrainskogo iazyka v Argentine (Mis'ones). Dnevnik pereselentsa iz mezhoennoi Pol'shi Kirilla Vozniuka*. Moscow: Indrik, 2021, 512 p. DOI: 10.31168/91674-654-9.

Pilipenko, G. “Language as a Home Tradition Linguistic Practices of the Russian Community in San Javier, Uruguay.” *Homemaking in the Russian-Speaking Diaspora: Material Culture, Language and Identity*, ed. by M. Yelenevskaya, E. Protsosova. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023, pp. 140–163.

Pilipenko, G. P. “Russkie v Urugvae: polevye zametki.” *Slavianskii al'manakh*, 2018, No 3–4, pp. 306–317. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.3.02.

Sukhareva, Iu. *Sviashchennyi Manych. Vozvrashchenie na Rodinu*. Taganrog: Niuans, 2017, 84 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.08

G. P. Pilipenko
M. N. Saenko

**Field Research in the Veselovsky District of the Rostov Region
among the Descendants of Repatriates from Uruguay**

Gleb P. Pilipenko

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Mikhail N. Saenko

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5829-7527

Citation

Pilipenko G. P., Saenko M. N. Field Research in the Veselovsky District of the Rostov Region among the Descendants of Repatriates from Uruguay // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 179–193 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.08

Received: 08.08.2024.

Revised: 09.08.2024.

Accepted: 24.09.2024

Abstract

The paper discusses the results of fieldwork in the Veselovsky district of the Rostov region among the descendants of repatriates from Uruguay, Russians by origin, followers of the religious movement “New Israel”. The researchers were interested in the Russian-Spanish bilingualism and Uruguayan customs and traditions brought by the settlers to Russia. These traditions have been preserved in the Krasny Oktyabr (Red October) colony for almost a century. Good preservation of food practices brought from Uruguay is attested. The largest number of Spanish words is attested in the everyday cuisine. The colony residents still drink mate tea, they cook puchero. We have not witnessed active Russian-Spanish bilingualism, only some lexemes and quotations, which nevertheless allow us to get an idea of the disappeared sociolinguistic situation in Krasny Oktyabr. Spanish language was spoken by the first generation of migrants and those who were born and educated in Uruguay. Besides interview recordings, the work was carried out with written sources, in particular, with a handwritten collection of spiritual songs of the New Israel community. Many of the songs are identical to the songs in the collection that the researchers found in San Javier. Important data on ethnic and religious nicknames that referred to repatriates from Uruguay were collected. In the future, the authors plan to compare the dialect features of the Russian speech of the informants living in Krasny Oktyabr and in San Javier.

Keywords

Field research, Russian language, Spanish language, New Israel, Uruguay, south Russian dialect, Russian traditional cuisine, bilingualism, ethnonyms, Rostov region.

УДК 821.511.141
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.09

Ю. П. Гусев

Нация и эмиграция (На материале венгерской литературы)

Гусев Юрий Павлович
Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
E-mail: juguszev@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9640-0719

Цитирование

Гусев Ю. П. Нация и эмиграция (На материале венгерской литературы) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 194–215.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.09

Статья поступила в редакцию 18.02.2024.
Рецензирование завершено 27.02.2024.
Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

История Венгрии, как и данного региона в целом, складывалась так, что эмиграция стала здесь обыденным явлением. После Второй мировой войны этот процесс стал особенно интенсивным; не принимая коммунистическую диктатуру и зависимость от СССР, эмигрировали и многие писатели. Решаясь на эмиграцию, писатель идет на разрыв своих гражданских связей, то есть отвергает данное государство, в котором он чувствовал себя неуютно, угнетенно, а потому не мог полностью раскрыть свой талант. Были попытки и отвергнуть, «поменять» свою национальную принадлежность. Например, подобное можно заметить у венгерского писателя Петера Фаркаша (повесть «Восемь минут»). Но успеха в этом мало кому удастся (если вообще удастся) достичь – дальше всех на этом пути продвинулся, пожалуй, Милан Кундера (причем и он – не до конца: то ли не успел, то ли не смог; скорее все-таки не смог). Надо думать, большой талант включает в себя и определенный национальный компонент, связанный прежде всего с родным языком. Попытки отказаться от этого компонента грозят разрушить талант, поэтому писатель вынужден «капитулировать», вернуться к своему национальному ядру. Возвращается к нему и Петер Фаркаш, который

в последних своих произведениях обращается к той среде, в которой он вырос, сформировался как личность.

Ключевые слова

Венгерская литература, период после Второй мировой войны, нация, родной язык, Петер Фаркаш, Дёрдь Конрад.

Один из главных устоев венгерского национального самосознания – предание о том, как тысячу с чем-то лет тому назад мадьяры, союз кочевых племен, возглавляемый мудрым и предприимчивым вождем, князем Арпадом, перешли Карпаты и обосновались на территории Паннонии, вытеснив или покорив обитавших там славян, готов и другие народности и создав свое государство, которое, пережив многие катастрофы и потрясения, здравствует по сей день. В предании, понятным образом, не выпячивается на первый план то обстоятельство, что племена эти кинулись преодолевать горные кручи не от избытка энергии, а спасаясь от сильных и агрессивных врагов, изгнавших их из уютных степей Причерноморья. Но обстоятельство это действительно не так уж и важно – особенно рядом с тем фактом, что венгры пришли в Паннонию в удачный момент: в Западной Европе набирал силы, вызревал, получая щедрую подпитку из античности, новый культурный феномен – Ренессанс. Венгры проявили такую способность к восприятию свежих веяний и к их творческому освоению, что в XV в. Буда, с королевской резиденцией в ней, стала ненадолго (до последовавшего вскоре турецкого нашествия) одним из очагов европейского Возрождения.

Если с историческим *временем* ситуация у венгров сложилась удачно, то с *местом* им явно не повезло. Они оказались в том регионе Европы, который, будучи зажат между германскими государствами, Русью и Османской империей, на столетия стал ареной борьбы между этими колоссами, объектом территориальных споров, военных конфликтов, политических торгов, завоеваний, тасовок и перетасовок. Проблема выживания стояла перед населением этого региона особенно остро, и люди часто решали ее кардинальным способом – путем бегства, переселения в относительно более спокойные края. Весь комплекс перипетий, связанных с этой проблемой, венгров касался ничуть не меньше, чем их соседей, так что едва ли можно считать случайным тот факт, что первым литературным произведением, появление которого знаменует в венгерской литературе

зарождение художественной прозы (в современном значении этого слова), стал эпистолярный роман Келемена Микеша (1690–1761) «Турецкие письма» (впервые издан в 1794 г.)¹. Роман этот написан в эмиграции (Микеш был слугой, потом секретарем князя Ференца II Ракоци, руководителя национально-освободительной войны 1703–1711 гг., проведшего остаток жизни – после поражения – в Турции) и представляет собой письма к выдуманной даме сердца; томление по «милой кузиночке», которым проникнуты эти 208 писем, можно, вне всяких сомнений, воспринимать как сублимацию тоски по (территориально) не столь уж далекой, но совершенно недоступной для изгнанника родине. И, конечно же, за все сорок с лишним лет, проведенные на чужбине, Микеш ни на миг не переставал чувствовать себя венгром – сами «письма» его, надо думать, служили одним из способов поддерживать в себе, главным образом через усвоенный с детства язык, ощущение причастности к родной земле, к воздуху, «дыму» отечества. Ощущение это позволяет человеку в любых условиях сохранять свою идентичность, то есть оставаться собой и более или менее уверенно ориентироваться в чужой среде.

XX век с его каскадом социально-политических потрясений для региона Центральной и Юго-Восточной Европы стал, можно сказать, в плане катастроф сверхрекордным. В полной мере это относится и к Венгрии; может быть, выражение «в полной мере» тут окажется даже недостаточным, поскольку – в результате чудовищно беспощадной операции по раздроблению Австро-Венгерской монархии (Трианонский мирный договор 1920 г.), осуществленной после Первой мировой войны державами-победительницами, – почти треть этнических венгров оказалась за пределами Венгрии, в соседних странах, что порождало, да и до сих пор порождает массу дополнительных, иногда крайне болезненных проблем. Но это – особая тема, которой я в этой статье не должен касаться. Речь здесь пойдет именно о писателях-эмигрантах, каковое понятие по отношению к Венгрии в XX столетии перестает восприниматься как явление исключительное, становясь едва ли не обыденным. Некоторые аспекты этого явления – под углом обозначенной в заголовке темы – я и собираюсь рассмотреть.

Видимо, замахиваться на весь XX век тоже было бы – в рамках статьи – нецелесообразно. Материал для размышлений с избытком предоставляет период после Второй мировой войны, когда Венгрия,

¹ Микеш К. Турецкие письма / пер. Ю. Гусева. М., 2017.

вместе с другими странами этого региона, попала в сферу влияния СССР и вынуждена была строить свою жизнь в соответствии с представлениями и нормами, диктуемыми Москвой. Уже 1948 год, когда страна была жестко поставлена на путь «строительства социализма», побудил многих деятелей культуры (и не только их, разумеется) насторожиться, замкнуться в себе – тем более что возможности для публикации произведений, не укладывавшихся в прокрустово ложе соцреализма, были практически сведены к нулю – или даже перебраться на Запад (вероятно, с надеждой на скорое возвращение). Отчаянная, во многом спонтанная (а потому и быстро подавленная) попытка венгров освободиться от навязанного режима, имевшая место в конце октября – начале ноября 1956 г., и восстановление, пускай в несколько более мягкой форме, коммунистической диктатуры привели к тому, что люди, не желавшие далее мириться с таким положением дел, массово хлынули, через возникшие бреши пограничной охраны, в свободный от советской опеки мир; за последние месяцы 1956-го и в начале следующего года Венгрию покинули – всё побросав, кто как мог, набившись на случайные грузовики, многие пешком – в общей сложности около двухсот тысяч человек². Трагическая память о кровавом подавлении этого восстания, которое венгры называют (имея на то все моральные основания) революцией, нависала над страной, подобно мрачному зареву, то заволакиваясь пеплом обыденности, то вспыхивая с новой силой, на протяжении последующих десятилетий, став, на рубеже 80-х – 90-х гг., мощным стимулом того перелома, когда Венгрия стремительно и бесповоротно сбросила с себя гнет коммунистического правления.

Сопrotивление писателей – говоря шире, литературной общест-венности (хотя, как известно, далеко не все литераторы были в этом плане так уж бескомпромиссны) – навязанному стране режиму, сопротивление, одним из радикальных проявлений которого являлась эмиграция, принимало различные и многообразные формы, так

2 Богатый и в максимально доступной мере систематизированный материал по этой теме содержится в монографии: *Желицки Б. Й., Желицки Ч. Б.* Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX – конец 50-х годов XX века. М., 2012. В частности, авторы пишут, что если в первые дни после подавления восстания Венгрию постарались покинуть активные участники революционной борьбы, то «со второй половины ноября к ним присоединился более широкий круг лиц, опасавшихся возмездия со стороны новых постреволюционных властей» (с. 480).

что сколько-нибудь полный рассказ о нем, в отведенном объеме, просто невозможен. Поэтому я взял лишь два примера, которые, с одной стороны, представляются противоположными друг другу, а с другой – содержат глубинное сходство и, следовательно, позволяют сделать некоторые общие выводы.

Писатель Петер Фаркаш, родившись в Будапеште в 1955 г., к событиям 1956 г., понятное дело, прямого отношения иметь не мог; однако живущая в венгерском обществе память о них в полной мере владела его сознанием, усиливая негативную реакцию на то, что он наблюдал вокруг себя. «Повседневная диктатура оставляла несмыслимый отпечаток на всех сферах моей жизни»³, – говорит он в интервью журналу «Беселё». Так что он, можно сказать, закономерно, подобно многим своим сверстникам, примкнул к оппозиционному движению, участвуя в самиздате, в кампаниях по сбору подписей и т. п. И, тоже практически закономерно, без каких-либо внутренних конфликтов, спокойно и обстоятельно подготовив почву, в 1982 г. перебрался на постоянное жительство в ФРГ – сначала в Аахен, затем в Кельн. В цитированном выше интервью он считает нужным подчеркнуть: «Основная проблема у меня была не только с тогдашним режимом, но и с самим обществом. Ненависти я к нему не чувствовал – только презрение. Причем не только к фигурам вроде Яноша Кадара. Но когда просто ехал в метро и смотрел на людей вокруг. Может, я по характеру такой брезгливый. Но факт тот, что мне почти все время было тошно. И это, кажется, не прошло до сих пор»⁴. По всей видимости, «тошно» автору этих слов было главным образом от того, что «люди вокруг», в основной их массе, относились к ненормальности общественного уклада, построенного по внешне логичным, но в сущности абсурдным (причем абсурдность эта к тому времени уже становилась очевидной для любого мало-мальски разумного человека), к тому же навязываемым извне принципам, – относились с полной, до безразличия, пассивностью, смирившись с этой ненормальностью, молчаливо утвердившись в своем бессилии перед ней. Пассивность эта, общественная, поведенческая, ментальная, духовная, перерождающаяся в приспособленчество, в бесхребетность, для данного региона, региона Центральной и Юго-Восточной Европы (хотя, наверное,

3 Beszélő. 1997. № 6. URL: <https://www.c3.hu/scripta/beszelo/97/06/19.htm> (дата обращения: 19.02.2024). Перевод здесь и далее мой. – Ю. Г.

4 Ibid.

не только для него) весьма типична: во многом она, конечно, объясняется несчастной историей региона, где умение выживать в любых обстоятельствах подчас оттесняет на задний план все прочие человеческие способности. Однако черта эта, даже если она легко объяснима, никак не может служить предметом гордости, не прибавляет человеку самоуважения. А у того, кто по складу характера не готов принять пассивное, покорное любым, даже самым унижительным обстоятельствам бытие, как раз и может сформироваться (совершенно чуждый для человека как существа общественного) комплекс презрения к той среде, из которой он вышел, то есть, как ни дико это звучит, к своему народу, к своей нации. И может возникнуть более или менее осознанное желание отказаться от того национального сообщества, к которому человек принадлежит по факту своего рождения и в котором он сформировался как личность. То есть – примкнуть к другой нации, «пересадить» себя в другую национальную почву.

По-видимому, попытку такого рода предпринял Милан Кундера, когда, лишенный в 1979 г. чехословацкого гражданства и получивший в 1982 г. гражданство французское, стал жить и работать во Франции, особенно же когда перешел в своем творчестве на французский язык, требуя, чтобы произведения его в книжных магазинах стояли на полках среди книг французских авторов, и т. д. То есть – решил перестать быть чешским писателем Миланом Кундерой и стать французским прозаиком по имени Милан Кюндера.

Нечто подобное (я оставляю за скобками очевидное на тот момент, то есть на начало 80-х гг., различие в масштабах двух этих личностей: Кундера – всемирно известный романист, Фаркаш – начинающий литератор; тем более что через полтора-два десятка лет, когда Кундера навсегда замолчал, это различие, можно сказать, изменилось едва ли не на обратное) можно наблюдать и у Петера Фаркаша. Освоившись в Германии, он, объединившись с несколькими друзьями и единомышленниками, создает «чисто немецкоязычный, но международный литературный проект»⁵ под названием *Humane Gesellschaft für Geistige Nekrophilie* (HGGN), что можно перевести как Гуманитарное общество духовной некрофилии; общество занималось издательской и выставочной деятельностью... Я должен честно признать: до конца понять смысл этого проекта мне не удалось, хотя я очень старался вникнуть в текст теоретического экспозе, в котором

5 Цитирую хранящееся в моем личном архиве неопубликованное письмо Петера Фаркаша от 03.10.2023 г.

Фаркаш обосновывал его программу и цели (текст был написан им по-немецки, но трудности мои не с этим связаны, так как Фаркаш прислал мне его перевод на венгерский язык). Более или менее ясно, что Фаркаш и его соратники имели в виду введенное в философию Мартином Хайдеггером понятие «Sein zum Tode», то есть «Бытие к смерти» (Фаркаш немного «досочинил» его, оперируя понятием «Hiersein zum Tode» – «Сиюминутное бытие к смерти»), с помощью которого немецкий мыслитель утверждал такое видение жизни, когда в нем, как условие его, то есть видения, полноты, неотъемлемо присутствует фактор смерти⁶. HGGN (в лице Фаркаша), настаивая именно на таком видении – а следовательно, и изображении – жизни, делал вывод: «Исходя из этого, любые духовные творения, произведения, порождения мы имеем право считать мертвыми»⁷, – а художественное творчество во всех его видах объявлял формами духовной некрофилии.

Если ко всему этому относиться с должной серьезностью (а как еще можно относиться к философским безднам Хайдеггера?), то подобный уклон в танатологию у Фаркаша можно трактовать как – не лежащее на поверхности, не выражающееся в повседневном поведении, в способе общения с окружающими и т. д., а действующее в недрах сознания, даже, может быть, в подсознании – проявление глубинного, ментального кризиса, связанного с эмиграцией. Если внешне все произошло спокойно, без надрыва, без конфликтов, то «внутри» такой шаг все же не мог не травмировать сознание человека. В цитированном выше письме Петер Фаркаш размышляет о своем отношении к «родине» – размышляет убедительно, но сам тон, сам «градус» его доводов свидетельствует о том, что вопрос этот для него отнюдь не прост. Он пишет: «пускай я бесповоротно [...] оставил место, где родился и где, как можно предположить, родилось большинство моих предков, – и все же я не утратил родину. Дело в том, что родины у меня не было. О какой родине может идти речь, если я с малых лет видел: то, что называют родиной, постоянно стремилось

⁶ Философская энциклопедия «Analogia entis»: «Поскольку условия и обстоятельства смерти недоступны рефлексии (смерть принципиально непредставима), важно не то, что человек думает о самом событии смерти, но то, какое она может иметь значение для “полноты” жизни, понимания человеком своих бытийных возможностей». URL: https://vk.com/wall-41890700_5481?ysclid=lrn7kh0oul751231324 (дата обращения: 19.02.2024).

⁷ Цитированное выше письмо П. Фаркаша от 03.10.2023 г.

и стремится уничтожить членов моей семьи»⁸. Эти слова стали мне понятны, когда я узнал, что в 1944 г. родня Фаркаша по линии матери – как подавляющее большинство венгерских евреев – были увезены в Освенцим и другие лагеря смерти, а родственники по линии отца, уже в «демократической» Венгрии, подвергались репрессиям как классово чуждые элементы.

Нельзя не вспомнить, что понятие «родина» в общественном сознании подразумевает и много других аспектов. Например, для конкретного человека родина – это еще и среда, где он рос, окруженный родительской заботой и лаской (или лишенный такой заботы), где постигал разнообразие и красоту мира, где у него были друзья-сверстники, где он, возможно, впервые узнал любовь, и т. д. Взрослое общество (сознательно? или просто такова логика вещей?) старается приукрасить и закрепить эмоциональную составляющую, вектор этой предрасположенности, вводя его в более широкий контекст с помощью примитивных, но эффективных формул вроде: «где найдешь еще такой?» (т. е. край, в котором «то березки, то рябины, куст ракиты над рекой»⁹), или: «я другой такой страны не знаю»¹⁰», – все эти и подобные вопросы и утверждения представляют собой замаскированные максимы, обяывая нас забыть о логике, о здравом смысле и соглашаться с тем, что *нет* другого такого прекрасного, уютного края, *нет* другой такой замечательной страны.

Петер Фаркаш отказывается подчиняться этому императиву. Цитирую все то же письмо: «Один мой приятель, вспоминая свое ужасное детство, как-то сказал мне: у него такое чувство, будто он всю жизнь таскает в обеих руках по ведру с цементным раствором. Я, не подумав, небрежно кинул ему: а ты бы бросил эти ведра-то. И лишь потом задумался: а если ручки тех ведер с раствором приросли к его ладоням?»¹¹

Возвращаясь к вопросу об «Обществе духовной некрофилии», нужно сказать, что сам Петер Фаркаш оценивает свою деятельность,

⁸ Там же.

⁹ *Пришелец А.* Наш край. Песня. Музыка Д. Кабалевского. URL: <https://allforchildren.ru/songs/ml3.php?ysclid=lsq3uk7pf672770465> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁰ *Лебедев-Кумач В.* Песня о Родине. Музыка И. Дунаевского. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Широка_страна_моя_родная (дата обращения: 19.02.2024).

¹¹ Цитированное выше письмо П. Фаркаша от 03.10.2023 г.

связанную с этим феноменом, как «полусерьезную», как «смертельно серьезное дурачество»¹², а относительно своего «экспозе» говорит, что в нем он пародировал хайдеггеровское глубокомыслие. Тем не менее даже эта «полусерьезность» отражает ту кризисность его тогдашнего состояния, которую я уже пробовал показать, – смех ведь бывает и горьким. Кризис был (должен был быть) особенно глубоким потому, что Фаркаш отвергал, или пытался отвергать, не политическое устройство тогдашней Венгрии, а Венгрию целиком, как страну, – то есть по сути дела отказывался от нее как от нации. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что у него не возникло (он пишет об этом все в том же письме) ни малейшего желания вернуться в Венгрию даже после того, как прежний режим, прежняя просоветская ориентация перестали определять жизнь страны.

Но, пожалуй, еще более ярко негативизм Петера Фаркаша в вопросе о собственной национальной принадлежности проявляется в его произведениях. По-настоящему прославила его как писателя повесть «Восемь минут» (*Nyolc perc*, 2007), переведенная на многие языки, в том числе и на русский¹³ (в моем исполнении).

Восемь минут – время, за которое свет Солнца достигает Земли; если бы Солнце внезапно погасло, мы на Земле еще восемь минут видели бы его сияние. Повесть рассказывает о супружеской паре, старике и старухе, которые как полноценные люди уже «погасли», они как бы по инерции доживают отведенный им судьбой срок – те самые восемь минут. Подозреваю, что Фаркаш собирался бесстрастно, протокольно запечатлеть это «послебытийное» бытие, в чем-то напоминающее оставшийся на фотопластинке след улетевшей в бесконечный космос частицы. Однако художник в нем взял верх над бесстрастным регистратором: повесть берет за душу, изображая трогательную человечность этих двух существ, их, лишенную всякой романтики и тем более экзальтации, заботливую любовь друг к другу, любовь, которая помогает и сопротивляться неумолимо надвигающейся деменции, и принимать как должное растущую изоляцию от внешнего мира. Да, в этом тексте хайдеггеровский принцип *Sein zum Tode*, «бытие к смерти», присутствует явно и недвусмысленно, но присутствие это (лишний раз подтверждая – пускай

12 Там же.

13 *Фаркаш П.* Восемь минут // Иностранная литература. 2011. № 5. С. 70–127.

не вполне доступную нашему разуму – гениальность немецкого философа) как раз и обеспечивает полноту художественного отражения феномена жизни.

Однако еще в большей, пожалуй, мере к нашей теме относится другая особенность этого произведения, особенность, которую я в должной мере осознал лишь задним числом, много после перевода повести, когда познакомился с обстоятельствами эмиграции Фаркаша. Дело в том, что в повести как бы находит выражение желание писателя абстрагироваться от своей национальной принадлежности: описывая своих героев, их размеренный, скудный событиями, строящийся на воспроизведении привычных действий быт, их жилье, предметы, с которыми они имеют дело, автор старательно избегает любых отсылок к контексту. Напрасно мы хотели бы узнать, в каком населенном пункте, в какой стране живут эти двое стариков; автор даже имена им не дает: они так и фигурируют в тексте как старик и старуха.

Можно было бы сказать, что писатель достиг своей (сознаваемой? неосознанной?) цели – когда бы не венгерский язык, на котором написана эта повесть.

Этот момент еще более заставляет обратить на себя внимание в повести (ее я переводил следующей) «В Люксембургском саду навсегда»¹⁴ (*A férfi, aki örökké a Luxembourg-kertben ült*, 2019). Угол видения и здесь – *Sein zum Tode*. Угол этот придает особую, трагическую, но в то же время проникновенно-интимную окраску и данному произведению: герой¹⁵ переживает внезапную смерть жены, с терпеливым автоматизмом выполняет все положенные формальные процедуры, связанные с похоронами, а затем – уходит следом за ней, сидя на скамейке Люксембургского сада и неким мистическим образом переходя в иное состояние, превращаясь в песочного человека, который под дуновением ветра рассыпается в невесомый прах.

Если не считать этой последней детали («Песочный человек», *Sandman* – образ скорее немецкий, чем французский), повествовательная ткань произведения скрупулезно передает атмосферу, стиль,

¹⁴ Фаркаш П. В Люксембургском саду навсегда // Иностранная литература. 2021. № 2. С. 3–43.

¹⁵ У автора он тоже безымянный; однако поскольку в повести действуют и другие персонажи, то избежать путаницы в русском тексте не было никакой возможности, и я попросил Фаркаша, чтобы он разрешил мне дать герою какое-нибудь имя – например, Адам. Не знаю, правильно ли я поступил; но Фаркаш согласился.

топику Парижа, или, точнее, Люксембургского сада, прилегающих к нему улиц, площадей и т. д. Видимо, от «стерильности», так тщательно выдерживаемой в «Восьми минутах», Фаркаш в данном случае отказался. Но ведь и «французскость» – это не то, что идеально гармонирует с венгерским языком.

И здесь я снова должен вернуться к вопросу о том, как Петер Фаркаш относится к своему решению об эмиграции. Цитирую все то же письмо: «...с того момента, как я пересек западную границу – почти уже сорок четыре года, – я неизменно убеждаюсь в правильности этого решения, и в то же время, по каким-то, во многом и для меня самого необъяснимым причинам, я и по сей день не могу “избавиться” от этой страны. По всей вероятности, большую роль тут играет то, что я продолжаю писать по-венгерски, да и думаю в основном по-венгерски»¹⁶.

Милан Кундера, как мы помним, перешел на французский язык, но на этой стезе не достиг тех высот, каких достиг ранее, будучи чешским писателем, а в последние двадцать с лишним лет своей жизни, по всему судя, вообще писать перестал. Петер Фаркаш, всей душой вросший в Германию, в Западную Европу, сохранил венгерский язык как способ самовыражения, в наибольшей мере соответствующий его личности, его мировидению, – и остался венгерским писателем, причем его развитие как писателя, мне кажется, далеко еще не завершено.

Во всяком случае, так позволяет считать третья повесть Фаркаша, которую я переводил: «Глаголы бытия» (*A létezés igéi*, 2016). В этом лишенном и сюжета, и конкретных персонажей тексте автор, словно восполняя пропущенные десятилетия, когда он старался забыть, кто он и откуда пришел, теперь обращается памятью и воображением к району Будапешта, Эржебетварошу (по-русски это означает: Елизаветград), где он вырос и где во время войны было большое еврейское гетто. Бесплотным духом или ангелом паря над этими улицами, переулками, кварталами, ставшими братской могилой для многих и многих его соотечественников – смерть аннулирует этническую принадлежность человека, – автор в полной мере, уже без всяких скидок и условий, реализует принцип *Sein zum Tode*, без усталости воспроизводя грани, детали, варианты *бытия*, которого смерть лишила всех этих людей. Он как бы дает им возможность через себя, через слова, запечатленные им на бумаге или в электронной памяти, пережить то, что они могли бы пережить.

¹⁶ Цитированное выше письмо П. Фаркаша от 03.10.2023 г.

«Открыть дверь на звонок, которого не было. Подойти к открытому окну, словно кто-то позвал тебя по имени. Ждать кого-то, кто не придет. Помахать в ответ кому-то, кто помахал совсем не тебе. Слышать – почему-то застрявший в памяти – собачий лай. Шагая по безлюдной улице, обернуться: за спиной послышался шорох»¹⁷. И так далее, на протяжении почти полутора десятков страниц.

Таким образом, творческая эволюция Петера Фаркаша говорит о том, что родной язык, язык, который является важнейшим материалом формирования личности человека, особенно творческой личности и уж тем более личности художника, работающего со словом, представляет собой, по всей видимости, самый сильный фактор, связывающий человека с той частью мира, с той страной, где он родился и вырос. Ни гражданские симпатии и антипатии, ни эмоциональные впечатления, накопленные в детстве и юности, не могут перевесить роль родного языка. По-венгерски «родной язык» – «anyanyelv», буквально «материнский язык», что еще нагляднее показывает его суть: язык – это та субстанция, которую живое существо впитывает буквально с молоком матери и без которой оно не выйдет из стадии безмозглого комочка живой плоти, превращаясь в человеческую личность.

Вероятно, можно все-таки найти примеры, когда люди, в том числе писатели, в силу какого-то специфического (для ЦЮВЕ, впрочем, не такого уж редкого) стечения обстоятельств, или с младенчества имели возможность (а то и необходимость) усвоить, скажем, сразу два «материнских» языка, или, благодаря особым способностям, могли довести степень владения чужим языком до уровня родного. Таким писателем был Владимир Набоков, одинаково виртуозно писавший на английском и на русском; таким, кажется, является Михаил Шишкин, перешедший (или переходящий?) на немецкий язык.

Совершенно уникальный феномен в этом плане представляет собой венгерский писатель (он же лингвист, он же врач, он же музыкант, он же садовод-селекционер) Шандор Ленард (1910–1962). Родился он в Будапеште, но уже в 1920 г. семья переехала в Вену, где мальчик учился на врача. После аншлюса, в 1938 г., Ленард бежал в Италию, а после окончания Второй мировой войны переехал в Бразилию. Уникальность его – прежде всего в способности к языкам. Он освоил почти полтора десятка языков; немецким, итальянским, английским, португальским владел в совершенстве. Стихи писал

¹⁷ Фаркаш П. Глаголы бытия // Иностранная литература. 2023. № 3. С. 166.

только по-немецки, опубликовав семь поэтических сборников; две книги по медицине были написаны им на итальянском языке. Самым невероятным представляется его знание латыни: он перевел на классическую латынь «Винни-Пуха» А. Милна (суммарный тираж книги – на латыни! – составил около четверти миллиона экземпляров), роман Ф. Саган «Здравствуй, грусть!» и др.; он много занимался новолатинским языком, изучая возможности его использования для современной литературы. Но при всем том поражает его особое, трепетное отношение к венгерскому языку, языку далекого детства. «Венгерская речь мне необходима, как хлеб насущный. [...] Венгерский язык – это как музыкальный инструмент: если хочешь играть на нем, ты должен упражняться каждый божий день. [...] Геометрия венгерского языка отличается от других языков, как геометрия Бойяи – от евклидовой. На венгерский можно перевести все, с венгерского – почти ничего»¹⁸, – убежденно пишет он в конце жизни.

Конечно, подобного рода случаи следует считать исключениями, которые лишь подтверждают правило. А правило – это особая, главенствующая роль родного языка. То есть (вспомним уместный здесь пример) рассказанная Р. Киплингом история человеческого детеныша, который, будучи вскормлен и воспитан волками, по достижению зрелости ушел к людям, – это, скорее всего, не более чем красивая выдумка: для Маугли «материнским» языком был язык волчий, а значит, его рано или поздно должно было потянуть в джунгли, к волкам. Так же как в конце концов потянуло в родную стихию – нет, не в современную Венгрию, а в страну, в атмосферу детства – Петера Фаркаша (кстати, «фаркаш» – по-венгерски «волк»; но я ничего не хочу этим сказать). По-видимому, венгерский язык для урожденных венгров обладает – в частности, может быть, и по причине его чуждости среди языков европейских – некой особенно мощной притягательной силой. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова Шандора Ленарда. А недавно мне попала на глаза составленная видным венгерским литературоведом Миклошем Белади антология венгерских поэтов-эмигрантов под названием «Песня странника» (*Vándor ének*, 1982). В ней собраны написанные на чужбине стихи тридцати восьми авторов, живущих в разных условиях, на разных

¹⁸ Цитируется по тексту предисловия венгерского писателя Дёрдя Г. Кардоша к книге Ш. Ленарда «Долина на краю света» и другие истории» (*Völgy a világ végén s más történetek*, 1973). См.: Иностранная литература. 2018. № 6. С. 143.

континентах, в разной степени причастных к занятию поэтическим творчеством; примерно две трети из них – венгры, бежавшие на Запад в 1956 г., но представлена в книге и эмиграция 20-х, а также 40-х гг. XX в. Причем (мне так кажется) сохранить, долго живя в иноязычной среде, вкус к родной поэзии и влечение к поэтическому самовыражению на «материнском» языке куда труднее, чем способность не утратить навыка просто свободно говорить и писать на нем. Так что едва ли можно не согласиться с составителем антологии, который в послесловии к ней пишет: «Для авторов “Песни странника” язык [родной язык. – Ю. Г.] означает в буквальном смысле слова целый мир: воспоминания, детство, культуру, венгерскую поэзию и сознание своей принадлежности к чему-то цельному. Благодаря этой нити они подключаются к отечественной литературе, являясь в ней особым разделом и в то же время ее органической частью»¹⁹.

Второй пример, связанный с обозначенной в заглавии темой, отличается от примера, рассмотренного выше (Петер Фаркаш), не столько отношением к нации, в которой ему выпало родиться и с которой его связывают жизненные обстоятельства и перипетии, а главное – язык, сколько способом реализации этого отношения. Речь идет о Дёрде Конраде (1933–2019); родившись на два с лишним десятка лет раньше Петера Фаркаша, он и упомянутых жизненных перипетий хлебнул куда больше, чем Фаркаш. Начать с того, что в 1944 г. большое село Береттёуйфалу, где обитала семья Конрадов (отец Дёрдя владел лавкой скобяных товаров), было полностью зачищено от евреев; Дёрдь вместе со старшей сестрой уцелели случайно: они на пару дней уехали к родственникам в Будапешт. В столице зачистка тоже шла полным ходом, но спрятаться в большом городе было относительно легче. Родителям Дёрдя, ранее угнанным на работу в Австрию, тоже повезло: они остались в живых и после завершения войны вернулись на родину. Однако с приходом к власти коммунистов семья снова подверглась репрессиям: они были объявлены классово чуждыми элементами, у них отобрали лавку и дом в селе. В вуз Дёрдь поступил – по тем же причинам – с трудом, его приняли в Институт русистики при Будапештском университете, но в 1953 г., когда Институт стал Институтом имени Ленина, исключили. Каким-то образом ему удалось восстановиться, уже на венгерском отделении филфака,

¹⁹ *Béla M. Utószó // Vándor ének. Nyugat-Európai és tengerentúli magyar költők. Budapest, 1982. 398. o.*

и весной 1956 г. он получил диплом. А осенью 56-го, когда в Будапеште начались волнения, стремительно переросшие в вооруженное восстание, Дёрдь Конрад – вполне закономерно – примкнул к восставшим: он вступил в национальную гвардию, состоявшую в основном из студентов, и ходил по Будапешту с автоматом – правда, ни разу не выстрелил из него.

Здесь человеку, знакомому с послевоенной историей Венгрии и с биографией Дёрдя Конрада, приходится удивиться в первый раз. Как уже говорилось выше, после разгрома восстания около двухсот тысяч венгров – главным образом, конечно, молодежи – за каких-нибудь пару месяцев покинули страну; большинство – навсегда. Уехали жена (первая) Конрада и его сестра, уехали многие его друзья. Дёрдь Конрад – остался.

Ареста и тюремного заключения он счастливо избежал, однако жизнь его в течение следующих тридцати с лишним лет была, мягко говоря, некомфортной. Работа не по профилю и не по складу характера: служащим в районном отделе опеки и попечительства, санитаром в клинике для душевнобольных и т. п.; поиски подработки: случайные переводы, внутренние рецензии в издательствах и т. п. Правда, ощутив в себе тягу и способность к писательству, Конрад любой жизненный опыт, даже самый негативный, воспринимает как материал для художественного осмысления. Так появляется его первый роман, «Попечитель» (*A látogató*, 1969)²⁰; в этой книге, окрашенной безнадежно-меланхолической интонацией, показана изнанка того показного благополучия, которым режим «мягкой» кадаровской диктатуры пытался оправдать и трагедию 56-го года, и унижительную зависимость страны от «Старшего Брата». Безыллюзорный взгляд на действительность, который с полным правом можно считать современной разновидностью критического реализма, в общественной позиции Конрада сочетался с последовательной, бескомпромиссной оппозиционностью по отношению к режиму: своим первым романом завоевав известность и уважение как в Венгрии, так и за рубежом (понятное дело, к западу от границ соцлагеря), Конрад все более активно участвовал в движении самиздата, в различных акциях протеста. Пожалуй, полнее всего он нашел себя в публицистике; собственно, его сугубо литературные произведения тоже несут в себе более или менее явный публицистический заряд. В своих статьях и выступлениях

20 Перевод (мой) напечатан в журнале «Иностранная литература» (1991, № 4) под названием «Тяжелый день».

Конрад уже не ограничивается проблемами Венгрии: его взгляд охватывает всю разделенную Европу, все мировое устройство. В 1974 г. Конрад, в соавторстве с социологом Иваном Селени (р. 1938), завершает научно-публицистический трактат «Интеллигенция на пути к классовой власти» (*Az értelmiség útja az osztályhatalomhoz*), в котором дается глубокий и нелюбимый анализ так называемого «реального социализма»; книга заведомо предназначалась для публикации за границей. Режим расценил эту – существующую пока в рукописи – книгу как пересечение «красной линии»: авторы стали объектами повышенного внимания, что выражалось в наружной слежке, прослушке, обысках, вызовах для «беседы», а главное, в намеках на желательность эмиграции. Селени внял намекам и уехал с семьей на Запад; Конрад – остался.

Вплоть до 1989 г. Конраду было запрещено публиковаться в Венгрии, выступать по радио и телевидению. Средства на жизнь он получал только из-за рубежа, это были гонорары за напечатанные там статьи и за переведенные произведения. Конечно, и сам кадаровский режим был относительно мягким, «вегетарианским» – особенно по сравнению с советским или, скажем, с румынским. В конце 70-х гг. Конраду разрешили выезжать за рубеж, и он провел около двух лет в ФРГ и США, доказав тем самым, что его «уклонение» от эмиграции – совсем не проявление какой-то фобии; а уж после смены режима в Венгрии, когда Конрад был избран президентом Международного ПЕН-клуба (1990–1993), позже в течение двух сроков (1997–2003) занимал пост президента Берлинской Академии искусств, он объездил почти весь мир, всегда с некоторым нетерпением возвращаясь в свою будапештскую квартиру или в сельское убежище близ Балатона: и там, и там у него было привычное рабочее место с пишущей машинкой или, позднее, с ноутбуком и необходимое – для работы – уединение.

Таким образом, различие между Петером Фаркашем и Дёрдем Конрадом в их отношении к эмиграции кроется, по всей видимости, в индивидуальных особенностях их характера, душевно-эмоционального склада. У Фаркаша неприятие режима переходило в презрение к народу, который терпит этот режим, приспособливается к нему; Фаркаш невольно возводил эту готовность терпеть и приспособливаться в ранг едва ли не национальной черты – и пытался отстраниться от этого качества, а тем самым и от своего «венгерства», – в конце концов (хотя о «конце концов» говорить в его случае пока рано) все же вернувшись к «венгерству», то есть к самому себе.

А душевно-эмоциональный склад Конрада изначально был слишком органично связан с венгерским языком, с венгерской ментальностью, с атмосферой Будапешта и венгерской провинции, чтобы оторваться (или пускай попытаться оторваться) от них бесповоротно.

Конечно, говоря об этом, нельзя не учитывать и (уже упоминавшуюся выше) специфику венгерского коммунистического режима. Конрада могли ведь и просто вытолкнуть из страны, как это сделали в СССР с Солженицыным и некоторыми другими нежелательными писателями. Или он мог бы быть поставлен перед выбором между эмиграцией и тюремным заключением – для добровольных великомучеников в наше время вполне хватит пальцев одной руки. Ассортимент неприятных переживаний, на которые слуги режима могли обречь неугодного человека, был достаточно велик, чтобы вынудить его или сломаться, или – и это был далеко не самый плохой вариант – покинуть арену, отойти в сторону, то есть эмигрировать. В одной из своих последних книг, «Старый лес» (*Öreg erdő*, 2018), представляющей собой своеобразную смесь дневника, путевых заметок, воспоминаний, размышлений о жизни и о литературе, Конрад, описывая свои мытарства в кадаровскую эпоху, когда его пытались образумить чины из службы безопасности, роняет такую фразу: «С начальных классов школы меня в жизни никто не ударил»²¹. Остается сказать, что ему очень повезло родиться в Венгрии, а не в другой какой-либо стране соцлагеря, и быть допрашиваемым людьми, видевшими в нем человека, к которому по каким-то, не очень понятным для восточноевропейца, причинам не следует применять грубую физическую силу...

В последние десять-пятнадцать лет своей жизни Дёрдь Конрад постепенно оставлял активную общественную деятельность, все реже принимая участие в публичных мероприятиях. Да и как писатель все больше переходил к мемуарному жанру. Но контекст воспоминаний у него не сводится к описанию всего того, что он видел и видит вокруг: прошлое, далекое и близкое, всегда является поводом и для углубления в себя, для неустанных попыток определить, сформулировать взаимоотношение себя как субъекта и объективного мира, в котором он живет и работает. Вот как выглядит одна из таких попыток: «Я – еврей в венгерском языковом сообществе, [...] и хотя у меня были случаи, когда я мог бы уехать отсюда, я не делал этого, не делал, может быть, по причине преданности другого рода, ибо

21 *Konrád G. Öreg erdő (Ásatás 2.). Budapest, 2018. 443. o.*

чувствовал, что неразрывно связан с теми, с кем говорю на одном языке, кого видел вокруг, выходя на улицу, с кем вместе рос и ходил в школу, с кем беседовал, сидя за одним столом, с кем обжигаем был призрачным пламенем любви в одной постели»²². Выражение «венгерское языковое сообщество», употребленное здесь, по всей вероятности, и есть тот эквивалент понятия «нация», который вызывает меньше всего вопросов; это еще одно подтверждение высочайшей степени владения *родным* языком, присущего Конраду.

В другом месте он объясняет эту свою «преданность» так: «Почему я живу там, где живу? Потому что здесь я родился, потому что говорю на языке этого народа, потому что здесь погребены мои предки, в обеих ветвях – почти все без исключения бихарские евреи, и потому что я стал гражданином этой страны, потому что привык к ней и полюбил ее»²³.

Мало-помалу, с неумолимым течением лет, сужая круг своего бытия до границ привычного дома, двора, сада, до контуров мирка, центром которого является привычный стол с ноутбуком, Конрад при всем том не сужает круг своего мировидения и мироощущения. С некоторым разочарованием, но и с выработанным за долгую жизнь бесстрашием он констатирует, что кардинальные изменения, происшедшие в стране, в регионе, не привели к кардинальному изменению отношений между людьми: он по-прежнему – пускай не так остро, как семьдесят лет тому назад – чувствует свою ущемленность. Вспоминая о том, что его деятельность, его произведения в свое время называли враждебными режиму, классово чуждыми, он замечает: «Сейчас это прилагательное перестало быть общеупотребительным, сейчас в обиходе скорее – национально чуждый»²⁴. И, уже несколько отступая от позиции бесстрастного наблюдателя, добавляет: «Я уже не стараюсь изменить мир, в котором живу, зная, что из этого все равно ничего не выйдет, а если что-то выйдет, то будет еще хуже»²⁵.

Таким образом, достигнутое Конрадом на закате жизни если и не согласие (для Homo sapiens, если человек заслуживает этого

22 Ibid. 90. о.

23 Ibid. 319. о. Бихар – административная единица на востоке Венгрии; после 1945 г. входит в медье (комитат) Хайду-Бихар, центром которого является г. Дебрецен.

24 Ibid. 443. о.

25 Ibid.

«титула» не как биологическая особь, а как разумный и активный субъект, – полного согласия, гармонии со средой, вероятно, и быть не может), то, во всяком случае, устойчивое сосуществование с миром как местом обитания и объектом приложения сил и способностей возможно и продуктивно лишь при условии, когда человек осознает себя достойным вышеупомянутого «титула», то есть когда у него есть основания достаточно высоко оценивать свою субъектность. У Дёрда Конрада эта истина выражена следующим образом: «Я не желал упасть в собственных глазах, мне всегда хотелось доказать, что самое важное – внутренняя свобода»²⁶.

Если иметь это в виду, то различие между Петером Фаркашем и Дёрдем Конрадом в конечном счете не так уж велико: один критически взирает на родину (или народ, или нацию, или – что более соответствует истине – государству) извне, другой – изнутри. Тут самое важное, что взирают они без умиления, без восторга, без апологетики, ибо восхвалять, восславлять можно лишь то, что заслуживает восхваления.

То есть взирают честно, непредвзято.

Но поскольку честно и непредвзято относиться к реальности должен любой писатель, то отсюда, видимо, следует: любой писатель является не только певцом своей родины (народа, нации, государства), но и, в идеале, требовательным судьей, который смотрит на свою страну с позиции высших человеческих ценностей.

*Не все эмигранты были поэтами,
поэты же – всегда эмигранты,
если не за рубежом, то в своей стране;
поэты – всегда эмигранты,
они нигде себя не чувствуют дома,
чужими глазами, не без душевной боли
смотрят они на родные края,
чтобы яснее их видеть»²⁷, –*

пишет в своем стихотворении «Эмигранты» Джордж (ранее – Георг, еще ранее – Дёрдь) Табори (1914–2007), родившийся в Венгрии, в 1932 г. перебравшийся в Германию, в 1935 г. бежавший в Англию

²⁶ Ibid. 340. о.

²⁷ *Tábori G. Emigranten / De Valigia in Austria. De Valigia in Österreich. Wien, 1998. S. 19.*

и в США, после войны вернувшийся в Европу и активно работавший не только как писатель, но и как журналист, как сценарист и режиссер.

Видимо, существует некое зияющее, но далеко не для всякого очевидное несоответствие между общечеловеческими представлениями о нормах и задачах бытия, индивидуального и общественного, и теми принципами, которыми руководствуется власть, стремящаяся организовать жизнь того или иного общества. Это несоответствие, скорее всего, разное в разных регионах; но в данном регионе, регионе ЦЮВЕ (а во многом и в ментально близкой к нему России), оно является общим для всех или почти всех наций. Надо думать, именно это имел в виду Е. Евтушенко, говоря о миссии поэта в России:

*Поэт в России – больше, чем поэт*²⁸.

То есть поэт, писатель «яснее видит» (выражение Д. Табори) реальность, в которой живет, которую осмысляет и отражает в своем творчестве. Отсюда ощущение, будто поэт, писатель смотрит на жизнь как бы *со стороны* – в физическом или в моральном смысле этого слова, – что и можно считать некоторым синонимом эмигрантства.

Источники и литература

Евтушенко Е. Братская ГЭС. Стихи и поэма. М.: Советский писатель, 1967. С. 69–239.

Желицки Б. Й., Желицки Ч. Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX – конец 50-х годов XX века. М.: Индрик, 2012. 600 с.

Лебедев-Кумач В. Песня о Родине. Музыка И. Дунаевского. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Широка_страна_моя_родная (дата обращения: 19.02.2024).

Ленард Ш. Один день в невидимом доме // Иностранная литература. 2018. № 6. С. 137–233.

Микеш К. Турецкие письма / пер. Ю. Гусева. М.: Наука, 2017 (Сер. «Литературные памятники»). 611 с.

Пришелец А. Наш край. Песня. Музыка Д. Кабалевского. URL: <https://allforchildren.ru/songs/ml3.php?ysclid=lsq3uk7pf672770465> (дата обращения: 19.02.2024).

²⁸ *Евтушенко Е.* Братская ГЭС. Стихи и поэма. М., 1967. С. 69.

Фаркаш П. В Люксембургском саду навсегда // Иностранная литература. 2021. № 2. С. 3–43.

Фаркаш П. Восемь минут // Иностранная литература. 2011. № 5. С. 70–127.

Фаркаш П. Глаголы бытия // Иностранная литература. 2023. № 3. С. 152–169.

Философская энциклопедия «Analogia entis». URL: https://vk.com/wall-41890700_5481?ysclid=lrn7kh0oul751231324 (дата обращения: 19.02.2024).

Konrád G. *Öreg erdő (Ásatás 2.)*. Budapest: Magvető, 2018. 512 o.

Tábori G. *Emigranten // De Valigia in Austria. De Valigia in Österreich*. Wien: Kunstverein Art Phalanx, 1998. 96 S.

References

Evtushenko, E. *Bratskaia GES. Stikhi i poema*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1967, pp. 69–239.

Farkash, P. “Glagoly bytiia.” *Inostrannaia literatura*, 2021, No 31, pp. 152–169.

Farkash, P. “V Liuksemburgskom sadu navsegda.” *Inostrannaia literatura*, 2021, No 2, pp. 3–43.

Farkash, P. “Vosem' minut.” *Inostrannaia literatura*, 2011, No 5, pp. 70–127.

Filosofskaia entsiklopediia “Analogia entis”. URL: https://vk.com/wall-41890700_5481?ysclid=lrn7kh0oul751231324 (accessed: 19.02.2024).

Konrád, G. *Öreg erdő (Ásatás 2.)*. Budapest: Magvető, 2018, 512 p.

Lebedev-Kumach, V. *Pesnia o Rodine. Muzyka I. Dunaevskogo*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Shiroka_strana_moia_rodnaia (accessed: 19.02.2024).

Lenard, Sh. “Odin den' v nevidimom dome.” *Inostrannaia literatura*, 2018, No 6, pp. 137–233.

Mikesh, K. *Turetskie pis'ma*, translated by Iu. Gusev. Moscow: Nauka, 2017, 611 p.

Prishelets, A. *Nash kraj. Pesnia. Muzyka D. Kabalevskogo*. <https://allforchildren.ru/songs/ml3.php?ysclid=lsq3uk7pf672770465> (accessed: 19.02.2024).

Tábori, G. *Emigranten // De Valigia in Austria. De Valigia in Österreich*. Wien: Kunstverein Art Phalanx, 1998, 96 p.

Zhelitski, B. Ī., Zhelitski, Ch. B. *Vengerskie emigratsionnye volny i emigranty. Seredina XIX – konets 50-kh godov XX veka*. Moscow: Indrik, 2012, 600 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.09

Yu. P. Gusev

Nation and Emigration
(Based on the Material of Hungarian Literature)

Yury P. Gusev
Independent researcher
Moscow, Russian Federation
E-mail: juguszev@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9640-0719

Citation

Gusev Yu. P. Nation and Emigration (Based on the Material of Hungarian Literature) // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 194–215 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.09

Received: 18.02.2024

Revised: 27.02.2024.

Accepted: 24.09.2024

Abstract

The history of Hungary and the region as a whole developed in such a way that emigration became a common occurrence. After the Second World War, this process became especially intense; not accepting the communist dictatorship and dependence on the USSR, many writers emigrated too. By deciding to emigrate, a writer breaks his civil ties, that is, rejects the given state, in which he feels uncomfortable, oppressed, and therefore could not fully reveal his talent. There were also attempts to reject or “change” national identity. For example, this can be seen in the work of the Hungarian writer Farkas Péter (the story “Eight Minutes”). But few people succeed in this (if they succeed at all) – Milan Kundera has probably advanced further along this path (and even he did not complete it: either he did not have time, or he could not; most likely, he could not). One must think that great talent includes a certain national component, associated primarily with the native language. Attempts to abandon this component threaten to destroy talent, and so the writer is forced to “capitulate” and return to his national core. Farkas Péter also returns to it, and in his latest works he addresses the environment in which he grew up and was formed as a person.

Keywords

Hungarian literature, post-Second World War, nation, native language, Farkas Péter, Konrád György.

**Восприятие России и русской литературы
в чешском журнале «Модерни реви» в 1920-е гг.**

Амелина Анна Вячеславовна
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.amelina@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-2700-1076

Цитирование

Амелина А. В. Восприятие России и русской литературы в чешском журнале «Модерни реви» в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 216–227. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.10

Статья поступила в редакцию 07.03.2024.

Рецензирование завершено 12.03.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В 1920-е гг. после обретения Чехией национальной независимости в условиях сильной политизированности культуры, когда периодика играла главную роль в идейной пропаганде и общественной полемике, а политическая и культурная жизнь России выступала одним из главных объектов рецепции и инструментом манипуляции общественным мнением, основатель журнала «Модерни реви», являвшегося на рубеже веков платформой модернистского искусства, А. Прохазка придал ему радикальную националистическую направленность. Переориентация издания на общественно-политическую проблематику сказалась и на восприятии России и русской литературы. Большая часть этих материалов, представляющих ярко выраженную антибольшевистскую и одновременно антисемитскую позицию, была связана с историческими событиями в России и их влиянием на Чехию и чешскую культуру – революция и гражданская война, к примеру, стали импульсом для возникновения ярко-го явления легионерской литературы. Придерживаясь взглядов рафинированного эстетизма, редакция отвергала политически ангажированную советскую литературу, однако при этом и творчество эмигрантов вызывало у критиков лишь сожаление

о гибели великой когда-то нации. Восхищение на страницах журнала выражалось лишь по отношению к Ф. М. Достоевскому, в его случае критике подвергались его издания на чешском языке или публикации о нем в связи с недостаточно серьезным отношением к его наследию.

Ключевые слова

Чешская периодика, русско-чешские литературные связи, «Модерни реви», восприятие русской литературы, русско-славянские литературные связи, националистская периодика.

Межвоенный период по праву считается «золотым веком» чешской истории – обретение долгожданной национальной независимости и доминирующее положение Чехии в новом чехословацком государстве вызвало вулканические процессы в политической и культурной жизни. Многочисленные социальные движения, затрагивая широкие слои населения, принимали самые разные формы, поскольку после решения проблемы образования национального государства чехи оказались перед сложным выбором дальнейшего пути развития, особенно на фоне революционных событий в России, которые чем дальше, тем больше разделяли чешское общество. Благодаря относительной свободе слова между идейными лагерями на страницах периодических изданий, служивших главным средством пропаганды и обмена мнений, не прекращалась острая полемика. Газеты и журналы, количество которых почти удвоилось в течение первой декады межвоенного двадцатилетия и достигло без малого четырех тысяч¹, стали зеркалом эпохи, отразившим сложные идейные переплетения в чешской среде.

Россия, русская революция, жизнь нового советского государства, русская эмиграция, а вместе с этим и русская культура стали неизменным объектом осмысления в чешской периодике этого времени, при этом русская литература часто выступала инструментом идейной борьбы – творчество отдельных писателей могло трактоваться в поддержку политических взглядов критиков той или иной ориентации, и один и тот же автор порой предстал в целом ряде взаимоисключающих оценок всего

¹ См.: Média v období první republiky // Dotkni se 20. století! Národní muzeum. S. 2. URL: http://dvacatestoleti.eu/data/files/MH_ML_4_1R.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

спектра периодических изданий. Так, например, С. А. Есенина левые критики считали революционным поэтом, а правые – националистом и воспевателем старой Руси², и т. д. Такая противоречивая рецепция не только характеризует мозаичность чешской публицистики, но и отражает многогранность и сложность русской литературы.

Проблемой изучения восприятия русской литературы в чешской периодике межвоенного периода активно занимались в Чехии в конце 1980-х гг.: был опубликован двухтомный сборник статей³, где рассматривались некоторые газеты и журналы, однако ввиду ограничений, накладываемых на исследователей в эпоху нормализации, аспект идеологической дифференциации изданий и ее влияния на рецепцию русской литературы практически не затрагивался, равно как не затрагивались и целые направления публицистики, такие, например, как католическое, националистическое, фашистское и др. В рамках разработки темы «Русская литература в чешской периодике 1920-х гг.» мы стремимся восполнить эти лакуны.

В данной статье мы рассматриваем особенности восприятия России и русской литературы в 1920-е гг. в литературном журнале «Модерни реви» (полное название – *Moderní revue pro literaturu, umění a život* – «Современное обозрение по литературе, искусству и жизни»), который выходил с 1894 по 1925 г. и начал издаваться в период формирования в Чехии модернистского искусства, сыграв в этом процессе определяющую роль и повлияв не на одно поколение деятелей культуры, и на литературу в частности. На протяжении всех тридцати лет направление работы журнала определял его основатель Арношт Прохазка⁴, автор одного из программных документов чешского литературного модернизма⁵, в сотрудничестве с бессменным автором Иржи Карасеком из Львовиц. Вскоре после смерти Прохазки в 1925 г. журнал «Модерни реви» прекратил свою деятельность.

2 Об этом подробнее см.: Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина чешской критикой 1920-х гг. в контексте многообразия ее политических взглядов // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха / под ред. О. Е. Вороновой. М.; Рязань, 2016. С. 516–526.

3 Materiály k československo-sovětským literárním vztahům / ed. V. Kostřica. Sv. 1, 2. Olomouc, 1989, 1990. 303 s., 150 s.

4 *Merhaut L.* Arnošt Procházka // Lexikon české literatury / ed. Opelík J. Díl 3. Sv. II. Praha, 2000. S. 1091–1095.

5 *Procházka A.* K poslední fazi české poesie // Almanach secesse. Praha, 1896. S. 69–79.

В довоенный период существования издания можно говорить о превалировании в нем идей и принципов сначала символизма и декаданса, а позже неоромантизма и неоклассицизма. В это время журнал провозглашал принцип освобождения искусства от социальных функций, независимости его от внеэстетических критериев, в том числе и морали. Из русских авторов в журнале публиковали: К. Бальмонта, З. Гиппиус, В. Брюсова, с последним редакция вела переписку. В романном приложении и в издательстве, организованном при журнале, из переводной литературы печатались в основном французские авторы, ни одного русского имени среди них нет. Кроме того, следует отметить, что значительное внимание в журнале уделялось художественному оформлению, а в критических статьях – изобразительному искусству⁶.

В рассматриваемый послевоенный период, т. е. в первой половине 1920-х гг., журнал «Модерни реви» выходил ежемесячно и приобрел консервативный культурно-эстетический характер в сочетании с крайне правой политической ориентацией, и больше внимания в нем уделялось уже идеологическим проблемам. В художественном плане, как и прежде, издание продолжало испытывать сильное влияние французской культуры. В то же время многие авторы, писавшие для «Модерни реви» раньше и пошедшие впоследствии своими путями, в 1920-е гг. прекратили сотрудничать с журналом, и он стал более закрытым, работая с узким кругом писателей. В публикуемых произведениях преобладали черты декоративистского, парнасистского, романтического и сентиментального характера. Придерживаясь принципов независимости искусства от жизни и чистого эстетизма, Прохазка в этот период выступал против цивилизма, витализма, кубизма и футуризма и обращался к проблемам путей развития чешской нации, придерживаясь антинемецких, антисемитских и антисоциалистических позиций. Такие взгляды были характерны для представителей националистических (в первую очередь Национал-демократической партии К. Крамаржа с ее рупором – газетой «Народни листы») и фашистских организаций (Национального движения, Красно-белых и Чехословацких фашистов, объединившихся в итоге в Национальное фашистское сообщество), набравших в Чехии

6 Подробнее о журнале см.: *Merhaut L. Moderní revue pro literaturu, umění a život // Lexikon české literatury / ed. Opelík J. Díl 3. Sv. I. Praha, 2000. S. 301–309; Moderní revue 1894–1925 / ed. Urban O. M., Merhaut L. Praha, 1995. 396 s.; Stewart N. Bohemiens im böhmischen Blätterwald. Die Zeitschrift Moderní revue und die Prager Moderne. Heidelberg, 2019. 521 p.*

силу с самого начала 1920-х гг. в течение всей первой декады межвоенного двадцатилетия⁷.

Отметим, что почти полностью рассмотренное нами ранее левое крыло чешской периодики, а также часть либерально-демократического и католического демонстрируют в 1920-е гг. высокий интерес к русской литературе, хотя отношение к отдельным авторам бывало в них диаметрально противоположным. На этом фоне литературный журнал «Модерни реви» сильно выделяется минимальным к ней вниманием, что, на наш взгляд, можно объяснить несколькими причинами: в первую очередь это в целом переориентация издания с чисто культурных на общественно-политические процессы внутри страны, во-вторых – сохранение крена в сторону французской культуры, и в-третьих – ярко выраженная антибольшевистская позиция. Неожиданным в этом контексте является почти полное игнорирование эмигрантской русской литературы. Также следует учитывать, что подход к отбору произведений для печати и критики в журнале в 1920-е гг. был очень избирательным. Помимо всего лишь нескольких чешских авторов, чьи фамилии повторялись из номера в номер (из них сейчас известен только Иржи Карасек), здесь выходили в переводах отдельные французские, скандинавские и хорватские писатели, а также польский поэт Ю. Словацкий. Для критики в объемных многостраничных рецензиях также выбирались немногие сочинения, которые, как правило, впоследствии не оставили значимого следа в истории литературы и культуры, но которые давали авторам журнала повод развернуто выразить свою позицию по поводу поднятых в них проблем.

Большая часть касающихся России материалов журнала была связана с историческими событиями в нашей стране и их влиянием на Чехию и чешскую культуру. В этих текстах неоднократно выражалось негативное отношение к утопизму, утопией Прохазка считал и большевистский проект – материалистический по своей сути, приведший к уничтожению миллионов людей и, по сравнению с небеспоблемным царским правлением, просто чудовищный⁸. Даже если критик мог допустить оправданность большевистских идей, то реализация

7 См.: Čechurová J. Česká politická pravice: mezi převratem a krizí. Praha, 1999. 124 s.; Pejšoch I. Fašismus v českých zemích: fašistické a nacionálněsocialistické strany a hnutí v Čechách a na Moravě 1922–1945. Praha, 2011. 507 s. и др.

8 T. A. [Procházka A.] Frant. Zuman: Osvobozenká legenda // Moderní revue. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 38. 1923. S. 109.

их на практике была для него совершенно неприемлемой. Прохазка считал, что Ленин – утопист, который хочет, чтобы люди перестали быть людьми и превратились в ангелов или в скот⁹. В этой связи критик вступает в острую полемику с левыми чешскими писателями – авторами путевых очерков, полных восторженных впечатлений от своих поездок в Россию: в статье «Большевицкий рай» осуждается односторонность и близорукость Э. Вайтауэра и И. Ольбрахта и высмеивается их советское представление о равенстве, при котором учительницы метут улицы вместе с проститутками¹⁰.

Неоднократно в материалах разного рода подчеркивалась дикость, кровожадность большевиков, но главное – большевизм считался исключительно семитским явлением. Так, например, был напечатан материал о преобладании евреев среди руководства советской России – с обширными статистическими данными (к примеру, всего в большевистском правительстве из 503 членов было 406 евреев и 29 русских, а единственным русским публицистом, влиявшим на общественное мнение, был М. Горький, остальные 41 – евреями)¹¹. Россия представляется редакцией «утопической сатрапией жадных евреев, которые проводят эксперимент над пассивным славянским народом и мстят за погромы при царях»¹². В статье про чешских легионеров Прохазка пишет: «Семитский элемент, чуждый и осознанно враждебный всему славянскому всегда и всюду, разъедающий, бездомный, безнациональный и неоседлый, разрушает каждую арийскую стройку, любой труд»¹³. Чешский нейтралитет в ситуации с легионерами и революцией, по мнению Прохазки, стал фатальной ошибкой, которая повлияет на весь остальной мир.

С другой стороны, Прохазка отмечает то живительное влияние революционных событий в России, которое они оказали на чешскую литературу, став истоком целой волны так называемой легионерской литературы. В статье «Сибирская литература» критик делает

9 T. A. [*Procházka A.*] Apologie Karla Horkého // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 37. 1922. S. 96.

10 T. A. [*Procházka A.*] Bolševický ráj // *Moderní revue*. Roč. 26/1920. Sv. 35. S. 588–590.

11 T. A. [*Procházka A.*] Bolševictví a Židé // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 188–189.

12 T. A. [*Procházka A.*] Odette Keun: Sous Lenine // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 38. 1923. S. 41–44. S. 41.

13 T. A. [*Procházka A.*] Frant. Zuman: Osvobozenská legenda. S. 107.

соответствующий обзор и приводит интересные факты об издании в Сибири большого количества чешских произведений, порой испытывающих влияние русского менталитета, как, например, «Силезские песни» П. Безруча¹⁴.

Такое отношение к Советской России естественным образом повлияло и на оценку советской литературы. В статье «Интеллигенция и коммунизм» автор утверждает, что такие писатели, как Горький, возможно, и желают лучшей доли своему народу, но в итоге после моря пролитой крови русский человек так и не получил ничего хорошего¹⁵. Интерес к современному литературному процессу на страницах журнала выразился в трех рецензиях. Первая касалась вышедшей на чешском языке книги русской эмигрантки, филолога-слависта Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой под заголовком «Исследования современной русской литературы». Критик упрекал автора в отсутствии целостного понимания процесса, индивидуального взгляда на него, какого-либо художественного обобщения, поскольку Мельникова-Папоушкова привела лишь разрозненные историко-литературные факты и цитаты¹⁶. Вторая рецензия была на книгу Ф. Кубки «Поэты революционной России», где автору ставилось в упрек то же самое: труд не является историей современной литературы, разделенной на эмигрантскую и советскую, и по сути это просто реферирование шести лет поэтического творчества в России. Критик также в заключение высказывает мнение о наглядной демонстрации книгой того, что кроме эмоциональных потрясений революционная идеология оставит после себя мало чистого и вечного искусства, как, например, и французская революция, поскольку искусство никогда не рождается в демагогической гаме и бесновании¹⁷.

Единственный современный русский писатель, удостоившийся рецензии в «Модерни реви», был А. В. Амфитеатов, который в 1921–1922 гг. проживал в Праге. В журнале напечатали рецензию на чешское издание его романа «Зачарованная степь. Бабы и дамы». Критик

14 *Krecar J.* Sibiřká literatura // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 42–47.

15 *Trýb A.* Intelligence a kommunismus // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 35–41.

16 *Kobliha F.* Knihy literárně-historické a kritické // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 181.

17 *Krecar J.* České knihy // *Moderní revue*. Roč. 30–31/1924–1925. Sv. 39. 1924. S. 263.

отметил простую фабулу, хорошее знание среды, использование детали, психологизм, азиатский экзотизм и заключил, что в произведении иллюстрируется упадок культуры белого народа¹⁸.

Русской классике в редакции уделялось большее внимание. Неоднократно на страницах журнала упоминается гений Ф. М. Достоевского, а также публикуются рецензии на чешские издания его произведений и сочинений о нем. Первая книга – биография, написанная дочерью Любовью, которая, по мнению критика, сделавшего сильный акцент на характеристике отношений ее отца с женщинами, показала писателя живым человеком, пусть и с некоторой тенденциозностью¹⁹. Второй отклик был на книгу о Достоевском Д. С. Мережковского, которая, как посчитал автор статьи, была переполнена философскими рассуждениями о русском духе со свойственной последнему широтой мысли, но при этом совершенно не была проникнута любовью к писателю²⁰. Третья рецензия была на очередной том чешского собрания сочинений Достоевского с воспоминаниями современников, письмами и т. п., что, по мнению критика, представляло собой смесь разнородных по ценности материалов, поскольку издатель, скорее всего, стремился нажиться на интересе читателя²¹. Кроме того, одна рецензия была посвящена чешскому переводу рассказа, написанного Татьяной Кузминской и вышедшего под редакцией Л. Н. Толстого, «Бабыя доля» – критик не увидел ничего особенного ни в судьбе женщины, ни в эстетической форме произведения, предположив, что авторами были убраны фольклорные детали и добавлена сюжетная кульминация – в целом, по мнению критика, с художественной точки зрения вещь «никакая»²².

Таким образом, с 1920 по 1925 г., в период, когда советская литература активно переводилась на чешский язык и была предметом полемики общественно-политической и литературной периодики практически всех ориентаций, а русская эмиграция активно участвовала в культурной жизни Чехии, привнося свое видение революционных событий в России своим художественным творчеством, в культовом когда-то литературном журнале «Модерни реви» не вышло

18 *Krecar J.* Přeložené knihy // *Moderní revue*. Roč. 30–31/1924–1925. Sv. 40. 1925. S. 102–103.

19 *Kobliha F.* *Knihy literárně-historické a kritické*. S. 180–181.

20 *Ibid.* S. 178–180.

21 *Krecar J.* *Přeložené knihy*. S. 104–105.

22 *Ibid.* S. 104.

ни одной рецензии на советского автора и был опубликован лишь один отклик на произведение эмигрантского писателя. Приведенными выше рецензиями мы стремились показать, насколько строга и своеобразна была художественная критика издания, в своих текстах Прохазка боролся за высокую художественность – именно ее он, очевидно, не находил в новой русской литературе, а возможно, и не искал, полный сожаления от того, что пассивный, по его мнению, славянский народ был поработен и находился в шаге от гибели. В советской социально-политически ангажированной литературе редакция не видела высокого искусства, а эмигрантская литература ассоциировалась с упадком когда-то великой нации. Собственно, даже творчество почитаемого в «Модерни реви» Достоевского не анализировалось ни с точки зрения его идей, ни с точки зрения художественной формы, статьи о нем были написаны словно через силу и в тоске по утраченному, а критика его изданий на чешском языке и публикаций о нем была связана с потребительским отношением или недостаточно серьезным вниманием к его наследию.

Источники и литература

Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина чешской критикой 1920-х гг. в контексте многообразия ее политических взглядов // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха / под ред. О. Е. Вороновой. М.; Константиново; Рязань: Издательство ГМЗ С. А. Есенина, 2016. С. 516–526.

Čechurová J. Česká politická pravice: mezi převratem a krizí. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1999. 124 s.

Kobliha F. Knihy literárně-historické a kritické // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 174–182.

Krecar J. České knihy // *Moderní revue*. Roč. 30–31/1924–1925. Sv. 39. 1924. S. 254–264.

Krecar J. Přeložené knihy // *Moderní revue*. Roč. 30–31/1924–1925. Sv. 40. 1925. S. 101–106.

Krecar J. Sibiřská literatura // *Moderní revue*. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 42–47.

Materiály k československo-sovětským literárním vztahům / ed. Kostřica V. Sv. 1, 2. Olomouc: Univerzita Palackého, 1989, 1990. 303 s., 150 s.

Média v období první republiky // *Dotkní se 20. století!* Národní muzeum, 8 p. URL: http://dvacatestoleti.eu/data/files/MH_ML_4_1R.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

Merhaut L. Arnošt Procházka // Lexikon české literatury / ed. Opelík J. Díl 3. Sv. II. Praha: Akademia, 2000. S. 1091–1095.

Merhaut L. Moderní revue pro literaturu, umění a život // Lexikon české literatury / ed. Opelík J. Díl 3. Sv. I. Praha: Akademia, 2000. S. 301–309.

Moderní revue 1894–1925 / ed. Urban O. M., Merhaut L. Praha: Torst, 1995. 396 s.

Pejšoch I. Fašismus v českých zemích: fašistické a nacionálněsocialistické strany a hnutí v Čechách a na Moravě 1922–1945. Praha: Academia, 2011. 507 s.

Procházka A. K poslední fazi české poesie // Almanach secesse. Praha: Neumann, 1896. S. 69–79.

Stewart N. Bohemiens im böhmischen Blätterwald. Die Zeitschrift Moderní revue und die Prager Moderne. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2019. 521 s.

T. A. [*Procházka A.*] Apologie Karla Horkého // Moderní revue. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 37. 1922. S. 94–102.

T. A. [*Procházka A.*] Bolševický ráj // Moderní revue. Roč. 26/1920. Sv. 35. S. 588–590.

T. A. [*Procházka A.*] Bolševictví a Židé // Moderní revue. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 188–189.

T. A. [*Procházka A.*] Frant. Zuman: Osvobozenká legenda // Moderní revue. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 38. 1923. S. 101–109.

T. A. [*Procházka A.*] Odette Keun: Sous Lenine // Moderní revue. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 38. 1923. S. 41–44.

Tryb A. Intelligence a kommunismus // Moderní revue. Roč. 27–29/1921–1923. Sv. 36. 1921. S. 35–41.

References

Amelina, A. V. “Vospriiatie Esenina cheshskoi kritikoi 1920-kh godov v kontekste mnogoobraziia eio politicheskikh vzgliadov.” *Sergei Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: Sb. nauch. trudov*, ed. by O. E. Voronova, N. I. Shubnikova-Guseva, comp. by M. V. Skorokhodov. Moscow; Konstantinovo; Ryazan: Yesenin State Museum Preserve Publ., 2016, pp. 516–526.

Čechurová, J. *Česká politická pravice: mezi převratem a krizí*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1999, 124 p.

Kobliha, F. “Knihy literárně-historické a kritické.” *Moderní revue*, vol. 27–29/1921–1923, No 36, 1921, pp. 174–182.

Krecar, J. “České knihy.” *Moderní revue*, vol. 30–31/1924–1925, No 39, 1924, pp. 254–264.

Krecar, J. “Přeložené knihy.” *Moderní revue*, vol. 30–31/1924–1925, No 40, 1925, pp. 101–106.

Krecar, J. "Sibiřská literatura." *Moderní revue*, vol. 27–29/1921–1923, No 36, 1921, pp. 42–47.

Materiály k československo-sovětským literárním vztahům, ed. by V. Kostřica. Vol. 1. Olomouc: Univerzita Palackého, 1989, 303 p.; Vol. 2. Olomouc: Univerzita Palackého, 1990, 150 p.

"Média v období první republiky." *Dotkni se 20. století!* Národní muzeum. URL: http://dvacatestoleti.eu/data/files/MH_ML_4_1R.pdf (accessed: 02.03.2024).

Merhaut, L. "Arnošt Procházka." *Lexikon české literatury*, ed. by J. Opelík, vol. 3, part II. Praha: Akademia, 2000, pp. 1091–1095.

Merhaut, L. "Moderní revue pro literaturu, umění a život." *Lexikon české literatury*, ed. by J. Opelík, vol. 3, part I. Praha: Akademia, 2000, pp. 301–309.

Moderní revue 1894–1925, ed. by O. M. Urban, L. Merhaut. Praha: Torst, 1995, 396 p.

Pejčoch, I. *Fašismus v českých zemích: fašistické a nacionálněsocialistické strany a hnutí v Čechách a na Moravě 1922–1945*. Praha: Academia, 2011, 507 p.

Procházka, A. "K poslední fazi české poesie." *Almanach secesse*. Praha: Neumann, 1896, pp. 69–79.

Stewart, N. *Bohemiens im böhmischen Blätterwald. Die Zeitschrift Moderní revue und die Prager Moderne*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2019, 521 p.

T. A. [Procházka, A.] "Apologie Karla Horkého." *Moderní revue*, vols. 27–29/1921–1923, No 37, pp. 94–102.

T. A. [Procházka, A.] "Bolševický ráj." *Moderní revue*, vols. 26/1920, No 35, pp. 588–590.

T. A. [Procházka, A.] "Bolševictví a Židé." *Moderní revue*, vols. 27–29/1921–1923, No 36, pp. 188–189.

T. A. [Procházka, A.] "Frant. Zuman: Osvobozenká legenda." *Moderní revue*, vols. 27–29/1921–1923, No 38, pp. 101–109.

T. A. [Procházka, A.] "Odette Keun: Sous Lenine." *Moderní revue*, vols. 27–29/1921–1923, No 38, pp. 41–44.

Trýb, A. "Intelligence a kommunismus." *Moderní revue*, vols. 27–29/1921–1923, No 36, 1921, pp. 35–41.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.10

A. V. Amelina

Perception of Russia and Russian Literature in the Czech *Moderní Revue* Magazine in the 1920s

Anna V. Amelina

Research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: a.amelina@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-2700-1076

Amelina A. V. Perception of Russia and Russian Literature in the Czech *Moderní Revue* Magazine in the 1920s // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 216–227 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.10

Received: 07.03.2024.

Revised: 12.03.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

In the 1920s, after the Czech Republic gained national independence, in conditions of highly politicized culture, when periodicals played a major role in ideological propaganda and public polemics, and the political and cultural life of Russia was one of the main objects of reception and a tool for manipulating public opinion, the founder of the “*Moderní Revue*” magazine, which appeared at the turn of the century promoting modernist art, A. Procházka, gave it a radical nationalist orientation. The reorientation of the periodical to socio-political issues also affected the perception of Russia and Russian literature. Most of the materials about them, representing a pronounced anti-Bolshevik and at the same time anti-Semitic position, were associated with revolutionary events and their influence on the Czech Republic and Czech culture – the Russian Revolution, for example, became the impetus for the emergence of the phenomenon of legionnaire literature. Adhering to the views of refined aestheticism, the editors rejected politically engaged Soviet literature, but at the same time, the work of emigrants aroused among critics only regret at the death of a once great nation. Admiration on the pages of the magazine was expressed only in relation to the work of F. M. Dostoevsky, in whose case, publications of his work or about him in Czech were criticized for not taking his legacy seriously enough.

Keywords

Czech periodicals, Russian-Czech literary connections, Moderní revue, perception of Russian literature, Russian-Slavic literary connections, nationalistic periodicals, right-wing periodicals.

(Не)свобода в польском кино времен «зрелого социализма»

Вирен Денис Георгиевич

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: denis.viren@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3680-6028

Цитирование

Вирен Д. Г. (Не)свобода в польском кино времен «зрелого социализма» // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 228–241.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.11

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00365, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024.

Рецензирование завершено 28.05.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Статья посвящена проблеме (не)свободы в польском кинематографе 1970-х гг., рассмотренной в двух аспектах. Первый касается отношения государственных чиновников к цензурным ограничениям, существовавшим в тот период в искусстве Польши. Официальная точка зрения представлена в воспоминаниях вице-министра культуры Мечислава Войтчака. Второй аспект, интересующий автора в большей степени, касается имплицитного выражения ощущения несвободы в целом ряде фильмов того времени. Они не относятся напрямую к доминирующему во второй половине десятилетия направлению «кино морального беспокойства», но, скорее, дополняют его, а иногда предвосхищают. Это психологические драмы, где на первый план выходит внутренний мир героев, переживающих кризисные ситуации. Особое внимание уделено рассмотрению мотива психической болезни, возникающего в нескольких картинах, и связанного с ней локуса медицинского учреждения. Акцентируется образ моря, который может выполнять на экране различные

функции: обещание свободы, отражение эмоционального состояния, мнимое освобождение. Среди отдельно стоящих примеров – польско-венгерская копродукция «В пути» Марты Меса-рош и анимационный фильм «Путешествие» Даниэля Шчехуры, в каждом из которых по-своему отразилось ощущение отчужденности и безысходности, характерное для эпохи.

Ключевые слова

Кино Польши, проблема свободы, цензура, психологическая драма, образ моря, копродукции, анимация.

Кинематограф Восточно-Центральной Европы, в том числе Польши, на протяжении всей послевоенной эпохи (до 1989 г.) существовал – за редкими исключениями – в условиях цензурного контроля и несвободы. В 1970-е гг. (в СССР их пропагандистски именовали «развитым социализмом» или «реальным социализмом»), но в исторической перспективе они предстают временем заката системы) взаимодействие власти и кинематографистов, которые были вынуждены с ней считаться, напоминало нечто вроде игры, порой весьма жестокой. И если отношение подавляющего большинства режиссеров к системе ограничений было однозначно негативным, то чиновники, непосредственно осуществлявшие цензуру, смотрели на проблему несколько иначе.

В этом плане весьма полезно обратиться к воспоминаниям Мечислава Войтчак, вице-министра культуры ПНР в интересующий нас период. Он написал две книги мемуаров, наполненные ценными и интересными фактами из «закулисной» истории польского кино. Вполне понятно, что Войтчак пытался если не оправдаться, то объяснить те или иные мотивы партийных функционеров: «Нужно сказать прямо: мы – представители власти – не могли убедить художников в политической и социальной справедливости системы, но в то же время мы не могли понять и принять того, что о нашей общей современности они нам говорят. Поэтому нет ничего странного в том, что существовал разлад между властью, нагружавшей культуру излишними политическими обязательствами, и художниками, в данном случае кинематографистами, которые в такой ситуации всегда, в каком бы направлении они ни шли, вляпывались... в политику»¹. Войтчак подчеркивает, что в культурной поли-

¹ *Wojtczak M.* O kinie moralnego niepokoju... i nie tylko. Warszawa, 2009. S. 19.

тике сосуществовали и даже соперничали два течения: «Одно, по сути своей догматическое, отвергавшее любые сколько-нибудь смелые предложения, характеризовавшееся осторожностью, предпочитавшее пропагандистский примитивизм, и второе – стремившееся поднимать вопросы трудные и болезненные, ценившее открытость, принимавшее риски, связанные со всякой неоднозначной темой»². Действительно, эта амбивалентность весьма характерна для политической жизни Народной Польши, в частности в сфере искусства. В 1974–1978 гг. пост министра культуры занимал Юзеф Тейхма, представитель либерального крыла партии, и только благодаря ему многие фильмы имели шанс получить разрешение на съемку и прокат³.

«Да, разумеется, существовали цензурные ограничения, да, на полку отправляли неоднозначные фильмы, – продолжает Войтчак. – Однако были и условия для создания шедевров. Сегодня, в рамках полностью коммерческой кинематографии, трудно даже представить, что могли быть сняты такие ленты, как “Земля обетованная” или “Рукопись, найденная в Сарагосе”. Они могли появиться только в социалистической кинематографии, финансировавшейся государством»⁴. Оставим за скобками безапелляционность этого утверждения, которое можно без труда опровергнуть примерами блокбастеров из западноевропейского кино тех лет, включая ленты выражено авторского характера (скажем, Стэнли Кубрика или Фрэнсиса Форда Копполы). Между тем, чиновник прав в том, что в польском (кино)искусстве действительно позволялось многое, особенно если сравнивать с другими странами «восточного блока», поэтому проблему несвободы и цензуры следовало бы квалифицировать как многоаспектную и дискуссионную. «...у нас свободы было гораздо больше, чем у соседей. У венгров уровень свободы повышался постепенно, у чехов не было никакого движения, своеобразный застой...»⁵ – вспоминал Кшиштоф Занусси. Важно понимать, что оценка ситуации в немалой степени зависит от точки зрения: для исследователя, ориентирующегося на советский опыт, ограничения в ПНР могут показаться не такими

2 Ibid. S. 21.

3 См. подробнее о Тейхмэ и его дневниках: *Вирен Д. Г.* Кино второй половины 1970-х в общественной жизни Польши // *Художественная культура*. 2019. № 4. С. 207.

4 *Wojtczak M.* O kinie... S. 20.

5 Круглый стол «Советское киноискусство второй половины 1950-х – 1970-х в европейском контексте. Поиски нового киноязыка» // *Я могу говорить. Кино и музыка оттепели* / ред.-сост. З. Кошелева. М., 2020. С. 324.

уж значительными. Но художники из страны, которой после войны был фактически навязан социалистический строй с присущим ему жестким контролем за всей публичной сферой жизни, а также искусством, воспринимали подобные практики максимально болезненно.

Крайним случаем взаимодействия кинематографистов и власти становился полный запрет произведений, причем как на стадии производства («На серебряной планете» (*Na srebrnym globie*, 1977/1988) Анджея Жулавского), так и после завершения работы над фильмом («Дьявол» (*Diabeł*, 1972/1988) того же режиссера, «Индекс» (*Indeks*, 1977/1981) Януша Киёвского). Такое случалось не столь часто – Войтчек насчитывает девять примеров на протяжении 1970-х гг., – однако для относительно небольшой национальной кинематографии это весьма ощутимое число.

Наиболее характерными свидетельствами борьбы режиссеров за право на свободу художественного высказывания были, конечно, фильмы «морального беспокойства» второй половины 1970-х гг., остро публицистические, диагностирующие болевые точки в жизни общества, но и в лентах иного эстетического порядка, снятых в то десятилетие, ощущается состояние подавленности и духоты, создается впечатление безысходности. Речь идет о психологических драмах, в которых в той или иной степени отразилась проблематика несвободы и получили выражение оппозиции закрытости / открытости, пассивности / активности и т. д. Следует сразу же сделать акцент на том, что имеется в виду *имплицитное* выражение, которое не считывается сразу, из-за чего может сложиться впечатление «вчитывания» смыслов. Кроме того, эти ленты могли предвосхищать тенденции «морального беспокойства», а могли, в более поздний период, «дополнять» его.

Попробуем на нескольких примерах показать, что это были не отдельные случаи, а своего рода тенденция (характерная, кстати, совсем не только для Польши: в советском, венгерском, югославском кино застойной эпохи наблюдаются схожие процессы). Демонстрирующие ее кинематографисты не составляли группу, хотя многие из них работали в кинообъединении «Тор» («Путь»), которым в 1970-е гг. руководил режиссер Станислав Ружевич (родной брат известного поэта Тадеуша Ружевича), он же часто выступал художественным руководителем дебютных постановок. «Тор» функционировал в известной оппозиции кинообъединению «Икс» под началом Анджея Вайды: к середине десятилетия он и сам сильно политизировался, и воспитывал молодых, если так можно выразиться, в публицистическом духе. В отличие от «Икса», «Тор» выпускал картины негромкие, вдумчивые,

отличавшиеся подробной психологической разработкой персонажей. Этот тип кино в противоположность «моральному беспокойству» можно назвать «интимным» или «тихим»⁶.

Показателен тот факт, что особая тревожность в польском кино начала 1970-х гг. свойственна дебютным фильмам. Ярким примером следует считать картину Антония Краузе «Перст Божий» (*Palec Boży*, 1972), повествующую о начинающем актере (в исполнении Мариана Опани), который безрезультатно пытается поступить в училище и упорно, даже иступленно ищет себя и свое место в жизни. Председатель одной из комиссий задается вопросом: «Мне не очень понятно, откуда в вас столько бунта, такого необоснованного пессимизма... Против чего вы выступаете?» Устроив самый настоящий погром в актерской школе после очередного неудачного экзамена, герой попадает в лечебницу для душевнобольных и там тоже пробует найти применение своим способностям и осуществить мечту, ставя спектакль с соседями по палате. Возникающий в «Персте Божьем» (возможно, впервые в истории польского кино) мотив психического расстройства и непосредственно связанный с ним локус больницы на протяжении десятилетия не раз будут появляться на польском экране, метафорически выражая чувство неудовлетворенности, ограничений, спускаемых сверху, невозможности реализоваться.

В «Голосах» (*Głosy*, 1980) Януша Киёвского героиня, которую мучают странные звуки, сопровождающие ночные кошмары, попадает в психиатрическую больницу, где ей не могут помочь. В «Ночном мотыльке» (*Śta*, 1980) Томаша Зыгадло главный герой убегает от собственных проблем и одиночества и погружается в работу: каждую ночь он проводит в студии, откуда ведет популярную радиопередачу, общаясь с анонимными слушателями и пытаясь участвовать в их судьбах. Пространство студии тоже может напомнить своего рода камеру, в которую, правда, человек загоняет себя по своей воле. В финале он оказывается на пределе нервного истощения, что приводит его в санаторий: ситуация значительно мягче, чем в предыдущих примерах, и тем не менее авторское послание довольно очевидно. Исполнитель главной роли в «Ночном мотыльке», выдающийся актер Роман

⁶ Здесь уместно вспомнить, что поколение режиссеров, пришедшее в российский кинематограф в середине нулевых (Андрей Звягинцев, Борис Хлебников, Алексей Попогребский, Бакур Бакурадзе и др.), окрестили тогда «новыми тихими». Фильмы, которые они снимали, можно назвать современным вариантом «кино морального беспокойства».

Вильгельми, создал типологически близкий образ в еще одном фильме, снятом в том же году, – «Меньшее небо» (*Mniejsze niebo*, 1980) Януша Моргенштерна. Здесь пространством добровольного заточения становится привокзальная гостиница и шире – железнодорожный вокзал, где главный герой поселяется, оставив всю прежнюю жизнь: дом, работу, жену и детей. Впрочем, в контексте темы статьи можно взглянуть на данную ситуацию иначе: побег от привычного существования в поисках себя воспринимается героем как *освобождение*, пусть и надуманное, призрачное, в итоге приводящее к трагедии.

Еще один пример того, как медицинское учреждение выступает в качестве метафоры заключения, – снова дебютная полнометражная картина Эдварда Жебровского «Спасение»⁷ (*Ocalenie*, 1972), повествующая о преподавателе и ученом-биологе в исполнении Збигнева Запасевича, традиционно игравшего роли интеллектуалов и ставшего «лицом» польского кино 1970-х гг. Активная профессорская жизнь героя внезапно встает на паузу, когда ему приходится лечь на серьезное обследование: врачи подозревают худшее. При этом его волнует лишь одно – когда он сможет «выйти на свободу» и продолжить работу. Кавычки можно и убрать, поскольку больницу он считает самой настоящей тюрьмой.

Сосредоточенность на профессии по мере развития действия открывается перед зрителем своей обратной стороной: герой оказывается человеком эгоцентричным, жестким, нечутким по отношению даже к любящей его женщине (актриса Майя Коморовская). Он отказывается верить в собственную слабость, ему важно всегда «прилично выглядеть», а проявления физического недомогания (сцены обмороков) он воспринимает едва ли не как личное поражение, уязвление собственного эго. Долгое пребывание в больнице в ожидании донора не только становится для профессора испытанием на прочность, но дает ему шанс пересмотреть взгляд на многие вещи, преодолеть духовный кризис, фактически внутренне переродиться. Дав картине такое название, Жебровский, очевидно, подразумевал нравственное спасение, исцеление от патологической бесчувственности и эгоизма.

Обращает на себя внимание в «Спасении» то, что действие происходит как будто вне конкретных пространства и времени. Конечно, в фильме присутствуют элементы бытового описания действительности начала 1970-х гг., но они не играют первостепенной роли, как в «кино морального беспокойства». Режиссер намеренно уходит

7 Другой возможный вариант перевода – «Исцеление».

от социальности, поверхностной публицистичности в сторону психологизма. В конце 1980-х гг. киновед-полонист Ирина Рубанова писала так: «Самые значительные ленты первой половины прошлого десятилетия ошутимо носили вневременной характер. Они могли появиться в 60-е годы, могли быть сняты и спустя двадцать лет. Польские кинематографические 60-е годы как бы перетекали рубеж десятилетий»⁸, – в этой констатации слышится критический отзвук, но важно понимать, когда она была сделана, а также то, что такому типу кино было противопоставлено «кино морального беспокойства», которое советский зритель открывал для себя лишь в эпоху «перестройки». С течением времени оценки подвергаются коррекции.

Похожим на «Спасение» образом организовано повествование в ленте Станислава Ружевича «Дверь в стене» (*Drzwi w murze*, 1973), снова с Запасевичем в главной роли. Как и у Жебровского, в центре фильма – рефлексирующий интеллигент, на этот раз драматург, отправляющийся в Гданьск на репетицию спектакля по своей пьесе. Мест в гостинице нет, и ему советуют снять комнату в частном доме. Отношения главного героя с его обитательницами, пожилой женщиной и ее взрослой дочерью, становятся центральным конфликтом фильма. Для драматурга поездка в другой город является не столько побегом, сколько возможностью хотя бы на время отвлечься от семейной рутины. Но с чем он в итоге сталкивается?

В свете проблематики статьи особенно показательна сцена, в которой главный герой находит пожилую женщину... привязанной к ножке стола. Первое предположение, возникающее при виде этой картины, – дочь издевается над матерью? – вскоре обнаруживает свою нерелевантность. Мы выясняем, что женщина не вполне здорова психически, а дочь исключительно из лучших чувств оберегает ее от возможных несчастий. По ходу развития действия и, что самое главное, романтических отношений драматурга с девушкой становится понятно: речь идет, прежде всего, о болезни одиночества. И ею поражена не только бедная женщина, но также все действующие лица ленты «Дверь в стене».

Заметим здесь важную деталь: главный герой фильма бежит от будничной рутины к морю. Традиционно являясь символом свободы, необузданной стихии, оно может выступать и в качестве ложной оппозиции тесноте и закрытости города. Мы уже размышляли о том, как это проявляется в творчестве венгерского режиссера Белы Тарра, а точнее,

⁸ Рубанова И. Что Польша? Что кино? // Искусство кино. 1989. № 2. С. 160.

в его поздней работе «Человек из Лондона» (*The Man from London*, 2007)⁹. Балтийское побережье в польских фильмах 1970-х гг. появляется нередко и дарит *обещание свободы*. В ленте Барбары Сасс «Дебютантка» (*Debiutantka*, 1982) главная героиня едет в Гданьск осуществить свою мечту поработать со знаменитым архитектором, однако сталкивается с человеком эгоистичным и беспощадным к людям, которые любят и уважают его. Драматическая кульминационная сцена, где достигает апогея профессиональное и, прежде всего, личное противостояние между девушкой и многолетней помощницей мэтра (Дорота Сталинская и Эльжбета Чижевская), разворачивается непосредственно в море: героиня Чижевской, напившись, пытается утопиться.

Особенно показательно в «морском контексте» психологическое моралите Януша Заорского «Комната с видом на море» (*Pokój z widokiem na morze*, 1977). В основе этой картины – типичная для «кино морального беспокойства» оппозиция мировоззренческих подходов¹⁰, однако акцент, как и в «тихом кино», сделан здесь именно на внутреннем мире героев, тем более что оба они – психиатры, пытающиеся спасти человека от самоубийства. Из названия явствует, что море играет в семантике ленты существенную роль, а также подчеркнуто замкнутое место действия. Немаловажно и то, что оно разворачивается на двадцать первом этаже небоскреба, в офисе международной судоходной компании. Именно туда однажды утром проникает персонаж, до конца фильма остающийся анонимным, и выходит на карниз, угрожая спрыгнуть. Действие картины охватывает один день: с момента появления молодого человека в офисе до его ухода из здания, причем причины как первого, так и второго решения не объясняются (если не считать финального титра, достаточно туманного¹¹).

Основными «переговорщиками» становятся два психиатра: старший из них (Густав Холубек) – в прошлом университетский профессор

9 См.: *Вирен Д. Г.* «Человек из Лондона» Белы Тарра: наблюдатель в пространстве // Семиотика в прошлом и настоящем / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. В. Завьялова, Н. В. Злыднева, А. Б. Ипполитова. М., 2023. С. 346.

10 Наиболее хрестоматийный пример – «Защитные цвета» (*Barwy ochronne*, 1976) Кшиштофа Занусси.

11 Титр гласит: «В ходе психиатрического обследования у Анджея С. не было обнаружено симптомов психического заболевания. На вопрос, почему он вышел на карниз, он ответил: “Тогда самоубийство казалось мне единственным выходом”. На вопрос, почему спустился: “Потому что я сам сделал этот выбор”».

и учитель младшего (Петр Фрончевский). Они по очереди пытаются убедить анонима спуститься с окна, и достаточно быстро мы понимаем, что их методы кардинально различаются. Молодой и амбициозный Кшиштоф – человек действия, ему не чужды психологическое давление и даже угрозы. Пожилой профессор – сторонник спокойного, терпеливого разговора, и это все больше раздражает его когда-то любимого ученика. Дискутируя о способах воздействия на человека, находящегося в шаге от добровольной смерти, профессор заявляет: «В нем тлеет какой-то конфликт, который он сам должен разрешить. Мы можем лишь помочь ему в этом». И добавляет: «Это не тактика, а терапия». Метод профессора в итоге приводит к успеху. Фильм основан на реальном происшествии, имевшем место несколькими годами ранее во Дворце культуры и науки в Варшаве, и в конце режиссер, как уже было сказано, дает титр с объяснением, почему прототип, некий Анджей С., спустился с окна: «Потому что я сам сделал этот выбор».

Фоном разговоров психиатров с самоубийцей служит море, на котором время от времени делается визуальный акцент. В монологах профессора море упоминается несколько раз. Зрителя постепенно подводят к мысли, что оно сыграло в жизни этого человека какую-то особую роль: «Я не слишком сентиментален, но для меня это нечто большее, чем резервуар соленой воды...» Поэтически описывая море на рассвете, он говорит: «Это метафора жизни, жизненности, метафора шанса... Все возможно, все еще может свершиться, осуществиться... Все в ваших руках». Постепенному усилению напряжения словно сопутствует состояние воды: «Вы обратили внимание, как изменился цвет моря?» Смыслообразующим сюжетом выступает история о пассажире корабля: в середине фильма профессор рассказывает самоубийце, как стал свидетелем попытки человека утопиться. В финальном монологе, после которого аноним принимает решение не прыгать, профессор признается, что это его собственная история. Таким образом, море у Заорского предстает и как молчаливый наблюдатель, и как метафора различных человеческих состояний, и как непосредственный проводник между двумя сторонами этой драмы.

Симптоматично, что современники были склонны воспринимать «Комнату с видом на море» в политическом ключе. Режиссер вспоминал, как после показа в Хельсинки, проходившего на следующий день после подписания Августовских соглашений между правительством ПНР и забастовочными комитетами, зрители говорили: «“Боже, ведь вы все почувствовали, это фильм об Августе, о том, как человек бастует [...]”». Поразительно, как кино иногда попадает в историческое

время»¹². Подобная трактовка, конечно же, имеет право на существование, да и нельзя не отметить, что многие польские исследователи, такие как Тадеуш Любельский¹³ или Доброхна Даберт¹⁴, относят фильм Заорского к канону «кино морального беспокойства», и тем не менее мы все равно считаем, что этот фильм вписывается в тенденцию «тихого кино».

Обратимся к еще одной психологической ленте, снятой на излете десятилетия, – «В пути» (*Po drodze / Útközben*, 1979). Эта картина интересует нас в том числе потому, что представляет собой довольно редкий пример копродукции, снятой внутри «восточного блока»¹⁵. Ее режиссер, венгерка Марта Месарош, выпускница ВГИКа, к моменту съемок была хорошо известна как постановщица психологических драм о женщинах («Удочерение» / *Örökbefogadás*, 1975 было удостоено Золотого медведя на Берлинале), а с середины 1970-х гг. благодаря союзу с актером Яном Новицким стала жить в Польше.

Польско-венгерский характер фильма «В пути» задан уже в образе главной героини – венгерки с польскими корнями (причем играет ее французская актриса Дельфин Сейриг), которая приезжает в Краков повидаться с подругой. Вместо этого она знакомится с актером (его роль исполняет как раз Новицкий), собирающимся ехать на свадьбу... на море, и отправляется с ним в путешествие. Для героини, как и для драматурга из «Двери в стене», это побег, не до конца осознанный, пугающий спонтанностью, но в глубине души очень желанный. В какой-то момент ей начинает казаться, что это не просто «курортный роман». В данном ракурсе особенно интересна психологически сцена знакомства с женой актера (ее сыграла Беата Тышкевич): здесь уже все всё понимают, но каждый играет определенную роль. Необходимо отметить пограничное положение главной героини, которая чувствует привязанность к Польше, знает язык, но в то же время

12 Janusz Zaorski // Wertenstein W. Zespół Filmowy "X". Warszawa, 1991. S. 83.

13 Lubelski T. Historia kina polskiego. Twórcy, filmy, konteksty. Katowice, 2009. S. 379.

14 Dabert D. Kino moralnego niepokoju. Wokół wybranych problemów poetyki i etyki. Poznań, 2003. 384 s.

15 Подробнее о типологии копродукций с примерами см.: *Вирен Д. Г. Копродукции в кино «Восточного блока» и проблема границ // Balcano-Balto-Slavica и семиотика / отв. ред. И. А. Седакова, ред. А. Б. Ипполитова. М., 2023. С. 94.*

отчетливо идентифицируется всеми как *другая*, представительница иной страны и культуры. Таким образом, фильм «В пути» и с точки зрения смешанного актерского состава, и с точки зрения рассказанной истории в полной мере реализует потенциал копродукции. На уровне поэтики Месарош близка к польскому психологическому кино конца десятилетия, но отчасти переносит на экран Польши документалистские тенденции, появившиеся в то время в игровом кинематографе Венгрии (например, у упомянутого выше Тарра).

Возвращаясь к основной теме (не)свободы в польском кино, скажем несколько слов о том, как она проявилась в аниматографе ПНР, на примере фильма «Путешествие» (*Podróż*, 1970) Даниэля Шчехуры. Эта шестиминутная миниатюра, выполненная в технике перекладки, распространенной в «польской школе анимации», представляет собой образец минимализма. Почти все экранное время мы видим силуэт протагониста, стоящего у окна движущегося поезда. По прибытии на станцию герой оказывается в перелеске, однако в глубине кадра виднеется здание, куда тот заходит, но очень быстро возвращается назад и вновь едет в поезде, направляющемся в обратную сторону. Вагон здесь, очевидно, выступает в качестве метафоры заключения в пространстве, невозможности выйти и повлиять на происходящее – впрочем, и выход на территорию природы (а точнее, некоего приусадебного парка) не приносит никакого результата.

Шчехура намекает в этом фильме и на суть кинематографа как такового: окна поезда очень напоминают кадры киноплёнки, а герой – зрителя, молча созерцающего происходящее перед ним. Прекращение просмотра (выход героя из вагона) не меняет ситуацию, и мы вынуждены вернуться к наблюдению. Любопытно, что польский киновед Павел Ситкевич видит в «Путешествии» совершенно иной месседж: «Герой вроде бы добирается до цели, но не происходит ничего, что могло бы позволить зрителю воспринять фильм политически, экзистенциально или катастрофически. С сегодняшних позиций, он констатирует исчерпанность формул, сложившихся в предыдущее десятилетие»¹⁶. Это взгляд историка анимации, но нам кажется, что за внешним отсутствием смыслов скрывается мироощущение человека в эпоху «развитого социализма». Оно обнаруживается и во многих других анимационных фильмах десятилетия, а апогея достигает в оscarоносном «Танго» (*Tango*, 1980) Збигнева Рыбчиньского: в этой короткометражной ленте типовая комната панельного

16 *Sitkiewicz P.* Polska szkoła animacji. Gdańsk, 2011. S. 211–212.

дома постепенно заполняется многочисленными персонажами, которые совершают свои действия, не замечая людей вокруг.

Подводя предварительный итог, следует сказать, что (не)свобода выражается в польском кинематографе 1970-х гг. на разных уровнях, но в силу цензурных ограничений преимущественно имплицитно. Места действия фильмов, на первый взгляд, никак не маркированные, воплощают состояние ограниченности, тесноты, узввленности. Одним из способов передачи подобных ощущений становится перемещение действия к морю, которое может выполнять различные семантические функции. В этой метафоре реализуется оппозиция закрытости / открытости, нередко оказывающаяся мнимой. В свою очередь, оппозиция пассивности / активности демонстрирует, что протагонисты рассмотренных фильмов не соглашаются с установленным порядком вещей и пытаются бороться за себя и свою субъектность, пусть и далеко не всегда успешно.

Источники и литература

Вирен Д. Г. Кино второй половины 1970-х в общественной жизни Польши // *Художественная культура*. 2019. № 4. С. 204–214. DOI: 10.24411/2226-0072-2019-00077.

Вирен Д. Г. Копродукции в кино «Восточного блока» и проблема границ // *Balcano-Balto-Slavica и семиотика* / отв. ред. И. А. Седакова, ред. А. Б. Ипполитова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 91–101. DOI: 10.31168/2619-0842.2023.7.

Вирен Д. Г. «Человек из Лондона» Белы Тарра: наблюдатель в пространстве // *Семиотика в прошлом и настоящем* / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. В. Завьялова, Н. В. Злыднева, А. Б. Ипполитова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 339–357. DOI: 10.31168/7576-0488-6.19.

Рубанова И. Что Польша? Что кино? // *Искусство кино*. 1989. № 2. С. 154–163.

Я могу говорить. Кино и музыка оттепели / Ред.-сост. З. Кошелева. М.: Музей AZ, 2020. 360 с.

Dabert D. Kino moralnego niepokoju. Wokół wybranych problemów poetyki i etyki. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2003. 384 s.

Lubelski T. Historia kina polskiego. Twórcy, filmy, konteksty. Katowice: Videograf II, 2009. 624 s.

Sitkiewicz P. Polska szkoła animacji. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2011. S. 211–212.

Wertenstein W. Zespół Filmowy „X”. Warszawa: OFFICINA, 1991. 149 s.
 Wojtczak M. O kinie moralnego niepokoju... i nie tylko. Warszawa: Wydawnictwo Studio Emka, 2009. 470 s.

References

- Dabert, D. *Kino moralnego niepokoju. Wokół wybranych problemów poetyki i etyki*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2003, 384 p.
- Ia mogu govorit'. Kino i muzyka ottepele*, ed. by Z. Kosheleva. Moscow: Muzei AZ, 2020, 360 p.
- Lubelski, T. *Historia kina polskiego. Twórcy, filmy, konteksty*. Katowice: Videograf II, 2009, 624 p.
- Rubanova, I. “Chto Pol'sha? Chto kino?” *Iskusstvo kino*, 1989, No 2, pp. 154–163.
- Sitkiewicz, P. *Polska szkoła animacji*. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2011, pp. 211–212.
- Viren, D. G. “Chelovek iz Londona Bely Tarra: nablyudatel' v prostranstve.” *Semiotika v proshlom i nastoiashchem*, ed. by I. A. Sedakova, M. V. Zav'ialova, N. V. Zlydneva, A. B. Ippolitova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 339–357. DOI: 10.31168/7576-0488-6.19.
- Viren, D. G. “Kino vtoroi poloviny 1970-kh v obshchestvennoi zhizni Pol'shi.” *Khudozhestvennaia kultura*, 2019, No 4, pp. 204–214. DOI: 10.24411/2226-0072-2019-00077.
- Viren, D. G. “Koproduktcii v kino «Vostochnogo bloka» i problema granits.” *Balcano-Balto-Slavica i semiotika*, ed. by I. A. Sedakova, A. B. Ippolitova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 91–101. DOI: 10.31168/2619-0842.2023.7.
- Wertenstein, W. *Zespół Filmowy „X”*. Warszawa: OFFICINA, 1991, 149 p.
- Wojtczak, M. *O kinie moralnego niepokoju... i nie tylko*. Warszawa: Wydawnictwo Studio Emka, 2009, 470 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.11

D. G. Viren

(Un)freedom in Polish Cinema during “Mature Socialism”

Denis G. Viren

Candidate of Philosophy, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: denis.viren@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3680-6028

Citation

Viren D. G. (Un)freedom in Polish Cinema during “Mature Socialism” // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 228–241 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.11

Acknowledgements

Work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-18-00365, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Received: 21.05.2024.

Revised: 28.05.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article is devoted to the problem of (un)freedom in Polish cinema of the 1970s, examined in two aspects. The first concerns the attitude of government officials to the censorship restrictions that existed in Polish art at that time. The official point of view is presented in the memoirs of Vice Minister of Culture Mieczysław Wojtczak. The second aspect, which interests the author to a greater extent, concerns the implicit expression of the feeling of unfreedom in a number of films of that time. They do not directly relate to the dominant “cinema of moral anxiety” movement in the second half of the decade, but rather complement it and sometimes anticipate it. These are psychological dramas where the inner world of heroes experiencing crisis situations comes to the fore. Particular attention is paid to the consideration of the motive of mental illness, which appears in several works, and the locus of the medical institution associated with it. The image of the sea is emphasized, which can perform various functions on the screen: the promise of freedom, a reflection of the emotional state, imaginary liberation. Stand-out examples include the Polish-Hungarian co-production *On the Road* by Márta Mészáros and the animated film *Journey* by Daniel Szczechura, each of which in their own way reflected the sense of alienation and hopelessness that characterized the era.

Keywords

Cinema of Poland, the problem of freedom, censorship, psychological drama, image of the sea, co-productions, animation.

**Танатопэтика прозы П. М. Андреевского
(на примере сборника рассказов «Все лики смерти»
и романов «Пырей» и «Туннель»)**

Гаврилова Полина Данииловна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: gavriilova97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0828-6827

Цитирование

Гаврилова П. Д. Танатопэтика прозы П. М. Андреевского (на примере сборника рассказов «Все лики смерти» и романов «Пырей» и «Туннель») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 242–253.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.12

Статья поступила в редакцию 21.05.2024.

Рецензирование завершено 18.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В прозе классика македонской литературы Петре М. Андреевского (1934–2006) большую роль играет мотив смерти, который дает основания интерпретировать целый ряд его произведений с точки зрения танатопэтики (термин, введенный австрийским славистом Оге Ханзен-Лёве в 1990-е). В данной статье на примере романов П. М. Андреевского «Пырей» («Пиреј», 1980) и «Туннель» («Тунел», 2003), сборника рассказов «Все лики смерти» («Сите лица на смртта», 1994) проанализирована совокупность способов и приемов художественной реализации данного мотива. Использование принципов магического реализма, сочетание рационалистического и мифическо-магического представления о мире наложило отпечаток на авторское видение смерти. Исследование танатопэтики прозы писателя не только показывает формальную организацию данного мотива в его творчестве, но и является неотъемлемой частью фило-софского восприятия мира. Танатопэтика прозы П. Андреевского играет важную роль в формировании тематического и эмоционального содержания произведений автора, отражает

его философские и эстетические устремления. Через воплощение образа смерти писатель стремится познать глубинные аспекты человеческого существования. Основное внимание автора уделено трагическим событиям национальной истории, когда македонцы продемонстрировали стойкость характера. Историческое тесно переплетено с народным: упоминаниями обрядов, мифов, снов.

Ключевые слова

Македонская литература, Петре М. Андреевский, танатопэтика, мотив смерти, мифопэтика, магический реализм, проза.

Человек пытался разгадать тайну смерти на протяжении многих веков, начиная с древности, используя для ее трактовки мифологию, религию, философию и научные достижения. Отсюда и интерес, который проявляют к данной проблематике писатели, а вслед за ними и исследователи-литературоведы. В конце XX в. в осмыслении темы смерти появились новые аспекты, что закрепилось в новых терминологических определениях. Пришедший из медицины термин «танатология» приобрел в гуманитарных науках новое значение – это, в первую очередь, философский опыт описания смерти. Литературоведческая танатология стремится сформулировать и дать свое объяснение авторским трактовкам смерти, так как художественная литература имеет множество примеров с интерпретациями данного мотива. В 1993 г. в трудах австрийского слависта Оге Ханзен-Лёве был предложен термин «танатопэтика». Ученый писал: «*В мире поэтики и мировоззрения Мандельштама смерть занимает настолько доминирующее положение, что это позволяет нам говорить о танатопэтике*»¹. Под этим понятием он подразумевал изображение смерти в художественном произведении. В российском литературоведении этой проблематикой много занимается Р. Л. Красильников. Акцент при этом делается на совокупности способов и приемов художественной реализации мотива в конкретном произведении и у конкретного автора, влиянии на хронотоп, архитектонику, образы героев и др.

Закономерно, что при обращении писателей к трагическим событиям национальной истории значение и художественная

¹ Hansen-Löve A. A. Mandel'shtam's Thanatopoetics // Readings in Russian Modernism. M., 1993. P. 121–122.

функциональность данного мотива возрастают. Подтверждением этому в том числе служит творчество представителей славянских литератур, которые эксплицитно выражали свой интерес к проблематике смерти вследствие тех трагических исторических испытаний, без осмысления которых невозможно понять ни прошлое и настоящее народов, ни национальный характер. Художественная реализация мотива смерти тесно связана с поэтикой писателей, их философскими взглядами, частью которых является отношение к смерти. На наш взгляд, использование принципов магического реализма в прозе одного из самых ярких талантов в современной македонской литературе Петре М. Андреевского (1934–2006), сосуществование в ней рационалистического и мифическо-магического представления о мире наложило отпечаток на изображение мотива смерти. Данная статья имеет целью проанализировать *значение и роль* этого мотива в творчестве писателя на примере романа «Пырей» («Пиреј», 1980), сборника рассказов «Все лики смерти» («Сите лица на смртта», 1994) и романа «Туннель» («Тунел», 2003), в которых он (мотив) является одним из центральных.

Произведения Петре М. Андреевского объединяет интерес к ярким характерам и жизненным типам, а также к истокам национальной культуры – фольклору, обряду, мифу. Это основа его мировосприятия и во многом важнейшая черта авторского художественного мира. На протяжении всего своего творчества Андреевский обращается к мотиву смерти, он стремится *понять ее тайну и, если получится, преодолеть ее разрушительную силу*. Кажется, что именно она становится чуть ли не его главной героиней – реализуемой в разнообразии сюжетов. Писатель в одном из своих интервью признавал, что считал гуманизмом говорить о смерти, чтобы подчеркнуть ценность и важность жизни. Он открыто заявляет о своем интересе к этой теме, об этом свидетельствуют и сами названия его произведений: сборник рассказов «Все лики смерти», сборники стихотворений «Вечный дом» и «Лакримарий». Это связано также с *задачей писателя* осмыслить историческую судьбу своего народа, его напряженную вековую борьбу за выживание, требовавшую огромных жертв (роман «Пырей»). Наряду с судьбой человека в вихре исторических событий, Андреевского привлекали и народные обычаи, традиции и верования, где жизнь и смерть часто оказываются рядом. В сюжетах, базирующихся на описании обрядов, призванных ускорить приход весны и обеспечить плодородие, ритуальное убийство оборачивается подлинной смертью участника процессии (один из ярких

примеров – поэма «Смерть бабара»). Трагическая случайность определяет финал рассказа «Водосвятие» («Водици»), где герой становится жертвой праздничного обряда. Проза Андреевского балансирует на грани реальности и фантастики. Так, мистическая предопределенность, неотвратимость рока является двигателем сюжета в романе «Туннель». Писатель затрагивает мотив абсурда смерти, который включает в себя как устойчивые значения и образы повествовательной традиции, так и экзистенциальные смыслы.

В романе «Пырей» события развиваются на фоне двух Балканских (1912 и 1913) и Первой мировой (1914–1918) войн, трагического времени в жизни македонцев, оказавшихся по разные стороны. Андреевский рассказывает о жизни семьи Мегленских, находящейся в центре этих событий. Повествование ведется в сказовой форме – поочередно от лица мужа и жены, Йона и Велики. Йон с самого детства столкнулся с жестокостью жизни (смерть матери, многочисленные случаи насилия и убийства, происходившие на его глазах), хрупкость которой он еще больше осознал на фронте. В рассказе героя о войне «соединяется самый суровый абсурд человеческого существования и неосуществимость пацифистского идеала, который и есть потаенный сон всех мучеников кровавой голгофы»². Суровая реальность жизни предстает в рассказе Йона с «невероятной степенью трагизма»³, что достигается Андреевским в том числе при помощи преодоления границ реалистического изображения. В романе широко присутствуют картины и образы, основанные на мифе и фольклоре. Они так или иначе подчеркивают неотвратимое «траурное течение»⁴ действия.

Женская линия повествования еще больше связана с верой в чудесное и со стремлением при помощи обрядов предугадать опасность и отогнать беду. Вводится множество образов, например, знахарки и ворожеи, которая лечит, гадает, толкует сны. Однако особое место в этом плане отводится Велике, простой крестьянской женщине, вынужденной вступить в борьбу с судьбой. С ее образом связан богатый мифопоэтический пласт романа. Писатель с удивительным мастерством смог изобразить чувства и внутреннюю силу этой женщины, делая ее главным носителем нравственных ценностей

2 Клетников Е. Роман за човековата истрајност и неискоренливост // Андреевски П. М. Колнато време. Скопје, 1982.

3 Там же.

4 Там же.

и символом жизнестойкости македонского народа. В этом заключена основная идея романа, сформулированная в эпиграфе: «Пырей – трава сорная, а кто-то называет ее корень-травой. Но сколько хочешь топчи ее, копай, выдирай, она все не умирает. Лишь только коснется земли, сразу примется, оживет и пойдет расти. Ничто не уничтожит эту траву» [здесь и далее перевод мой. – П. Г.]»⁵. «Велика – страдающая, трагическая героиня. По мере развития сюжета ее рассказ все сильнее наполняется болью: она теряет одного за другим пятерых своих детей, которые умирают от случайной пули, от болезней или голода. Чтобы отогнать смерть, она совершает разные ритуалы, надеясь изменить ход неумолимой судьбы: танцует на могиле дочери и сына, чтобы обмануть дух смерти и спасти других детей. Столь же значимыми, как и магия, для судьбы человека в народном понимании являются сны. Эти два аспекта соединяются при изображении драмы Велики.

Сны являются важной частью мировосприятия героини. Это вещие сны, предсказывающие Велике несчастья. Еще до замужества она видит первый такой сон, загаданный, чтобы узнать, кем же будет ее суженый. В нем она увидела колону солдат с железными шлемами на голове: «И, к большому моему удивлению, не Йон мне приснился, а незнакомец, солдат. Вижу только: солдаты, солдаты, целая колонна, спешат куда-то»⁶. Она не поверила плохому сну (хотя она знала, что видеть во сне солдат – к беде), ведь ее жених не был солдатом, но после начала войны его забрали в армию. Второй сон сулил Велике разорение семьи и дома. В нем она увидела черную и грязную воду, которая подмыла опоры ее дома, уносит детей, а она ничем не может им помочь. Остается разрушенный дом, муж и огромная дыра, пустая и сухая. Вода – это война, Йон – опора; так трактует этот страшный сон Велика. В третьем сне она видит, что муж вернулся домой, а все зубы у него выпали. Сон предвещает возвращение Йона и смерть детей, что и происходит. В конце она понимает, что все сбылось: ее муж стал солдатом, дети погибли, семья разрушилась.

Характер героини прошел сложную эволюцию, раскрылся как цельный и независимый, она готова, если потребуется, пойти против сложившихся представлений. Все ее усилия направлены на спасение детей и помощь людям. Велика постоянно говорит от имени

⁵ *Андреевски П. М. Пиреј. Скопје, 1986.*

⁶ Там же.

коллектива, несчастья не высушили ее душу. В романе она становится символом материнства и воплощением воли к жизни всего македонского народа, жизнестойкого, как трава пырей. В момент смерти Йона у Велики рождается последний сын – Роден, которому суждено продолжить род. Здесь вводится мотив перерождения, который играет важную роль в «Пырее». В этом эпизоде сокрыт древний языческий мотив переселения душ. Это также один из способов борьбы со смертью – возрождение отцовской души в сыне.

Композиция романа закольцована. В начальной сцене романа описываются похороны Велики. В последний путь ее провожают взрослый сын и все село. Стоит прекрасный, теплый весенний день, и односельчане уверены, что ее душа встретила с детьми на небесах и успокоилась. В конце романа Роден, теперь знающий историю семьи, прощается с матерью.

В более поздних произведениях Андреевского (сборник рассказов «Все лики смерти» и роман «Туннель») мотив смерти уравнивается уже не жизнеутверждающими символами и образами, а безысходными. Писатель как бы приходит к заключению, что хотя нет способа победить смерть в реальной жизни, поскольку она неизбежна, но о себе можно оставить память, например, в искусстве, которое вечно. Автор сосредоточен на богатстве этого мотива и его интерпретации, в том числе в фольклоре. Мы будем анализировать образы смерти, опираясь, в основном, на сборник рассказов «Все лики смерти» и роман «Туннель» П. М. Андреевского, используя классификационный подход, предлагаемый А. Бабаянцем: смерть-судьба, неестественная смерть, духовная смерть, фантастическая смерть – мистическая, которой нельзя найти понятных объяснений⁷.

Так, в образе Невены («Туннель») реализуется известный в фольклоре и литературе мотив невесты / жены мертвеца, хотя действие происходит в современном городе, а героиня руководствуется материалистическими соображениями. Невена берет на себя функцию носительницы смерти: ее венчают с умирающим женихом, но фактически ее венчают с самой смертью, и она идет с ней под руку, обрекая всех встречающихся ей мужчин на гибель. Слова священника, звучащие на таинстве венчания, становятся роковыми: «*Да будете вместе в болезни и в здравии...*»⁸

⁷ Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало: сб. ст. М., 2002. Вып. 5.

⁸ Андреевски П. М. Тунел. Скопје, 2003. С. 18.

Невена после смерти первого возлюбленного будто несет на себе печать смерти: ее второй муж топит себя в алкоголе, третий, Деян, загадочно исчезает.

Помимо смерти по естественным причинам следует отметить неестественную, т. е. смерть в результате исполнения приговора суда, самоубийства или несчастного случая. Например, в рассказе «Последняя цель поэта Манивилова» (сб. «Все лики смерти») повествователь рассказывает о своем друге Науме Манивилове, покончившем жизнь самоубийством. Его жизнь – это одно сплошное разочарование в самом себе. У него нет любимой женщины, с которой он мог бы создать семью, с отцом он в ссоре. Науму больше не за что держаться, он не справляется сам с собой. Писатель не раскрывает внутренние переживания героя, его подсознание, он фиксирует внимание на мелких деталях портрета, отдельных словах, жестах. Интуитивно можно понять, что с Наумом Манивиловым происходит что-то тревожное: это видно в его манере общения, в том, как он реагирует на ту или иную ситуацию. Наум устал от самого себя настолько, что решается на последний роковой шаг. Никто не заметил, как именно Наум покончил с собой, – друзей не было с ним, а те, с кем прошли последние минуты его жизни, обратили внимание лишь на то, как Наум вышел из комнаты, а потом услышали звук падающего тела.

Фантастическая смерть представлена в рассказе «Проклятый дом» (сб. «Все лики смерти»). У Мары и Сильяна Бойчевских, на первый взгляд, есть все: хорошее хозяйство, дом стоит на одном из лучших мест в селе. Однако у них нет детей: все их дети рождались мертвыми. Поэтому они решают «усыновлять» детей своих односельчан. Сильян выбирает здоровых мальчиков, чтобы они помогали по хозяйству. Их родители с тяжелым сердцем отпускали своих детей, чтобы потом, спустя время, забрать обратно их тела и похоронить. Один умер от заражения крови, второй – отправившись в снежную погоду за дровами, на третьего напал медведь. Своеобразный хранитель детей – дворовый пес. Стоило ему оказаться рядом с мальчиками, как им становилось легче жить в страшном доме. Однако чаще всего собаку выгоняли во двор и давали проклятью сделать полностью несчастными всех, кто поселялся в доме.

Духовная смерть в произведениях Андреевского воплощена во снах, безумии и абсурде, деградации поколения или же потере национальной идентичности, исконных ценностей, исчезновении кладезя народности – села (роман «Последние крестьяне» («Последните селани»), 1997). Писатель подчеркивает эту опасность,

но надеется, что македонцы вернутся к своим истокам, оживят их, возведут в абсолют и будут ценить.

В прозе Андреевского можно обнаружить три композиционно-нарратологических приема для воплощения мотива смерти (позиция умирающего повествователя, позиция наблюдающего за смертью автора и позиция наблюдающего за смертью повествователя), которые в 1960-е гг. выделил М. Бахтин.

Во-первых – выражение образа смерти через умирающего повествователя. Таков, например, один из нарраторов романа «Пырей» Йон. Он настоящий солдат и храбрый человек, но, узнав о смерти своих детей, ради которых он преодолел тяготы войны, он не выдерживает несчастья. Глазами Велики описывается этот удар судьбы: он мгновенно поседел и не смог удержаться на ногах. У него не получается после всего пережитого найти точку опоры, он отдаляется от односельчан и от жены, хотя знает, что вскоре на свет должен появиться еще один ребенок. Он сдался, отдался пьянству, что постепенно уничтожало его душу. Затем он умирает и физически.

Второй прием – выражение образа смерти через наблюдающего автора. Так, автор-повествователь наблюдает, как постепенно и мучительно умирает герой рассказа «Крот» (сб. «Все лики смерти») Данаил Кордановски, охваченный безумной мыслью известить крота, что завелся в его огороде. За этим наблюдают соседи и автор. Автор, на первый взгляд, бесстрастно рассказывает историю героя, вся жизнь которого сводится к борьбе с животным. Андреевский не рассказывает, как умер Данаил. Тот просто решил умереть – и умер. Как, почему – неизвестно. Сам автор не спешит разобраться в этом вопросе. Его задача – оставаться наблюдателем. Однако он не может не подметить иронии судьбы Кордановского: «Господи, и после смерти покоя он ему не дает»⁹ – крот вырыл ямку на могиле человека, показывая, что тот бессилен в борьбе, все потерял, не подчинился судьбе, вступил с ней в спор, желая доказать, что он сильнее нее.

Третий прием – выражение образа смерти через наблюдающего повествователя. Условно им может считаться Велика. Она вынуждена смотреть и переживать, а затем и рассказывать, как один за другим гибнут ее дети из-за болезней и трагических случайностей, как она их хоронит. Более выразительно наблюдающий повествователь представлен в рассказе «Последняя цель поэта Манивилова», где он является одним из героев повествования. Он видит, как его друг, Наум

⁹ Андреевски П. М. Сите лица на смртта. Скопје, 1994.

Манивилов, постепенно угасает и теряет интерес к жизни, но не догадывается о напряженной внутренней драме. Смерть Наума происходит в самом конце рассказа. О кончине Манивилова сообщает один из героев рассказа: «Оставил он нас», – а повествователь уже сухо констатирует: «Наум Манивилов лежал на разбросанных по полу газетных листах “Новой Македонии”»¹⁰.

Повествование ведется от первого лица, автор демонстрирует свое понимание происходящих событий, рассказывая про смерть своего близкого друга. Внутренний мир Манивилова скрыт от повествователя. Можно предполагать, что поэт устал не только от одиночества, но и от того, что никто не признал его писательского таланта. Андреевский не позволяет увидеть рефлексии самоубийцы, однако последние слова героя говорят о многом: «Он обернулся, посмотрел на меня долгим взглядом и произнес: “Ну, прощай, брат!”»¹¹ Это «прощай» оказалось прощанием навсегда. Задача Андреевского – рассказать об отчуждении человека, разобщенности жителей города, о том, как могут оказаться слепы самые близкие люди.

Мотив смерти занимает в творчестве П.М. Андреевского важное место, является неотъемлемой частью его философии восприятия мира – это позволяет говорить о танатопоэтике прозы писателя, которая играет важную роль в формировании тематического и эмоционального содержания произведений автора, отражает его философские и эстетические устремления. Через воплощение образа смерти писатель стремится познать глубинные аспекты человеческого существования.

Источники и литература

Андреевски П. М. Пиреј. Скопје: Наша книга, 1986. 263 с.

Андреевски П. М. Сите лица на смртта. Скопје: Зумпрес, 1994. 198 с.

Андреевски П. М. Тунел. Скопје: Три, 2003. 250 с.

Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало: сб. ст. Вып 5. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 52–64.

Клетников Е. Роман за човековата истрајност и неискоренливост // Андреевски П. М. Колнато време. Скопје: Мисла, 1982. С. 45–457.

Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 141 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Андреевски П. М.* Сите лица на смртта. Скопје, 1994.

Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. М.: «Языки славянской культуры», 2015. 488 с.

Красильников Р. Л. Танатопэтика в свете идей М. М. Бахтина // Международный журнал исследований культуры, 2016. № 1 (22). С. 83–88.

Лисицина Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск / Философский альманах. Материалы второй международной конференции. СПб., 1995. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/lisicina-ta/obrazy-smerti-v-russkoy-kulture-lingvistika-poetika-filosofiya> (дата обращения: 01.07.2024).

Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. С. 417–430.

Hansen-Löve A. A. Mandel'schtam's Thanatopoetics // Readings in Russian Modernism: To honor Vladimir Fedorovich Markov. М.: Nauka, 1993. P. 121–122.

References

- Andreevsky, P. M. *Pirej*. Skopje: Naša knjiga, 1986, 263 p.
- Andreevsky, P. M. *Site lica na smrtta*. Skopje: Zumpres, 1994, 198 p.
- Andreevsky, P. M. *Tunnel*. Skopje: Tri, 2003, 250 p.
- Babaiants, A. “Neskol'ko zamechanii o kategorii smerti v literature.” *Nachalo*. Issue 5. Moscow: IMLI RAS, 2002, pp. 52–64.
- Hansen-Löve, A. A. “Mandel'schtam's Thanatopoetics.” *Readings in Russian Modernism*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 121–122.
- Iu. M. *Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school*. Moscow: Gnosis, 1994, pp. 417–430.
- Kletnikov, E. “Roman za čovekovata istrainost i neiskorenlivost.” Andreevsky, P. M. *Kolnato vreme*. Skopje: Mislа, 1982, pp. 45–457.
- Krasilnikov, R. L. *Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza*. Vologda: State Educational Institution IATSK, 2007, 141 p.
- Krasilnikov, R. L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoi literatue. Vvedenie v literaturovedcheskuiu tanatologiu*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2015, 488 p.
- Krasilnikov, R. L. “Tanatopetika v svete idei M. M. Bakhtina.” *International Journal of Cultural Studies, Eidos*, 2016, pp. 83–88.
- Lisitsina, T. A. “Obrazy smerti v russkoi kul'ture: lingvistika, poetika, filosofiiа.” *Figury tanatosa*. Philosophical almanac. 5th special issue. Proceedings of the

second international conference. St. Petersburg, 1995. URL: <http://anthropology.ru/text/lisicina-ta/obrazy-smerti-v-russkoy-kulture-lingvistika-poetika-filosofiya> (accessed: 01.07.2024).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.12

P. D. Gavrilova

**Thanatopoetics of P. M. Andreevsky Prose
(On the Example of the Collection of Stories “All Faces of Death”
and the Novels “Wheatgrass” and “Tunnel”)**

Polina D. Gavrilova

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: gavriilova97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0828-6827

Citation

Gavrilova P. D. Thanatopoetics of P. M. Andreevsky Prose (On the Example of the Collection of Stories “All Faces of Death” and the Novels “Wheatgrass” and “Tunnel”) // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 242–253 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.12

Received: 21.05.2024.

Revised: 28.05.2024.

Accepted: 24.09.2024.

The motif of death plays a major role in the prose of the classic Macedonian writer Petre M. Andreevski (1934–2006), which gives grounds for interpreting a number of his works from the point of view of thanatopoetics (a term introduced by the Austrian Slavist Aage Hansen-Löwe in the 1990s). In this article, using the example of P. M. Andreevski’s novels “Wheatgrass” (“Pirej”, 1980) and “Tunnel” (“Tunel”, 2003), and the collection of short stories “All the Faces of Death” (“Site Litsa Na Smrtta”, 1994), a set of methods and techniques for the artistic implementation of this motif is analyzed. The use of the principles of magical realism, the combination of rationalistic and mythical-magical ideas about the world left their mark on the author’s vision of death. The study of the thanatopoetics of the writer’s prose not only shows the formal organization of this motif in the writer’s work, but is also an integral

part of the philosophical perception of the world. The thanatopoetics of P. Andreevsky's prose plays an important role in the formation of the thematic and emotional content of the author's works, reflecting his philosophical and aesthetic aspirations. Through the embodiment of the image of death, the writer seeks to understand the deep aspects of human existence. The author's main attention is paid to the tragic events of national history, when the Macedonians demonstrated fortitude. The historical is closely intertwined with the folk: references to rituals, myths, dreams.

Keywords

Macedonian literature, Petre M. Andreevski, thanatopoetics, death motive, mythopoetics, magical realism, prose.

Поэтика комического в драматургии Матая Вишнека

Усачева Анастасия Викторовна

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1980-9451

Цитирование

Усачева А. В. Поэтика комического в драматургии Матая Вишнека // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 254–265.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.13

Статья поступила в редакцию 12.03.2024.

Рецензирование завершено 19.03.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Статья обращается к двум пьесам Матая Вишнека, написанным в разные годы («Последний Годо» (1987) и «Замечательное путешествие медведей панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подружка во Франкфурте» (1995)), с точки зрения поэтики комического. В основу анализа положены теоретические построения Богдана Дземидока, отраженные в работе «О комическом» (1974). Доказывается, что в указанных пьесах Вишнека встречаются основные приемы, выделенные ученым (видоизменение и деформация явлений, неожиданные эффекты и поразительные сопоставления, мнимое объединение разных явлений, отклонения от праксеологической или логической нормы). Кроме того, утверждается, что исследуемые произведения наследуют театру абсурда в том, что касается способов комического (отсутствие действия, вводящее в заблуждение название, повторы, псевдологика, количественный рост предметов, ускорение темпа, открытый финал, двойники, потеря памяти и т. д.), развиваются значимые для абсурдистов темы одиночества, распада и смерти. Основная функция комического у Вишнека – защитная, снижение драматического пафоса через смех. Гротеск, ирония и юмор нужны для того, чтобы вознестись над обстоятельствами и обрести господство над миром.

Ключевые слова

Вишник, румынская драматургия, французская драматургия, комическое, абсурд, XX век.

Матей Вишник (р. 1956) – второй после Э. Ионеско драматург румынского происхождения, получивший широчайшую мировую известность и пишущий на румынском и французском языках. Свою первую пьесу он создал в 1986 г., а через год эмигрировал во Францию, которая и в настоящий момент является его постоянным местом жительства. Однако, в отличие от своего знаменитого предшественника-абсурдиста, Вишник не порвал связи с Румынией и сейчас активно сотрудничает с тамошними литературными журналами, ведя в них авторские колонки (например, «Сцена 9» (*Scena 9*) или «Обсерватор Културал» (*Observator cultural*)). Кроме того, он занимается активным продвижением молодых румынских режиссеров и сценаристов за рубежом¹.

Произведения Вишнека ставятся в театрах по всему миру (помимо Румынии и Франции – в России, Англии, США и даже Иране), а среди своих учителей он называет вышеупомянутого Ионеско, которому посвятил одно из драматургических сочинений («О чувстве гибкости, когда мы перешагиваем через трупы» (2009)). И действительно, пьесы Вишнека наполнены комизмом, впитавшим элементы и темы, характерные для театра абсурда. В данной статье рассматриваются две из них, написанные в разные годы: «Последний Годо» (1987) и «Замечательное путешествие медведя панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подружка во Франкфурте» (1995). Они выбраны как, с одной стороны, разные по тональности, но имеющие схожие черты поэтики комического – с другой.

Теоретик комического Б. Дземидок в своей работе выделяет следующую специфику абсурдистского юмора (по сравнению с другими его формами): философичность и отказ от моральной проблематики ради исследования механизмов мышления и ревизии привычных представлений о мире, а также склонность к экзистенциальной проблематике и нигилизм в отношении здравого смысла².

¹ *Anghelescu A.-M.* O călătorie prin jurnalismul cultural și dramaturgie cu Matei Vișniec. URL: <https://societatesicultura.ro/2016/01/matei-visniec-conferintele-tnb/> (дата обращения: 12.03.2024).

² *Дземидок Б.* О комическом. М., 1974. С. 125.

А В. О. Пигулевский в книге «Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму» замечает, что «комическая ирония является результатом возвышения, господства личности над миром, его владение обстоятельствами – способность превзойти их субъективно, утверждая свои ценности, свое видение и смысл»³. В обеих исследуемых пьесах действительно можно найти эти черты.

Говоря о приемах комического, Дземидок выделяет следующие: видоизменение и деформация явлений (преувеличение, преуменьшение, пародирование, непривычный темп); неожиданные эффекты и сопоставления (в том числе контраст); мнимое объединение абсолютно разных явлений (рассогласование внешности с поведением или характером, а поведения – с обстоятельствами, несоответствие между теорией и практикой и неестественные повторения); явления, отклоняющиеся от праксеологической или логической нормы (ошибки в выводах, странные действия, абсурдистский диалог)⁴. Средствами достижения комического эффекта являются вводящее в заблуждение название, отсутствие действия, мелодраматическая неожиданность, метаморфозы, двойники, потеря идентификации, псевдологика, потеря памяти, количественный рост предметов и др.⁵ Задача данной статьи – показать, как указанные приемы и средства воплощаются Вишнеком на практике.

«Последний Годо» («Ultimul Godot»), жанр которого автор определил как «драматический сценарий», – это небольшое по объему постмодернистское «продолжение» трагикомедии С. Беккета «В ожидании Годо», в котором на задворках театра встречаются, собственно, Сэмюэль Беккет и Годо, единственные персонажи, указанные в действующих лицах. Подобно Владимиру и Эстрагону из оригинальной пьесы, они ссорятся, мирятся, чего-то ждут, а еще разговаривают о судьбе искусства и своей роли в нем, пока вокруг собираются зрители. Начинается «Годо» Вишнека тоже похожим образом: один герой сидит и ждет, второй присоединяется к нему в начале действия. Конец также содержит отсылку к беккетовскому «Годо»: «Спроси, не ушибся ли я... Тем временем я сниму башмак и буду рассматривать башмак.

3 Пигулевский В. О. Ирония и смежные категории // Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону, 2002. URL: <http://www.urgi.info/urginfofiles/sites/pigulevsky-ironiya/> (дата обращения: 25.02.2024).

4 Дземидок Б. О комическом. С. 66–88.

5 Эсслин М. Театр абсурда. СПб., 2010. С. 201.

А ты потом меня спроси, что я тут делаю. (Снимает башмак.)» – и цитату оттуда же: «Разуваюсь. Никогда не видел, что ли?» Предполагается, что персонажи сейчас начнут разыгрывать перед собравшейся толпой пьесу Беккета. Финал можно назвать открытым: так до конца и не понятно, играют ли герои для того, чтобы возродить театр («ГОДО. Бьюсь об заклад, что этот тоже закроют. – СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ. Перепрофилируют в овощную базу. – ГОДО. Уже попахивает квашеной капустой»; «Я не смогу жить без театра... Я долго не протяну...»), или чтобы уберечься от толпы, которую они опасаются: «...будет слишком поздно. Еще какая-нибудь минута – и будет слишком поздно. Они нас придушат»⁶.

Название «Последний Годо», казалось бы, достаточно ясное, с интертекстуальным элементом, тем не менее, оставляет недоумение. Почему Годо последний? Если он последний, значит, не единственный, а был еще как минимум первый (при этом читатель знает, что этот Годо – тот самый, из пьесы Беккета)? Кроме того, заголовок не отражает происходящего, в лучших традициях театра абсурда (можно сравнить, например, с «Лысой певицей» и «Этюдом для четверых» Ионеско или с «Концом игры» Беккета). Действие в пьесе отсутствует: единственный активный момент – когда Беккет выкатывается на сцену (которая оформлена как край тротуара на задворках театра), пинком выставленный из зрительного зала. Далее герои только разговаривают, ищут бычки, снимают и надевают обувь. Причем в том, что они обсуждают, тоже заметно «отсутствие присутствия»: театр закрывается, людей на улицах практически нет, Годо жалуется на то, что у него не было ни одной реплики в оригинальной трагикомедии. Эта бесфабульность, вкупе с ничего не объясняющим названием, является абсурдистским способом создания комического. Помимо этого, можно найти мелодраматическую неожиданность (обсудив, что в театр никто не ходит, герои замечают, что вокруг собрались зрители), двойничество и зеркальный эффект (и Беккет, и Годо описаны как «хилый, но прилично одетый субъект», они оба сидят «на кромке тротуара, ногами на мостовую»), потерю идентификации (рассуждения на тему, кем же персонажи будут без театра: «Не играют нигде ничего»), псевдологику («По мусору видать: театр катится ко всем чертям...»)⁷.

6 Вишек М. Последний Годо / пер. А. Старостиной. URL: <https://proza.ru/2022/08/01/778> (дата обращения: 25.02.2024).

7 Там же.

Среди приемов, использующихся для создания комического эффекта, в пьесе можно выделить следующие:

– преувеличение, гротеск, карикатурность: «(Поднимается во весь рост. Угрожающе.) Несчастный! Но теперь ты за все заплатишь. За все. (Сокрушительно.) Я – Годо!» – и дальше яркий контраст: «(Начинает потихоньку хлюпать носом.) Мне бы хватило одной минутки... Одной секунды, на худой конец...»⁸;

– пародирование: обыгрывается идея смерти автора («ГОДО. Ты, выходит дело, – автор. – СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ. Выходит, что так. Я. – ГОДО. Класс! Ты, выходит, есть»); есть аллюзия на гамлетовское «быть или не быть» («Сколько можно – болтаться посерединке до бесконечности? Вроде как быть и вроде как не быть в одно и то же время») – эта цитата также вызывает ассоциации с котом Шредингера⁹;

– неожиданность, то, что читатель не предвидел: Годо, который приходит в театр каждый вечер; он же написал себе сцену («Вставь меня куда-нибудь... Куда угодно... Можно в скобках...»); «Шофер был глухонемой. Когда я спросил его, где мне сходить, он пожал плечами» – это еще может быть и аллюзией на глухонемого на Оратора из «Стульев» Ионеско¹⁰;

– неожиданные сопоставления: «СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ. Фу! Мне только окурки с помойки подбирать не хватало! – ГОДО. А что? Помойка-то театральная...»¹¹;

– обнажение контраста и несоответствие внешнего вида поведения: «СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ. Еще сигаретки не найдется? – ГОДО. Там есть бычки, в мусорной тачке»¹² – при этом, как было сказано выше, оба персонажа прилично одеты;

– несоответствие между представлениями и реальностью: «ГОДО (в беспокойстве). Не понимаю, откуда они берутся, люди? Улица-то пустая. Как может стянуться столько народа, если улица пустая?»¹³;

– ошибка в выводах, логическая неразбериха, абсурдистский диалог, нелепые высказывания: «Если что есть на бумаге, оно есть и на сцене. А у тебя?»; «Я иной раз проснусь утром, и мне кажется, что у меня из головы что-то вываливает и разбивается о потолок» – здесь интересен

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

еще и тот факт, что это вываливающееся не падает, а взлетает; «Погляди на тачку: она тонет в тротуаре...»¹⁴.

В «Последнем Годо» Вишек развивает экзистенциальные темы распада, умирания, одиночества, которые впервые сделал центральными в своей драматургии театр абсурда. Продолжая его традиции, писатель показывает одинокого Годо, у которого нет ни одной реплики в исходной пьесе, но он все ходит и ходит в театр. Одинок и Беккет, на чьи спектакли никто не приходит. Пустынный город, превращенные в овощные базы заведения культуры, мусор и окурки – все это реальность, с которой приходится иметь дело персонажам, а с ними и читателю. И комическое здесь выступает в своей защитной функции – поднять человека над этим упадком и дать надежду, как собравшаяся вокруг героев толпа дарит шанс на возрождение спектакля, а заодно дает возможность Годо заполучить себе реальную роль.

Совершенно другое по тональности произведение – «Замечательное путешествие медведей панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подружка во Франкфурте» («Frumoasa călătorie a urșilor Panda povestită de un saxofonist care avea o iubită la Frankfurt»). Это пьеса «в девяти ночах», рассказывающая про двух влюбленных, обозначенных как Он и Она. Завязка банальна и отсылает к любовным мелодрамам или анекдотам: перебравший накануне саксофонист обнаруживает утром в своей постели прекрасную незнакомку, чье имя он не знает (и так и не узнает до самого конца), но почти сразу понимает, что не сможет больше без нее жить. Незнакомка обещает, что будет приходить девять ночей, и в эти ночи развернется мистическая и абсурдная сказка, в конце которой саксофонист умрет – или просто исчезнет (Она спрашивает, какое животное нравилось Ему в детстве («медведь панда»), город, где Ему хотелось бы жить («Франкфурт. Там отличный зоопарк»), и после этого говорит: «Хорошо. Тогда в своей следующей жизни ты будешь медведем пандой. [...] А я буду навещать тебя во Франкфурте»¹⁵). Градус абсурдности происходящего повышается постепенно, начиная с отдельных элементов и заканчивая целыми сюжетными поворотами.

14 Там же.

15 Вишек М. Замечательное путешествие медведей панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подружка во Франкфурте / пер. А. Старостиной. Далее по тексту – «Путешествие». URL: <https://proza.ru/2021/11/08/1800> (дата обращения: 25.02.2024).

В отличие от «Последнего Года», в «Путешествии» наличествует фабула и даже есть действие: героиня приходит и уходит, что-то приносит, кто-то звонит по телефону и стучит в дверь. Однако и здесь название вводит в заблуждение и не отражает сюжета и идеи, как и в «Лысой певице» Ионеско, панда и Франкфурт появляются ровно один раз перед последней сценой. В этой пьесе тоже открытый финал: читатель так и не знает, существовала ли Она в действительности или была плодом Его воображения, и что же все-таки случилось с героем. Символический ряд произведения закольцован: на третью ночь Он рассказывает, что по случаю его рождения отец посадил в саду яблоню, а в самом конце, когда полиция (представленная голосами за сценой) вскрывает дверь в квартиру, из которой «уже по крайней мере десять дней он не отвечает»¹⁶, по полу раскатываются яблоки из упавшей корзины, девять штук – по количеству ночей. Символ яблок и яблони вызывает аллюзию и на Кроноса, пожирающего своих детей: «сейчас яблочная пора, и мама... я чувствую, как она меня ест», «мама ест нас украдкой, чтобы компенсировать наше отсутствие...»¹⁷. Тот же третий эпизод перекликается со сценой из «Стульев» Ионеско, где старики жалостливо рассказывают про своего сына («Был у нас сынок... нет, он жив и здоров... он ушел из дома... банальная история... печальная история...»¹⁸) – только в «Путешествии», наоборот, герой повествует про родителей: «К тому же он [отец. – А. У.] работал на вредном предприятии... Мебельная фабрика или что-то в том же роде. Рабочие получали по бутылке молока в день, так, поубавить токсинов»; «Мама, когда меня увидела, так удивилась, как будто не я вошел в дом, а яблоня... Маме, по-моему, необязательно нас видеть, ни меня, ни других братьев и сестер... Она по нам не очень-то и скучает. Потому что для нее мы все там, в саду»¹⁹.

Другие отсылающие к театру абсурда способы использования комического в «Путешествии» – это повторы (Он четыре раза переслушивает запись на автоответчике, которую оставила Она, и каждый раз эта запись звучит по-другому) и звукоподражания («ОНА. Скажи а²⁰, как я тебя люблю. – ОН. а. – ОНА. Скажи а, как я тебя никогда

16 Там же.

17 Там же.

18 Ионеско Э. Стулья. URL: <https://lib-drama.narod.ru/ionesco/stuehle.html> (дата обращения: 25.02.2024).

19 Вишник М. Замечательное путешествие...

20 Здесь а – это звук «а», в цитате сохранена авторская пунктуация.

не забуду. – ОН. а»²¹ – это сцена, которой в пьесе отведен целый эпизод), псевдоэкзотика (существа в клетках, не птицы, размножающиеся от света), каламбуры («Нет, не невидимка, но живьем не увидишь»²²), потеря памяти («Это мне напоминает... Странно, я чувствую, что это мне что-то напоминает... Но что... не помню»²³), мелодраматическая неожиданность (незнакомка в постели в начале, финал: «На дверь наваливаются сильнее, она поддается и ударяет о стул. Корзина, стоящая на стуле, падает на пол, и по комнате раскатываются девять яблок. Никто не заходит внутрь. Комната пуста и прочерчена лучами, которые ворвались туда, когда дверь распахнулась»²⁴). Кроме того, в седьмом эпизоде происходит количественный рост предметов («Она открывает шкаф, и множество клеток вываливается на пол, искрясь и сверкая, как фейерверк»²⁵) – эффект, который любил, например, Ионеско (умножение чашек и стульев в «Стульях», яиц в «Будущем в яйцах» и др.). В том же эпизоде наблюдается явление, которое Мартин Эсслин назвал «потеря гомогенности персонажами»²⁶: герой невидим, его съели существа в клетках. Сходное средство – метаморфозы на сцене («ОНА. Мы теперь только пара голосов, просто-напросто пара летучих голосов. [...] ОН. Я тебя чувствую так, как будто бы мы – крылья одной птицы»²⁷). Наличие таких средств также указывает на влияние на стилистику Вишнека абсурдистского юмора.

В «Путешествии» используются следующие приемы комического, выделенные Дземидоком:

– преувеличение, гротеск, карикатурность: «Ты есть не хочешь? Холодильник набит. [...] У нас есть три яйца, остатки сыра... пяток бисквитов... Какое изобилие...»²⁸;

– темп, отклоняющийся от обычного: «Девять ночей могут быть как девять жизней»²⁹;

– неожиданность, непредвиденная читателем: утром «ОН. Но это ты меня раздела? – ОНА. Нет, ты уже был без ничего» – словно

21 Вишек М. Замечательное путешествие...

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

26 Эсслин М. Театр абсурда. С. 201.

27 Вишек М. Замечательное путешествие...

28 Там же.

29 Там же.

бы герой был голым в клубе, где они предположительно повстречались; «иногда оно делает детенышей. [...] Каждый раз, как снимают чехол с клетки, происходит зачатие»; «ОН (невидимый). Но откуда мне выйти, ради Господа Бога? Меня что-то нигде нет»³⁰;

– контраст: «Он (громко). Здесь никого нет! Ни души! (Шепотом.) Скажи им! Скажи им, что нигде никого нет! – ОНА (громко). Нас тут нет! – ОН. Скажи им, что нас нет нигде. – ОНА (прячась вместе с ним под одеялом, пока он гасит ночник у кровати). Мы нигде, мы нигде! Отвяжитесь!»³¹;

– противоречие слов и действий: «ОН. Хочешь затянуться? – ОНА. Нет. Мне надо идти»³² – и остается;

– абсурдистский диалог (нет связи между собеседниками): «ОН. Между нами что-то было? – ОНА. У тебя есть уют?»; «ОНА. Скажи а не вслух, а про себя. – ОН. ... – ОНА. Нежнее... – ОН. ...»³³;

– нелепые высказывания, несуразица: «ОНА. Да, и у них невероятная память. Если расскажешь одному сказку, все новорожденные, которые появятся на свет после, смогут тебе ее повторить слово в слово... Бывают, да, минуты, когда ты можешь с ними поговорить. – ОН. Когда именно? – ОНА. Когда лунное затмение»³⁴.

Центральные темы «Путешествия» – познание себя, любовь и смерть. И здесь тоже одна из функций комического – снижение пафоса, которое дает возможность говорить об этом, не впадая в трюизмы. Смех дает катартическую разрядку в развязке, когда читатель думает, что произошло страшное. В пьесе это решено следующим образом: сначала мы узнаем, что он «десять дней не слышал никаких звуков, ничегошеньки. Только автоответчик, который записывает звонки», «уже почти две недели я его не слышу», «это ж надо... Запах-то того...», «там что-то мешает» – и ожидаем увидеть совершенно определенную картину и практически чувствуем конкретный запах – смерти. Но вместо этого перед глазами возникает пустая комната, а из открытой двери «сильный запах яблок проникает в зрительный зал – и где-то далеко слышен саксофон»³⁵.

Примечательная черта, роднящая обе рассмотренные пьесы с театром абсурда, состоит в том, что, несмотря на всю нелепицу диалогов,

30 Там же.

31 Там же.

32 Там же.

33 Там же.

34 Там же.

35 Там же.

читатель совершенно точно может понять, как именно развивается действие, к чему ведет разговор и как меняется состояние персонажей. Потому что абсурдность не равна бессмыслице, она лишь вскрывает верхний слой, чтобы обнажить суть. Однако можно увидеть, что у Вишнека и абсурдистов эффект получается противоположный. Если у Ионеско и Беккета герои говорят, чтобы ничего не сказать, их диалоги – на самом деле параллельные монологи, и каждый одинок, то у Вишнека все разговоры ведут к сближению, к единению, даже когда люди молчат. Драматург использует приемы абсурда (контраст, гиперболоа, неожиданность, недоразумение и т. д.), но посыл его пьес – иной: если настрой абсурдистского театра – «ничто никогда не изменится», то произведения Вишнека, наоборот, дарят надежду. Они словно бы утверждают, что человек в силах воздействовать на обстоятельства и становиться хозяином ситуации. Возможно, как раз знакомство писателя с театром абсурда и повлияло на такой взгляд, ведь, как сказал сам Вишневек, «после того, как я прочел пьесы Ионеско, я больше никогда ничего не боялся в жизни», «в них я нашел выражение абсолютной свободы и чрезвычайно эффективное оружие в борьбе с угнетением и глупостью»³⁶.

Источники и литература

Вишневек М. Замечательное путешествие медведей панда, рассказанное саксофонистом, у которого была подружка во Франкфурте / пер. А. Старостиной. URL: <https://proza.ru/2021/11/08/1800> (дата обращения: 25.02.2024).

Вишневек М. Последний Год / пер. А. Старостиной. URL: <https://proza.ru/2022/08/01/778> (дата обращения: 25.02.2024).

Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 224 с.

Ионеско Э. Стулья. URL: <https://lib-drama.narod.ru/ionesco/stuehle.html> (дата обращения: 25.02.2024).

Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону, 2002. URL: <http://www.urgi.info/urgiinfofiles/sites/pigulevsky-ironiya/> (дата обращения: 25.02.2024).

36 FNT ON AIR la Radio România Cultural: Despre senzația de elasticitate când pășim peste cadavre de Matei Vișniec. URL: <https://www.radioromaniacultural.ro/sectiuni-articole/teatru-si-film/fnt-on-air-la-radio-romania-cultural-despre-senzatia-de-elasticitate-cand-pasim-peste-cadavre-de-matei-visniec-id15019.html> (дата обращения: 10.02.2023).

Эсслин М. Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.

Anghelescu A.-M. O călătorie prin jurnalismul cultural și dramaturgie cu Matei Vișniec. URL: <https://societatesicultura.ro/2016/01/matei-visniec-conferintele-tnb/> (дата обращения: 12.03.2024).

FNT ON AIR la Radio România Cultural: Despre senzația de elasticitate când pășim peste cadavre de Matei Vișniec. URL: <https://www.radioromania-cultural.ro/sectiuni-articole/teatru-si-film/fnt-on-air-la-radio-romania-cultural-despre-senzatia-de-elasticitate-cand-pasim-peste-cadavre-de-matei-visniec-id15019.html> (дата обращения: 10.02.2023).

Referenses

Anghelescu, A.-M. *O călătorie prin jurnalismul cultural și dramaturgie cu Matei Vișniec*. URL: <https://societatesicultura.ro/2016/01/matei-visniec-conferintele-tnb/> (accessed: 12.03.2024).

Dziemidok, B. *O Komizmie*. Moscow: Progress, 1974, 224 p.

Esslin, M. *The theatre of the absurd*. St. Petersburg: Baltiiskie sezony, 2010, 528 p.

FNT ON AIR la Radio România Cultural: Despre senzația de elasticitate când pășim peste cadavre de Matei Vișniec. URL: <https://www.radioromaniacultural.ro/sectiuni-articole/teatru-si-film/fnt-on-air-la-radio-romania-cultural-despre-senzatia-de-elasticitate-cand-pasim-peste-cadavre-de-matei-visniec-id15019.html> (accessed: 10.02.2023).

Ionesco, E. *Stul'ia*. URL: <https://lib-drama.narod.ru/ionesco/stuehle.html> (accessed: 25.02.2024).

Pigulevskii, V. O. *Ironiia i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu*. Rostov-on-Don, 2002. URL: <http://www.urgi.info/urgiiinfofiles/sites/pigulevsky-ironiya/> (accessed: 25.02.2024).

Vișniec, M. *Frumoasa călătorie a urșilor Panda povestită de un saxofonist care avea o iubită la Frankfurt*. URL: <https://proza.ru/2021/11/08/1800> (accessed: 25.02.2024).

Vișniec, M. *Ultimul Godot*. URL: <https://proza.ru/2022/08/01/778> (accessed: 25.02.2024).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.13

A. V. Usacheva

Poetics of the Comic in the Dramaturgy of Matei Vişniec

Anastasia V. Usacheva

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1980-9451

Citation

Usacheva A. V. Poetics of the Comic in the Dramaturgy of Matei Vişniec // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 254–265 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.13

Received: 12.03.2024.

Revised: 19.03.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article addresses two pieces by Matei Vişniec, written in different years (“The Last Godot” (1987) and “The Story of the Panda Bears Told by a Saxophonist Who Had a Girlfriend in Frankfurt” (1995)), from the point of view of the poetics of the comic. The analysis is based on theoretical constructions of Bohdan Dziemidok reflected in his work “On the Comic” (“O Komizmie”) (1974). It is proved that in the forementioned plays by Vişniec the main techniques singled out by Dziemidok (modification and deformation of phenomena, unexpected effects and striking juxtapositions, imaginary unification of different phenomena, deviations from praxeological or logical norms) occur. In addition, it is argued that the plays inherit the theater of the absurd in terms of the ways of the comic (absence of action, misleading title, repetitions, pseudo-logic, quantitative growth of objects, acceleration of tempo, open ending, doppelgangers, loss of memory, etc.), and that the themes of loneliness, decay and death significant for the absurdists are developed. The main function of the comic in Vişniec’s work is protective, reducing dramatic pathos through laughter. Grotesque, irony and humor are necessary to exalt oneself over circumstances.

Keywords

Vişniec, Romanian dramaturgy, French dramaturgy, comic, absurd, 20th century.

**«Югославская Атлантида» в балканской
и центральноевропейской оптике Драгана Великича**

Поляков Дмитрий Кириллович
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: vbnz2005@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5220-2841

Цитирование:

Поляков Д. К. «Югославская Атлантида» в балканской и центральноевропейской оптике Драгана Великича // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 266–283. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.14

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00365, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024.

Рецензирование завершено 18.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье предлагается анализ книги эссе сербского писателя Драгана Великича «Югославская Атлантида», вышедшей в 1993 г. и фиксирующей распад Югославии и постепенное прекращение существования общегославского культурного пространства. Критикуя сербских и хорватских националистов, Великич последовательно отвергает поляризацию пространства и заявляет о нефункциональности многих сложившихся оппозиций (сербский / хорватский, Византия / Рим, большевизм / фашизм) в отношении к нему. Великич в своей книге обращается к образам моста и пути, ключевым для балканской модели мира. Противопоставляются два моста – на Дрине (И. Андрич) и на Неретве (разрушение этого моста армией Тито в 1943 г. было одним из ключевых событий коммунистического мифа). Великич в применении к Югославии использует коммуникативные средства и мотивы, характерные для хорошо ему известного дискурса о Центральной Европе (М. Кундера, Ч. Милош,

Д. Киш и др.), продолжая и развивая его. По Великичу, главная ценность Югославии – в совместном культурном творчестве населяющих ее народов. В этом же видели аксиологическую значимость Центральной Европы и участники дискуссий о ней в 1980-е гг.

Ключевые слова

Югославия, постъюгославский дискурс, дискурс о Центральной Европе, Балканы, Драган Великич.

«Югославская Атлантида» – расхожая ныне метафора, уподобляющая распавшуюся страну острову-государству, ушедшему под воду, но сохранившемуся в культурной памяти и продолжающему порождать мифы. Югославия, как и Атлантида, мифогенна: так, например, важным культурным и социальным явлением последних десятилетий стала «югоностальгия»¹ или «новый югославизм»², а общее пространство югославянских наций продолжает активно осмысляться гуманитариями³.

Традиция такого метафоризирования, набравшая силу в последние два десятилетия⁴, зародилась раньше: уже в 1994 г. Дубравка Угрешич написала: «Целая страна свелась к энциклопедической статье и, подобно Атлантиде, перешла в Словарь воображаемых мест»⁵. Через год в Оксфорде вышла документальная книга «Дети Атлантиды: Голоса из бывшей Югославии»⁶, а далее это и вовсе стало

1 См.: *Bošković A. Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology // Slavic Review. 2013. No 1. P. 54–78; Ślawska M. Proza autobiograficzna pokolenia jugonostalgików. Wrocław, 2013, и мн. др.*

2 *Velikonja M. ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture / ur. V. Perica, M. Velikonja. Beograd, 2012. S. 67–171.*

3 Ср.: *After Yugoslavia. The Cultural Spaces of a Vanished Land / ed. by R. Gorup. Stanford, 2013, и др.*

4 Ср.: *Debeljak A. Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, 2010; Старикова Н. Н. Фантомная боль «ампутированной» страны – югославское социокультурное пространство в произведениях современных словенских авторов // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 353–366.*

5 *Ugresic D. Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream. London, 1994.*

6 *Children of Atlantis: Voices from the Former Yugoslavia / ed. by Z. Lesic. Oxford, 1995.*

совершенно массовым явлением. Между тем еще раньше уподобил Югославию Атлантиде сербский писатель Драган Великич, выпустивший в 1993 г. книгу эссе «Yu-тлантида»⁷.

Великич хорошо известен в Сербии и за ее пределами прежде всего как автор романов. Многие из них были удостоены литературных премий и переведены на иностранные языки. Еще его справедливо считают «географическим» писателем: пространство в текстах Великича является не столько кулисой, сколько одним из действующих лиц, будь то Средиземноморье, Югославия, Центральная Европа или городские локусы в их рамках: Пула, Белград, Триест. Его эссеистика, однако, заслуживает не меньшего внимания: именно в этих текстах⁸ выражен ряд важнейших «географических» идей писателя. Этнический серб, Великич родился в Белграде, но детство и юность провел в хорватской Пуле. Взросление одновременно в двух культурах повлияло на мировоззрение писателя, обусловило его самоидентификацию и определило отношение к Югославии и способы ее «ментального картографирования».

Великич наблюдал и описывал «погружение под воду» буквально в реальном времени: после публикаций отдельных текстов в периодике уже в 1992 г. под названием *Youtlantide* выходит французское издание книги⁹, заголовок сборника на сербском – *Yu-tlantida* – повторяет сравнение. Не менее показательной является и метафора разлома – очевидно, исторического и культурного: первое эссе носит название «Голос из разлома» (*Glas iz pukotine*), под ним была опубликована и вся книга в немецком и словенском переводах¹⁰. Проблема драматического перехода в новое состояние, осознававшаяся югославскими авторами еще в 1980-е¹¹, обрела особый трагизм

7 *Velikić D. Yu-tlantida*. Beograd, 1993. При дальнейшем цитировании номера страниц этого издания приводятся в круглых скобках. Перевод на русский язык сделан автором статьи.

8 Помимо «Yu-тлантиды», к ним относится, например, сборник «О писателях и городах»: *Velikić D. O piscima i gradovima*. Novi Sad, 2010.

9 *Velikić D. Youtlantide / traduit par M. Robin*. Rennes, 1992.

10 *Velikić D. Stimme aus der Erdspalte*. Klagenfurt; Salzburg, 1992; *Velikić D. Glas iz razpoke / prevedel B. A. Novak*. Celovec, 1992.

11 Ср. книгу П. Матвеевича «Югославянство сегодня: вопросы культуры» (*Matvejević P. Jugoslavenstvo danas. Pitanja kulture*. Zagreb, 1982; Beograd, 1984). Среди художественных произведений, для которых характерна семантика граничности и перехода, интересен,

с началом распада федерации в 1991 г. Соответственно драматическим законам времени, Югославия в тексте регулярно описывается с использованием всех возможных метафор ухода, растворения, невидимости: она «пребывает во тьме», когда на небе ни звезды (5), это «исчезающая» (5), «умирающая» (29) и даже уже «не существующая» (33) страна. Кровавая трагедия распада («паводок, затопляющий нас сегодня, – красного цвета» (41)), делает из нее «европейский Ливан или, точнее, Дантов Ад» (31).

Тексты Великича, собранные в книге, выходили в периодике с лета 1991 по осень 1992 гг., в наиболее кризисный и трагический период современной югославской истории: распад федерации, начало войн в Хорватии и Боснии. Издательская аннотация характеризует их как «политические эссе» (109), при этом за «моментальным» снимком трагического перехода страны и культуры от одного состояния к другому – со страстной критикой примитивизации и невероятного обострения оппозиции свой / чужой – есть и вневременной подтекст, мотивы, характерные для писателя как для представителя литературы и культуры Югославии – и при этом как для центральноевропейца¹². Эти мотивы появятся и в его художественных текстах, и в дальнейших эссе.

Размышления писателя о том, что представляет собой югославская Атлантида, перемежаются в текстах воспоминаниями из близкого и далекого прошлого и фактами непосредственно наблюдаемого настоящего, среди которых наступление холодной и голодной зимы в Белграде, шум армейских вертолетов, доставляющих раненых

например, роман Д. Угрешич «Форсирование романа-реки» (1986), см. об этом: Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен: категория *границы* в романе Дубравки Угрешич // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 363–382.

12 «Для меня Центральная Европа – регион, откуда родом большинство писателей, являющихся моими литературными предками, от Кафки, Звево, Йозефа Рота, Канетти, Броха и Музиля до Костолани, Кусьневича, Киша и Тишмы», – скажет позже писатель (*Ognjenović V. Dragan Velikić: Davo sujete vreba na svakom koraku // Vijesti. 2013. 12.01. URL: <https://www.vijesti.me/zabava/291536/dragan-velikic-davo-sujete-vreba-na-svakom-koraku>*). О Великиче как о центральноевропейском авторе см.: *Rosić T. Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta // Слика другог у балканским и средњоевропским књижевностима / ур. М. Матицки. Београд, 2006. С. 377, 383, Zorić V. Discordia Concors: Central Europe in Post-Yugoslav Discourses // After Yugoslavia... P. 93.*

в столичные больницы, отъезд писателя в Австрию и др. Воспоминания, наблюдения, пересказ исторических анекдотов и соотнесение их с новой реальностью служат средством хоть как-то понять происходящее: «Сидя в “Ателье EuropaHaus” и слушая новости международного радио из Вены, я вижу новую рябь на только что успокоившемся фронте в Хорватии. И в Боснии беспокойно, и в любую минуту может начаться война. Я часто спрашиваю себя – что за безумная страсть ведет народы Югославии к тому, чтобы в конце двадцатого века гибнуть из-за невидимых границ?» (65).

Законы жанра обязывают высказать собственную политическую позицию. Едва ли не в каждом из текстов «Yu-тлантиды» мы обнаруживаем довольно презрительную критику не только современных властей и их политики, но и всего послевоенного устройства Югославии – «скучного коммунистического создания» (38) с «десятилетиями ложного братства и единства» (41): «к сожалению, идею Югославии, возможно, навсегда присвоили себе коммунисты, давно умирающие в своих наследниках-клонах» (10). Именно коммунистический режим, по мнению автора, привел к трагическому исходу, и все сегодняшние враги – лишь «разные модели коммунистической эволюции» (28).

Бескомпромиссность и публицистическая страстность наполняют эссе Великича насыщенными контрастами. Сама ситуация того времени, в одночасье расчертившая реальность на простейшие бинарные оппозиции, заставляет писателя отвергать их: настоящий художник «никогда не согласится на черно-белый мир» (9), где поиск правды сводится к «демонизации другой стороны» (13); сам Великич не был коммунистом, следовательно, сейчас «не имеет невротической потребности заявлять, что он антикоммунист» (9). Автор не раз предлагает читателю будто бы очевидную оппозицию, чтобы затем развенчать, опровергнуть ее (хорватский северо-запад / «большевистский» сербский восток; Рим / Византия; Рейх / союзники). Он принимает точку зрения то хорватских, то сербских «патриотов», чтобы доказать соблазнительность – но и ущербность обеих. Все национальные стереотипы ведут к пагубным упрощениям: хорваты считают Сербию «Византией», выдавая этим свое «полное незнание византийской культуры» (6), сербы же видят в хорватах «заговор Ватикана, четвертого Рейха» (6), напоминая себе и миру, что сами они в обеих войнах были на стороне союзников. По Великичу, религия «трагически разделила» мир сербов и хорватов, «истончила им нервы и определила путь – одним в хорватское, а другим в сербское море. И они [...]

каждые полвека доказывают свое происхождение, свою веру, легко хватаясь за оружие, и вместо стремления к свету поворачивают назад, во тьму» (6–7).

Самые очевидные противопоставления оказываются для Великича ложными: так, многократно подчеркивается принадлежность сербских «социалистов» и хорватских «демократов» к одной формации (27): «Военный марш, который сегодня звучит в Боснии, вместе сочинили Милошевич и Туджман, две половины одной души, и уже два года играют его на одном рояле в четыре руки» (79). Эта формация берет начало в титовской Югославии и навязываемом ею коллективизме; «они и дальше вместо личного местоимения Я используют МЫ. Разве это МЫ недостаточно говорит о картине мира, который они хотят создать?» (26).

Противясь сербско-хорватской поляризации, Великич выстраивает и собственные оппозиции. Через весь сборник проведено противопоставление «нормального» и «примитивного» – большинства, оказавшегося во власти первобытных инстинктов ненависти к Другому. «Нормальные» не раз сравниваются с *сектой*: их становится все меньше, они вынуждены покидать страну, и так – как сумасшедших – их воспринимает большинство (9, 82–83 и др.); «сейчас быть нормальным – чистый эксгибиционизм, а появление в общественной жизни умного человека – оскорбительный диссонанс» (68). Примитивное – сила стихийная: в Сербии «орды примитивов», да и в мире снова начали действовать «вулканы примитивизма» (6).

Причисляя и себя к «секте нормальных», Великич показывает несостоятельность тогдашнего политического дискурса, замешанного на националистических ценностях. Он борется с их нормализацией, активно травестируя политический лексикон. Как здравомыслящие превращаются в «секту», «предателями» видятся патриоты, и наоборот. «Эта война в Югославии показала, насколько бессмысленны ярлыки *предатель* и *патриот*» (47), при этом именно «патриоты» заняты уничтожением общегославских ценностей (тут Великич упоминает о группе боснийских мусульман, разрушивших памятник Иво Андричу в Вишеграде), и «только “предатели” могут спасти эти земли, и именно их должна поддерживать Европа, если хочет остановить насилие в Югославии» (32).

«Ю-глантида» не исчерпывается публицистическим пафосом. Писатель заявляет: «Строки, которые я пишу, – всего лишь попытка провести инвентаризацию территории, которая на протяжении десятилетий носила одно название: Югославия» (37). Эта инвентаризация

проводится в свободной форме, а ментальная карта пространства возникает не из карты географической. Постоянно упоминая драматическое хорватско-сербское противостояние, Великич лишь вскользь говорит о Словении, «никогда не бывшей камнем преткновения» (30), а, например, Македония и вовсе возникает лишь в «этикеточных» характеристиках пространства типа «от Словении до Македонии» (11), «от Скопье до Марибора» (38) или «от Любляны до Приштины *via* Загреб и Белград» (26). С другой стороны, важными компонентами пространства являются и ключевые городские локусы типа Белграда – «особой галактики» (14, 21, 27), Загреба, известного писателю «благодаря литературе» (33), или родной Пулы с наследием разных культур. Ту же – важную для воображаемого пространства – роль играют и более частные локусы, как Бемова улица в Нови-Саде (место действия романов Данило Киша, на которого Великич не раз ссылается), белградский отель «Югославия» или собственный архив, который необходимо разобрать.

Уходящая в прошлое Югославия в интерпретации Великича образована не только географическими объектами, но и ключевыми событиями социалистического мифа наподобие победы армии Тито в битве у реки Неретвы или ухода хорватского поэта Владимира Назора в партизаны. Интересно, что именно в эссе, посвященных этим двум событиям, проявляются *балканские* черты в мотивной структуре «Yu-тлантиды». Упомянутые события оборачиваются символическими пространствами: в битве у Неретвы ключевую роль играет *мост*, а в партизанской инициации Назора – *река*. Оба эти пространства ярко характеризуют балканскую модель мира¹³, и неслучайно, что мы видим их в текстах Великича.

И мост, и река возникают в «Yu-тлантиде» на метауровне: Великич приходит к ним через прецедентные для югославянских литератур художественные тексты – «Мост на Дрине» И. Андрича и «Лодку на Купе» В. Назора. «Мотив моста неслучаен в начале этого текста, поскольку судьба умирающей сегодня Югославии в значительной части связана с другим, почти мифическим мостом» (29). Победа у Неретвы, когда партизанская армия Тито практически небывалым образом выиграла сражение, разрушив мост на реке и перебравшись на нужный берег по его развалинам, была превращена официальной

13 См. о ней работы Т. В. Цивьян, например: *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 7–24.

пропагандой в культовое событие. У Великича же взорванный мост на Неретве противопоставлен мосту на Дрине, иллюстрирующему «смысл человеческого существования – связь берегов» (29). «Разрушение моста – переход к хаосу, к превращению мира-дома в пустыню и одновременно – смерть человека, который не может перенести разрушение своего дома»¹⁴, и участь титовской Югославии, начавшейся именно с *мифа о разрушении моста*, таким образом, была предрешена. Вновь травестируя официальный дискурс, Великич пишет: «“предатели” строят мосты Андрича, а “патриоты” – мосты на Неретве» (32), т. е. современные продолжатели большевистских практик продолжают рушить мосты, а ргіогі наделенные коммуникативной функцией¹⁵ – связи, посредничества между людьми и цивилизациями.

Аналогично в «Лодке на Купе» важна не судьба Назора, но «эта маленькая, ветхая лодка, уводящая в неизвестное, к другому берегу, того, кто учуял выигрышную комбинацию. Эта лодка и сегодня плывет по Купе, Дрине и, о Боже, по Мораве» (67). Река здесь – и путь, и *рубеж*, за которым нет возврата, который в любую минуту может обернуться другой рекой, равномерное плескание вод которой вдруг слышится автору: это Харон «перевозит небесный народ через подземную реку в загробный мир» (70). Финал стихотворения Назора с просьбой «Перенеси всю Хорватию / на ту сторону воды» спустя полвека, когда «сербский Спаситель решил переместить народ» (70), обретает иное звучание...

Важным в тексте становится и сам *путь*. Его локальные участки могут пророчить большие события: так, отмена фирменного поезда Белград – Загреб «стала дурным знаком» (33) наступающей войны. Именно путь символизирует возможную смену точки зрения (отъезд писателя в Клагенфурт). Он же обуславливает невозможность отождествить себя с «сербами» или с «хорватами»: его проходит сам автор, перемещаясь из Белграда в Пулу и обратно, и взросление в двух культурах есть также часть пути.

Последовательно – раз за разом даже в пределах короткого текста – писатель обращается к фактам собственной биографии, которые и создают ментальную Югославию. Это обращение осуществляется, например, через объекты, метафоризирующие те или иные качества

¹⁴ Цивьян Т. В. Движение и путь... С. 37. Цит. по: Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен... С. 379.

¹⁵ Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен... С. 377.

пространства. Так, толерантности и пониманию других культур учат имена на кладбище Монте Гиро в Пуле, которые носили представители разных народов, покоящиеся ныне рядом (13): там были «австрийские, итальянские, славянские, еврейские, голландские, немецкие, датские, французские, венгерские» фамилии (12). Границей Средиземноморья внутри воображаемой Югославии для Великича служит его собственная кладовка, в которой хранится «десяток бутылок истарской мальвазии и несколько банок маслин» (24). Все *настоящие* границы, таким образом, формируются *внутри*, и связи между территориями в собственном сознании никогда не разрушатся, как в конечном счете невозможно разрушить духовный мост, созданный Андричем (32).

Соответственно, понимание Югославии как пространства мультикультурности Великич связывает с собственным взрослением и формированием, с окружавшей его географией, ибо «детство – единственная родина художника» (18). *Ментальная Югославия* есть великий СИНТЕЗ (78–80) [выделение прописными. – Д. П.], ее символизируют и мост на Дрине, и сам Иво Андрич, «по происхождению хорват, выраставший в Боснии, а литературным наследием склоняющийся к сербскому наследию» (82), и кладбище Монте Гиро.

Ю-тлантида Великича – многослойный, амбивалентный феномен. «Внутренняя» Югославия, порожденная собственными привычками, семьей, внутренними миграциями, укоренением на новом месте, географическим окружением, «роскошная палитра разных культур» (10), в сознании и дальше останется неразделенной, в ней «нет таможенников и пограничников, патриотов и шпионов» (37). Она противопоставлена Югославии «внешней», коммунистической, функционерской, устроенной «против логики здравого разума» (29), той, которая и породила вулканы примитивизма, впоследствии разрушившие ее.

Примечательно обращение Великича к теме Центральной Европы. Он закономерно использует довольно очевидное сравнение с ней Югославии – как многонационального пространства, уходящего в прошлое, называя и Центральную Европу «подводным царством» (42). При этом два пространства уподоблены друг другу еще и аксиологически. У Югославии по Великичу тот же смысл существования и та же миссия, что и у Центральной Европы по Кундере. Для Кундеры именно культурное творчество есть единственная возможность существования малых народов, которым без того грозит исчезновение, а Центральная Европа сама по себе и есть

культура¹⁶. Великич же, горюя о распадающейся стране, опасается возникновения «маленьких крепостей рассорившихся народов, которые вместо культуры производят третьеразрядные сувениры» (27). Уничтожить народ можно именно уничтожением «памяти и культуры» (68). Как Кундера видел в Центральной Европе бастион мультикультурализма и толерантности (порой игнорируя реальное положение вещей), так и Великич именно разнообразие культур считает «самой большой ценностью, какую югославянские народы могли возложить на алтарь европейской цивилизации» (29).

Интересно, что уподобление этих пространств выходит в коммуникативную и модальную область. Великич наследует основным творцам дискурса о Центральной Европе 1980-х гг., как бы находясь в одном коммуникативно-текстовом пространстве с ними, продолжая его, обращаясь к одним тем же прецедентным именам (например, Бруно Шульц, Кафка, Музиль, Гомбрович), цитируя своих старших современников (Киш, Милош) или апеллируя к ним (Кундера)¹⁷.

Великич прозорливо видит в дискурсе о Югославии возможность превращения в ностальгический. В этом уже заложена потенциальная модальная схожесть с центральноевропейскими построениями, которые возникают в его тексте (ностальгия была ключевым атрибутом дискурса о Центральной Европе в 1980-е): «...лет через десять, наверное, расскажу сыну, что когда-то можно было поехать из Скопье в Марибор без паспорта. Поэтому я просто повторяю фразу ностальгирующих центральноевропейцев, мечтавших о временах, когда из Кракова в Триест можно было поехать без паспорта [...]. Сравнение Югославии с Австро-Венгрией не кажется неуместным. Даже после

¹⁶ Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // Славяноведение. 2023. № 4. С. 102–103.

¹⁷ Прямые цитаты из текстов Кундера отсутствуют, однако любопытный параллелизм между писателями, помимо уже упомянутых ценностей толерантности и уподобления пространства культуре, – еще и в неприятии *китча*. Китч для Кундера есть экзистенциальная категория (см.: Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М., 2014. С. 123–124), для Великича это частный случай примитивизма, захватившего Югославию («Хорватский лидер за прошедшие год-два произвел столько китча, что это невозможно было бы вынести, если бы не началась война» (31)).

затопления она будет существовать как призрак, в атмосфере и воспоминаниях» (38)¹⁸. В другом месте Великич делился собственными ощущениями от такого призрачного существования «теней прошлого» в той же Пуле, где под надписью «Продукты» скрывались побледневшие, но различимые итальянские «Ristorante» или «Parrucchiere», и город был «полон этих “палимпсестов”»¹⁹.

Сама адресация текстов Великича во многом совпадает с адресацией основных текстов дискурса о Центральной Европе, возникшего на Западе, в эмигрантской среде центральноевропейцев (М. Кундера, Ч. Милош, Д. Киш и др.) и направленного прежде всего на Запад. Ключевое эссе Кундеры «Трагедия Центральной Европы» было впервые напечатано во французском журнале, вскоре появилось в переводе на английский – и именно тогда стало предметом бурных интеллектуальных дебатов, проходивших прежде всего в Западной Европе и США²⁰. Югославия здесь была исключением: в отличие от стран социалистического блока, где эти проблемы могли обсуждаться только подпольно, в ней они дискутировались открыто. В то же время она все равно стала воспринимавшей стороной, и югославский (в первую очередь словенский и хорватский) дискурс о Центральной Европе был *ре-активным*, отвечающим на готовые модели, заданные Кундерой. Книга же Великича предназначена одновременно двум кругам читателей: его заметки выходили в белградской прессе («Време», «Борба»), но одновременно и во «многих европейских газетах и журналах» (4). Соответственно, внешний адресат также присутствует, и типичная ситуация дискурса о Центральной Европе, когда автор «рассказывает западноевропейцам о “своей Европе”, географически и ментально далекой от них»²¹, воспроизводится и здесь. Более того, внешний адресат сборника даже опередил внутреннего: сербское издание «Уи-тлантиды» вышло уже после словенского, немецкого, французского и итальянского переводов.

18 Так и случится – ностальгические мотивы появятся в более поздних текстах писателя, в т. ч. в эссе «Граница, идентичность, литература» (2003). См. об этом: *V. Zorić. Discordia Concors...* P. 93.

19 *Pogovor z Draganom Velikićem / pogovarjal se je N. Grafenauer // Nova revija: mesečnik za kulturo. 1993. Št. 138. S. 1202.*

20 Перевод на чешский язык вышел только в 1985 г. и был также опубликован в эмигрантском журнале: *Kundera M. Únos Západu // 150 000 slov: Texty odjinud. 1985. Č. 10. S. 112–119.*

21 *Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель... С. 95.*

Фигура автора в эссеистике Великича также имеет множество сходств с носителями дискурса о Центральной Европе. Это вновь интеллигент, книжник, находящийся в меньшинстве космополит. Превыше всего для него – культурное разнообразие; именно оно характеризовало Центральную Европу по Кундере и Кишу, оно же так восхищает в Югославии Великича, который заявляет: «черта, которую я больше всего ценю, – это толерантность, понимание других культур, обычаев и привычек» (13), «мне Югославия и не нужна в ином виде, чем великолепная палитра разных культур» (10) [выделение курсивом наше. – Д. П.]. Как и в центральноевропейце²², наднациональное в нем выше национального: он готов отождествить себя и с сербами, и с хорватами (6), но отказывается от этого, оставаясь космополитом и заявляя о национальной принадлежности как о стечении обстоятельств (18). Центральноевропейец из дискурса 1980-х не понят ни на родине, ни на Западе, югослав из «секты нормальных» также в меньшинстве и в оппозиции к «патриотам», противопоставляющим Сербию Хорватии, коммунистов усташам, Византию Риму, а баклаву – захер-торту. Создавая довольно неприглядный образ распадающейся страны, Великич занимается и самоописанием – каталогизирует собственные ценности в отталкивании от взявших верх примитивизма и упрощения.

Характерно для дискурса о Центральной Европе и соотнесение себя с Западом при трагическом осознании негативной роли последнего в судьбах родного пространства. По Кундере, Запад не заметил пропажи, похищения собственной части Востоком, т. е. Россией. Трагизм самой фигуры центральноевропейца – «в том, что для Запада – ближайшего союзника и родственника – он оказывается Другим»²³. Запад у Великича представлен невиновным в исторической драме Югославии, но – пассивным наблюдателем, зрителем, для которого эта страна – «видеоигра» или «странный фильм» (7). Он вроде бы «относился к жанру мелодрамы»,

22 Конечно, разные представители дискурса о Центральной Европе реализовывали это по-разному. Если для Кундере «чешское» выступало своего рода частным случаем «центральноевропейского», то, например, Киш видел параллели между «центральноевропейским» и «югославским», будучи сам из смешанной семьи, т. е. уже изначально находясь на наднациональном уровне. Схожее видим и у Великича, вобравшего в себя и сербский, и хорватский опыт.

23 Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель... С. 99.

но вдруг превратился в «кошмар, “развлекающий” Европу и мир» (7). При этом зрители дистанцированы и могут «в любой момент погасить экран, на котором разыгрывается трагедия югославянских народов» (7–8), «публика многочисленна, совершенна и поверхностна, даже и когда искренне сочувствует протагонистам фильма “Югославия”» (7). Здесь, очевидно, писатель возвращается к старому восприятию ориентализирующего Запада, актуализируя мотивы отстраненности, непонимания, коммуникативного сбоя, которые мы видим в текстах о Центральной Европе²⁴: «Там, где они [западноевропейцы. – Д. П.] когда-то приятно проводили отпуск, бушует война. Поначалу равнодушные по отношению к враждующим сторонам, они часто принимают решения, руководствуясь воспоминаниями из отпуска. Иногда определяющим оказывается случайное знакомство в ресторане Мюнхена, Вены или Парижа. От национальной принадлежности гастарбайтера зависит, на чью сторону они встанут» (7). Великич видит Югославию Европой («В Югославии – ахиллесова пята Объединенной Европы», 80), при этом замечая, что она начинает быть для Запада Другим: «Берлинская стена разрушена, но материал, из которой она была построена, не уничтожен. Его перенесли в Югославию» (80)²⁵.

Итак, заявленная Великичем «инвентаризация» Югославии проводится не по географической, но по ментальной карте. На ней – ключевые для писателя локусы (родная Пула как «палимпсест», Белград – «особая галактика»), символические метафорические пространства (мост и река) и оппозиции (внутреннее / внешнее, интеллектуальное / примитивное и проч.). Важное средство репрезентации воображаемой карты Югославии – это и ее соотнесение с Европой, конструирование субъекта пространства (югослав-интеллектуал, т. е. сам писатель) и его атрибутов. «Yи-тлантида», таким образом, находится одновременно в поле нескольких дискурсов, важных для интеллектуальной дискуссии 1980-х – 1990-х гг. – центральноевропейского, представленного в эссеистике 1980-х гг., и югославянского / постъюгославского.

24 Там же. С. 99–100.

25 В последующих текстах Великич развивает этот мотив, уже начиная использовать наименование *Балканы*: очевидно, что Другим после распада Югославии стали именно они: *Velikić D. Granica, identitet, literatura // Sarajevske sveske. 2003. Br. 3. S. 65–73.*

За Югославией Великича – несколько феноменов: производящий – вопреки коммунистическому «ненастью» – культурные ценности и дающий образцы уникального сосуществования разных культур, и одновременно с этим – населенный инфантильными народами, ведущими себя как «влюбленная горничная» (107), готовыми на примитивные решения и изгоняющими собственную интеллектуальную элиту. Югославия «внешняя» трагически распадается, Югославия «внутренняя» – остается в сознании, которое никогда не примет новых границ. Великич еще не ностальгирует по утраченному единству, но осознает, что общее пространство начинает превращаться в один из палимпсестов, которые остались в детских воспоминаниях из Пулы.

Источники и литература

Злыднева Н. В. Вброд через реку перемен: категория *границы* в романе Дубравки Угрешич // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 363–382. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.04.

Поляков Д. К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // Славяноведение. 2023. № 4. С. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2.

Старикова Н. Н. Фантомная боль «ампутированной» страны – югославское социокультурное пространство в произведениях современных словенских авторов // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 353–366. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.05.

Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999. 376 с.

Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М.: Индрик, 2014. 272 с.

Bošković A. Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology // Slavic Review. 2013. No 1. P. 54–78.

Children of Atlantis: Voices from the Former Yugoslavia / ed. by Z. Lesic. Oxford: Central European University Press, 1995. 184 p.

Debeljak A. Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovsanske Atlantide. Ljubljana: Študentska založba, 2010. 271 s.

Kundera M. Únos Západu // 150 000 slov: Texty odjinud. 1985. Č. 10. S. 112–119.

Matvejević P. Jugoslovenstvo danas. Pitanja kulture. Zagreb: Globus, 1982. 244 s.; Beograd: BIGZ, 1984. 286 s.

Ognjenović V. Dragan Velikić: Đavo sujete vreba na svakom koraku // Vijesti. 2013. 12.01. URL: <https://www.vijesti.me/zabava/291536/>

dragan-velikic-davo-sujete-vreba-na-svacom-koraku (дата обращения: 10.05.2024).

Pogovor z Draganom Velikićem / pogovarjal se je N. Grafenauer // *Nova revija*: mesečnik za kulturo. 1993. Št. 138. S. 1200–1207.

Rosić T. Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta // *Слика другог у балканским и средњоевропским књижевностима* / ур. М. Матицки. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2006. С. 375–389.

Ślawska M. Proza autobiograficzna pokolenia jugonostalgików. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2013. 270 s.

Ugresic D. Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream / translated by C. Hawkesworth. London: Jonathan Cape, 1994. 241 p.

Velikic D. Youtlantide / traduit par M. Robin. Rennes: Ubacs, 1992. 95 p.

Velikić D. Glas iz razpoke / prevedel B. A. Novak. Celovec: Wieser Verlag, 1992. 40 s.

Velikić D. Granica, identitet, literatura // *Sarajevske sveske*. 2003. Br. 3. S. 65–73.

Velikić D. O piscima i gradovima. Novi Sad: Akademska knjiga, 2010. 173 s.

Velikić D. Stimme aus der Erdspalte / aus dem serbischen von K. D. Olof. Klagenfurt; Salzburg: Wieser Verlag, 1992. 72 S.

Velikić D. Yu-tlantida. Beograd: Clío, 1993. 111 s.

Velikonja M. ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // *Nebeska Jugoslavija*. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture / ur. V. Perica, M. Velikonja. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. S. 67–171.

Zorić V. Discordia Concors: Central Europe in Post-Yugoslav Discourses // *After Yugoslavia. The Cultural Spaces of a Vanished Land* / ed. by R. Gorup. Stanford: Stanford University Press, 2013. P. 88–111.

References

Bošković, A. “Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology.” *Slavic Review*, 2013, No. 1, pp. 54–78.

Children of Atlantis: Voices from the Former Yugoslavia, ed. by Z. Lesic. Oxford: Central European University Press, 1995, 184 p.

Debeljak, A. *Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide*. Ljubljana: Študentska založba, 2010, 271 p.

Kundera, M. “Únos Západu.” *150 000 slov: Texty odjinud*, 1985, No. 10, pp. 112–119.

Matvejević, P. *Jugoslavenstvo danas. Pitanja kulture*. Zagreb: Globus, 1982. 244 p.; Beograd: BIGZ, 1984, 286 p.

Ognjenović, V. “Dragan Velikić: Đavo sujete vreba na svakom koraku.” *Vijesti*. 12 Jan 2013. URL: <https://www.vijesti.me/zabava/291536/dragan-velikic-davo-sujete-vreba-na-svakom-koraku> (accessed: 10.05.2024).

“Pogovor z Draganom Velikićem. Pogovarjal se je Niko Grafenauer.” *Nova revija: mesečnik za kulturo*, 1993, No. 138, pp. 1200–1207.

Poliakov, D. K. “Tsentral'naia Evropa kak mif i model' v tekstakh Cheslava Milosha, Milana Kundery i Danilo Kisha.” *Slavianovedenie*, 2023, No. 4, pp. 91–108. DOI: 10.31857/S0869544X0027118-2.

Rosić, T. “Koncept Srednje Evrope u savremenom srpskom romanu i politika novih kulturnih identiteta.” Maticki, M. (ed.). *Slika drugog u balkanskim i srednjoevropskim književnostima*. Beograd: Institut za književnost i umetnost, 2006, pp. 375–389.

Sherlaimova, S. A. *Milan Kundera i jego romannaia filosofija*. Moscow: Indrik, 2014, 272 p.

Starikova, N. N. “Fantomnaia bol' “amputirovannoi” strany – iugoslavskoe sotsiokul'turnoje prostranstvo v proizvedeniiakh sovremennykh slovenskikh avtorov.” *Slavianskii al'manakh*, 2018, No. 1–2, pp. 353–366. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.05.

Ślawska, M. *Proza autobiograficzna pokolenia jugonostalgików*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2013, 270 p.

Tsiv'ian, T. V. *Dvizhenije i put' v balkanskoj modeli mira. Issledovaniia po strukture teksta*. Moscow: Indrik, 1999, 376 p.

Ugresic, D. *Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream*, translated by C. Hawkesworth. London: Jonathan Cape, 1994, 241 p.

Velikic, D. *Youtlantide*. Translated by M. Robin. Rennes: Ubacs, 1992, 95 p.

Velikić, D. *Glas iz razpoke*. Translated by B. A. Novak. Celovec: Wieser Verlag, 1992, 40 p.

Velikić, D. “Granica, identitet, literatura.” *Sarajevske sveske*, 2003, No. 3, pp. 65–73.

Velikić, D. *O piscima i gradovima*. Novi Sad: Akademska knjiga, 2010, 173 p.

Velikić, D. *Stimme aus der Erdspalte*, translated by K. D. Olof. Klagenfurt; Salzburg: Wieser Verlag, 1992, 72 p.

Velikić, D. *Yu-tlantida*. Beograd: Clio, 1993, 111 p.

Velikonja, M. “ROCK’N’RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici.” Perica, V., Velikonja, M. (eds.). *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture*. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012, pp. 67–171.

Zlydneva, N. V. “Vbrod cherez reku peremen: kategoriia granitsy v romane Dubravki Ugreshich.” *Slavianskii al'manakh*, 2020, No. 3–4, pp. 363–382. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.04.

Zorić, V. “Discordia Concors: Central Europe in Post-Yugoslav Discourses.” Gorup, R. (ed.). *After Yugoslavia. The Cultural Spaces of a Vanished Land*. Stanford: Stanford University Press, 2013, pp. 88–111.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.14

D. K. Polyakov

“Yugoslav Atlantis” in the Balkan and Central European Optics of Dragan Velikić

Dmitry K. Polyakov

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vbz2005@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5220-2841

Citation

Polyakov D. K. “Yugoslav Atlantis” in the Balkan and Central European Optics of Dragan Velikić // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 266–283 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.14

Acknowledgements

Work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-18-00365, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

Received: 11.06.2024.

Revised: 18.06.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article offers an analysis of Serbian writer Dragan Velikić’s book of essays “*Yu-tlantis*” (1993), which records the disintegration of Yugoslavia and the gradual cessation of the all-Yugoslav cultural space. Criticizing Serbian and Croatian nationalists, Velikić consistently rejects the polarization of the space and declares the non-functionality of many established oppositions (Serbian / Croatian, Byzantium / Rome, Bolshevism / Fascism) in relation to it. Velikić in his book refers to the images of the bridge and the path, key to the Balkan model of the world. Two bridges are contrasted – on the Drina (I. Andrić) and on the Neretva (the destruction of this bridge

by Tito's army in 1943 was one of the key events of the communist myth). Velikić applies to Yugoslavia the communicative means and motifs characteristic of the well-known discourse on Central Europe (M. Kundera, Cz. Miłosz, D. Kiš, etc.), continuing and developing it. According to Velikić, the main value of Yugoslavia lies in the joint cultural creativity of its peoples. The participants in the discussions about Central Europe in the 1980s saw the axiological significance of Central Europe in the same way.

Keywords

Yugoslavia, post-Yugoslav discourse, discourse about Central Europe, Balkans, Dragan Velikić.

Сараево vs Загреб в прозе М. Ерговича

Шатко Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование:

Шатко Е. В. Сараево vs Загреб в прозе М. Ерговича // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 284–294. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.15

Статья поступила в редакцию 03.09.2024.

Рецензирование завершено 17.09.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье анализируются и сопоставляются образы двух значимых топосов для творчества М. Ерговича, Сараева и Загреба, на материале таких произведений, как «Сараевское Мальборо», «Transatlantic mail», «Всякая всячина», «Сараево. План города», «Трое на Картал» и др. В творчестве М. Ерговича Сараево – символ утраченного дома, вместе с тем и части собственной идентичности, тогда как Загреб чаще предстает враждебно настроенной территорией, иной, чуждой, не готовой дать место особому сараевскому духу, который, однако, по мнению автора, невозможно восстановить и в современной послевоенном Сараеве. Исключительность атмосферы Сараева, по мнению Ерговича, заключается в его изолированности и уединенности. Несмотря на то, что в рамках данной статьи были использованы в основном произведения, повествующие о современности, выдвинуто предположение о том, что противопоставление Сараева и Загреба присутствует практически во всех произведениях М. Ерговича. И если образ Сараева видоизменяется, как и авторский художественный метод при изображении осажденного города, то образ хорватской столицы остается неизменным от произведения к произведению. Это противопоставление несомненно отражает биографии многих боснийских беженцев, одним из которых является и сам автор.

Ключевые слова

Топос Сараево, Загреб, Миленко Ергович, Сараевское Мальборо, Сараево. План города, Всякая всячина.

Миленко Ергович (род. 1966, Сараево) с 1993 г. живет в Загребе, куда эмигрировал во время осады Сараево. Выпускник философского факультета Сараевского университета, где изучал социологию, писал для газет и журналов (как боснийских, так и хорватских и сербских) с начала 1990-х гг.¹ Пишет прозу (рассказы и романы), поэзию и драматургию, по сей день продолжает журналистскую деятельность. Его произведения переведены на более чем 20 языков (в том числе на русский²). Действие подавляющего большинства его произведений происходит в регионе бывшей Югославии (кроме романа «Бьюик Ривьера», в котором главные герои – беженцы из стран бывшей СФРЮ), сам он не причисляет себя ни к хорватским, ни к боснийским писателям, он пишет для тех, кто читает его книги, – вне зависимости от национальности.

Многие писатели в своем творчестве постоянно обращаются к одной и той же проблематике, тоскуя по какому-то пространству или времени, это может быть практически навязчивая потребность писать об одном месте, одном топосе, одном городе или даже одной улице. Примером тому может служить корпус текстов русской литературы, объединенных в «петербургский текст». Для Ерговича таким пространством-магнитом бесспорно является Сараево. Это ключевой для всего его творчества топос. В сборнике рассказов «Сараевское

1 Лауреат премии М. Диздара за сборник «Обсерватория Варшава» (1988), в 1990 г. получил премию В. Тенжера за журналистскую деятельность, а в 1994 г. за сборник «Сараевское Мальборо» – премию «Ксавер Шандор Джальский» и премию мира Эриха Марии Ремарка, а также итальянскую премию по литературе в «Гринцане Кавур» 2003 г. за сборник рассказов «Мама Леоне», а в 2007 г. – премию Мешы Селимовича за роман «Руфь Танненбаум» и др.

2 Публикации на русском языке: Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. С. 251–258; Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 90–100; «Отец», главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. С. 151–164; Gloria in Excelsis. М., 2018 (Серия «100 славянских романов»); Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103; Руфь Таннембаум. СПб., 2022.

Мальборо» боснийская столица показана глазами жителей осажденного города, в «Барабанах ночи» – глазами главного героя Йосипа Губерника в форме дневниковых записей, здесь Сараево предстает городом, отторгающим героя, схожий образ города наблюдается в романе «Род». По мнению Б. Алейбеговича, роман «Отец» (2010) открывает в творчестве Ерговича новую главу: это исследование соотношения документальной реальности и художественного вымысла, та же проблематика сыграет заметную роль и в романах «Род» (2013) и «Сараево. План города»³.

Типичный герой рассказа или романа Ерговича – человек, покинувший свой дом, неспособный обрести новый, обреченный на вечные поиски навсегда утраченного дома. В книге-переписке «Transatlantic mail» автор пишет, что он и сам – человек «ниоткуда», который по-настоящему так и не стал жителем Загреба и вместе с тем утратил возможность говорить о себе как о сарайлии⁴. Утрата дома, малой родины стала постоянным мотивом творчества, с ним тесно связаны и такие мотивы, как утрата идентичности, невозможность ассимиляции во враждебной среде, преодоление травмы войны, утрата смыслов и др. Показательным для реализации указанных мотивов является дебютный сборник рассказов Ерговича «Сараевское Мальборо», с которого многие критики начинают отсчет истории осажденного Сараева в литературе⁵. Автор описывает небольшие эпизоды из жизни героев, простых людей, оказавшихся в нечеловеческих условиях осажденного города, динамику их взаимоотношений, перемены в их еще недавно устроенных жизнях, изменения в ценностной картине мира. Интересно, что ужасы войны остаются за кадром: детали практически никогда не названы, до героев (и читателя) доносятся лишь отголоски в прямом (звуки взрывов в отдалении) и переносном (необходимость ходить за питьевой водой) смысле. Ергович создает образ

3 *Alejbegović B.* Literarni spomenik rodnome gradu // Nova Istra. 2016. Br. 3–4. S. 325.

4 *Jergović M., Mehmedinović S.* Transatlantic Mail. Zagreb, 2009. S. 34. Перевод – Е. Ш.

5 Стоит заметить, что частично этой же проблематики касается и Дж. Карахасан в сборнике того же года «Дневник переселения»; подробнее см.: *Шатько Е. В.* Топос Сараева в «осажденной» литературе: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2023. С. 198–228.

города, хорошо знакомый его жителю: упоминает конкретные локусы (остановку трамвая, пересечение улиц, значимые здания, районы города), запахи (кофе, сигаретный дым, ракия) и даже события (Зимние олимпийские игры 1984 г.)⁶.

Поскольку в сборнике описывается время осады города, некоторые герои стремятся покинуть «сараевский ад»⁷, так и остающийся практически без конкретного воплощения; ужас, нависающий, давящий, выдавливающий из человека последние силы, невидим, но ощутим. Одна героиня, например, покинула город, не прощаясь, «так, как уезжают на экскурсию»⁸. Другой герой оставался в городе так долго, как это было возможно, поскольку верил, что его планы, родившиеся в родном городе, и осуществиться могут только в Сараево, однако от города с каждый днем оставалось все меньше, и он переезжает – в Загреб. Еще одна семья вырвалась из города, по дороге мама объясняла сыну: «Это Сплит», тот спросил, где Сараево, на что его дед прервал долгое молчание словами: «Сараево там, где и было, только нас больше нет!»⁹ Герои покидают свой город, спасая жизни, и чаще всего оказываются именно в Загребе, вероятно, в том числе повторяя судьбу самого Ерговича.

Сарайлия Злая, оказавшись в Загребе, осознал, что спасение жизни ценой отказа от дома сродни смерти части себя, а зияющая пустота внутри постоянно ноет, заставляя искать навеки утраченный дом. В попытке воссоздать атмосферу Сараева герой ищет глиняную посуду, в которой сможет приготовить любимое блюдо, поиски занимают неожиданно долгое время и даже оказываются успешными, но героя забирают в лагерь для беженцев из-за отсутствия документов, и даже символическому воскрешению частички дома не суждено осуществиться.

Загреб в «Сараевском Мальборо» противопоставлен осажденной боснийской столице, что лишь подчеркивает понимание войны как точки невозврата: даже в случае, если человек смог вырваться из ее тисков, шрамы останутся с ним навсегда. Утраченный дом

6 Подробнее см.: *Шатько Е. В.* Топос Сараево в прозе хорватского писателя М. Ерговича (на материале сборника рассказов «Сараевское Мальборо») // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2019. Т. 14. № 3–4. С. 116–129.

7 *Jergović M.* Sarajevski Marlboro. Podgorica, 2016. S. 36.

8 *Ibid.* S. 16.

9 *Ibid.* S. 113.

невозможно ничем заменить. Герои Ерговича здесь становятся людьми ниоткуда. С одной стороны, Загреб – убежище, город, в котором можно спрятаться, с другой – это враждебная к пришлым территория: «В то время Сараево представляло собой провинцию для большинства жителей Загреба, и именно так они относились к большинству пришлых, особенно к тем, которые, как и Амир, были “турецкого происхождения“, как их насмешливо называли»¹⁰.

В 2014 г. в Сербии была опубликована книга «Всякая всячина» («Tušta i tma»), это, по сути, переписка Ерговича и С. Басары, сербского писателя, драматурга, колумниста и эссеиста. Авторы писем, родившиеся и выросшие в СФРЮ, показали возможность и продуктивность художественного диалога между теперь уже представителями разных народов и культур. Успех книги, создававшейся с 2010 по 2013 гг., был столь велик, что в течение только первого года «сербско-хорватская переписка» пережила несколько дополнительных изданий, а гарантировал его, пожалуй, круг тем, обсуждаемых авторами: политика, индивидуальная и коллективная память, пространство и время, история и ее интерпретация, югославская литература, языковая политика, последствия военного конфликта и др.¹¹

И в этой книге для Ерговича Сараево по-прежнему – утраченный дом, утраченное прошлое, практически утраченное я: «Я единственный ребенок в семье, родители умерли, умер и брат матери, мой дядя, у отца не было братьев и сестер, мертвы все, кто меня знал в то время [в детстве. – *Е. Ш.*], так что с определенного момента я сам себе свидетель. Больше нет никого, кто бы знал, о чем я говорю, когда рассказываю о себе. Большинство людей, как мне кажется, переживают это в более позднем возрасте, в возрасте, когда у них все умирают, вся кровная родня. А со мной, вот, это случилось сейчас»¹². И во «Всякой всячине» звучит тема неприятия беженцев, более того, Ергович приводит доказательство того, что национализм в Хорватии стал едва ли не нормой: у поста полиции у въезда в Загреб он заметил надпись

10 Ibid. S. 156.

11 Подробнее см.: *Шатько Е. В.* Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина» // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2018 (серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). С. 212–228.

12 *Jergović M., Basara S.* Tušta i tma. Beograd, 2014. S. 67.

«Сербов на вербы»¹³. «Дождь, легкий фашизм, лицемерие и война против кириллицы. Так сегодня [...] выглядят Загреб и Хорватия»¹⁴.

В 2015 г. выходит роман, главным героем и одновременно местом действия которого становится родной город Ерговича, – «Сараево. План города». Это не роман в привычном значении, скорее это изменчивая романизованная карта, состоящая из воспоминаний, исторических анекдотов, эпизодов из частной жизни людей, а еще это коллекция звуков, запахов, деревьев, переулков, улиц и площадей, синагог и мечетей и связанных с ними человеческих судеб. Лоскутная техника соединения разрозненных элементов составляет масштабное (историческое, культурологическое, социальное) исследование города, перемежающееся с исповедью героя (практически самого автора). В этом романе-карте также актуализируются значимые для автора темы: ностальгия по прошлому (по счастливому детству и яркой юности), утрата дома, невозможность обретения нового. «Сложно полностью описать город, Сараево, в котором ты жил, по воспоминаниям [...]. Поэтому лучше сдаться и принять то, что как будто из-за какого-то проклятия сны происходят там, где тебе быть нельзя, где ты быть больше не можешь»¹⁵. Можно предположить, что все творчество Ерговича в той или иной степени – попытка сохранить утраченный город, собирая осколки в собственной памяти, заполняя лакуны воспоминаниями других людей или же данными из архивов, музеев, книг. В начале «Плана города» Ергович пишет об этом, вспоминая деда: «Это память. Моему деду было необычайно важно, чтобы у людей была память. Он ничего не имел против тех других, тех, которые забывали или которые откуда-то сюда перебрались, ему просто было важно, чтобы рядом с ним были те, кто помнит [...]. Его жизнь была – память»¹⁶. Для Ерговича важно разделить с кем-то свои воспоминания, найти «братьев по памяти», какими были для его деда таксисты, использующие старые названия улиц. Писатель признает,

13 Один из лозунгов, используемых сербофобами; это цитата из стихотворения словенского политика М. Натлачена, опубликованного в газете «Словенец» вскоре после того, как Австро-Венгрия объявила войну Королевству Сербии. Позже эта строчка стала лозунгом хорватских и боснийских националистов во время Второй мировой войны, а после югославских событий 1990-х гг. встречается в виде граффити в Хорватии.

14 *Jergović M., Basara S. Tušta i tma. S. 475.*

15 *Jergović M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb, 2015. S. 101.*

16 *Ibid. S. 11.*

что воспринимает Сараево по-другому, поскольку больше не живет там, теперь он смотрит на него издалека и думает о нем гораздо больше, чем тогда, когда он там жил. По его мнению, когда речь идет о городах, поговорка «с глаз долой, из сердца вон» неприменима¹⁷.

Что делает Сараево особенным и в чем заключается его особая атмосфера – загадка, которую пытались разгадать многие. Ергович считает, что уникальность города заключается в его изолированности и уединенности: «В отличие от Загреба, который близок к Вене и Западу, и в отличие от Белграда, который считает себя южнославянской столицей и столицей Балкан, Сараево было и остается особенным городом, замкнутым в пределах Боснии, Югославии, Австрии... Венгрии и Османской империи. Город на краю света, спрятавшийся в горах. [...] Сараево было закрытым, что привело к необычному смешению людей и культур. Поскольку это был край света, люди приезжали либо в наказание, либо за приключениями, что и создавало то, что сегодня называют духом города»¹⁸.

В 2022 г. вышел новый сборник рассказов, вновь посвященный осажденному Сараеву, – «Трое на Картал» с подзаголовком «Sarajevski Marlboro remastered». Ергович в нем в очередной раз говорит о двух наиболее важных вещах: времени и месте, в котором живут люди. Возвращаясь к своей навязчивой теме, городу Сараево, образу, который хранится в памяти автора (и уже, увы, не существует в реальности), писатель создает новую книгу об осаде, через опыт пережитого он конструирует «мозаику города» в эпистемологическом смысле, вероятно более достоверном, чем политизированная и идеологизированная память о военных годах Сараева. Ергович в очередной раз восстанавливает для читателя истинную, детализированную картину города в осаде. Поэтика реалистического символизма позволяет писателю, описывая жизнь людей, воссоздавать метафорически и лингвистически почти стертый рассказ об осажденном Сараеве¹⁹. В новом сборнике изображены люди, исчезающие под тяжестью разрушений, рассказы написаны с использованием той же

17 Sarajevo u sećanju i peru Miljenka Jergovića. URL: <https://nlinfo.rs/kultura/a104135-miljenko-jergovic-o-sarajevu-gradu-i-knjizi/> (дата обращения: 10.08.2024).

18 Ibid.

19 Agić J. 'Trojica za Kartal': Jergovićev rekvijem za opkoljeno Sarajevo. URL: <https://balkans.aljazeera.net teme/2022/9/18/trojica-za-kartal-jergovicev-rekvijem-za-opkoljeno-sarajevo> (дата обращения: 10.08.2024).

художественной стратегии, что была выработана автором при написании «Сараевского Мальборо»: это снова сюжеты о простых людях; однако война здесь перестает быть фоном, это книга, в которой смерть появляется практически в каждом рассказе. Если «Мальборо» был сборником, посвященным людям, которые остаются людьми несмотря ни на что, то «Трое» – это сборник, объединенный в единое художественное полотно образом смерти. В некотором смысле смерть – это центральный мотив книги, а Сараево становится ее домом, смерть занимает опустевшие дома, возможно, именно ее след делает утрату дома настолько бесповоротной, и не зря на страницах большинства произведений Ерговича эта утрата близка к потере себя, то есть к смерти собственного я.

В новом сборнике осажденное Сараево описано во всей его очевидной и феноменологической множественности, а форма сборника рассказов позволила Ерговичу еще больше подчеркнуть многомерность темы. Это не монолитное, не единое и линейное повествование, сводимое к одному смыслу, «это живой город, как до сих пор чувствует Ергович, город, где живут тысячи разных людей, город, где происходят сотни совершенно разных, порой трудно понимаемых, захватывающих, противоречивых и трудно себе представимых человеческих трагедий»²⁰. И во второй части «Сараевского Мальборо» Загреб предстает противоположностью осажденного города, это убежище, часть мира, где нет войны, где не поселилась смерть, здесь практически нет эпизодов, посвященных жизни спасшихся в хорватской столице, нет историй неприятия новой жизни. И несмотря на новый подход автора к изображению жизни осажденного города, он снова обращает внимание на попытки беженцев перенести хотя бы незначительную часть прежней жизни, своего прежнего дома, в свой новый дом: героиня рассказа «Вазы» во время землетрясения в Загребе спасает в первую очередь вазы, единственное, что осталось от ее сараевской жизни.

В творчестве Ерговича Сараево – символ утраченного дома, вместе с тем и часть идентичности, тогда как Загреб, несмотря на то, что дарит убежище беженцам, чаще предстает враждебно настроенной территорией, иной, чуждой, не готовой дать место особому сараевскому духу, который, однако, по мнению автора, невозможно восстановить и в современном послевоенном Сараеве. В рамках данной статьи были использованы в основном произведения, повествующие о современности, однако противопоставление Сараева и Загреба

20 Ibid.

присутствует практически во всех произведениях Миленко Ерговича. Это противопоставление несомненно отражает биографии многих боснийских беженцев, одним из которых является и сам автор.

Источники и литература

- Ергович М.* Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.
- Ергович М.* Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 90–100.
- Ергович М.* Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. С. 251–258.
- Ергович М.* Руфь Таннембаум. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. 445 с.
- Ергович М.* «Отец», главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. С. 151–164.
- Ергович М.* Gloria in Excelsis. М.: Центр книги Рудомино, 2018. 544 с. (Серия «100 славянских романов»).
- Шатько Е. В.* Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина» // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018 (серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). С. 212–228. DOI: 10.31168/0411-4.4.3.
- Шатько Е. В.* Топос Сараева в «осажденной» литературе: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 198–228. DOI: 10.31168/7576-0481-7.11.
- Шатько Е. В.* Топос Сараево в прозе хорватского писателя М. Ерговича (на материале сборника рассказов «Сараевское Мальборо») // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 3–4. С. 116–129. DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4.8.
- Agić J.* ‘Trojica za Kartal’: Jergovićev rekvijem za opkoljeno Sarajevo. URL: <https://balkans.aljazeera.net teme/2022/9/18/trojica-za-kartal-jergovicev-rekvijem-za-opkoljeno-sarajevo> (дата обращения: 10.08.2024).
- Alejbegović B.* Literarni spomenik rodnome gradu // Nova Istra. 2016. Br. 3–4. S. 325–329.
- Jergović M.* Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015. 474 s.
- Jergović M.* Sarajevski Marlboro. Podgorica: Nova knjiga, 2016. 144 s.
- Jergović M., Basara S.* Tušta i tma. Beograd: Laguna, 2014. 488 s.
- Jergović M., Mehmedinović S.* Transatlantic Mail. Zagreb: v.b.z., 2009. 337 s.

Sarajevo u sećanju i peru Miljenka Jergovića. URL: <https://n1info.rs/kultura/a104135-miljenko-jergovic-o-sarajevu-gradu-i-knjizi/> (дата обращения: 10.08.2024).

References

Agić, J. *'Trojica za Kartal': Jergovićev rekvijem za opkoljeno Sarajevo*. URL: <https://balkans.aljazeera.net teme/2022/9/18/trojica-za-kartal-jergovicev-rekvijem-za-opkoljeno-sarajevo> (accessed: 10.08.2024).

Alejbegović, B. "Literarni spomenik rodnome gradu." *Nova Istra*, 2016, No 3–4, pp. 325–329.

Ergovich, M. *Gloria in Excelsis*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 2018, 544 p.

Ergovich, M. "Iz knigi «Mama Leone»." *Inostrannaia literatura*, 2010, No 7, pp. 90–100.

Ergovich, M. "«Otets», glavy iz knigi." *Inostrannaia literatura*, 2011, No 6, pp. 151–164.

Ergovich, M. "Rasskazy." *Inostrannaia literatura*, 2006, No 10, pp. 251–258.

Ergovich, M. *Ruf' Tannemaum*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2022, 445 p.

Ergovich, M. "Vilimovski." *Inostrannaia literatura*, 2019, No 10, pp. 6–103.

Jergović, M. *Sarajevo. Plan grada*. Zagreb: Fraktura, 2015, 474 p.

Jergović, M. *Sarajevski Marlboro*. Podgorica: Nova knjiga, 2016, 144 p.

Jergović, M., Basara S. *Tušta i tma*. Beograd: Laguna, 2014, 488 p.

Jergović, M., Mehmedinović S. *Transatlantic Mail*. Zagreb: v.b.z., 2009, 337 p.

Sarajevo u sećanju i peru Miljenka Jergovića. URL: <https://n1info.rs/kultura/a104135-miljenko-jergovic-o-sarajevu-gradu-i-knjizi/> (accessed: 10.08.2024).

Shatko, E. V. "Topos Saraeva v «osazhdennoi» literature: Dzh. Karakhasan, M. Ergovich, K. Zaimovich." *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 198–228. DOI: 10.31168/7576-0481-7.11.

Shatko, E. V. "Topos Saraevo v proze khorvatskogo pisatelja M. Ergovicha (na materiale sbornika rasskazov «Saraevskoe mal'boro»)." *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2019, Vol. 14, No 3–4, pp. 116–129. DOI: 10.31168/2412-6446.2019.14.3-4.8

Shatko, E. V. "Vzgliad na epokhu: dialog M. Ergovicha i S. Basary v knige «Vsiakaia vsiachina»." *Vektor non-fiction v sovremennykh literaturakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 212–228. DOI: 10.31168/0411-4.4.3.

Sarajevo vs Zagreb in the Prose of M. Jergović

Evgeniia V. Shatko

Candidate of Letters, research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Shatko E. V. Sarajevo vs Zagreb in the Prose of M. Jergović // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 284–294 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.15

Received: 03.09.2024.

Revised: 17.09.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article analyzes and compares the images of two significant toposes of Jergović's work, Sarajevo and Zagreb, based on such works as "Sarajevo Marlborough", "Transatlantic Mail", "Tušta i tma", "Sarajevo. Plan grada", "Troje na Kartal" and others. In the Jergović's work, Sarajevo is a symbol of a lost home, and at the same time a part of his own identity, while Zagreb often appears as a hostile territory, different, alien, not ready to give place to a special Sarajevo spirit, which, however, in the author's opinion, cannot be restored in modern post-war Sarajevo. The exceptional atmosphere of Sarajevo, according to Jergović, lies in its isolation and solitude. Despite the fact that this article mainly used works about modern times, it is suggested that the opposition of Sarajevo and Zagreb is present in almost all of M. Jergović's works. And if the image of Sarajevo changes, as does the author's artistic method in depicting the besieged city, then the image of the Croatian capital remains unchanged from work to work. This opposition undoubtedly reflects the biographies of many Bosnian refugees, one of whom is the author himself.

Keywords

Topos of Sarajevo, Zagreb, Milenko Jergović, Sarajevo Marlboro, Sarajevo. Plan grada, Tušta i tma.

**«Вечное настоящее». Фотографическое видение
Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг»)**

Адельгейм Ирина Евгеньевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование

Адельгейм И. Е. «Вечное настоящее». Фотографическое видение Анджея Стасюка («На пути в Бабадаг») // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 295–311. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16

Статья поступила в редакцию 30.05.2024.

Рецензирование завершено 04.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье анализируется травелог известного современного писателя Анджея Стасюка. Книга посвящена пространству центрально-европейской провинции, опосредованному эмоциями меланхолии, тревоги, ностальгии, которые терзают повествователя, связанного с описываемой территорией отношениями *свой / свой* (а не *свой / чужой*). Анализируются ключевые для восприятия повествователем периферии Центральной и Юго-Восточной Европы категории распада, заката, безвременья и их место в структуре текста. Определяя используемую Стасюком нарративную стратегию как фотографическое видение, автор статьи исследует ее художественно-психологические причины и задачи. Текст травелога польского писателя призван не столько зафиксировать увиденное, сколько имитировать подкрепленный воображением процесс припоминания, который, в свою очередь, реконструирует процесс видения, а также бесконечно воспроизводит переживания зрителя фотографии. Это оказывается для повествователя единственным способом противостоять мучительной фрагментарности мироощущения. Анализируются место и задачи повторяющихся экфрасисов реальной фотографии А. Кертеца, а также роль фотографического видения в попытке избежать

исторической перспективы и достичь пространственного равновесия в болезненном для польской ментальности семантическом поле Польша / Восточная Европа / Центральная Европа / Европа.

Ключевые слова

Травелог, периферия, Центральная Европа, фотография, фрагментарность, экфрасис, путь, память, воображение.

Книга Анджея Стасюка «На пути в Бабадаг» (2004) относится к жанру путевой прозы, включающей в себя автобиографическое изменение и фиксирующей опыт перемещения в реальном пространстве. Это повествование, в котором оптика реконструкции пути играет роль и структуро-, и смыслообразующую, вариант травелога, понимаемого как «метатекст, в котором параллельно разворачиваются реальное передвижение в пространстве и нарратив об этом передвижении»¹.

Будучи «особым жанровым образованием», травелог соединяет в себе «документальность с вымыслом и другими проявлениями литературности»², что подтверждает определение, обычно используемое в отношении своих текстов самим Стасюком, – вымышленный репортаж. Память и воображение создают на основе многочисленных поездок по Центральной Европе «собственную карту, собственную фантастическую географию»³ писателя.

Эта «авторская»⁴, по выражению Г. Ритца, Европа Стасюка – «Европа забытых периферий»⁵, центральноевропейская провинция, территории «постиндустриального “бардака”, пустыня, которую оставил после себя реальный социализм»⁶. Начиная с заглавного

1 Пономарев Е. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 23.05.2024).

2 Там же.

3 Стасюк А. На пути в Бабадаг / пер. И. Адельгейм. М., 2009. С. 15.

4 Ritz G. Kresy polskie w perspektywie postkolonialnej // Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku / red. H. Gosk, B. Karwowska. Warszawa, 2008. S. 130.

5 Milllati P. Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka // Nieobecność... S. 176.

6 Czaplinski P. Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków, 2016. S. 257.

Бабадага, повествование наполнено прежде всего малоизвестными, «не затертыми литературой и массовым употреблением»⁷ топонимами и их мелодикой: «Цара Секуилор, Секейфёльд, Секлерланд», «...где-то там, за Кечкеметом, в Кишкуне», «До Уйсаса четырнадцать километров, и четырнадцать до Уйсильваш, десять до Тортель и Кёрёштетелен и семнадцать до Тосег»⁸. Пространство периферии представляется сутью Центральной Европы и – шире – мироздания: из мест, «про которые никто ничего не знает [...] и состоит мир»⁹.

Важно, что для Стасюка это не путешествие по территории Другого, актуализирующее оппозицию *свой / чужой*: «На пограничном переходе в Конечной горел красный свет. [...] У меня не было ощущения, что я откуда-то возвращаюсь»¹⁰. В чуть более раннем «Судовом журнале», начинающемся с символического очерчивания при помощи циркуля «*своей* [курсив мой. – И. А.] Центральной Европы»¹¹, писатель, по его собственным словам, «пытался найти определение *своего* [курсив мой. – И. А.] пространства»¹². В «На пути в Бабадаг» это пространство Центральной и Юго-Восточной Европы ощущается и декларируется как свое вдвойне – и по факту принадлежности Стасюка к сообществу центральноевропейцев, и потому, что – подобно тому, как это происходит с фотографиями согласно описанному Р. Бартом механизму¹³ – оно особым образом отзывается в авторе-повествователе. Отсюда некое смутное, но неизживаемое ощущение ностальгии: «Я бы хотел, чтобы меня похоронили во всех тех местах, где я был и где еще побываю»; «Я могу вспоминать это бесконечно, как вспоминают детство»¹⁴.

7 Cobel-Tokarska M. Bieda Europy Środkowej w narracjach Andrzeja Stasiuka // Kultura i Społeczeństwo. 2012. № 1 (56). S. 55.

8 Стасюк А. На пути... С. 82, 215, 266.

9 Там же. С. 215.

10 Там же. С. 284.

11 Stasiuk A. Dziennik okrętowy // Andruchowicz J., Stasiuk A. Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec, 2000. S. 77.

12 Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski // Tygodnik Powszechny. 2002. № 14. S. 9.

13 «Вдруг [...] какая-то фотография задевает меня [...]: она оживляет меня, я оживляю ее. Именно так мне следует назвать притягательность, которая дает ей существовать – одушевление» (Барт Р. Camera lucida. М., 1997. С. 35).

14 Стасюк А. На пути... С. 11, 249.

На первом плане, в сущности, не столько пространство само по себе, сколько наполненные эмоциями *взаимоотношения* с ним повествователя – «странствующей фигуры»¹⁵. Неслучайно в оригинальном названии книги – «Jadąc do Babadag» – фигурирует деепричастная форма глагола «ехать», акцентирующая процесс *нахождения в пути*. «Путешествие для меня – штука метафизическая, сродни молитве. Необходимость»¹⁶, – признается Стасюк.

Движущей силой и путешествия, и повествования оказываются тревога и одновременно одержимость тем, что ее вызывает. Само слово «страх» используется в книге несколько десятков раз. Им фактически открывается книга, первая глава которой так и озаглавлена – «Этот страх»: «Да, дело только в этом страхе, этих поисках, следах, историях, которыми пытаешься заслонить недосыгаемую линию горизонта»¹⁷.

Это прежде всего страх *разрушения, распада, разложения* – и одновременно апология бытия на грани небытия: «Я вынюхиваю это повсюду. Не стоит обманываться. Ко всему прочему я слеп и глух»¹⁸. Слово «разложение» и его синонимы встречаются в тексте около 20 раз, примерно столь же частотны создающие ощущение «своего» вульгаризмы («бардак» и т. п. с эпитетами «легкий», «карнавалный», «героический», «вечный», «допотопный», «славянский» и пр.), а также слова «грязь», «мусор» (около пятидесяти раз). Стасюк стремится «запечатлеть [...] разложение как таковое»¹⁹. Отсюда отсылающий к античной «генеалогии» Ночи лейтмотив (полу)мрака и частотность слов «ночь», «дождь», «туман», «мрак», «полумрак», «сумрак» и пр. (более 150 раз).

За этой, по словам автора, «извращенной страстью ко всему исчезающему, рассеивающемуся и разрушающемуся»²⁰ стоит парадоксальное ощущение *бесконечности жизни*. Залог ее – аморфность

15 Безруков А. Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 186.

16 Podróże jak modlitwy. URL: <https://www.rp.pl/telewizja/art15173101-podroze-jak-modlitwy> (дата обращения: 23.05.2024).

17 Стасюк А. На пути... С. 11.

18 Там же. С. 253.

19 Koszowy M. W poszukiwaniu rzeczywistości. Mediacyjna rola fotografii we współczesnej prozie polskiej. Kraków, 2013. S. 188.

20 Стасюк А. На пути... С. 98.

центральноевропейского пространства («архаического, бесформенного», «никоим образом не упорядочиваемого» даже названиями) и его времени («неизбывное “некогда”, что заменяет в моих краях настоящее, поскольку “завтра”, в сущности, никогда не наступает...»²¹). В этом пассивно сопротивляющемся переменам «вечном закате» центральной европейской провинции заключена для повествователя иллюзия бессмертия: «Жизнь впитывается в землю, растекается, разбавленная атмосферой, тлеет спокойно и медленно, словно убеждена в собственной бесконечности»; «Появиться на свет в Хуси – все равно что жить в материализовавшейся вечности. [...] Жизнь в Хуси есть бессмертие»; «Я подумал, что мог бы сидеть здесь годами и осваиваться с мыслями о смерти. Каждый день я бы выходил на пристань и дожидался парома. Истертые, разбавленные меры времени то приближали бы его появление, то отдаляли, и, возможно, в конце концов я обрел бы своего рода условное бессмертие. Ведь если с такой легкостью замирала здесь жизнь, то и смерть должна была обрести какой-то неясный призрачный облик»²².

Одержимость повествователя пространством «вечного распада» связана и с опасением, что под натиском глобализации и цивилизации потребления эти территории вечного безвременья все же окажутся утрачены (слово «исчезать» и производные от него встречаются в книге около 100 раз, а «тоска», «отчаяние», «сожаление», «безнадежность» – несколько десятков): «Все это исчезнет, перегорит, будто лампочка, и останется лишь пустая сфера, которую заполняют новые формы, не представляющие для меня ни малейшего интереса, поскольку это будут все более испаскудившиеся версии повседневности, прикидывающейся праздником, и нищеты, вырядившейся роскошью, карнавальный бардак, помоечная мультипликация, пластик...»²³. Это реакция писателя (отраженная также в «Галицийских повестях» и «Дукле»²⁴) на период экономических реформ 1990-х гг. со всеми их издержками: «...поразительное соединение распада и роста. Эти края еще современность не пережили как следует, а тут уже постсовременность, еще коммунизм не закончился – и нате вам, уже посткапитализм»²⁵.

21 Стасюк А. На пути... С. 98, 81.

22 Там же. С. 81, 129, 248, 184.

23 Там же. С. 18.

24 Подробнее см.: *Адельгейм И. Е.* Поэтика промежутка. Молодая польская проза после 1989 года. М., 2005. С. 63–68, 93–108.

25 *Wierzejska J.* Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem // *Nowe Książki*. 2010. № 2.

Еще одной структурообразующей эмоцией оказывается в повествовании тревога, которую вызывает неуловимость и фрагментарность реальности как таковой, а также памяти о ней: «Снова ночь, и все уплывает, исчезает, прикрытое черным небом. Я один и вынужден воскрешать в памяти события, чтобы противостоять страху бесконечности. Душа исчезает в пространстве, словно капля в морской пучине...»; «...*laterna magica* совпадений, случайностей и приключений, слагающихся в повесть, что катится во все стороны и не может иначе, потому что связана с памятью и пространством, а те ведь начинаются произвольно и не имеют конца»²⁶.

Мир начинает существовать – поочередно, в своих фрагментах – только в процессе путешествия, т. е. когда повествователь физически оказывается в той или иной географической точке или когда он извлекает из памяти и описывает соответствующую картинку: «... полагаю, что лишь зримое позволяет познать покой...»²⁷. Текст у Стасюка призван не столько зафиксировать увиденное, сколько имитировать подкрепленный воображением процесс припоминания, который, в свою очередь, реконструирует процесс видения. Память, подобно фотоаппарату, словно бы останавливает движение жизни, чтобы затем бесконечно оживлять сохраненный кадр. Это единственный доступный повествователю способ противостоять поглощению пространства временем: «Теперь мне приходится все это вспоминать, сочинять заново [...]. Быть может, в путешествие отправляются затем, чтобы нести спасение фактам, чтобы поддержать их слабое одноразовое свечение»; «...полагаю, что лишь зримое позволяет познать покой...»²⁸.

Нарративную стратегию Стасюка в этой книге можно определить как фотографическое видение. Фиксируя происходящее, повествователь, подобно фотохудожнику, словно бы изымает его из потока событий. Именно поэтому его терзают эмоции сродни тем, что испытывает пассажир поезда – наблюдатель, глазу которого доступна бесконечная череда мгновенно исчезающих кадров, который, однако, категорически отделен от проносящейся за окном реальности: «Снаружи – другая неподвижность. Неподвижность вещей, возвышающихся гор, простирающихся зеленых пространств, деревень, словно находящихся под арестом, фронтонов зданий,

26 Стасюк А. На пути... С. 11, 212.

27 Там же. С. 11.

28 Там же. С. 50.

черных городских силуэтов в розовых красках вечера, мерцания ночных огней на море – всего того, что предшествует всем нашим историям и остается после них. Поезд являет собой воплощение дюреровской Меланхолии – опыта созерцания мира: быть за пределами этих вещей, которые остаются там, безразличные, абсолютные, которые покидают нас, притом что это их исчезновение ничего для нас не меняет; быть лишенными их, удивляться их эфемерности и их бесстрастной отчужденности. Восхищение, переживаемое через оставленность»²⁹.

Это мучительное чувство заставляет повествователя вновь и вновь отправляться в путь (и в реальности, и в тексте), чтобы убедиться – «оставленный» им мир *продолжает существовать*: «Приходится представлять себе, как мороз завладевает местами, которые я помню весенними и летними. [...] Да, мне недостает воображения, и потому я вынужден [...] собираться в путь, чтобы проверить, как обстоят дела. Всякий раз, когда сменяется время года или погода, я вынужден складывать самое необходимое и отправляться в знакомые уже места, чтобы проверить, существуют ли они по-прежнему. [...] Это и не дает мне уснуть – стремление узнать наконец, какова судьба всех картин, что прошли через мои зрачки и застряли в памяти, что происходит с ними, когда меня там нет, навсегда ли я забрал их с собой, обездвигив в собственной голове, останутся ли они со мной до конца, вне зависимости от смены времен года и погоды»; «...мое сердце замирает, как только что-то исчезает из поля моего зрения [...], и меня всегда терзает мысль: вдруг оно исчезло навсегда и никто больше этого не видел, и теперь мне остается только без конца рассказывать об этом...»³⁰.

Речь идет не только, а может, и не столько о фототекстуальности³¹, но прежде всего о специфике мироощущения автора («Обожаю фотографический взгляд. Приезжаешь, смотришь, подмечаешь всё»³²) и повествователя.

29 *Sereto M. de.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013. С. 212.

30 *Стасюк А.* На пути... С. 154–155, 202.

31 См., например: *Полузктова Т. А.* Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. № 4. С. 100–110.

32 *Podróże jak modlitwy.*

По словам С. Зонтаг, произвольность фотографического свидетельства «указывает на то, что реальность в принципе не поддается классификации», слагаясь «в набор случайных фрагментов...»³³. Мир в книге Стасюка предстает изменчивым калейдоскопом кадров, запечатленных памятью и собственно фотоаппаратом: «Их там около тысячи. Словно обезьянка шарманщика, вытаскиваю наугад первую попавшуюся карточку и смотрю. Обычно я понятия не имею, когда сделан снимок, но всегда знаю где. Выходит, я помню тысячу фрагментов мира. К тому же на фотках практически ничего нет: пасущиеся на помойке лошади, кусок забора и ободранная стена, зеленый холм, деревенская хата, фрагмент горного пейзажа, черный кот и канализационный люк, туман, дерево и разъезженный снег, фасад дома, пустая улица и так далее, полное отсутствие смысла, непрерывности, чистая случайность ничтожных предметов, лишенных значения минут, детская игра и наивная попытка проверить, реально ли “щелчком” затвора обездвижить реальность»³⁴.

Текст, в сущности, уподобляется показу слайдов, подтверждая мысль Барта о том, что фотография – «не что иное, как непрерывный зачин из этих “Посмотри”»³⁵. Повторяются (около пятидесяти раз) формулы «это было» и «однажды»: «Это было Решинари...», «Ах, что это было за пробуждение на улице Жана Барта, 24...», «...это было двумя днями раньше», «Это было, наверное, в Больдогкёваралье...», «Вероятно, это было между Немцовой и Предайной, на шоссе в Баньской, и стояла зима», «Это было на задах улицы Дельты»; «Однажды летом восемьдесят третьего или восемьдесят четвертого я добрался автостопом до...»³⁶. Любая точка «меланхолического королевства»³⁷ Стасюка отсылает к целому и, по сути, воплощает его в себе: «Да, такова моя Венгрия. Я могу взять ее с собой, перенести в любое место, и она нисколько не утратит четкости. Словно негатив или слайд, на который я направляю свет памяти»³⁸. Именно поэтому картинки могут накладываться или подменять друг на друга: «...в сущности, все события могли произойти где-нибудь в другом

33 *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2014. С. 111.

34 *Стасюк А.* На пути... С. 257–258.

35 *Барт Р.* Camera... С. 12.

36 *Стасюк А.* На пути... С. 31, 48, 59, 69, 158, 209, 12.

37 *Snochowska-Gonzalez C.* Od melancholii do rozpacz. O prozie Andrzeja Stasiuka // *Studia Litteraria et Historica.* 2013. № 2. S. 299.

38 *Стасюк А.* На пути... С. 215.

месте...», «...теперь я уже не в состоянии отличить Токай от Хидашнемети, Шарошпатак от Пальхазы», «...может, это было в Кристиане, а может, в Меркуря-Сибилулу», «Может, это было Тэшад, может, Дрэгешть, не помню»³⁹. События «соприкасаются, пронизывают друг друга, освобожденные от причинно-следственной связи, покрывают пространство и время ровным полупрозрачным слоем», а память «воспроизводит их в любом направлении – назад, вперед или параллельно, им все нипочем»⁴⁰.

Пространство фотографии – вырванный из контекста фрагмент реальности, застывший в уже неподвластной изменениям картинке, время здесь «замораживает» вместе с пространством. Перспектива повествования Стасюка – из будущего памяти в прошлое пути, которое он вновь и вновь пытается обратить в настоящее того мгновения, когда был сделан «снимок», бесконечно воспроизводя переживания того, кто рассматривает фотографию: «“Остановленный” момент на фотоснимке длится в нашем восприятии. Его мнимая “остановка” на самом деле означает его безостановочное течение. Это ровное течение все одного и того же содержания, напоминающее гипноз или состояние бессонницы, в котором мысль как будто бесконечно повторяет саму себя. [...] Вырванное из его собственного контекста, мгновение (его содержание) теперь длится в длительности того, кто рассматривает фотографию. Фотография реализует встречу двух длительностей. “Запечатлевая” мгновение, она и нас “запечатлевает” в нем. Так прошлое встречается с настоящим, а настоящее приходит в прошлое благодаря фотографу»⁴¹.

Помимо того, что вслед за Т. А. Полуэктовой можно назвать условным фотоэкфрасисом (т. е. «созданным исключительно авторским воображением»), – описания «мгновенных снимков», запечатленных памятью, Стасюк вводит в текст также несколько протофотоэкфрасисов (т. е. «имеющих реальный фотопрототип в культуре»⁴²). Примечательно, что это описания *одной и той же* фотографии Андре Кертеса, которая, если воспользоваться формулой Р. Барта,

39 Там же. С. 20, 163, 208, 218.

40 Там же. С. 156.

41 Голуб Е. А., Пургин С. П. Фотография как встреча: экзистенциальный аспект анализа // Известия УРФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2016. № 4 (158). С. 163.

42 Полуэктова Т. А. Фототекстуальность... С. 102.

«приключилась»⁴³ в повествователе. Тот же описанный Бартом «аффект, переживаемый зрителем» и являющийся условием «запуска фотографического нарратива»⁴⁴, срабатывает, как уже говорилось, у повествователя при соприкосновении с «его» центральноевропейским пространством в целом⁴⁵. И цель подробных описаний Стасюком одной фотографии Кертеса – вновь и вновь переживать эмпатическое погружение в чужое прошлое, которое посредством центральноевропейского хронотопа *сопряжено с его собственным*: «...шесть лет назад я увидел фотографию, которую Андре Кертес сделал там 19 июня 1921 года и которая никак не дает мне покоя: слепой музыкант, играя на скрипке, переходит песчаную деревенскую дорогу. Его ведет подросток. [...] Вот все это и заставило меня в разгар зимы махнуть в Абонь. [...] Надо было в январе отправиться в Абонь, проехать его, не остановившись, чтобы на следующий день, в нескольких десятках километров оттуда, узнать, что мальчик-проводник – сын музыканта. Эти сведения мне ни к чему. Я могу лишь воображать их жизнь, растягивать тот день за края кадра, наполнять прежнее пространство их непрочным присутствием. Ботинки у отца истрепаны, разношены. На нем темный пиджак, через правое плечо переброшена накидка, напоминающая рваную попону. Сын тоже несет какой-то плед или платок. Они готовы к непогоде и холодам. [...] надо наскрести побольше фактов, чтобы заполнить тот день. 19 июня солнце встает в 3.14, и через час-два над Пуштой повисает зной. Тени нет. Все далеко. Редкие дома прячутся за горизонтом. К ним ведут прямые дороги, похожие на шрамы. [...] Недвижный воздух пахнет навозом. Поднимающийся время от времени восточный ветер доносит болотный аромат Тисы. Над топиями слышны птичьи голоса. Опытное ухо различит даже сухой свист крыльев. Порой

43 *Барт Р. Camera...* С. 35.

44 *Давыдова О. С. Нарратив в фотографии: аффект вне времени // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 3 (32). С. 87.*

45 Интересно, что эта фотография описывается и в «*Camera lucida*» самого Барта: «У Кёртеша есть фотография 1921 года, где представлен слепой скрипач-цыган, которого ведет за руку мальчик; я же “умственным взором”, заставляющим что-то добавить к этому снимку, вижу глинобитную дорогу; фактура этой дороги вселяет в меня уверенность, что она проходит по Центральной Европе [...] всем своим телом я опознаю местечки, мимо которых проходил во время прежних путешествий по Венгрии и Румынии» (*Барт Р. Camera...* С. 70, 73).

путников обгоняет тяжелая упряжка седых большерогих волов или брэнчащая бричка. Тогда до них доносится запах табака, сырой кожи и конского пота. Шум повозок затихает, словно они скрылись за горизонтом. Остается поднятая ими пыль. Такова моя Венгрия, и ничего тут не попишешь. Я знаю, что это было давно и на самом деле могло не случиться вовсе», «Слепой скрипач Кертеса, двумя годами моложе, наверняка их слышит. По вечерам они, должно быть, останавливаются на постой в какой-нибудь деревне и жгут костры под открытым небом...»⁴⁶.

Парадоксальность фотоснимка – в том, что он «одновременно достоверно копирует действительность и содержит нечто большее»⁴⁷, присутствующее в кадре «наводит на мысль»⁴⁸ об отсутствующем. По утверждению Стасюка, фотографии Кертеса он обязан и своими путешествиями, и – возможно – своим писательством: «Не исключено, что писать я начал из-за этой фотографии. [...] Уже четыре года преследует меня эта фотография. Повсюду я ищу ее трехмерную и цветную версию, и часто мне кажется, что наконец нашел»⁴⁹. Так же, как повествователь оживляет и «расширяет» кадры собственных воспоминаний и собственные фотографии («Затем я и держу весь этот хлам, ворох фоток 9×13, чтобы представлять, что происходит за их пределами, представлять то, что они скрывают от взгляда и памяти»⁵⁰), он раз за разом словно бы пытается оживить фотографию Кертеса, вернуть застывшему кадру прошлое, настоящее и будущее, мучительно ощущая «динамическое присутствие слепого поля»⁵¹ – предугадываемый, воображаемый живой, движущийся контекст неподвижного изображения: «Повсюду на прозрачный экран пространства накладывался Андре Кертес 1921 года, словно именно тогда время остановилось и настоящее оборачивалось ошибкой, насмешкой или предательством, словно мое присутствие в этих местах было анахронизмом и хулиганством, ведь я прибыл

46 Стасюк А. На пути... С. 213, 266.

47 Сидорова О. Г., Полуэктова Т. А. Экфрасис и его функционирование в поэтике романа Пенелопы Лайвли «Фотография» // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (193). С. 127.

48 Бердджер Дж. Фотография и ее предназначение: эссе. М., 2014. С. 22.

49 Стасюк А. На пути... С. 188.

50 Там же. С. 258.

51 Барт Р. Camera... С. 87.

из будущего, отнюдь не сделавшего меня мудрее, а только окончательно ужаснувшего. Пространство этой фотографии гипнотизирует меня, и цель всех моих путешествий – отыскать наконец скрытый вход в него»⁵².

В «Судовом журнале» Стасюк заявлял: «Я всегда был одержим географией и никогда – историей, чья полумертвая, начинающая разлагаться туша так долго питала жителей наших краев. География же оказалась дана нам будто откровение, и это одна из немногих вещей, которые нам удалось не запороть»⁵³. Фотографическое видение, обеспечивающее словно бы *скольжение по поверхности* реальности («Фотографирование, по существу, – акт невмешательства»⁵⁴), как раз и дает возможность, сосредоточившись на движении «по горизонтали», избежать исторической перспективы: «...пространство – это вечное настоящее»⁵⁵. В интервью Стасюк признается: «Эта моя одержимость – попытка оспорить историчность Центральной Европы. Я размышляю, можно ли путешествовать по ней, не спотыкаясь то и дело об историю и ее – как правило проклятые – смыслы. [...] Книга, над которой я сейчас работаю [«На пути в Бабадаг». – И. А.], – запись попытки такого путешествия»⁵⁶. По сути, это попытка достичь пространственного равновесия (или его иллюзии) в болезненном семантическом поле *Польша / Восточная Европа / Центральная Европа / Европа*.

Меланхолическое путешествие Анджея Стасюка включает в себе неподвижность при непрерывном движении, размытость при обилии деталей, незаконченность при наличии момента возвращения и вынесенного в заглавие пункта назначения, который существует в тексте словно бы потенциально, оборачиваясь не целью, а метафорой человеческого пути: «Бабадаг: два раза в жизни, два раза по десять минут. Из таких фрагментов состоит мир, из осколков горячего сна, из миражей...»⁵⁷. Несмотря на то, что каждая фотография, «навечно» запечатлевая настоящее и превращая его тем самым в вечно напоминающее о течении времени прошлое, является по своей сути «рассказом о смерти – о смерти реальности как таковой»⁵⁸,

52 Стасюк А. На пути... С. 188.

53 Stasiuk A. Dziennik... S. 120.

54 Сонтаг С. О фотографии. С. 23.

55 Стасюк А. На пути... С. 154.

56 Patroszenie... S. 9.

57 Стасюк А. На пути... С. 242–243.

58 Давыдова О. С. Нарратив... С. 87.

Стасюку удается в конечном счете совершить обратное: повествователь удерживается в этом вечном мгновении, словно бы сам перевоплощаясь в фотообъектив. Фотографическое видение, обеспечивающее «вечное настоящее», оказывается и целью, и инструментом, и препятствием, и высшим наслаждением, и, наконец, проклятием, заставляющим писателя вновь и вновь отправляться в путь – наяву и в повествовании.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Поэтика промежутка. Молодая польская проза после 1989 года. М.: Индрик, 2005. 544 с. DOI: 10.31168/91674-501-6.

Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997. 87 с.

Безруков А. Н. Феноменология путешествия в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Коллективная монография. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2016. С. 183–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44.

Бердджер Дж. Фотография и ее предназначение: эссе. М.: Ad Marginem, 2014. 240 с.

Голуб Е. А., Пургин С. П. Фотография как встреча: экзистенциальный аспект анализа // Известия УРФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2016. №4 (158). С. 158–165.

Давыдова О. С. Нарратив в фотографии: аффект вне времени // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 3 (32). С. 86–88.

Полужктова Т. А. Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. № 4. С. 100–110. DOI:10.17072/2073-6681-2021-4-100-110.

Пономарев Е. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 23.05.2024).

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013. 330 с.

Сидорова О. Г., Полужктова Т. А. Экфрасис и его функционирование в поэтике романа Пенелопы Лайвли «Фотография» // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 4 (193) С. 121–135. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.4.071.

Сонтаг С. О фотографии. М.: Ad Marginem, 2014. 272 с.

Стасюк А. На пути в Бабадаг / пер. И. Адельгейм. М.: НЛЮ, 2009. 288 с.
Cobel-Tokarska M. Bieda Europy Środkowej w narracjach Andrzeja Stasiuka // *Kultura i Społeczeństwo*. 2012. № 1 (56). S. 51–80. DOI: 10.2478/v10276-012-0003-7.

Czapliński P. Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 s.

Koszowy M. W poszukiwaniu rzeczywistości. Mediacyjna rola fotografii we współczesnej prozie polskiej. Kraków: Universitas, 2013. 320 s.

Milllati P. Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka // *Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku* / red. H. Gosk, B. Karwowska. Warszawa: Elipsa, 2008. S. 51–80.

Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski // *Tygodnik Powszechny*. 2002. № 14. S. 9.

Podróże jak modlitwy. URL: <https://www.rp.pl/telewizja/art15173101-podroze-jak-modlitwy> (дата обращения: 23.05.2024).

Ritz G. Kresy polskie w perspektywie postkolonialnej // *Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku* / red. H. Gosk, B. Karwowska. Warszawa: Elipsa, 2008. S. 91–111.

Snochowska-Gonzalez C. Od melancholii do rozpacz. O prozie Andrzeja Stasiuka // *Studia Litteraria et Historica*. 2013. № 2. S. 298–330. DOI: 10.11649/slh.2013.013.

Stasiuk A. Dziennik okrętowy // Andruchowicz J., Stasiuk A. *Moja Europa*. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową. Wołowiec: Czarne, 2000. S. 75–140.

Wierzejska J. Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem // *Nowe Książki*. 2010. № 2. S. 137.

References

Adel'geym, I. E. *Poetika promezhutka. Molodaia pol'skaia proza posle 1989 goda*. Moscow: Indrik, 2005, 544 p. DOI: 10.31168/91674-501-6.

Barthes, R. *Camera lucida*. Moscow: Ad Marginem, 1997, 87 p.

Berger, J. *Fotografiia i eio prednaznachenie: esse*. Moscow: Ad Marginem, 2014, 240 p.

Bezrukov, A. N. "Fenomenologiiia puteshestviia v «Zimnikh zametkakh o letnikh vpechatleniiakh» F. M. Dostoevskogo." *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, topozy, zhanry i narrativy*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2016, pp. 183–199. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44.

Certo, M. de. *Izobretenije povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013, 330 p.

Cobel-Tokarska, M. "Bieda Europy Środkowej w narracjach Andrzeja Stasiuka." *Kultura i Społeczeństwo*, 2012, No 1 (56), pp. 51–80. DOI: 10.2478/v10276-012-0003-7.

Czapliński, P. *Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016, 420 p.

Davydova, O. S. "Narrativ v fotografii: affekt vne vremeni." *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2014, No 3 (32), pp. 86–88.

Golub, E. A., Purgin, S. P. Fotografia jak vstrecha: ekzistentsial'nyi aspekt analiza. *Izvestiia UrFU. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, 2016, No 4 (158), pp. 158–165.

Koszowy, M. *W poszukiwaniu rzeczywistości. Mediacyjna rola fotografii w współczesnej prozie polskiej*. Kraków: Universitas, 2013, 320 p.

Milllati, P. "Inna Europa. Nowa mitologia Europy Środkowej w prozie Andrzeja Stasiuka." *Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku*. Warszawa: Elipsa, 2008, pp. 51–80.

"Patroszenie świata. Z Andrzejem Stasiukiem rozmawiają Katarzyna Janowska i Piotr Mucharski." *Tygodnik Powszechny*, 2002, No 14, p. 9.

Podróże jak modlitwy. URL: <https://www.rp.pl/telewizja/art15173101-podroze-jak-modlitwy> (accessed: 23.05.2024).

Poluektova, T. A. "Fototekstual'nost' kak kategoriia poetiki angliiskogo romana: zhanrovaia reprezentativnost'." *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 2021, No 4, pp. 100–110. DOI:10.17072/2073-6681-2021-4-100-110.

Ponomarev, E. *Travelog vs. putevoi ocherk: postkolonializm rossiiskogo izvoda* URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (accessed: 23.05.2024).

Ritz, G. "Kresy polskie w perspektywie postkolonialnej." *Nieobecność: pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku*. Warszawa: Elipsa, 2008, pp. 91–111.

Sidorova, O. G., Poluektova, T. A. "Ekfrasis i ego funktsionirovanie v poetike romana Penelopy Lavli «Fotografia»." *Izvestiia UrFU. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2019, No 4 (193), pp. 121–135. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.4.071.

Snochowska-Gonzalez, C. "Od melancholii do rozpacz. O prozie Andrzeja Stasiuka." *Studia Litteraria et Historica*, 2013, No 2, pp. 298–330. DOI: 10.11649/slh.2013.013.

Sontag, S. *O fotografii*. Moscow: Ad Marginem, 2014, 272 p.

Stasiuk, A. "Dziennik okrętowy." Andruchowicz, J., Stasiuk, A. *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Wołowiec: Czarne, 2000, pp. 75–140.

Stasiuk, A. *Na puti v Babadag*, transl. by I. Adel'geim. Moscow: NLO, 2009, 288 p.

Wierzejska, J. "Przygody pisarza to tylko część wielkiej podróży. Rozmowa z Andrzejem Stasiukiem." *Nowe Księżki*, 2010, No 2, p. 137.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16

I. Ye. Adel'geym

**"Eternal Present". Photographic Vision of Andrzej Stasiuk
("On the Way to Babadag")**

Irina Ye. Adel'geym

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation

Adel'geym I. Ye. "Eternal Present". Photographic Vision of Andrzej Stasiuk ("On the Way to Babadag") // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 295–311 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.16

Received: 30.05.2024.

Revised: 04.06.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article analyses a travelogue by a well-known contemporary writer Andrzej Stasiuk. The book is devoted to the space of the Central European province, mediated by the emotions of melancholy, anxiety, nostalgia, which torment the narrator, who is connected with the described territory by the relationship of *own / own* (rather than *own / alien*). The key categories of decay, falling apart, and timelessness for the narrator's perception of the periphery of Central and South-Eastern Europe and their place in the structure of the text are analysed. Defining the narrative strategy used by Stasiuk as photographic vision, the author explores its artistic and psychological reasons and tasks. The text is designed not so much to record what has been seen, as to imitate the imaginative process of recollection, which, in turn, reconstructs the process of seeing and endlessly reproduces the experiences of the viewer

of the photograph. This proves to be the only way for the narrator to counteract the agonizing fragmentation of the worldview. The place and tasks of A. Kertész's repetitive ekphrasis of real photography are analysed, as well as the role of photographic vision in the attempt to avoid historical perspective and to achieve spatial balance in the semantic field of Poland / Eastern Europe / Central Europe / Europe, which is painful for the Polish mentality.

Keywords

Travelogue, periphery, Central Europe, photography, fragmentation, ekphrasis, path, memory, imagination.

УДК 94(437)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

Н. Н. Наумов

«Страх Божий» в позднесредневековой Чехии

Наумов Николай Николаевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россий-
ская Федерация

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Цитирование

Наумов Н. Н. «Страх Божий» в позднесредневековой Чехии // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 312–333. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

Статья поступила в редакцию 10.11.2023.

Рецензирование завершено 26.11.2023.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В фокусе статьи находится семантика старочешских терминов, применявшихся в Чехии XIV – первой трети XV в. для выражения чувства страха перед Богом. В первой части работы рассмотрены смысловые латинско-чешские пары из словаря Бартоломея из Хлумца (Кларета) XIV в.: было установлено, что понятие «боязни» (ст.-чеш. *bázně*) толкуется как антоним любви (ст.-чеш. *milost*), при том что Кларет явно чувствует семантико-этимологическое родство между понятиями «страха» (ст.-чеш. *strach*) и «страсти» (ст.-чеш. *strast*). Во второй части предпринято сравнение узуса Кларета с практикой перевода Вульгаты на старочешский язык: установлено, что изначальные термины («робость», лат. *timor*; «страх», лат. *pavor*; «ужас», лат. *terror*) переводчики произвольно передавали словом «страх» там, где подразумевались чувства верующих, в то время как термины «боязнь» и «ужас» (ст.-чеш. *hróza*) как правило выражали чувства неверующих, запуганных Богом. В третьей части рассмотрен язык двух священников рубежа XIV–XV вв. (Томаша Штитного и Яна Гуса), а также гуситов 1420-х гг.: установлено, что страх верующего они выражали термином «боязнь Божья» (ст.-чеш. *bázně boží*), термин же «страх» означал либо чувство

нехристиан и лжехристиан, запуганных Богом, либо же – то психологическое препятствие, с которым каждый праведник призван стойко бороться. Тем самым имеет место прямое противоречие между практикой перевода Вульгаты и живым языком позднесредневековых чехов.

Ключевые слова

Чешское королевство, XIV–XV вв., старочешский язык, Вульгата и Старочешская Библия, Томаш Штитный, Ян Гус, гуситы.

Историк и священник Георгий Чистяков высказал интересное замечание: «На вопрос, что такое страх Божий, исчерпывающий ответ дает Библия на латинском языке – Вульгата. За тысячу лет истории в языке Горация, Тибулла, Овидия и других величайших поэтов человечества накопился огромный словарный запас, латинские слова передают тончайшие оттенки смысла там, где почти всякий другой язык будет бессилён. Одно греческое слово φόβος (страх) – по-латыни это и *rauo*, и *metus*, и *terror*, но есть еще слово *timor*, и именно этим последним переводится слово φόβος, когда речь идет о страхе Божьем. *Timor* (отсюда французское *timide*) – это радостное робение или же страх причинить боль, обидеть, страх потерять»¹. Иначе обстоит дело в церковнославянском языке: слишком общий, неконкретизированный смысл существительного «страх» является причиной того, что зачастую «страх Божий» воспринимается восточными христианами в качестве «опасения» (лат. *metus*) или «ужаса» (лат. *terror*) перед силой, которая способна покарать человека за грех, – такой подход Г. П. Чистяков считает средневековым заблуждением. Старочешский язык XIII–XV вв. в этой связи представляет собой уникальный феномен, позволяющий осознать значение исторического выбора центрально- и восточноевропейских народов между западным и восточным христианством: с одной стороны, в его лексике имеется тот же самый термин «страх», которым в изводах церковнославянского языка именуется рассматриваемое чувство, с другой – старочешские переводы Библии делались с Вульгаты, а не с греческих текстов: тем самым у чехов был шанс подыскать особый эквивалент для каждого из названных латинских слов, выражающих оттенки страха. В фокусе

¹ Чистяков Г. П. Размышления с Евангелием в руках. М., 2008. С. 36–37.

статьи находятся смыслы, которые вкладывались чехами XIV–XV вв. в словосочетания, означающие «страх Божий».

Перепроверка наблюдений Георгия Чистякова показала, что в Вульгате *timor Dei* – далеко не единственный вид страха перед Богом. «Боязнь перед Господом» (лат. *pavor Domini*) удерживала окрестные народы от нападений на Иудею в правление царя Иосафата (2 Пар., 17:10; 29:20). Антонимом этого чувства является смелость: «Смелость прямодушного – путь Господень, и боязнь (лат. *pavor*) тем, кто совершает зло» (Пч. 10:29)². Еще более жестко говорит пророк Исая, поучая иудеев и израильтян своего времени: «Не говорите “Заговор!”, ведь все, что говорит народ этот, заговором является; робостью его (этого народа. – Н. Н.) не робейте и не пугайтесь. Самого Господа войск почитайте, Он – Боязнь (лат. *pavor*) ваша, Он – Ужас (лат. *terror*) ваш» (Ис. 8:12–13)³. И наконец, апостол Павел призывает евреев служить Богу «с испугом и почтением (лат. *cum metu et reverentia*)» (Евр. 12:28). Поэтому будет правильным заключить: «страх Божий» в Библии – это и *timor*, и *pavor*, и *metus*, и *terror*⁴.

1. *Словарь Кларета*. В середине XIV в. магистр Бартоломей из Хлумца по прозвищу «Кларет» (лат. *Claretus*)⁵ составил рифмованный словарь, в котором для каждого из названных латинских слов был указан его старочешский эквивалент. В разделе «О телесных порывах» в одном ряду со словами «воплъ» (лат. *clamor*, ст.-чеш. *voláníe*), «рвота» (лат. *vomitus*, ст.-чеш. *vrácenie*), «серьезность» (лат. *serium*, ст.-чеш. *jěvo*), «мочеиспускание» (лат. *minctio*, ст.-чеш. *scáníe*) стоит словесная

2 «Fortitudo simplicis via Domini, et pavor his, qui operantur malum».

3 «Non dicatis: Conjuratio; omnia enim quae loquitur populus iste, conjuratio est: et timorem ejus ne timeatis, neque paveatis. Dominum exercituum ipsum sanctificate; ipse pavor vester, et ipse terror vester».

4 При этом в фокусе внимания католических схоластов XII–XIII вв. оказался именно *timor*, подразделяемый на «робость рабскую» (лат. *timor servilis*) и «робость сыновью» (лат. *timor filialis*) и рассматриваемый в качестве дара Божьего. См., в частности, анализ воззрений Фомы Аквинского, предпринятый Д. Чертё: *Cserťõ Gy. De timore Dei iuxta doctrinam scholasticorum a Petro Lombardo usque ad S. Thomam. Disquisitio historico-theologica. Romae, 1940. P. 184–200.*

5 Ср. латинские слова «claratus» (прославленный) и «claretum» (краситель, получаемый из вина и меда): *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь*. М., 2006. С. 149; *Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis s. Benedicti / Digessit G.A.L. Henschel. Parisiis, 1842. T. 2. Col. 377.*

пара timor – bázně: «“Bázně” – “timor”, но “amor” пусть будет “milost”»⁶. В сознании Кларета – чеха XIV в. – чувство боязни-робости противопоставлено чувству любви, при том что их объединяет принадлежность к «телесным порывам» (лат. *motus corporis*), внезапным и нестерпимым – таким, как рвота. В том же самом разделе обнаруживается и словесная пара ravor – strach, при том что его значение угадывается не через антитезу, как выше (timor ≠ amor), но через поочередное именование близких по значению слов: 1) причитание (лат. *lugubra*, ст.-чеш. *nařekáníe*) и поругание (лат. *blasphemia*, ст.-чеш. *poruháníe*); 2) грусть (лат. *tristitia*, ст.-чеш. *smutek*) и скорбь (лат. *maeror*, ст.-чеш. *žalost*); 3) страсть (лат. *erumpna*, ст.-чеш. *strast*) и страх (лат. *pavor*, ст.-чеш. *strach*). Слово «страсть» в его церковнославянском и старочешском смысле означает горе, муку: однокоренными ему являются глагол «страдать» и существительное «страх», значение которого сфокусировано на болезненности переживаемого чувства⁷.

Третье латинское слово – terror, т. е. «ужас» – Кларет отнес в следующий раздел своего словаря («О природе тела», лат. *De corporis natura*): там перечисляются уже более постоянные качества, черты, присущие людям. Перечислены подряд следующие слова: незнание / неспособность (лат. *ignorantia*, ст.-чеш. *neumělost*), сыпь (лат. *lues*, ст.-чеш. *uspnost*), незнание (лат. *ignoratio*, ст.-чеш. *nevěděnie*), ужас (лат. *terror*, ст.-чеш. *lečenie*). Заметно, что первое слово тождественно третьему, а потому и сходство между физическим уродством (сыпью) и словом «ужас» в сознании Кларета не представляется случайным: согласно Электронному словарю старочешского языка, *lečenie* означает как сам ужас, так и то, чем это чувство вызвано.

Четвертое латинское слово (*metus*) Кларет отнес в раздел «О совершенном» (лат. *De factis*), в который попадали отглагольные существительные, выражающие процесс (*-tio, -onis* f 3-го склонения и *-us, -us* m 4-го склонения). Старочешский эквивалент (ст.-чеш. *ústrach*) имеет приставку, выражающую совершенный вид (аналогично – и иные слова этой группы: *accensus* – **přístup**, *recessus* – **odešcie**, *egressus* – **vychod**, *aggressus* – **nachod**). Тем самым в восприятии Кларета речь идет об однократном, сильном испуге – в противоположность термину «strach», который акцентирует сам процесс ощущения страха.

6 «Baznye timor, sed amor mylost sit». Klaret a jeho družina / vyd. V. Flajšhans. Praha, 1926. Sv. 1. S. 156.

7 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3. С. 771–772.

Обратимся к старочешским переводам Вульгаты XIV – начала XV века, чтобы установить: 1) действительно ли при переводе применялись именно такие старочешские эквиваленты латинских терминов тогда, когда речь шла о «страхе Божьем»; 2) различимы ли какие-либо закономерности в том, как эти слова применялись переводчиками; 3) соотносятся ли их узус с тем, с каким смыслом эти термины применяли их современники конца XIV – первой трети XV в. Исследование опирается на Дрезденскую рукопись XIV в., а также Литомержицко-Тршебоньскую и Оломоуцкую Библии начала XV в.; эпизодически привлекались также Босковицкая Библия и Микуловская рукопись XV в.⁸

II. Старочешские переводы Вульгаты. Переводчики XIV в. большей частью переводят *timor* термином «strach». При этом следует отметить следующую тенденцию: под «страхом Божиим» в переводах всегда понимается чувство верующего. «Почему вы не ходите **в страхе нашего Бога?**» – порицает евреев пророк Неемия за их богоотступничество⁹. Уверовавший во Христа центурион Корнилий увидел ангела «и сказал, **охваченный великим страхом:** “что Ты хочешь, Господи?”»¹⁰. С другой стороны, в тех местах Вульгаты, где святой Иероним выразил термином «*timor*» страх неверующих перед Богом и Его воинственным народом, старочешские переводчики передают это латинское слово иначе. В Дрезденской и в Литомержицко-Тршебоньской рукописи так говорится о поражении сыновей первосвященника в борьбе со злым духом, в которой Бог не оказал тем никакой помощи: «И это стало известно всем евреям и язычникам, которые находились в Эфесе, и **ужас огромный** упал на всех, и восхвалили Господа Иисуса Христа» (Деян. 19:17)¹¹. То же самое слово «ужас» (ст.-чеш. *hróza*) было употреблено этими переводчиками вместо оригинального «*timor*» также и там, где говорится о реакции

⁸ При воспроизведении цитат из источников автор статьи выделил ключевые понятия и выражения полужирным шрифтом.

⁹ «*proč v strachu našeho boha nechodíte*». Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká / vyd. V. Kyas. Praha, 1988. D. 3. S. 714.

¹⁰ «*Na něhožto s velikým strachem on vzežřěv, k němu vece: “Co chceš, hospodine?”*». Ibid. D. 2. S. 275.

¹¹ Текст в обоих рукописях идентичен и отличается только орфографией. Приводится вариант из Литомержицко-Тршебоньской Библии: «*A to sě proneslo všem Židuom i pohanóm, jížto přebýváchu v Efezu. I spadla jest na všecky veliká hróza i pochválíchu hospodína Jezukrista*». Ibid. S. 309.

еще не верящих во Христа иудеев на исцеление расслабленного: «И охватил страх (лат. *stupor* в Вульгате. – *Н. Н.*) всех, и они восславили Бога, **будучи полны ужаса** и говоря: “Чудеса видели мы сегодня”» (Лк. 5:26)¹². Еще одно слово, которое заменяет *timor* в переводах Библии, – это «боязнь» (ст.-чеш. *bázně*). Царь Давид, имя которого по промыслу Бога вселяло страх в сердца всех народов (1-я Пар. 14:17), назван в Оломоуцкой Библии «Израилем, правящим над людьми, будучи законным господином **в боязни Божьей**» (2-я Цар. 23:3): тем самым эта боязнь, насажденная Богом, выступает в качестве аргумента законности гегемонии Давида по отношению к языческим народам, которые были им покорены, – моавитянам, идумеянам, сирийцам-арамеям¹³. Согласно Оломоуцкой Библии 1411 г., стражники, которым было вверено стеречь Гроб Господень, «**из боязни перед ним** (ангелом. – *Н. Н.*) устрашились и сделались словно мертвые» (Мф. 28:4)¹⁴. В Дрезденской Библии середины XIV в. в последнем случае употреблен термин «*strach*», равно как и в Микуловской Библии середины XV в. В то же время как в Оломоуцкой, так и в Босковицкой рукописи начала XV в. в данном контексте говорится о «боязни» (ст.-чеш. *bázně*)¹⁵. Вероятно, сомнения переводчиков были обусловлены вопросом, кем должно считать иудейскую стражу, охранявшую Гроб – правоверными иудеями, знающими Бога Отца и боящимися Его, либо же нехристиами и пособниками тех, кто Христа распял. Страх перед божеством апостол Павел изобразил перед римлянами в качестве архаичного заблуждения, призывая относиться к Богу так, как сын относится к отцу. Неслучайно, что латинский термин «*timor*» в следующих словах из Послания к римлянам создатели Дрезденской и Литомержицко-Тршебоньской рукописи поняли и передали как *bázně*: «Ибо

12 Текст в обоих рукописях идентичен и отличается только орфографией. Приводится вариант из Литомержицко-Тршебоньской Библии: «*I popade strach všecky i veleslaviechu boha, **jsúce plni hrózy** a řkúce, že smy viděli divy dnes*». Ibid. D. 1. S. 213.

13 «*Řekl jest buoh izrahelský, mně jest mluvil silný *Izrahel, jenž panuje nad lidmi, pravý pán u bázni božie**». Ibid. D. 3. S. 496.

14 «**Pro bážen pak jeho** zstrašichu sě stražní a učinichu sě jako mrtví». Ibid. D. 1. S. 133.

15 Ibid. S. 132; Брно. Моравская земская библиотека. Moravská zemská knihovna v Brně. Bible “mikulovská”. Sign. Mk. – 0000.001. Fol. 469v.; Оломоуц. Государственная научная библиотека. Státní vědecká knihovna Olomouc. Bible boskovická. Sign. M III 3. Fol. 437v.

вы не взяли дух служения вновь **в боязни**, но взяли дух избрания сыновей, в котором мы зовем: “Авва, отче!”. Ибо тот дух дает свидетельство нашему духу, что мы – сыны Божьи» (Рим. 8:15)¹⁶. В другом месте того же Послания, где речь идет о христианском страхе перед Богом, термин «timor» передан как *strach*: «нет страха **Божье-го** перед глазами их (иудеев и греков-язычников. – Н. Н.)» (Рим. 3:18)¹⁷. В Первом Соборном послании апостола Иоанна timor прямо противопоставляется любви (лат. *caritas*), что созвучно дихотомии «timor ≠ amor», сформулированной в словаре Кларета. В переводах этого Послания мы вновь наблюдаем ситуацию, когда этот нехристианский, неправильный страх передается термином «боязнь»: «**Боязни** нет в любви, ибо совершенная любовь выталкивает прочь **боязнь**, ибо **боязнь** имеет муку, и кто боится, тот несовершенен в любви» (1-е Иоан. 4:18)¹⁸. Таким образом, можно сделать вывод, что в восприятии чешскими переводчиками XIV в. библейских текстов термин «timor» передавался двояко: через слово «*strach*» в случае, если речь шла о страхе верующего и его верности Богу, либо же через иные слова («боязнь», ст.-чеш. *bázně* / «ужас», ст.-чеш. *hrůza*), если речь шла о чувстве язычника. Применение переводчиками термина «*lečenie*» в контексте ужаса перед Богом не было зафиксировано.

В отраженном виде эта же закономерность наблюдается и в подходе переводчиков к переводу терминов «*ravor*» и «*terror*». О евреях, испугавшихся пламенеющей и дымящейся горы Синай, на которой Бог передал Моисею заповеди, в Вульгате сказано: они были «*ravore concussi*» – «страхом пораженные» (ст.-чеш. *strachem zarazeni*) в интерпретации переводчика, создавшего Оломоуцкую Библию (Исх. 20:18)¹⁹. В Книге Левит (Лев. 26:36) Бог предостерегает Свой избранный народ от боготступничества, грозя: «*dabo ravorem in cordibus eorum in*

16 «Nebo nevzali ste duchu služebnosti opět **v bázni**, ale vzali ste duch vzvolenie synův, v němžto volámy: “Abba, oče”». Nebo on duch svědectvie vydává našemu duchu, že smy synové boží». Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká. D. 2. S. 45. Ср. также слова из 2-го Послания к Тимофею, где timor передан как *bázně* (2-е Тим. 1:7): «не дал нам Бог духа боязни, но духа силы и любви» (ст.-чеш. *nebo nedal nám jest bůh ducha bázni, ale ducha moci a milování a střízvosti*). Ibid. S. 197.

17 «**nenie strachu božieho** před jich očima». Ibid. S. 35.

18 «**Bázeň** nenie v lásce neb svrchovaná láska ven vypúštie **bázeň**. Neb **bázeň** muku má, a ktož sě bojí, nenie svrchovaný v lásce». Ibid. S. 375.

19 Ibid. D. 3. S. 132.

regionibus hostium». Для перевода переводчик снова выбрал именно термин «strach»: «Я дам страх на их сердце в областях врагов»²⁰. Тот огромный страх, который ощущали евреи, когда Бог вывел их из Египта через Красное море, в Вульгате назван *pavor ingens*, в ее старочешских переводах – *strach úřitný* (Втор. 26:8)²¹. В свою очередь, будучи спасены от египтян, Моисей и евреи воспели песнь Богу, в которой содержался вот такой призыв: «Да нападет на них (жителей Ханаана, который евреям было предназначено захватить. – *Н. Н.*) **страх и ужас** в величии руки Твоей». В выделенном сочетании (ст.-чеш. *strach a úžest* / лат. *formido et pavor*) именно слово «ужас» соответствует латинскому термину «*pavor*» (Исх. 15:16)²². Аналогично, термин «*terror Dei*» передан сочетанием «*hróza božie*» там, где говорится о запуганных ханаанцах, не осмелившихся напасть на Иакова, который низложил идолы богов в Вефиле (Быт. 35:5)²³. «**Ужас Мой** (лат. *terrorem meum* / ст.-чеш. *hrózu mí*) пушу бежать перед тобой и убью всякий народ, на который ты нападешь, и спины всех врагов твоих вспяты обращу перед тобой», – сказал Бог Моисею (Исх. 23:27)²⁴. В то же время там, где термин «*terror*» передает чувства верующих, переводчики передают его термином «*strach*». В Оломоуцкой Библии говорится: «Не бойтесь, ибо Бог пришел, чтобы вас испытать, чтобы **страх Его** (ст.-чеш. *strach jeho*, ср. с *terror illius* в Вульгате) был у вас, чтобы вы не грешили», – говорит Моисей евреям (Исх. 20:20)²⁵. Даже ханаанцы, покорно приславшие посольство к предводителю воинственных евреев, Иисусу Навину, согласно Оломоуцкой Библии, испытывают не ужас перед ними, как в Вульгате (лат. *terror vester*), – но страх (лат. *strach váš*) (ИсНав. 2:9; 9:24)²⁶. Очевидно, что переводчики прибегли к подмене понятий Ветхого Завета в соответствии с новозаветным пониманием как «страха Божьего», так и принадлежности к верующим²⁷.

20 «*dám strach na jich srdce u vlastech vrahóv*». Ibid. S. 202.

21 Ibid. S. 304.

22 «*Udeř na ně strach a úžest u velikosti ruky tvé*». Ibid. S. 124–125.

23 Ibid. S. 76.

24 «**Hrózu mí** pustím v příběh tvój a zabiem lid vešken, k němuž vendeš, a všech nepřátel tvých chřeby obráci před tebú». Ibid. S. 137.

25 «*Nerod'te se báti, nebo ať by vás zkusil, přišel jest buoh, aby strach jeho byl u vás, abyšte nehřešili*». Ibid. S. 132.

26 Ibid. S. 323, 334.

27 Тем не менее в Посланиях есть исключения из сформулированной выше закономерности: во Втором Послании к коринфянам и в Послании

III. *Томаш Штитный, Ян Гус и гуситы.* Обратимся к толкованиям «страха Божьего» у двух чешских священников конца XIV – начала XV вв., каждый из которых оставил после себя собрание проповедей и иных дидактических текстов. Удивительно, но в трактате Томаша Штитного из Штитного («Шесть книг об обыкновенных христианских вещах») мы видим такую интерпретацию терминов, которая прямо противоположна узусу переводчиков Библии. «Начало мудрости – **боязнь Божья**», – цитирует он Книгу притч (Прит. 1:7), добавляя: «бойся разгневать Бога, помня, что придется умереть»²⁸.

к эфесянам Павел предписывает «страх Божий» без каких-либо оговорок (2-е Кор. 5:11; 7:1; 7:11; Эф. 5:21): в Вульгате христиане названы «взаимоподчиненными в **страхе** Христовом» (лат. *subjecti invicem in timore Christi*), в Оломоуцкой Библии – «подчиненными воедино через **боязнь** перед Христом» (ст.-чеш. *poddáni vespolek s bázní Kristovú*). Ibid. D. 2. S. 113, 115, 151. Предполагаю, что это обусловлено следующим: создатели старочешских переводов имели основание не считать греческих адресатов Посланий (коринфян, эфесян и иных) настоящими христианами, ведь Греция их времени, с которой латиняне были хорошо знакомы, должна была представляться им зоной обитания восточнохристианских схизматиков – православных византийцев. Искоренение кирилло-мефодиевской традиции в Чешском княжестве, схизма 1054 г. и бескомпромиссное провозглашение католичества единственной допустимой религией в первом из Статутов королевства 1355 г. закрыло чехам XIV в. любые пути для взаимодействия с православным миром. Это же касается и терминологии «страха Божьего» в Послании к евреям: там термин «metus» передан как «bázně», а не как «strach»: «И потому, принимая Вечное царство, да имеем любовь, через которую да служим **с боязнью и почтением**, угождая Богу, ибо Бог наш – это Огонь Пожирающий». Из Оломоуцкой Библии: «А protož my, jízto královstvie nepohnuté přijímamy, mějmy milost, skrzě nižto služimy, líbice sě bohu **s bázní a s poctivostí**, neb böh náš ohen spaljíci jest» (Евр. 12:28). Ibid. S. 219. Думается, что это связано с тем, что с переходом от Ветхого Завета к Новому у читающего принципиально меняется отношение как к иудейской религиозной традиции, так и к тем, кто ей следует, ведь именно они распяли Христа и чинили расправу над первыми христианами. Поэтому термин «страх Божий» создатели переводов задействуют лишь тогда, когда речь идет о вере ветхозаветных иудеев и новозаветных римлян.

28 «počátek múdrosti jest **bázn božie**; boj se Boha rozhněvati, pomně, ež máš umřieti». *Tomáš ze Štítného*. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha, 1852. S. 280.

Термин «strach» Штитный употребляет либо в бытовом контексте (напр., опасение за сохранность имущества), либо же – при описании того тяжелого чувства «страшного страха» (ст.-чеш. *hrozný strach*), с которым пойдут на Страшный суд «бедные евреи, язычники или еретики, но также и злые христиане»²⁹. «Смятутся **страшным страхом** и обомлеют, насколько скоро их избавят от надежды ко спасению», – заявляет Штитный³⁰. Лишь единожды термин «strach» употреблен в значении того «страха Божьего», который должен быть у верующего: «Ибо много есть зла, которое уводит людей от Бога, но само по себе не является смертным злом. Потому было бы хорошо, если бы люди оставили это; ведь будет нехорошо осудить за это на вечное проклятие тех, кто этого не оставит; и довольно, что им будет тяжело гореть в Чистилище за эти никчемности (имеются в виду пристрастия к танцам, «хождению в золоте» и подобным вещам. – *Н. Н.*) – и кто знает, до какого срока и какие мести Божьи будут ожидаться! **И также есть страх**, чтобы люди не вошли в смертный грех через эти никчемности – так, как многие входят, потому хорошо бы было оставить их, прежде чем заслужить пребывание в Вечном Аду»³¹. Тема бытового благочестия мирян – центральная тема трактата Штитного, который старался настроить паству на воздержание от популярных забав и роскошеств своего времени – танцев, рыцарских турниров, одежд, подчеркивающих мужскую торс и женскую грудь, а также прочих «никчемностей» (ст.-чеш. *marnosti*), которые сложно назвать грехом. Не сумев найти в Библии таких установлений, которые однозначно запретили бы эти повседневные развлечения, Штитный в процитированном отрывке приложил максимальные усилия своего красноречия, чтобы доказать их пагубность. Думается, что этим и обусловлен выбор слова «strach»: если мирянин слишком слаб разумом и сердцем, чтобы

29 Ibid. S. 23.

30 «zamútie se **hrozným strachem** a vzdívie se, že tak brzo sú odlúčení naděje k zdraví svému». Ibid. S. 24.

31 «Neb mnohé jest zlé, že zavodí lidi od Boha: a však samo v sobě není zlé smrtelné. Protož ač by dobré bylo, by toho lidé ostali: však není dobré odsúdití je proto k zadržání věčnému, ješto toho neostanú; dosti' hoře ved' budú mieti, pro ty marnosti hořeti v čistci, kto je vie, dokud; neb kteréžkoli pomsty božie čakati na se! **A také, žej' strach**, by těmi marnostmi nezašli v hříech smrtelný, jakož mnozí zacházejí, proňž by teprv zaslúžili býti u věčném pekle, dobroj' ostati těch marností». Ibid. S. 143.

повиноваться Богу как своему отцу, пусть он страшится Божьей мести за свои прегрешения³².

Обращение к идиолекту магистра Пражского университета Яна Гуса показывает: отношение христианина к Богу он последовательно выражает термином «боязнь». Так, в его «Толковании молитвы Господней» мы находим следующее утверждение: «Четвертая добродетель – мужество, которого человек твердо держится во всех первых добродетелях: настолько, что лучше умереть как мужественный рыцарь, чем убежать позорно от добродетели. И от этих добродетелей (осторожность, справедливость, скромность в еде и пище, а также мужество. – Н. Н.) зависят все остальные: в них сын Божий, святой человек, приступая к служению Божьему, должен пребывать (досл. «стоять». – Н. Н.) в **боязни Божьей**, боясь, словно возлюбленный сын, чтобы отца не разгневать»³³. Дериваты термина «strach» у Гуса применяются либо в бытовом смысле (беспокойство мужа, если жена грозит ему), либо же – в таком, который прямо противоположен вышеупомянутой «боязни Божьей», предполагающей мужественное неотступление от христианских добродетелей ни под каким видом: 1) «По примеру тех святых мы, помня о Воскресении, должны **не страшиться смерти**, чтобы мы не отступили от заповеди Божьей, но мы должны смело стоять вплоть до смерти, имея желание покинуть мир так, как моряки – ту лодку, которая тонет; так, как путешественник чужую землю покидает, а гость – дом падающий, а узник – узилище жестокое, ибо мы – на море, в пути через чужую землю, в падающем мире и в плену тела, которое является суровой тюрьмой» («Толкование веры»)³⁴; 2) «И каждый, кто согрешит смертельным грехом, погасит

32 В своих воскресных проповедях Штитный на порядок чаще применяет термин «strach» и его дериваты для описания того чувства, которое по отношению к Богу должен испытывать грешный прихожанин. В т. ч. дважды говорится о «страхе Божьем» / «боязни и страхе Божьем» (ст.-чеш. *strach bozij / z bazzny a z strachu bozzijeho*). *Idem*. *Řeči nedělní a sváteční* / vyd. J. Straka. Praha, 1929. S. 75, 413.

33 «Čtvrtá statečnost, již člověk ve všech prvních ctnostech pevně se drží, že by raději jako statečný rytíř umřel, než by hanebně od ctnosti poběhl. Až na těch ctnostech záleží všechny jiné, a v nichž syn boží, člověk svatý, přistupiv k službě boží, má státi v **bázní boží**, boje se jako milý syn, aby otč nerozhněval». *Jan Hus*. *Sebrané spisy české* / vyd. K. J. Erben. Praha, 1865. D. 1. S. 349.

34 «Těch svatých příkladem my, pamatujíc vzkřesenie, máme se **smrti nestrachovati**, tak abychom od prikázanie božieho ustúpili, ale smele státi do

в себе любовь Божью: он сам – свой убийца. Но вот! Этого убийства люди не замечают, а серьезно относятся и **очень страшатся убийства телесного**, но мало думают о духовном убийстве: потому тех, кто убивает тело, считают весьма дурными и **страшатся их**, тех же, которые убивают душу свою и чужую, любят и их **не страшатся**» («Толкование десяти Божьих заповедей»)³⁵. По сравнению со Штитным, Гус даже в проповедях и письмах никогда не описывает отношение христианина к Богу через понятие «страха». «Тот верный христианин зовет от сердца и **без страха** еще сильнее: “Иисусе, сыне Давидов, смилуйся надо мной!” – ведь нет Писания, по которому кто-то взывал бы так к Нему и не был бы услышан», – проповедовал Гус в воскресенье перед Великим постом³⁶. «Верные вассалы, которые видят Иисуса, **не должны страшиться** ангелов и – через них – пришествия смерти», – уверяет Гус в проповеди на Пасху, ведь «Всемогущий Бог – ужасен для грешников, милостив к справедливым»³⁷. Думается, что к более жесткому обособлению «боязни Божьей» настоящего христианина от страха и ужаса, который испытает перед Богом грешник, Яна Гуса подтолкнуло учение о Церкви предопределенных (лат. *praedestinati*), почерпнутое им у Джона Виклифа и относящее к настоящей Церкви лишь тех духовных лиц и мирян, кто ведет праведную жизнь.

Идентичность чешских утраквистов XV в., за которыми закрепилось название «гуситов», данное Констанцским собором, – это идентичность праведников и Божьих воинов. В их восприятии страха Божьего можно обнаружить как топос страха и ужаса, с которым

smrti, majú žiadost' vyjítí z světa, jako plavci z lodie, jenž tone, a pútník z cizie země, a přebyvač z domu padúcieho, a vezeň z vězenie ukrutného; neb jsme na moři, na páti v zemi cizie, v padúciem světu a u vězení těla, jenž jest těžký žalář». *Jan Hus*. Sebrané spisy české. D. 1. S. 38.

35 «A každý, ktož smrtedlně shřěší, milost' boží v sobě uhasě, jest sám svůj vraždelník. Ale pohřiechu! Té vraždy lidé neznamenají, a vázie těžce a **strachují se velmě zabítie tělesného**, ale málo tbají duchovnieho; protož ty, kteříž se na těle zabíjejí, mají za velmě zlé a **strašie se jimi**, a pak ty, jenž se i jiné na duši mordují, milují, a jich se **nestrachují**». *Ibid.* S. 158.

36 «ten řku křesťan volá z srdce a **bez strachu** ještě více: “Ježíši, synu Davidóv, smiluj se nade mnú!” neb nenie písma, by kdy kto volal tak k němu a nebyl uslyšán». *Ibid.* D. 2. S. 83.

37 «A že věrní, kteříž Ježíše hledají, **nemají se angelóv strachovati** a tak smrti navštievienie»; «všemohúci böh i hrozný jest hřiešným i ochotný spravedlivým». *Ibid.* S. 136–137.

Бога и Его воинов воспринимают Его и их противники – традиционные католики, так и ту «боязнь», с которой к Богу относятся они сами. 5 декабря 1420 г. магистр Кристиан из Прахатиц написал пану Олдржиху из Рожмберка следующее письмо: «Господь Бог Всемогущий даст тебе, который уже достаточно наказан, уразуметь, чтобы ты на деле до конца держался вместе с Его Святой правдой Его Божьего совета, который не обманет тебя, внемля Ему более, чем смертному человеку, **боясь и пугаясь утраты любви и страшной будущей мести**, помня всерьез о твоём обещании и клятве, которую ты дал Ему при крещении, а затем, хорошо обдумав, – и Его правде пообещал, отвергнув всю светскую и человеческую боязнь и приязнь»³⁸. Устрашенный победой пражских гуситов под Вышеградом, оставленный Сигизмундом без поддержки в войне с таборитами, этот традиционный католик и пан-лоялист уже в ноябре-декабре 1420 г. пообещал, что признает Четыре Пражские статьи. Гуситский проповедник счел необходимым посильнее напугать его – самого владетельного пана в Чешском королевстве – в том числе и выделенными словами для того, чтобы тот не раздумал. Пражские статьи гуситы воспринимали в качестве правды Божьей, а не своей собственной, подчеркивая, что сражаются не за себя, но за Бога и Его закон. В этой связи было естественно, что собственные победы они неоднократно приписывали тому страху, который был наслан Богом на врагов. Вот так очевидец-гусит описал самое масштабное сражение Гуситских войн – битву у Домажлиц 1431 г.: «когда мы во вторник (14 августа. – Н. Н.) подготовились очень ранним утром, пошли на них, тогда враги, узнав об этом, были готовы столь же рано и вышли вперед многими сильными отрядами. И те отряды остановились, как только мы приблизились к ним со своим войском на расстояние около мили. И тут Господь Бог наслал на них **такой явный страх**, что утром те направили возы через лес, в то время как отряды обороняли иные возы, отбиваясь от нашего войска. Но когда наши из войска стали на них давить, а все

38 «pán bůh všemohůci dá tobě již pevně potrestkanému porozuměti, aby věrně jeho božské rady, již tebe konečně nezawede, uposlechna, jeho sě wiece než smrtelného člowěka i **milosti ztracenie i pomsty hrozné budúcie boje a lekaje**, a nad to na swój slib a wieru, kterůž jsi jemu na krstu, a potom s dobrým rozmyslem i jeho prawdě slibował, sě wážně rozpomena, wšecku swětskú a lidskú bázeň i přiezeň opowrha, s jeho swatú prawdú skutečně setrwal až do konce». Archiv český, čili staré pisemné památky české a morawské / wydal F. Palacký. Praha, 1844. D. 3. S. 4.

войско наше приближалось к Ризенбурку, следуя за ними, то, увидев это, они стали убегать многими путями вместе с теми отрядами... Король над королями, Господин над господами, оберегая, Своих защищает и спасает, за них сражается и побеждает»³⁹. В свою очередь, если речь идет о праведных людях, тогда тот же самый термин «strach» в гуситской интерпретации обозначает то препятствие, которое грозит сбить праведника с пути и которое он призван мужественно побороть: «“И не обращает внимания на трубный звук” (Иов 39:25). Когда восклицает власть Зверя – светских господ и князей – **устрашшая**, то <святой> не обращает внимания на это и не перестает творить добро. “И когда услышит бой, скажет: Вах!”, т.е. радуется. “Вах” означает радость. Когда им (святым. – *Н. Н.*) говорили: “Вот схватят тебя, вот ты умрешь!”, а он ответил: “Вах!”, т.е.: “Слава Богу, радуюсь в Господе! Вот настанет конец моей печали, предстоит утешение в Господе!”» – учил магистр Якоубек из Стршибра пражских гуситов в 1421 г. на примере Иова Многострадального⁴⁰. Такой же мотив встречается и у Яна Гуса: «Но я уже видел, что простые бедные священники, бедные миряне и мирянки мужественнее сражаются за правду, чем

39 «Když smy w útery welmě ráno hotowi byli, na nětahli, tehdy oni nepřítelé to zwěděwše, ležiece pod Domažlici, tak ráno hotowi byli, w mnohé silné haufy šikowawše se; a ti haufowé stáli sú, až sme se přiblížili k nim swým wojskem od nich snad míli. A tu jest pán buoh na ně poslal **takowý znamenitý strach**, že sú byli wozy ráno přes les pustili, a jiných wozów těch sú húfi hájili, od našeho wojska zdržujícíe. Ale kdy sú naši z wojska po nich tiskli, a wojsko naše wšeccko po nich k Risenburku přibližowalo: toho zazřewše, cestami mnohými s těmi haufy utiekali sú... Král nad králi, pán nad pány, jenž swé zachowáwaje brání, retuje i za ně bojuje a wítězí». Ibid. D. 6. S. 424. О том, что в той же самой битве «Господь Бог дал страх на них (крестоносцев. – *Н. Н.*), в 1474 г. напомнили Владиславу Ягеллонскому послы чешских городов: Ibid. D. 4. S. 480.

40 Комментарий к словам из Книги Иова (39: 24–25) в составе «Толкования на Видение св. Иоанна»: «“Nevází sobě zvuku trauby”. Když křičí moc šelmy, pánuov a kniežat světských, **strašiece**, nedbá na to, nepřestává od skutku dobrého. “A když uslyší boj, die: Vach”, totiž raduje se. Vach vyznamenává potěšenie. Když sú jim řekli: “Již budeš jat, již umřeš” a on odpověděl řka: “Vach”, totiž: “Chvála Bohu, raduji se Pánu! Již konec bude zámутku mého, musím se těšiti v Pánu”». *Jakoubek ze Stršibra*. Výklad na Zjevenie sv. Jana. Praha, 1933. D. 2. S. 229. Важно отметить, что термин «потěšenie», которым Якоубек определил восклицание «Вах!», означает как радость, так и укрепление духа.

доктора Священного Писания, которые **по причине страхов** бегут от правды и уже не смеют говорить. И я сам, к сожалению, таким был, что искренно и открыто правду проповедовать не дерзал»⁴¹.

Не только «страх» нехристиан (или лжехристиан) перед Богом, но и «боязнь Божью» настоящего христианина гуситы толковали в контексте той военной обстановки, которая сложилась в 1420-х гг. В конце своего «Воинского устава» 1423 г. Ян Жижка заявил: «И если мы будем сохранять и воплощать вышенаписанные спасительные статьи (вероятно, подразумеваются Четыре Пражские статьи, изложенные в начале Устава, однако не исключено, что речь идет о всем его тексте. – Н. Н.), то Господь Бог будет с нами, со своей милостью и помощью: ведь мы должны поступать так для боя Божьего, будучи укоренены в добром христианстве, в любви, жить **в боязни Божьей**, постоянно предавать Господу Богу без сомнения все желания, нужды и надежды, ожидая от Него вечной отплаты»⁴². Если у Штитного «боязнь Божья» ведет верующего индивида к усмирению страстей и к покорности, то для Яна Жижки она наряду с любовью (к братьям своим), надеждой (на помощь от Бога) и жаждой «вечной отплаты» (т. е. места в Раю, обретенного через гибель на поле боя) становится тем значимым словом, которое готовит воина к сражению за Бога и Его закон, чтобы он – имея Бога в себе – дрался за Него насмерть, но не бежал. Именно такой настрой дает известный таборитский хорал, обнаруженный в Истебницком канционале, имеющий ритм, но не везде соблюдающий рифму:

Вы – ратники Божьи
и закона Его,
просите у Него подмоги
и верьте в Него,
что всегда с Ним победите в итоге!

41 «Ale již sem shledal, že sprostní kněží chudí a chudí laikové i ženy statečněji pravdy brání než doktorové svatého Písma, jenž **strachy** od pravdy pobíhají a nesmějí již mluvíti. I sám sem ten pohřiechu byl, že sem pravdy upříemo a zjevně kázati nesměl». *Jan Hus. Knížky o svátokupectví*. Praha, 1954. S. 83.

42 «A tak budeme-li zachovávat, činiti a plniti artikule svrchu psané a spásitelné, pán buoh bude s námi a svú milostí a pomocí; neb to přísluší k boji božimu tak činiti, dobře křesťansky, v lásce zřízení, v **bázní boží** živu býti, své žádosti, potřeby i naděje v pánu bohu setrvale bez pochybení položiti, čekající od něho věčné odplaty». *Macek J. Ktož jsú boží bojovníci*. Praha, 1951. S. 153.

Христос – Ваша отплата,
бóльшая во сто крат.
Жизнь, за Него отданна, –
за вечную в уплат.
Счастье каждому, кто в истине погибнет!

**Тот Пан не бояться велит
Вредящих телесам,**
Веля: «Да жизнь положит
в любви за други своя».

Потому, стрелки и копыеносцы
из рыцарей числа,
кто с судлицей и цепоносцы
народа разного –
да помните все Пана Щедрого!

На число не смотрите,
Врагов не страшитесь.
Пана своего в сердце держите,
за Него и с Ним боритесь,
и пред лицом врагов не убегайте!

Давно чехи говорили,
присловие имея:
**возле доброго пана
добрый поход бывает!**⁴³

43 «Ktož jsú boží bojovníci
a zákona jeho,
prostež ot boha pomoci
a úfajte v něho,
že konečně vždycky s ním zvítězíte.

Kristusť vám za škody stojí,
stokrát více slibuje,
pak-li kto proň život složí,
věčný mieti bude;
blaze každému, ktož na pravdě sende.

В этом тексте мы видим, что Господа Бога (ст.-чеш. *pán buoh*) табориты уподобляют военному предводителю, идущему в поход со своими людьми, – знатному пану, досл. «господину». И призывы к бесстрашию по отношению к врагам сопровождаются побуждением к тому, чтобы табориты «держали в сердце» Бога, под чем можно понимать как любовь к Господу, так и страх перед Ним. Думается, что к подобной «милитаризации» понятия «боязни Божьей» гуситов подвигло следующее рассуждение Яна Гуса в его «Толковании десяти Божьих заповедей»: «Касаемо человека Бог имеет стремление: чтобы тот любил боязнь и любовь, а именно – боязнь Пана Бога своего. Ведь Он сказал через Малахию: “Если Я – Пан, то где боязнь Моя (т. е. передо Мной. – Н. Н.)?”. Потому что пан имеет власть для воздаяния. И поскольку Он – Бог, то знает всякое зло: и поскольку Он – твой Пан, то имеет власть везде и всегда над тобой. И поскольку это так, то считай, что и быть не может такого, чтобы Он не совершил отмщение над тобой, если ты согрешишь. И поскольку Он – Пан, ты должен Его бояться. И поскольку Он – Пан Добрый, ты должен Его любить.

**Tent' pán velít' se nebáti
záhubcí tělesných,
velít' i život složiti
pro lásku svých bližních.**

Protož střelci, kopiníci
řádu rytieřského,
sudličníci a cepníci
lidu rozličného,
pomnětež všichni na pána štědrého.

**Nepřátel se nelekajte,
na množství nehled'te,
pána svého v srdci mějte,
s ním a proň bojujte
a před nepřátely neutiekajte.**

Dávno Čechové říkali,
a příslovie měli,
**že podle dobrého pána
dobrá jiezda bývá».**

Ведь истинно Он – Пан Добрый, так как ничего не требует от Своего слуги, а лишь того, что тому полезно: ведь ради величия Своего панства Он не для Своей потребности, но для пользы самого слуги считает его слугой. И поэтому Пан Сей не может приказать бесполезную вещь, поскольку Он Сам – Такой Пан, которому невозможно служить, преступая добродетель. Во-вторых, Он – Пан Добрый, поскольку не может незаконно удерживать мзду, но приходит ко слугам Своим, давая им вещи прежде, чем они сподобились бы заслужить их сами. В-третьих, Он – Пан Добрый, поскольку стоит со Своими слугами против всех врагов, их защищает и направляет, будучи сильным и давая все, что необходимо. В-четвертых, Он – Пан Добрый, поскольку хочет, чтобы Его верный слуга был во веки там, где Он, чтобы тот вечно имел Его совершенное королевство, в котором тот слуга будет иметь все, что захочет. И в-пятых, Он – Пан Добрый, поскольку очень дорожит Своим слугой и никогда не побежит от него. И даже если Он допустит телесные страдания слуги от врагов, то делает так для блага Своего слуги. И в том для Него великое любование, когда слуга твердо стоит за Него в тяжелом бою, поскольку чем более тяжелый бой тот претерпит, тем краше Он будет, так как не утратит часть Своего тела; а потому несчастным был бы тот человек, который не удержался бы возле Этого Пана»⁴⁴.

44 «A hnutí má člověkem, aby tak miloval bázeň a milování: bázeň, že die: pána boha svého. Neb die skrze Malachiáše: Jsem-li já pán, kdež jest bázeň má? Protož že pán má moc mstíti a že jest bůh, zná všechno zlé; a že jest pán tvůj, má moc všudy a vždy nad tebou; a poňavadž tak jest, měžž za to, žeť nemož to býti, byť nepomstil nad tebou, když shřešiš. A tak že jest pán, máš se ho báti, a že jest pán dobrý, máš ho milovati. Jest věrně dobrý pán, neb nic nežádá od sluhy svého, jedné což jemu jest úžitečno; neb pro velikost svého pánství, ne k své potřebě, ale k potřebě svého sluhy, máho za sluhu. A proto že nemož ten pán přikázati neúžitečné věci, protož sám on jest ten pán, jemuž nemožeme slúžiti, prostředek přesáhajíc ctnostný. Druhé, jest pán dobrý, že nemož neřádně meškati, odplatú; ale předcházie sluhy své, dávaje jim věci, a prvé než by mohli hodně sami od sebe zaslúžiti. Třetí, jest dobrý pán, že proti všem nepřátelóm stojí se svými sluhami, a jich brání a zpravuje je, a silní, dávaje všechnu potřebu. Čtvrté, jest dobrý pán, že chce, aby jeho věrný sluha byl tu na věky, kdež on jest, a aby měl jeho království plně věčně, v němž bude mieti, což bude chtieti. A jest, páté, dobrý pán, že velmě sobě váží svého sluhu, a že od něho nikdy nepoběhne. A ač kdy dá trpěti sluzě na těle od nepřátel, to učiní pro lepší svého sluhy; a má v tom velikú libost, když sluha pevně stojí pro něho v těžkém boji, neb čím strpí těžší boj, tiem bude krašší bez stracenie

* * *

Подведем итоги. Было обнаружено противоречие в том, как термины «страх», «боязнь», «ужас» применялись в Чехии XIV – первой трети XV в. при выражении чувств по отношению к Богу. В старочешских переводах Вульгаты XIV – начала XV в. (рукописи Дрезденская, Оломоуцкая и Литомержицко-Тршебоньская) в качестве страха перед Богом описывалось чувство тех, кто в Него верит, – ветхозаветных иудеев и первых римских христиан, в то время как иные термины («боязнь» и «ужас») применялись только там, где речь шла о реакции неверующих по отношению к Нему. В соответствии с этим принципом переводчики при необходимости отходили от изначального латинского текста. С другой стороны, в живом языке людей конца XIV – первой трети XV в. – как священников (Томаша Штитного и Яна Гуса), так и воинов-гуситов – термин «страх» употреблялся либо в бытовом контексте, либо же – для обозначения чувств тех, кто не является настоящим, праведным христианином. В то же время чувство верующего Томаш Штитный, Ян Гус и Ян Жижка передают термином «bázně boží», т. е. боязнь перед Богом: это понятие, как и понятие «правды Божьей», стало центральной категорией мировоззрения гуситов XV в.

Источники и литература

Брно. Моравская земская библиотека. Moravská zemská knihovna v Brně. Bible “mikulovská”. Sign. Mk. – 0000.001.

Оломоуц. Государственная научная библиотека. Státní vědecká knihovna Olomouc. Bible boskovická. Sign. M III 3.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2006. 844 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Азбука, 1996. Т. 3. 831 с.

Чистяков Г. П. Размышления с Евангелием в руках. М.: Новый градЪ, 2008. 268 с.

Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký. Praha: Kronbergr i Říwnáč, 1844–1872. D. 3, 4, 6.

údu; protož biedný by byl člověk, který by sě nepřidržel toho pána». *Jan Hus*. Sebrané spisy české. D. 1. S. 60.

Csertő Gy. *De timore Dei iuxta doctrinam scholasticorum a Petro Lombardo usque ad S. Thomam. Disquisitio historico-theologica*. Romae: Scuola tipografica Missionaria Domenicana, 1940. 269 p.

Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis s. Benedicti / digessit G.A.L. Henschel. Parisiis: Didot fratres, 1842. T. 2. 968 p.

Jakoubek ze Stríbra. Výklad na Zjevení sv. Jana / vyd. F. Šimek. Praha: nákladem Komise pro vydávání pramenů českého hnutí náboženského ve stol. XIV a XV., 1933. D. 2. 685 s.

Jan Hus. Sebrané spisy české / vyd. K. J. Erben. Praha: nákladem B. Tempského, 1865–1866. D. 1, 2.

Jan Hus. Knížky o svátokupectví. Praha: nákladatelství ČAV, 1954. 151 s.
Klaret a jeho družina / vyd. V. Flajšhans. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1926. Sv. 1. 272 s.

Macek J. Ktož jsú boží bojovníci. Praha: Melantrich, 1951. 354 s.

Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká / vyd. V. Kyas. Praha: Academia, 1981–1988. D. 1–3.

Tomáš ze Štítného. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha: tisk K. Jeřáskové, 1852. 354 s.

Tomáš ze Štítného. Řeči nedělní a sváteční / vyd. J. Straka. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1929. 464 s.

References

Archív český, čili staré písemné památky české a morawské; ed. by F. Palacký. Prague: Kronbergr i Říwnáč, 1840–1872. In 6 vols. Vol. 3, 628 p.; vol. 4, 608 p.; vol. 6, 639 p.

Chistiakov, G. P. *Razmyshleniia s Evangeliiem v rukakh*. Moscow: Novyi grad", 2008, 268 p.

Csertő, Gy. *De timore Dei iuxta doctrinam scholasticorum a Petro Lombardo usque ad S. Thomam. Disquisitio historico-theologica*. Rome: Scuola tipografica Missionaria Domenicana, 1940, 269 p.

Dvoretzkii, I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'*. Moscow: Russkii iazyk, 2006, 844 p.

Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. In 4 vols. Vol. 3. St. Petersburg: Azbuka, 1996, 831 p.

Hus, J. *Knížky o svátokupectví*. Prague: ČAV, 1954, 151 p.

Klaret a jeho družina, ed. by V. Flajšhans. Prague: Česká akademie věd a umění, 1926. In 2 vols. Vol. 1, 272 p.

- Macek, J. *Ktož jsú boží bojovníci*. Prague: Melantrich, 1951, 354 p.
- Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká*, ed. by V. Kyas. Prague: Academia, 1981–1988. In 4 vols. Vol. 1, 378 p.; vol. 2, 437 p.; vol. 3, 762 p.
- Štítněho, T. ze. *Řeči nedělní a sváteční*, ed. by J. Straka. Prague: Česká akademie věd a umění, 1929, 464 p.
- Stříbra, J. ze. *Výklad na Zjevení sv. Jana*, ed. by F. Šimek. Praha: Komise pro vydávání pramenů českého hnutí náboženského ve stol. XIV a XV., 1933. In 2 vols. Vol. 2, 685 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

N. N. Naumov

«The Fear of God» in Late Medieval Bohemia

Nikolay N. Naumov
 Candidate of History, research fellow
 Lomonosov Moscow State University
 119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation
 Email: nn-naumov@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-6587-1681

Citation

Naumov N. N. “The Fear of God” in Late Medieval Bohemia // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 312–333. (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

Received: 10.11.2023.

Revised: 26.11.2023.

Accepted: 13.03.2024.

Abstract

The paper deals with the semantics of the Old-Czech terms which were used in Bohemia to define “the fear of God” during the 14th and the first third of the 15th century. The first part of the paper considers the Latin-Czech word pairs written in Klaret’s Dictionary (the 14th century). It has been shown that in the Dictionary the notion of fright (*bázně*) was considered as the opposite of love (*milost*) while Klaret did perceive the semantic-etymological connection between the notions of fear (*strach*) and passion (*strast*). In the second part of the paper a comparison between Klaret’s usage and the Old Czech translation practice of the Vulgate has been undertaken. The comparison makes evident that

the original Latin terms (*timor*, i.e. timidity; *pavor*, i.e. fear; *terror*, i.e. nightmare) were transferred as “*strach*” by the translators on their own sake in case when the Latin terms expressed the feeling of a believer; in turn, the Old Czech terms of fright (*bázně*) and terror (*hróza*) mostly expressed the feelings of the unbelievers who were intimidated by God. The third part of the article deals with the usage of the theologians Thomas of Štítný and John Hus in the end of the 14th and at the threshold of the 15th century, as well as the usage of the Hussites in the 1420-ies. The term “fright of God” (*bázně boží*) was used by them to express the feeling of a believer while the term “fear” (*strach*) signified either the feeling of Non-Christians and false Christians, or the psychological obstacle that every just man is vocated to overcome. Thus, a direct controversion existed between the Old-Czech translation practice of the Vulgate and the living language of the Late Medieval Czech people.

Keywords

Kingdom of Bohemia, the 14th – 15th century, the Old-Czech language, the Vulgate and the Old-Czech Bible, Thomas Štítný, John Hus, Hussites.

Образы крестьянина в польских диалогах эпохи Барской конфедерации и Великого Сейма

Фадеев Иван Валентинович

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: ifadeyev@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-5611-1006

Цитирование

Фадеев И. В. Образы крестьянина в польских диалогах эпохи Барской конфедерации и Великого Сейма // *Славянский альманах*. 2024. № 3–4. С. 334–351. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.18

Статья поступила в редакцию 06.04.2024.

Рецензирование завершено 11.09.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу жанра диалога в польской литературе последней трети XVIII в. Автор сравнивает произведения, созданные в эпоху Барской конфедерации (1768–1772) и Великого Сейма (1788–1792), особое внимание уделяя анализу роли и значения персонажей-крестьян. Диалоги эпохи Барской конфедерации более соответствуют устоявшимся в XVI–XVII вв. традициям этого жанра. На их страницах крестьяне закономерно встречаются редко и значительно уступают по популярности другим персонажам: шляхтичам, священникам и иностранцам. Их единственная сюжетная функция – сатирическая: произносимые ими серьезные реплики обладают априорным комическим подтекстом и обесценивают изначальный посыл. В диалогах эпохи Великого Сейма крестьяне, наоборот, становятся главными по популярности персонажами, прямым текстом озвучивающими актуальные политические и социальные проблемы польского общества. Если ранее собеседниками крестьян могли быть лишь близкие по социальному статусу герои, то в произведениях 1788–1792 гг. они на равных вели разговоры со своими помещиками. В статье фиксируется изменение ранее

существовавших традиций жанра диалога, он рассматривается в контексте проблематики Великого Сейма. Автор формулирует гипотезу о соответствии этого процесса зарождению польского национального самосознания.

Ключевые слова

Диалог, пропаганда, сатира, крестьянство, шляхта, национализм, Барская конфедерация, Великий Сейм, Речь Посполитая.

Предметом исследования статьи являются сюжетные метаморфозы жанра диалога в польской культуре последней трети XVIII в., а точнее – изменение роли и образа персонажа крестьянина, прослеживаемое на примере диалогов эпох Барской конфедерации (1768–1772) и Великого Сейма (1788–1792). Диалоги конфедератов, по своей проблематике и стилю продолжающие длительную традицию этого жанра в Польше, рассматриваются в качестве исходной точки – в схожем виде диалог существовал еще в начале XVIII в. и даже в XVII в. И напротив, диалоги Великого Сейма по многим критериям серьезно отличаются от предшествующих образцов этого жанра, отражая перемены в польском обществе в области ценностей и сознания образованных кругов.

Согласно классификации М. М. Бахтина, диалог принадлежит к первичным речевым жанрам и является основной мерой речевой коммуникации¹. В рамках вторичного (сложного) жанра он существует уже как элемент создаваемой автором действительности и выполняет назначенную им функцию. Как самостоятельный сложный жанр, состоящий из попеременного обмена высказываниями со стороны двух и более лиц, диалог пережил свой наибольший расцвет в эпоху греко-римской древности: признанными идеалами являлись сократические диалоги Платона и сатирические диалоги Лукиана.

В Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени этот жанр мог как использоваться в форме сатиры, так и быть одним из способов ведения научной или философской дискуссии.

В первом случае (диалог как сатира) этот жанр опирался на вышеупомянутые диалоги Лукиана. Как правило, такие диалоги высмеивали представителей различных конфессий и социальных слоев

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 263–265.

европейского общества, поднимали ряд нравственных проблем и зачастую несли четкий дидактический посыл читателям. Многие из них адресовались детям и юношеству, как, например, «Домашние беседы» Эразма Роттердамского.

Описанная традиция оставалась относительно неизменной вплоть до эпохи Просвещения. Вторая половина XVIII в. дала мировой культуре большое количество значимых произведений этого жанра: «Диалоги Эвгемера» Вольтера, «Племянник Рамо» и «Сон д'Аламбера» Дени Дидро, «Боги, герои и Виланд» Иоганна Вольфганга фон Гёте и др. Для диалогов европейского Просвещения характерно изменение соотношения юмора и назидательности: открытая сатира над типажам людей превращалась в завуалированную иронию, прямым текстом постулировался нравственный идеал, со страниц произведений могли высказываться политические требования. Для французских просветителей диалог оказался лаконичным и доступным аналогом формы трактата или памфлета. Тем не менее к началу XIX в. жанр постепенно потерял свою популярность и стал использоваться скорее в исключительных случаях.

Во втором случае (диалог как научная или философская дискуссия) этот жанр использовался как наглядная форма для подробного рассуждения об общих и частных аспектах избранного автором предмета. Как правило, диалог имитировал спор ученого с оппонентом, в репликах которого автор предугадывал возможные претензии к собственным гипотезам. Одним из самых знаменитых научных трудов, написанных в жанре диалога, является «Диалог о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея, в котором тот сформулировал свои доказательства концепции гелиоцентризма. В сравнении с другими научно-публицистическими жанрами (сумма, эссе и др.) диалог отличался большим объемом и наличием минимальной художественной обработки. К примеру, структура упомянутого выше труда Галилея делится на четыре дня; все три героя помимо обсуждения заявленного предмета делятся историями из своих жизней; стиль речи каждого обладает своими особенностями².

К рубежу XVII–XVIII вв. диалог постепенно выходит из употребления в научных кругах, за редкими исключениями уступая более кратким жанрам. Интересен пример опыта Иоганна Готлиба Фихте, в 1801 г. прибегнувшего ко введению в свой трактат «Ясное, как солнце,

² Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М., 2018. С. 165–174.

сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии» воображаемого собеседника-критика в риторических целях. Автор объясняет свое обращение к архаичному литературному жанру необходимостью максимально подробно и доступно пролить свет на свою философскую систему для неподготовленного читателя³.

В польской культуре XVI–XVIII вв. диалог как жанр опирался на иные каноны и был связан с собственной риторической традицией. Форма письменного, не предназначенного к театральной постановке сатирического диалога получила популярность в Речи Посполитой еще в XVI в. в рамках светской и церковной публицистики⁴. Одним из условий, предопределивших особое развитие этого жанра, являлась специфика польской политической культуры. Сама форма диалогового обмена и спора между собеседниками могла считаться отражением типичной для шляхетского сословия политической полемики: на сеймах и сеймиках, в стенах коллегий и во время публичных диспутов, в частных беседах и в быту⁵.

Именно это обуславливает одно из основных стилистических отличий польского диалога от западноевропейского: чрезвычайно назидательный, паренетический характер. Дидактические черты в большей части диалогов западноевропейских авторов заключались в прозрачности провозглашаемой морали⁶; в Речи Посполитой диалог не просто «дублировал» реальную полемику шляхты, но предлагал ей полноценные поведенческие модели в виде речевых клише и образов персонажей.

По указанной причине диалог в польской культуре в значительно большей степени, чем во Франции или в немецких государствах, мог быть связан с образованием. Политический статус шляхетского сословия диктовал необходимость умения участвовать в дискуссиях, диалог мог воспроизводиться устно в рамках школьного театра⁷ и восприни-

3 *Fichte J. G.* Sonnerklare Bericht an das grössere Publikum über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen. Berlin, 1801. S. 16–19.

4 *Tazbir J.* Tradycje tolerancji religijnej w Polsce. Warszawa, 1980. S. 118–125.

5 *Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce: Rozkwit, upadek, relikt. Warszawa, 1986. S. 15–26.

6 В указанном смысле диалоги западноевропейских авторов куда ближе к сатирическим диалогам античных авторов.

7 *Лескинен М. В.* Культура Польши // История культур славянских народов / отв. ред. Г. П. Мельников. М., 2005. Т. 2. С. 76–77.

маться как наглядный пример полемики с различными оппонентами; до современных исследователей дошли примеры диалогов с представителями разных конфессий, сословий и народов Речи Посполитой. Классическими примерами последних можно назвать диалог «Разговора на польском языке, переплетенные с латынью»⁸ Вита Корчевского, пародирующий спор католика и протестанта, а также «Разговор польского шляхтича с чужеземцем»⁹ Петра Збылитовского.

Как литературный жанр диалог мог базироваться на большом количестве уже существовавших в Речи Посполитой форм: пользовавшейся популярностью итальянской *commedia dell'arte* с ее четкими архетипами персонажей¹⁰; народном польском театре¹¹, низовом шляхетском творчестве (т. н. «сарматское барокко»)¹². Это предопределило существование особого языка польских диалогов, наличие в них эксклюзивных для культуры Речи Посполитой героев и ситуаций.

Диалогу были свойственны краткость и выраженный сатирический характер, в большинстве случаев каждый из них был посвящен одному конкретному актуальному событию. Героями диалога могли быть обобщенные представители социальных слоев и типажей («Пан», «Епископ», «Прихожанин»), конкретные личности (короли Речи Посполитой, правители иностранных государств, магнаты и придворные) и одушевленные абстрактные понятия («Польша», «Вера», «Справедливость»).

Наконец, еще одной отличительной особенностью польских диалогов являлся их сниженный характер¹³. Этот жанр представлял собой доступную форму для каждого более или менее грамотного человека. Многие поэтические диалоги выполнялись в простой парной

8 *Korczewski W.* Rozmowy polskie łacińskim językiem przeplatane, rytmy ósmiorzeczynemi słożone: pierwsza o niektórych pospolitych ceremoniach kościelnych [...], wtora rozmowa o kłatwie i o dziesięćcinie. Kraków, 1553.

9 *Zbylitowski P.* Rozmowa szlacheica polskiego z cudzoziemcem // Niektóre poezye Andrzeja i Piotra Zbylitowskich. Kraków, 1860. S. 121–167.

10 *Hernas C.* Barok. Historia literatury polskiej pod redakcją Kazimierza Wyki. Warszawa, 1980. S. 372–380.

11 *Ibid.* S. 191–195.

12 *Lunamov A. B.* Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977. С. 231–234.

13 В этом плане очевидна принадлежность диалога к сарматскому искусству XVII – начала XVIII вв. См.: *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 176–183.

рифме; чрезвычайно характерно для них использование просторечной и нецензурной лексики, частой была апелляция к народным стереотипам и грубому физиологическому юмору. Целью значительного числа произведений этого жанра являлась политическая агитация. Нередко диалоги создавались в качестве инструмента пропаганды во время работы сеймиков и сеймов¹⁴; вне актуального для современников контекста диалоги не обладали для них самостоятельной литературной ценностью.

Все вышесказанное предопределило малую сохранность столь отчетливо массового и полемического типа источников. Значительная часть дошедших до нас примеров диалогов была обнаружена в единичных рукописях и в фрагментарном виде.

Таким образом, основными чертами диалога в польской культуре XVI–XVIII вв. являются: укорененность в полемической культуре польской шляхты; массовость, доступность для любого грамотного читателя; назидательный характер, постулирование поведенческих и языковых моделей; использование просторечной лексики, сюжетов из польской действительности и актуальной политики; эксплуатация литературной формы ради агитации.

Эпохой расцвета польского диалога является XVII век. Межконфессиональная полемика, разорительные войны и ожесточенная борьба в сословно-представительных органах Речи Посполитой – все это создало соответствующую почву для развития полемических и агитационных жанров¹⁵. Формирование диалога также перекликается с упадком печати на польском языке и началом кризиса культуры барокко. В условиях отсутствия адекватных форм литературного творчества и его массового распространения, диалог стал одним из самых доступных и популярных жанров. Вплоть до середины XVIII в. каждый очередной эпизод политической нестабильности в Речи Посполитой вызывал публицистический отклик в виде большого количества диалоговых произведений, посвященных актуальным событиям и призывающих читателя занять ту или иную сторону.

По этой причине диалоги Барской конфедерации слабо отличаются от диалогов рубежа XVII–XVIII вв. – более того, именно с этой эпохой противостояния повстанцев королевской власти и связан один из последних взлетов столь специфического жанра. Сатирические

14 *Tazbir J.* Szlachta i teologowie: Studia z dziejów polskiej kontrreformacji. Warszawa, 1987. S. 100–107.

15 История польской литературы. М., 1968. Т. 1. С. 93–97.

диалоги, циркулировавшие по охваченным восстанием территориям в многочисленных рукописных копиях, являлись одним из специфических средств пропаганды сторонников конфедерации¹⁶. Благодаря многолетнему труду польских историков, объединивших все имеющиеся в архивах диалоги конфедератов в одну антологию¹⁷, можно достаточно полно их охарактеризовать.

Диалоги Барской конфедерации апеллируют к понятным и осознаваемым категориям, за каждым типом героя уже закреплен набор характеристик: пришелец из России антагонистичен всем полякам; священник является носителем правды; дворянин представляет собой воплощение воинской доблести¹⁸ и т. д. Персонажами подавляющего количества диалогов являются реальные политические фигуры, игравшие ключевую роль в польской политике и показанные под сатирическим углом: Станислав II Август, Екатерина II, посол в Речи Посполитой Николай Репнин, воевода подольский Ян Замойский и др.

Те же герои, что олицетворяют собой социальные группы, как правило, объединены в пары, повторяющиеся от диалога к диалогу. Чаще всего встречаются диалоги священника (также – епископа и странствующего монаха) и «маловерного» (либо сомневающегося прихожанина¹⁹, либо иноверца²⁰); в таких диалогах основным акцентом является разъяснение правильности идей конфедератов, их соответствия христианским доктринам и глубокой греховности сторонников королевской власти. Второй по популярности является пара шляхтича (во всех случаях обладает постоянным набором качеств – сторонник конфедерации, католик, солдат) и его врага (разнится от диалога к диалогу – религиозный диссидент²¹, русский

16 *Konopczynski W.* Konfederacja Barska. Warszawa, 2017. Т. 1. S. 546–553.

17 *Literatura Konfederacji Barskiej.* Warszawa, 2005. Т. 2. Dialogi / pod red. J. Maciejewskiego.

18 Подробнее о сарматском идеале шляхтича-воина см.: *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 106–114.

19 *Rozmowy plebana z parafijaninem // Literatura Konfederacji Barskiej.* Т. 2. S. 242–251.

20 *Dyskurs katolika podróżnego z nieznanym sobie sysydem o konfederacyi na Podolu uczynionej anno 1768 // Ibid.* S. 43–49.

21 *Dysydem, to jest luter, z pewnym katolikiem dyskurs miał o wierze i tarażniejszych suplikacyach 1769 // Ibid.* S. 64–66.

офицер²², далекий от политики горожанин²³); в диалогах такого типа очевидно прямое противопоставление идей конфедератов и их противников в пользу первых. Третьим по частотности и куда менее популярным является диалог с героем-крестьянином.

Единственными и вполне естественными партнерами этого персонажа в диалогах конфедератов выступают те, с кем реальный крестьянин мог бы завести беседу в своем окружении, – это либо такой же крестьянин (беседа, соответственно, идет на равных, в формате обмена мнениями), либо деревенский войт (в таком случае общение происходит в формате «вопрос-ответ»²⁴).

С точки зрения стилистики речь крестьян никак не отличается от речи, произносимой другими персонажами конфедератских диалогов, вплоть до дворян и королей: количество просторечных выражений, грубость юмора и даже сама по себе тематика поднимаемых в дискуссиях вопросов практически неизменна. За выбором крестьян в качестве персонажей диалогов стоял лишь один-единственный комический эффект, эксклюзивный для героя такого типа: сам по себе факт здравого рассуждения о политике со стороны простолюдина.

В обсуждениях крестьянами ошибок и недостатков действий Станислава II Августа кроется эффектный и сознательный прием – проговаривание сложных тем доходчивым просторечным языком с соответствующей расстановкой акцентов. Весьма любопытны в дошедших до нас произведениях и описания крестьянского быта: к примеру, один из диалогов анонимного автора²⁵ начинается с краткого предисловия о случайной встрече двух селян, «Бартека» и «Мачека»²⁶, – они пьют водку и говорят о делах своих семей и лишь потом постепенно переходят к обсуждению политических новостей. Даже сама дискуссия то и дело прерывается репликами героев с предложениями о поиске выпивки.

22 *Dyskurs Moskala z konfederatem 1772* // *Ibid.* S. 265–267.

23 *Rozmowa konfederata z obywatелем w Dukli dnia 30 maja 1772* // *Ibid.* S. 268–276.

24 *Rozmowa Bartosa z wójtem 1768* // *Ibid.* S. 76–77.

25 *Rozmowa Bartka z Grochowa z Maćkiem Nawrzynieckim i kumem do tego* // *Ibid.* S. 222–234.

26 Как правило, крестьяне в диалогах носили уменьшительно-ласкательные просторечные имена – это отличало их от других типажей, именуемых исключительно по социальному положению («Дворянин», «Священник» и т. д.).

Типаж крестьянина в диалогах эпохи Барской конфедерации более, чем любой другой, привязан к конкретным условиям сельской жизни. Фактически единственным свойством этого персонажа является его принадлежность к простому сословию, переносящая любой диалог с ним в деревню и таким образом создающая антураж любым произносимым им репликам. В представленном случае это совершенно не связывается с простотой, глупостью или неведением крестьянина – для достижения подобного эффекта этот герой должен был быть противопоставлен другому персонажу, чьим свойством как раз таки были бы знание и правдивость. В контексте публицистической направленности всего жанра диалога в польской культуре, образ крестьянина представляется неполным и невыгодным, выбивающимся из ряда запоминающихся типажей, актуальных в нескольких контекстах; в особенности это контрастирует с очевидной пропагандистской интенцией анонимных авторов. Скорее всего, это было причиной относительной непопулярности героя-крестьянина в сравнении с другими персонажами: священником, шляхтичем и т. д.

В совершенно иной парадигме существовал жанр диалога в эпоху Великого Сейма. Во время этого экстраординарного для всей истории Речи Посполитой события публицистика на польском языке переживает подъем: послы Сейма, неравнодушно следящая за политическими событиями в Варшаве шляхта и образованные горожане в массовом порядке излагают свои мысли на бумаге и участвуют в многочисленных дискуссиях о будущем страны²⁷.

В эту эпоху изменился сам формат взаимодействия автора со своим материалом и читателями. За время правления Станислава II Августа в крупных польских городах открылось множество частных типографий, что вместе с ослаблением цензуры²⁸ привело ко внушительному росту книгопечатания и появлению регулярных журналов²⁹. Если ранее почти все литературные произведения попадали к читателям почти исключительно в рукописном виде и в единичном количестве, то уже к 1780-м гг. любой автор за умеренную цену мог напечатать свой текст широким тиражом.

27 Ковалев В. Н. Культура Польши // История культур славянских народов. Т. 2. С. 197–199.

28 Nycz R. Literatura polska w cieniu cenzury // Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. Warszawa, 1998. № 3 (51). S. 7–8.

29 Лунатов А. В. Возникновение польского просветительского романа. М., 1974. С. 65–73.

Полностью поменялись культурные и общественно-политические тенденции. Вся публицистика рубежа 1780-х – 1790-х гг. является «просвещенческой» по духу, идеям и лексикону. Даже противники реформ Великого Сейма вели переписку со своими оппонентами на одном языке, аргументируя свои взгляды с помощью тезисов популярных французских философов. В условиях устаревшей культуры ведения письменной полемики поляки прибегают к разнообразным жанрам, от трактатов до брошюр и политических глоссариев³⁰. Диалог вновь оказывается актуальным – однако под воздействием политического контекста сильно меняется относительно той формы, в которой он существовал на протяжении большей части XVIII в.

Польский диалог эпохи Великого Сейма де-факто порывал с большинством характерных для жанра черт, сложившихся еще в XVII в. Его ориентиром становился западноевропейский (в первую очередь французский) просвещенческий диалог со всеми его характерными приметами. Самым резким и заметным изменением в диалогах рубежа 1780-х – 1790-х гг. является минимизация сатирических и поэтических элементов. Выходившие из печати диалоги лишались телесного юмора и прямых обвинений в сторону оппонентов. Изменялся сам язык авторов нового поколения: выхолощенный, пестрящий иностранными терминами, он лишался большинства простонародных элементов. Практически все примеры работ этой эпохи являются прозаическими – среди диалогов 1760-х – 1770-х гг. не написанные в стихотворной форме составляют едва ли ¼ от всего дошедшего до нас материала. Кроме того, значительно увеличивался их объем³¹ – вместо афористических реплик в уста персонажам вкладывались монологи с пространными рассуждениями.

Какие художественные черты в диалоге рубежа 1780-х – 1790-х гг. свидетельствовали о его родстве с диалогом прошлых десятилетий? С точки зрения художественных элементов – сохранился ряд персонажей, локаций и сюжетов польской действительности. С точки зрения основных функций жанра, диалог все так же предлагал своему читателю поведенческую модель, связанную с речевыми клише

30 Наиболее репрезентативным примером столь сильной жанровой разбивки может послужить публицистическое наследие Францишка Салези Езерского. См.: *Jeziński F. S. Niektóre wyrazy porządkiem abecadła zebrane u stosowaniem do rzeczy uwagami objaśnione*. Warszawa, 1791.

31 Это еще одно следствие возможности тиражной печати диалогов – отдельные из них разрастались до объема полноценных драм для чтения.

и позитивными образами отдельных персонажей. Жанр все так же остался дидактическим и агитационным по своему характеру, все так же прямо демонстрировал нравоучительную истину. Однако как сами эти образы, так и проговариваемые героями реплики изменились вместе с новым общественным стандартом.

Можно констатировать, что стилистические и мировоззренческие основы диалога изменились вместе с эпохой. Метаморфоза этого жанра прямо связана с включением польской культуры в орбиту Просвещения, что привело к изменениям представлений о человеке, морали и нормах поведенческого идеала. Фактически в эпоху Великого Сейма польская традиция диалогов наиболее близко соприкасается с традицией использования этого формата в тексте в научных целях, с целью риторического осмысления необходимых вопросов и наглядной демонстрации правильных ответов на них. Диалог в 1788–1792 гг. – это один из возможных публицистических форматов, очевидные достоинства которого базировались на возможности почти дословного переноса прямой речи посла на Сейме в малейшей художественной обработке. Как и в «научных» диалогах, один из персонажей такого диалога всегда либо является очевидным носителем авторской идеи, либо приходит к ней в процессе дискуссии. Его собеседник, таким образом, представлен либо как заблуждающийся в своем мнении человек, либо как вопрошающий правильного ответа.

Именно по этим причинам крестьянин из третьестепенного персонажа диалогов в эпоху Великого Сейма превращается в основного и самого популярного, заметно превосходящего остальных по частоте появления. Священник, ранее бывший одним из самых распространенных типажей, полностью исчезает со страниц диалогов вместе со всеми героями, представляющими ту или иную конфессию; фактически из прежних героев на своих местах остаются только горожане и шляхта (меняющая, тем не менее, свои качества-атрибуты – теперь перед читателями предстал не доблестный воин, но образованный и добродетельный землевладелец).

Основной особенностью крестьянина в изменившемся жанре всегда становилась его необразованность; полное или частичное³² незнание новых норм и стандартов. Это никогда не означало недалекость крестьянина – напротив, кочующим мотивом диалогов является любознательность этого персонажа, неизменно подчеркивается его

32 Rozmowa Bartka z Frankiem // Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego. Wrocław, 1955. Т. 1. S. 592–598.

радость от принятия истины. Неведение крестьянина подчеркивается локациями окружающей его деревни. Если ранее любая серьезная реплика крестьянина имела комический эффект, поскольку произносилась им в окружении мазанок и домашнего скота, то в диалогах 1788–1792 гг. он попросту не может найти достоверный источник информации, находясь вдали от города. Как правило, это раскрывается на уровне сюжета: к примеру, в диалоге Яцека Езерского «Все ошибаются» крестьянин, начав расспрашивать своего помещика о правах человека и реформах в деревне, в конечном счете признается, что его некомпетентность являлась следствием разговоров с органистом местного костела, который, будучи пьяным, пересказывал жителям деревни французские республиканские идеи³³.

Помимо сугубо литературоведческой ценности, эти наблюдения представляются чрезвычайно важными в контексте всех перемен в общественном сознании, наблюдавшихся в польском обществе к концу истории независимой Речи Посполитой. Крестьянин не просто становился главным героем отдельного публицистического жанра; в лице этого обобщенного персонажа простой человек впервые столь плотно сталкивался с миром, который до того времени по всем жанровым и смысловым законам был от него далек³⁴. Во всей польской литературе XVI–XVIII вв. крестьяне могли быть первостепенными персонажами лишь весьма специфических жанров (пасторальная поэзия, новины совизжалов³⁵ и т. д.), либо же героями исключительно второго плана. В уста выступавших на передний план «Бартека» и «Мачека» не просто закладывались реплики, отражающие современный им политический процесс, – они прямо обсуждали его со своими помещиками, по диапазону тем переходя от дискуссий об экономическом положении польской деревни³⁶ до критики «Декларации прав человека и гражданина»³⁷.

33 *Wszyscy błędą. Rozmowa pana z rolnikiem, obaj z błędu wychodzą* // *Ibid.* S. 254–255.

34 По вопросам представления о жанрах в европейской литературной культуре в XVII–XVIII вв. см.: *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.; СПб., 2021. С. 285–314.

35 *Мочалова В. В.* Гротескно-фантастический жанр новин польских совизжалов (истоки, традиции, значение) // *Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи.* М., 1979. С. 232–234.

36 *Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego.* Т. 1. S. 256–258.

37 *Rozmowa między chłopen a jego dawnym panem* // *Ibid.* S. 421–427.

Таким образом, наиболее частой функцией крестьянина как литературного персонажа польских диалогов в XVII–XVIII вв. являлась функция простоты, непосредственности восприятия и незнания. В эпоху начала правления Станислава II Августа и в период активных действий Барской конфедерации фигура крестьянина не пользовалась популярностью; в сатирических и агитационных целях она была невыгодной и затмевалась другими, более соответствовавшими духу времени героями. Однако уже во время заседаний Великого Сейма персонаж крестьянина становится центральным типажом диалогов 1788–1792-х гг. Формат диалога в эти годы претерпевает изменения, на первый план выходит публицистический аспект – и функция крестьянина как, с одной стороны, источника вопросов, а с другой стороны, социального персонажа становится чрезвычайно востребованной.

Показанное изменение образа персонажа крестьянина в польских диалогах Барской конфедерации и Великого Сейма – как и метаморфозы диалогового жанра вообще – не могут не являться признаками глубоких изменений, произошедших в польском обществе за примерно двадцатилетний временной промежуток. В рамках представленной статьи автор ограничится лишь выдвиганием гипотетических предположений³⁸, которые могли бы пролить свет на столь резкие перемены.

Сам факт изменения статуса персонажа крестьянина может быть соотнесен с одним из самых известных тезисов со стороны знаменитых публицистов из числа послов Великого Сейма – требованием правового и статусного равенства сословий³⁹. Там, где Станислав Сташиц аргументирует важность создания из всех жителей Речи Посполитой единой польской нации⁴⁰, Юзеф Павликовский

38 Рабочая гипотеза автора является потенциальной основой его будущей кандидатской диссертации.

39 Трактовки самого понятия «польская нация» (*naród polski*) являлись одним из самых актуальных политических вопросов на повестке Великого Сейма. Предлагаемые послами и публицистами критерии пытались учитывать и сглаживать многочисленные противоречия внутри религиозно, социально-культурно и экономически дифференцированного общества Речи Посполитой. См.: *Althoen D. M. That Noble Quest: From true Nobility to Enlightened Society in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1550–1830*. Ph. D. Diss. University of Michigan, 2000. P. 366–388, 431–460.

40 *Staszic S. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana w. k. do dzisiejszego stanu Rzeczypospolitey Polskiej przystosowane*. Warszawa, 1787. S. 22–23.

доказывает необходимость комплексного закона для всех сословий страны на основе общих критериев⁴¹, а Францишек Салези Езерский и вовсе утверждает важность признания равных прав простого народа с горожанами и дворянами⁴², крестьяне в многочисленных диалогах делают схожий шаг исключительно в художественной плоскости: на равной почве разговаривают с горожанами и своими помещиками, ломая все сословные и жанровые перегородки.

Все это, в свою очередь, связывается автором с куда более обширным явлением – переменой в восприятии сословной структуры общества и зарождением современного⁴³ национального самосознания.

Источники и литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 480 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М.: РИПОЛ классик, 2018. 918 с.

История культур славянских народов / отв. ред. Г. П. Мельников. М.: ГАСК, 2005. Т. 2. 586 с.

История польской литературы / ред. В. В. Витт, И. С. Миллер, Б. Ф. Стахеев, В. А. Хорев. М.: Наука, 1968. Т. 1. 616 с.

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

Липатов А. В. Возникновение польского просветительского романа. М.: Наука, 1974. 301 с.

41 *Pawlikowski J.* Myśli polityczne dla Polski. Warszawa, 1789. S. 167–170.

42 *Jezierski F. S.* Niektóre wyrazy... S. 135–139.

43 В данном контексте употребляется для создания дистанции с этносимволистскими теориями происхождения нации; речь идет о современной нации, являвшейся объектом исследования Б. Андерсона и др. См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

Lunatow A. B. Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М.: Наука, 1977. 300 с.

Мочалова В. В. Гротескно-фантастический жанр новин польских совицжалов (истоки, традиции, значение) // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 231–263.

Тананаева Л. И. Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 304 с.

Althoen D. M. That Noble Quest: From true Nobility to Enlightened Society in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1550–1830. Ph. D. Diss. University of Michigan, 2000. 630 p.

Fichte J. G. Sonnerklare Bericht an das grössere Publikum über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen. Berlin: Realschulbuchchandlung, 1801. 258 S.

Hernas C. Barok. Historia literatury polskiej pod redakcją Kazimierza Wyki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980. 668 s.

Konopczyński W. Konfederacja Barska. T. 1. Warszawa: Zysk i S-ka, 2017. 650 s.

Korczewski W. Rozmowy polskie łacińskim językiem przeplatane, rytmy ośmiorzeczniemi słożone: pierwsza o niektórych pospolitych ceremoniach kościelnych [...], wtóra rozmowa o kłątwie i o dziesięcinie. Kraków, 1553. 95 s.

Literatura Konfederacji Barskiej. T. 2. Dialogi / pod redakcją Janusza Maciejewskiego. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2005. 280 s.

Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego. T. 1. Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 1955. 675 s.

Nycz R. Literatura polska w cieniu cenzury // Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. Warszawa, 1998. № 3 (51). S. 5–27.

Pawlikowski J. Myśli polityczne dla Polski. Warszawa, 1789. 251 s.

Staszic S. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana w. k. do dzisiejszego stanu Rzeczypospolitey Polskiej przystosowane. Warszawa: Michał Gröll, 1787. 374 s.

Tazbir J. Kultura szlachecka w Polsce: Rozkwit, upadek, relikty. Warszawa: Omega, 1986. 248 s.

Tazbir J. Tradycje tolerancji religijnej w Polsce. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. 168 s.

Tazbir J. Szlachta i teologowie: Studia z dziejów polskiej kontrreformacji. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987. 320 s.

Zbylitowski P. Rozmowa szlachcica polskiego z cudzoziemcem // Niektóre poezye Andrzeja i Piotra Zbylitowskich. Kraków: Biblioteka Polska, 1860. S. 121–167.

References

- Althoen, D. M. *That Noble Quest: From true Nobility to Enlightened Society in the Polish-Lithuanian Commonwealth, 1550–1830*. PhD Diss. University of Michigan, 2000, 630 p.
- Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 416 p.
- Auerbakh, E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021, 480 p.
- Bakhtin, M. M. "Problema rechevykh zhanrov." *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 250–296.
- Galilei, G. *Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira*. Moscow: RIPOL klassik, 2018, 918 p.
- Hernas, C. Barok. *Historia literatury polskiej pod redakcją Kazimierza Wyki*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980, 668 p.
- Istoriia kul'tur slavianskikh narodov*. Vol. 2, ed. by G. P. Mel'nikov. Moscow: GASK, 2005, 586 p.
- Istoriia pol'skoi literatury*, ed. by V. V. Vitt, I. S. Miller, B. F. Stakheev, V. A. Khorev. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1968, 616 p.
- Konopczynski, W. *Konfederacja Barska*. Vol. 1. Warszawa: Zysk i S-ka, 2017, 650 p.
- Leskinen, M. V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noi ideologii Rechi Pospolitoi*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 178 p.
- Lipatov, A. V. *Formirovanie pol'skogo romana i evropeiskaia literatura: Srednevekov'e. Vozrozhdenie. Barokko*. Moscow: Nauka, 1977, 300 p.
- Lipatov, A. V. *Vozniknovenie pol'skogo prosvetitel'skogo romana*. Moscow: Nauka, 1974, 301 p.
- Literatura Konfederacji Barskiej. Vol. 2. Dialogi*, ed. by J. Maciejewski. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2005, 280 p.
- Materiały do dziejów Sejmu czteroletniego*. Vol. 1. Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 1955, 675 p.
- Mochalova, V. V. "Groteskno-fantasticheskii zhanr novin pol'skikh sovizzhalov (istoki, traditsii, znachenie)." *Slavianskoe barokko. Istoriko-kul'turnye problemy epokhi*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 231–263.
- Nycz, R. "Literatura polska w cieniu cenzury." *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 1998, No 3 (51), pp. 5–27.
- Tananaeva, L. I. *Sarmatskii portret: iz istorii pol'skogo portreta epokhi barokko*. Moscow: Nauka, 1979, 304 p.
- Tazbir, J. *Kultura szlachecka w Polsce: Rozkwit, upadek, relikty*. Warszawa: Omega, 1986, 248 p.

Tazbir, J. *Tradycje tolerancji religijnej w Polsce*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980, 168 p.

Tazbir, J. *Szlachta i teologowie: Studia z dziejów polskiej kontrreformacji*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1987, 320 p.

Zbylitowski, P. "Rozmowa szlachcica polskiego z cudzoziemcem." *Niektóre poezye Andrzeja i Piotra Zbylitowskich*. Kraków: Biblioteka Polska, 1860, pp. 121–167.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.18

I. V. Fadeev

Images of Peasantry in Polish Dialogues of the Bar Confederation and the Great Sejm Eras

Ivan V. Fadeev

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: ifadeyev@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-5611-1006

Citation

Fadeev I. V. Images of Peasantry in Polish Dialogues of the Bar Confederation and the Great Sejm Eras // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 334–351 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.18

Received: 06.04.2024.

Revised: 11.09.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the genre of dialogue in Polish literature of the last third of the 18th century. The author compares works created during the era of the Bar Confederation (1768–1772) and the Great Sejm (1788–1792), paying special attention to the analysis of the role and significance of peasant characters. The dialogues of the era of the Bar Confederation are more consistent with the traditions of this genre established in the 16th – 17th centuries. On their pages, peasants are rare and are significantly inferior in popularity to other characters: nobles, priests and foreigners. Their only plot function is satirical: the serious remarks they utter have an a priori comic overtone and devalue

the original message. In the dialogues of the Great Sejm era, peasants become the most popular characters, directly voicing current political and social problems of Polish society. If previously the interlocutors of the peasants could only be heroes close in social status, then in the works of 1788–1792 they had equal conversations with their landowners. The author records the change in previously existing traditions of the dialogue genre and examines it in the context of the problems of the Great Sejm. The author formulates a hypothesis about the correspondence of this process to the emergence of Polish national identity.

Keywords

Dialogue, propaganda, satire, peasantry, szlachta, nationalism, The Bar Confederation, The Great Sejm, Polish-Lithuanian Commonwealth.

Церемония вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению 6 мая 1877 г.

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование

Фролова М. М. Церемонии вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению 6 мая 1877 г. // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 352–375. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.19

Статья поступила в редакцию 27.05.2024.

Рецензирование завершено 11.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В статье на основе значительного корпуса опубликованных источников воссоздана церемония вручения Самарского знамени 3-й дружине Болгарского ополчения 6 мая 1877 г. в г. Плоешти. Указаны и объяснены ошибки и неточности предшествующей историографии в освещении этого события с позиций новой исследовательской парадигмы. Так, в начале 1950-х гг. советские и многие болгарские историки, упоминая факт вручения Самарского знамени, обходили молчанием саму церемонию. При публикации в сборнике документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1964) докладной записки Е. Т. Кожевникова и П. В. Алабина от 25 мая 1877 г. из нее вырезали текст о пребывании делегатов в Москве, а также эпизоды, рассказывавшие о приеме посланников Самары главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем (Старшим). Замалчивание в литературе участия главнокомандующего в этом торжестве или упоминание о нем вскользь, а также умолчание о благоговейном прикладывании к знамени, лежавшему на мощах св. Алексия в Чудовом монастыре, императора и его

семейства снижали статус самого ритуала, опуская его на уровень пусть не заурядного, но все же обычного полкового мероприятия. Не начальник Болгарского ополчения генерал-майор Н. Г. Столетов, а главнокомандующий, брат императора России, возглавил церемонию, что придало ей особую торжественность, значительность и масштабность, возводя в ранг международного события – признания Болгарского ополчения, ядра будущей армии будущего болгарского государства.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгарское ополчение, Самарское знамя, главнокомандующий Дунайской армии великий князь Николай Николаевич (Старший), генерал-майор Н. Г. Столетов, П. В. Алабин, Е. Т. Кожевников.

В историю русско-турецкой войны 1877–1878 гг. золотыми буквами записан боевой путь Болгарского ополчения. Почти за 150 лет, прошедших с того героического времени, о нем написано довольно много исследований (Н. Р. Овсянный, В. Д. Конобеев, А. А. Улунян, В. И. Виноградов, А. Бендерев, Й. Митев, Ц. Генев, Ст. Дойнов, Г. Вылков и др.). И все же имеются сюжеты, которые требуют дополнительного освещения с позиций новой исследовательской парадигмы. К ним, в частности, относится церемония вручения Самарского знамени 3-й дружине Болгарского ополчения 6 мая 1877 г. в г. Плоешти, где полным ходом шел набор в Болгарское ополчение добровольцев-болгар из участников сербско-черногорско-турецкой войны 1876 г., выходцев из болгарских колоний юга России, Бессарабии и Румынии. Официально он начался 31 марта 1877 г. еще в Кишиневе (хотя, согласно высочайшему повелению от 23 ноября 1876 г., он осуществлялся в скрытой форме в составе пешего почетного конвоя главнокомандующего, куда были назначены 270 человек из «людей наиболее надежных, честных, ловких и расторопных» от пехотных дивизий 5-й, 9-й, 11-й, 12-й, 31-й, 32-й и 33-й, а также лица болгарского происхождения для «формирования кадра дружин болгарского ополчения»¹). Согласно разработанному генерал-лейтенантом Н. Н. Обручевым «Основаниям для организации Болгарского войска»,

¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее – СМ). СПб., 1900. Вып. 1. С. 6–7.

Болгарскому ополчению предназначалось стать ядром будущей болгарской армии. «Русские шли освобождать болгар, и сами болгары должны были принять участие в освобождении своей родины; ценится только та свобода, которая достается кровью и жертвами сынов освобождаемой страны»², – подчеркивал генерал-майор А. И. Косич, начальник штаба XII армейского корпуса.

К 1 июня 1877 г. из 7206 строевых и 238 нестроевых нижних чинов были сформированы шесть дружин (30 рот), в командный состав вошли кадровые военные русской армии (в том числе и болгарского происхождения): 1 генерал, 9 штаб-офицеров, 72 обер-офицера. Александр II назначил генерал-майора Н. Г. Столетова начальником Ополчения. Дружины находились на полном материальном обеспечении русской армии и прошли обучение по ее уставам.

Значительным событием в тот период явилось вручение 6 мая 3-й дружине³ Самарского знамени⁴, изготовленного жителями города

2 Косич А. И. Рушукский отряд. Участие XII корпуса, входившего в состав Рушукского отряда в кампании 1877–1878 годов. Из записок бывшего начальника штаба XII корпуса свиты его величества генерал-майора Косича. Киев, 1884. С. 33.

3 Знамя было доверено 3-й дружине, ставшей знаменосной благодаря заслугам ее командира Павла Петровича Калитина (1846–1877), за отличия в сражениях в Средней Азии удостоенного наград (орденов св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, золотой сабли «За храбрость» и др.) и в 1875 г. (не достигнув 30 лет) получившего чин подполковника.

4 Знамя представляет собой шелковое полотнище, разделенное по горизонтали на три цветные полосы: белую, пунцовую и синюю, с таковыми же к нему лентами. Посреди полотнища – черный крест, разукрашенный золотыми арабесками; посреди креста: с одной стороны знамени образ Иверской Богоматери, а с другой – изображение святителей Кирилла и Мефодия. На одной ленте шитая золотом надпись: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его», на другой: «Самара – болгарскому народу. 1876 год». Знамя предназначалось восставшим в апреле 1876 г. болгарам, но с подавлением восстания не было послано по назначению. Древяно, изготовленное в Москве в 1877 г., черное, с позолоченною скобою, украшено серебряным, вызолоченным с чернью копьём в древнерусском стиле; на скобе надпись: «Болгарскому народу город Самара 1876 год». Знамя обошлось казне города в 320 руб. 50 коп. (материалы, художнику Н. Е. Симакову за рисунки и роспись, за древяно, за копьё для знамени, серебряные позолоченные гвозди, кисти, клеенчатый чехол). Относительно золотого шитья на полотнище игуменья Самарского Иверского женского монастыря уведомила, что

Самары и привезенного городским головой Е. Т. Кожевниковым и гласным думы П. В. Алабиным⁵. Эту торжественную церемонию подробно описали военные журналисты В. В. Крестовский и Н. Н. Каразин, а также Е. Т. Кожевников и П. В. Алабин в своей докладной записке Самарской городской думе от 25 мая 1877 г.⁶ Воспоминания о ней сохранились в записях адъютанта главнокомандующего полковника Д. А. Скалона, полковника Н. А. Епанчина, подпоручика 3-й дружины Болгарского ополчения С. И. Кисова и др. Самарскому знамени, его истории и боевому пути посвящено обилие публикаций, но в них,

монахини «труды свои [...] жертвуют и очень рады, что могут быть полезны в то время, когда другие жертвуют деньги». См.: *Лукава Н. А.* Самарское Знамя (К 120-летию создания) // Краеведческие записки. Областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара, 1996. Вып. 8. С. 55.

5 Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее – ОБ). М., 1964. Т. 2. С. 33–34.

6 В 1946 г. ученый-славист Н. Н. Яковлев (1902–1982) обнаружил в областном архиве г. Куйбышева (совр. – Самара) значительный комплекс документов о Самарском знамени (протоколы заседаний городской управы, докладная записка Кожевникова и Алабина от 25 мая 1877 г., телеграммы, переписка и т. д.). В 1956 г. он отправил некоторые документы в Болгарию, где их опубликовали в нескольких газетах («Вечерни новини», «Работническо дело» и др.), о чем сообщил болгарский историк Й. Ценов (Знамя и губернатор: Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Самарский край в истории России. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П. В. Алабина. Самара, 2004. Вып. 2. С. 122). Шесть документов были помещены в соответствующих томах известной публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига». К сожалению, докладная записка Кожевникова и Алабина была напечатана с купюрами (Т. 2. С. 100–102). В таком виде ее переиздали дважды – в сборниках документов, посвященных Самарскому краю (Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 438–442; Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Сб. документов и материалов. Самара, 2009. С. 680–684). Накануне празднования 100-летия освобождения Болгарии выявленный массив документов был замикрофильмирован и отправлен в Окружной государственный архив г. Стара-Загора, а в 1977–1978 гг. его опубликовали на русском языке в болгарском журнале «Известия на Държавните архиви» (София. Вып. 33, 36). И в этот раз докладная записка от 25 мая 1877 г. появилась целиком, без купюр.

как указывал болгарский историк Й. Ценов, накопились многочисленные ошибки и неточности, поэтому он, привлекая весь комплекс источников, посвятил одно из своих исследований их выявлению и исправлению. Однако в своей статье⁷ ученый не рассмотрел сюжет о торжестве 6 мая под тем же углом зрения, т. е. восстанавливая объективную картину прошлого при констатации упущений предыдущих авторов в описании событий 6 мая⁸.

17 апреля 1877 г., в день рождения Александра II, состоялось заседание Самарской городской думы, на котором в связи с высочайшим манифестом о войне с Турцией от 12 апреля постановили ассигновать из городских сумм 25 000 руб. в непосредственное распоряжение императрицы Марии Александровны, покровительницы Общества попечения о больных и раненых воинах, передав эту сумму при особом адресе. Затем выступил гласный думы П. В. Алабин с заявлением, что «настоящее время есть самый удобный момент для принесения поздравления» великому князю Николаю Николаевичу (Старшему), главнокомандующему Южной армии, «с походом против врагов христианства и пожелания успеха в этом великом деле для святой Руси и побед его армии», а также поднесения ему знамени, изготовленного г. Самарой для болгарского народа в 1876 г., с тем, чтобы он вручил его, «если признает нужным, болгарским дружинам». Избранным для этой поездки депутатам Кожевникову и Алабину выделили на путевые расходы 1000 руб.⁹

20 апреля, в праздник Преполовения¹⁰, после крестного хода епископ Самарский и Ставропольский Герасим в Спасо-Вознесенском

7 Впоследствии материалы этой статьи [«Самарското знаме – изработка, история и значение», опубликованной в журнале «Исторически преглед» (1989. № 4. С. 64–78)] вошли в его монографию «Знамето и губернаторът: Самарското знаме и Пьотр Владимирович Алабин» (София, 1997). Эта книга в русском переводе дважды издавалась в Самаре (Знамя и губернатор: Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Самарский край в истории России... С. 69–132; Знамя и губернатор: Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Петр Алабин и Самарское знамя. Самара, 2008. С. 6–69).

8 Ценов Й. Самарското знаме – изработка, история и значение // Исторически преглед. 1989. № 4. С. 64–78.

9 ОБ. Т. 2. С. 34.

10 Преполовение – недвунадесятый христианский праздник, отмечаемый православными церквями через 25 дней после Пасхи. Напоминает верующим, что в этот день Господь пришел в храм и учил, явив Себя в открытом диалоге с людьми.

кафедральном соборе освятил образ митрополита Алексия, святого покровителя Самары¹¹, предназначенный для поднесения главнокомандующему, и Самарское знамя¹². Алабин вспоминал, как в тот день ликовала Самара, как «к знамени стремились приложиться и стар и мал и как торжественно несли это знамя в крестном ходу на реку и обратно в собор»¹³. 21 апреля депутация начала свой путь из Самары на пароходе до Сызрани, затем по железной дороге до Москвы. Здесь депутаты успели тотчас по прибытии «испросить разрешение» высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского, покрыть привезенным знаменем раку святителя Алексия, а также поставить образ святителя в саму раку. Самарцы не напрасно так спешили. Накануне вечером в Москву из Кишинева вернулись император и цесаревич Александр, и на следующий день, 23 апреля, состоялся большой выход Александра II со всем своим семейством, также приехавшим в Белокаменную из Петербурга. В Георгиевском зале император, «имея за собой всю семью и двор», принял депутации (от московского дворянства, от городского правления) и выслушал чтение адресов. Александр II благодарил все сословия

11 Митрополит Алексей (родился между 1292–1305 гг., умер в 1378 г.) – митрополит Киевский и всея Руси, святитель Московский и всея России чудотворец, в августе 1357 г. по вызову хана Джанибека ездил в Орду и исцелил его слепую мать ханшу Тайдулу. Согласно преданию, по пути святитель навестил православного отшельника (его имя не сохранилось) и предрек, что здесь возникнет «город многолюден и хлебом обилен» – будущая Самара, для которой митрополит Алексей стал небесным покровителем. В благодарность за исцеление Тайдулы митрополит Алексей получил участок в Кремле, на котором находился Ордынский посольский двор. Здесь в 1365 г. он основал Чудов монастырь, построил храм во имя Чуда св. архистратига Михаила и после смерти был погребен в Благовещенском приделе храма. В 1431 г. обвалился верх собора, а при закладке нового были обнаружены мощи святителя Алексия, которые с подобающими почестями были положены в Благовещенском приделе нового собора. В Чудовом монастыре нередко крестили младенцев царского рода, в частности, в 1818 г. будущего Александра II. К середине XIX в. монастырь становится местом проведения главных торжественных мероприятий, государственных праздников и церемоний. Разрушен в начале 1930-х гг.

12 Народы Поволжья и борьба южных славян... С. 163.

13 Алабин П. В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 186.

Москвы от «глубины души за их истинно патриотические чувства, которые они доказали уже не одними словами, но делом». «Могу сказать по совести, что их пожертвования превзошли мои ожидания. Да поможет нам Бог исполнить наш долг и да будет Его благословение на наших славных войсках, идущих на бой за Веру, Царя и Отечество»¹⁴, – закончил император свою речь, которая была воспринята с невероятным энтузиазмом. Кожевников и Алабин присутствовали на этой церемонии, имевшей, как подчеркивал автор известного труда «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.» Л. М. Чичагов, впоследствии Серафим, митрополит Ленинградский и Гдовский, «исключительно торжественный характер». Выйдя из дворца на Красное крыльцо, император с императрицей поклонились народу, наполнявшему площадь, дома, крыши, колокольню Ивана Великого и махавшему шапками и платками, и направились в Успенский собор. После торжественного молебна они по мосткам прошли в Чудов монастырь, где приложились к святым мощам митрополита Алексия¹⁵, которые были покрыты знаменем, «приносимым в дар соплеменному народу в чаянии его воскресения», указывалось в докладной записке Кожевникова и Алабина. Последующие три дня делегаты провели в Москве, чтобы сделать надпись на иконе и изготовить древко к знамени, а само полотнище оставалось покровом на мощах и «служило предметом чествования и поклонения москвичей, всеми нравственными силами сочувствующих делу восстановления Болгарии». «Следы этого чествования остались на знамени, закапанном воском свечей, которые ставились москвичами перед иконой св. Девы на знамени»¹⁶, – сообщалось в докладной записке от 25 мая 1877 г.

4 мая делегаты прибыли в Плоешти, а на следующий день их принял великий князь. Посланники Самары, преподнося главнокомандующему икону св. Алексия, объяснили, какое значение святитель имел для их города. Великий князь принял образ с благоговением, но, однако ж, переспросил, точно ли привезенным знаменем были покрыты мощи св. Алексия митрополита, когда император прикладывался

14 Чичагов Л. М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г. СПб., 1995. С. 38–41.

15 Там же. С. 41.

16 Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст. Документи за история на Самарското знаме (1877–1880 г.) // Известия на Държавните архиви. София, 1978. Вып. 36. С. 180.

к ним¹⁷. Это чрезвычайно важное для главнокомандующего обстоятельство не было отмечено корреспондентами Крестовским и Каразиным, об этом не пишется в воспоминаниях Скалона, Кисова, Епанчина, однако о нем знали, и А. Бендерев, автор обстоятельной истории Болгарского ополчения (София, 1930), о том сообщил¹⁸.

Затем великий князь заметил, что делегаты совершили весьма значительное путешествие, и ему «тем приятнее сделанное г. Самара поднесение, что в нем выражается сочувствие отдаленнейших уголков нашего Отечества к тому святому делу, к вершению которого по воле Святого промысла он призван»¹⁹. Главнокомандующий вызвал генерал-майора Столетова и приказал ему в 11 часов утра следующего дня вывести в ружье все болгарские дружины и принять знамя «с полнейшей торжественностью, неоднократно повторяя при этом свое искреннее сожаление, что он не может, по крайнему недосугу и по случаю предстоящей встречи проходящих войск, сам лично исполнить эту церемонию, а поручит ее исполнение своему сыну». Великий князь вышел в зал, где находилось знамя, и долго его рассматривал. Он показал знамя чинам своего штаба, а также военным атташе иностранных держав: французскому, австрийскому, баварскому и румынскому. Он хвалил мысль, согласно которой было исполнено знамя, а также его работу, живопись образов и художественную чеканку копыя. Главнокомандующий пригласил делегатов пройти в его спальню, чтобы показать присланный ему штандарт, что возили за ним. Он внимательно выслушал ответы самарцев относительно надписей на лентах знамени и особенно причины обозначения на одной из них прошедшего, а не настоящего года. В конце беседы великий князь пригласил гостей на завтрак, во время которого вновь подробно расспрашивал о выходе Александра II с императрицей в Кремлевском дворце²⁰.

6 мая в 10 часов 30 минут Болгарское ополчение, лагерь которого находился в полутора верстах от Плоешти, было построено, явилось множество зрителей, в особенности болгар. В центре стояли духовенство в облачении и стол, на котором Кожевников и Алабин разложили знамя и все принадлежности для его прибивки к древку: серебряные

17 Там же. С. 181.

18 Бендерев А. История на Българското опълчение и освобождение-то на България 1877–1878. София, 1930. С. 74.

19 Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст. Документи... С. 181.

20 Там же. С. 181–182.

гвозди, ремень, молоток, шило. Но прискакал конвойный линейец с письменным приказанием отложить церемонию до двух часов, так как великому князю было «угодно непременно самому прибить знамя». «Известие это всех обрадовало, и дружины были распушены для обеда»²¹.

К двум часам войско опять было построено, дружины стояли в парадном строю; напротив его середины находились столы для знамени и молебна. Приехали свита, офицеры Главного штаба, иностранные военные агенты, русские и иностранные художники и корреспонденты, «а также еще больше прежнего собралось зрителей, в особенности болгарских дам и болгар, приехавших из соседних селений и даже из Бухареста». Ровно в два часа (время в разных источниках разное: около 14 час. или 14:30) прибыл главнокомандующий со своим сыном великим князем Николаем Николаевичем (Младшим). После обхода батальонов (т. е. дружин) и молебна началось «священнодействие, установленное церковным чином для освящения знамен и штандартов». В соответствии с обрядом самарский голова Кожевников подал великому князю на блюде молоток и гвозди. Главнокомандующий, трижды перекрестившись, прибил первые три гвоздя на полотнище к древку: вверху, посередине и в нижнем конце²², и передал молоток своему сыну. Затем по гвоздю прибывали последовательно начальник полевого штаба действующей армии генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий, генерал-майор Н. Г. Столетов, бригадные и дружинные командиры, начальник штаба Болгарского ополчения подполковник Генерального штаба Е. Е. Рынкевич. (Следует отметить, что очередность лиц, удостоенных чести вбить гвоздь, в корреспонденциях Крестовского, Каразина, докладной записке Кожевникова и Алабина указывается разная, мы придерживаемся рассказа Крестовского как более подробного²³.) Потом великий князь

21 Там же. С. 182.

22 Только Крестовский указал, что главнокомандующий вбил три гвоздя. Эта цифра фигурирует у Кисова, который использовал этот репортаж, а также в газете «Самарские губернские ведомости» (№ 40. 28 мая 1877 г. С. 3), перепечатавшей репортаж из «Правительственного вестника», и т. п.

23 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев в действующей армии. (1877–1878): Письма в ред. газ. «Правительственный вестник» от ея офиц. кор. лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского. СПб., 1879. Т. 1. С. 173–177.

подозвал болгарского воеводу Цеко Петкова (1807–1881) и вручил ему молоток. Воевода перекрестился и, вколачивая гвоздь, произнес: «Дай Боже, в час добрый! Да поможе Русский Бог счастливо нам кончить векова-то дело!»²⁴ Каразин рассказал об этой сцене иначе: «Зарыдал старик, когда ему дали в руки молоток. Он взглянул на небо, на знамя, главнокомандующего и громко произнес: “Да поможет Бог пройти этому святому знамени из конца в конец несчастную землю болгарскую; да утрут этим знаменем наши матери, жены и дети свои скорбные очи; да бежит в страхе все нечистое, поганое, злое перед ним, а за ним станет прочный мир и благоденствие!” Гробовая тишина стояла в толпе, когда старый Петков произносил свои слова»²⁵. Вслед за ним вбили по гвоздю уполномоченные города Самары, болгарские священники Амфилогий и П. Драганов²⁶, председатель кишиневского болгарского общества И. С. Иванóв, старшина местной болгарской депутации И. Котленский, которому великий князь при этом сказал: «Дай Бог поскорее кончить в вашу пользу!». Затем молоток передавался болгарским ополченцам, по одному человеку от каждой дружины, и, наконец, последний гвоздь вколотил знаменщик 3-й дружины унтер-офицер А. Марченко²⁷. Следует заметить, что именно главнокомандующий вызывал лиц для участия в этой церемонии.

Когда полотнище было прибито к древку, главнокомандующий взялся за древко и поднял знамя, высоко развившееся в воздухе. Стоящие в колоннах дружины, наконец, увидели свое знамя, и «громкое, страстное “ура” грянуло по их рядам, тысячи черных шапок взлетели в воздух»²⁸. «Казалось: воскресла из вековой могилы несчастная Болгария! Казалось, внезапно блеснувший солнечный луч разогнал

24 Там же. С. 175.

25 *Каразин Н. Н.* Освящение болгарского знамени в Плоештах // Иллюстрированная хроника войны. 1877. № 18. С. 138.

26 Архимандрит Амфилогий, сопровождавший дружины в походе из Кишинева и назначенный к ним в качестве дивизионного благочинного; священник, отец Петко Драганов, родом из окрестностей Тырнова, принимавший участие в защите Дряновского монастыря против турецких войск в 1876 г., состоял дружинным священником 1-й бригады.

27 А. Марченко – унтер-офицер 54-го пехотного Минского полка, переведенный в Болгарское ополчение. Большинство авторов пишут Марчин, а не Марченко, что неверно, и на это указал Й. Ценов (*Ценов Й.* Самарското знаме... С. 69).

28 Там же. С. 138.

тму, которою сиятся окутать славянство. Минута эта так поразила всех, что многие, особенно болгаре, не выдержали; не только лица женщин, но закаленные в муках и боях суровые лица мужчин оросились слезами»²⁹, – писали Кожевников и Алабин.

Великий князь передал знамя генералу Столетову³⁰, опустившемуся на колено, что следовало по уставу, и остававшемуся коленопреклоненным все время, пока архимандрит Амфилогий читал над полуопущенным знаменем победоносную молитву и окропил его святой водой. По окончании этого обряда великий князь, приняв от Столетова знамя, самолично вручил его знаменщику³¹. «Многознаменательная минута!» – писал полковник Скалон. «Во время молебна слегка накрапывал дождь, а из туч блеснула молния, и загредел гром. Картина была прекрасная, а если вникнуть в значение этого поднятого братом царя – главнокомандующим – болгарского знамени, то призадумаетесь: Россия не революционер, и, поднимая это знамя, мы не поднимаем мятежа, а всюю силою и мощью своего Отечества объявляем “veto” существованию турецкого ига над единоверным нам болгарским народом. Отступления нет, перчатка брошена»³². Молнию, гром и легкий дождик болгары восприняли как доброе начало: «Добрая примета: это к болгарскому счастью кропит теперь Божий дождь наше знамя!»³³

Знамя, при общих криках «ура» и грохоте барабанов, бивших ему «поход», предшествуемое батальонным адъютантом, торжественно было отнесено к дружинам, во фронт 3-го батальона. «Поздравляю вас, ребята, со знаменем!» – обратился к дружинам главнокомандующий. Надеюсь, что вы молодцами под ним послужите и выручите своих братьев из-под турецкой неволи!»³⁴ Для Кожевникова и Алабина чрезвычайно важно было последующее действие великого князя: по его знаку смолкли продолжавшиеся несколько минут крики «ура», и он вызвал посланников Самары на середину и громогласно приказал им «благодарить город Самару

29 *Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст.* Документи... С. 182.

30 Каразин указал, что вместе со Столетовым преклонили колена командир 3-й дружины Калитин и Марченко.

31 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 175–176.

32 *Скалон Д. А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг. СПб., 1913. Т. 1. С. 85–86.

33 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 176.

34 Там же. С. 176.

от себя и от болгарских дружин», «причем удостоил подать руку каждому из нас»³⁵, – писали делегаты.

Главкомандующий пропустил мимо себя церемониальным маршем дружины с их новым знаменем. «И надо удивляться, как скоро эти, едва обученные нашими инструкторами, люди приняли вид стройного войска»³⁶, – отмечал Скалон. Великий князь уехал, сопровождаемый восторженными криками войска и долго бежавшего за его экипажем народа. После этого гласный Алабин счел необходимым от имени г. Самары сказать несколько слов болгарским дружинам: «Прошел ряд веков после того, как в последний раз развевались болгарские знамена в рядах свободных болгарских дружин. Те знамена потонули в реках крови на полях Косова³⁷, и вот опять над болгарской дружиной вздымается родное знамя. Издалека, через всю русскую землю оно нами принесено к вам, как бы в живое свидетельство того, что оно дается вам не одним каким уголком России, а всюю русскою землей. [...] Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения! Пусть знамя это останется вашим потомкам памятью, что императора Александра II ваш народ должен вовеки звать так же, как мы его зовем: царь-освободитель!» После речи Алабина, воспринятой болгарскими с неподдельным восторгом, дружины пошли в лагерь с песнями, подняв шапки на штыки. Затем офицеры болгарских дружин устроили завтрак, на котором было провозглашено много тостов «за благоденствие Самары и высказалась самая задушевная благодарность ее жителям, давшим болгарским дружинам такие незабвенные, только что пережитые минуты»³⁸.

В тот же день делегаты были удостоены чести быть приглашенными к обеденному столу главкомандующего, а 7 мая он их принял в своем кабинете. Протянув делегатам руку, великий князь сказал: «Прощайте. Еще раз искренно, от всей души благодарю в лице

35 *Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст.* Документи... С. 183.

36 *Скалон Д. А.* Мои воспоминания... С. 86.

37 Алабин имеет в виду битву на Косовом поле, которая состоялась в 1389 г. между сербским войском в союзе с Боснийским королевством, с одной стороны, и армией турок-османов под командованием султана Мурада I, с другой. В сражении погибли бóльшая часть сражавшихся армий, а также князь Лазарь и султан. Болгары участвовали в сражении на стороне сербов.

38 *Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст.* Документи... С. 183.

вашем всю Самару. Прощайте». Помолчав несколько мгновений, он продолжил: «Молитесь за нас. Нам трудное предстоит дело, трудная война. На Бога вся надежда. Нам надо побить турок на славу [...] и мы с Господней помощью не покинем свой долг и надеемся одолеть! Еще раз прощайте – кланяйтесь Самаре». И вновь делегаты были приглашены на завтрак к великому князю.

Вечером болгары г. Плоешти, его окрестностей и приехавшие из Бухареста дали в честь Кожевникова и Алабина, как представителей г. Самары, обед, на котором присутствовало командование болгарских дружин. Здесь они выслушали много самых горячих речей по поводу поднесения знамени и приняли адрес для передачи городу с выражением благодарности болгарского народа в связи с вручением ополчению Самарского знамени, которое «служит новым доказательством того живого участия, которое русский народ всегда принимал в судьбе несчастной Болгарии, ожидающей от русского народа своего освобождения, уже начатого волей» Александра II, «естественного покровителя и защитника угнетенных христиан на Востоке»³⁹. На следующий день Кожевникова и Алабина провожали на дебаркадер железной дороги «самым сердечным образом» множество болгар и офицеров болгарской дружины. В той же докладной записке делегаты сообщали, что 7 мая под Самарским знаменем были приведены к присяге болгарские дружины⁴⁰.

Корреспондент Крестовский писал, что торжество вручения Самарского знамени «имело в особенности большое нравственное значение для присутствовавших болгар; один из них, седоусый старик, со слезами умиления на глазах, взволнованным голосом говорил собравшейся вокруг него толпе соотчичей: “Это знамя – залог нашей свободы! Четыреста лет вотще ожидал его народ болгарский, и теперь нам его вручает великодушная мать-Россия!”»⁴¹. Корреспондент Каразин закончил свой репортаж о празднике размышлениями о будущем Болгарского ополчения. Он считал, что болгарский легион имел «слишком высокое, святое назначение, чтобы им рисковать и подвергать его потерям». «Ему предназначено после окончания войны стать прочным и могучим оплотом на своих родных землях, чтобы под его защитой покойно и безопасно пробуждалась и воскресала к новой, более счастливой жизни вековая страдальница – болгарская земля»⁴².

39 ОБ. Т. 2. С. 66.

40 *Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст.* Документи... С. 184.

41 *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 177.

42 *Каразин Н. Н.* Освящение болгарского знамени... С. 138.

О значимости вручения болгарскому ополчению Самарского знамени убедительно свидетельствует тот факт, что великий князь Николай Николаевич дважды уведомлял об этом императора. 5 мая он телеграфировал в Петербург, что получил от самарской депутации знамя для болгарских дружин. «Завтра при молебне будет оно им передано». 6 мая в 4 часа 40 мин. из Плоешти была отправлена вторая телеграмма: «Сейчас вернулся с церемонии прибавки и освящения знамени, посланного самарцами болгарским дружинам; в строю было шесть дружин, всего до 2.500 человек»⁴³. Впоследствии знамена получили и остальные дружины.

Любопытно, что в начале 1950-х гг. советские и многие болгарские историки, упоминая факт вручения Самарского знамени, обходили молчанием саму церемонию⁴⁴. В книге Г. Георгиева и В. Топалова о ней говорится кратко, но в центре описания не главнокомандующий, а воевода Цеко Петков и его слова, переданные по тексту Крестовского⁴⁵. Хотя болгарская историография первой половины XX в. подробно освещала это торжество⁴⁶.

Позднее историки (К. Комаров, Н. Н. Яковлев, М. Гурбанов) уклончиво писали о том, что знамя в течение трех дней находилось в Кремле и «служило предметом чествования москвичей», сочувствовавших делу освобождения Болгарии⁴⁷, несмотря на то, что один из упомянутых авторов – Н. Н. Яковлев⁴⁸ – работал с архивными материалами. И при публикации докладной записки Кожевникова

43 См. СПб., 1899. Вып. 15. С. 13–14.

44 *Фортунатов П. К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 87; *Митев Й.* Българското опълчение в освободителната война. София, 1952; *Конобеев В. Д.* Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 1953. С. 22.

45 *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София, 1958. С. 60–61.

46 *Зографски П.* 45 годишен юбилей на славната шипченска епопея и историята на Самарското знаме (11 август 1877 – 11 август 1922 г.). София, 1922. С. 7–8; *Бендерев А.* История на Българското опълчение... С. 73–77.

47 *Комаров К.* Самарское знамя // *Славяне.* 1956. № 4. С. 30; *Яковлев Н. Н.* Дружба навечно. Куйбышев, 1960. С. 41; *Яковлев Н. Н.* Дружба навечно. Изд. 2-е. Куйбышев, 1969. С. 41; *Гурбанов М.* Самарское знамя. Кишинев, 1970. С. 20.

48 *Комаров К.* Самарское знамя. С. 30; *Храмкова Н. П.* Самарский историк и педагог Н. Н. Яковлев (1902–1982) // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 149–151.

и Алабина от 25 мая 1877 г. в духе времени вырезали именно тот текст, который касался пребывания делегатов в Москве, а также эпизодов, рассказывавших о приеме посланников Самары великим князем Николаем Николаевичем. Поэтому не вызывает удивления, что из описания торжества 6 мая просто вычеркнули фигуру главнокомандующего⁴⁹: «Каждый, кому было положено по программе церемонии, забивал по одному гвоздю. Один из первых гвоздей вбил Столетов»⁵⁰.

Историк М. Гурбанов, воспользовавшись материалом Крестовского, но исключив из него главнокомандующего, его сына и Непокойчицкого, преподнес само действие так: «Первые три гвоздя сверху, посередине и снизу полотнища вбил начальник Болгарского ополчения генерал-майор Столетов, затем гвозди забивали бригадные и дружинные командиры, начальник штаба Болгарского ополчения» и т. п., а под конец ополченцы прошли церемониальным маршем, и на этом торжество было завершено⁵¹. Спустя годы, уже в новой работе, профессор Н. Н. Яковлев, в то время заведующий кафедрой истории СССР в Куйбышевском государственном педагогическом институте, опять не смог нарушить табу своего времени, поэтому превратно представил отказ главнокомандующего участвовать в церемонии. Он отмечал, что Самарское знамя было «встречено главнокомандующим и его штабом настороженно, а главнокомандующий даже заявил, что он “по крайнему недосугу исполнить лично церемонию вручения болгарам знамени не может и поручает это своему сыну”». И далее о торжественном празднике по-прежнему рассказывалось без упоминания имени великого князя Николая Николаевича (Старшего)⁵².

В многочисленных изданиях, вышедших к 100-летию русско-турецкой войны, церемония также подавалась с искажениями. Советский историк В. И. Виноградов хорошо знал содержание корреспонденции Крестовского, но изобразил этот ритуал так: «В торжественной обстановке знамя было прибито к деревку. Первый гвоздь забил Столетов, второй – ветеран освободительного движения Цеко

49 Яковлев Н. Н. Дружба навечно. С. 42.

50 Комаров К. Самарское знамя. С. 30–31.

51 Гурбанов М. Самарское знамя. С. 21–24.

52 Яковлев Н. Н. Самарское знамя Болгарии // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1974. Т. 143. Вып. 4. С. 20–21.

Петков. Он получил 28 ранений в боях и 2,5 года просидел в турецкой тюрьме, прикованный к стене. Последними забили гвозди ополченцы – по одному от каждой дружины. Знамя было вручено 3-й дружине»⁵³. Болгарский историк Ц. Генев представил эту сцену несколько иначе: «Старый воевода Цеко Петков, прозванный русскими “Балканским орлом”, одетый в гайдуцкий наряд, опустившись на колени, первым принял знамя из рук главнокомандующего русской армии генерала Н. Г. Столетова и вручил его командиру 3-й дружины Болгарского ополчения подполковнику П. П. Калитину. Первый знаменосец А. Марчин занял свое место с Самарским знаменем в строю ополчения»⁵⁴. (Мы опускаем речи Алабина, Цеко Петкова, Калитина.) Генев назвал Столетова главнокомандующим русской армии, а не начальником Болгарского ополчения, и эта ошибка была повторена и в русском переводе его книги. Коллектив болгарских авторов (военных историков), ссылаясь на книгу А. Анчева, указал, что «золотые гвозди» вбили в знамя назначенные для этой цели ополченцы. Затем главнокомандующий его поднял, и оно начало реять. Громкое «ура» понеслось по рядам ополченцев⁵⁵. В центре повествования Ст. Дойнова (которое затем без изменения вошло во все последующие совместные с К. Косевым издания, посвященные русско-турецкой войне) находятся Алабин, Цеко Петков, Калитин и их речи, но, правда, упомянуты главнокомандующий, его сын, Непокойчицкий, Столетов, офицеры ополчения, которые устремились к знамени, врученному Алабиным первому знаменосцу А. Марчину, с тем, чтобы вбить гвоздь⁵⁶.

С конца 1980-х гг. в работах болгарских историков события начали освещаться объективнее (Й. Ценов, Г. Вылков), но все же авторы не строго придерживались источника. Так, Й. Ценов, имевший под рукой отчет Кожевникова и Алабина, весьма неопределенно отметил, что знамя, помещенное в Чудовом монастыре поверх мощей святого Алексия – покровителя Самары, стало предметом

53 *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 131–132.

54 *Генов Ц.* Освободителната война 1877–1878. София, 1978. С. 48.

55 *Маринов М., Узунов Хр., Караиванов А., Даков Т.* Руско-турската освободителна война 1877–1878. София, 1977. С. 51.

56 *Дойнов Ст.* Българската общественост и руско-турската освободителната война (1877–1878). София, 1978. С. 139–140; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007. С. 153–154.

внимания народа, императорского семейства и самого императора Александра II⁵⁷. Хотя из докладной записки Кожевникова и Алабина, что подтверждает и логика, и последовательность событий, явствует, что импульс шел от императора к народу, а не наоборот.

В отечественной историографии первой ласточкой в восстановлении истины, связанной с церемонией вручения Самарского знамени (по статье Крестовского), явилась книга А. А. Улуныяна⁵⁸. Самарская исследовательница Н. А. Лукава, обратившись к непосредственному изучению вышеупомянутых архивных документов, представила поездку Кожевникова и Алабина, а также торжество 6 мая 1877 г. уже без купюр⁵⁹. К сожалению, публикация документов самарской городской думы, и прежде всего отчета Кожевникова и Алабина, в болгарском журнале «Известия на Държавните архиви», вероятно, недоступна многим отечественным авторам, а статья Лукавы менее известна, чем книга Й. Ценова на русском языке, поэтому прежняя тенденция все еще сильна, и в публикациях повторяются многие неточности и несуразности⁶⁰.

Большинство историков рассматривают Самарское знамя как символ дружбы русского и болгарского народов. Болгарский историк

57 Ценов Й. Самарското знаме... С. 68; Ценов Й. Знамя и губернатор: Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Самарский край в истории России. С. 73.

58 Улуныян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994. С. 114–115.

59 Лукава Н. А. Самарское Знамя (К 120-летию создания) // Краеведческие записки. Областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара, 1996. Вып. 8. С. 57–60.

60 Фомин В. К. Самарское знамя как этнополитический фактор выражения воли русского народа // Христианство и мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Христианство-2000». Самара, 16–18 мая 2000 г. Самара, 2001. С. 199–206; Плугина Л. Самарское знамя // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 30. С. 96; Макарова А. Ю. Самарское знамя в истории общественной жизни губернской Самары // Двадцать третьи Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Самарская епархия; Самарский епархиальный церковно-исторический музей. 2019. Самара, 2019. С. 98; Анишаков Ю. П. Волжане в борьбе за свободу Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 18.

Г. Вылков считал, что на вручение Самарского знамени необходимо смотреть не только как на выражение боевого болгаро-русского братства, но и как на важное средство военно-патриотического воспитания ополченцев. Он акцентировал внимание на том, что современники и пресса расценивали вручение знамени как важное событие политического характера, и делал заключение, что болгары того времени понимали, что боевая воинская часть полноценна, когда она имеет и свое материальное выражение чести и доблести – знамя⁶¹.

Отмечавшееся нами замалчивание в литературе участия великого князя Николая Николаевича (Старшего) в этом торжестве или упоминание о нем вскользь, а также умолчание о благоговейном прикладывании к знамени, лежавшем на мощах св. Алексия, императора и его семейства, на наш взгляд, снижали статус самого ритуала, опуская его на уровень пусть не заурядного, но все же обычного полкового мероприятия. При этом главнокомандующий не был пассивным гостем: он, брат императора России, возглавил церемонию, что придавало ей особую торжественность, значительность и масштабность, возводя в ранг международного события – признания Болгарского ополчения, ядра будущей армии будущего болгарского государства.

В этой связи важно подчеркнуть, что с самого начала ополченцам доверяли охрану великого князя, и эту честь они разделяли с его личным конвоем: дружинники назначались во внутренний и внешний караулы к главнокомандующему, они стояли в почетном карауле при посещении Плоешти князем Карлом 2 мая («Народ видный, молодецкий»⁶²), 25 мая при встрече императора Александра II (1-я рота 3-й дружины под Самарским знаменем на вокзале, остальные вместе с л.-гв. Сводно-Казачьим полком и частью собственного его величества конвоя стояли шпалерами на пути от станции к дому, приготовленному для императора).

17 июня в Зимнице болгарские дружины участвовали в благодарственном молебне по случаю форсирования Дуная с коленопреклонением в присутствии императора, который затем наградил Георгиевскими крестами отличившихся в сражении воинов гвардейской полуроты. Таким образом, Болгарское ополчение особо выделялось из всей Дунайской армии и удостоивалось повышенного внимания как главнокомандующего, так и императора.

61 *Вълков Г.* Българското опълчение: Формиране, бойно използване и историческа съдба. София, 1983. С. 89–90.

62 *Скалон Д. А.* Мои воспоминания... С. 76.

Источники и литература

Алабин П. В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара: губернская типография, 1887. 215 с.

Анишаков Ю. П. Волжане в борьбе за свободу Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 16–28.

Атанасова В., Бычварова Ст., Влашка Ст. Документи за историята на Самарското знаме (1877–1880 г.) // Известия на Държавните архиви. София, 1978. Вып. 36. С. 179–187.

Бендерев А. История на Българското опълчение и освобождението на България 1877–1878. София: Шипка, 1930. 431 с.

Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Мысль, 1978. 295 с.

Вълков Г. Българското опълчение. Формиране, бойно използване и историческа съдба. София: Военно изд-во, 1983. 447 с.

Генов Ц. Освободителната война 1877–1878. София: Наука и изкуство, 1978. 327 с.

Георгиев Г., Топалов В. Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София: Изд-во на БКП, 1958. 516 с.

Гурбанов М. Самарское знамя. Кишинев: изд-во «Карта Молдовеняскэ», 1970. 76 с.

Дойнов Ст. Българската общественост и руско-турската освободителната война (1877–1878). София: Изд-во на Отечествения Фронт, 1978. 220 с.

Зографски П. 45 годишен юбилей на славната шипченска епопея и историята на Самарското знаме (11 август 1877–11 август 1922 г.). София: печатница «Право», 1922. 32 с.

Каразин Н. Н. Освящение болгарского знамени в Плоештах // Иллюстрированная хроника войны. 1877. № 18. С. 137–138.

Комаров К. Самарское знамя // Славяне. 1956. № 4. С. 27–34.

Конобеев В. Д. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1953. 79 с.

Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: «Проф. Марин Дринов», 2007. 410 с.

Косич А. И. Рушукский отряд. Участие XII корпуса, входившего в состав Рушукского отряда в кампании 1877–1878 годов. Из записок бывшего начальника штаба XII корпуса свиты его величества генерал-майора Косича. Киев: Типография Штаба Киевского военного округа, 1884. 48 с.

Крестовский В. В. Двадцать месяцев в действующей армии. (1877–1878): Письма в ред. газ. «Правительственный вестник» от ея офиц. кор. лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского. СПб.: Тип. министерства внутренних дел, 1879. Т. 1. 608 с.

Лукава Н. А. Самарское Знамя (К 120-летию создания) // Краеведческие записки. Областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара, 1996. Вып. 8. С. 55–64.

Макарова А. Ю. Самарское знамя в истории общественной жизни губернской Самары // Двадцать третьи Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Самарская епархия; Самарский епархиальный церковно-исторический музей. 2019. Самара: ООО «Научный центр». С. 95–102.

Маринов М., Узунов Хр., Караиванов А., Даков Т. Руско-турската освободителна война 1877–1878. София: Народна просвета, 1977. 210 с.

Митев Й. Българското опълчение в освободителната война. София: Държавно военно изд-во, 1952. 160 с.

Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Сб. документов и материалов. Самара: изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. 828 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Наука, 1964. Т. 2. 646 с.

Плугина Л. Самарское знамя // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 30. С. 96–100.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. Отчет полевого штаба. СПб.: Военная типография, 1900. 360 с.; Вып. 15. Телеграфная переписка Главнокомандующего с Государем Императором. СПб.: Военная типография, 1899. 274 с.

Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1913. Т. 1. 400 с.

Луляня А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 214 с.

Фомин В. К. Самарское знамя как этнополитический фактор выражения воли русского народа // Христианство и мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Христианство-2000». Самара, 16–18 мая 2000 г. Самара, 2001. С. 199–206.

Фортунатов П. К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. 180 с.

Храмкова Н. П. Самарский историк и педагог Н. Н. Яковлев (1902–1982) // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 149–151.

Ценов Й. Знамя и губернатор: Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин // Самарский край в истории России. Вып. 2. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П. В. Алабина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина, 2004. С. 69–132.

Ценов Й. Самарското знаме – изработка, история и значение // Исторически преглед. 1989. № 4. С. 64–78.

Чичагов Л. М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г. СПб.: Сатис, 1995. 518 с.

Яковлев Н. Н. Дружба навечно. Издание второе, переработанное. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1969. 144 с.

Яковлев Н. Н. Дружба навечно. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1960. 108 с.

Яковлев Н. Н. Самарское знамя Болгарии // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1974. Т. 143. Вып. 4. С. 17–24.

References

Anshakov, Iu. P. “Volzhane v bor'be za svobodu Bolgarii v russko-turetskuiu voynu 1877–1878 gg.” *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki*, 2022, vol. 4, No 4, pp. 16–28.

Atanasova, V., Bychvarova, St., Vlashka, St. “Dokumenti za istoriata na Samarskoto zname (1877–1880 g.)” *Izvestiia na Dürzhavnite arkhivi*, No 36, Sofia, 1978, pp. 179–187.

Benderev, A. *Istoriia na Bŭlgarskoto opŭlchenie i osvobozhdenieto na Bŭlgarii 1877–1878*. Sofia: Shipka, 1930, 431 p.

Chichagov, L. M. *Dnevnik prebyvaniia Tsaria-Osvoboditelia v Dunaiskoi armii v 1877 g.* St. Petersburg: Satis, 1995, 518 p.

Doinov, St. *Bŭlgarskata obshtestvenost i rusko-turskata osvoboditelnata voŭna (1877–1878)*. Sofia: Izd-vo na Otechestveniiia Front, 1978, 220 p.

Fomin, V. K. “Samarskoe znamia kak etnopoliticheskii faktor vyrazheniia voli russkogo naroda.” *Khristianstvo i mir. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Khristianstvo-2000»*. Samara, 16–18 maia 2000 g. Samara, 2001, pp. 199–206.

Fortunatov, P. K. *Voina 1877–1878 gg. i osvobozhdenie Bolgarii*. Moscow: Uchpedgiz, 1950, 180 p.

Genov, Ts. *Osvoboditelnata voŭna 1877–1878*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1978, 327 p.

Georgiev, G., Topalov, V. *Kratka istoriia na osvoboditelnata voïna 1877–1878 (pregled na voennite deïstviia)*. Sofia: Izd-vo na BKP, 1958, 516 p.

Gurbanov, M. *Samarskoe znamia*. Kishinev: Kartia Moldoveniaske, 1970, 76 p.

Iakovlev, N. N. *Druzhba navechno*. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izd-vo, 1960, 108 p.

Iakovlev, N. N. *Druzhba navechno*. 2nd ed. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izd-vo, 1969, 144 p.

Iakovlev, N. N. “Samarskoe znamia Bolgarii.” *Iz istorii Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. Nauchnye trudy Kuibyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. V. Kuibysheva*. Kuibyshev, 1974, vol. 143, No 4, pp. 17–24.

Khramkova, N. P. “Samarskii istorik i pedagog N. N. Iakovlev (1902–1982).” *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2013, No 4 (5), pp. 149–151.

Komarov, K. “Samarskoe znamia”. *Slaviane*, 1956, No 4, pp. 27–34.

Konobeev, V. D. *Russko-bolgarskoe boevoe sodruzhestvo v russko-turetskoi voïne 1877–1878 gg.* Moscow: Voenizdat, 1953, vol. 143, No 4, 79 p.

Kosev, K., Doinov, St. *Ot Shipka i Pleven do San Stefano i Berlin*. Sofia: Prof. Marin Drinov, 2007, 410 p.

Lukava, N. A. “Samarskoe Znamia (K 120-letiiu sozdaniia).” *Kraevedcheskie zapiski. Oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P. V. Alabina*. Samara, 1996, vol. 8, pp. 55–64.

Makarova, A. Iu. “Samarskoe znamia v istorii obshchestvennoi zhizni gubernskoi Samary.” *Dvadsat' tret'i Ioannovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati Vysokopreosviashchennishego Ioanna, mitropolita Sankt-Peterburgskogo i Ladozhskogo. Samarskaia eparkhiia; Samarskii eparkhial'nyi tserkovno-istoricheskii muzei*. Samara: OOO «Nauchnyi tsentr», 2019, pp. 95–102.

Marinov, M., Uzunov, Hr., Karaivanov, A., Dakov, T. *Rusko-turskata osvoboditelna voïna 1877–1878*. Sofia: Narodna prosveta, 1977, 210 p.

Mitev, Ī. *Bŭlgarskoto opŭlchenie v osvoboditelnata voïna*. Sofia: Dŭrzhavno voenno izd-vo, 1952, 160 p.

Narody Povolzh'ia i bor'ba iuzhnykh slavian za natsional'noe osvobozhdenie 1875–1878 gg. Sb. dokumentov i materialov. Samara: izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2009, 828 p.

Osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga. Moscow: Nauka, 1964, vol. 2, 646 p.

Plugina, L. “Samarskoe znamia.” *Pskov*, 2009, No 30, pp. 96–100.

Skalon, D. A. *Moi vospominaniia 1877–1878 gg.* vol. 1. St. Petersburg: Tip. t-va M. O. Vol'f, 1913, 400 p.

Tsenov, Ī. “Samarskoto zname – izrabotka, istoriia i znachenie.” *Istoricheskii pregled*. 1989, No 4, pp. 64–78.

Tsenov, I. “Znamia i gubernator: Samarskoe znamia i Petr Vladimirovich Alabin.” *Samarskii kraï v istorii Rossii*. Vyp. 2. Materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 180-letiiu so dnia rozhdeniia P. V. Alabina. Samara: Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei imeni P. V. Alabina, 2004, pp. 69–132.

Ulunian, A. A. *Rossia i osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1994, 214 p.

Vinogradov, V. I. *Russko-turetskaia voïna 1877–1878 gg. i osvobozhdenie Bolgarii*. Moscow: Mysl', 1978, 295 p.

Vũlkov, G. *Bũlgarskoto opũlchenie. Formirane, boïno izpolzване i istoricheska sũdba*. Sofia: Voïno izd-vo, 1983, 447 p.

Zografski, P. *45 godishen iubileï na slavnata shipchenska epopeia i istoriiata na Samarskoto zname (11 avgust 1877 – 11 avgust 1922 g.)*. Sofia: Pechatnitsa «Pravo», 1922, 32 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.19

M. M. Frolova

The Ceremony of Awarding the Samara Banner to the Bulgarian Militia on May 6, 1877

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. The Ceremony of Awarding the Samara Banner to the Bulgarian Militia on May 6, 1877 // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 352–375 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.19

Received: 27.05.2024.

Revised: 11.06.2024.

Accepted: 24.09.2024.

Abstract

Based on a significant body of published sources, the article recreates the ceremony of awarding the Samara Banner to the 3rd squadron of the Bulgarian militia on May 6, 1877 in Ploiesti. The errors and inaccuracies

of the previous historiography in the coverage of this event from the standpoint of a new research paradigm are indicated and explained, the significance of this event is definitely determined. In the early 1950s, Soviet and many Bulgarian historians, mentioning the fact of the presentation of the Samara banner, ignored the ceremony itself. When the report of E. T. Kozhevnikov and P. V. Alabin, dated May 25, 1877, was published in the collection of documents “Liberation of Bulgaria from the Turkish Yoke” (Moscow, 1964), the text about the delegates’ stay in Moscow was cut out, as well as episodes about the reception of the Samara envoys by the Commander-in-Chief, Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder). The silence in the literature about the participation of the Commander-in-Chief in this celebration or its passing mention, as well as the silence about the reverent veneration of the Emperor and his family to the banner that lay on the relics of St. Alexis in the Chudov Monastery, reduced the status of the ritual itself, lowering it to the level of an ordinary regimental event. It was not the head of the Bulgarian militia, Major General N. G. Stoletov, but the commander-in-chief, the brother of the Emperor of Russia, who led the ceremony, which gave it a special solemnity, significance and scale, elevating it to the rank of an international event – the recognition of the Bulgarian militia, the core of the future army of the future Bulgarian state.

Keywords

Russo-Turkish war of 1877–1878, Bulgarian militia, Samara Banner, Commander-in-Chief of the Danube Army Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder), Major-General N. G. Stoletov, P. V. Alabin, E. T. Kozhevnikov.

Православие и культ католического святого Андрея Боболи в XIX – начале XX в.¹

Короневский Виктор Ильич
Лаборант-исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Российская
Федерация
E-mail: iliich2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5910-6799

Цитирование

Короневский В. И. Православие и культ католического святого Андрея Боболи в XIX – начале XX в. // *Славянский альманах.* 2024. № 3–4. С. 376–393. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.20

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-48-04402: «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)»).

Статья поступила в редакцию 09.10.2023.

Рецензирование завершено 15.06.2024.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

Статья посвящена истории трансформации в течение XIX – начала XX в. отношения православного духовенства и публицистов к фигуре католического мученика Андрея Боболи – иезуита, убитого в середине XVII в. православными казаками. Показывается, что в первой половине указанного периода (до 1850-х гг.) почитание святого носило «трансконфессиональный»

¹ Некоторые положения статьи нашли отражение в публикации тезисов доклада, сделанного автором на конференции «The Church and Otherness», организованной Болгарской академией наук: *Koronevskii V. The Jesuit Martyr and his Orthodox Veneration: The Cult of St Andrew Bobola in the XIX century Polatsk // The Church and Otherness.* Sofia, 2023. P. 255–265.

характер. Некоторые представители образованных православных кругов: архиепископ Василий (Лужинский), епископ Даниил (Натток-Михайловский), К. А. Говорский – склонялись к правдивости зародившейся еще в XVIII в. в Пинске легенды, согласно которой святой был не иезуитом, убитым православными, а православным мучеником, убитым католиками. Рассматриваются причины, вызвавшие изменение отношения к Андрею Боболе в 1850-х – 1860-х гг. Прослеживается тенденция упадка доверия к легенде о «православном Боболе», результатом чего стала оценка православными его культа как инструмента в руках враждебных церкви и России сил. Раскрывается процесс формирования альтернативной православной версии жизнеописания Андрея Боболи, в рамках которого признается принадлежность святого к католицизму, однако сам он воспринимается как подобие св. Иосафата Кунцевича: «душехват», убийца и гонитель православия. Своими поступками, по мнению православных авторов, он заслужил трагический финал.

Ключевые слова

Андрей Боболя, православие, католицизм, святость, мученичество, беатификация, иезуиты, Полоцк, Пинск, Российская империя.

В истории исследования взаимоотношений православных и католиков на территории западных губерний Российской империи последние два десятилетия ознаменовались выходом ряда крупных работ. На различные аспекты этой проблемы, связанные с межконфессиональными конфликтами, массовыми обращениями из одной веры в другую или попытками бюрократии оказать влияние на религиозность местного населения, проливают свет труды М. Д. Долбилова², Д. Сталюнаса³, Б. Скиннер⁴ и ряда других историков. Значительно меньше внимания

2 Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Долбилов М. Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. Вильнюс, 2010.

3 Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.

4 Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in Eighteenth-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb, 2009.

уделяется исследователями существованию в условиях межконфессионального пограничья культов местных святых: как православных, так и католических. Авторы многочисленных статей, посвященных униатскому мученику Иосафату Кунцевичу⁵ или киевским святым⁶, как правило, ограничивают свои исследования концом XVII или первой половиной XVIII в., не касаясь эпохи разделов Речи Посполитой и, тем более, периода пребывания восточных территорий последней в составе Российской империи.

В течение последних десяти лет именно авторы, занимающиеся изучением истории взаимоотношений православия и католицизма обоих обрядов на землях Речи Посполитой, с разных сторон начали подходить к проблеме существования культов местных святых на стыке различных конфессий, представители каждой из которых считали этих угодников своими единоверцами и, апеллируя к ним, выстраивали такой взгляд на прошлое русской Церкви, который соответствовал их конфессиональным предпочтениям. Среди исследований, затрагивающих эту проблему, стоит выделить статью Н. А. Синкевич, в которой исследовательница показывает, как униатские и римо-католические авторы XVII – начала XVIII в. приспособили к своим нуждам изначально сугубо православные культы святых Владимира, Ольги, Антония и Феодосия Печерских, Виленских мучеников, Феодора Острожского, Евфросинии Полоцкой и ряда других святых, включая даже митрополитов Петра и Алексия⁷.

Следует вспомнить также работы А. А. Семянчук и К. Гудмантаса, посвященные исследованию образа Параскевы Полоцкой (культ которой, выражаясь словами Н. А. Синкевич, был «двойниковым»

⁵ *Родэвальд Ш.* Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. // *Беларускі Гістарычны Агляд.* 2009. Т. 16. С. 345–372; *Fukushima S.* Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe.* Boston, 2020. P. 1–28; *Jobst K.* Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych // *Journal of Ukrainian studies.* 2012. № 37. P. 1–17.

⁶ *Ткачук В. А.* Культы древнерусских святых в Киевской митрополии XVII – первой половины XVIII в. как инструмент исторической и политической легитимации // *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории.* М., 2018. С. 384–408.

⁷ *Синкевич Н. А.* «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой // *Религия и Русь, XV–XVIII вв.* М., 2020. С. 312–340.

по отношению к культу св. Евфросинии) в литовских летописях XVI в.⁸ Хотя указанные авторы не стремятся исследовать непосредственно сам культ Параскевы, преимущественно рассматривая тексты, содержащие легенду о ней, их статьи представляют собой важный шаг на пути изучения традиции почитания этой своеобразной неканонизированной святой, фигура которой заслуживает отдельного исследования.

Отдельно отметим публикацию Д. Баронаса, вводящую в научный оборот неизвестную ранее базилианскую редакцию жития Виленских мучеников первой половины XVIII в., которая отражает греко-католический взгляд на фигуры этих святых⁹.

В целом, опубликованные на данный момент работы, прямо или косвенно касающиеся проблемы существования культов местных святых на стыке православия, римского католицизма и униатства в Речи Посполитой, посвящены периоду XVI – начала XVIII в., не затрагивая более позднюю эпоху. К тому же все они нацелены исключительно на изучение тех культов, которые изначально существовали как православные, и уже в дальнейшем были приспособлены к своим нуждам католиками – никак не наоборот. В этой статье мы попробуем рассмотреть сюжет, обратный по отношению к описанным выше, который имел место на тех же землях, но в более позднее время. Речь идет об отношении православного духовенства и интеллигенции к личности и культу св. Андрея Боболи в XIX – начале XX в.¹⁰

В соответствии с первым изданным в Речи Посполитой житием Боболи, написанным иезуитом А. Собежанским, его жизненный путь можно изложить следующим образом. Будущий святой родился в 1592 г. в Сандомире и уже в юном возрасте вступил в орден иезуитов.

8 *Semianchuk A.* Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarussian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century // *Studia Białorutenistyczne*. 2020. № 14. P. 11–32; *Гудмантас К.* «Житие» Парасковии-Пракседы в литовских летописях // *Археология и история Литвы и Северо-Запада России в Средневековье: доклады российско-литовского семинара*, Вильнюс, 28–30 марта 2011 г. Вильнюс, 2013. С. 197–214.

9 *Baronas D.* Bazilijonų redakcijos Trijų Vilniaus kankinių kankinystės aprašymas iš metropolito Leono Kiškos rankraščio // *Bažnyčios istorijos studijos*. 2016. № 8. P. 193–205.

10 Исследование отношения российской бюрократии к культу Боболи было начато М. Д. Долбиловым: *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера. С. 334–338.

Потрудившись в течение своей жизни в разных городах и местечках Речи Посполитой, в середине XVII в. он отправился проповедовать католицизм среди православных жителей Полесья. Хотя его проповедь вызывала неприязнь у части местного населения, она не была безуспешной, так что Андрея Боболю прозвали «Пинским апостолом» и «апостолом Полесья». В 1657 г. в районе Янова-Полесского он был схвачен отрядом православных казаков и умерщвлен¹¹.

После гибели проповедника его тело было перенесено в принадлежащий Обществу Иисуса костел св. Станислава в Пинске. В 1700 г., после того как Боболя, по сообщению одного из местных иезуитов, явился ему и назвал себя патроном Пинского иезуитского коллегияума («*Ja będę Patronem Collegium Twego*»¹²), останки были выставлены для поклонения. С 1710-х гг. начинают фиксироваться многочисленные чудеса, причем помимо исцелений и спасений от природных катаклизмов Боболя, как утверждалось, помогал своим почитателям спастись из российского плена¹³.

Еще в первой половине XVIII в. была начата подготовка к официальному причислению иезуита к лику блаженных. В 1755 г. папа Бенедикт XIV своим декретом признал смерть Андрея Боболи мученичеством за веру¹⁴. И хотя в эпоху разделов Речи Посполитой подготовка к беатификации приостановилась, традиция почитания Боболи продолжала развиваться. Появлялись фрески с изображением святого¹⁵, издавались новые произведения о нем¹⁶.

На рубеже веков культ «апостола Полесья» пережил серьезное потрясение. Иезуитский костел, где находились его мощи, после вхождения Пинска в состав Российской империи был передан базилианам, а в 1800 г. – православным, превратившись в Богоявленскую церковь. Не желая терять одну из своих главных святынь на восточных

11 *Sobieszczanski A.* Apostoł Piński zarliwością zbawienia dusz ludzkich pałający to jest życie y śmierć świętobliwey pamięci w. x. Jędrzeia Boboli Societatis Jesu dla wiary katolickiey w Janowie od schyzmatyków Roku Pańskiego 1657 dnia 16 miesiąca maia zabitego. Sandomierz, 1745.

12 *Sobieszczanski A.* Apostoł Pinski... S. 75.

13 *Ibid.* S. 180–188.

14 *Wróblewski A.* Sodalis Marianus. Bł. Andrzej Boboła T. J. Umęczony za Wiarę D. 16 Maja 1657 R. Lwów, 1907. S. 43.

15 *Ibid.* S. 39.

16 *Epicum Carmen De Martyre Andrea Bobola Presbytero Societatis Jesu.* Wilno, 1792.

территориях бывшей Речи Посполитой, в 1807 г. орден иезуитов в лице своего генерала Т. Бжозовского обратился на имя Александра I с просьбой о разрешении перенести останки Андрея Боболи из Пинска в Полоцк, где позиции иезуитов на тот момент были более устойчивыми¹⁷. В Петербурге к этой инициативе отнеслись с осторожностью: Синод разрешил перенести тело «езуита Боболи» в полоцкий костел св. Стефана, однако «без всякой публичной процессии» и при условии его немедленного погребения на новом месте. Последнее условие так и не было выполнено, однако в 1808 г. мощи Боболи все-таки оказались на берегах Двины¹⁸.

Дни пребывания в ведении иезуитов костела св. Стефана, в котором теперь находилась реликвия, также были сочтены. В 1820 г. орден был вынужден покинуть Россию. Упомянутый храм достался в наследство пиарам, равно как и захороненное в нем тело Боболи. Однако спустя десять лет костел был отобран и у пиаров, вскоре превратившись в православный Свято-Николаевский собор, а реликвия, в свою очередь, в 1830 г. досталась полоцким доминиканцам. Еще в 1820 г., сразу после изгнания иезуитов, находившийся за границей вице-ректор бывшей Полоцкой иезуитской академии В. Жолондзь обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну с просьбой о дозволении вывезти останки святого за границу, однако получил безапелляционный отказ¹⁹. В течение последующего столетия мощам Боболи суждено было пребывать в Полоцке, в местном доминиканском костеле.

Именно применительно к полоцкому периоду истории культа «апостола Полесья» мы располагаем наиболее ранними источниками о его восприятии православными. 14 февраля 1816 г. себежский протоиерей Стефан (Ляхина) отправил на имя Могилевского и Витебского архиепископа Даниила (Натток-Михайловского) донесение, в котором утверждал, что Боболя в Полоцке пользуется огромной популярностью у «православных простолюдинов, с великими дарами обратившихся к поклонению тому иезуитскому телу наравне со святыми угодников Божиих нетленными мощами», и, намекая, что останки

17 О значении культа Боболи для иезуитов в XVIII в. см.: *Mott F., Rai E. Martyrs and Missionaries: Strategies of Jesuit Sainthood between the Suppression and the Restoration // Journal of Jesuit Studies. 2022. № 9. P. 101–109.*

18 Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 2005. Л. 1–1об., 6об.

19 Там же. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 384. Л. 1–1об.

Боболи еще в 1808 г. должны были быть захоронены, просил епископа Даниила «к пресечению такового соблазна принять архипастырские меры»²⁰. Однако епископская резолюция на донесение Стефана содержала отказ предпринимать какие-либо действия по отношению к мощам Боболи. В качестве одного из аргументов Даниил писал, что он, «будучи за польского владения в Пинске, слышал от тамошних православных жителей, что прописанный Бобола был тамошней православной церкви благочестивым ктитормом и за недопущение им, Боболою, отобрать сию церковь на унию был езуитами умерщвлен: и когда тело умерщвленного оказалось неистлевающим, то оные езуиты облекли Боболу умершего в езуитские одежды и потом нарекли его езуитом, каким он, Бобола, никогда-де не бывал»²¹.

Таким образом, уже в 1816 г. в православной среде фиксируются два противоположных взгляда на личность Боболи и его почитание православными. Протоиерей Стефан доверяет традиционной католической точке зрения на биографию Боболи, называя его останки «иезуитским телом», хотя и относится к самому святому резко отрицательно. Он считает неприемлемым почитание иезуитских мощей православными обывателями и утверждает необходимость «принять меры к пресечению соблазна». В то же время архиепископ Даниил не считает классическую католическую версию жизнеописания Боболи заслуживающей доверия, полагая, что святой не только был приверженцем Православной церкви, но и принял муки, отстаивая православный храм от посягательств униатов. Версия о принадлежности Боболи к католицизму представлялась архиерею выдумкой иезуитов. Соответственно, он не считал необходимым предпринимать какие-либо меры против почитания предполагаемого православного мученика православным населением.

Позицию Даниила, по-видимому, разделяли и некоторые представители следующего поколения полоцких православных интеллектуалов: один из организаторов воссоединения униатов архиепископ Василий (Лужинский) и, вероятно, публицист К. А. Говорский, тоже выходец из греко-католических кругов, а на тот момент преподаватель Полоцкой духовной семинарии. Уже в 1864 г. в переписке с М. Н. Муравьевым архиепископ Василий, затронув вопрос о Боболе, вспоминал, как в начале 1850-х гг., когда до Полоцка дошли слухи

20 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 9об.

21 Там же. Л. 10об.

о скорой беатификации мученика, Говорский стал собирать сведения о нем. Наведя справки о святом, будущий издатель «Вестника Западной России» обнаружил классическую версию жизнеописания Боболи только в иезуитском календаре за 1740 г. и на основании этого квалифицировал ее как «очевидно вымышленную»²². Сам Василий тоже не склонен был принимать точку зрения иезуитов. Ссылаясь на рассказы униатского митрополита Иосафата (Булгак), он писал: «Андрей Боболий был русский православный священник Минской губернии в Пинском уезде, где и найдены его останки с неистлевшими еще поручами и епитрахилем на груди, золотой парчи, что верные тому доказательства имелись в архиве митрополичьем, на основании коих думали отобрать (так! – В. К.) от иезуитов сии останки, перевезенные уже в полоцкий иезуитский костел; но где ныне тот архив, мне неизвестно»²³.

Свидетельство Василия показывает, что даже в начале 1850-х гг. в среде полоцких православных взгляд на Боболю как на иезуитского мученика воспринимался со скепсисом, в то время как мнение о его принадлежности к Православной церкви, которое разделял еще епископ Даниил, считалось заслуживающим доверия. Более того, архиепископ упоминает о проекте изъятия мощей Боболи у католиков и их передачи православным, который, однако, не был реализован.

Таким образом, имеющиеся источники, несмотря на свою скудость, позволяют утверждать, что в первой половине XIX в. в среде православных (епископ Даниил) и симпатизировавших православию выходцев из униатской среды (архиепископ Василий, вероятно также К. А. Говорский и митрополит Иосафат (Булгак)) была распространена точка зрения на Андрея Боболю как на православного святого, культ которого был «присвоен» иезуитами. Несмотря на то, что упомянутые деятели, по всей видимости, были знакомы с традиционной «иезуитской» точкой зрения на личность Боболи, изложенной в житийных текстах, она не пользовалась их доверием. Противоположная версия тоже имела своих сторонников, вроде Стефана (Ляхины), бывшего в набат и призывавшего покончить с мощами Боболи, пагубно влиявшими на местное православное население. Однако она не пользовалась популярностью, оставаясь маргинальной.

22 Там же. Л. 18об.

23 Там же. Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 19. Сам календарь см.: *Poszowski J. Kalendarz Jezuitki Większy na Rok przestępny MDCCXL*. Vilnae, 1740. Majus 16.

Тем не менее период 1850-х – 1860-х гг. внес свои коррективы в историю отношения православного духовенства и интеллигенции к личности Андрея Боболи и его культу. В 1853 г. состоялось официальное причисление иезуита-мученика к лику блаженных. Как и положено торжеству подобного рода, оно породило волну публикаций, посвященных беатифицируемому: в течение 1853–1855 гг. о жизни и смерти Андрея Боболи было написано немало текстов, по большей части польскоязычных²⁴. Издававшие свои произведения на территории Франции и австрийской Галиции, авторы жизнеописаний убитого православными казаками католического проповедника позволяли себе весьма резкие формулировки, развивая антиправославные коннотации, присущие агиографии Боболи еще со времен текста А. Собещанского, и дополняя их антироссийскими.

Так, В. Клейновский, издавший свое произведение в 1854 г. во Львове, писал о множестве польских мучеников, которые, подобно Боболе, в XVII в. приняли мученическую кончину «od dzikich barbarzyńców kozackich»²⁵. Другой характерный пример – изданная в 1853 г. в Париже «Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę», в тексте которой Боболя, «Wierny Kościoła, wierny Syn Ojczyzny», интерпретируется как жертва диких орд казаков-«схизматиков», которых исторгла из себя Преисподняя²⁶.

На иллюстрациях, сопровождавших данные издания²⁷, убийцы блаженного изображались похожими не столько на казаков, сколько на нечто среднее между стереотипным «москвитом» (высокие боярские шапки, характерные посохи) и «басурманином» (восточные шлемы и изогнутые сабли, сорванный с Боболи и брошенный на землю крест). Вероятно, ориенталистские мотивы должны были вызвать у читателя жизнеописания блаженного иезуита яркие ассоциации с восточным «варварством». Нетрудно заметить, что для изображения убийц Боболи создавался обобщенный образ «дикого схизматика», который должен был ассоциироваться у потребителя данной продукции с современными ему подданными российского императора.

24 *Świętomian A.* Dzieje błogosławionego ojca Andrzeja Boboli kapłana Towarzystwa Jezusowego za wiarę katolicką od schyzmatyków okrutnie zamęczonego 1657 roku. Paryż, 1854; *Klejnowski W.* Życie i męczeństwo Błogosławionego Jędrzeja Boboli Towarzystwa Jezusowego. Lwów, 1854; *Żywot Błogosławionego Andrzeja Boboli S. J. w krótkiej treści podany.* Kraków, 1853.

25 *Klejnowski W.* Życie i męczeństwo... S. 4.

26 *Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę.* Paryż, 1853.

27 *Żywot...* S. 3.

Негативной реакции православных на беатификацию способствовал также факт утверждения папой 23 мая в качестве дня памяти «апостола Полесья». Для полочан этот день уже являлся днем памяти главной местной православной святой – Евфросинии Полоцкой, чей культ местное духовенство во главе с Василием (Лужинским) активно развивало с 1830-ых гг. Выбор католиками именно 23 мая был интерпретирован православными как попытка сделать из традиции почитания беатифицированного иезуита конкурирующий по отношению к св. Евфросинии культ²⁸.

Проблема еще сильнее обострилась в середине 1860-х гг., после того как было подавлено Польское восстание 1863–1864 гг., а до России дошли известия о грядущем причислении Католической церкви к лику святых Иосафата Кунцевича. Последнее вызвало резко негативную реакцию со стороны ряда православных публицистов. В частности, М. О. Коялович, обличая антиправославный и антиросийский характер готовящейся канонизации католического святого, убитого «схизматиками»²⁹, обратил внимание и на фигуру Андрея Боболи, чья беатификация носила подобный характер³⁰.

Коялович не скрывал своего скептического отношения к биографии Боболи, утверждая, что «в народе Белоруссии существует предание, что не казаки замучили в Пинске какого-то иезуита Боболи, а латиняне замучили православного священника, что тело его зарыто было мучителями в каком-то болоте и что в позднейшее время латиняне выдали этого православного священника за своего мученика Боболи, похитив для этого, по одним известиям, тело православно-го мученика, а по другим – подделав для этого какой-то уцелевший труп». Тем не менее, в отличие от Василия (Лужинского) или Даниила (Натток-Михайловского), по отношению к культу святого публицист занял четкую позицию: вне зависимости от того, был ли Боболя в действительности «православным мучеником» или нет, для Кояловича он являлся инструментом в руках католиков, которые его «возвели

28 ОР РГБ. Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 3–3об.

29 Коялович М. О. Ответ газете Le Monde, усиливающейся доказать, что наше русское мнение об Иосафате Кунцевиче не справедливо. СПб., 1865.

30 В историографии имела место спорная, но небезынтересная попытка выделить Кунцевича и Боболю (вместе с Афанасием Филипповичем) в единый «мученический архетип», характерный для эпохи и региона, см.: Ісіченко І. Мученицький архетип у життійному просторі Рутні // Київські полоністичні студії. 2012. Т. 19. С. 233–239.

в святые и прославляют теперь для смущения совести нашего православного народа». Автор заявил, что начался «новый поход их (католиков. – В. К.) против нас под предводительством Боболи», и призвал «бороться с этим святым»³¹.

Итак, после 1850-х – 1860-х гг. присущие образу «апостола Полься» антиправославные и антироссийские коннотации резко усилились, а он сам обрел официальный статус в рамках сонма католических святых. Являвшаяся реакцией на изменение статуса блаженного иезуита статья М. О. Кояловича, с одной стороны, содержала свойственный текстам первой половины XIX в. тезис о принадлежности мученика к Православной церкви. С другой стороны, она положила начало периоду борьбы православных публицистов и духовенства против популярности Андрея Боболи в православной среде.

В последней трети XIX в. сомнения в официальном католическом взгляде на конфессиональную принадлежность Боболи также разделялись некоторыми представителями православного духовенства и интеллигенции. Так, Савва (Тихомиров), Полоцкий епископ в 1866–1874 гг., в своих «Автобиографических записках» отмечал наличие «разных взаимно противоречащих сказаний о личности Боболи»³². В опубликованной в 1886 г. статье скепсис по отношению к жизнеописанию иезуитского мученика выразил витебский историк А. П. Сапунов. Он привел «предание», согласно которому «Андрей Боболя был православным или униатским священником в м. Яновичах» и «он принял мученическую смерть от иезуитов, имевших намерение обратить его в католицизм»³³. Последний отголосок версии о «православном Боболе» фиксируется в написанной в 1898 г. статье С. Короткова, посвященной св. Кириллу Туровскому. Публицистом упоминается некий православный «преп. Андрей, пресвитер Пинский», останками которого иезуиты будто бы завладели и, «обривши им бороду, выдали их за мощи иезуита Андрея Боболия»³⁴.

31 *Коялович М. О.* Сведения о почитании нового латинского мученика Андрея Боболи // Подольские епархиальные ведомости. 1865. № 5. С. 228–230.

32 *Савва (Тихомиров), архиепископ.* Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1901. Т. 3. С. 535.

33 *Сапунов А. П.* Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке // Витебские губернские ведомости. 1886. № 78. С. 2–3.

34 *Коротков С.* Св. Кирилл, епископ Туровский // Минские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 297.

В последние десятилетия XIX – начале XX в. силу набирала другая тенденция. Погружаясь в разоблачение культа святого и воспроизводя восходящие еще к Стефану (Ляхине) тезисы о негативном влиянии традиции почитания мощей иезуита на православных, публицисты рубежа столетий стали совершенно иначе, чем их предшественники, характеризовать саму личность Боболи. Так, в статье М. Волотовского, опубликованной в 1876 г., Боболя представлен как иезуитский проповедник, убитый за свои «бесчеловечные поступки с православными». Главным его злодеянием, которое, по мнению публициста, и привело к убийству Боболи взбунтовавшимся населением города Янова-Полесского, стало отравление местного православного мещанина Захария Кроба, а также его семьи³⁵. В дальнейшем этот сюжет неоднократно воспроизводился³⁶.

Нарратив, в рамках которого Боболя представлялся фанатичным беспринципным католиком, который был убит в результате восстания доведенного им до крайности православного населения, во многом повторял представления православных авторов об Иосафате Кунцевиче, который, согласно этой точке зрения, также был убит в результате вспышки народного гнева, вызванного его жестокостью. В одном из текстов, изданных в «Гродненских епархиальных ведомостях» в 1911 г., между двумя католическими мучениками проводится прямая параллель: Андрей Боболя называется «вторым Иосафатом Кунцевичем, гонителем православия в древлеправославном Русском Пинском Полесье». Более того, применительно к Боболе употребляется прозвище Иосафата Кунцевича «душехват»: «за то, что он, именно, хватал души православных для костела, как волк хватает овец, ворвавшись в стадо»³⁷.

Если с Иосафатом Кунцевичем Боболя в это время сближался, то другому святому, наоборот, противопоставлялся при помощи все

35 Волотовский М. Андрей Боболя // Русский мир. 1875. № 258. С. 1–2.

36 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47606. Л. 21; Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1912. № 14–15. С. 167–169. Автор последней статьи утверждает, что М. Волотовский почерпнул сюжет об отравлении Кробов из некой «рукописи, писанной в XVII веке на местном наречии и найденной у одного из яновских мещан». На данный момент верифицировать факт существования указанной рукописи не представляется возможным.

37 Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1911. № 9. С. 83.

того же образа волка-«душехвата». По мнению анонимного публициста, убитый католиками в 1648 г. православный мученик Афанасий Брестский «как “добрый пастырь” положил душу свою за введенные ему овцы, оберегая их от расхищения подобными Боболе “волками”, ложно-миссионерами». В то время как «выводимый же католическими властями во святые Андрей Боболя, как волк, врывается в чужое стадо и расхищает овец и за это и погибает, так же, как бывает и с волками, по делам своим получает должное, наглую смерть»³⁸.

Наиболее радикальную позицию по отношению к «апостолу Полесья» занял бывший директор Полоцкой военной гимназии А. П. Тыртов. Жестко критикуя А. П. Сапунова, считавшего культ Боболи безвредным для православия явлением и допускавшего истинность версии о принадлежности святого к православию, автор статьи «О мнимых мощах иезуита Андрея Боболи в Полоцке» заявлял, что тот «совращал» православных в католицизм при помощи «кнута и палки». Легенда о «православном мученике» объявлялась выдумкой Ираклия (Лисовского), униатского митрополита в 1806–1809 гг. Вывод А. П. Тыртова был однозначен: поклонение православных останкам иезуита следовало прекратить, предав мощи земле³⁹.

Таким образом, в течение всего XIX в. позиция православного духовенства и интеллигенции по отношению к личности иезуита-мученика, занимавшегося проповедью католицизма в среде «схизматиков», и его культу оставалась неоднозначной. Хотя уже в первой половине XIX в. была сформулирована точка зрения, согласно которой Андрей Боболя был иезуитом, убитым православными, а потому его почитание православными обывателями Полоцка было нежелательным, вплоть до 1850-х гг. более популярным был другой взгляд на святого. В соответствии с ним, при жизни мученик был верным сыном Православной церкви, замученным католиками, а почитание его останков, позже присвоенных иезуитами, вовсе не является чем-то неприемлемым для православного человека. Только события 1850-х – 1860-х гг., в ходе которых Боболя обрел черты антиправославного и антироссийского символа, привели к трансформации православного взгляда на святого и его культ. При этом изменение

38 Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 48–49. С. 676.

39 Тыртов А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболя в Полоцке // Литовские епархиальные ведомости. 1893. № 1–2. С. 5; № 3. С. 21.

позиции православных публицистов и духовенства не было одномоментным: версия о «православном мученике» исчезает со страниц источников только на рубеже столетий. В итоге взгляд на культ Боболи как на угрозу для православия все-таки возобладал, а образ самого святого, сформировавшийся в конце XIX – начале XX в., оказался полной противоположностью тем представлениям, которые существовали до 1850-х гг. Отныне Андрей Боболя стал противопоставляться признанным православным мученикам вроде Афанасия Брестского, воспринимаясь не иначе как «второй Кунцевич», который «по своим делам получает должное, наглую смерть».

Источники и литература

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Волотовский М. Андрей Боболя // Русский мир. 1875. № 258. С. 1–2.

Гудмантас К. «Житие» Парасковии-Пракседы в литовских летописях // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в Средневековье: доклады российско-литовского семинара, Вильнюс, 28–30 марта 2011 г. Вильнюс: LII leidykla, 2013. С. 197–214.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Долбилов М. Д., Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. Вильнюс: LII leidykla, 2010. 274 с.

Ісіченко І. Мученицький архетип у житійному просторі Руїни // Київські полоністичні студії. 2012. Т. 19. С. 233–239.

Коротков С. Св. Кирилл, епископ Туровский // Минские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 294–300.

Коялович М. О. Ответ газете Le Monde, усиливающейся доказать, что наше русское мнение об Иосафате Кунцевиче не справедливо. СПб.: Военная типография, 1865. 19 с.

Коялович М. О. Сведения о почитании нового латинского мученика Андрея Боболи // Подольские епархиальные ведомости. 1865. № 5. С. 225–231.

Правда об иезуите Андрее Боболие, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1910. № 48–49. С. 671–676; 1911. № 9. С. 82–92; 1912. № 14–15. С. 163–171.

Родэвальд Ш. Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2009. Т. 16. С. 345–372.

Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1901. Т. 3. 814 с.

Сапунов А. П. Андрей Боболя (Бобола, Боболий) и его «мощи» в Полоцке // Витебские губернские ведомости. 1886. №78. С. 2–3.

Синкевич Н. А. «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой // Религия и Русь, XV–XVIII вв. М.: РОССПЭН, 2020. С. 312–340.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Ткачук В. А. Культы древнерусских святых в Киевской митрополии XVII – первой половины XVIII в. как инструмент исторической и политической легитимации // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории. М.: РОССПЭН, 2018. С. 384–408.

Тыртов А. П. О мнимых мощах иезуита Андрея Боболя в Полоцке // Литовские епархиальные ведомости. 1893. № 1–2. С. 4–7; № 3. С. 20–21.

Baronas D. Bazilijonų redakcijos Trijų Vilniaus kankinių kankinystės aprašymas iš metropolito Leono Kiškos rankraščio // Bažnyčios istorijos studijos. 2016. № 8. P. 193–205.

Epicum Carmen De Martyre Andrea Bobola Presbytero Societatis Jesu. Wilno, 1792. 47 s.

Fukushima C. Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe. Boston: Academic Studies Press, 2020. P. 1–28.

Jobst K. Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych // Journal of Ukrainian studies. 2012. № 37. P. 1–17.

Klejnowski W. Życie i męczeństwo błogosławionego Jędrzeja Boboli Towarzystwa Jezusowego. Lwów: Drukarnia Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1854. 83 s.

Motta F., Rai E. Martyrs and Missionaries: Strategies of Jesuit Sainthood between the Suppression and the Restoration // Journal of Jesuit Studies. 2022. № 9. P. 95–124.

Pieśń na cześć Andreja Bobolego umęczonego za wiarę. Paryż, 1853. 4 s.

Poszakovski J. Kalendarz Jezuicki Większy na Rok przestępny MDCCXL. Vilnae: Typis Sacrae Reg., 1740. 376 s.

Semianchuk A. Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarussian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century // *Studia Białorutenistyczne*. 2020. № 14. P. 11–32.

Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in Eighteenth-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 274 p.

Sobieszczanski A. Apostoł Pinski zarliwością zbawienia dusz ludzkich pałaiący to iest życie y śmierć świętobliwey pamięci w. x. Jędrzeia Boboli Societatis Jesu dla wiary katolickiey w Janowie od schyzmatyków Roku Páńskiego 1657 dnia 16 miesiąca maia zabitego. Sandomierz: Drukarnia J. K. M. Societatis Jesu, 1745. 220 s.

Świętomian A. Dzieje błogosławionego ojca Andrzeja Boboli kapłana Towarzystwa Jezusowego za wiarę katolicką od schyzmatyków okrutnie zamęczonego 1657 roku. Paryż: Księgarnia Sagnieri Bray, 1854. 226 s.

Wróblewski A. Sodalis Marianus. Bł. Andrzej Bobola T. J. Umęczony za Wiarę D. 16 Maja 1657 R. Lwów: Drukarnia «Polonia», 1907. 75 s.

Żywot Błogosławionego Andrzeja Boboli S. J. w krótkiej treści podany. Kraków: Wydawnictwo Dzieł Katolickich i Naukowych, 1853. 32 s.

References

Baronas, D. “Bazilijonų redakcijos Trijų Vilniaus kankinių kankinystės aprašymas iš metropolito Leono Kiškos rankraščio.” *Bažnyčios istorijos studijos*, 2016, No 8, pp. 193–205.

Dolbilov, M. D. *Russkii kraj, chuzhaia vera. Etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 1000 p.

Dolbilov, M. D., Staliunas, D. *Obratnaia uniiia: iz istorii otnoshenii mezhdu katolitsizmom i pravoslaviiem v Rossiiskoi imperii, 1840–1873*. Vilnius: LII leidykla, 2010, 274 p.

Fukushima, C. “Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence.” *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe*. Boston: Academic Studies Press, 2020, pp. 1–28.

Gudmantas, K. “«Zhitiie» Paraskovii-Praksedy v litovskikh letopisiakh.” *Arkheologija i istorija Litvy i Severo-Zapada Rossii v Srednevekov'e: doklady rossiisko-litovskogo seminaru, Vil'nius, 28–30 marta 2011 g.* Vilnius: LII leidykla, 2013, pp. 197–214.

Isichenko, I. “Muchenyts'kyi arkhetyv u zhyttiinomu prostori Ruinyi.” *Kyiv's'ki polonistychni studii*, 2012, vol. 19, pp. 233–239.

Jobst, K. “Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych.” *Journal of Ukrainian studies*, 2012, No 37, pp. 1–17.

Motta, F., Rai, E. “Martyrs and Missionaries: Strategies of Jesuit Sainthood between the Suppression and the Restoration.” *Journal of Jesuit Studies*, 2022, No 9, pp. 95–124.

Rodėvald, Sh. “Pra ūshanavanne Iazafata Kuntsėvicha ū XVII st.” *Belaruskі Hіstarychny Ahliad*, 2009, vol. 16, pp. 345–372.

Semianchuk, A. “Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarusian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century.” *Studia Białorutenistyczne*, 2020, No 14, pp. 11–32.

Sinkevich, N. A. “«Дивен Бог во sviatykh svoikh»: kul't sviatykh v polemike “Rusi s Rus'iu” v Rechi Pospolitoi.” *Religiia i Rus', XV–XVIII vv.* Moscow: ROSSPEN, 2020, pp. 312–340.

Skinner, B. *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in Eighteenth-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 274 p.

Staliunas, D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p.

Tkachuk, V. A. “Kul'ty drevnerusskikh sviatykh v Kievskoi mitropolii XVII – pervoi poloviny XVIII v. kak instrument istoricheskoi i politicheskoi legitimatsii.” *Narrativy Rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*. Moscow: ROSSPEN, 2018, pp. 384–408.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.20

V. I. Koronevskii

The Orthodoxy and the Cult of the Catholic Saint Andrew Bobola in the 19th – Beginning of the 20th Century

Viktor I. Koronevskii

Research assistant

St. Petersburg State University

199034, Mendeleyevskaya liniya 5, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: iliich2000@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5910-6799

Citation

Koronevskii V. I. The Orthodoxy and the Cult of the Catholic Saint Andrew Bobola in the 19th – Beginning of the 20th Century // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 376–393 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-731.2024.3-4.20

Acknowledgements

This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 21-48-04402: “RSF-DFG: Saints and Heroes: From Christianization to Nationalism. Symbol, Image, Memory (North-Western Russia, the Baltic States and Northern Europe)”).

Received: 09.10.2023.

Revised: 15.06.2024.

Accepted: 01.07.2024.

Abstract

The article is devoted to the history of changes in the attitude of Orthodox clergy and publicists to the figure of the Catholic martyr Andrew Bobola, a Jesuit killed in the middle of the 17th century by Orthodox Cossacks. It is shown that in the first half of this period (until the 1850s) the veneration of the saint had a transconfessional character. Some representatives of the educated Orthodox community (Archbishop Vasily (Luzhinsky), Bishop Daniel (Nattok-Mikhailovsky), K. A. Govorsky) were inclined to acknowledge the authenticity of the legend originating in Pinsk in the 18th century. According to it, the saint was not a Jesuit killed by the Orthodox, but an Orthodox martyr killed by Catholics. The reasons that caused changes in the attitude towards Andrew Bobola in the 1850s – 1860s are examined. There is a tendency towards declining trust in the legend of the “Orthodox Bobola”, which resulted in the identification of his cult by the Orthodox church as an instrument in the hands of forces hostile to the Church and Russia. The article demonstrates the process of formation of an alternative Orthodox version of the biography of Andrew Bobola, which acknowledges the saint’s affiliation with Catholicism, but perceives him as an analogue of St. Josaphat Kuntsevich. This implies the characteristics of a soul-grabber, a murderer and persecutor of Orthodoxy, who, in the opinion of Orthodox authors, deserved a tragic ending through his actions.

Keywords

Andrew Bobola, Orthodoxy, Catholicism, sanctity, martyrdom, beatification, the Jesuits, Polotsk, Pinsk, the Russian Empire.

УДК 94(47)"1938"

Л. П. Марней, Б. В. Носов

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

**Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю
Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии
отечественного славяноведения в 1930-е гг.
(К предыстории Института славяноведения РАН)**

Марней Людмила Петровна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Носов Борис Владимирович

Доктор исторических наук, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Цитирование

Марней Л. П., Носов Б. В. Письмо и записка академика Н. С. Державина председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову о развитии отечественного славяноведения в 1930-е гг. (К предыстории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 394–426. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

Текст поступил в редакцию 12.03.2024.

Аннотация

Статья и публикуемые исторические источники (письмо и записка академика Н. С. Державина) посвящены истории отечественного славяноведения в 1930-е гг., а также рассмотрению методологических проблем научного славяноведения и идеологического содержания «славянской идеи». В центре внимания – борьба Н. С. Державина за создание Института славяноведения как фундаментального научного центра Академии наук по изучению истории и культуры славянских народов, который играл бы роль не только всесоюзного, но и международного славистического центра, что занимало в программе ученого центральное место. Однако в условиях международного кризиса

1938–1939 гг., который в итоге привел к началу Второй мировой войны, Державин в записке Молотову ставит более скромные, но не менее масштабные задачи, решение которых в комплексе должно было послужить основанием для создания такого института. Среди них он называет: введение в университетах общих и специальных курсов по истории славян; отражение последней в школьных программах; организацию Всесоюзной славяноведческой конференции. Н. С. Державин особо подчеркивал принципиальное значение нераздельности изучения истории и культуры славян с изучением отечественной истории.

Ключевые слова

История славяноведения в СССР, академик Н. С. Державин, методологические проблемы научного славяноведения, «славянская идея», Институт славяноведения РАН.

Предлагаемая вниманию читателей статья касается по содержанию наиболее раннего периода (по сравнению с опубликованной нами ранее, в 2023 г.¹) в цикле подготовленных авторами исследований по истории Института славяноведения РАН. В нынешней публикации, посвященной периоду 1930-х – начала 1940-х гг., помещены письмо и докладная записка выдающегося российского и советского ученого-слависта и общественного деятеля Николая Севастьяновича Державина от 12 июля 1938 г. председателю СНК СССР В. М. Молотову. В этих документах нашли отражение важные тенденции развития отечественного славяноведения 1930-х гг., прежде всего борьба Н. С. Державина за создание Института славяноведения как фундаментального научного центра изучения истории и культуры славянских народов.

Историческая общность славянских народов начиная с эпохи Нового времени тесно связана с идеологическим течением и общественно-политическим движением, обозначаемыми понятием «славянская идея», основанными на представлении об общности культуры, социально-политического развития и национальных интересов, а также специфики идентичности славян. Наиболее ярким проявлением «славянской идеи» стала сформировавшаяся к середине XIX столетия концепция славянской взаимности.

¹ См.: *Марней Л. П., Носов Б. В.* Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // *Славянский альманах.* 2023. № 1–2. С. 422–442.

В то же время славяноведение как научное направление комплексно изучает славянство как специфическую историческую общность. Исторически «славянская идея» как идеология и славяноведение как наука, взаимодействуя, развивались параллельно, не пересекаясь по существу. При этом славяноведение неизменно оставалось на почве научной методологии, отвергая националистические тенденции, пришедшие в некоторой степени «славянской идее».

В СССР в 1920–1930-е гг. традиционное российское научное славяноведение рассматривалось большевиками как обоснование панславистских и неославистских идейных течений в царской России, а те в свою очередь трактовались как проявление великодержавного шовинизма. Политическая эволюция «славянской идеи» в Европе в 1920–1930-е гг., ее связь с националистическим и антисоветским курсом правящих кругов зарубежных стран и с контрреволюционной белой эмиграцией были в глазах руководства СССР и ВКП (б) враждебны и несовместимы с принципами пролетарского интернационализма. Это послужило идеологическим и политическим обоснованием для негативного отношения властей Советской России к научному славяноведению вплоть до противозаконных репрессий против ряда ученых-славистов².

Однако в политической и в общественной жизни СССР в отношении к «славянской идее» была представлена иная тенденция. Среди республик-основателей Советского Союза главная роль принадлежала РСФСР, Белоруссии и Украине. Концепция пролетарского интернационализма, зафиксированная в решениях X съезда РКП(б) и положенная в основу национальной политики СССР, что имело и внешнеполитическую проекцию, предполагала, в частности, «юридическое и фактическое равенство наций», их всестороннее сотрудничество в ходе строительства социализма. Это не противоречило идее славянской взаимности в ее демократической интерпретации. Имеются отдельные свидетельства, что в руководстве Советского Союза в середине 1920-х гг. рассматривался замысел развертывания за рубежом славянского движения в поддержку СССР и создания там славянских комитетов³.

2 См., например, воспоминания одного из ведущих советских филологов-славистов С. Б. Бернштейна, со дня основания многие годы проработавшего в Институте славяноведения РАН: *Бернштейн С. Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82.

3 См.: *Старков Б. А.* Панславянская идея в Советской России. Новые документы, новые подходы // Европа и Срби. Београд; Нови Сад, 1996.

Формирование на Западе в 1934–1935 гг. разного рода фашистских движений, распространение гитлеровской нацистской идеологии с ее ярко выраженной антикоммунистической и антиславянской направленностью, наконец, приход в 1933 г. нацистов к власти в Германии, открыто провозгласивших курс на ликвидацию Версальской системы и развязывание новой мировой войны во имя победы над коммунизмом и уничтожения СССР, кардинально изменили характер международного положения. Осмысление трагического опыта противостояния нацизму в Западной Европе послужило с середины 1930-х гг. принципиальной переориентации стратегии и тактики СССР, коммунистического и социалистического движений и всех демократических сил в борьбе с фашизмом против угрозы мировой войны.

В новых условиях главной задачей СССР на международной арене становится объединение всех демократических сил для создания «антифашистского фронта» и формирования системы коллективной безопасности. С этой точки зрения в СССР произошел определенный пересмотр отношения к идее славянской взаимности. В международных отношениях это нашло, в частности, выражение в советско-чехословацком договоре 1935 г. об участии СССР в гарантии территориальной целостности Чехословакии. В идеологической работе внутри страны был взят курс на возрождение патриотических традиций, на пропаганду героических страниц отечественной истории, связанных с противостоянием германскому «натиску на Восток» (*Drang nach Osten*) и с освободительной миссией России в отношении народов Юго-Восточной Европы, в том числе славян. В этой связи «славянская идея» стала рассматриваться в СССР как перспектива воплощения в будущем общей борьбы славянских народов за свободу и против угрозы закабаления со стороны германского нацизма. В 1934 г. в докладе на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин, имея в виду гитлеровскую Германию, использовал весьма многозначительную аналогию, заявив, что «представители “высшей расы”» так же смотрят на славянские народы, как некогда Древний Рим смотрел на варваров, и, напоминая о крушении Римской империи, задался риторическим вопросом: «Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым

С. 477–488. Едва ли есть основание, как это делает автор указанной статьи, связывать этот проект с панславизмом. Однако приведенные им факты имеют немаловажное значение.

и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»⁴

О сохранении во второй половине 1930-х гг. в европейской системе международных отношений известной тенденции славянской взаимности свидетельствовала политика президента Чехословакии Э. Бенеша, который не только пошел на заключение советско-чехословацкого договора 1935 г., но и во время своего визита в Москву в июне 1935 г., по некоторым свидетельствам, высказывал мысль, что усилия СССР в деле создания системы коллективной безопасности в Европе могут быть поддержаны малыми славянскими странами не в последнюю очередь на почве «славянской идеи». Косвенно это нашло подтверждение в циркулярной телеграмме Э. Бенеша по итогам визита, в которой он, в частности, подчеркивал, что в сближении с СССР не намерен «ускорять развитие, особенно излишне подчеркивать славянскую взаимность, чтобы мы никого не пугали»⁵.

Наметившиеся в СССР в середине 1930-х гг. новые тенденции в политике, идеологии и пропаганде побудили советское руководство существенно пересмотреть свое отношение как к исторической науке в целом, так и к славяноведению как к одному из ее основных направлений. Начиная с 1934 г. в СССР было кардинально перестроено преподавание «гражданской истории» в средней и высшей школе, созданы исторические факультеты в университетах и педагогических институтах. Новый подход Советской власти к отечественной науке нашел выражение и в переезде Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Новые характерные тенденции в отношении властей к отечественной исторической науке проявились и в области славяноведения. При этом обращает на себя внимание, что кардинальный поворот в этом хронологически совпал с мюнхенским сговором стран Запада с нацистской Германией в сентябре 1938 г.

Возрождение славяноведения в Советском Союзе традиционно связано с именем крупного ученого-слависта Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947 гг.). В 1939 г. по его инициативе были образованы сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян Московского университета.

4 См.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии / под ред. проф. З. Р. Неедлы. М., 1944. С. 4.

5 См.: *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М., 2013. С. 113.

Практически одновременно с В. И. Пичетой с призывом к возрождению славяноведения как особого направления отечественной науки в 1938 г. выступил Н. С. Державин. Он родился в 1877 г., в год начала освободительной для южных славян русско-турецкой войны, в селе Преслав Бердянского уезда Таврической губернии в семье учителя. Дата и место рождения имели для судьбы Н. С. Державина не только символическое значение. Историческая Новороссия начиная с XVIII столетия стала областью активной колонизации со стороны русских и украинцев, а также многих других народов, в том числе югославянских (сербов, хорватов, болгар). Детство и юность Н. С. Державина были тесно связаны с сообществами болгар-колонистов, когда будущий ученый смог близко познакомиться с языком, устным народным творчеством, повседневым жизненным укладом и традициями болгарского народа. Окончив с золотой медалью Симферопольскую гимназию, Н. С. Державин в 1896 г. поступил в Санкт-Петербургский университет, но уже в следующем году продолжил образование в Нежинском историко-филологическом институте им. А. А. Безбородко. Уже само это обстоятельство свидетельствует, что в филологии и языкознании Н. С. Державин избрал южнорусское, малороссийское и югославянское направление. Будучи студентом третьего курса, он опубликовал первую свою научную работу «Очерки быта южнорусских болгар». После окончания учебы Н. С. Державин преподавал русский язык в Закавказье, в Тифлисе и в Батуме. Учительская должность на национальных окраинах Российской империи не считалась особо престижной, однако, помимо повышенной оплаты, она давала довольно высокий статус в глазах местной царской администрации и возможность успешной карьеры не только по ведомству народного просвещения. Н. С. Державину же эта работа позволила собрать интересный материал в области этнографии народов Кавказа. Научные и служебные достижения Н. С. Державина были отмечены, когда он оказался в числе стипендиатов Российской академии наук. В 1903 г. он был командирован академией в Турцию и Болгарию, в частности, работал в Русском археологическом институте в Константинополе и даже стал его членом-корреспондентом. Уместно будет заметить, что на названный институт была возложена не только сугубо научная миссия. В 1907 г., в возрасте тридцати лет, Н. С. Державин переехал в Санкт-Петербург. С этого времени и до последнего дня его жизнь неразрывно связана с городом на Неве, с Санкт-Петербургским университетом и другими научными учреждениями (Публичной библиотекой и Библиотекой Академии наук). В 1909–1910 гг. Н. С. Державин

был командирован в Бессарабию и Болгарию. Это был период очередного обострения ситуации на Балканах, боснийского кризиса и кризиса вокруг Македонии, кануна балканских войн. О том, что его миссия имела не только сугубо научный характер, свидетельствуют работы ученого того времени, посвященные так называемому македонскому вопросу, в котором Россия встала на сторону Сербии⁶. В 1912 г. Н. С. Державин получил должность приват-доцента, а в 1917 г. стал профессором Санкт-Петербургского университета.

Революционные события 1917 г.: свержение в России монархии, установление республики и Великую Октябрьскую революцию – Н. С. Державин встретил в стенах университета. В то время он был далек от политической деятельности, но занимал лояльную позицию по отношению к Советской власти. В период осуществленных большевиками кардинальных преобразований высшей школы, когда из университетов были фактически изъяты все гуманитарные науки, Н. С. Державин не только сохранил должность и звание профессора Ленинградского университета, но и в 1922–1925 гг. был его ректором, а затем возглавил кафедру славянской филологии (1925 г.) и факультет языкознания и материальной культуры (1928 г.). Последний фактически стал преемником прежнего историко-филологического факультета университета. В дальнейшем в течение десятилетия (1928–1938 гг.) Н. С. Державин заведовал кафедрой русского и славянских языков сначала в составе Ленинградского университета, а затем в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), после перевода туда упомянутой кафедры.

Не в последнюю очередь благодаря позиции и деятельности Н. С. Державина в 1920-е гг. стал возможен своего рода компромисс между Ленинградским университетом и советскими властями на почве сочетания идеологической и политической лояльности, с одной стороны, и фактической университетской автономии – с другой. В решающей степени этот компромисс сказался и на личной судьбе Н. С. Державина, когда в 1931 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР. Его избрание, минуя статус члена-корреспондента, было непосредственно связано с тем, что Н. С. Державин был одним из наиболее последовательных сторонников лингвистических воззрений Н. Я. Марра, пытавшегося вульгарно применить к языкознанию

6 См.: *Гусев Н. С.* Публичная деятельность Н. С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // *Дриновски сборник / Дриновский збірник*. Т. 12. Харків; София, 2019. С. 156–164.

марксистскую концепцию общественно-экономических формаций. На рубеже 1920–1930-х гг. эти воззрения получили достаточно широкое распространение в СССР среди лингвистов и до известного времени пользовались благосклонностью властей из-за своей псевдореволюционности. О хороших отношениях Н. С. Державина с партийно-государственным руководством страны свидетельствовало и возникшее тогда же его прозвище – «красный академик».

Еще при жизни Н. С. Державина, а особенно в 1990-е гг., его «марристские заблуждения» и близость к советским властям стали поводом для нелицеприятной и не всегда корректной критики⁷. Стоит, однако, отметить, что преемник Н. С. Державина в области славянского языкознания и болгаристики в отечественной науке, С. Б. Бернштейн⁸, упомянув в воспоминаниях (в целом достаточно критических по отношению к современникам) о заблуждениях и ошибках предшественника, о принципиальных разногласиях между ними, все же высоко оценил вклад Н. С. Державина в науку как исследователя и организатора и писал, что питал к нему самые теплые чувства как к коллеге и старшему товарищу⁹. Характеризуя в целом научную деятельность Н. С. Державина, можно отметить, что фундаментальные теоретические проблемы языкознания не были для него первостепенными. В своей работе он уделял главное внимание славяноведению в широком смысле, как по традиции оно понималось в России, а его основные работы посвящены истории и культуре Болгарии и России, а также историческим связям между нашими народами.

Все это побудило Н. С. Державина с удвоенной энергией ратовать за возрождение отечественного славяноведения и за создание соответствующего специализированного института Академии наук.

⁷ См.: *Аллатов В. М.* Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования.* 1993. № 4. С. 271–288; *Аллатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004. С. 117.

⁸ Н. С. Державин возглавил образованную в 1943 г. кафедру славянского языкознания Московского университета. Однако поскольку он жил в Ленинграде, то практически руководил работой кафедры С. Б. Бернштейн. Последний официально сменил Н. С. Державина во главе кафедры в 1948 г. Выпускники кафедры составили кадровую основу возглавленных С. Б. Бернштейном лингвистических подразделений созданного в 1946 г. Института славяноведения АН СССР.

⁹ *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 175.

Этому вопросу посвящен комплекс публикуемых документов, в котором в общих чертах нашел отражение план создания института Академии наук по фундаментальным проблемам славяноведения.

В 1920-е и в самом начале 1930-х гг. в нашей стране предпринимались отдельные попытки «восстановления в правах» славяноведения как особого научного направления. Думается, что эта проблема, затронутая в трудах не одного поколения сотрудников Института славяноведения РАН, нуждается в специальном и более детальном исследовании. Так, в самом начале 1930-х гг. в Ленинграде по инициативе Н. С. Державина был создан (ленинградский) Институт славяноведения АН СССР (1931–1934 гг.)¹⁰, который тот и возглавил. Однако в первой половине 1930-х гг. в правящих кругах возобладала иная тенденция: с 1931 г. были закрыты славистические кафедры в вузах, тогда же начало разворачиваться т. н. «Академическое дело», по которому подверглись незаконным и безосновательным репрессиям многие ученые-слависты. Причины и обстоятельства закрытия Института славяноведения в Ленинграде, как представляется, прояснены недостаточно¹¹. Свою роль в этом сыграло упомянутое «Академическое дело». Вероятно, закрытие института в 1934 г., преобразованного тогда же в Кабинет славяноведения, работавший на базе Библиотеки Академии наук, было также связано с перестройкой научных учреждений гуманитарного профиля в середине

10 См.: Шанова З. К. Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63. URL: http://www.ras.ru/e_editions/pbsh_2015_4-52.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

В 2023 г., в связи с 70-летием Института славяноведения РАН, в статье, посвященной юбилею, К. В. Никифоров писал, что отечественный центр славяноведения первоначально был создан в Ленинграде в 1931–1934 гг., а в 1939–1946 гг. «началась борьба за воссоздание академического славистического центра» (Никифоров К. В. Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–14). Таким образом, он вслед за своими предшественниками и старшими коллегами поддержал тезис, что история института восходит к началу 1930-х гг. и в дальнейшем была возобновлена и продолжена в новых исторических условиях (См.: Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971).

11 См.: Аксенова Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.

1930-х гг. и с возвращением исторической науки и других гуманитарных дисциплин в стены университетов. Аналогичная судьба ожидала МИФЛИ и ЛИФЛИ¹². В частности, вследствие ликвидации ленинградского института Н. С. Державин утратил в 1938 г. должность заведующего кафедрой.

12 июля 1938 г., во время резкого обострения политического кризиса вокруг Чехословакии, Н. С. Державин направил Председателю СНК В. М. Молотову письмо и обширную докладную записку. Из вступления к письму следует, что это было не первое обращение Н. С. Державина к главе советского правительства. Он уже писал В. М. Молотову ранее, в 1931 г., в связи с созданием ленинградского Института славяноведения. Тезисы обращения 1931 г. легли в основу передовой статьи Н. С. Державина в 1-м выпуске трудов института. В интересах подлинной науки, полагал он, необходимо было «максимально активизировать проблематику и методологию всей нашей науки в целом, в том числе и наших славяноведных изысканий», сосредоточив в первую очередь «внимание на живой современности», поставив «задачей – изучение интересующей нас группы народов в культурно-историческом, хозяйственном, историко-литературном, языковом и бытовом отношениях в эпохи промышленного капитализма, империализма и пролетарских революций»¹³.

В 1934 г. в борьбе за сохранение ленинградского института Н. С. Державин излагал аналогичные идеи в записке, адресованной возглавлявшему в Академии наук СССР отделение общественных наук В. П. Волгину¹⁴. Таким образом, в начале 1930-х гг., говоря о конкретных направлениях и задачах славяноведения, Н. С. Державин имел

12 В ходе реформ высшего образования в СССР 1920-х – начала 1930-х гг. для утверждения марксизма в качестве методологии общественных наук вместо упраздненных гуманитарных факультетов в университетах были образованы два гуманитарных вуза университетского типа – МИФЛИ и ЛИФЛИ: Московский историко-философский и литературный институт и Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (Университеты и научные учреждения. М.; Л., 1935. С. 236, 261).

13 *Державин Н. С.* Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Вып. 1. С. 12.

14 См.: *Аржакова Л. М.* Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 383.

в виду преимущественно историко-культурную и филологическую проблематику. Вместе с тем, указывая на принципиальную в методологическом отношении концепцию общественно-экономических формаций применительно к историческому процессу, он отстаивал тезис о славяноведении как о дисциплине в составе исторической науки, о чем свидетельствует, в частности, помещение историко-культурной проблематики славяноведения на первое место.

Теперь же, обращаясь к В. М. Молотову в июле 1938 г., Н. С. Державин констатировал: «Славяноведческая наука находится у нас сейчас в загоне», хотя до революции она играла ведущую роль «в мировом масштабе». Вместе с тем он подчеркивал, что «Славяноведение, как наука, не одно и то же, что “славянофильство”»¹⁵. Говоря о программе возрождения отечественного славяноведения, Н. С. Державин ставил на первое место «создание в Советском Союзе центра славяноведения», имея в виду работавший под его руководством в 1931–1934 гг. «небольшой ленинградский институт, объединивший всего 7 сотрудников». Это, по его словам, «повсюду в передовых кругах славянской демократической общественности произвело исключительное впечатление, как выражение интереса Советского правительства к славянским народам, и подняло здесь антифашистские настроения»¹⁶. Уже из приведенного тезиса недвусмысленно следует, что создание специального центрального института славяноведения, который играл бы роль не только всесоюзного, но и международного славистического центра, занимало в программе Н. С. Державина центральное место. Однако в записке В. М. Молотову он ставит задачи, решение которых в комплексе должно было послужить основанием для создания такого института. Среди них он называет: введение в университетах общих и специальных курсов по истории славян; отражение последних в школьных программах; «организацию в ближайшее время Всесоюзной славяноведческой конференции»¹⁷. Н. С. Державин особо подчеркивал принципиальное значение нераздельности изучения истории и культуры славян с изучением отечественной истории.

Предваряя обращение читателя к публикуемой записке Н. С. Державина 1938 г., нельзя не обратить внимание на присутствующие в ней характерные для периода репрессий 1937–1938 гг.

15 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 36–37.

16 Там же. Л. 47.

17 Там же. Л. 51–53.

политико-идеологические штампы вроде заявлений о верности учению марксизма-ленинизма или упоминаний о «врагах народа», о «троцкистско-зиновьевской банде» и т. п. Однако следует учесть, что в обращении к председателю советского правительства высказывания такого рода были как бы обязательны, и это не более чем обычная дань литературно-политическому этикету. Заметим, что, употребляя эпитеты подобного рода, Н. С. Державин не назвал ни одного имени. Поэтому нет ни малейшего основания подозревать ученого в доносителстве. Многочисленные политические доносы того времени строились, как известно, совершенно по другому принципу и, главное, с обязательным упоминанием по имени конкретных лиц.

В. М. Молотов ознакомился с письмом и запиской Н. С. Державина. Об этом свидетельствуют подчеркивания в тексте, сделанные референтом для доклада главе правительства, а может быть, и самим премьером, а также его резолюция с выражением благодарности за присланную книгу. В архивном фонде Молотова есть и другие упоминания, что Державин направлял главе советского правительства для его «личной библиотеки» свои наиболее значительные труды¹⁸.

С началом Великой Отечественной войны Н. С. Державин выступил с инициативой развертывания широкого международного славянского движения в борьбе за победу над нацизмом и стал одним из его организаторов. Однако его инициатива по созданию всесоюзного центра славяноведения и конкретные предложения в этой области начали реализовываться только в середине 1942 г. Этому вопросу будет посвящена следующая публикация.

Настоящая публикация письма и записки Н. С. Державина 1938 г. выполнена в соответствии с современными археографическими правилами и рекомендациями по публикации исторических источников по истории Новейшего времени, с соблюдением норм современной орфографии и пунктуации, в частности в написании названий. В квадратных скобках раскрыты авторские сокращения текста, а в некоторых случаях – помещены внесенные авторами публикации дополнения пояснительного характера. Квадратными скобками с многоточием обозначены отдельные пропущенные несущественные элементы текста.

18 См.: Там же. Л. 34, 62.

№ 1

1938 г., июля 12. Ленинград.

Письмо Н. С. Державина – В. М. Молотову

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР
тов. В. М. Молотову

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Позвольте мне, прежде всего, поблагодарить Вас за предоставленную мне возможность обратиться непосредственно к Вам с рядом волнующих меня вопросов, касающихся моей науки – славяноведения¹⁹ и ее современного положения в СССР, и просить Вас не отказать мне в помощи Вашими руководящими указаниями.

В настоящий момент напряженного международного положения, когда германский фашизм протягивает свою лапу к дружественной нам Чехословакии и уже прибрал или почти прибрал к своим рукам командные верхи правящих классов в Польше, в Югославии и в Болгарии, встречая повсюду, однако, единодушный отпор со стороны передовых элементов местной демократической общественности, которая неизменно тянется к Советскому Союзу, считая его естественным защитником своих национальных, культурных и политических прав, – я счел себя обязанным обратиться непосредственно к Вам с вопросом, надо ли нам изучать славян – их историю, литературу, языки, их народное искусство, этнографию, фольклор и т. д.? Отвечают ли нашим советским политическим и культурным интересам эти изучения, имеющие, с моей точки зрения, огромное значение, не только в смысле общих интересов знания, но, в частности, и в смысле интересов углубленного изучения и познания культуры русских славян (русские, украинцы, белорусы), составляющих органическую часть целого, т. е. общей группы славянских народов в Европе?

Отвечают ли эти изучения, особенно в настоящее время, когда немецкий фашизм воскрешает свои старые истребительские тенденции по отношению к западным славянам (на наших глазах он уже задушил маленький героический народ сербов-лужичан, последний остаток некогда огромного полабского и прибалтийского славянского населения) и нагло выступает со своими притязаниями и против СССР, – отвечают ли эти изучения нашим широким международным

19 Здесь и далее подчеркнуто в тексте документа.

политическим интересам и культурным связям, интересам мировой чести и славы нашей великой родины и ее престижу, как сильнейшей мировой социалистической державы?

Я позволяю себе обратиться за разрешением этих вопросов непосредственно к Вам и к Вашему авторитету только потому, что все мои усилия в течение последних десяти лет поддержать и наладить организованное изучение у нас истории, языков, литератур, этнографии и фольклора славянских народов и обеспечить советской славистике равноправное положение наряду с другими историко-филологическими дисциплинами – германистикой, романистикой, туркологией, африканистикой и пр. и пр. – не увенчались, к сожалению, успехом.

Я стучался во все двери, защищая интересы своей науки, кое-чего достигал, но мои достижения обычно немедленно парализовывались чьей-то рукою, которую, на основании имеющихся в моем распоряжении фактов, я не имею никаких оснований считать дружеской для советской науки, – напротив, убежден в ее враждебности. Об этих фактах, в качестве предпосылки к поставленным мною вопросам, настоятельно нуждающимся в авторитетном разъяснении, я и говорю подробнее в прилагаемой при этом информационной записке на Ваше имя.

Славяноведная наука находится у нас сейчас в загоне, на положении пасынка, и должен сказать со всею откровенностью, как специальная область знания, в которой русская наука до революции занимала ведущую роль в мировом масштабе, советская славистика вымирает.

Я не «славянофил» в старом, специфическом смысле этого слова. Славяноведение, как наука, не одно и то же, что «славянофильство». И в старое время, до революции, наши крупнейшие славяноведы, вроде академиков Ягича, Фортунатова, Шахматова и др., никогда не только не были «славянофилами», но всегда решительно и определенно отмежевывались от «славянофильствующего» мракобесия. Советское славяноведение тем более не «славянофильство». Правда, оно имеет свою специфику, в смысле объекта изучения, славянские народы и их культуру, но в идеологическом и методологическом отношении – это советская марксистско-ленинская наука, как и все прочие наши обществоведческие дисциплины. Основные положения советского славяноведения были сформулированы мною еще в 1932 г. в специальной статье «Наши задачи в области славяноведения». Оттиск ее при этом прилагается²⁰.

20 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 55–61об. См. также: *Державин Н. С.* Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 1–14.

Может быть, борясь за свою науку, доказывая ее важность и значение для нас, в частности – для изучения русского языка, литературы, фольклора и этнографии, я делаю это совершенно напрасно: может быть, борясь за укрепление и расширение славяноведных исследований в Советском Союзе, славянское население которого составляет около 80 % всего состава его населения, я ошибаюсь? Может быть, моя точка зрения на важность для нас максимального укрепления связей с славянскими народами в совершенно определенных целях противодействия наступлению фашизма путем подчеркнутого с нашей стороны внимания к их языку, к их литературе, к их жизни, к героическим страницам из истории их национально-освободительной борьбы с вековым чуженациональным угнетением и пр. и пр. – расходится с точкой зрения партии и правительства? – Как советский ученый, я должен это знать, потому что в своих воззрениях и в своей научной работе я не хочу и не могу расходиться ни в малейшей степени со своим правительством и великой партией Ленина-Сталина.

Я ставлю этот вопрос потому, что в ближайшем своем академическом окружении и при том не только со стороны беспартийных, но и со стороны руководящих партийных товарищей я часто не вижу необходимого внимания к интересам представляемой мною специальности, к поддержанию ее на должной высоте, к обеспечению ее необходимыми кадрами, к усилению ее продукции и пр. и пр. Больше того, я должен сказать со всею откровенностью, что в руководящих академических кругах я нередко встречаю открытое или замаскированное противодействие не только моим научным начинаниям, но и успехам представляемой мною в Советском Союзе науки. Я имею соответствующие документы в руках. Некоторые факты из пережитого мною в недавнем прошлом в области моей борьбы за советское славяноведение я привожу в прилагаемой при этом докладной записке. К сожалению, линия нетерпимого отношения к моей науке продолжается и до сих пор, хотя я не складываю оружия и, при поддержке президента Академии ак[адемика] Комарова и вице-президента ак[адемика] Кржижановского, надеюсь эту линию в конце концов преодолеть, а вместе с тем создать и более нормальную в организационном отношении обстановку и для плодотворного развития своей собственной, широко развернувшейся за последние годы плановой научно-исследовательской работы, которую я сейчас вынужден, однако, вести на положении кустаря-одиночки, работающего на дому, лишенного своей, хорошо, по-советски, оборудованной лаборатории и необходимого коллектива сотрульников. Такое положение вещей

я считаю ненормальным. Нисколько не переоценивая своих научных достижений и ученой значимости своей персоны, которая вообще представляет относительный интерес, я должен, тем не менее, сказать, что, в силу сложившихся обстоятельств, от успехов прежде всего моей научно-исследовательской работы как представителя советской науки в данной области знания зависят успехи советской науки вообще на данном участке ее фронта, который я всегда считал важным, а сейчас считаю особенно важным; зависят успехи работы моих учеников и сотрудников, а равно и успехи дела подготовки новых кадров специалистов. Наука вырастает не в безвоздушном пространстве, а в труде живых людей.

Обстановка и условия работы кустаря-одиночки меня не удовлетворяют, потому что они для меня тесны, мешают нормальному росту моей работы, а вместе с тем и росту советской науки в области представляемого мною знания. В этом утверждении нет никакого преувеличения, ни самомнения: таково действительное положение вещей на сегодняшний день, положение, для меня лично весьма ответственное, заставляющее меня беспокоить даже Вас своим разговором на эту тему.

Я глубоко убежден в том, что в настоящий момент наступления на славянские страны фашизма подчеркнутое усиление и укрепление у нас славяноведных изучений представляло бы собою одну из актуальных форм борьбы с фашизмом; что агитация путем науки о славянских народах в широких массах трудящихся всех братских народов СССР была бы сейчас у нас формой антифашистской пропаганды, элементом патриотического воспитания, еще одним острием, направленным против наступающего фашизма. С этой точки зрения всякое открытое или замаскированное противодействие успехам славяноведных изучений в СССР я склонен сейчас рассматривать как послабление фашизму.

Прав я или не прав в своих установках? Прав ли я, когда, во-первых, хочу поддержать, укрепить и усилить свою науку в СССР, и, во-вторых, держать ее на высоте передовой науки, в огромной творческой силе которой на службе интересам социалистического строительства нашей великой родины и укрепления ее обороноспособности, чему служит у нас, конечно, всякая передовая наука, я убежден глубоко.

Если я прав, я нуждаюсь в Вашем содействии и в Вашей поддержке моей науки. Несколько конкретных предложений в этом смысле я привожу в прилагаемой при этом докладной записке.

Более подробное развитие ее основных положений может быть представлено Вам или по Вашему указанию в соответствующую инстанцию.

P.S. Не откажите во внимании прилагаемому письму моего сына, посвященному вопросам, крайне тяжело переживаемым всей нашей семьей.

Прошу Вас принять мой горячий привет. [Подпись] (Академик Н. С. Державин)

12.VII.38. Ленинград [...]

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 35–40. Подлинник. Машинопись.

№ 2

1938 г., июля 12. Ленинград.

**Докладная записка Н. С. Державина – В. М. Молотову.
(Приложение к письму Н. С. Державина от 12 июля 1938 г.)**

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР
тов. В. М. Молотову

Докладная записка о положении славяноведных изучений
в СССР – акад[емика] Н. С. Державина

В текущем году исполнилось сорок лет моей непрерывной научно-исследовательской работы в области славяноведения. Из своего многолетнего опыта и непосредственных наблюдений на местах в славянских странах, в Болгарии и в Чехословакии, а также в Польше (Болгарию я посетил до революции дважды с научной целью, в 1903 и в 1910 гг.; в Чехословакии принимал активное участие в качестве делегата СССР в работах I Международного съезда филологов-славистов в 1929 г., а в 1933 г. работал в пражской Славянской библиотеке; в Польше принимал участие в работах VII международного исторического конгресса в 1933 г.) я знаю, что достаточно самого незначительного со стороны советской науки внимания к жизни, языку, культуре славянских народов, как это внимание буквально поднимает политическое настроение в широчайших кругах местной демократической общественности, заряжает ее бодростью, вселяет веру в свои силы. Спрашивается, почему так политически эффективно у славян каждое слово советской науки по вопросам их национального языка, истории,

литературы, народного быта и пр.? По двум причинам. Во-первых, потому, что в этих странах в сознании широких трудовых масс и трудовой интеллигенции неизменно и непоколебимо живет убеждение, что мощный Советский Союз во всем мире является их единственным бескорыстным другом и защитником. Во-вторых, потому, что в этих странах, долгое время своей исторической жизни находившихся под чуженациональным угнетением, вопросы национального языка, истории, литературы и пр. играют доминирующую роль, роль, совершенно естественно, крупную и в политическом отношении. Эти же науки у всех славян в первую очередь имеют и наилучшую разработку. Таким образом, говоря со славянскими народами языком и проблематикой славянской филологии, понимаемой в широком смысле этого слова, можно очень легко создать в общественном мнении славянских стран прочный оплот, на базе уже существующих к Советскому Союзу симпатий, против своего и чужеземного фашизма.

Я отдаю себе, конечно, совершенно ясный отчет в том, что международные политические отношения в эпоху господства капитализма, и тем более в его отвратительной фашистской стадии развития, строятся не на науке вообще и тем более не на филологии. Только в социалистическом обществе наука является решающим фактором не только в деле культурного и хозяйственного строительства, но и в деле международных политических отношений, прекрасный пример чему мы имеем налицо в организации и в практике братских международных взаимоотношений в СССР.

И тем не менее в своих широких международных отношениях Советское правительство, прекрасно учитывая господствующие в капиталистическом окружении звериные «нравы», поддерживает с капиталистическими странами культурные связи, что имеет огромное международное политическое значение.

К сожалению, наши культурные связи со славянскими странами через науку недостаточно активизированы; вернее говоря – вовсе не активизированы, благодаря создавшемуся на этом участке нашего советского фронта некоторому затору, некоторому отстранению славяноведных изучений на последний план, а также и пренебрежению, господствующему в некоторых академических кругах, к этой области знания, что, несомненно, как я убежден, должно расходиться со взглядами правительства, о чем я сужу прежде всего на основании общей культурно-просветительской линии его политики, а затем и на основании такого, например, частного факта, как проектируемое открытие у нас в ближайшее время, что мне известно, правда, со вторых рук,

до 20-ти ²¹ филологических факультетов во всех университетах с обязательным преподаванием на них славянской филологии. Это совершенно правильное и мудрое решение, потому что нельзя ни изучать истории русского, украинского или белорусского языков, ни научно знать их вне увязки их прежде всего друг с другом, а затем и с прочими славянскими языками, южными и западными.

Мне известно, не знаю, насколько это верно, что украинский язык изучается в украинских вузах не только вне общих основ славянской филологии, но даже вне увязки его с русским языком. То же самое имеет место и в Белоруссии при изучении белорусского языка. Такое положение вещей мне представляется научно неправильным и политически вредным, потому что в некоторых головах оно может питать ложную научно и вредную политически иллюзию о «самостийности» украинского или белорусского языков, и толкать эти головы на поиски «самостийного» места для украинского или белорусского языка в ряду прочих так называемых индоевропейских языков, минуя русско-славянскую группу, к которой они принадлежат и исторически, и органически. Такие попытки имели место в недавнем прошлом в украинском языкознании: на Западе проф. Ст. Смаль-Стоцкий («*Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache*», Вена, 1913²² и «Розвиток поглядів про сім'ю слов. мов і їх взаїмне споріднення» – в «Записках Наукового тов. ім. Шевченка», т. 161–168, Львов, 1925)²³; у нас – б[ывший] харьковский профессор К. Нимчинов («Укр. язык у минулому й тепер», Держ. вид. Укр. 1925)²⁴.

Какие же причины привели нас на сегодняшний день к тому положению вещей, которое я характеризую как вымирание славяноведения, что, в частности, накануне проведения в жизнь огромного правительственного начинания в деле организации в стране университетского филологического образования, столкнуло нас лицом

21 Читается предположительно из-за многократных исправлений.

22 *Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.*

23 *Смаль-Стоцький С. Розвиток поглядів про сім'ю словянських мов і їх взаїмне споріднення. Львів, 1925.*

24 *Німчинов К. Т. Український язык у минулому й тепер. Підручна книга до усвідомлення фактів українського языка. Харків, 1925. К. Т. Нимчинов – профессор Харьковского университета, лингвист-украинист, придерживался концепции особого статуса украинского языка в семье славянских языков. Был репрессирован в 1930-е гг.*

к лицу с отсутствием необходимых кадров? Я могу, кстати, назвать, сколько сейчас в Советском Союзе имеется налицо квалифицированных специалистов-славяноведов:

Ленинград: – 3 слависта-филолога (акад. Державин, проф. Чернобаев, проф. Пушкаревич) и

1 славяновед-лингвист (проф. Матвеева-Исаева);

Харьков – 1 славяновед-лингвист (проф. Булаховский)

Одесса – 1 славяновед-лингвист (доцент Бернштейн).

Вот и все! Этими ничтожными для великой страны силами исчерпывается весь наш славяноведческий резерв. В Ленинграде, впрочем, имеется еще три слависта, которые, однако, в виду отсутствия возможности приложения на практике своих познаний давно уже переменили свою специальность и работают в других областях знания.

Крупнейшую отрицательную роль в данном случае сыграла имевшаяся у нас в прошлом ликвидация филологических факультетов и превращение их в педвузы, т. е. в узкопрофессиональные учебные заведения с весьма урезанным объемом научно-теоретических знаний. В результате этого преобразования мы оказались сейчас не только без кадров славяноведов для вузовского преподавания, но и без необходимых кадров преподавателей русского языка и литературы для средней школы, и сейчас нам приходится принимать энергичные меры для того, чтобы в кратчайший срок ликвидировать этот прорыв.

Некоторую роль в образовании этого прорыва сыграла также и ликвидация в Академии наук Отделения русского языка и словесности, которое до революции было организующим центром филологических изучений в России и, несмотря на все свои недостатки, характерные для русской дореволюционной науки вообще, проделывало, тем не менее, большую научно-исследовательскую и издательскую работу. Образовавшаяся вместе с закрытием в Академии наук этого специального отделения, имевшего своею задачей и разработку всех проблем славянской филологии, пустота долгое время оставалась незаполненной, особенно по линии изучения русского и прочих славянских языков. История же славянских литератур, этнография и фольклор славянских народов и до сих пор имеют перед собою двери нашей Академии наук фактически закрытыми, несмотря на то, что в недрах той же академии имеется сейчас уже два литературоведческих института, Институт этнографии и специальная фольклорная комиссия. В них изучаются литературы, этнография

и фольклор многих народов мира, но славянские народы в этом отношении не представлены.

В течение последних 20 лет я являюсь в СССР старшим по научному стажу специалистом в области славянской филологии. Естественно, я всегда считал себя поэтому ответственным за судьбы своей науки и, по мере своих сил, вел настойчивую и упорную борьбу за обеспечение представляемой мною науке элементарных условий для ее нормального развития и успехов. И вот, подводя сейчас итоги своей сорокалетней работы, я могу сказать, что кое-что в этом смысле для своей науки я сделал. Но меня угнетает мысль, что я сделал не все, что должен был бы сделать, и что я не добился или не сумел добиться того, чего мне хотелось бы добиться, т. е. видеть свою науку, для развития и процветания которой у нас в Советском Союзе имеются сейчас налицо все возможности, (xxxxx)²⁵ обеспеченной надлежащей организационной обстановкой.

В отсутствии этого я виню прежде всего самого себя, но думаю, что в данном случае отрицательную роль сыграли и некоторые побочные обстоятельства.

С 1920–1922 гг. по поручению правительства я организовал в Ленинградском университете факультет общественных наук и обеспечил надлежащую постановку преподавания на нем ряда дисциплин по славянской филологии. Затем, в должности ректора того же университета с 1922–1925 гг., и потом с 1925–1928 гг. в должности организатора и декана факультета языковедения и материальной культуры я заботился о том, чтобы эта область знания, представленная в то время из всех советских вузов только в Ленинградском университете, не умахалась и не снижалась, именно в интересах повышения квалификации оканчивающих курс университета специалистов по русскому языку. С 1928 по 1938 гг., состоя в должности заведующего кафедрой русского и славянских языков, я настойчиво проводил ту же линию. Таким образом, я могу утверждать, что изучение славяноведения в СССР никогда за годы революции не прерывалось, хотя и было представлено только в одном Ленинградском университете. Кое-что делалось тогда же в этой области и в нашей Академии наук, где существовала специальная Славянская комиссия.

В 1928 г. при содействии директора Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, моего учителя и друга, покойного академика Н. Я. Марра, вместе с которым я работал в качестве его

25 В тексте вымарано.

заместителя, я организовал специальный Славянский отдел. К сожалению, спустя два года этот отдел, вопреки моему протесту и протесту ак[адемика] Марра, был закрыт. Мне было тяжело перенести этот удар, который я рассматривал как удар по советской науке, но лица, закрывавшие этот отдел под предлогом пересмотра структуры библиотеки и перестройки ее на функциональных началах, действовали, по их словам, по директивам высших руководящих органов.

В то время я прочел в Пражском филологическом журнале «Slavia» (книга IX, 1930 г.) заметку о состоявшемся в сентябре 1928 г. в Белграде (Югославия) IV-м съезде «русских» ученых, т. е. русских белоэмигрантов, на котором публично утверждалась, в совершенно определенных, конечно, антисоветских целях и в целях антисоветской пропаганды, в частности, возмутительная ложь на тему о том, что Советский Союз не интересуется славянами и не изучает их, и говорилось при этом, что подлинными представителями «русской» славяноведной науки являются сейчас именно и только русские ученые – белоэмигранты.

Прочтя эту заметку, я понял, что наши враги за границей ведут в славянских странах среди дружественно настроенной по отношению к нам трудовой интеллигенции и широких кругов местной демократической общественности гнусную клеветническую кампанию против Советского Союза. Я решил по-деловому реагировать на эту кампанию, и с избранием меня в феврале м-це 1931 г. в действительные члены Академии наук СССР возбудил вопрос перед ее президиумом об организации в недрах Академии наук специального Института славяноведения, чтобы тем самым парализовать эту наглую клеветническую кампанию и показать дружественно настроенным к нам славянским демократическим кругам, что Советский Союз в действительности интересуется славянскими народами и с неослабным интересом изучает их²⁶. Это была одна сторона дела. Другой, более

26 Публикации упомянутого пражского журнала, в том числе и работавших в эмиграции русских славистов, носят строго академический научный характер. Содержание журнала как источника по истории славяноведения 1920–1930-х гг. заслуживает специального исследования. Это в полной мере касается и опубликованного обзора трудов VI съезда русских славистов. Действительно, участвовавшие в нем ученые придерживались антисоветских взглядов, а рассмотренные на съезде проблемы отнюдь не были в центре внимания исследований советских ученых. Однако ни заявленных Н. С. Державиным «антисоветских

существенной для меня стороною дела при этом начинании были интересы нашей советской науки, интересы советской русской филологии, т. е. русского языка, русской литературы, этнографии и фольклора, по моему глубокому убеждению, не могущие плодотворно развиваться вне увязки их изучения с общеславянской филологией. Отставание на последнем фронте неизбежно должно было отразиться и на фронте изучения у нас русского, украинского и белорусского языков, что мы, к сожалению, и имеем в действительности.

С осени 1931 г. Институт славяноведения АН приступил к работе. Мне удалось мобилизовать все скромные силы специалистов-славяноведов в Ленинграде в числе семи человек. Институт развил большую научно-исследовательскую работу, впервые нащупывая новые пути в этой нетронутую-черноземной тогда еще области знания и делая первые опыты применения на практике марксистско-ленинской методологии в славяноведении. Полученное нами от царского режима наследие в области славистики носило на себе сильную печать типичной формалистической науки, в связи с чем мною тогда же была напечатана, между прочим, в одном из академических изданий специальная статья: «От формализма к марксистско-ленинской методологии»²⁷. В другой статье – докладе, названной выше: «Наши задачи в области славяноведения», я попытался сформулировать основные задачи и методологические принципы построения нового, советского славяноведения. Словом, передо мною стояла сложная задача – перевернуть с помощью нескольких душ младшего поколения советских славистов все старое, столетием слагавшееся научное наследие, и заложить основы новой советской науки. Работа была трудная, но, тем не менее, она протекала

целей», ни «антисоветской пропаганды» явно в публикуемых материалах не звучало. Поэтому выдвинутый Н. С. Державиным и обращенный к В. М. Молотову тезис о необходимости создания «специального Института славяноведения» Академии наук был специально усилен политизированной и в данном случае необоснованной аргументацией. См.: *Флоровский А. В.* Историко-филологические науки на IV-ом съезде русских ученых в Белграде (16–23 сентября 1928 г.) // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* 1930–1931. Ročník IX. S. 209–216. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/view/uuid:f49a40bb-ed12-431d-8eea-c0ab5d337ef3?page=uuid:309982d6-c7e0-04fe8-addc-336b6a459a3d> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁷ *Державин Н. С.* От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения Академии Наук // *Вестник Академии наук СССР.* 1931. № 10. С. 38–44.

в удовлетворительных темпах, и в течение двух с небольшим лет существования Института ему удалось выпустить два объемистых тома своих «Трудов» в общем количестве около 70 печ. лл. Это были первые робкие шаги советского славяноведения, не лишённые, конечно, и недостатков, и неизбежных ошибок.

С осени 1933 г. против Института славяноведения, не успевшего еще мало-мальски стать на ноги, начался поход. До меня стали доходить слухи, что где-то, в каких-то сферах уже принято решение о ликвидации института, и 10 июня 1934 г., в день, когда Малая Антанта вступила в дипломатические отношения с Советским Союзом, постановлением Президиума АН под председательством неперменного секретаря акад[емика] Волгина, Институт славяноведения, «как самостоятельная единица, недостаточно мощная для выполнения означенных задач», т. е. широкого изучения славянских народов, был ликвидирован «в целях усиления работы всех обществоведческих учреждений АН» в той же области. Мне лично была выражена при этом благодарность от имени Президиума АН за понесенные при организации и по руководству ИНСЛАВ труды (п. 5 протокола). Однако после ликвидации Института славяноведения никакого усиления работы «всех обществоведческих учреждений АН в области изучения славянских народов» вплоть до настоящего дня не произошло. Славяноведение, таким образом, оказалось изгнанным из стен Академии.

Вскоре после этого в Ленинграде развернулись ужасающие события – убийство 1 декабря 1934 г. незабвенного С. М. Кирова. Весной 1935 г. начались первые аресты среди членов академического центра троцкистско-зиновьевско-бухаринской банды, и среди арестованных оказалась, между прочим, вся та группа субъектов, которая на одном из заседаний, предшествовавших постановлению Президиума от 10 июня 1934 г. в связи с моим отчетным докладом о деятельности института, вела себя с исключительной циничной развязностью и фактически предрешила его ликвидацию.

Сначала я был склонен думать, что мною были допущены в работе какие-то серьезные ошибки, о которых, однако, никто мне не говорил и которые до сих пор остаются мне неизвестными. Но впоследствии, когда я учел все обстоятельства, предшествовавшие ликвидации института, и связал их с последующими событиями, передо мною встала иная картина. Обстоятельства, предшествовавшие ликвидации академического Института славяноведения, были следующие:

1. Создание в Советском Союзе центра славяноведения повсюду в передовых кругах славянской демократической общественности произвело исключительное впечатление как выражение интереса Советского правительства к славянским народам и подняло здесь антифашистские настроения.

2. В мае [есяце] 1933 г. я прочел в Праге по приглашению Чехословацкого общества друзей Советского Союза (пред. проф. Неедлы)²⁸ в одной из больших аудиторий Пражского университета, при переполненном составе слушателей, публичную лекцию на тему о строительстве национальной культуры и национал-фашизме. Гитлер в это время только еще начинал входить в силу. Моя лекция была заострена против фашизма, произвела сильное впечатление на слушателей и вызвала овации по адресу Советского Союза. Через несколько дней после этого я прочел в том же университете на объединенном заседании профессорско-преподавательского состава исторического и филологического факультетов специальный доклад на тему, связанную с проблемой происхождения славян, т. е. на тему, в разработке которой чешской науке принадлежат крупнейшие заслуги. Я, как советский ученый, был торжественно встречен в аудитории приветственной речью декана филологического факультета; мой часовой доклад, построенный на основе достижений нашей советской науки, был выслушан с напряженным вниманием и сопровождался также овациями по адресу Советского Союза. Он наглядно показал, перед авторитетной аудиторией, что славяноведение в Советском Союзе не только существует, но и делает успехи; что Советский Союз, вопреки злостной агитации, интересуется славянскими народами. А когда в конце мая [есяца] по окончании своих занятий я покидал Прагу, я получил в нашем полпредстве среди прочих газетных вырезок также и вырезку из пражского органа президента Масарика²⁹, в которой я прочел, между прочим, строки, говорившие о том, что пребывание профессора Державина в Праге содействовало укреплению наших культурных связей с СССР. Через год после этого, 10 июня 1934 г., состоялось оформление дипломатических отношений Чехословакии и СССР, и в тот же день был закрыт Институт славяноведения АН.

28 Неедлы Зденек (Nejedlý Zdeněk) (1878–1962 гг.) – выдающийся ученый, общественный и политический деятель, крупнейший славист, специалист по истории Чехии, чешской музыкальной культуры, литературный критик, государственный деятель, член-корреспондент АН СССР (с 1947 г.), президент чехословацкой Академии наук (1952–1962 гг.).

29 Масарик Томаш Гарриг (Masaryk Tomáš Garrigue) – первый президент Чехословацкой республики (1918–1935 гг.).

Трезвая мысль не может ограничиться голой констатацией фактов. Она ищет взаимосвязи между ними. И когда, с течением времени, пережив тяжелый удар в связи с ликвидацией моего детища, Института славяноведения, которого я ждал в течение 35 лет своей научной работы, я пришел в себя и стал разбираться в текущих событиях, в связи с убийством в том же году С. М. Кирова, у меня возникла мысль, не представляет ли собою непримиримый нажим на наше славяноведение со стороны, несомненно, врагов народа дело немецко-фашистской агентуры с тем, чтобы убрать с дороги наступающего на славянские страны фашизма такую серьезную препону, как идеологическое влияние на широкую славянскую демократическую общественность, хотя бы и через науку, обаяния Советского Союза.

Таково мое личное толкование фактов. Может быть, оно и ошибочно – я не знаю. Но настойчивость, с которой в недрах Академии наук ликвидировалось в недавнем прошлом славяноведение, поразительна и невольно обращает на себя внимание. Так, например, одновременно с постановлением президиума о ликвидации Института славяноведения от 10 июня 1934 г. мне удалось добиться решения президиума сохранить в составе Библиотеки академии наук специальный Кабинет славяноведения в составе богатейшего, лично мною собранного специального книжного фонда. Президиум охотно пошел навстречу моему ходатайству, вынес соответствующее постановление и обеспечил кабинет двумя штатными единицами. Но уже тогда я слышал от одного из членов той же троцкистско-бухаринской банды, принимавшего вместе с другими своими товарищами активное участие в ликвидации Института славяноведения: «Мы закроем вам и Кабинет славяноведения»!³⁰ И действительно, в мае м[есяце] 1936 г. Кабинет славяноведения был «законсервирован», т. е. закрыт и раскассирован. Мои предупреждающие сигналы и протесты перед академиком-секретарем ООН³¹ не имели никакого отклика. Инициатором закрытия этого кабинета оказался тот же субъект, который несколько лет тому назад закрыл в Публичной библиотеке Славянское отделение. В конце 1937 или в начале 1938 г. он был арестован органами НКВД.

Славяноведение было, таким образом, с корнем вытравлено из стен Академии наук и вытравлено, по моему глубокому убеждению, замаскировавшимися, но впоследствии выявленными врагами народа.

Я не мог на этом успокоиться, и 28 мая текущего года подал Президиуму АН в лице президента ак[адемика] Комарова обстоятельную

30 Восклицательный знак написан от руки.

31 ООН – Отделение общественных наук АН СССР.

докладную записку о необходимости организации в Институте мировой литературы им. Горького в Москве, так как на Ленинград я уже махнул рукою, специального отдела истории славянских литератур, заручившись предварительно полным согласием со стороны директора названного института, тов. И. К. Луппола, представившего в этом же смысле и свою докладную записку на имя президента академии. Академик Комаров отнесся с исключительным вниманием к моему докладу, но в течение июня возбужденный мною совместно с тов. Лупполлом вопрос еще не получил разрешения. 4-го июля я имел по этому же поводу беседу с вице-президентом акад[емиком] Кржижановским, который отнесся с полным вниманием и исключительным доброжелательством к моему предложению, и я не теряю надежды, что на этот раз, при содействии президента и вице-президента АН, мне удастся в конце концов сломить совершенно непонятную для меня косность и бездеятельность, проявленные до сих пор в этом важнейшем сейчас для нас научно и сугубо политическом вопросе со стороны руководства Отделения общественных наук. Но даже если бы мне и удалось достигнуть благоприятного разрешения интересующего меня частного вопроса об организации в одном из институтов литературы АН отдела или сектора истории славянских литератур, это все же не было бы еще разрешением волнующей меня проблемы в целом.

Исходя из изложенных выше соображений, если только они отвечают интересам Советского Союза, я позволяю себе сделать следующие конкретные предложения:

I.

1. Шире открыть страницы наших центральных органов («Правда», «Известия») для популяризации в широких массах трудящихся СССР знания о западных и южных славянах.

2. Ввести в программы преподавания исторических факультетов университетов, педвузов и высших военно-учебных заведений СССР общие и специальные курсы по истории славян в качестве обязательных предметов; то же на филологических факультетах по истории славянских литератур, славянской этнографии и фольклору.

3. Ввести элементы славяноведения, т. е. некоторое знакомство с прошлым и настоящим славянских народов, в средние школы СССР.

4. Организовать в ближайшее время всесоюзную славяноведческую конференцию, пригласив к участию в ней не только специалистов по славяноведению, но и всех лиц, интересующихся проблемами славяноведения (преподавателей высших и средних учебных

заведений – историков, литературоведов, языковедов, этнографов и фольклористов, а также литераторов), сделав основную ось внимания конференции – борьбу славянских народов и СССР с наступающим немецким фашизмом. Пригласить к участию в этой конференции в качестве гостей и докладчиков представителей передовой демократической общественности славянских стран (ученых, писателей, общественных деятелей, педагогов и пр.).

II.

1. Выделить из состава Отделения общественных наук (ООН) Академии наук СССР специальное Отделение русского языка и словесности в целях обеспечения более конкретного руководства президиума АН на этом ударном участке академического фронта, с поручением ему изучения и разработки всех проблем славянской филологии, т. е. истории литератур и языков всех славянских народов с выдвиганием на первый план русского языка и русской литературы.

2. Поручить всем обществоведческим институтам АН поставить в плановом порядке своих работ изучение славянских народов по специальности каждого из институтов.

3. Поручить Академии наук СССР организовать издание специальной монографической и популярной серии работ по славяноведению, мобилизовав для этого в порядке специальных поручений все наличные научные силы СССР.

Осуществление намеченной мною в основных чертах программы сопряжено, несомненно, с известными трудностями в смысле наличности у нас достаточных кадров живой творческой силы для ее осуществления. Но если мы не будем останавливаться перед этими трудностями, не будем ссылаться на то, что у нас для этого нет достаточного количества специалистов, а примемся за дело даже в том скромном, на первых порах, объеме, в каком мы можем его сегодня поднять, мы тем самым не только сделаем все же некоторое дело, но и подготовим необходимую почву для завтрашнего дня, а завтра, благодаря этому, у нас явится и больше специалистов и больше дела.

Академик: [Подпись] (Н. С. Державин)

12.VII.38. г. Ленинград³²

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1445. Л. 41–54. Подлинник. Машинопись.

³² Дата написана от руки.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Аксенова Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. 282 с.

Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271–288.

Аржакова Л. М. Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 369–388. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02.

Бернштейн С. Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82.

Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 374 с.

Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии / под ред. проф. З. Р. Неядлы. М.: Госполитиздат, 1944. 223 с.

Гусев Н. С. Публичная деятельность Н. С. Державина по македонскому вопросу в 1912–1915 гг. // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. 12. Харків; София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2019. С. 156–164.

Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972) / под ред. С. Б. Бернштейна, В. А. Дьякова, В. И. Злыднева, В. Д. Королюка, Е. П. Наумова. М.: Наука, 1971. 141 с.

Державин Н. С. Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. Т. 1. С. 1–14.

Державин Н. С. От филологического формализма к марксистко-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения Академии Наук // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. С. 38–44.

Марней Л. П., Носов Б. В. Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 422–442. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03.

Марына В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.

Німчинов К. Т. Український язык у минулому й тепер. Підручна книга до усвідомлення фактів українського языка. Харків: Держ. вид-во України, 1925. 88 с.

Никифоров К. В. Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–26.

Смаль-Стоцкий С. Розвиток поглядів про сім'ю словянських мов і їх взаємне споріднення. Львів: Наукове Товариство ім. Шевченка, 1925. 42 с.

Старков Б. А. Панславянская идея в Советской России. Новые документы, новые подходы // Европа и Срби: Меунар. науч. скуп 13–15. дец. 1995. Београд; Нови Сад: Исторически институт САНУ, Православна реч, 1996. С. 477–488.

Университеты и научные учреждения. М.; Л.: Объединенное научно-техническое издательство, 1935. 585 с.

Флоровский А. В. Историко-филологические науки на IV-ом съезде русских ученых в Белграде (16–23 сентября 1928 г.) // *Slavia. Časopis pro slovan-skou filologii*. 1930–1931. Ročník IX. S. 209–216. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/view/uuid:f49a40bb-ed12-431d-8eea-c0ab5d337ef3?page=uuid:309982d6-c7e0-4fe8-addc-336b6a459a3d> (дата обращения: 10.09.2024).

Шанова З. К. Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63. URL: http://www.ras.ru/e_editions/pbsh_2015_4-52.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien: s.n., A. Holzhausen, 1913. 550 s.

References

Aksionova, E. P. “«Izgnannoe iz sten Akademii» (N. S. Derzhavin i akademicheskoe slavianovedenie v 30-e gody).” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1990, No 5, pp. 69–81.

Alpatov, V. M. *Istoriia odnogo mifa: Marr i marrizm*. Moscow: Editorial URSS, 2004, 282 p.

Alpatov, V. M. “Marr, marrizm i stalinizm.” *Filosofskie issledovaniia*, 1993, No 4, pp. 271–288.

Arzhakova, L. M. “Leningradskii Institut slavianovedeniia Akademii nauk (k voprosu ob istorii izucheniia).” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 369–388. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02.

Bernshtein, S. B. “Tragicheskaiia stranitsa iz istorii slavianskoi filologii (30-e gody XX veka).” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1989, No 1, pp. 77–82.

Bernshtein, S. B. *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*, ed. by V. N. Toporov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 374 p.

Derzhavin, N. S. “Nashi zadachi v oblasti slavianovedeniia.” *Trudy Instituta slavianovedeniia Akademii nauk SSSR*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932, vol. 1, pp. 1–14.

Derzhavin, N. S. “Ot filologicheskogo formalizma k marksistko-leninskoi metodologii. Zadachi Instituta slavianovedeniia Akademii Nauk.” *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1931, No 10, pp. 38–44.

Dvadsat' piat' let deiatel'nosti Instituta (1947–1972), ed by S. B. Bernshtein, V. A. D'iakov, V. I. Zlydnev, V. D. Koroliuk, E. P. Naumov. Moscow: Nauka, 1971, 141 p.

Florovskii, A. V. “Istoriko-filologicheskie nauki na IV-om s"ezde russkikh uchenykh v Belgrade (16–23 sentiabria 1928 g.)” *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, 1930–1931, ročník IX, pp. 209–216. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/view/uuid:f49a40bb-ed12-431d-8eea-c0ab5d337ef3?page=uuid:309982d6-c7e0-4fe8-addc-336b6a459a3d> (accessed: 10.09.2024).

Gusev, N. S. “Publichnaia deiatel'nost' N. S. Derzhavina po makedonskomu voprosu v 1912–1915 gg.” *Drinovskii sbornik / Drinovskii zbirnik*, vol. 12, Kharkiv, Sofiia: Izd-vo na BAN «Prof. Marin Drinov», 2019, pp. 156–164.

Mar'ina, V. V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelevok: 1884–1948*. Moscow: Indrik, 2013, 488 p.

Marnei, L. P., Nosov, B. V. “Zapiska Ivana Ivanovicha Kostiusko v TsK KPSS o reforme Instituta slavianovedeniia 1968 g.” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 422–442. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03.

Nikiforov, K. V. “Tsentru rossiiskoi slavistiki – 70 let.” *Slavianskii al'manakh*, 2017, No 1–2, pp. 13–26.

Nimchynov, K. T. *Ukraïns'kyi iazyk u mynulomu i teper. Pidruchna knyha do usvidomlennia faktiv ukraïns'koho iazyka*. Kharkiv: Derzh. vydavnytstvo Ukraïny, 1925, 88 p.

Shanova, Z. K. “Institut slavianovedeniia (1934–1934) v stenakh Biblioteki Akademii nauk.” *Peterburgskaia bibliotechnaia shkola*, 2015, No 4 (52), pp. 59–63. URL: http://www.ras.ru/e_editions/pbsh_2015_4-52.pdf (accessed: 01.08.2023).

Smal'-Stots'kyi, S. *Rozvytok pohliadiv pro sim'iu slovians'kykh mov i ikh vzaimne sporidnennia*. L'viv: Naukove Tovarystvo im. Shevchenka, 1925, 42 p.

Smal'-Stockyj, S., Gartner, T. *Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache*. Wien: s.n., A. Holzhausen, 1913, 550 p.

Starkov, B. A. “Panslavianskaia ideia v Sovetskoï Rossii. Novye dokumenty, novye podkhody.” *Jevropa i Srbi: Mehunar. nauch. skup 13–15. dets. 1995*. Beograd, Novi Sad: Istorijski institut SANU, Pravoslavna rech, 1996, pp. 477–488.

Universitety i nauchnye uchrezhdeniia. Moscow, Leningrad: Ob"edinennoe nauchno-tekhnikeskoe izdatel'stvo, 1935, 585 p.

Vekovaia bor'ba zapadnykh i iuzhnykh slavian protiv germanskoi agressii, ed. by prof. Z. R. Needly. Moscow: Gospolitizdat, 1944, 223 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

L. P. Marney, B. V. Nosov

Letter and Note of Academician N. S. Derzhavin to the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR V. M. Molotov on the Development of Domestic Slavic Studies in the 1930s. (On the Origins of the Foundation of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences)

Lyudmila P. Marney

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Citation

Marney L. P., Nosov B. V. Letter and Note of Academician N. S. Derzhavin to the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR V. M. Molotov on the Development of Domestic Slavic Studies in the 1930s. (On the Origins of the Foundation of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 394–426 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.21

Received: 12.03.2024.

Abstract

The publication includes a letter and a note of academician Nikolaj Derzhavin, addressed to Viacheslav Molotov, the head of the Soviet government. These documents are devoted to the history of the Russian Slavic studies in the 1930s, including some methodological issues, as well as the ideology of the so-called “Slavic idea”. Derzhavin describes his own unsuccessful struggle for the foundation of the Institute of Slavic Studies as a fundamental scientific center of the Academy of sciences, which would play the role not only of the all-Soviet institution but of an international one. Now in conditions of the international crisis of 1938–1939,

which caused the beginning of the Second World War, Derzhavin in his note put forward less expansive, but important tasks, which could serve as a solid basis for the foundation of the Institute of Slavic studies in the future. He proposed to launch general and special courses on the Slavic history at universities; to include the Slavic history in school programs and to organize an All-Soviet Slavic conference. Derzhavin especially stressed the principal importance of the complex learning of the Russian history and the history and culture of all Slavic nations.

Keywords

History of Slavic studies in the USSR, academician N. S. Derzhavin, methodological issues of Slavic studies, the "Slavic idea", the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

«Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов...». Особая позиция В. М. Молотова в вопросе о сближении с Югославией и ее критика Н. С. Хрущевым глазами рядовых членов КПСС (1955 г.)

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
Ведущий специалист
Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. «Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов...». Особая позиция В. М. Молотова в вопросе о сближении с Югославией и ее критика Н. С. Хрущевым глазами рядовых членов КПСС (1955 г.) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 427–453. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.22

Текст поступил в редакцию 06.05.2024.

Аннотация

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. его преемники по кремлевскому руководству встали перед необходимостью внести определенные коррективы в конфронтационную внешнюю политику СССР. Требовал своей развязки и советско-югославский конфликт, остававшийся серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. К началу 1955 г. в советской политике на югославском направлении формируются два подхода. В. М. Молотов предлагал довольствоваться нормализацией отношений с Югославией по стандартам контактов с «обычным капиталистическим государством» и некоторым оживлением экономических связей с ней. Н. С. Хрущев при поддержке большинства членов Президиума ЦК КПСС хотел взять курс на вовлечение крупной и стратегически важной балканской страны в советский лагерь, рассчитывая, что это станет явным внешнеполитическим успехом СССР. Позиция Молотова

оказалась более реалистичной: титовская Югославия, проявив интерес к нормализации отношений и расширению сотрудничества с СССР, вместе с тем всячески противилась любым попыткам ограничить ее суверенитет. Не решив поставленной внешнеполитической задачи, Хрущев вместе с тем использовал особое мнение своего оппонента в целях ослабления его положения в руководстве КПСС. Это вызвало непонимание в партийной среде. Включенные в нашу публикацию анонимные письма показывают, что в атмосфере начала оттепели середины 1950-х гг. рядовые коммунисты все чаще поднимали острые вопросы, которые при жизни Сталина затрагивать было не принято из опасений преследований. Они, в частности, указывали на некорректность критики Молотова на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., в основе которой лежали не столько поиски оптимального курса, сколько беспринципная борьба за власть, способная, по мнению отправителей писем, нанести ущерб авторитету партии.

Ключевые слова

Советско-югославские отношения, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, И. Броз Тито, борьба за власть в СССР после 1953 г., оттепель в СССР, общественное мнение в СССР, письма во власть.

Публикуемые ниже архивные документы из персонального фонда Г. М. Маленкова в РГАСПИ – два письма в ЦК КПСС рядовых членов партии – отражают реакцию в низовых кругах КПСС на событие внутривнутриполитической жизни СССР первых послесталинских лет, тесно связанное с изменениями во внешней политике страны. Речь идет об инициированной Н. С. Хрущевым на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. критике В. М. Молотова, который вопреки генеральной линии руководства партии и страны продолжал упорно настаивать на том, что с Югославией надо нормализовать отношения только по государственной линии как с «буржуазным государством», отказавшись от бесплодных, по его мнению, попыток вовлечь ее в лагерь стран, строящих социализм. В решении пленума от 12 июля, принятом на основании заслушанного 9 июля доклада Хрущева по итогам поездки советской правительственно-партийной делегации в Югославию, была осуждена «неправильная позиция т. Молотова по югославскому вопросу, как не соответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не соответствующая принципам ленинской политики». Как отмечалось далее, «позиция

т. Молотова вела к закреплению ненормальных отношений с Югославией и к дальнейшему отталкиванию Югославии в империалистический лагерь»¹. Газета «Правда» 13 июля дала краткую информацию об итогах пленума ЦК КПСС, состоявшегося 4–12 июля, и о принятых на нем постановлениях. Об особой позиции Молотова и ее осуждении не было упомянуто. В самый канун Женевского саммита четырех великих держав (первого после 1945 г.) руководство КПСС не сочло целесообразным демонстрировать всему миру разногласия в советской верхушке по одному из существенных внешнеполитических вопросов, тем более что речь шла о В. М. Молотове, фигуре, обладавшей широкой международной известностью и к тому же всего за считанные дни до начала пленума выступившей от имени советского правительства с программной речью на юбилейной сессии ООН в Сан-Франциско, посвященной 10-летию образования этой организации. Однако полный текст постановления был донесен до широкого партактива, его зачитывали на партсобраниях по всей стране.

Через два года после устранения с политической арены Л. П. Берии и через полгода после январского пленума ЦК КПСС, на котором был раскритикован Г. М. Маленков, вскоре освобожденный от обязанностей председателя Совета министров СССР, произошел еще один ключевой эпизод острой внутриполитической борьбы, развернувшейся в «коллективном руководстве» КПСС между наследниками Сталина. Правда, Молотов сохранил за собой, как и Маленков, место в Президиуме ЦК КПСС, вплоть до конца мая 1956 г. он оставался и министром иностранных дел. Развязка наступила позже, и повод дали сами оппоненты Хрущева, предпринявшие в июне 1957 г. попытку его смещения, оказавшуюся неудачной. Как известно, июньский пленум ЦК КПСС нанес удар по так называемой «антипартийной группе» Маленкова – Кагановича – Молотова². Финальная точка в деле устранения соперников Хрущева в борьбе за внутрипартийное влияние была поставлена через четыре месяца, в октябре 1957 г., с отстранением от должности министра обороны маршала Г. К. Жукова, выведенного также из высших партийных органов³.

1 Цит. по: Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 585.

2 См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

3 Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2001.

Так был расчищен путь к единоначалию Хрущева, в конце марта 1958 г. совместившего две главные должности в стране – первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР.

Известно, что в результате конфликта 1948 г. между И. Сталиным и И. Брозом Тито верхушка югославской компартии была обвинена в национализме и правоуклонизме, а затем, после отказа подчиниться диктату Москвы, отлучена от мирового коммунистического движения⁴. Во многом именно на антиюгославской платформе, при безоговорочном подчинении национальных коммунистических элит единому центру, происходила консолидация формирующегося советского блока⁵. Советско-югославские отношения, достигнув своей низшей точки к осени 1949 г., когда в Будапеште в сентябре состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка со сфабрикованными обвинениями в адрес руководства КПЮ (а вслед за этим в ноябре была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую войну: вдоль границ стран – сателлитов СССР с Югославией находилось большое количество войск и боевой техники, происходили частые приграничные инциденты⁶. Не утихала и мощная пропагандистская кампания, направленная своим острием против титовской Югославии.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. его соратники по кремлевскому руководству должны были внести определенные коррективы в конфронтационную внешнюю политику СССР, чреватую перерастанием холодной войны в полномасштабное вооруженное столкновение с США и их союзниками. Требовал своей развязки и советско-югославский конфликт, остававшийся серьезным источником

4 Это нашло отражение в резолюциях второго и третьего совещаний Коминформбюро. См.: Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М., 1998.

5 *Гибианский Л. Я.* Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 137–186. См. также: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб., 2017.

6 Из литературы на русском языке см.: *Хорняк А.* Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И. В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь, 2016. Вып. II. С. 209–222.

напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. Прежняя политика на югославском направлении была признана несостоятельной уже на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. При всей инерции прежних подходов в советском руководстве уже к этому времени однозначно возобладала линия на восстановление нормальных отношений с Белградом, разногласия по этому вопросу не находят отражение в известных нам документах. Показательно весьма откровенное признание министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, сделанное на пленуме: «Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя дальше продолжать проводившуюся в последнее время линию в отношениях с Югославией. Стало ясно, что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком, – послы, официальные телеграммы, деловые встречи и пр.»⁷. Вполне прямолинейное указание на сохранение в силе определенной задачи, которую, однако, следовало решать иными, нежели предполагалось ранее, методами, делало очевидной актуальность прежних установок на смещение действующего руководства Югославии как неудобного. Вместе с тем в Москве до некоторой степени осознали, что в условиях советского вызова режим Тито не только консолидировался во внутриполитическом плане (временно отошли в тень и крайне острые межэтнические противоречия, в полной мере проявившиеся в годы Второй мировой войны), но и своим смелым противостоянием сталинскому диктату снискал уважение в мире далеко за пределами коммунистического движения, что нашло отражение в расширении внешних связей страны. Хотя титовская Югославия все еще оставалась отлученной от этого координируемого из Москвы движения и воспринималась как часть враждебного социализму мира, летом 1953 г. в советском руководстве уже не квалифицировали ее как «особого», наиболее принципиального врага, а к концу того же года отношения с ней были выведены на уровень стандартных контактов с некоммунистическими государствами. После 4-летнего перерыва Москва и Белград обменялись послами⁸.

7 Дело Берии. Пленум ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 164–165.

8 См. подробно: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации... Глава II.

За этим первым шагом со всей неизбежностью должен был последовать второй. Задачи укрепления советского влияния в Юго-Восточной Европе и ослабления напряженности на границах соцлагеря способствовали тому, что нормализация отношений с титовской Югославией быстро выдвинулась в число приоритетов внешней политики СССР. При всех дежурных демагогических нападках на установленный титовцами «фашистский строй» (которые распространялись советской пропагандой до осени 1954 г.) в Москве отдавали себе отчет в сходстве советской и югославской систем и знали, что, активизировав после разрыва с СССР экономические связи с Западом⁹, Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ) вместе с тем сохранила монопольную власть Союза коммунистов Югославии (СКЮ)¹⁰ и не отказывалась от провозглашенного курса на строительство социализма. Приверженность правящей югославской элиты коммунистическим догмам особенно отчетливо проявилась в начале 1954 г. в острой критике члена узкого руководства СКЮ М. Джиласа, по сути предложившего в серии статей программу радикального реформирования югославской политической системы.

Кампания против Джиласа (одного из наиболее последовательных и жестких критиков советской модели) и его последующее удаление из руководства СКЮ были восприняты в Москве с удовлетворением, как знак того, что в руководстве Югославии идут по правильному пути. Вместе с тем исключительная резкость разрыва 1948–1949 гг. создавала огромные трудности на пути к примирению, ведь обе стороны в прежние годы слишком далеко зашли во взаимных обвинениях. По представлениям югославских лидеров, нормализация отношений с СССР ни в коем случае не могла иметь ничего общего с «капитуляцией» перед Москвой на предложенных ею условиях, сколь бы они ни были выгодны Югославии. В Белграде не верили в искренность советского руководства, в его готовность признать ФНРЮ в качестве равноправного партнера, в новой политике СССР зачастую видели лишь маневр, направленный на то, чтобы воспрепятствовать проведению ФНРЮ независимой внешней политики, а в перспективе превратить ее в советского сателлита. Скептицизм приходилось преодолевать и в Москве в силу растущей зависимости ФНРЮ от западной экономической помощи. Вообще для каждой из сторон

9 См.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

10 В который в 1952 г. была преобразована компартия Югославии.

первый шаг к примирению был связан с опасениями «потери лица», ослабления престижа.

Дистанцируясь от блока НАТО, Югославия согласилась лишь на вхождение в региональный Балканский пакт с участием Греции и Турции. Активизация в 1954 г. военной составляющей этого пакта не только не охладила решимости послесталинского «коллективного руководства» СССР к дальнейшему сближению с Югославией, но и, напротив, стимулировала усилия, направленные на сдерживание американского военно-политического влияния в этой стране, предотвращение ее постепенного втягивания в систему западных военно-политических блоков и экономических союзов¹¹, явно не отвечавшего стратегическим интересам СССР на Балканах. Неоднозначность внешней политики ФНРЮ, разноречивость импульсов, исходивших из Белграда, открывали в 1954–1955 гг. простор для реализации альтернатив в советской политике на югославском направлении. В конце концов выбор был сделан в пользу более активных действий, нацеленных на преодоление последствий разрыва двух стран.

Осенью 1954 г. Москва предприняла новый шаг. В советской прессе прекратилась пропаганда против белградского режима, были распущены антититовские организации югославских коммунистов, взявших в конфликте сторону Коминформа¹² и нашедших прибежище в СССР, начали изыматься из широкого обращения книги и брошюры, содержавшие выпады, «находящиеся в противоречии с политикой нормализации отношений между СССР и Югославией»¹³. 20 октября газета «Правда» в связи с 10-летием освобождения Белграда от нацистов уважительно высказалась о роли народно-освободительной армии Югославии во Второй мировой войне, что сильно контрастировало с привычной риторикой последних сталинских лет, когда Тито назывался едва ли не пособником германского фашизма. 28 ноября члены советского руководства посетили югославское посольство в Москве

11 Это втягивание способна была облегчить и заключенная в 1954 г. договоренность Югославии с Италией по Триесту, означавшая частичное урегулирование проблемы, ранее сильно отягощавшей отношения ФНРЮ с соседней страной – членом НАТО.

12 Образованное осенью 1947 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) выступало главным инструментом антиюгославской пропагандистской кампании.

13 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 138. Л. 117.

по случаю Дня независимости ФНРЮ. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 г. подписанием соглашения о товарообмене на 1955 г.

К началу 1955 г. Москва оказалась перед дилеммой: можно было довольствоваться нормализацией отношений с «ревизионистской» Югославией как с «обычным капиталистическим государством» и некоторым оживлением разносторонних, в частности экономических, культурных связей с ней (такого мнения последовательно придерживался В. М. Молотов), а можно было решиться на большее, памятуя о том, что с конца Второй мировой войны именно Югославия быстрее других стран продвигалась к социализму в его советско-сталинском понимании. Н. С. Хрущев, а вслед за ним и большинство членов Президиума ЦК КПСС выступили за реализацию этой, более решительной, линии. Взяв курс на сближение с наиболее крупной и стратегически важной балканской страной, имевшей также выход в Средиземноморье, они исходили из того, что возвращение Югославии в сферу влияния советской политики стало бы наиболее явным внешнеполитическим успехом СССР после смерти Сталина. С другой стороны, в Кремле осознавали, что дальнейший дрейф Югославии к Западу (вполне реальный после разрешения триестской проблемы) означал бы неудачу с точки зрения интересов СССР; отсутствие инициативы, выжидательная позиция были тем более неэффективны, поскольку сама ФНРЮ вела весьма активную внешнюю политику, уже не ограничивавшуюся европейским континентом. С участием в Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), по сути положившей начало Движению неприсоединения, она идет на сближение со странами, освобождавшимися от колониальной зависимости.

Однако дело, очевидно, не сводилось к внешней политике. Задумав осуществить прорыв на югославском направлении, Хрущев, заинтересованный в укреплении внутривластных позиций и ослаблении конкурентов в борьбе за власть, вполне мог рассчитывать на то, что даже частичный успех в деле возвращения Югославии в социалистический лагерь станет серьезной козырной картой против скептика Молотова. Доказав неспособность своего оппонента к выработке новых, более смелых, но при этом эффективных внешнеполитических подходов, Хрущев надеялся отодвинуть влиятельнейшего Молотова на вторые роли в советской политике в интересах собственного становления в качестве бесспорного лидера в послесталинском руководстве.

Что касается югославской стороны, то Тито и его окружение не видели интереса в том, чтобы нарушить обозначившуюся позитивную динамику в развитии отношений с СССР и его союзниками.

И дело было не только в осознании выгод от снижения напряженности на границах и налаживания экономического сотрудничества с советским блоком. При сохранении внешнеполитической независимости и внеблокового статуса Югославии, а также продолжении линии на активизацию контактов с Западом любые серьезные подвижки в отношениях с СССР можно было бы преподнести как внутреннему, так и международному общественному мнению как победу в конфликте с большой державой. Особое значение придавалось тому, чтобы именно советская делегация на высшем уровне (т. е. делегация, представляющая сторону, инициировавшую разрыв) первой посетила Белград в целях возобновления нормального межгосударственного диалога.

Когда была достигнута принципиальная договоренность о поездке в Белград, в Москве началась усиленная подготовка двусторонней встречи, разрабатывались директивы для советской делегации, которыми следовало руководствоваться в ходе переговоров при обсуждении конкретных вопросов международных отношений и двусторонних связей¹⁴. Принципиальный характер имело выявление сути существовавшего в Югославии политического режима, его классовой природы с позиций коммунистической идеологии. В экспертной записке, представленной в ЦК КПСС специально назначенной комиссией ученых-обществоведов, отмечалось, что «по экономической структуре, а также по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа. Основные средства производства и государственная власть не находятся в руках эксплуататорских классов. В Югославии продолжают сохраняться основы общественного строя, характерного для переходного периода от капитализма к социализму, – многоукладность экономики при наличии общественной собственности на основные средства производства»¹⁵. Установление дружеских отношений с СССР и его союзниками, как подчеркивалось в установочных документах, способствовало бы отказу югославских руководителей от «ложных» антимарксистских представлений, сложившихся после 1948 г. под воздействием социал-демократических доктрин, воспрепятствовало бы тенденциям к реставрации капитализма в стране, ослабило бы западное влияние.

14 Представлены на обсуждение к заседанию Президиума ЦК КПСС от 19 мая. См. проект Директив: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 48–60.

15 Там же. С. 64.

Большое значение придавалось обоснованию мотивов визита в Белград, призванного стать прорывом в деле налаживания отношений двух еще совсем недавно заклятых врагов; прибегая к соответствующим аргументам, официальную позицию предстояло в концентрированном виде довести до широкой публики через прессу и политагитаторов. Позже, на июльском пленуме ЦК 1955 г., Хрущев говорил о ненормальности положения, когда СССР находился во враждебных отношениях со страной, строившей социализм. Согласно его представлениям, разделяемым большинством соратников по партийному руководству, сближение с Югославией позволило бы сузить фронт «агрессивного империалистического лагеря», что означало бы несомненный политический выигрыш¹⁶.

Как в ходе бесед с югославами, так и в пропагандистском обеспечении визита никак нельзя было обойти вопрос о причинах разрыва и ответственности за него конкретных лиц. На смену трактовкам, возлагавшим главную ответственность на югославскую сторону, к весне 1955 г. пришли другие, более сбалансированные, в которых речь скорее уже велась о равной ответственности обеих сторон, все более критически оценивалась политика сталинских времен, приведшая к неоправданному выталкиванию стратегически важной страны из формирующегося народно-демократического лагеря. При всей допустимости критики неприемлемых тенденций в политике КПЮ разрыв с Югославией, согласно скорректированному видению Москвы, нанес ущерб делу социализма, затруднив возможности советского влияния на внутривнутриполитические процессы в этой стране и дав империалистам повод использовать конфликт в своих целях. Вместе с тем велик был соблазн все валить на Берию. Нормализация на основе признания ответственности Сталина не устраивала руководство КПСС, что проявилось в ходе первых же бесед советских и югославских лидеров в дни поездки делегации во главе с Хрущевым в ФНРЮ, состоявшейся 27 мая – 2 июня 1955 г.¹⁷

Особая позиция Молотова последовательно проявилась при обсуждении на заседаниях Президиума ЦК КПСС 19, 23 и 25 мая стратегии предстоящих переговоров с югославами. Ее суть

16 См.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–62; 1999. № 5. С. 3–50.

17 См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2014. Т. 1. 1946–1964.

заклучалась в том, что «в 1948 году югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический», а ныне своей внешней политикой «пытаются ослабить наш лагерь»; соответственно, не надо «создавать впечатление, что они верны марксизму-ленинизму» и ставить заведомо недостижимую задачу о выработке с ними совместного коммюнике по партийной линии¹⁸. При всем осознании членами Президиума ЦК КПСС трудностей, стоявших на пути к достижению взаимопонимания с руководством СКЮ, особая точка зрения Молотова не переломила решимости его соратников не терять из виду задачу-максимум – установления не только нормальных межгосударственных отношений, но и межпартийных связей, основанных на идеологической близости¹⁹.

О планах сближения с ФНРЮ и СКЮ были информированы союзники Москвы. 23 мая Президиум ЦК КПСС утвердил телеграмму руководства партий – членов Информбюро²⁰. В ней предлагалось отменить резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» (ноябрь 1949 г.), принятую в условиях, когда «стороны находились в состоянии вражды и обоюдных нападков». В документе признавалось, что многие обвинения со стороны Коминформа в адрес компартии Югославии были необоснованными; вина за их фабрикацию в соответствии со все еще доминировавшими весной 1955 г. установками возлагалась на злонамеренные действия Берии, Абакумова и их агентуры. Что касается резолюции Второго совещания Информбюро (июнь 1948 г.) о положении в КПЮ, то ее предполагалось оставить в силе с некоторыми оговорками. Хотя критика в ней КПЮ по ряду принципиальных вопросов была признана в целом допустимой в отношениях между компартиями, вместе с тем отмечалось, что в резолюции содержались также необоснованные обвинения и неприемлемый призыв к смене руководства КПЮ, что выходило за пределы компетенции Информбюро – об этом предполагалось самокритично заявить югославам в ходе переговоров.

Поездка советской делегации на высшем уровне в Белград явилась важным шагом в процессе нормализации советско-югославских межгосударственных отношений, что нашло отражение

18 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 42, 45.

19 Это нашло отражение в подготовленном проекте межпартийного заявления: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 84–85.

20 Там же. С. 88–90.

и в подписанной по итогам переговоров Декларации, опубликованной в прессе. Однако первая после восстановления отношений встреча лидеров двух стран показала нежелание команды Тито отказываться от проведения независимой, внеблоковой внешней политики. Если для Хрущева сверхзадачами визита в Белград были возвращение Югославии в сферу влияния СССР и вовлечение ее в советский лагерь, процесс формирования которого нашел организационное завершение в подписании Варшавского договора 14 мая 1955 г., за неполные две недели до отправления советской делегации в Белград, то достичь этих целей явно не удалось. Итоги визита оправдали скорее ожидания Молотова, в спорах с соратниками последовательно упировавшего на то, что в деле сближения двух партий на единой идейной платформе едва ли удастся достичь значительного продвижения. Хрущев ждал от югославов слишком многого, тогда как его постоянный оппонент Молотов смотрел на перспективы двустороннего сотрудничества куда более сдержанно и реалистично. Разногласия между ними вновь проявились на заседаниях Президиума ЦК КПСС 6 и 8 июня; на первом из них Хрущев выступил с докладом о поездке в Югославию, тогда как на втором обсуждался проект письма ЦК КПСС центральным комитетам братских партий об итогах переговоров²¹. Молотов признал, что результаты поездки были большими и положительными с точки зрения выстраивания межгосударственных отношений, тогда как «по партийной линии – не добились результатов»²². Он продолжал настаивать на своей прежней позиции²³ и отражении ее в письме другим партиям, что не получило поддержки его соратников по партийному руководству.

Упорство Молотова, который и в своем хорошо выстроенном выступлении на июльском пленуме продолжал убедительно демонстрировать скептицизм в отношении перспектив дальнейшего сближения с Югославией, поставило его под удар Хрущева, обвинившего министра иностранных дел в том, что его позиция обрекает партию на пассивность. Это нашло отражение и в принятом постановлении²⁴. Вместе с тем руководство КПСС, отмечая определенные успехи

21 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47–54.

22 Там же. С. 53.

23 «Наши отношения с Югославией ухудшились из-за националистического уклона». См. там же.

24 Подробнее об обсуждении вопроса на пленуме см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации... С. 494–504.

в развитии начиная с середины 1955 г. контактов по государственной линии, в своих последующих документах не могло не признать, что попытки решить задачу-максимум, т. е. установить идейное единство между КПСС и СКЮ, пока не увенчались успехом. Так, во внутрипартийном документе, относящемся уже к январю 1956 г., со всей откровенностью было замечено: хотя «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем» и происходит (пусть не без шероховатостей), вместе с тем «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии»; до установления между двумя партиями прочного единства взглядов на принципах марксизма-ленинизма, «надо прямо сказать, еще далеко»²⁵.

Все это, однако, не охладило решимости Хрущева готовить новые прорывы на югославском направлении. Задача установления союзнических отношений с титовской Югославией по-прежнему рассматривалась им и многими в его окружении в качестве приоритетной, и ради ее осуществления советское руководство было готово пойти на серьезные уступки Белграду. Окончательное решение о роспуске Коминформа, публично озвученное в апреле 1956 г., явилось не просто давно назревшим отказом от неэффективной, отжившей себя формы сотрудничества компартий, это был явный жест в адрес СКЮ. Учитывая роль Коминформа в осуществлении массивной антиюгославской кампании 1948–1952 гг., Москва пыталась в преддверии новой встречи с Тито, намеченной на июнь, устранить существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений²⁶.

25 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 179–183. О справедливости такой оценки свидетельствовала и неготовность СКЮ послать свою делегацию на открывшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. В Белграде мотивировали отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с советским блоком и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что компартии восточноевропейских стран не спешили устанавливать контакты с СКЮ. Было направлено только приветственное письмо от ЦК СКЮ, зачитанное на съезде, где посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал в качестве наблюдателя.

26 См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославское сближение 1955–1956 гг. и роспуск Коминформа // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути. Материалы XV Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2023. С. 564–579.

И. Броз Тито в ходе своего многодневного (с 1 по 23 июня 1956 г.) визита в СССР был принят с большой помпой. В угоду решению поставленной стратегической задачи в Москве были готовы даже провести существенные кадровые перестановки, в частности, отстранить с поста министра иностранных дел (с переводом на другой пост) Молотова, продолжавшего сохранять особое мнение в югославском вопросе. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров и на этот раз не была решена, результатами июньского визита Тито в Кремле не были довольны. Охотно соглашаясь торговать и развивать многообразные связи с СССР на выгодных условиях, руководство ФНРЮ в то же время нисколько не хотело поступаться суверенитетом своего государства и продолжало дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению страны в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»²⁷. Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, который, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!», позже был подвергнут за это критике на заседании Президиума ЦК КПСС («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен – сказать об этом надо»²⁸). Эта позиция нашла отражение и в июльском письме ЦК КПСС «братским» партиям по итогам визита Тито²⁹. Судя по тону письма, больше всего Москву заботило то, чтобы лидеры партий стран «народной демократии» не восприняли Декларацию об отношениях

27 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.

28 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты В. М. Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито «ленинца». Ср.: «Нельзя бросаться обвинениями – “антиленинец”» (А. И. Микоян. Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г. // Там же. С. 41).

29 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23.

между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений в советском лагере на основе большего равноправия.

Развитие советско-югославских отношений весной – летом 1956 г., таким образом, подтвердило скорее правоту Молотова, с самого начала скептически относившегося к самой идее вовлечения Югославии в советский лагерь. А обнаружившиеся в ноябре 1956 г. серьезные разногласия в оценке истоков венгерского кризиса внесли дополнительные осложнения в диалог между Москвой и Белградом. Весной 1958 г. новая Программа СКЮ была подвергнута критике в рамках мирового коммунистического движения, нашедшей отражение также в итоговом документе большого московского Совещания компартий 1960 г. Последующие три десятилетия были непростой историей новых временных сближений и последующих откатов в развитии отношений двух социалистических стран при последовательном сохранении установок титовской Югославии на нейтралитет и внеблоковый статус.

Ниже публикуются анонимные (с указанием только членства в партии) письма, отражающие недоумение некоторых рядовых коммунистов в связи с развернувшейся летом 1955 г. кампанией по осуждению В. М. Молотова за его особую позицию в вопросе о сближении с Югославией. Будучи продуктом своей эпохи, они воспринимаются сегодня как свидетельство некоторого раскрепощения умов: в Советском Союзе в 1954–1955 гг. реально складывалась атмосфера, за которой с легкой руки И. Эренбурга закрепилось определение «оттепель». Снижение угрозы арестов и репрессий поднимало планку вольномыслия в обществе, в том числе в низовой партийной среде, позволяло ставить в письмах во власть (пусть пока еще анонимных) острые вопросы, которые ранее, при Сталине, затрагивать было не принято из опасений преследований. Неравнодушные отправители писем не просто демонстрировали неудовлетворенность методами партийной пропаганды, но выражали несогласие с тем, как внутри партии было поставлено обсуждение самых принципиальных принимаемых решений. Они отмечали ущербность сложившейся в ходе сталинских проработочных кампаний практики, когда на позицию того или иного лица в конкретном вопросе, объявленную неправильной, наслаивался целый ворох обвинений, зачастую имевших очень косвенное отношение к тому, что изначально послужило предметом критики. Перед взором внимательных наблюдателей представляла определенная технология наращивания обвинений: в целях компромата соответствующего

лица искусственно выстраивалась целая система его «неправильных» взглядов, неотъемлемой составной частью которой была и его позиция по конкретному вопросу, давшая повод для критики (в случае с Молотовым – его позиция по югославскому вопросу). Для того чтобы выстроить эту систему, приходилось «притягивать за уши» многие реальные или мнимые ошибки и просчеты того или иного высокопоставленного коммуниста, сделанные в ходе его многолетней карьеры, неосторожные высказывания в процессе обмена мнениями, вполне естественного в партийно-государственной работе³⁰. Часто истоки ошибочной или спорной позиции в каком-либо вопросе выискивались в давно забытых дискуссиях прежних десятилетий, и в целях подкрепления критики недобросовестно вытаскивались на поверхность старые, утратившие актуальность мнения, высказанные по совсем другим поводам, имеющие очень мало общего с предметом текущего обсуждения.

Дисциплинированным членам КПСС, знающим Устав партии и в своих письмах то и дело на него ссылающимся, старающимся не уклониться от официальной партийной линии по принципиальным вопросам (и в том числе в деле Берии), казалась совершенно неубедительной навязываемая сверху аргументация: ведь Молотова не было оснований обвинить в том, что он выступал против сближения с Югославией по государственной линии, а что касается сближения с ней по партийной линии как с «братской» социалистической страной, то он, если даже в чем-то ошибался, отстаивал свою точку зрения в пределах, допустимых Уставом партии, не посягая на единство КПСС. Вообще о реальной позиции Молотова трудно было судить, ведь она так и не была обнародована, донесена во всей полноте до партактива, представляла лишь в изложении оппонентов,

30 В «коллективном руководстве» КПСС, сменившем в марте 1953 г. сталинское единоначалие, хорошо осознавали, что любые высказывания на заседании Президиума ЦК КПСС могут быть использованы в ходе внутривластной борьбы против любого члена руководства, а потому в соответствии с негласной договоренностью стенограммы обсуждений не велись, и только постепенно сложилась практика ведения кратких рабочих записей самых важных заседаний – эту работу вел зав. общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малин. Первые стенограммы относятся только к середине 1958 г., т. е. ко времени, когда постсталинское «коллективное руководство» КПСС сменилось новым, теперь уже хрущевским единоначалием. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1.

что не только свидетельствовало о некорректности методов критики, но и внушало предположения, что его точка зрения, будь она изложена без всяких искажений, показалась бы партактиву более убедительной. Не нравились келейность обсуждения принципиальных вопросов, лишение более широких партийных кругов не только права высказать собственное мнение, но и элементарной информации о происходящем. В попытках не убедить коммунистов, а навязать им сверху без всяких обсуждений готовую точку зрения, заставить их, как в прежние времена, не вникая в суть, бездумно поддержать уже принятые резолюции виделось неуважение к сознательным членам партии, которое, в свою очередь, никак не могло способствовать повышению авторитета партийного руководства в их глазах. Более того, нетерпимость к особой позиции Молотова контрастировала с культивируемым уважительным отношением низового партактива к своим руководителям, которые часто оградялись от справедливой критики за вполне очевидные ошибки. Неубедительность критики вносила раздвоение в сознание, подрывала доверие к руководству, принимающему непродуманные, недальновидные, лишённые мудрости, но прежде всего расходящиеся с Уставом партии решения. Напрашивался вывод: если Устав партии дозволено нарушать членам ее руководства, то не следует требовать его соблюдения от рядовых членов КПСС. Анонимные авторы иногда не скрывали своего сомнения в способности нынешних руководителей партии вести правильную линию, в их письмах прочитывается протест против продолжающегося и после смерти Сталина (причем вопреки здравому смыслу!) навязывания новых догм и стереотипов. До XX съезда оставалось еще полгода, однако его риторика подчас предвосхищалась в письмах, адресованных во власть: речь идет об апелляции в духе времени к ленинскому стилю партийной жизни, противопоставляемому сталинским методам.

Помимо всего прочего, публикуемые письма показывают реальное влияние и авторитет Молотова в глазах партийного актива, его политический вес, не только вполне сопоставимый с политическим весом Хрущева, но и в 1955 г. во многом его превосходивший. В письмах в защиту Молотова прочитывается обеспокоенность внутрипартийного общественного мнения отчетливо видимыми разногласиями внутри партийно-государственной верхушки, чреватými обострением внутривластной борьбы. Более того, трудно было уйти от постановки вопроса в плоскости «кому это выгодно»; становилось все более очевидным, что истоки критики Молотова лежали не столько в стремлении, преодолев расхождения, утвердить оптимальную

линию партии, сколько в довольно беспринципной борьбе за власть между наследниками Сталина, а это уже подрывало доверие к партии в целом, наносило ущерб ее авторитету (это особенно заботило ветеранов КПСС, отдавших партии лучшие десятилетия жизни). И тут уже в анонимных письмах наводились на резкость некоторые моральные противоречия, связанные с половинчатой «хрущевской» десталинизацией, их отправители неизбежно выходили на проблему личной ответственности людей из окружения Сталина за то, что происходило в те десятилетия в стране. Ответственности, которую эти люди всецело хотели переложить сначала на происки Берии, потом, после одного из выступлений Маленкова, на культ личности Сталина (ими самими созданный), а затем и на Молотова: предъявление ему упреков, касающихся внешней политики, ведь тоже было своеобразной попыткой наследников Сталина отвлечь внимание от своих неблагоприятных действий, совершавшихся в ту эпоху. Особенно много вопросов такого рода возникало в связи с упомянутым в одном из писем знаменитым «ленинградским делом» 1949 г., пересмотр которого фактически состоялся уже в 1954 г. А главный вопрос сводился к тому, могут ли люди, долгие годы относившиеся к ближайшему окружению Сталина, резко изменив курс, начать все «с чистого листа» – с легкостью перешагнув через преступления, к которым сами были причастны. Правда, до столь прямых формулировок в известных нам письмах во власть дело, как правило, не доходило. Однако внимательный читатель может найти в некоторых письмах намеки на возможное привлечение к ответственности за допускавшиеся беззакония: то, что ни одна парторганизация пока не поставила вопрос об осуждении некоторых лиц за явные злоупотребления, объяснялось прежде всего бережным отношением рядовых коммунистов к руководящим кадрам, накопленному ими ценному опыту. Именно осознание невозможности полностью уклониться от ответственности за кровавое наследие сталинской эпохи делает яснее мотивы, заставившие Хрущева, причем при поддержке других членов Президиума ЦК КПСС, 9 февраля 1956 г. при обсуждении итогов работы комиссии П. Н. Поспелова инициировать вынесение на суд открывающегося XX съезда КПСС вопроса о массовых репрессиях: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождя, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду [...]. Если не сказать – тогда проявим нечестность по отношению к съезду»³¹. Эту позицию поддержал тогда, пусть

31 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 99.

с некоторыми оговорками, и В. М. Молотов, наиболее последовательный охранитель сталинского наследия в советском руководстве.

Если же говорить не о партийной верхушке, а о широком общественном мнении, одним из проявлений которого можно считать и приведенные ниже письма, то оно, как и Молотов (правда, не из идейных побуждений, но исходя из здравого смысла), взирало со скептицизмом на все попытки Хрущева вовлечь в орбиту советского влияния страну, отстаивающую свой суверенитет в условиях мощнейшего сталинского вызова 1948–1953 гг. Неподготовленность массового сознания к пересмотру стереотипов, сформированных в первые годы после разрыва, как нельзя лучше передает поражающий своей гротесковостью лозунг «Да здравствует тов. Тито и его клика!», размещенный на одном из плакатов в дни визита югославского лидера в СССР. Старые пропагандистские клише настолько прочно внедрились в сознание советских людей, что выветрить их оттуда в один момент было просто невозможно, как бы того ни требовало изменение политической конъюнктуры. Против этого работал и элементарный здравый смысл. Примирение с Тито воспринималось как нечто временное и преходящее, и совсем не исключались новые изменения линии партии. Исследователям еще предстоит немало сделать для изучения фольклора хрущевской эпохи, в котором тема сближения с Югославией заняла свое достойное место (образцы типа: «Дорогой товарищ Тито, / Ты нам снова друг и брат, / Нам сказал Хрущев Никита: / Ты ни в чем не виноват»). Столь же бесконтрольная, как и при Сталине, но все же несколько более заземленная власть становилась нередко объектом шуток, до весны 1953 г. немыслимых, причем насмешки были не в последнюю очередь направлены именно на зигзагообразность и непредсказуемость линии КПСС, наиболее наглядно (по крайней мере, во внешней политике) проявившиеся именно на югославском направлении. Ход событий 1956–1958 гг. вполне подтвердил правомерность ожиданий если не нового разрыва, то, во всяком случае, охлаждения отношений между СССР и Югославией. Оно действительно не замедлило произойти, посрамив чрезмерный хрущевский оптимизм образца 1955 г.

I.

Членам Президиума ЦК КПСС

т.т. Ворошилову К. Е., Микояну А. И., Кагановичу Л. М.,
Маленкову Г. М.³²

Товарищи! Обращаюсь к вам с письмом потому, что считаю опасным для партии решение «прорабатывать» во всех партийных организациях страны В. М. Молотова, за допущенные будто бы им ошибки.

В. М. Молотов – один из немногих деятелей старой ленинской школы. Он исключительно дорог партии и народу как талантливый партийный, государственный деятель, как человек незаурядного ума.

Вся страна знает, какие гнусные интриги плел вокруг него враг народа Берия. Непонятно, почему теперь против В. М. Молотова возведена новая версия. Почему наводится тень на человека, который является олицетворением преданности партии, образцом кристальной честности и несет огромный заслуженный авторитет у нашего народа и даже у народов других стран? Кому это выгодно?

Действительно ли является ошибочной позиция В. М. Молотова по югославскому вопросу, все-таки не понятно.

Из того, что стало известно коммунистам, В. М. Молотов за сближение с Югославией по линии государственной и против сближения по линии партийной. Однако вопрос доводится до сведения коммунистов в одностороннем освещении. Точка зрения В. М. Молотова дается в истолковании других, а не в подлиннике. Его аргументов, кроме участников пленума, никто не знает.

К ошибочной позиции В. М. Молотова по югославскому вопросу искусственно насаивается целая «система ошибок» по вопросам внутренней политики. Возводятся в «ошибки» мнения, высказанные В. М. Молотовым в то или иное время при обсуждении хозяйственных вопросов.

Но всем ясно, что без обмена мнений немыслима никакая деловая государственная или партийная деятельность.

Допустим даже, что в югославском вопросе В. М. Молотов стоял на ошибочной позиции. Но разве обязательно за это его обсуждать на всех партийных собраниях страны? Если уже говорить об ошибках, то разве каждый из вас, б. членов политбюро, не несет ответственности за все, что имело место и к чему привела ваша пассивная позиция, скажем, в таких вопросах, как в сельском хозяйстве или так наз. «ленинградском деле»?

32 При публикации писем исправлены явные описки. Пунктуация дана в соответствии с современными правилами.

Тем не менее вас персонально за это ни одна организация не осудила, это свидетельство того, какой выдержкой обладают в своей массе коммунисты; насколько бережно они относятся к руководителям партии и государства, как высоко они ценят их личный опыт политического и хозяйственного руководства страной.

Решение Президиума и Пленума ЦК в отношении В. М. Молотова, напротив, говорит о нетерпимости со стороны нынешнего руководства к ошибкам (если даже действительно они есть) у других.

Почему семь миллионов коммунистов должны сказать, что они осуждают ошибки В. М. Молотова?

Что предосудительного в том, что он, в пределах, дозволенных Уставом партии, отстаивал свою точку зрения по югославскому вопросу?

Конечно, ни одна партийная организация не выступит против ЦК. После решения пленума ЦК не могут открыто выступить по этому вопросу и коммунисты, каждое такое выступление будет означать призыв к выступлению против ЦК.

Искренне заинтересованные в соблюдении партийной дисциплины, не желающие никакого разлада в рядах партии члены партии понимают величайший вред этого для нашего общего дела.

Официальные решения активов и партийных собраний по итогам июльского пленума ЦК, конечно, будут говорить о единстве партии.

Но поверьте, дорогие товарищи, внутреннее убеждение о необъективности по отношению к В. М. Молотову вносит раздвоение в сознание и поступки многих коммунистов. Несогласие глубоко оседает на душе.

К большому огорчению, приходится признать, что решение в отношении В. М. Молотова и практические меры, которые последовали за этим, лишены мудрости, свойственной нашему ЦК. Больше того, они просто неразумны и причиняют вред.

Такая практика подрывает доверие к людям, стоящим во главе высших партийных органов, ослабляют веру масс в их способность достойно стоять на высоте положения.

Разве можно так ослаблять позиции центральных органов нашей партии?

Считаю, что надо сделать все зависящее от нас и, в частности, от вас, облаченных высоким доверием партийных масс, чтобы внести успокоение в ряды партии. Надо устранить, пока не поздно, все, что мешает нашему движению вперед.

Член партии.
29 июля 1955 г.

II.

Секретарю ЦК КПСС т. Хрущеву Н. С.

Копия тт. К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, А. И. Микояну,
Г. М. Маленкову, Л. М. Кагановичу

Никита Сергеевич!

Впервые за четверть века активной работы в партии я решил обратиться с письмом в высшую партийную инстанцию. Дело в том, что меня и других коммунистов глубоко взволновали и не дают покоя разногласия в партии, возникшие в последнее время.

Я ознакомился с Вашим докладом «Об итогах советско-югославских переговоров» и резолюцией июльского Пленума ЦК³³.

Должен Вам сказать, что, несмотря на подробное изложение истории вопроса с Югославией, я все-таки убежден в том, что В. М. Молотов не занимал ошибочную позицию в югославском вопросе.

Опубликованная в газетах 30 июля с. г. речь Тито лишь подтверждает правоту позиции В. М. Молотова³⁴. Всем известно, что основным методом ленинизма является метод убеждения. Миллионам коммунистов невозможно приказать поверить в ту или иную истину. Они должны сами убедиться в правильности той или иной точки зрения.

Вы игнорируете в данном случае это основное требование ленинизма. Для ознакомления коммунистов с существом дела

33 Советско-югославские отношения...

34 «Правда» в этот день в информационном сообщении ТАСС подробно изложила содержание программной речи Тито, с которой он выступил 27 июля на митинге в Карловаце (Хорватия). Он отметил успехи в нормализации межгосударственных отношений с СССР и в то же время заметил, что члены советской делегации, посетившей Югославию, убедились и согласились с тем, что «Югославия – независимая страна и что она хочет остаться независимой как от Запада, так и от Востока, что она имеет свой путь развития и что она не может позволить кому-либо вмешиваться в ее внутренние дела». Тито продолжал: «Мы – коммунисты. Но мы не желаем быть ни в каком лагере, мы хотим быть независимой страной, которая строит социализм и которая своим примером показывает, какой путь строительства социализма лучше – наш или их». Югославский лидер также подчеркнул: сближение с СССР не означает, что Югославия откажется от активного сотрудничества с западными странами на основе невмешательства во внутренние дела, она будет принимать западную помощь только на приемлемых для себя условиях.

по югославскому вопросу дан Ваш доклад и резолюция по докладу. Объективность дела требовала, чтобы до сведения членов партии была доведена также и речь В. М. Молотова. Однако это сознательно не делается.

В то же время требуется, чтобы позиция В. М. Молотова была осуждена всеми партийными организациями. Стало быть, Вы не хотите, чтобы члены партии сознательно подходили к вопросу. Вы заинтересованы в том, чтобы коммунисты просто подчинялись решениям вышестоящей инстанции. Разве это по-ленински? Это нельзя расценивать иначе, чем злоупотребление ленинским принципом централизма.

При таком положении вещей коммунисты – самая сознательная часть нашего общества – ставятся просто в нелепое положение.

С одной стороны, перед ними однобокая резолюция, резко осуждающая человека во всех грехах, которую они не могут не принять под страхом политической смерти.

С другой стороны – живой человек, за плечами которого полвека самоотверженной борьбы за дело партии, за ленинизм, и точка зрения которого по югославскому вопросу миллионам людей неизвестна.

Да разве так положено делать в нашей партии? Разве это соответствует Уставу партии и организационным принципам ленинизма?

Ничего подобного! Это настоящий произвол, это какое-то политическое интриганство, чуждое духу нашей партии!

Неужели не понятно, что этим подрывается авторитет центральных организаций партии, порождается в рядах коммунистов неуверенность в способности нынешних руководителей вести правильную линию.

Этого никогда не было в рядах нашей партии! Где же Ваши связи с партийной массой, если Вы подлинных настроений членов партии не понимаете. На какой опасный путь Вы толкаете партию?

Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов. Хочу одного: сделайте, наконец, необходимые выводы из этого чистосердечного письма.

КОММУНИСТ

2 августа 1955 г.

Источники и литература

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 310 с.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2014. Т. 1. 1946–1964. 880 с.

Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М.: Международный фонд «Демократия», 2001. 820 с.

Гиббианский Л. Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 137–186.

Дело Берии. Пленум ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 139–214.

Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. 616 с.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. 859 с.

Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003. 1344 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. 1120 с.

Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–62; 1999. № 5. С. 3–50.

Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. 754 с.

Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение 1955–1956 гг. и роспуск Коминформа // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути. Материалы XV Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: РОССПЭН; Ельцин-центр, 2023. С. 564–579.

Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И. В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь: изд-во СКФУ, 2016. Вып. II. С. 209–222.

References

Anikeev, A. S. *Kak Tito ot Stalina ushel: Iugoslaviia, SSSR I SShA v nachal'nyi period "kholodnoi voimy" (1945–1957)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 310 p.

“Delo Berii. Plenum TsK KPSS 2–7 iulia 1953 g. Stenograficheskii otchet.” *Izvestiia TsK KPSS*, 1991, No 1, pp. 139–214.

Edemskii, A. B. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka, 2008, 616 p.

Georgii Zhukov: *Stenogramma oktiabrskogo (1957 g.) plenuma TsK KPSS i drugie materialy*. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2001, 820 p.

Gibianskii, L. Ia. “Forsirovanie sovetskoii blokovoii politiki.” *Kholodnaia voina. 1945–1963. Istoricheskaiia retrospektiva*, ed. by N. I. Egorova, A. O. Chubarian. Moscow: OLMA-PRESS, 2023, pp. 137–186.

Hornýák, Á. “Vengersko-iugoslavskaiia pogranichnaia polosa v gody razryva I. V. Stalina i J. Broza Tito.” *Rossiia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*. Vol. II. Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2016, pp. 209–222.

Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957: *Stenogramma iium'skogo plenuma TsK KPSS I drugie dokumenty*. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 1998, 859 p.

Moskva i Vostochnaia Evropa. Sovetsko-iugoslavskii konflikt i strany sovetskogo bloka, 1946–1953 gg. Ocherki istorii, ed. by A. S. Anikeev. Moscow–St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 432 p.

Presidium TsK KPSS. Vol. 1. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Moscow: ROSSPEN, 2003, 1344 p.

Presidium TsK KPSS. Vol. 2. Postanovleniia. Moscow: ROSSPEN, 2006, 1120 p.

Soveshchaniia Kominforma. 1947/1948/1949. Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPEN, 1998, 754 p.

“Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia. Iz dokumentov iium'skogo plenuma TsK KPSS 1955 g.” *Istoricheskii arkhiv*, 1999, No 2, pp. 3–62; No 5, pp. 3–50.

Stykalin, A. S. “Sovetsko-iugoslavskoe sbliozhenie 1955–1956 gg. i rospusk Kominforma.” *1953-yi. Podvedenie itogov i vybor puti. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 21–24 iunია 2023 g.*, ed. by A. K. Sorokin. Moscow: ROSSPEN, El'tsin-tsentr, 2023, pp. 564–579.

Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Iugoslavii v 1946–1980. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2014, 880 p.

**“You Cannot Endlessly Exploit the Patience of Communists...”
The Special Position of V. M. Molotov on the Issue of Rapprochement
with Yugoslavia and Its Criticism by N. S. Khrushchev Viewed
by Ordinary Members of the CPSU (1955)**

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. “You Cannot Endlessly Exploit the Patience of Communists...” The Special Position of V. M. Molotov on the Issue of Rapprochement with Yugoslavia and Its Criticism by N. S. Khrushchev Viewed by Ordinary Members of the CPSU (1955) // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 427–453 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.22

Received: 06.05.2024.

Abstract

After Stalin's death on March 5, 1953, his successors in the Kremlin leadership faced the need to correct to some extent the confrontational foreign policy of the USSR. The Soviet-Yugoslav conflict, which continued to remain a serious source of tension not only on a regional, but also on a pan-European scale, also required a solution. By the beginning of 1955, two approaches were taking shape in Soviet policy on the Yugoslav question. V. M. Molotov proposed to normalize the relations with Yugoslavia according to the standards of relations with an “ordinary capitalist state” (including some revival of economic ties with it). N. S. Khrushchev, with the support of the majority of members of the Presidium of the CPSU Central Committee, proposed to take a course towards involving this large and strategically important Balkan country in the Soviet camp, hoping that this would become a clear foreign policy success for the USSR. Molotov's position turned out to be more realistic – Tito's Yugoslavia, interested in normalizing relations and expand-

ing cooperation with the USSR, at the same time strongly resisted any attempts to limit its sovereignty. Having not solved the assigned foreign policy problem, Khrushchev at the same time used the special opinion of his opponent to weaken his position in the leadership of the CPSU. This caused misunderstanding in the party circles. The anonymous letters included in our publication show that in the atmosphere of the thaw of the mid-1950s, ordinary communists increasingly raised sharp issues that during Stalin's lifetime it was not customary to raise for fear of persecution. They, in particular, paid attention to incorrectness of criticism of Molotov in July 1955 at the session of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, which was based not so much on the search for an optimal political course, but on an unprincipled struggle for power, which, according to the senders of the letters, could damage the authority of the party.

Keywords

Soviet-Yugoslav relations, N. S. Khrushchev, V. M. Molotov, J. Broz Tito, the struggle for power in the USSR after 1953, the thaw of the mid-1950s in the USSR, public opinion in the USSR, letters to the authorities.

УДК 93/94

Л. В. Кузьмичева

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.23

Долгое странствие Милорада Экмечича к постижению взаимосвязи югославизма и сербской национальной идеи

Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. – М.: Абрикос, 2023. – 1045 с.

Кузьмичева Людмила Васильевна

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: kuzmicheva3@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7671-6492

Цитирование

Кузьмичева Л. В. Долгое странствие Милорада Экмечича к постижению взаимосвязи югославизма и сербской национальной идеи // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 454–472. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.23

Рецензия поступила в редакцию 17.09.2024.

Аннотация

Книга известного югославского и сербского ученого Милорада Экмечича (1928–1915) впервые увидела свет в 2007 г. Она выдержала семь изданий в Сербии. На русский язык переведена впервые. Монография М. Экмечича посвящена ключевым событиям в истории сербского народа за пятьсот лет с 1492 по 1992 г. Автор предлагает оригинальную периодизацию сербской истории Нового времени и исследует причины образования и распада мультинационального югославского государства. Российское издание снабжено научными комментариями, хронологическими таблицами, картами, терминологическим словарем.

Ключевые слова

Милорад Экмечич, Сербия, Новая история Европы, Османская империя, Вторая мировая война, СФРЮ, распад Югославии.

Издание на русском языке монографии выдающегося сербского и югославского ученого Милорада Экмечича (1928–2015) «История сербов в новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала»¹ – безусловно, событие значимое. Отечественные издательства крайне редко обращались к публикации обобщающих трудов сербских, да и в целом югославских историков². Исключением стала, пожалуй, увидевшая свет в 2009 г. «История сербов» известного сербского историка Симы Чирковича³.

Рецензируемое издание стало достойным памятником вкладу замечательного историка в мировую историческую науку. Большой коллектив, трудившийся над изданием книги, – переводчики, научный редактор и автор комментариев Н. В. Бондарев, консультант по иллюстрациям А. Ю. Тимофеев, художники-иллюстраторы, редакторы, руководители и координаторы проекта – проделали огромную работу по изданию роскошного, богато иллюстрированного, снабженного подробными научными комментариями, хронологическими таблицами, терминологическим словарем и картами тома.

Открывает книгу, предваряя авторский текст, биографический очерк о М. Экмечиче, написанный Н. В. Бондаревым. В качестве *Предисловия* к книге представлена яркая, эмоциональная статья известного деятеля сербской и югославской культуры Эмира Кустурицы, в которой он говорит о своем преклонении перед эрудицией и гением Экмечича.

Напечатанная на прекрасной бумаге книга, насчитывающая 1045 страниц, помещена в изысканно оформленный футляр, на котором, так же как на обложке и на форзаце книги, помещены фрагменты самой известной сербской средневековой фрески – «Белый ангел» из монастыря Милешева (XIII в.). Это изящное издание, осуществленное компанией «Газпром нефть» как часть проекта российско-сербской программы социальных инициатив «Заједно», представляет собой, таким образом, шедевр полиграфического дела.

Думается, что академику Экмечичу никогда не приходилось видеть публикацию своих трудов в подобном роскошно-подарочном

1 Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. М., 2023.

2 Ряд трудов сербских, черногорских, словенских ученых опубликованы в России в последние несколько лет по инициативе и при непосредственном участии Института славяноведения РАН.

3 Чиркович С. М. История сербов. М., 2009.

виде. Конечно, это очень дорогое издание, что, по-видимому, определило его скромный тираж – 370 экземпляров. Безусловно, такая книга станет украшением любой библиотеки, а читать этот фолиант следует на пупитре, а еще лучше на высокой подставке-конторке, аккуратно переворачивая страницы, как это делалось в средневековых скрипториях. Хочется все же надеяться, что второе издание книги будет носить хотя полиграфически и более скромный, но более доступный широкому читателю характер.

М. Экмечич, несомненно, заслужил такой почет и уважение к его труду. Он был и остается одним из самых авторитетных и признанных югославских историков. Ему посвящены многочисленные статьи и рецензии, его творчество стало предметом диссертационного исследования⁴, в его честь названа одна из улиц Белграда. Рецензируемая книга была впервые опубликована в 2007 г.⁵ и выдержала в Сербии семь изданий. Она вошла в пятнадцатитомное собрание сочинений автора, увидевшее свет в 2021 г.⁶ В Сербии книга пользуется широкой популярностью, и во многих сербских домах она занимает почетное место рядом со столь же значимой «Историей сербов» Владимира Чоровича.

Переводчикам пришлось поломать голову над адекватным переводом названия книги. Эта цитата из работы И. Андрича, который, в свою очередь, взял ее из стихотворения литературоведа и писателя Перо Слиепчевича⁷ (1888–1964), буквально звучит приблизительно как «Долгое скитание среди бойни и пахоты». Название это символизирует трудный исторический путь сербского народа, сопровождающийся, с одной стороны, тяжелыми, кровавыми битвами и насилием многочисленных врагов над мирными жителями, а с другой стороны, непрестанным трудом сербского пахаря. Перевод, предложенный для российского издания, – «Долгий путь от меча до орала» – в целом

4 *Алексић Ј. Ј.* Живот и дело Милорада Екмечића (1928–2015). Докторска дисертација. Универзитет у Приштини. Филозофски факултет. Косовска Митровица, 2021.

5 *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007.

6 *Екмечић М.* Сабрана дела. Нови Сад, 2021. Т. 1–15. Прекрасно изданое собрание сочинений Экмечича в 15-ти томах насчитывает 11000 страниц. Никто из сербских историков, кроме Слободана Йовановича (1869–1958), не удостоился чести издания собрания сочинений.

7 Стихотворение П. Слиепчевича «Белый король» (1918 г.).

отвечает смыслу сербского оригинала названия, хотя и не до конца раскрывает параллельность двух неперенных занятий сербов на протяжении веков – сражений и крестьянского труда. Видимо, это заставило редакторов российского издания книги на первое место поставить подзаголовок «История сербов в Новое время (1492–1992)» и лишь затем дать перевод метафорического названия. Сам автор понимал, что надо объяснить выбор такого оригинального названия, и сделал это во *Введении* к книге, пояснив, что «речь идет о предельно сжатом описании истории народа, жившего от войны до войны, а землю пахавшего ралом – деревянным плугом, не менявшимся на протяжении четырех веков»⁸.

Аллегорическое название книги использовалось многочисленными журналистами для описания и самого жизненного пути М. Экмечича как «долгого пути посреди насилия и пахоты». Путь ученого действительно был драматичным. Серб по национальности, он родился и большую часть жизни прожил в Боснии и Герцеговине, входившей в Королевство Югославия, а с 1945 г. – в новую социалистическую Югославию. Мальчиком он был свидетелем зверств оголтелых националистов-ушастей, массовых убийств мирного населения родного края, потерял отца и мать, сам с трудом спасся от смерти. Казалось бы, для успешного, авторитетного ученого, академика, преподавателя философского факультета Сараевского университета страшные события детства остались в прошлом. Но после начала в 1991 г. гражданской войны в Югославии он вновь пережил насилие и издевательства, был тяжело ранен озверелыми бандитами из числа мусульманских националистов, содержался под арестом и должен был бежать из родного края. С 1992 г. Экмечич жил и работал в Белграде, где и была написана эта его монография об истории сербов, ставшая плодом не только многолетних научных изысканий, но и жизненного опыта времени насилия и времени мирного труда.

Книга, над которой ученый работал много лет, не случайно увидела свет в 2007 г. Годом ранее распалась последняя, так называемая Третья, Югославия – Союз Сербии и Черногории, продержавшийся после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) 15 лет. Югославизм и югославская идея были одними из ключевых тем научных изысканий М. Экмечича, что признано югославской и сербской исторической наукой и стало предметом

⁸ Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 20.

ряда научных исследований⁹. Аналитики творчества Экмечича подчеркивают, что он, югославист по убеждениям, был свидетелем краха трех Югославий – Королевства Югославия в 1945 г., СФРЮ в 1991 г. и последней, Третей, в 2006. Известный сербский ученый Радош Лјушич, высоко оценивающий творчество Экмечича, утверждает, что «Милорад Экмечич разрывался между югославизмом и сербством, он верил в первое и был убежден, что это лучшее решение для всех югославских народов, он был вынужден верить во второе и не был уверен в его будущем. Югославизм – это время его юности и зрелости, сербство – время его старости»¹⁰.

М. Экмечич написал свой труд, посвященный пятистам годам сербской истории, в эпически летописном духе, не обременяя читателя научным аппаратом. Впервые ученый, всегда академически точный, подкрепляющий каждый свой тезис многочисленными ссылками на источники, обошелся без сносок. Он предлагает читателю уже полностью оформленный результат своих многолетних изысканий, не отвлекая его отсылками к источникам. Эта книга – скорее большой лекционный курс, рассчитанный как на специалистов, так и на широкую аудиторию. Мастерством лектора Экмечич владел в совершенстве, его преподавательский стаж насчитывал более сорока лет, что позволяло ему четко, ясно и доступно излагать основные положения своей научной мысли. Он читал лекции не только в Сараевском университете, но и во многих университетах Европы и Америки, всегда подчеркивая при этом, что преподаватель должен сначала овладеть актерским мастерством¹¹. Именно так, артистично, ярко, красочно и убедительно, выстроен текст его книги.

Редакционная группа российского издания книги Экмечича проделала огромный труд, дополнив ее хронологическими таблицами и очень подробными научными комментариями. В каждом разделе книги после авторского текста даются комментарии энциклопедического характера к личностям и историческим событиям, упомянутым автором, содержащие существенные дополнения и уточнения, а также полемические заметки. Так, например, предложенная Экмечичем

9 См., например: *Кривокапић Јовић Г.* Милорад Екмечић – историчар југословенства // *Tokovi istorije*. 2016. № 1 (24). С. 201–222; *Ljušić R.* Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmečića (marginalije povodom izlaska sabranih dela) // *Istorija 20. veka*. 2023. № 2. С. 483–502.

10 *Ljušić R.* Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmečića. С. 498.

11 *Алексић Ј. Ј.* Живот и дело Милорада Екмечића. С. 35.

на основании книги Растислава Петровича, вольно интерпретировавшего статью российского исследователя Ю. В. Костяшова, версия о том, что под именем черногорского правителя-самозванца Степана Малого скрывался русский офицер Иван Стефанович Балевиц¹², вполне аргументированно опровергается в комментариях¹³. Уточняется и явно завышенная цифра сербских переселенцев в Российскую империю в царствование Елизаветы Петровны¹⁴.

Проделанная автором комментариев Н. В. Бондаревым работа по сути является не просто комментированием текста Экмечича, но и формой своеобразного диалога с ним. Эти комментарии, представляющее собой отдельное историческое исследование, позволяют отечественному читателю легче разобраться в хитросплетениях сербской истории.

Несмотря на некоторые неточности и отсутствие сносок, авторитет Экмечича как знатока архивных материалов, опытного источниковеда не дает оснований сомневаться в достоверности приводимых им фактов, а встречающиеся ошибки чаще всего принадлежат авторам, книги которых он использовал. Все же главное в книге – это собственное видение автором основных событий сербской истории. С одной стороны, его труд – это почти летописное повествование, охватывающее весь ареал обитания сербского народа на протяжении пятисот лет. С другой – это размышления о роли и месте сербов в становлении и крахе идеи югославизма. Хронологические рамки исследования автор определил исходя из традиционного поворота в истории и начала «всеобщей истории Нового времени» – открытия Америки в 1492 г. и окончательного падения приблизительно в это же время сербского средневекового государства – как нижней границы повествования, а краха социалистической системы, и в том числе и распада Югославии, в 1992 г. – как верхней. Примечательно, что для Экмечича весь данный период в 500 лет – это Новое время, никакого деления еще и на Новейшее время он не признает.

Из авторского *Введения* становится понятно, что Экмечич пишет сербскую историю в контексте мировой истории, не изолируя ее и не помещая на маргиналы. Но при этом он считает необходимым отметить, что османское завоевание привело к разрыву преемственности социальных, политических и культурных институтов Сербии,

12 Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 191–192, 227–228.

13 Там же. С. 206, 236.

14 Там же. С. 205.

«которые до османского завоевания были подобны или идентичны западноевропейским»¹⁵. В продолжение своих многолетних исследований национального вопроса и собственно процесса становления наций Экмечич возвращается к не раз высказанной им мысли, что создание сербской национальной идентичности неразрывно связано с православием и основывается на наследии средневекового сербского государства. На протяжении всего своего творчества историк настаивал на доминирующей роли религии в национальном самоопределении югославянских народов.

Свою книгу Экмечич поделил на *семь глав*, причем *первая глава* объемом всего в пару страниц несет важное методологическое название, задающее алгоритм исследованию: «Значение перехода в Новое время для сербской истории». Автор подчеркивает, что разделенный на протяжении столетий сербский народ оказался в составе двух империй – Османской и Габсбургской, и главным водоразделом в его судьбе и судьбе всей Юго-Восточной Европы стали турецкий военный подъем и упадок. Финальная фаза турецкого военного упадка, получившая название «Восточный вопрос», характеризуется, по мнению автора, соперничеством европейских великих держав при разделе османского территориального наследия. Обозначив эти главные факторы, определившие судьбу сербского народа в Новое время, Экмечич переходит к их характеристике в последующих главах.

Вторая глава «Время османского подъема» охватывает период с конца XIV по конец XVII в. Главной темой этого раздела является анализ характера миграционных и демографических процессов сербов в условиях противостояния Османской империи и европейских государств. Особое внимание автор уделяет проблеме исламизации населения Балкан, отмечая, что в период подъема Османской империи «государственными деятелями и военачальниками были не только этнические турки, но и “потурченцы” из завоеванных стран. Так, например, Босния в это время выдвинула ряд крупных государственных деятелей и военачальников»¹⁶. Босния, в которой прошла большая часть жизни ученого, всегда была предметом его научного анализа¹⁷,

15 Там же. С. 22.

16 Там же. С. 81.

17 Диссертация, защищенная М. Экмечичем в 1958 г., была посвящена боснийским восстаниям 1875–1878 гг. Книга, опубликованная на ее основе в 1960 г., дважды переиздавалась с дополнениями (1973, 1996) и вошла в собрание сочинений ученого (т. 1).

и вполне понятно, почему автор подробно останавливается на характере инкорпорации Боснии в Османскую империю.

Раннее Новое время не было специальной областью исследований Экмечича, в основном занимавшегося историей конца XVIII – начала XX в. Этот раздел он базирует на привлечении работ как сербских, хорватских, венгерских ученых, так и специалистов по другим областям Османской империи – сирийских, тунисских, египетских, а также западноевропейских исследователей.

Эрудиция ученого поражает. Он не только подкрепляет свои выводы свидетельствами современников описываемых событий, но и активно использует эпос, предания и художественную литературу. Это, кстати, удивило и Э. Кустурицу, когда он узнал, что Экмечич читает его книгу. Режиссерское, художественное чутье Кустурицы позволило ему увидеть, как «режиссирует» свои научные труды Экмечич: «Листая книги Экмечича, я понял, что он регулярно читал все, в том числе и художественную литературу, и мотивы из романов были лишь элементами, при помощи которых в его книгах создавалась четкая и цельная историческая картина»¹⁸. Рецензируемая книга – пожалуй, самый яркий пример такой искусной «режиссуры» ученого, которая дает читателю сочную, многоплановую и увлекательную картину истории сербов, опирающуюся при этом на солидные источники. Экмечич достиг здесь не часто встречающегося у академических ученых мастерства живого изложения своих научных изысканий, легко воспринимающихся даже неподготовленным читателем. Эта сложная по композиции, объемная по охвату событий и строго научная по сути книга написана ярким и образным языком, с включением не только текстов документов, но и фрагментов художественных произведений. Неслучайно она столько раз переиздавалась, а круг ее читателей, конечно же, значительно шире узкого академического сообщества.

Опыт создания обобщающих, энциклопедических трудов у Экмечича был огромным. В 1972 г. он вошел в состав авторского коллектива единственной вышедшей в СФРЮ «Истории Югославии»¹⁹. Коллектив авторов составили преимущественно сербские и черногорские ученые, хронологически повествование было доведено до окончания

¹⁸ Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 13.

¹⁹ Istorija Jugoslavije / Božić I., Ćirković S., Ekmečić M., Dedijer V. Beograd, 1972.

Второй мировой войны²⁰. Книга вышла в разгар волны националистических выступлений в стране, знаменовавших кризис югославянской идеи, вызвала полемику в среде югославских ученых²¹ и подверглась жесткой критике со стороны хорватских историков²².

Следующим обобщающим трудом энциклопедического плана, охватывающим историю всех югославянских народов с конца XIX в. до создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС), стала двухтомная монография М. Экмечича «Создание Югославии. 1790–1918»²³. В 1989 г., накануне распада СФРЮ, в разгар «парада национализмов» в стране, когда югославянская идея, казалось, изжила себя, Экмечич создает труд, в котором исследуются истоки и реализация идеи югославизма. На презентации этого двухтомника в Историческом институте Сербской академии наук и искусств я была поражена обилием представителей средств массовой информации из всех республик СФРЮ. Публики и журналистов собралось столько, что в зал было трудно войти, вопросов Экмечичу задали немало. Появление этого сугубо академического издания широко освещалось телевидением, в газетах и журналах развернулась ожесточенная полемика – настолько «горячей» была тема, поднятая Экмечичем. Последовательный сторонник идеи югославянского объединения, Экмечич, даже пережив трагедию распада Югославии, не оставил тему изучения истоков и развития югославизма.

В рецензируемой книге эта тема также не могла быть обойдена, поскольку повествование охватывает практически весь XX век, а значит

20 Один из членов авторского коллектива книги, публицист и историк Владимир Дедиер, в СССР был запрещенным автором, и это издание в советское время можно было читать только в спецхранах библиотек.

21 Подробнее об этом: *Николић К.* Прошлост без историје. Полемика у југословенској историографији 1961–1991. Београд, 2003. С. 46–67; *Алексић Ј. Ј.* Живот и дело Милорада Екмечића. С. 390–428. Ответ на критику концепции своей книги М. Экмечич дал в ведущем историческом журнале страны: *Ekmečić M.* Odgovor na neke kritike “Istorije Jugoslavije” // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1974. № 1–2. С. 217–280.

22 См., например, статьи известной хорватской исследовательницы Миряны Гросс: *Gross M.* Ideja jugoslovenstva u XIX stoleću u “Istoriji Jugoslavije” // *Časopis za suvremenu povjest.* 1973. II. S. 8–20; *Gross M.* Ideja jugoslovenstva u XIX stoljeću i “dogmatski nacionalizam” // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1975. № 3–4. С. 121–160; *Gross M.* U povodu povlačenja Milorada Ekmečića od polemike // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1977. № 1–2. С. 168–171.

23 *Экмечич М.* Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989. Т. 1–2.

создание и крах двух Югославий. Р. Люшич считает, что сербская тема стала доминирующей у Экмечича после его бегства в Белград в 1992 г., но что от своего югославизма ученый не отказался: «Милорад Экмечич был и остался все тем же человеком, тем же историком, что и был, таким, каким я его видел при жизни – полностью и добровольно преданным югославской идее и сообществу, а позже и невольным сербофилом. Он является лучшим примером этого ментального разделения и разделения сербов сербской и югославской ориентации в XX в.»²⁴.

Собственно этой теме – сербы и югославизм – посвящены пять следующих глав монографии Экмечича.

В *третьей главе* «Период упадка Османской империи. Восточный вопрос», посвященной сербской истории XVIII в., автор исследует факторы, повлиявшие на оформление идеи восстановления сербской государственности. Но и здесь присутствует общегославянский контекст, включающий и хорватские, и черногорские сюжеты. Ключевой же здесь является трактовка историком роли восточного вопроса в судьбе южнославянских народов.

В исторической литературе постепенно проявился отход от традиционного определения восточного вопроса единственно как следствия отставания Османской империи от Европы и ее неспособности удержать в целостности свои территории. М. Экмечич, внесший весомый вклад в изучение восточного вопроса, дает здесь глубокий анализ самой этой категории и предлагает следующее новое определение: «Восточный вопрос – это вопрос перераспределения величия, могущества и территорий между консолидированными Западной Европой и Россией, за счет Османской империи в период ее исторического упадка с 1683 до 1923 гг.»²⁵.

Это определение заслуживает, на наш взгляд, особого внимания историков международных отношений. Автор уточняет хронологические рамки проблемы и активных участников решения восточного вопроса. Предложенные сербским историком нижняя и верхняя

24 *Ljušić R.* Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmečića. S. 485.

25 *Экмечич М.* История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 161. Позволю себе предложить несколько иной перевод этого тезиса Экмечича: «Восточный вопрос – это вопрос перераспределения влияния, мощи и территории между консолидированной Западной Европой и Россией за счет Османской империи в период ее исторического отставания с 1683 до 1923 г.» (*Экмечич М.* Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку: 1492–1992. Београд, 2008. С. 74).

границы существования восточного вопроса: 1683 г. – поражение турок под Веной и 1923 г. – Лозаннская конвенция об обмене населением с Грецией и конец Османской империи – уже вошли в историографическую практику. А вот акцентирование Экмечичем роли России в самом формировании явления *восточный вопрос* представляется абсолютно новаторским для зарубежной историографии.

Ученый так раскрывает и детализирует это свое положение: «Без роли России как могущественного фактора мировой политики нет восточного вопроса, поскольку Россия, появившись перед воротами Константинополя, вовлекла и балканские народы в эту историческую схватку»²⁶. Роли России и Австрии в судьбе сербского и других балканских народов в главе уделено главенствующее место. Говоря о европейском контексте происходящих на Балканах событий конца XVIII в., Экмечич констатирует, что «волны Французской революции, которые несут с собой наполеоновские армии, на Балканах были довольно сильными, чтобы их можно было игнорировать при изучении первых проектов независимого сербского государства в Черногории»²⁷.

Четвертая глава «Сербская революция 1804–1815 годов» – по объему одна из самых больших глав, хотя и охватывает период всего в девять лет. Это время Первого (1804–1813 гг.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний, которые возглавили основатели правивших в XIX–XX вв. династий крестьянские вожди Карагеоргий и Милош Обренович. Именно в это время кристаллизуется программа создания независимого сербского государства. Для сербской истории Нового времени события эти имеют первостепенное значение, им посвящены многочисленные исследования, они вызывали и вызывают острую полемику по вопросу характера этих восстаний. Для Экмечича этот характер однозначен – это *революция*. Крупный специалист по этому периоду, автор фундаментальных работ о вождях восстаний Р. Люшич, в целом согласившись с этим тезисом Экмечича, критически отнесся к тому, что окончание революции ученый относит к 1815 г. Обладая бесспорным авторитетом в изучении становления нового сербского государства, он считает, что «феодализм в Сербии окончательно был уничтожен в 1835 г.»²⁸.

Экмечич полагает, что «сербская революция 1804–1815 гг. стала самым значительным событием во всей истории Сербии. Без ее

26 Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 161.

27 Там же. С. 235.

28 Ljušić R. Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmečića. S. 496.

понимания невозможно понять более поздние процессы и события в любой исторической области»²⁹. Автор достаточно подробно излагает российское участие в событиях 1804–1815 гг., но столь значимый для дальнейшей судьбы Сербии Бухарестский мир именуется «водянистым супом», который российским представителям не удалось превратить в более густую похлебку, «которая бы обязала султана соблюдать сербскую автономию»³⁰. В поисках же истоков австро-сербского сближения и противостояния ученый приходит к выводу, что с 1815 г. до начала XX в. «вся история балканских народов остается в тени великой державы Австрии»³¹.

Пятая глава книги посвящена становлению независимого национального государства в 1815–1878 гг. В заголовок автор вносит и трагическую ноту – «провал объединения нации». Этот период сербской истории в контексте возможности югославянского объединения Экмечич неоднократно исследовал в своих предшествующих трудах, и вот эта тема звучит в пятой главе вновь. Повествование охватывает практически весь ареал сербства – в том числе, помимо собственно княжества Сербия, Далмацию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и Воеводину, а также национальные движения в Хорватии и Словении. Говоря о проекте «Начертание», Экмечич доказывает, что, вопреки существующему мнению, он не был секретным и частично был опубликован уже в 1843 г. в Великобритании.

Довольно жестко оценивает Экмечич позицию России в сербском вопросе, заявляя, что для решения Восточного вопроса Россия всегда искала союзника на Западе, что означало «возможность прийти к соглашению ценой принесения в жертву сербской национальной территории». В этом случае ученый остается на традиционных позициях сербской историографии, полагающей, что Берлинский конгресс – это «новое национальное поражение сербов»³².

Великий восточный кризис 1875–1878 гг. – это излюбленная тема Экмечича со времен защиты его диссертации. Не случайно большое внимание он уделяет боснийско-герцеговинским восстаниям. По мнению же Р. Люшича, боснийская тема неоправданно превалирует в изложении Экмечича, создавая явную диспропорцию, когда

29 Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 364.

30 Там же. С. 356.

31 Там же. С. 364.

32 Там же. С. 391–392.

лидерам восстаний Мичо Любибратичу и Луке Вукаловичу места уделяется значительно больше, чем сербскому князю Милошу³³.

В этом разделе ученый вновь обращается к роли России в истории сербского национального государства. Он возвращается к ранее неоднократно им поднимаемой теме о роли славянофилов в судьбе Сербии. Анализируя знаменитое «Послание к сербам из Москвы» А. С. Хомякова, ученый заявлял, что влияние идеологических наставлений «Послания к сербам» ощущалось до 1878 г., и именно они стали причиной исторической катастрофы сербской национальной идеи после начала Герцеговинского восстания 1875 г. вплоть до Берлинского конгресса. В 1876 г. сербское национальное движение, по мнению Экмечича, целиком попадает в руки русских славянофилов. Он утверждал, что славянофилы стремились к созданию славянского союза с центром в России и для этой цели собирались использовать сербов в качестве тарана³⁴. Автор, говоря о роли славянофилов в подталкивании сербов к войне накануне Великого восточного кризиса, допускает фактическую ошибку, заявляя, что наиболее настойчиво это проповедует кружок славянофилов вокруг газеты «Голос» М. Г. Черняева³⁵. Черняев входил в редакцию панславистской газеты «Русский мир», а «Голос» – это газета А. А. Краевского, к славянофилам отношения не имевшая. Русско-турецкая война 1877–1878 гг., принеся независимость Сербии и Черногории, практически не нашла отражения в книге Экмечича, повторяющего традиционный тезис сербской историографии о предательстве Россией сербских интересов и нанесении ущерба сербской этнической территории³⁶.

Символическое название *шестой главы*: «От провала объединения сербов (1878) до объединения Югославии (1918)» возвращает Экмечича к излюбленной теме югославянского объединения. Собственно история независимого Сербского государства тонет и почти исчезает в этой главе на фоне характеристик автором национальных движений всех южнославянских и в целом балканских народов накануне Первой мировой войны.

Говоря о начале войны, ученый четко разделяет ее повод и причины. Сараевское убийство он трактует как повод к войне, а причиной считает выдвинутый немецким историком Фрицем Фишером тезис

33 *Ljušić R.* Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmечиća. S. 494.

34 *Экмечич М.* Стварање Југославије 1790–1918. Т. 2. С. 146–147.

35 *Экмечич М.* История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 513.

36 Там же. С. 519–522.

о том, что «глубинной, основной и главной причиной войны было стремление Германии стать мировой державой»³⁷. В этом утверждении Экмечича слышны отзвуки многолетней позиции сербской историографии, выступающей против обвинений Сербии в развязывании Первой мировой войны.

Финальным аккордом *шестой главы* является анализ обстоятельств и последствий создания единого государства – Королевства СХС. Отстаивая свою неизменную позицию о жизнеспособности и продуктивности такого югославянского объединения, ученый возражает своим сербским оппонентам, утверждающим, что таким образом сербский народ потерял «четко определенную международно-правовую и национальную сербскую государственность»³⁸. Главный тезис всего повествования Экмечича, всей рецензируемой книги, всего его жизненного и научного опыта следующий: «С объединением в 1918 году сербский народ завершил свою историю борьбы за западноевропейскую форму парламентского государства с различными религиями и этническими вариантами. Это было единственное мультикультурное государство, созданное за всю историю на Балканах. Это государство было разрушено не политической или социальной несправедливостью, а религиозной нетерпимостью, которая была предложена западным миром в качестве идеала сразу же после его создания. Все, кто разрушал югославянское государство: фашисты в 1941 году, коммунисты в 1945 году и “американская форма демократии” в 1992 году – реализовывали доказательство идеи о том, что религия является водоразделом наций»³⁹.

Эта главная мысль ученого, возможно и не бесспорная, легла в основу заключительной *седьмой главы* книги: «Сербский народ в югославском государстве. 1918–1992 годы». Автор настаивает, что главным движущим фактором разрушительного развития страны «была религиозная нетерпимость католической церкви», которая «никогда не принимала югославское государство как свое»⁴⁰. Экмечич предлагает свою периодизацию истории межвоенной Югославии⁴¹, где вновь акцентирует внимание на деструктивной роли католической церкви. Но он не снимает вины за «парламентскую анархию»

37 Там же. С. 625.

38 Там же. С. 670.

39 Там же. С. 670.

40 Там же. С. 695.

41 Там же. С. 715.

и с сербских политических партий, которые были не в состоянии «сформировать общую, реалистическую и активную сербскую национальную программу»⁴².

Создание Независимого государства Хорватия после нападения на Югославию в апреле 1941 г. нацистской Германии и ее союзников Экмечич также связывает с деятельностью руководства католической церкви⁴³.

Сопrotивление фашистской оккупации во время Второй мировой войны Экмечич называет «Югославской революцией 1941–1945 гг.». Собственно, начиная с этого времени он выступает не только как историк, но как свидетель и участник описываемых событий. Главный его тезис по отношению к Движению сопротивления в стране тот, что антифашистское восстание подняли не четники и не коммунисты, которые были крайне малочисленны и не слишком авторитетны. Ученый считает, что «причиной восстания является массовый протест против физического истребления сербского народа в вновь созданном государстве Хорватия (НГХ)»⁴⁴.

Экмечич не замалчивает внутренних кровавых разногласий в стане борцов против оккупантов. Боевые действия против захватчиков в Герцеговине в 1941–1942 гг. сопровождалось, по словам автора, «красным террором» со стороны коммунистов и «черным террором» со стороны четников⁴⁵. Жесткое и прагматичное отношение союзников к югославскому будущему Экмечич особенно ярко выразил, повествуя о судьбе лидера четнического движения Драже Михайловича. По словам ученого, этот «без сомнения честный и порядочный человек» обвинял в своем поражении англичан, которые «готовы любого использовать и продать»⁴⁶.

Заключительный подраздел последней, *седьмой главы* книги Экмечич назвал «Сербь во время агонии федеративной Югославии. 1945–1992 годы».

Критически разобрав истоки и попытки реализации так называемого самоуправленческого социализма⁴⁷, историк характеризует политический строй в стране вплоть до смерти Тито в 1980 г.

42 Там же. С. 749.

43 Там же. С. 788.

44 Там же. С. 813.

45 Там же. С. 861–862.

46 Там же. С. 915.

47 Там же. С. 962–969.

как «диктатуру одной личности», а после его смерти – как «диктатуру изолированной элиты, в ряды которой нельзя было войти извне». Титоизм, по его мнению, «не является развитием сталинского тоталитаризма в сторону демократии, но был деградацией от сталинизма к католическим тоталитарным диктатурам Центральной Европы в межвоенный период»⁴⁸. Эти тезисы он наполняет фактическим содержанием в этой заключительной главе, исследуя истоки распада страны и кровавых военных конфликтов начала 1990-х, которые Экмечич считает гражданской войной. Он убежден, что война эта имела историческую цель: «великие державы во главе с США поддерживали католическую церковь в ее стремлении создать из Хорватии независимое европейское государство»⁴⁹, при этом он констатирует, что «США способны идти навстречу сербам во всем, кроме права на суверенное национальное государство и независимость»⁵⁰.

Заключает свое повествование Экмечич на трагической ноте: «В будущее мы смотрим сквозь тьму»⁵¹.

Столь обширная работа по изданию и комментированию книги Экмечича, конечно же, не могла обойтись без мелких ошибок и недочетов. Среди замеченных – неверные даты окончания Берлинского конгресса⁵² и ликвидации Печской патриархии⁵³ и разнобой в датах ранения в скупшине С. Радича⁵⁴. Ошибка в дате и на иллюстрации на с. 376. Порой вызывает недоумение непривычное написание географических названий и имен собственных. Так, например, не склоняются в тексте Карловцы, к тому же почему-то с «и» на конце⁵⁵, а черногорский правитель-самозванец именуется то Степан Малый, то Шчепан Малый⁵⁶. «НДХ» в текстах на русском языке не принято использовать, когда речь идет о Независимом государстве Хорватия, обычно используется «НГХ».

48 Там же. С. 969.

49 Там же. С. 1007.

50 Там же. С. 1011.

51 Там же.

52 Там же. С. 676.

53 Там же. С. 239.

54 Там же. С. 745, 806.

55 Согласно правилам, названия, представляющие собой существительные во множественном числе, образованные по правилам русского языка от иноязычных корней, склоняются.

56 Экмечич М. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. С. 235, 239.

Но, конечно же, эти мелкие погрешности не могут ослабить яркого впечатления как от текста самого Милорада Экмечича, так и от огромной работы авторского коллектива, подготовившего это издание.

Источники и литература

Алексић Ј. Ј. Живот и дело Милорада Екмечића (1928–2015). Докторска дисертација. Универзитет у Приштини. Филозофски факултет. Косовска Митровица, 2021. 600 с.

Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд: Завод за уџбенике, 2007. 600 с.

Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Београд: Просвета, 1989. Т. 1–2. 1504 с.

Кривокапић Јовић Г. Милорад Екмечић – историчар југословенства // *Tokovi istorije*. 2016. № 1 (24). С. 201–222.

Николић К. Прошлост без историје. Полемике у југословенској историографији 1961–1991. Београд: Институт за савремену историју, 2003. 475 с.

Чиркович С. М. Историја сербов / пер. с сербскохорв. М.: Весь мир, 2009. 448 с.

Екмечич М. Историја сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала. М.: Абрикос, 2023. 1045 с.

Екмеčić М. Odgovor na neke kritike “Istorije Jugoslavije” // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1974. № 1–2. S. 217–280.

Gross M. Ideja jugoslavenstva u XIX stoljeću i “dogmatski nacionalizam” // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1975. № 3–4. S. 121–160.

Gross M. Ideja jugoslovenstva u XIX stoleću u “Istoriji Jugoslavije” // *Časopis za suvremenu povjest*. 1973. Knj. II. S. 8–20.

Gross M. U povodu povlačenja Milorada Ekmečića od polemike // *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1977. № 1–2. S. 168–171.

Istorija Jugoslavije / Božić I., Ćirković S., Ekmečić M., Dedijer V. Београд: Просвета, 1972. 606 с.

Ljušić R. Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmečića (marginalije povodom izlaska sabranih dela) // *Istorija 20. veka*. 2023. № 2. S. 483–502.

References

- Aleksić, J. J. *Život i delo Milorada Ekmečića (1928–2015)*. Doktorska disertacija. Univerzitet u Prištini. Filozofski fakultet. Kosovska Mitrovica, 2021, 600 p.
- Ćirković, S. M. *Istorija serbov*. Moscow: Ves' mir, 2009, 448 p.
- Ekmečić, M. *Dugo kretanje između klanja i oranja. Istorija Srba u Novom veku (1492–1992)*. Beograd: Zavod za udžbenike, 2007, 600 p.
- Ekmečić, M. *Istorija serbov v Novoe vremia (1492–1992). Dolgij put' ot mecha do orala*. Moscow: Abrikos, 2023, 1045 p.
- Ekmečić, M. “Odgovor na neke kritike «Istorije Jugoslavije.»” *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1974, No. 1–2, pp. 217–280.
- Ekmečić, M. *Stvaranje Jugoslavije 1790–1918*. Beograd: Prosveta, 1989. Vol. 1–2, 1045 p.
- Gross, M. “Ideja jugoslovenstva u XIX stoljeću i «dogmatski nacionalizam.»” *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1975, No 3–4, pp. 121–160.
- Gross, M. “Ideja jugoslovenstva u XIX stoleću u «Istoriji Jugoslavije.»” *Časopis za suvremenu povjest*, 1973, II, pp. 8–20.
- Gross, M. “U povodu povlačenja Milorada Ekmečića od polemike.” *Jugoslavenski istorijski časopis*, 1977, No 1–2, pp. 168–171.
- Istorija Jugoslavije*, by Božić I., Ćirković S., Ekmečić M., Dedijer V. Beograd: Prosveta, 1972, 606 p.
- Krivokapić Jović, G. “Milorad Ekmečić – istoričar jugoslovenstva.” *Tokovi istorije*, 2016, No 1 (24), pp. 201–222.
- Ljušić, R. Jugoslovenstvo i srpstvo Milorada Ekmečića (marginalije povodom izlaska sabranih dela). *Istorija 20. veka*. 2023, No 2, pp. 483–502.
- Nikolić, K. *Prošlost bez istorije. Polemike u jugoslovenskoj historiografiji 1961–1991*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2003, 475 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.23

L. V. Kuzmicheva

Milorad Ekmečić's Long Journey to Understanding the Relationship between Yugoslavism and the Serbian National Idea

Lyudmila V. Kuzmicheva

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuzmicheva3@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7671-6492

Citation

Kuzmicheva L. V. Milorad Ekmečić's Long Journey to Understanding the Relationship between Yugoslavism and the Serbian National Idea // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 454–472 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.23

Received: 17.09.2024.

Abstract

The book by the famous Yugoslav and Serbian scholar Milorad Ekmečić (1928–1915) was first published in 2007. It went through seven editions in Serbia. Now it has been translated into Russian for the first time. The monograph by M. Ekmečić is devoted to the key events in the history of the Serbian people over five hundred years from 1492 to 1992. The author offers an original periodization of Serbian history in modern times and examines the reasons for the formation and collapse of the multinational Yugoslav state. The Russian edition is provided with scientific commentary, chronological tables, maps, and a terminological dictionary.

Keywords

Milorad Ekmečić, Serbia, modern history of Europe, Ottoman Empire, World War II, SFRY, collapse of Yugoslavia.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.24

Д. З. Йож

Эпоха Екатерины Великой в интерпретации венгерского историка

V. Molnár L. Fények és árnyak II. Katalin államában. – Keszthely: Balaton Akadémia Kiadó, 2022. – 69 о.

Йожа Дьердь Зольтан

PhD

Независимый исследователь

Будапешт, Венгрия

E-mail: jozsagyz@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4803-6286

Цитирование

Йожа Д. З. Эпоха Екатерины Великой в интерпретации венгерского историка // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 473–481. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.24

Рецензия поступила в редакцию 02.09.2024.

Аннотация

Рецензируется книга видного венгерского ученого Ласло В. Мольнара, историка-русиста, вышедшая на венгерском языке под названием «Свет и тени в государстве Екатерины II». В книге, восполняющей пробел в венгерской исторической науке, рассматривается и оценивается в широком международном контексте екатерининская эпоха, характеризующаяся автором как «золотой век» русской истории ввиду геополитических, экономических и культурных достижений того времени, влияние которых до сих пор ощущается в России. Книга трактует созыв Уложенной комиссии и концепцию Наказа Екатерины II, документа, подготовившего работу этого форума, как первый внутривнутриполитический эксперимент императрицы, имевший и негативные, и позитивные последствия. Военная слава и блестящая карьера, достигнутые испанским дворянином О. Дерibasом на российской службе в военно-морском флоте, – предмет второй главы книги. Наконец, отдельная глава отведена фигуре и выдающейся деятельности легендарного адмирала Ф. Ф. Ушакова и дает довольно точное представление о высоких стандартах военного образования и о социальной мобильности той эпохи.

Ключевые слова

Екатерина Великая, Уложенная комиссия, просвещенный абсолютизм, О. Дерибас, адмирал Ф. Ушаков.

Перу автора рецензируемой книги, известного венгерского историка-русиста Ласло В. Мольнара, принадлежит множество работ, опубликованных как на венгерском, так и на русском языках, в том числе на страницах «Славянского альманаха»¹ и в других изданиях Института славяноведения РАН. Они неизменно опираются на глубокое знание российской историографии и вместе с тем вводят в научный оборот обилие ранее мало использованных источников как из российских, так и из венгерских архивов. Особенно известны исследования В. Мольнара по истории русско-венгерских культурных связей начиная с эпохи Петра I и кончая Венским конгрессом. В частности, он досконально изучил путевые записки русских путешественников, посетивших венгерские земли в XVIII в., а также офицеров русской армии эпохи наполеоновских войн (например, Федора Глинки, оставившего яркие образы полюбившейся ему страны²). В. Мольнар много писал и о тех выходцах из земель венгерской короны (не только венграх, но и словаках, а также православных сербах, русинах и т. д.), которые, переселившись в Россию во времена Екатерины II и последующие десятилетия, внесли свой вклад в реформирование административно-правовой системы Российской империи в соответствии с принципами просвещенного абсолютизма, а также в развитие здравоохранения, естественных наук, экономического и гуманитарного знания. А среди них были люди очень яркие, такие как, например, врач, педагог и литератор Иван Орлай, директор Нежинского и Ришельевского одесского лицеев, и особенно Михаил Балугьянский, правовед венской выучки и экономист, первый ректор Петербургского университета, сенатор, тайный советник и статс-секретарь, один из составителей Полного собрания законов Российской империи, педагог, слушатели лекций которого оставили о нем такие отзывы, как «преподаватель одушевленный и увлекательный, со знаниями обширными и разнородными».

¹ В. Мольнар Л. Венгрия в путевых заметках русских путешественников эпохи наполеоновских войн // Славянский альманах. 2012. М., 2013. С. 114–130.

² Там же.

Новая книга Ласло В. Мольнара «Свет и тени в государстве Екатерины II», состоящая из трех глав, заслуживает особого внимания по ряду причин. И прежде всего потому, что она детально демонстрирует венгерскому читателю (как профессионалам-историкам, так и более широкой публике) бесспорные заслуги Екатерины Великой перед ее новой (не полученной при рождении, но приобретенной волею судьбы) родиной, ее систематично проводимую, тщательно обдуманную политику, ориентированную на улучшение позиций России на геополитической карте Европы и всего мира, на повышение благоустройства государства, не говоря уже об усвоении ее подданными ценностей европейской культуры и цивилизации. Даже не обладающему специальными познаниями в истории той эпохи читателю становится ясным, что правление императрицы характеризовалось постоянным стремлением к сохранению равновесия как во внутренней, так и во внешней политике. Приводимыми в работе примерами из многогранной деятельности Екатерины, многочисленными историческими фактами, легко способными в эпоху глобального беспамьятства кануть в забвение, подтверждается справедливость древней пословицы: «История – учительница жизни».

При этом автор ничуть не склонен идеализировать свою героиню, 34-летнее царствование которой, разумеется, отнюдь не было свободно от противоречий, внутренних конфликтов, не говоря уже о стесненности объективными условиями. И, как верно замечает автор в предисловии, едва ли было бы конструктивно ставить в вину государственному деятелю такого масштаба присущие Екатерине некоторые женские слабости.

Прежде всего Екатерина Великая была замечательным дипломатом в самом широком понимании этого слова, что проявилось не только на международной арене, но и в ее отношениях с ближайшими подданными, представителями сформировавшейся вокруг нее новой имперской элиты. Без осознания этой ее способности нельзя до конца понять, почему в России именно на десятилетия екатерининского правления пришла эпоха расцвета культуры и подъема материального благосостояния значительной части населения. Увеличение производства зерна и его экспорта, сознательные меры, направленные на сдерживание инфляции (предвосхищавшие некоторые принципы монетаризма), рост объемов добычи и вывоза сырья, подъем купеческого сословия, рост морской торговли, разумный меркантилизм во внешнеторговых связях с западными державами – все это свидетельствовало о реальных успехах проводившейся императорским двором экономической политики.

Просвещенная женщина на российском троне, неплохо разбиравшаяся в философских течениях своей эпохи и вовсе не без успехов пробовавшая силы на ниве словесности, предстает перед нами в книге Л. В. Мольнара как ранний предшественник более поздних, рациональных, прибегая к современной терминологии, экономических трендов, но прежде всего как сторонник принципа устойчивого развития, противостоящего иррационализму и стихийности, диктуемым практикой индустриальной революции. Достаточно задуматься над отношением Екатерины II к рабочей силе и ее сбережению: речь идет с точки зрения экономической политики о проблеме, не теряющей актуальности по сегодняшний день.

При всей своей новизне для венгерского читателя работа вписывается в контекст определенной историографической традиции. Начало более глубокому изучению венгерскими исследователями истории России второй половины XVIII в. положил сборник документов екатерининской эпохи «Русское Просвещение» под редакцией академика Эмиля Нидерхаузера³; в него вошли среди прочего фрагменты Наказа Екатерины II вкупе с некоторыми откликами на него членов Уложенной комиссии (правда, в кратком вступлении к соответствующему разделу деятельность Комиссии излагается в маленьком абзаце довольно скудно, а кроме того, императрица весьма безосновательно обвиняется в провоцировании пугачевского бунта). К изучению екатерининского Наказа обращался также дебrecенский исследователь Я. Анги⁴. Ему принадлежат также работа об отклике императрицы на Великую французскую революцию⁵ и попытка реконструировать историю аннексии Россией территории Крымского ханства (в статье содержится и описание путешествия Екатерины Великой в Крым)⁶. И все-таки в распоряжении венгерской широкой публики и историков-профессионалов, не читающих на русском, есть только книги таких авторов, как Роберт К. Масси, а также Анри Труайя, писатель русского происхождения, оставивший биографию Екатерины Великой. Работа В. Мольнара не только заполняет имеющуюся

3 Orosz felvilágosodás / összeáll. Niederhauser E. Budapest, 1966.

4 *Angi J.* II. Katalin 1767-es Utasítása a Törvényelőkészítő Bizottság számára // *Világtörténelem.* 1988. 3. szám. 84–98. o.

5 *Angi J.* II. Katalin és a francia forradalom // *Tanulmányok a francia forradalomról / szerk. D. Rác I.* Debrecen, 1991. 7–13. o.

6 *Angi J.* A Krim első orosz annexiója // “Fejtágító”. Ünnepi tanulmányok Pásztor Péter 80. születésnapjára / szerk. Seres A. Pécs, 2022. 138–170. o.

лакуну, но и представляет собой в этом смысле существенный шаг вперед в обращении венгерской историографии к России екатерининской эпохи.

Ласло В. Мольнар придает должное значение строгому использованию терминологии. Сам термин «просвещенный абсолютизм», на его взгляд, нуждается в разъяснении ввиду того, что в каждом реально воплощенном варианте этот феномен имел свою специфику с учетом исторических традиций (в России – как допетровских, так и петровской эпохи), географических и, не в последнюю очередь, финансовых факторов. Так, применительно к Российской империи необходимо учитывать обремененность бюджета крупными военными расходами в условиях продолжительных и разорительных русско-турецких войн. Автор напоминает о том, что первые попытки усовершенствовать законодательство (как и практику соблюдения в Российской империи законов) были предприняты еще во времена доекатерининские, при императрице Елизавете Петровне, но потерпели неудачу прежде всего из-за потребностей армии. В своей книге В. Мольнар никогда не упускает из виду, что планы реформирования государства, опиравшиеся на передовую для того времени западную общественную мысль, на философию Просвещения, вступали в очень непростое взаимодействие с российскими реалиями. Достигнутый баланс успехов и неудач, как показывает автор, проявился, в частности, в деятельности Уложенной комиссии.

Читая первую главу, в которой уделяется большое внимание юридической стороне внутривластных опытов императрицы, отбрасываешь любые сомнения относительно добрых намерений Екатерины Великой, действительно стремившейся к созданию в своей державе базы просвещенного правового государства. Если даже признать, что Наказ, подготовивший работу Уложенной комиссии, содержит многочисленные заимствования и носит в общем компилятивный характер, нельзя отрицать тщательный отбор положений, свидетельствующий о намерении выстроить самостоятельную концепцию преобразований в государстве. Наказ по большому счету представляет собой всесторонний комплекс стратегий, посредством которых императрица стремилась обновить и модернизировать русскую жизнь. Законодательная практика в российском государстве предстала перед глазами вступившей на престол Екатерины как довольно урегулированная система, восходящая своими истоками к раннему Средневековью, однако существующие своды законов, сформированные на почве устаревших понятий, не могли дать надлежащие ответы

на многие вопросы, продиктованные изменившимися в XVIII в. обстоятельствами, касавшимися всех сфер общества, включая хозяйственную и административную. Признавая итоги работы Уложенной комиссии как первую неудачу на пути выработки в стране внутриполитических реформ, Ласло В. Мольнар вместе с тем отмечает, что намерения императрицы вызвали споры, выводя на поверхность резкие разногласия в обществе. Нельзя забывать о том, что любые планы реформ наталкивались на определенное противодействие в дворянской среде. Автор приводит в качестве примера проект Н. Панина, направленный на смену автократического правления «конституционной монархией». Данный проект и возникшая вокруг него полемика отразили ожидания, которые дворянство связывало с результатами работы Комиссии. К деятельности Комиссии были привлечены представители практически всех сословий Российской империи, и это наилучшее свидетельство того, что императрица руководствовалась принципом справедливости. Вместе с тем, как показывает автор, конфликт разнообразных интересов стал главной причиной фиаско. С другой стороны, ретроспективно подытоживая скудные результаты работы Комиссии, сама императрица признала, что благодаря этим продолжительным совещаниям удалось выявить важнейшие внутренние проблемы, слабые места в механизме Империи.

Одна из глав содержит портрет Осипа Дерибаса и трактовку его профессиональной деятельности. Вырисовывающаяся перед читателем картина жизни этого талантливого испанского дворянина свидетельствует о многообещающих и позитивных перспективах, открывавшихся перед иностранными подданными, поступавшими на службу Российской империи при Екатерине Великой. Хорошим профессионалам своего дела были гарантированы привилегии. Показательны также высокие стандарты веротерпимости, наблюдавшиеся в России начиная с царствования Елизаветы Петровны. Как известно, молодой Дерибас прибыл в Российскую империю по приглашению графа Алексея Орлова. При изложении этапов его военной карьеры в книге акцентированы участие в морских сражениях на Черном и Эгейском морях, а также романтическая история задержания загадочной княжны Таракановой. Упоминается и инициатива Дерибаса как фактического основателя города Одессы, где в честь него названа одна из основных улиц. Темным пятном в биографии этого испанца до сих пор остается его гипотетическая вовлеченность в покушение на жизнь императора Павла Петровича, человека, согласно распоряжениям которого Дерибас был многократно награжден (в том числе орденом

св. Иоанна Иерусалимского, что косвенно свидетельствует о его причастности к «мальтийскому проекту», которому император придавал большое значение со стратегической точки зрения), назначался на важные посты. Можно предполагать, что испанец долгое время пользовался доверием правителя, высоко ценившего его профессиональные способности: Дерibas был зачислен в Адмиралтейств-коллегию, в 1799 г. произведен в полные адмиралы, незадолго до кончины стал исполняющим обязанности «морского министра», то есть главнокомандующего русским флотом. Правда, его отношения с императором были неравными, и периоды благоволения сменялись периодами опалы. Независимо от того, был ли Дерibas посвящен в планы заговорщиков, важно помнить, что он не дожил до покушения, и вопрос о его позиции так никогда и не будет закрыт.

Жизненный путь и историческая роль адмирала Федора Ушакова – предмет завершающей главы книги. Сам факт канонизации в 2001 г. этого военного деятеля, замечает автор, показывает, сколь большое значение придается в современной России памяти о нем. Но интереснее другое, а именно карьера Ушакова, выходца из очень небогатого и не слишком знатного дворянского рода, обязанного продвижением по службе только собственным достоинствам. Подробное изложение жизненного пути адмирала заставляет серьезно задуматься над законами социальной мобильности в обществе, где последовательно претворялись в жизнь насаждаемые сверху идеи просвещенного абсолютизма. Возможность такого рода карьер, впрочем, восходившая истоками к петровской эпохе, нарушала сложившуюся социальную иерархию во благо государству, что представляется одним из критериев успешности екатерининского общества, его соответствия вызовам своего времени. Наряду с описанием военных действий, принесших славу Ушакову как вполне сопоставимому по своим масштабам с Г. Нельсоном флотоводцу, много сделавшему для отстаивания стратегических интересов России на море в условиях русско-турецких и наполеоновских войн (взятие острова Корфу в ходе Средиземноморского похода положило конец доминированию французского флота на Средиземном море), автор напоминает и о миссии Ушакова как капитана персональной яхты Екатерины II, что говорит о безусловном доверии к нему императрицы. Впрочем, апогей блестящей воинской карьеры Ушакова падает на времена правления уже не Екатерины, а ее сына Павла.

Книга Ласло В. Мольнара способна привлечь внимание не только узких специалистов по истории XVIII в., но и всех, кто склонен

задумываться над путями развития России. Она заслуживает перевода на русский язык и может стать одной из достойных визитных карточек венгерской исторической русистики.

Источники и литература

В. Мольнар Л. Венгрия в путевых заметках русских путешественников эпохи наполеоновских войн // Славянский альманах. 2012. М.: Индрик, 2013. С. 114–130.

Angi J. II. Katalin 1767-es Utasítása a Törvényelőkészítő Bizottság számára // *Világtörténelem*. 1988. 3. szám. 84–98. o.

Angi J. II. Katalin és a francia forradalom // *Tanulmányok a francia forradalomról* / szerk. D. Rác I. Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem, 1991. 7–13. o.

Angi J. A Krím első orosz annexiója // “Fejtágító”. Ünnepi tanulmányok Pásztor Péter 80. születésnapjára / szerk. Seres A. Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2022. 138–170. o.

Orosz felvilágosodás / összeáll. Niederhauser E. Budapest: Gondolat, 1966. 255 o.

V. Molnár L. Fények és árnyak II. Katalin államában. Keszthely: Balaton Akadémia Kiadó, 2022. 69 o.

References

Angi, J. “II. Katalin 1767-es Utasítása a Törvényelőkészítő Bizottság számára.” *Világtörténelem*, 1988, No 3, pp. 84–98.

Angi, J. “II. Katalin és a francia forradalom.” *Tanulmányok a francia forradalomról*, ed. by D. Rác I. Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem, 1991, pp. 7–13.

Angi, J. “A Krím első orosz annexiója.” “Fejtágító”. *Ünnepi tanulmányok Pásztor Péter 80. születésnapjára*, ed. by Seres A. Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2022, pp. 138–170.

Orosz felvilágosodás / összeáll. Niederhauser E. Budapest: Gondolat, 1966, 255 p.

V. Molnár, L. *Fények és árnyak II. Katalin államában*. Keszthely: Balaton Akadémia Kiadó, 2022, 69 p.

V. Mol'nar L. “Vengriia v putevykh zametkakh russkikh puteshestvennikov epokhi napoleonovskikh voin.” *Slavianskii al'manakh*, 2012. Moscow: Indrik, 2013, pp. 114–130.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.24

Gy. Z. Józsa

The Era of Catherine the Great. The View of a Hungarian Historian

Józsa György Zoltán

PhD

Independent researcher

Budapest, Hungary

E-mail: jozsagyz@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4803-6286

Citation

Józsa Gy. Z. The Era of Catherine the Great. The View of a Hungarian Historian // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 473–481 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.24

Received: 02.09.2024.

Abstract

The article offers a review of the book ‘Lights and Shades in the State of Catherine II’ by László V. Molnár, which was published in Hungarian by Balatoni Akadémia Kiadó in Keszthely. The reputable Hungarian historian known for his works on 18th century Russia, showcases in this book the outcome of his research and evaluates Catherine’s reign in a broader international context, in an unbiased manner, as a Golden Age in Russian History, whose achievements and impact in geopolitics, economy, and culture, are still felt in today’s Russia. The monograph is made up of 3 chapters. The author first scrutinises the experiment of Catherine the Great in legal reforms, documented in Nakaz and the records of the work of the Legislative Commission, by showing its benefits and causes of failure. Chapter 2 draws up the historical figure and military success of De Ribas, a foreign subject welcomed in Russia, who made a fine career with the naval fleet. Admiral Ushakov is featured in chapter 3, whose course of life and great professional merits give a deep insight into bright standards of social mobility, successful military education and state administration of the time.

Keywords

Catherine the Great, Russian Legislation History, Enlightened Absolutism, De Ribas, Admiral Ushakov.

**Польское Январское восстание 1863–1864 гг.
на литовско-белорусских землях:
самосознание повстанческих верхов
в свете новых архивных поисков**

Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. Из архивных изысканий 2022–2024 годов. – М.: Институт российской истории РАН, 2024. – 256 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Польское Январское восстание 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях: самосознание повстанческих верхов в свете новых архивных поисков // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 482–499. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.25

Рецензия поступила в редакцию 11.07.2024.

Аннотация

Высокая степень изученности многих проблем, связанных с польским Январским восстанием 1863–1864 гг., сочетается в современной историографии с наличием дискуссионных аспектов темы, связанных с самоидентификацией повстанческой верхушки на литовско-белорусских землях. Особый интерес в этом плане вызывают особенности личности и мировоззрения Константина Калиновского (1838–1864), объявленного советской историографической традицией «белорусским революционным демократом». Монография российского историка А. Р. Дюкова, основанная на неизвестных ранее исследователям документах из архивов России, Польши и Литвы, представляет обновленную доказательную базу, позволяющую точнее оценить самосознание лидера и идеолога повстанцев и его связь с польской исторической, культурной и религиозной почвой.

Автор анализирует и принципиально важную проблему, которую по идеологическим причинам избегали советские историки, – связь левого крыла повстанцев с польской аристократией, в том числе с князьями Чарторыйскими и влиятельной семьей Огинских. Помощь Калиновскому и связанным с ним повстанцам со стороны магнатской фамилии Огинских, владевшей информацией о личной жизни Александра II, тщательно утаивалась в Петербурге, в том числе и самим российским императором.

Ключевые слова

Российская империя, польское Январское восстание 1863–1864 гг., литовско-белорусские земли, К. Калиновский, историография, А. Р. Дюков.

Биография известного участника польского Январского восстания 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях Константина Калиновского (1838–1864) до сих пор представляет собой разносторонне сложную исследовательскую задачу. Усилия историков по реконструкции его персональных данных и идейных воззрений натываются на очевидный недостаток релевантных источников и тесно связанное с этим недостатком обилие мифологических конструкций разнообразного свойства. И все-таки личность этого человека, если подходить к ней с позиций исторической реальности, можно и нужно реконструировать по Александру Блоку: «Сотри случайные черты...» Тем не менее, мифология правит бал в текстах о Калиновском вот уже более ста лет, начиная с 1920-х гг., она въелась прочно и пронизывает усилия исследователей подобно сильному ветру, который и не думает прекращать завывать.

В историографии и публицистике на белорусскую тему до сих пор присутствует весьма своеобразный, но ощутимый культ личности Калиновского, проявляющийся крайне эмоционально в конструировании из него и героя, и антигероя¹. Преодоление этого культа личности лежит прежде всего в строгой объективности к имеющимся источникам и в архивных разысканиях, способных продвинуть

¹ Подробнее см.: *Борисёнок Ю. А.* Переулок Калиновского, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета // *Русский сборник*. М., 2013. Т. XV. С. 401–419.

существующий уровень реального знания о персоне, идеях и деятельности казненного на 27-м году жизни повстанца.

Новая книга московского историка Александра Дюкова осознанно стремится перевести традиционно дискуссионные вопросы именно на твердую почву достоверных источников². В результате успешных архивных поисков 2022–2024 гг. выявлены ранее неизвестные историкам тексты Калиновского, хранящиеся в московских, санкт-петербургских, краковских и вильнюсских архивохранилищах: «Результатом проведенной работы стало обнаружение без малого полутора десятков ранее неизвестных документов К. Калиновского, а также атрибуция авторства нескольких документов, исследователям знакомых, но ранее с Калиновским прямо не связывавшихся. Некоторые из этих документов введены в научный оборот в предыдущих публикациях автора, однако весь комплекс выявленных документов публикуется впервые в настоящем издании»³.

Изложение в монографии разделено на две части, источниковую и исследовательскую. Первая часть книги представляет собой публикацию шестнадцати документов о жизни и деятельности Калиновского. Это 15 текстов на польском языке и одно обращение на белорусском языке латиницей, черновик обращения к папе римскому от лица белорусского мужика. 14 документов публикуются впервые, два были опубликованы ранее, но без атрибуции их принадлежности повстанцу. Таким образом, существенно расширяется корпус выявленных исследователями бумаг Калиновского: «общее число документов возрастает в почти в полтора раза, с 37 до 52, а количество известных автографов – в три раза, с 6 до 19»⁴.

Среди публикуемых документов особо выделяются обнаруженные в ГА РФ и Литовском государственном историческом архиве пять писем Калиновского, написанных им из виленской тюрьмы после его ареста 29 января 1864 г. и адресованных его возлюбленной Марии Ямонт и ее родным⁵. Не менее уникальны семь документов повстанца, выявленные в рукописном отделе Библиотеки Чарторыйских в Кракове, среди которых чрезвычайно любопытны два его письма от 11 и 13 января 1864 г. князю Владиславу Чарторыйскому (1828–1894),

2 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. Из архивных изысканий 2022–2024 годов. М., 2024.

3 Там же. С. 9.

4 Там же. С. 11.

5 Там же. С. 91–108.

лидеру консервативного крыла польской эмиграции и главному дипломатическому агенту повстанцев за границей⁶.

Публикаторская часть книги А. Р. Дюкова весьма ценна для историков, занимающихся сходным кругом проблем. Монография не просто обильно иллюстрирована, иллюстрации здесь имеют большую самостоятельную ценность: «Автор считает принципиально важной публикацию фотоизображений документов; таким образом, в распоряжении коллег оказывается достаточно образцов почерка К. Калиновского, что делает возможным выявление новых ранее неизвестных автографов»⁷. Стоит надеяться, что выход в свет этой монографии позволит атрибутировать и другие документы повстанца.

Вторая часть монографии А. Р. Дюкова содержит семь источниковедческих очерков, написанных на основе информации опубликованных в первой части источников и содержащих их осмысление в первом приближении. В своей совокупности эти очерки представляют собой существенный шаг вперед по сравнению с опубликованными в 2021–2022 гг. книгами автора⁸ и его статьями по теме.

Первый и самый крупный очерк, занимающий в книге 32 страницы, посвящен «Письмам из-под виселицы» Калиновского, которые в свете новых архивных изысканий четко подразделяются на два вида. Опубликованные еще в 1867 г. А. Гиллером «Письма из-под виселицы» оказываются пропагандистским текстом, написанным еще до ареста. Настоящие же послания Калиновского из тюрьмы своей возлюбленной Марии (Марыльке) Ямонт, обнаруженные А. Р. Дюковым в ГА РФ в бумагах III отделения, по-новому раскрывают личность повстанца: «Наиболее известный из приписываемых ему текстов, изучавшийся даже в школах, оказывается мистификацией. Настоящие же письма из-под виселицы написаны не на белорусском, а на родном для Калиновского польском языке – и представляют собой не “национально-политический манифест” и “завет потомкам”, а обращения к любимой и Богу. Вместо плохо

6 Там же. С. 65–76.

7 Там же. С. 19.

8 Дюков А. Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М., 2021; Дюков А. Р. Письма из-под виселицы Константина Калиновского, подложные и настоящие. Наброски к источниковедческому исследованию. М., 2022.

раскрашенного и безбожно отретушированного картона перед нами впервые предстает живой человек»⁹.

Автор подробно доказывает, что третья, самая известная и патетическая часть опубликованных Гиллером «Писем», начинающаяся словами «Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы московской приходится мне вам писать, и, может, в последний раз»¹⁰, написана не в виленской тюрьме после 29 января 1864 г., как было принято считать ранее, а на воле, «не позднее декабря 1863 г., до ареста Калиновского»¹¹. До основания разрушить красивую легенду о несгибаемом революционере, пишущем в застенках пронзительное обращение к «родным мужикам» по-белорусски, позволяет обнаружение в Литовском государственном историческом архиве и ГА РФ описи текущей документации «аппарата Калиновского», в которой этот текст обозначен (причем по-русски, а не по-польски, как повсюду в описи) как «Образчик речи к временнообязанным». «Предсмертное» письмо известного по «Мужицкой правде» «Яськи-хозяина из-под Вильно» не было уникальным произведением и в тогдашней публицистике польских современников Калиновского на белорусском языке.

С исчезновением легенды судьба яркого небольшого текста, по мнению автора, становится гораздо прозаичнее: «...перед нами не предсмертное письмо белорусского революционера, в котором следует искать ключ к пониманию социальных и национальных требований белорусского народа эпохи падения крепостного права, не “национально-политический манифест”, не смысл белорусской национальной идеи и не “заповедь белорусскому народу”. Перед нами – мистификация, финальный эпизод пропагандистского сериала, начатого Калиновским и его соратниками летом 1862 г. и завершенного на исходе 1863 г. Вымышленный белорусский крестьянин Яська из-под Вильно умирает под пером Калиновского – чтобы в последний раз призвать мужиков к борьбе против “москалей” во имя польского дела (“как только узнаешь, что братья твои из-под Варшавы бьются за правду и свободу”). Смерть Яськи отражает авторское разочарование, порожденное безуспешными попытками поднять крестьян на восстание... Новые номера “Мужицкой правды” ничего не могли дать

⁹ Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 111.

¹⁰ Giller A. Historia powstania narodu polskiego. Paryż, 1867. Т. I. S. 334.

¹¹ Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 124.

делу восстания (“польскому делу”), а вот смерть Яськи, его финальное письмо из-под московской виселицы – это, по крайней мере, было достойное завершение истории»¹².

Сам автор «предсмертного письма», по мнению А. Р. Дюкова, в момент его сочинения явно уходить из жизни не собирался: «Разумеется, работая над “образчиком речи к временнообязанным”, Калиновский и подумать не мог, что будет скоро арестован и казнен и что написанное им последнее письмо Яськи из-под Вильно будет более полутора столетий восприниматься как его, Калиновского, предсмертная записка. Реальность, однако, оказывается порой невероятнее любых мистификаций»¹³. Впрочем, не стоит исключать, что на тональность повествования могло повлиять и эмоциональное состояние самого Калиновского: опытный конспиратор в опасной для него ситуации конца 1863 г. не должен был исключать и свой вероятный арест, и вынужденную отстраненность от повстанческой деятельности. При таких обстоятельствах «смерть» лирического героя и прекращение пропаганды для крестьян от имени Яськи становились насущной задачей.

Отметим, что А. Р. Дюков остановился в итоге на двух из трех частей «Писем из-под виселицы». Относительно первой, самой объемной части, представляющей собой передовую статью на белорусском языке для нелегальной газеты в форме обращения к народу, автор согласился с мнением белорусских исследователей Г. В. Киселева и А. Ф. Смоленчука, резонно предположивших, что это сочинение было написано до ареста Калиновского. А. Р. Дюков развивает тему следующим образом: «Однако если текст был написан до ареста, то из тюрьмы на волю Калиновским он передан быть опять-таки не мог: при аресте все имевшиеся бумаги, разумеется, конфисковывались. Таким образом, получается, что первая часть “писем из-под виселицы” на самом деле не имеет к тюрьме и виселице абсолютно никакого отношения»¹⁴.

Возникает резонный вопрос: а как же со второй частью, опубликованным А. Гиллером стихотворением на белорусском языке из 20 строк, начинающимся словами «Марыська, чорнобрэва галубка мая»¹⁵? Это предсмертное стихотворное обращение того же Яськи

12 Там же. С. 128.

13 Там же. С. 129.

14 Там же. С. 117.

15 *Giller A. Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 333–334.*

в сочетании с третьей патетической прозаической частью традиционного воспринималось как тюремный текст Калиновского, отражающий его переживания накануне казни. В Марыське видели возлюбленную повстанца Марию Ямонт. В нынешних обстоятельствах логично усомниться и в написании стихотворения в виленских застенках, хотя текст такого объема мог быть передан подобно реальным письмам к возлюбленной Калиновского. Сразу отметим, что в реальных письмах любимую девушку зовут совсем не Марыськой, а Марылькой, Марылечкой¹⁶. Более того, помещенное в книге фото симпатичной Марии Ямонт¹⁷ никак не позволяет именовать ее «чернобровой». В стихах содержится обращение к лирической героине, к которой пылает любовной страстью с политическим уклоном лирический герой Яська.

Стихотворение Калиновского прямо перекликается с сочиненной его соратником, землемером из Берестовицы Феликсом Рожанским (1838 – после 1903) повстанческой песней на белорусском языке, впервые опубликованной в 1865 г. в Швейцарии в воспоминаниях адъютанта Валерия Врублевского, учителя математики из Белостока Игнатия Арамовича. Имеет смысл привести это произведение полностью на современной белорусской кириллице (в оригинале воспроизведено латиницей):

Ах, ты мая чарнабрыва,
Будзь здарова і шчасліва.
Люблю тебе, любіць буду
І ніколі не забуду.

Ой, у хаце не астацца,
Калі трэба ісці драцца
За радную, нешчасную
Польшчу, нашу маць святую.

Ой, свабода залатая!
Польшча наша, ты святая!
На варога косы маем,
Загуляем, як здужаем.

¹⁶ Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 91, 93, 97, 101, 105.

¹⁷ Там же. С. 95.

Маскалі ўсё нам забралі,
У няволі нас трымалі,
Кроў нам нашу з жыл спусцілі,
Кроў і слёзы нашы пілі.

Тае сэрца, душа рвецца,
За свабоду біцца хчэцца.
Эх ты, мая чарнабрыва,
Будзь здарова і шчасліва¹⁸.

Единственное известное ныне стихотворение Калиновского похоже на творение его сподвижника Рожанского не только упоминанием «чернобровой». После обращения к девушке следует глубоко политизированный контекст. Заметим, что поэтическое творчество дается выпускнику Санкт-Петербургского университета тяжелее, нежели землемеру Рожанскому, песню которого, по отзыву Арамовича, с удовольствием горланили в 1863 г. в лесу «волковыские добровольцы». Петь хором в лесу стихи Калиновского, чем-то похожие на творчество современных мастеров рэпа, при всем желании не получится, а вот в политическом плане они, пожалуй, нейтральнее всех прозаических обращений «Яськи-хозяина из-под Вильно». Ни о «святой матери Польше», ни о Литве, о которой Калиновский пишет в реальных тюремных письмах любимой девушке, здесь вообще нет ни слова. Есть лишь абстрактные призывы к мужикам к свободе и борьбе (приводим их на современной белорусской кириллице):

Бывай здаровы, мужыцкі народзе,
Жыві ў шчасці, жыві ў свабодзе,
І часам спамяні пра Яську твайго,
Што згінуў за праўду для дабра твайго.

А калі слово пяройдзе ў дзела,
Тады за праўду станавіся смела,
Бо адно з праўдай у грамадзе згодна,
Дадждзешся, народзе, старосці свабодна¹⁹.

18 *Aramowicz I.* Marzenia: pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r. Bendlikon, 1865. S. 22–23.

19 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 334.

Таким образом, вслед за проанализированными А. Р. Дюковым первой и третьей частями «Писем из-под виселицы» и вторую их часть надлежит считать сочиненной до ареста Калиновского и тесно связанной с заключительным их текстом лирическим героем Яськой, готовящимся умирать за мужицкую правду и свободу.

Несомненно, новая монография А. Р. Дюкова вызовет по прочтении ее специалистами и в особенности публицистами оживленную полемику. Если абстрагироваться от твердых защитников традиционных взглядов, не склонных ни при каких находках новых источников отказываться от привычной мифологии (такая позиция четко обозначена в самом названии статьи 2008 г. белорусского историка Анатолия Мясникова «И все же он герой»²⁰), то встает новая интересная научная проблема: а каков он на самом деле, этот «живой человек» Калиновский? Каково его идейно-политическое лицо с уходом личных моментов из «Писем из-под виселицы»? Книга дает возможность уточнить несколько существенных обстоятельств.

Четыре личных письма к Марии Ямонт позволяют однозначно поставить точку в мифологической конструкции, согласно которой Калиновского звали не Константином, а Викентием²¹. Полученное при крещении и использовавшееся в официальной документации двойное имя «Викентий Константин» в личном и повстанческом дружеском общении однозначно сводилось к польскому варианту «Konstanty». Именно так Калиновский подписывает все свои тюремные послания любимой девушке (от 27 февраля, 2, 6 и 7 марта 1864 г.)²², и точно так же его именуют в своих текстах соратник Ф. Рожанский и первый польский историк восстания А. Гиллер²³. Белорусизация имени в варианте «Кастусь» произошла с Калиновским уже после 1917 г., польское уменьшительно-ласкательное «Kostuś» в источниках до сего времени не выявлено, хотя вполне вероятно, что в детстве

20 Мяснікоў А. І ўсё ж ён герой // Беларуская думка. 2008. № 11. С. 104–110.

21 См., например: Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский сборник. М., 2013. Т. XV. С. 193, 199.

22 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 93, 97, 101, 105.

23 Rożański F. Z województwa Grodzieńskiego // W czterdziestą rocznicę Powstania Styczniowego. Lwów, 1903. S. 396–397; Giller A. Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 176–177.

и в семейном кругу его так и именовали. В отношениях же с Марией Ямонт дипломированный юрист предпочитал подписываться полным именем, а вот любимая девушка удостоивается уменьшительно-ласкательных эпитетов.

Новые источники, по мнению автора монографии, позволяют также изменить исследовательскую опцию относительно системы взглядов повстанца. А. Р. Дюков резюмирует выявленные им изменения следующим образом: «Обнаруженные нами документы не подтверждают ни самоидентификации Калиновского как белоруса, ни его исключительного социального радикализма, ни особых симпатий к российскому “освободительному” движению. Все это – плод многократно наслаивающихся друг на друга историографических заблуждений. Документы свидетельствуют о том, что Калиновский был литвином (региональный извод польской идентичности), фанатичным католиком, лояльным Национальному правительству в Варшаве повстанческим руководителем (дружески переписывавшимся с лидером “белой” польской эмиграции князем В. Чарторыйским; в Литве же Калиновскому покровительствовало семейство крупных землевладельцев князей Огинских) и человеком, видевшим Польшу форпостом европейской цивилизации, а судьбу России – в колониальном освоении Азии»²⁴.

Отрицательная часть этой характеристики в главном справедлива, тезисы же о свидетельствах документов могут и должны подвергнуться углубленному анализу, как и мнение автора о репрезентативности публицистики Калиновского на белорусском языке: «...белорусскоязычная пропаганда для понимания мировоззрения Калиновского может использоваться лишь с огромными ограничениями. Дело в том, что если польскоязычную пропаганду Калиновский писал от первого лица, то белорусскоязычная в подавляющем большинстве случаев написана от лица вымышленного персонажа – пожилого крестьянина-униата Яьски, хозяина из-под Вильно. Соответственно, судить по “Мужицкой правде” о мировоззрении Калиновского – это даже не то же, что судить о мировоззрении Н. Г. Чернышевского по листовке “Барским крестьянам...”. Это еще абсурднее – все равно что судить о личности В. В. Набокова по “Лолите” (написанной, напомним, от лица вымышленного персонажа Гумберта Гумберта)»²⁵.

24 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 16.

25 Там же. С. 13.

При таком исследовательском подходе логично поставить вопрос: а зачем вообще литвину с польской идентичностью и «фанатичному католику» нужна была пропаганда среди крестьян на белорусском языке? Его соратник Ф. Рожанский в опубликованных в 1903 г. кратких воспоминаниях отметил вполне конкретные цели конспиративного кружка Калиновского, созданного после его приезда в Гродно в 1861 г. Этот фрагмент воспоминаний был существенно и намеренно искажен при переводе с польского в публикации в 1988 г. Институтом истории партии при ЦК КПБ сборника печатного и рукописного наследия Калиновского²⁶. На самом деле Рожанский писал о том, что «демократические принципы» членов кружка или «партии красных» предусматривали «подготовку народа к национальному восстанию против московского владычества», а восстание это, «предусматривая освобождение и ликвидацию барщины польско-шляхетским элементом, предполагало ликвидацию барщины через два года, в 1863 г.»²⁷. Впору усмотреть здесь именно «исключительный социальный радикализм», ибо отмена крепостного права в Гродненской губернии, в отличие от Царства Польского, уже состоялась, и ведомый энергичным Калиновским «польско-шляхетский элемент» задумал заново, путем восстания, и освободить крестьян, и ликвидировать барщину.

В таких планах вроде бы отчетливо усматриваются их изначальная несбыточность и неизбежное сопротивление им местных шляхтичей-землевладельцев. Но подобные призывы могли быть задуманы как тактический ход для привлечения к готовящемуся восстанию местных мужиков, отсюда и логичное использование в пропаганде на них белорусского языка. Если добавить сюда характерные для публицистики Калиновского намерения вернуть для местных крестьян «униатскую веру» в условиях, когда позиции православия через четверть века после упразднения унии на Полоцком церковном соборе 1839 г. были уже достаточно прочны, то логично назвать эти планы очередной «консервативной революцией». Как известно, молодой Энгельс в краткой речи 22 февраля 1848 г. в Брюсселе по случаю 2-й годовщины Краковского восстания высказался о польских «поисках утраченного» вполне здраво: «Скажем прямо: восстание 1830 г. не было ни национальной революцией [...], ни социальной или политической революцией; оно ничего

26 К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988. С. 159.

27 *Rożański F. Z województwa Grodzieńskiego*. S. 396.

не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция»²⁸.

При этом надежды Калиновского и его круга на унию могли быть связаны и с региональной спецификой Гродненской губернии: Подлясье близко, а там уния в начале 1860-х гг. официально сохранялась и была упразднена только в 1875 г. Рожанский перечисляет в числе членов кружка Калиновского двух ксендзов, Яна Зажицкого и Игнатия Козловского; пропаганда возврата к унии могла быть и следствием советов католических духовных особ. Впрочем, о несбыточности радикальных планов повстанцев стоит судить с поправкой на их реальные практические ожидания. Рожанский вспоминал, что Калиновского и его соратников вдохновляла отнюдь не перспектива массового крестьянского восстания, к которому призывала его белорусскоязычная пропаганда. Такое восстание уже после начала повстанческих действий в Царстве Польском даже не готовилось: «в январе 1863 г., когда в Царстве вспыхнуло восстание, в Литве не было подготовки к вооруженному движению, ибо рассчитывали на интервенцию иностранных держав и откладывали вооруженное выступление до более удобного времени»²⁹.

Это мнение полностью соответствует выводам, к которым в процессе глубокой проработки темы иностранного вмешательства в польские дела накануне и по ходу Январского восстания пришел в своей монографии 2014 г. польский историк Мартин Вольневич³⁰. Эти слова хорошо знавшего Калиновского Рожанского, на наш взгляд, перспективны и при оценке контактов повстанца с князем В. Чарторыйским и аристократической фамилией Огинских – этим сюжетам А. Р. Дюков посвятил отдельные очерки. На самом деле ничего невероятного в переписке «красного» Калиновского с главным дипломатическим агентом повстанцев за границей нет, тем более в конце 1863 г., когда военные перспективы успеха повстанцев были уже крайне призрачны. Тон писем вполне деловой, его сложно назвать «дружеским», при этом эти письма повстанца князю наверняка не первые и единственные. И это переписка людей своего круга, ведь Чарторыйские, как известно, были в свойстве с Огинскими, чьи финансовые ресурсы,

28 Маркс К., Энгельс Ф. О польском вопросе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 492.

29 Rożański F. Z województwa Grodzieńskiego. S. 397.

30 Wolniewicz M. Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej 1863–1864. Poznań, 2014.

а конкретно сына знаменитого Михала Клеофаса Огинского Иренеуша, как считает А. Р. Дюков, использовались Константином Калиновским и его братом Виктором задолго до восстания в Петербурге: «именно благодаря деньгам Огинского братья Калиновские в Петербурге имели возможность снимать квартиры в престижных районах у Зимнего и Михайловского дворцов»³¹.

Интереснейшая тема о связях Огинских с братьями Калиновскими, состоявшими, по мнению А. Р. Дюкова, в дальнем родстве с супругой Иренеуша Огинского Ольгой Калиновской (1819–1899), несомненно требует дальнейшей исследовательской разработки. Фрейлина Калиновская, в которую страстно влюбился наследник российского престола великий князь Александр Николаевич, будущий Александр II, вместе с семьей породнившихся с ней Огинских стали объектами строгого умолчания в российской действительности XIX столетия. Выявленная по ходу восстания информация о тесной причастности Огинских к финансированию и конспиративным делам повстанцев была строго засекречена, здесь был бессилен и М. Н. Муравьев, а инициатива в полном сокрытии информации исходила лично от Александра II³².

Письмо же Калиновского В. Чарторыйскому от 30 декабря 1863 / 11 января 1864 г. представляет повстанца в доселе неизвестном его образе – поборника единства Речи Посполитой, предлагающего князю свои рецепты геополитического выхода из ситуации Январского восстания. Рецепты эти Чарторыйскому на практике пригодиться никак не могли, в тот период дипломатические интервенции по польскому вопросу со стороны западных держав, в том числе благосклонной к Чарторыйским Франции, уже завершились, и Российская империя могла решать судьбу мятежного Царства Польского самостоятельно. Но чрезвычайно любопытен ход мыслей Калиновского: после вооруженной борьбы с «москалями», на его взгляд, должно состояться выгодное обеим сторонам потепление российско-польских отношений: «Польша единоплеменная, свободная и благосклонная России выгодна»³³.

Перед нами еще одна из ипостасей Калиновского: в переписке с Чарторыйским он отнюдь не «сепаратист», а безусловный сторонник

31 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 180.

32 Там же. С. 180–184.

33 Там же. С. 70.

единой и неделимой, единоплеменной Польши в границах 1772 г., даже о Речи Посполитой с ее федеративными традициями тут речи не идет, нет здесь «речьпосполитовского патриотизма»³⁴, о наличии которого у Калиновского писал в 2021 г. А. Ф. Смоленчук. А вот в последнем предсмертном личном письме Марии Ямонт от 7 (19) марта 1863 г. о Польше уже нет ни слова, там эмоциональные вариации на тему начальных строк Адама Мицкевича в «Пане Тадеуше»: «Литва, моя отчизна». Самой пылкой любовью окрашено отношение к городу Вильно, удостоенному уменьшительно-ласкательного упоминания как «Виленько»³⁵. В страстном тексте о «родной моей Литве» находится место и объекту белорусоязычной пропаганды Калиновского, в польском оригинале это «nasz biedny ludek, co w pociot czoła, strasznej niewoli, Boga i prawdy zapomnieć nie umie». В монографии это место переведено как «наш бедный народец, который в поте лица, страшной неволе, Бога и правды не умеет забыть»³⁶. А. Р. Дюкову видится здесь покровительственная ирония; на наш взгляд, более адекватен перевод «наш бедный народушко», как в произведениях Н. С. Лескова, слова эти искренние, иронии и покровительства не содержащие.

Так какой же Калиновский настоящий, в каких текстах и действиях сокрыт «живой человек»? Монография А. Р. Дюкова и опубликованные в ней источники ставят перед исследователями немало новых непростых вопросов. Подбираться к их разгадке, на мой взгляд, стоит с реконструкции отзывов о повстанце, сделанных его современниками, не относившимися к нему пристрастно. Таковы Феликс Рожанский и Агатон Гиллер, использовавший в своей книге 1867 г. благосклонное мнение о повстанце хорошо знавшего его информатора (вполне возможно, что это Валерий Врублевский).

Гиллер в краткой характеристике Калиновского сделал исключительно важное наблюдение, исследователями до сих пор по достоинству не оцененное: «Константин Калиновский, главный, самый активный из всех в Литве организатор... Он имел удивительную способность действовать тихо, предусмотрительно, осторожно. Он ездил по Литве незамеченным москалями, личность свою скрывал сообразно обстоятельствам. В Белостоке, где он находился для поддержки распоряжений

34 Смоленчук А. Калиновский. Белорусский герой Январского восстания // Новая Польша. Варшава, 2021. С. 11.

35 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 105.

36 Там же. С. 105–106.

Духинского и доставления ему средств, он проходил повсюду, как можно меньше выделяясь, скажу так, словно какой-нибудь канцелярист из уездного суда. Это был замечательный патриот и замечательный характер»³⁷. Здесь удачно подчеркнута способность Калиновского к артистичному вживанию в обстановку, сокрытие своей личности сообразно обстоятельствам, пластичности и ситуативной переменчивости взглядов. И писарем из уездного суда он мог достоверно прикинуться, и защитником мужиков, и «красным» радикалом-повстанцем, и хладнокровным геополитиком в духе «единоплеменной Польши». И тем сложнее справиться с совершенно верно поставленной А. Р. Дюковым «насущной исследовательской задачей», которой является «написание основанной на максимально широкой документальной базе и свободной от мифов научной биографии Константина Калиновского»³⁸.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. Переулоч Калиновского, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета // Русский сборник. М., 2013. Т. XV. С. 401–419.

Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский сборник. М., 2013. Т. XV. С. 189–208.

Дюков А. Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2021. 160 с.

Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. Из архивных изысканий 2022–2024 годов. М.: Институт российской истории РАН, 2024. 256 с.

Дюков А. Р. Письма из-под виселицы Константина Калиновского, подложные и настоящие. Наброски к источниковедческому исследованию. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2022. 64 с.

К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. Минск: Беларусь, 1988. 208 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. 616 с.

Мяснікоў А. І ўсё ж ён герой // Беларуская думка. 2008. № 11. С. 104–110.

³⁷ *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 176–177.

³⁸ *Дюков А. Р.* Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 16.

Смоленчук А. Калиновский. Белорусский герой Январского восстания // Новая Польша. Варшава, 2021. С. 3–11.

Aramowicz I. Marzenia: pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r. Bendlikon: Drukarnia Ojczyzna, 1865. 84 s.

Giller A. Historia powstania narodu polskiego. T. I. Paryż: Księgarnia Luxemburska, 1867. 371 s.

W czterdziątą rocznicę Powstania Styczniowego. Lwów: Komitet Wydawniczy, 1903. 558 s.

Wolniewicz M. Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej 1863–1864. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2014. 282 s.

References

Aramowicz, I. *Marzenia: pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r.* Bendlikon: Drukarnia Ojczyzna, 1865, 84 p.

Borisionok, Iu. A. “Pereulok Kalinovskogo, ili stantsiia Polotsk v mesto Polotskogo universiteta.” *Russkii sbornik*, vol. XV, Moscow, 2013, pp. 401–419.

Diukov, A. R. *Neizvestnoe dokumental'noe nasledie Konstantina Kalinovskogo. Iz arkhivnykh izyskaniy 2022–2024 godov.* Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2024, 256 p.

Diukov, A. R. *Neizvestnyi Kalinovskii. Propaganda nenavisti i povstancheskii terror na belorusskikh zemliakh, 1862–1864 gg.* Moscow: Fond «Istoricheskaiia pamiat'», 2021, 160 p.

Diukov, A. R. *Pis'ma iz-pod viselitsy Konstantina Kalinovskogo, podlozhnye i nastoiashchie. Nabroski k istochnikovedcheskomu issledovaniuu.* Moscow: Izdatel'skii tsentr fonda «Istoricheskaiia pamiat'», 2022, 64 p.

Gronskii, A. D. “Konstruirovanie obraza belorusskogo natsional'nogo heroia iz uchastnika pol'skogo vosstaniia 1863–1864 gg. Vikentiiia Konstantina Kalinovskogo.” *Russkii sbornik*, vol. XV, Moscow, 2013, pp. 189–208.

K. Kalinovskii. *Iz pechatnogo i rukopisnogo nasledii.* Minsk: Belarus', 1988, 208 p.

Marks, K., Engel's, F. *Sochineniia*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, 616 p.

Miasnikoŭ, A. “I ūsio ž jon hieroj.” *Bielaruskaja dumka*, 2008, No 3, pp. 104–110.

Smolenchuk, A. “Kalinovskii. Belorusskii geroi Ianvarskogo vosstaniia.” *Novaia Pol'sha*, Warsaw, 2021, pp. 3–11.

W czterdziątą rocznicę Powstania Styczniowego. Lwów: Komitet Wydawniczy, 1903, 558 p.

Wolniewicz, M. *Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej 1863–1864.* Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2014, 282 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.25

Yu. A. Borisyonok

**The Polish January Uprising of 1863–1864
in the Lithuanian-Belarusian Lands:
The Self-consciousness of the Rebel Leaders
in Light of New Archival Searches**

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. The Polish January Uprising of 1863–1864 in the Lithuanian-Belarusian Lands: The Self-consciousness of the Rebel Leaders in Light of New Archival Searches // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 482–499 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.25

Received: 11.07.2024.

Annotation

The large amount of existing scholarship on many problems related to the Polish January uprising of 1863–1864 is combined in modern historiography with the presence of controversial aspects of the topic related to self-identification of the insurgent elite in the Lithuanian-Belarusian lands. Of particular interest in this regard are the peculiarities of the personality and worldview of Konstantin Kalinovsky (1838–1864), declared by the Soviet historiographical tradition to be a “Belarusian revolutionary democrat”. The monograph by the Russian historian A. R. Dyukov, based on 16 documents previously unknown documents from the archives of Russia, Poland and Lithuania, presents an updated evidence base that allows for a more accurate assessment of the identity of the rebel leader and his connection with the Polish history, culture and religion. The author also analyzes an important problem that Soviet historians avoided for ideological reasons – the connection of the left wing of the rebels with the Polish aristocracy, including the Princes Czartoryski and the influential Oginsky family. Assistance to Kalinovsky and the rebels associated with him from the magnate Oginsky family, who possessed information about the

personal life of Alexander II, was carefully concealed in St. Petersburg, including by the emperor himself.

Keywords

The Russian Empire, the Polish January Uprising of 1863–1864, Lithuanian-Belarusian lands, K. Kalinovsky, historiography, A. R. Dyukov.

Новая книга о русских добровольцах на Балканах в 1876 г.

Кочукова О. В., Кочуков С. А. В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876). Документальная монография. – М.: Политическая энциклопедия, 2023. – 296 с.

Лескинен Мария Войттовна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507-X

Цитирование

Лескинен М. В. Новая книга о русских добровольцах на Балканах в 1876 г. // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 500–509.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.26

Рецензия поступила в редакцию 22.01.2024.

Аннотация

Монография саратовских историков О. В. Кочуковой и С. А. Кочукова посвящена участию русских добровольцев в балканских событиях 1876 г. – борьбе южных славян за национальное освобождение. Идеи славянского братства и славянской взаимности, получившие распространение в России в 1860-х – 1870-х гг., обрели особое значение в 1876 г., на волне широкой общественной поддержки славян Османской империи. В центре внимания авторов – путевые заметки, письма и репортажи русских добровольцев из Саратовской губернии, которые были опубликованы в 1876 г. в местной прессе. Они включены в состав монографии Кочуковых с обширными комментариями. В исследовательской части книги проанализированы особенности социального состава участников русского добровольческого движения, их мировоззрение и стереотипы славянских «братьев»; значительное место уделено этнокультурным представлениям и характерным чертам восприятия русскими югославянских народов в Российской империи в последней трети XIX в. Авторы рассматривают советскую и российскую

историографию балканского и восточного вопросов в российской имперской политике второй половины XIX – начале XX в., а также привлекают обширный комплекс новейших славистических исследований. Среди них работы, посвященные истории непосредственно добровольческого движения России в 1870-х гг., в которых выявляется его обусловленность не только славянофильской и панславистской идеологиями, но и внешнеполитической доктриной и позицией имперских властей. Значимое место занимает анализ опыта непосредственного взаимодействия представителей различных кругов со славянскими православными народами в контексте эволюции идей славянской взаимности на новом историческом этапе.

Ключевые слова

Российская империя, сербы, южные славяне, идеи славянской взаимности, русские добровольцы, Балканский кризис 1875–1878 гг.

Публикации саратовских историков О. В. Кочуковой (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) и С. А. Кочукова (Государственный архив Саратовской области) хорошо известны специалистам – как историкам-славистам, так и исследователям, занимающимся изучением российского общественного мнения и журнальной публицистики второй половины XIX в. Монографии¹ и многочисленные статьи последних лет, написанные Ольгой Викторовной и Сергеем Александровичем в том числе и в соавторстве, посвящены главным образом отражению в российском сознании событий Балканского кризиса 1875–1878 гг. и в особенности русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Оно реконструируется на опубликованных и архивных материалах: статьях, очерках

¹ *Кочуков С. А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов, 2011; *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 годов в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012; *Кочукова О. В., Кочуков С. А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике (по страницам периодической печати). М., 2020; *Кочукова О. В., Кочуков С. А.* Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг.: сатирическая графика в «журнальных войнах». Саратов, 2021; *Кочукова О. В., Кочуков С. А.* Смех как оружие: русско-турецкая война 1877–1878 годов в российской и европейской сатирической печати. М., 2022.

и репортажах в прессе различных политических направлений, сатирических рисунках и карикатурах, эго-документах, поэзии, прозе, письмах и т. п. В центре внимания исследователей находятся взгляды, представления и суждения о «порабощенных братьях-славянах» (прежде всего южных), складывавшиеся в 1860-х – 1870-х гг. у российских современников различного социального происхождения. В некоторой степени к ним справедливо было бы применить определения «массовые» или «широко распространенные», поскольку адресатом избранных авторами видов источников являются не представители политической и интеллектуальной элиты общества, а грамотные читатели разных сословий, в том числе разночинцы, студенты и др. Однако авторы, вербальные и визуальные тексты которых исследуют Кочуковы, часто описывают настроения и мнения различных слоев населения и этноконфессиональных групп.

Избранная историками проблематика важна в двух аспектах. Во-первых (и это, конечно, главное), она позволяет реконструировать знания и восприятие русскими южных славян в целом, их культуры и истории, отличительных особенностей, роднящих их с православным русским народом. Притом этот образ вовсе не одномерный: в нем отчетливо выделяются идеи «славянской взаимности» из славянофильского дискурса, историко-этнографические и страноведческие сведения, почерпнутые из научно-популярной и учебной литературы, а также заметно влияние официальной и неофициальной политической интерпретации событий на Балканах с точки зрения внешнеполитических интересов России в Европе и в «славянском мире». В описаниях и оценках так называемого славянского вопроса нашли отражение и традиционные, более архаичные, крестьянские представления о конфессионально-языковой общности православных славян. Во-вторых, избранный исследовательский фокус дает возможность расширить и уточнить сложившуюся историографическую трактовку мифа о Царьграде в русской культуре и порожденной им идеи «возвращения Царьграда», которая играла столь важную и зачастую драматичную роль во внешней политике Российской империи в связи с «восточным вопросом» и в войнах с Османской империей вплоть до Первой мировой. В-третьих, в 1876–1878 гг. на комплекс представлений о славянах существенно влияла энергичная пропаганда (в частности, в прессе) национально-освободительного движения славян против османского деспотизма, рассказы о «турецких зверствах», а также позиция Русской православной церкви. Обращение авторов к истории взглядов российского общества на события в балканском

регионе позволяет выявить формы и инструменты влияния политики на общественное мнение и источники складывания образов и стереотипов славян в русской культуре последней трети XIX в. в связи с событиями на Балканах, которые существенным образом обогатили, отчасти изменив, концепцию «славянского братства».

Следует подчеркнуть, что работы саратовских историков важны и в более широком исследовательском поле. Они освещают ряд дискуссионных проблем, остро стоявших в период реформ 1860-х гг. и обсуждавшихся в российском обществе на самых разных уровнях: это вопрос о происхождении русского народа, истоках его самобытности в контексте прошлого славянской общности; это и полемика о «восточном вопросе» в свете внешней политики Российской империи, в свою очередь тесно связанная со славянофильскими и/или панславистскими идеями, столь популярными начиная с 1840-х гг. и получившими новое осмысление в период создания нового нарратива российской истории как национальной в период формирования проектов национальной идентичности в Российской империи. При этом Кочуковы обращаются к довольно трудным для историко-культурной интерпретации визуальным образам – в частности, собирая и анализируя журнальные карикатуры и сатирические изображения, относящиеся к реалиям 1870-х гг. (как в виде панславистской пропаганды, так и политической сатиры).

Жанр рецензируемой книги «В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876)», изданной при поддержке Фонда «История Отечества» в конце 2023 г., определен авторами как «документальная монография». Трудно назвать такой жанр традиционно-научным. Его особенность заключается, вероятно, в объединении научных глав / очерков / разделов с классической публикацией источников, но структура, как правило, не очень ясная. Книга состоит из введения, трех очерков и источников с комментариями. Во введении и трех исследовательских текстах дан краткий историко-политический анализ Балканского кризиса 1875–1878 гг., предпосылок и причин русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также представлена характеристика советской и российской (постсоветской) историографии, с акцентом на историю участия в этих событиях Российской империи. Особое внимание уделено российскому движению в поддержку южных славян (деятельности славянских комитетов и участию русских добровольцев в сербо-турецкой войне 1876 г.), ведь именно путевые заметки, газетные корреспонденции и письма добровольцев из Саратовской

губернии, увидевшие свет в конце 1876–1877 гг. на страницах газеты «Саратовский справочный листок», помещены в монографии. Это тексты И. П. Горизонтова, Е. Д. Коровина, Н. Серафимовича, авторство еще двоих неизвестно. Им предпосланы два очерка: о «славянском движении» в Саратовской губернии в 1875–1876 гг. и характеристика источников и их информационного потенциала. Таким образом, книга О. В. Кочуковой и С. А. Кочукова представляет собой научное издание новых источников с описаниями и комментариями и одновременно монографическое исследование, позволяющее подробно и полно определить и обосновать место и значение данного вида нарративов, принадлежащих перу русских волонтеров, для истории русско-славянского взаимодействия и политических отношений России со славянскими странами балканского региона. Как отмечают авторы, эти источники способствуют также решению новых задач, стоящих перед исследователями добровольческого русского движения 1870-х гг. В частности, «определению способов и центров организации добровольческого движения в России в период сербско-турецкой войны 1876 г., пониманию социально-психологических и политических мотивов добровольцев, восприятию русскими добровольцами ситуации на Балканах и эволюция их настроений...» (с. 117). Одной из важнейших особенностей данных источников, несомненно относящихся (несмотря на то, что предназначались для публикации в саратовской прессе) к эго-документам, являются обстоятельства их создания: это письма и дневниковые ежедневные записки, а не мемуары, создаваемые годами позже. Для них характерны эмоциональность, субъективность и непосредственность первых впечатлений, отсутствие самоцензуры и возрастной рефлексии. Добавим, что изучение российскими и сербскими исследователями добровольческого движения и его участников, которое ведется на протяжении полутора столетий, позволило на сегодняшний день выявить их мотивацию, а также создать своеобразную социально-психологическую классификацию (первыми ее предприняли сами волонтеры), о которой писали, в частности, советские и российские болгаристы и сербисты, а также зарубежные коллеги-русисты². Взгляды и суждения представленных историками авторов – саратовских волонтеров, – хотя и не обладают какой-то яркой отличительной региональной спецификой, тем не менее привносят некоторые новые факты и трактовки, уточняющие сложившуюся

² О. В. и С. А. Кочуковы подробно разбирают эти работы в историографическом очерке (с. 15–21) монографии.

картину, которая сформировалась благодаря анализу комплекса аналогичных в жанровом отношении источников³. Это, по нашему мнению, характерно для публикаций священника И. П. Горизонтова, который, естественно, отмечает особенности, касающиеся церковно-религиозной жизни сербов, а также отношение к ним православных русских участников сербо-турецкой войны 1876 г. Подробное описание Горизонтовым не только пребывания в Сербии, но и поездки по России (ему хотелось увидеть исторические достопримечательности и православные святыни в городах, через которые пролегал путь добровольцев в Турцию, – Москва, Киев, Одесса, Кишинев и др.) дает возможность использовать «травелог» (на наш взгляд, несколько спорное определение нарратива, данное публикаторами) в качестве источника реконструкций образа России, пространственных и патриотических представлений об Отечестве, его локусах, святынях и обитателях. И в описаниях Горизонтова, и в репортажах Е. Д. Коронина и Н. Серафимовича содержатся интересные сведения об этноконфессиональных представлениях и предубеждениях русских разных сословий. Они касаются не только южных славян (прежде всего сербов), но и турок, евреев, а также католиков и старообрядцев. Любопытны неоднозначные впечатления русских добровольцев о славянском родстве (языковом и конфессиональном) и идее «братства», которые с еще большей отчетливостью проявились позже, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и в процессе знакомства с Сербией, Болгарией и их жителями, что отразилось в травелогах и записках русских путешественников 1860-х – 1880-х гг. И, конечно, в текстах саратовских волонтеров содержатся подробные описания «типов» российских добровольцев и их славянских соратников, а также многочисленные примеры и случаи, как подтверждающие, так и опровергающие идеализированные образы тех и других.

Если в хорошо написанных и продуманных дневниковых записках священника Горизонтова мы сталкиваемся с аргументацией и размышлениями автора, роднящими их со стилем повествования других образованных добровольцев и путешественников мирного времени, то краткие записки Коронина отличает эмоциональность и воодушевление, характерные для юных и не имевших военного опыта русских волонтеров.

³ Подробнее см.: Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А. Л. Шемякина; комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. СПб., 2006.

Письма Серафимовича «С театра войны. Из записной книжки волонтера» посвящены исключительно военным будням, это, как точно определяют публикаторы, пример и военной мемуаристики, и военной прозы (с. 124).

Опубликованные источники, таким образом, представляют как бытовые и этнокультурные реалии российской жизни и общественной атмосферы 1870-х гг., так и этнографические заметки и впечатления о Сербии и сербах; научный интерес имеют как описания, так и диалоги. И хотя спектр суждений о сербо-турецкой войне и о славянском «братстве» вследствие жанра первичной публикации ограничен славянофильскими и официальными интерпретациями, в этих источниках нашли отражения некоторые иные, критические и далекие от идеализированных, мнения и позиции – например, о мотивах добровольцев, об отношении к ним сербов, а также о понимании идей «славянской взаимности». Подробные комментарии публикаторов позволяют не ошибиться в интерпретации субъективных оценок авторов и верно оценить бросающийся в глаза конфликт между сформировавшимися у русских участников представлениями и стереотипами и впечатлениями, сложившимися на основании межкультурной коммуникации и военного опыта.

В заключение следует подчеркнуть, что данное издание может быть использовано в качестве учебного пособия, поскольку в нем собраны как источники, так и важные для их интерпретации статьи-очерки О. В. Кочуковой и С. А. Кочукова, которые дают возможность составить представление о специфике различных жанров, отразивших взгляды русских добровольцев последней трети XIX в. Подробный историографический очерк, ценный сам по себе, показывает научные, идеологические и некоторые политические тенденции трактовки событий Балканского кризиса 1870-х гг. и их российских участников на протяжении полутора столетий. Региональный аспект – славянофильские настроения и деятельность общественных славянских комитетов в 1870-е гг. в Саратовской губернии, – также подробно рассмотренный в монографии, важен для истории организации и функционирования помощи и поддержки национально-освободительных движений славянских народов периода нацистроительства в Российской империи.

Источники и литература

Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 годов в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. 298 с.

Кочуков С. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов: Наука, 2011. 145 с.

Кочукова О. В., Кочуков С. А. Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг.: сатирическая графика в «журнальных войнах». Саратов: Техно-Декор, 2021. 292 с.

Кочукова О. В., Кочуков С. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике (по страницам периодической печати). М.: Русский мир, 2020. 384 с.

Кочукова О. В., Кочуков С. А. В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876). Документальная монография. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 296 с.

Кочукова О. В., Кочуков С. А. Смех как оружие: русско-турецкая война 1877–1878 годов в российской и европейской сатирической печати. М.: РОССПЭН, 2022. 231 с.

Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А. Л. Шемякина; комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. СПб.: Алетейя, 2006. 684 с.

References

Kochukov, S. A. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. v osveshchenii periodicheskoi pechati Rossii*. Saratov: Nauka, 2011, 145 p.

Kochukov, S. A. «*Za brat'jev-slavian*»: *Russko-turetskaia voina 1877–1878 godov v vospriiatii obshchestva, vlasti i armii Rossiiskoi imperii*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2012, 298 p.

Kochukova, O. V., Kochukov, S. A. *Rossii i Balkanskii krizis 1875–1878 gg.: satiricheskaiia grafika v «zhurnal'nykh voinakh»*. Saratov: Tekhno-Dekor, 2021, 292 p.

Kochukova, O. V., Kochukov, S. A. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. v poeticheskoi publitsistike (po stranitsem periodicheskoi pechati)*. Moscow: Russkii mir, 2020, 384 p.

Kochukova, O. V., Kochukov, S. A. *Smekh kak oruzhie: russko-turetskaia voina 1877–1878 godov v rossiiskoi i evropeiskoi satiricheskoi pechati*. Moscow: ROSSPEN, 2022, 231 p.

Kochukova, O. V., Kochukov, S. A. *V Serbiu iz Saratova. Russkie dobrovol'tsy v bor'be za natsional'nuiu svobodu iuzhnykh slavian (1876). Dokumental'naiia monografiia*. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2023, 296 p.

Russkie o Serbii i serbakh. Vol. 1, Pis'ma, stat'ji, memuary, ed. by A. L. She-miakina, A. A. Silkin. St. Petersburg: Aleteiia, 2006, 684 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.26

M. V. Leskinen

A New Book about Russian Volunteers on the Balkans at 1876

Maria V. Leskinen

Doctor of History, leading research fellow, associate professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507-X

Citation

Leskinen M. V. A New Book about Russian Volunteers on the Balkans at 1876 // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 500–509 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.26

Received: 22.01.2024.

Abstract

Monograph by Saratov historians O. V. Kochukova and S. A. Kochukov is dedicated to the Russian volunteers' participation in the Balkan events of 1876. The ideas of Slavic brotherhood and Slavic reciprocity, which were widespread in the Russian Empire in the 1860s and 1870s, acquired special significance in 1876, in the wake of public support to the South Slavs uprisings. These sentiments had a significant influence on the political decisions that resulted in the subsequent Russian-Turkish War of 1877–1878. The authors focus on travel descriptions, notes, archives and publications by volunteers from the Saratov province (the most significant ones were published as part of this monograph with extensive authors' comments). The research part of the book analyzes the characteristics of the social content of the Russian volunteer movement, their worldview and perception of the Slavic Orthodox "brothers". Considerable space is devoted to ethnocultural images and stereotypes of South Slavs. The authors examine Soviet and Russian historiography of the

Balkan and Eastern issues in Russian imperial politics of the second half of the 19th – early 20th centuries and the anthropological approaches of latest researchers, who analyze the experience of Russian participants in the Balkan wars of the 1870s. in the context of historical verification of the ideals of Slavic brotherhood.

Keywords

Russian Empire, Serbs, South Slavs, Slavic Reciprocity, Russian volunteers, The Great Eastern Crisis of 1875–1878.

УДК 9(94)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.27

И. И. Баринов

Обобщающий труд по истории европейской нетерриториальной автономии

Kuzmany B. Vom Umgang mit nationaler Vielfalt: Eine Geschichte der nicht-territorialen Autonomie in Europa. – Berlin: De Gruyter, 2024. – 473 S.

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Обобщающий труд по истории европейской нетерриториальной автономии // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 510–514. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.27

Рецензия поступила в редакцию 23.07.2024.

Аннотация

В рецензии рассматривается книга австрийского историка Бёрриса Куцмани, посвященная истории нетерриториальной автономии в Европе. Она обобщает опыт ряда стран (Российской империи, Австро-Венгрии, стран Балтии и других государств, возникших в межвоенный период) в этой области и анализирует те политические, интеллектуальные и культурные факторы, которые влияли на развитие автономистских идей.

Ключевые слова

Восточная Европа, нетерриториальная автономия, национализм.

В наши дни западная историческая социология уверенно оперирует такими понятиями, как «национальность» (*nationality*) и «территориальность» (*territoriality*), применительно к эпохе Премодерна и Модерна. Эти термины и их соотношение нередко становились предметом дискуссий, что вызвало появление значительной массы специализированной литературы. В последние два десятилетия указанные термины стали проникать и в российскую гуманитарную науку, не в последнюю очередь благодаря переводной литературе¹. Данные термины тесно связаны с изучением роли границы и феномена фронта как ее специфического выражения (*border / frontier studies*). В данной связи следует указать на важность границы (как естественной, так и рукотворной) в формировании социальных ограничений, или же, напротив, системы поощрений внутри общества и осознанию себя через призму Свой / Чужой. Как представляется, вопрос соотношения нации и территории, попытки определить, что первично в национальном самоопределении – групповая идентичность или территориальная привязка, особенно актуальны для многонациональных империй, какими, в частности, являлись Австро-Венгрия и Российская империя.

Эти примеры, наряду с другими, разбирает в своей книге австрийский историк Бёррис Куцмани. Стоит отметить, что к указанной тематике он уже обращался в работе, посвященной галицийскому городу Броды². Тогда автора интересовало кросс-культурное взаимодействие в поликультурном сообществе и взаимоотношения «центр – периферия». В дальнейшем Куцмани масштабировал этот сюжет на всю Австро-Венгрию, а также добавил сюда, по сути, все релевантные примеры из истории Европы от Габсбургской монархии до Второй мировой войны. Как подчеркивает автор, «нетерриториальная автономия однозначно связана с государством Модерна, будь оно национальным или многонациональным в виде империи» (S. 8), так как здесь по меньшей мере требуется и разделение властей, и допущение инаковости в рамках современного понимания нации.

Свое повествование Куцмани строит на классическом принципе «классифицировать и понять». Как пишет автор, это было особенно сложно, учитывая наличие самых различных национальных,

1 Прежде всего речь идет о выпускаемых издательством НЛЮ сериях «Historia Rossica» и «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”».

2 *Kuzmany B. Brody: A Galician Border City in the Long Nineteenth Century. Leiden; Boston, 2017.*

сословных и других линий разделения внутри обществ «старой Европы». Кроме того, общественная мысль второй половины XIX – начала XX в. продолжала существовать в парадигме «исторических / неисторических наций» (т. е. имевших либо не имевших древнюю традицию государственности). Куцмани описывает три способа решения проблемы «внутригосударственного многообразия», характерных для той поры, а именно право личности, территориальный принцип и коллективный принцип (S. 2–3). Начинает он с близкой ему Австро-Венгрии, рассматривая самые разные государственно-политические силы, которые в том или ином виде занимались явлением нетерриториальной автономии. На примере выборов в провинциальные парламенты (ландтаги) Цислейтании и проходивших одновременно с ними выборов в Государственную думу Куцмани изучает особенности выборного процесса в Австро-Венгрии и Российской империи и его влияние на ход дискуссий о характере местного самоуправления. На фоне взаимного наложения сословных и национальных традиций и интересов в Австро-Венгрии местная система оказывается более гибкой, чем это принято было считать ранее. Логика существования империи требовала постоянного поддержания баланса для сохранения самого принципа существования государства (*raison d'être*), даже если это требовало расширения границ допустимого. Для этого, как указывает Куцмани, в проблемных регионах вроде Галиции, где социально-экономическое доминирование польской элиты сталкивалось с растущим самосознанием русинского населения, выборы предполагали формирование максимально широкого сословно-национального представительства (S. 101–106). Впрочем, как отмечает автор, это не помогло ни конституировать австрийскую нацию, ни установить государственный язык, фактически закрепляя существование Габсбургской монархии как «государства национальностей» (S. 37), учитывая, что не только в ненемецких регионах наподобие Богемии и Моравии, но и в интегральных частях Австрии наподобие Тироля право личности на самоопределение переплеталось с территориальными требованиями (S. 92).

В свою очередь, центральная власть в России, по мнению Куцмани, даже не пыталась решить дилемму соотношения государствообразующего русского элемента и участия «инородцев» в управлении страной, что выразилось в продвигаемой государством идее о непреодолимых этнокультурных различиях. Дискуссии о нетерриториальной автономии из-за этого сместились в оппозиционные круги – от либералов кадетского образца до ультралевых. В этом отношении

заслуживают внимания разделы книги, посвященные австромарксистскому подходу (S. 54–78) и рецепции австрийских идей у представителей российского партийного спектра, прежде всего левого (S. 235–247). Один из главных представителей австромарксизма, Карл Реннер, предлагал отделить территориальное, по его мнению, понятие «государство» от нетерриториальной категории «наций», где последние становились бы правовыми корпорациями, которые формировали бы «тело» государства. Напротив, «русская модель», по словам Куцмани, подразумевала существование параллельно государству системы защиты прав меньшинств (S. 282). Эти течения продолжили бытовать и после падения обеих империй, выразившись в различных взглядах на существование нетерриториальной автономии уже на постимперском пространстве. Куцмани находит сходства и параллели в национальной политике Украинской народной республики, стран Балтии и Советского Союза, в частности, обращает внимание на «практически параллельное существование» там аналогичных ведомств «по делам национальностей» (S. 298). Отдельные разделы книги посвящены конкретным примерам по реализации национальной автономии в межвоенный период, а также деятельности Европейского конгресса национальностей, который стремился взять на себя роль наднационального регулирующего органа, своего рода аналога Лиги наций.

Среди достоинств рецензируемой книги следует выделить ее основательную фундированность, знание автором текущих дискуссий в соответствующих областях исторического знания, а также, что немаловажно, ясный язык изложения. Вместе с тем текст перегружен обилием специфической фактуры. Порой автор, увлекаясь, перескакивает с одного сюжета на другой, что затрудняет восприятие материала. Кроме того, пристальное внимание уделено близкой автору еврейской теме, в то время как другие обрисованы лишь пунктирно. Так, в среде балтийских немцев в Эстонии и Латвии в рассматриваемое время происходили весьма оживленные дискуссии о будущем этого сообщества, вплоть до ревизии подобной дефиниции – в частности, включения в нее всех жителей региона, а не только этнических немцев, как было до этого, и даже принципиального отказа от нее и слияния с «большой германской нацией». Тем не менее данные недостатки не портят позитивное впечатление от книги, которая, несомненно, является ценным обобщающим трудом по выбранной проблематике.

Источники и литература

Kuzmany B. Brody: A Galician Border City in the Long Nineteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2017. 443 p.

References

Kuzmany, B. *Brody: A Galician Border City in the Long Nineteenth Century.* Leiden – Boston: Brill, 2017, 443 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.27

I. I. Barinov

A Generalizing Work on the European Non-territorial Autonomy

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Barinov I. I. A Generalizing Work on the European Non-territorial Autonomy // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 510–514 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.27

Received: 23.07.2024.

Abstract

The critical review examines the book by Austrian historian B. Kuzmany, which is devoted to the history of non-territorial autonomy in Europe. This work summarizes the experience of different countries (Russian Empire, Austria-Hungary, the Baltic States and other countries that emerged in the Interwar period) and analyzes the political, intellectual and cultural factors that influenced the development of autonomist ideas.

Keywords

Eastern Europe, non-territorial autonomy, nationalism.

**Сны о городах, литературная реальность:
Центральная и Юго-Восточная Европа
в лабиринте письменного слова**

Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы / коллективная монография, отв. ред. Н. Н. Старикова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2023. – 550 с.

Адията Ибришимович-Шабич
Доктор литературно-исторических наук, профессор
Университет в Сараеве
71000, Franje Račkog, 1, Sarajevo, Bosna i Hercegovina
E-mail: adjjata.ibrisimovic-sabic@ff.unsa.ba
ORCID: 0000-0002-4772-1011

Цитирование

Ибришимович-Шабич А. Сны о городах, литературная реальность: Центральная и Юго-Восточная Европа в лабиринте письменного слова // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 515–534. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.28

Рецензия поступила в редакцию 02.09.2024.

Аннотация

В рецензии представлена коллективная монография под названием «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы». Монография посвящена вопросу функционирования топоса города и городского пространства в художественном тексте на примерах избранных произведений XX и XXI вв., тематизирующих пространство городов-«генераторов культуры» (Ю. Лотман): Москва, Минск, Харьков, Варшава, Прага, Братислава, Сараево, София, Будапешт, Бухарест, Париж, Новый Орлеан, Нью-Йорк. Работа существенно расширяет представление об урбанистической проблематике и особенностях поэтики пространства в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы, вводит в научный оборот новый концептуально систематизированный литературный материал. Монография отличается междисциплинарным подходом и применением

актуального теоретико-понятийного аппарата, что ставит тему городского пространства в современный научный контекст и освещает ее с самых разных точек зрения.

Ключевые слова

Городской текст, геопоэтика, топос города, архитектур, гетеротопия, мифологема города.

В новом издании серии «Литература XX века» в 2023 г. Институт славяноведения РАН, Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы опубликовал коллективную монографию под названием «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы». Книге, включающей двенадцать авторских глав, разделенных на три тематических блока, предшествовала международная научная конференция, состоявшаяся 9 и 10 ноября 2021 г. под зонтичной темой репрезентации города в литературе и культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы, на которой были представлены польская, чешская, словацкая, словенская, хорватская, боснийская, болгарская, украинская, белорусская, венгерская и румынская литературы. Монография посвящена вопросу функционирования топоса города и городского пространства в художественном тексте на примерах избранных произведений XX и XXI вв., тематизирующих пространство городов-«генераторов культуры» (Ю. Лотман): Москва, Минск, Харьков, Варшава, Прага, Братислава, Сараево, София, Будапешт, Бухарест, Париж, Новый Орлеан, Нью-Йорк.

Во вступительной части Н. Н. Старикова, давая краткий обзор всех глав, подчеркивает, среди прочего, что город – одна из ведущих тем мировой литературы и искусства, а топос города – один из ключевых элементов структуры художественного текста¹, что связано с тем, что развитие культуры вообще напрямую связано с возникновением городов, т. е. с тем, что культура является продуктом городской среды. Понятно, что, помимо физических и материальных характеристик, каждый город имеет свою индивидуальность, свою уникальную атмосферу, которая проистекает из его истории, конкретной культуры / культур, а также людей, которые в нем живут. Поэтому

¹ Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы / коллективная монография, отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2023. С. 7.

в литературе и искусстве город – это не только физическое образование, но и сложное символическое пространство, включающее в себя различные элементы: от зданий, сооружений, районов, имеющих свою историю и свои истории, до городских символов, легенд, мифов...

В монографии речь идет о текстах, описывающих городские пространства, в которых через сложную сеть персонажей, мотивов, метафор, гетеротопий, мифов и других элементов воплощается «авторская модель городского бытия как специфического феномена культуры» (с. 8); топос города можно прочесть как своеобразную метафору, воплощающую самые разнообразные аспекты человеческого опыта. Основной целью, поставленной авторами монографии, было изучить «поэтику пространства через репрезентацию городского топоса в литературах региона» (с. 9), представить способы и средства описания городского пространства, то, как авторы формируют пространственные образы, создают атмосферу конкретного города и какие смыслы они, в конечном итоге, порождают.

Первый тематический блок состоит из четырех глав, посвященных произведениям, в которых топос города предстает как пространство травмы, «место трагических и драматических событий и памяти о них» (с. 9). Первая глава «Топос Варшавского Муранова в польской прозе “внуков Холокоста”» авторства И. Е. Адельгейм посвящена интерпретации произведений, тематизирующих Мурановский квартал Варшавы, построенный после Второй мировой войны на месте бывшего гетто, как пространство двойной травмы и как топос места-на-месте-гетто. Речь идет о текстах П. Пазиньского, И. Остаховича, С. Хутник, Б. Хомонтовской, Э. Яницкой, рассказчики которых занимают позицию постпамяти третьего поколения. В прозе «внуков Холокоста» Муранов формируется как «гетеротопия, территория встречи живых и призраков, место переписывания городского пространства и манипуляций с символической реальностью» (с. 86). Адельгейм утверждает, что Муранов как символический дом утратил свое прошлое так же, как Варшава потеряла свой еврейский Муранов. Говоря о новых стратегиях обновления этой части города, автор главы утверждает, что в упомянутых текстах о Муранове говорится как о «доме с привидениями», духами, «проклятом доме», и предлагает классификацию стратегий исходя из того, какие функции выполняет это варшавское пространство в художественном тексте.

Вторая глава «Мифологема города в поэзии и прозе Сергея Жадана» Е. В. Байдаловой рассказывает о городском пространстве в творчестве украинского поэта, прозаика, публициста и переводчика

С. В. Жадана, творчество которого «изменило картину литературной жизни Украины» (с. 90). Город и городское пространство для Жадана играют значительную роль с ранних поэтических начинаний, что привлекает внимание как читателей, так и литературных критиков. Иногда это конкретный город, такой как Харьков (место действия романа «Депеш Мод» и книги «Месопотамия»), или символический город, такой как Ворошиловград в одноименном романе. Однако чаще всего речь идет об «обычном» городе, локальном и в то же время универсальном, том, в котором течет жизнь «здесь и сейчас» и в то же время эти события уже когда-то происходили, они вечны. Такая концепция позволяет говорить о мифологеме города в творчестве украинского автора, на которую Байдалова обращает особое внимание. Что касается малой прозы Жадана, его рассказов и очерков, то исследовательница утверждает, что и здесь город и городская среда играют ключевую роль и как место действия, и как объект рефлексии. Его рассказам свойственна социальная заостренность, которая, как и в социально-политической поэзии, имеет метафизический подтекст, присущий всему литературному творчеству автора. Тонкая ирония и пародийность часто пронизывают тексты Жадана, что делает их более подходящими для восприятия, лучшего понимания и принятия утраченного, полукриминального мира его рассказов. «Депеш Мод», «Ворошиловград» и «Интернат» – это трансформированные романы-путешествия, и в то же время это романы о пути к самому себе. В первом из них происходит попытка выйти из привычного круга жизни, во втором показаны все важные события-ритуалы в жизни человека: рождение-брак-смерть, внутри которых персонаж обретает собственный жизненный путь, а в третьем много смертей, но основное внимание автора направлено на «рождение» человека, личности из не-личности (с. 137). Мифологема города в поэзии и прозе Сергея Жадана, заключает Е. В. Байдалова, вытекает из архетипических представлений о дихотомии праведного и грешного, показанной через образы Иерусалима и Вавилона, «своего» и «чужого», утраченного (образы Трои, Иерусалима) и возвращенного (Иерусалим) города и включает бинарные оппозиции порядок / хаос, жизнь / смерть (с. 149).

В третьей главе автор Н. А. Лунькова предлагает анализ гетеротопий (по М. Фуко) в рассказах современного болгарского писателя Деяна Энева (глава «Гетеротопии Софии в прозе Деяна Энева»). В корпус вошло около ста рассказов из следующих сборников: «Орел или решка», «Городок Мендосино», «Болгарин с Аляски. Софийские рассказы», «Гризли. Новые рассказы», «Лала Босая». Рассказы

объединяет уникальный топос города, представленный в разных локусах и гетеротопиях, отражающих своеобразие болгарской жизни в переходный период. Герои Энева – представители социального дна, «расходный материал» (с. 153). Энев изображает маленького человека, маргинала, сознательно противопоставляющего себя обществу или же этим обществом отвергаемого из-за девиантного поведения. Такие персонажи существуют на границе разных социальных групп, что отражается в амбивалентных пространствах со «смещенными» функциями (с. 197). С семантикой границы связаны как сюжеты, так и фабула рассказов, персонажи, ситуации и места действия. Художественное пространство Д. Энева формирует различные гетеротопии, которые исследуют и представляют (ложное и подлинное) существование современного человека в переходное время. Отдельные гетеротопии моделируют город как пространство памяти (индивидуальной и коллективной), в которой тесно переплетаются прошлое и настоящее, автор проводит читателя через реальные и символические локусы Софии.

Четвертая глава книги посвящена боснийской литературе, созданной во время осады Сараево, одной из самых длительных осад в истории современных войн, продолжавшейся 44 месяца. Е. В. Шатько в тексте «Топос Сараева в “осажденной литературе”»: Дж. Карахасан, М. Ергович, К. Заимович» после краткого исторического обзора данного периода дает сжатое изложение ключевых сведений о Сараеве. Для анализа топоса столицы Боснии и Герцеговины Шатько выбрала три сборника рассказов, написанных во время осады города: это «Дневник переселения» Дж. Карахасана, «Сараевское Мальборо» М. Ерговича и «Тайна малинового джема» К. Заимовича. Каждый подраздел автор начинает с биографического и библиографического очерка об авторах, а для указания времени создания и темы избранных текстов вводит термин «осажденная литература». Представляя сборник Карахасана как книгу о городе, Шатько пишет, что автор поднимает ключевые вопросы о сути страданий и геноцида жителей города. Это единственный текст Карахасана, в котором автор отказывается от отстраненной позиции, вводя автобиографического повествователя, и «создает литературный памятник городу» (с. 205), и чтобы сохранить этот своеобразный мультикультурный коллаж, предлагает постоянно подвергать сомнению собственную универсальность и развивать способность ценить другого и другое. В подразделе, посвященном М. Ерговичу, Шатько отмечает, что автор создает симбиоз семейной хроники, общественно-политического и исторического романа.

Он пишет хронику о проблемах идентичности вообще, а его географическое пространство, сформировавшее его как писателя, – это Босния, и уже – Сараево (с. 214). Затем следует анализ посмертно изданного сборника рассказов К. Заимовича, сборника фантастических историй, мистификаций, которые якобы происходили или происходят в Сараево. Город в этом сборнике – загадочное, притягательное, волшебное, почти сказочное и в то же время смертельно опасное пространство, это альтернативный мир и альтернативная реальность, сформированная поверх или параллельно реальному осажденному городу, почти его копия, существующая, однако, по другим, нереальным законам (с. 227). Шатко заключает, что Карахасана, фокусирующегося на идеализированном прошлом города, Ерговича, пишущего о маленьких подвигах людей в нечеловеческих условиях, и Заимовича, создающего нереальное пространство, где можно хотя бы на время укрыться и уйти от действительности, объединяет нечто общее: город состоит из людей, которым удастся сохранить свою душу и человеческое лицо в безумии и ужасе войны.

Вторая часть монографии объединяет главы, в которых топоним города представлен через призму конкретных национальных традиций и литератур, главы посвящены белорусской, словацкой, чешской, румынской и венгерской литературе. Пятая глава монографии «Минск в пространстве белорусской истории и литературы», написанная Н. М. Куренной, повествует о белорусской столице. Вступительная часть посвящена основанию и развитию Минска на протяжении всей истории. За последние три десятилетия, пишет Куренная, Минск обогатился новыми символами и знаками, которые закономерно нашли отражение в национальной культуре. На рубеже XX и XXI вв. литературный облик города формировался особенно интенсивно, что было связано со сменой поколений и новой общественно-политической и культурной парадигмой. В подразделе, посвященном Минску как литературному персонажу, Куренная связывает историю формирования «минского текста» прежде всего с личностью В. Сырокомли, поэта-романтика, драматурга, переводчика и историка литературы, опубликовавшего свое исследование под названием «Минск», посвященное истории города (с. 237). В другой исторический период «минский текст» пополнил молодой журналист Ян Скрыган (рассказ «Благодарность» 1934 г.). В годы войны появились произведения, преимущественно лирические и литературно-документальные, в которых Минск предстал антропоморфной фигурой, собеседником, близким другом, свидетелем. С последней четверти XX в. Минск становится

постоянной и значимой темой в белорусской литературе самых разных жанров: от традиционных реалистических романов, детективов, антиутопий, мемуаров до документально-художественной прозы. Город предстает в этих произведениях как место действия, как персонаж, метафора или символ старого и нового времени. Сегодня «минский текст» интенсивно развивается и растет, пишет Куренная, прежде всего за счет появления новых произведений разных жанров, реконструирующих неповторимую атмосферу Минска, иногда провинциального, иногда столичного города («Минский цикл» 2006 г. А. Н. Андреева, «Мова» 2014 г. В. В. Мартиновича, «Сцены из минской жизни», «Минская любовь» и «Городские сны» А. А. Станюты). Особое внимание автор уделяет тексту под названием «Минск. Путеводитель по городу Солнца» А. А. Клинова, значимому не только для «минского текста», но и для развития нового нетрадиционного направления белорусской литературы. Клинов заявил, что писал книгу для иностранцев, плохо знакомых с историей и культурой Беларуси и ее столицы, которая, по его словам, является «единственным на Земле местом, где хотя бы на архитектурно-постановочном уровне материализовались идеи утопической книги Томмазо Кампанеллы “Город Солнца”» (с. 246). Куренная подчеркивает своеобразие литературных подходов в изображении Минска, обращая особое внимание на жанровое разнообразие и богатый потенциал развития «минского текста».

Шестая глава под названием «Братислава: образ города и его функция в произведениях словацкой прозы XX–XXI вв.» Л. Ф. Широковой посвящена городу, культура которого сформировалась в результате многолетних многоэтнических встреч, в котором переплелись влияния немецкой, словацкой, венгерской и еврейской культур, городу на берегах Дуная с богатой историей, на протяжении веков носившему разные названия (Прессбург, Прешпорок, Пожонь, Братислава). В словацкой литературе конца XIX – начала XX в. Братислава все чаще становится местом действия, фоном или контекстом, влияющим на персонажей и их действия, важным элементом характеристики персонажей. Как пример вызова, который город представляет для персонажей из провинции, Широкова приводит рассказ Д. Хробака «Смекалистая Марта и заботливая Мария», в котором формируются два типа «нового горожанина» – того, кто умело приспосабливается к новым обстоятельствам, и выходца из сельской местности, который терпит неудачу и теряется в незнакомом городе. В межвоенный период в словацкой прозе появились и другие произведения, в которых в изображении города все чаще использовались элементы

и стиль авангардных движений того времени (И. Горват, «Человек на улице»). В романе «Панна волшебница», культовой сюрреалистической книге, автор Д. Татарка формирует сюрреалистический портрет города в дни войны и воплощает свои представления о «поэзии сюжета» (с. 262), т. е. расхождении сюжета и фабулы. В произведениях авторов поколения «Младой творбы» столица – пространство самореализации и нравственных устремлений молодых современников. Широкова указывает на повесть Блажковой «Нейлоновый месяц» как на исключительный образец городской прозы этого периода: писательница переосмысливает Братиславу как «арену конфликта» между отцами и детьми, понимаемого не только как разрыв поколений, но и как конфликт между сторонниками старых, консервативных и традиционных взглядов и сторонниками прогрессивных, современных идей (с. 266). В трилогии П. Пиштянека «Реки Вавилонские» город – эпицентр «дикого капитализма» девяностых годов прошлого века. Для П. Виликовского на протяжении 1990-х и 2000-х гг. Братислава становится своеобразным палимпсестом, его привлекает возможность (ре)актуализации образов из разных фрагментов прошлого («Моя Братислава», 2004, «Silberputzen. Чистка старого серебра», 2006, «Первая и последняя любовь», 2013). Широкова уделает внимание и другим современным авторам: М. Гворецкому, В. Климачку, П. Ранкову и Э. Фаркашовой, для которых Братислава играет второстепенную роль, выступая частью сценографии. В этой главе представлен всесторонний анализ Братиславы как символического места в словацкой литературе, исследуются и анализируются роль, функции и значение этого городского пространства через различные культурные и исторические контексты, различные стилистические формации и литературные направления (натурализм, экспрессионизм, сюрреализм, постмодернизм).

Глава седьмая «Пространство Праги как архитект в творчестве Д. Годровой» С. А. Кожинной посвящена анализу повествовательных структур и особенностей репрезентации топоса Праги в прозаическом творчестве чешской писательницы и теоретика литературы Даниэлы Годровой, работа которой включает в себя широкий спектр теоретических и художественных текстов, в которых исследуется и литературная репрезентация городского пространства. Во вступительной части Кожина подчеркивает, что для понимания роли и функции пространства в произведениях Годровой, в том числе топоса Праги, особенно важно понятие палимпсеста. Повествование Годровой представляет собой сложную сеть текстовых и символических слоев,

исследующую глубокие связи между историей, памятью и пространством, особенно через ключевой топос – Прагу. Обнаружив эти связи, Годрова исследует не только индивидуальное, но и коллективное сознание в поисках пути к пониманию прошлого и будущего. Подраздел, посвященный анализу тематического дискурса в «пражском тексте» Годровой, исследует прежде всего конкретные места из романа «Под двумя видами». Кожица делит эти локации на две категории: относящиеся к конкретным историческим событиям или воспоминаниям и имеющие архетипическую семантику. Особое внимание уделяется важности Ольшанского кладбища как ключевого места, формирующего атмосферу и тематическую нить романа, места, где в одной из глав романа оно выполняет функцию непосредственного рассказчика. В романе Годрова исследует влияние христианского сознания на восприятие пространственных и временных отношений, сравнивая его с воззрениями языческих культур, особенно кельтских. По словам Кожиной, чешский автор предполагает, что христианско-ньютоновская философия формирует восприятие пространства как пространства, определяемого повседневными локусами с четкими границами. Пражский район Винограды – второе по значимости и наиболее часто упоминаемое место в романах Годровой, особенно в последнем романе трилогии «Город мучений» – «Тета», район тесно связан с воспоминаниями отца главной героини, актера театра Винограды. Театр – еще одно гетеротопическое пространство в творчестве Годровой – место зарождения и встречи прошлого и будущего. Он становится центральным местом, где происходит процесс реконструкции прошлого и интерпретации зачастую болезненных социальных изменений. В монографии «Поиск романа» чешский автор исследует способы реконструкции и художественного оформления социальной ситуации в литературном произведении, придавая значение понятию театра как топоса, характерного для художественного изображения особенно бурных периодов в истории народа. В подразделе, посвященном повествовательному дискурсу в прозе Годровой, Кожица указывает на особую организацию текста, создающую интертекстуальные сети внутри и вне текста. По словам чешской писательницы, ее тексты либо «разрастаются подобно ткани» (так она чаще всего оценивает свое раннее творчество), либо «сворачиваются внутрь» (более поздние произведения) (с. 289). Особую роль в понимании опуса Годровой играют символы с архетипической семантикой, а для характеристики пространства, особенно Праги, решающее значение приобретают бинарные оппозиции: верх / низ, центр / периферия, свой / чужой,

коллективная / индивидуальная память, а также Лабиринт и Театр (с. 290). По мнению Кожиной, романы Годровой представляют собой сложные повествовательные конструкции, исследующие глубокие философские и психологические темы посредством сложных композиционных структур и архетипических символов, предлагающие читателю путешествие по лабиринту человеческого опыта и попытку найти смысл в хаотичном мире. Кожина предлагает использовать термин «роман-лабиринт» для характеристики романа чешского автора в целом (с. 295).

Восьмая глава, озаглавленная «Антропология Бухареста в романах М. Кэртэреску и С. Сора: между периферией и центром», А. В. Усачевой повествует о репрезентации Бухареста в румынской литературе. Приводя основные исторические сведения, во вступительной части автор обращает внимание на эклектичную архитектуру румынской столицы, отражающую сложную историю страны. С середины XIX в. среди румынской интеллигенции, с восхищением смотрящей на Запад, сложилось двойственное восприятие Румынии: как центра и периферии и, соответственно, Бухареста как столицы и провинциального города. Такое отношение преобладало до середины 1990-х гг., когда на сцену вышли писатели нового поколения, активно публикующиеся после революции 1989 г. Некоторые из них (Г. Адамештяну, С. Тэнасе, Ф. Флориан, Й. Пырвулеску, С. Сора и М. Кэртэреску) сделали Бухарест центральным топосом своих произведений. Бухарест предстает как настоящий, «живой» город (Адамештяну, Тэнасе, Кэртэреску и Сора (современный пласт повествования)) или как «реконструированный» (Пырвулеску, Флориана и Сора (исторический пласт повествования)), но, отмечает Усачева, всегда описываемый лирически (с. 305). Бухарест как топос всегда существовал как метафора прошлого, однако постепенно восприятие города меняется благодаря тем авторам, для которых преклонение перед крупными центрами, культурами и городами с «сервильной позиции провинциального неудачника» (с. 311) стало анахронизмом и банальностью. Подраздел «“Ослепительный” Бухарест Кэртэреску» посвящен трем романам румынского автора, составляющим трилогию «Ослепительный», которые, как утверждает Усачева, стали «последним аккордом эпохи постмодернизма в Румынии» (с. 312). Исследовательница выделяет и анализирует три разных взгляда на Бухарест, присутствующие в трилогии: взгляд персонажа, родившегося и выросшего в этом городе, взгляд провинциальной женщины, переехавшей в столицу, и взгляд иностранца. Подраздел «Отель “Универсал”» как *axis mundi* Бухареста» рассказывает о первом романе

С. Сора. В романе представлена история отеля, который когда-то располагался в самом центре Бухареста. Город в романе «Отель Универсал» изображен как прошлый и настоящий Бухарест, вымышленный и реальный и беспощадно честный (проституция, кражи, пьяные люди, развратные студенты, убийства и самоубийства) (с. 325). Отель, таким образом, становится особым пространственно-временным объектом, нетипичным топосом, мизансценой хаотичной структуры Бухареста и центром символической географии. Расположенный в центре вселенной персонажей «Универсал» становится «axis mundi», осью, вокруг которой вращается этот необычный запутанный мир (с. 326). В заключении главы Усачева подчеркивает, что румынские авторы дают глубокое понимание причин антагонистического отношения к столице Румынии и дихотомии между центром и периферией, которая во многом определяет национальное восприятие Бухареста.

Девятая глава рассказывает о Венгрии, ее историческом развитии, культурной самобытности и, конечно же, ее столице. Автор главы Ю. П. Гусев напоминает, что венгры пришли в Паннонию около тысячи лет назад и что, несмотря на контакты с другими народами этого региона, не полностью ассимилировались. Сохранение венгерского языка свидетельствует о сохранении их культурной самобытности – эта нация представляет собой пример «пассионарной» нации (с. 333). Венгерская национальная идентичность после многовекового иноземного правления не только сохранилась, пишет Гусев, но и к началу XIX в. накопила «огромную энергию», вызвавшую бум и рост активности в общественно-политической и культурной жизни. Эта деятельность была связана и с общеевропейскими влияниями, и с идеями Просвещения. Автор главы констатирует, что на основе литературных достижений предыдущих десятилетий (лирический романтизм М. Вёрёшмарти и Д. Бержени, национализм и радикальная социальная позиция Ш. Петефи, исторический роман Й. Этвёша) зарождается венгерский критический реализм, типологически родственные западноевропейскому и русскому и в то же время совершенно особенный. По мнению Гусева, одной из его специфических особенностей является повышенное (и неоднозначное) внимание к исконно венгерскому принципу понимания жизни, который в новых исторических условиях настойчиво пытается сохранить свою целостность, игнорируя новые явления и обстоятельства. К началу XX в. конфликт между столицей и провинцией завершается полной победой столицы. В работах Т. Кобора, одного из крупнейших прозаиков своего времени, тема Будапешта как апофеоза двуличия находится в центре его интересов.

В романе «Будапешт» 1901 г. город в основном представлен одной улицей – улицей Коронахерцег, известной своими магазинами. Кобор выражает мысль о том, что девушек и молодых женщин, рассматривающих блестящие витрины магазинов, охватывает желание выглядеть как покупатели таких магазинов, и эта цель затмевает традиционные ценности – семью, работу, мораль. В этом писатель видит суть Будапешта. Далее Гусев цитирует роман «Вина» Л. Немета, который художественно рассматривает указанный конфликт через описание и анализ душевного состояния героев, их радостей и горестей, сомнений и попыток понять друг друга. Особый обзор уделен одному из крупнейших венгерских поэтов XX в. А. Йожефу, среди прочего и потому, что в поэзии этого автора часто отражаются различные стороны жизни Венгрии, в том числе и Будапешта. Видение города поэтом формировалось через призму культурных, социальных и политических изменений, а также через личный опыт и эмоции. Будапешту посвящено множество его стихов, и в них часто можно найти размышления о городском пространстве, истории, идентичности и коллективной памяти. Через описание Будапешта как сочетания контрастов – исторических драм, промышленных зон и разных культурных слоев – подчеркивается динамика города и его роль в формировании коллективной идентичности венгров. Изображение Будапешта в поэзии А. Йожефа в интерпретации, предлагаемой в этой главе, раскрывает многослойность и сложность города.

Девятая глава, в которой автор показывает и доказывает, что контакты разных культур представляют собой залог взаимообогащения, является своеобразным вступлением к третьей части монографии, которая называется «Топос города в перцепции “чужого”». В этой части монографии основное внимание уделяется некоторым мировым мегаполисам, увиденным глазами иностранцев, причем взгляд иностранца в наибольшей степени позволяет деконструировать доминирующие нарративы, раскрывая маргинализованные точки зрения, открывая пространство для различных интерпретаций и реинтерпретаций своего / другого города и пространства, а также для анализа стереотипов и предрассудков, что позволяет осветить всю сложность вопросов идентичности и принадлежности.

Десятая глава «Топос советской Москвы в романе Иржи Вайла “Москва – граница”» А. В. Грасько рассказывает о романе чешского писателя 1937 г. Иржи Вайла как одном из редких произведений чешской литературы, где Москва предстает местом событий. В романе «Москва – граница» советская столица играет ключевую роль,

связывает все повествование, становится многослойным семиотическим пространством и производит важные смыслы. В художественную ткань романа вплетены многочисленные наблюдения и опыт жизни в Советском Союзе, где Вайль проработал два года и на собственном опыте испытал противоречия коммунистического режима. В подразделе, посвященном биографической и фактической основе романа «Москва – граница», Грасько отмечает, что годы личностного развития чешского автора были тесно связаны с изучением русского языка, дискуссиями о коммунизме и изучением русской и советской литературы (с. 360). Сюжет романа «Москва – граница», пишет автор главы, связан с жизнью иностранных специалистов в советской Москве, с одной стороны, она привлекательна для них благодаря возможности найти работу и открыто выражать левые политические убеждения, а с другой стороны, она же – проблематичный, конфликтный центр, представляющий собой чужое, чуждое пространство, идеологически неизвестное и неясное. В первой части романа рассказывается о Ри, представительнице немецкого меньшинства из несостоятельной чешской буржуазной семьи, которая приезжает в Москву к своему мужу, инженеру Роберту. Ри удается стать полноправным членом советского общества, пройдя путь от рядовой работницы до ударницы. Вторая и третья части романа рассказывают о коммунисте Яне Фишере, который работает корреспондентом и переводчиком марксистской литературы и симпатизирует Ри. Его жизнь в советской Москве складывается с точностью до наоборот: в конце романа, когда Ри становится ударницей, Фишера приговаривают к «чистке» и исключают из партии. Непременную часть панорамы Москвы этого периода, безусловно, представляют заводы, с которыми напрямую связана жизнь персонажей-иностранцев. Второй план, приводимый Грасько, представляет собой архетипическую оппозицию «Европа – Азия», которая присутствует как лейтмотив на протяжении всего романа и вписывается и в общую архетипическую оппозицию «свой – чужой». Восприятие московского мира как «чужого», с одной стороны, подчеркивает объективные отличия от мира европейских городов, а с другой – мифологизирует, деконструирует и «деформирует» московскую действительность (с. 373). Действующие лица этого города находятся в пограничном состоянии между Европой и Азией, между разными ценностями, между добром и злом, между настоящим и будущим, и в таком пространстве, заключает Грасько, человек вынужден определять себя и идентифицировать (с. 382). Поэтому очень важным мотивом является мотив границы, выступающий

у Вайля как сложное символическое понятие. Пересечение физических границ превращается в метафору разделения и/или слияния разных культур, идентичностей или идей / идеологий, представляя собой препятствие или вызов, который персонажи должны преодолеть. В самом названии романа отражена главная особенность топоса советской столицы, заключает Грасько, его интенсивное экзистенциальное напряжение, и в качестве доказательства того, что роман затрагивает не только идеологические, но и экзистенциально-философские проблемы, вечные образы, приводится текст Вайля: над Москвой, ее идейно-политическими страстями сияют «чужие, равнодушные звезды, не красные и не пятиконечные» (с. 384).

Одиннадцатая глава монографии перемещает рассуждение об иностранце из СССР за океан и представляет историю чужака в США. В этой главе, озаглавленной «Американский мегаполис в романе Д. Янчара “Насмешливое вождение”: партитура художественной репрезентации», Н. Н. Старикова пишет об автобиографическом романе современного словенского писателя Д. Янчара 1993 г., тексте, основанном на впечатлениях, оставшихся у писателя от пребывания в Америке в 1980-х гг., в Новом Орлеане, а затем в Нью-Йорке. Примеры художественного изображения этих городов словенского автора обладают основными свойствами топоса городского пространства – изменчивостью и динамизмом – «как места развертывания смыслов и места реализации модальностей “человек – пространство – культура”», тогда как географическое, топологическое и ментальное пространство Нового Орлеана и Нью-Йорка представляет собой один из элементов, играющих ключевую роль в структуре произведения (с. 386–387). Представление о феномене американского мегаполиса в романе формируется тремя основными дискурсами, пишет автор главы: геопоэтическим, психологическим и литературно-культурным. Первый связан с географическими и историко-культурными особенностями, формирующими образ городского пространства Нового Орлеана и Нью-Йорка, второй – с личным опытом, основанным на субъективных переживаниях, оценках, размышлениях главного героя и других персонажей, а третий развивает традицию художественного изображения американских мегаполисов в литературных, музыкальных и кинопроизведениях. В подразделе «Новый Орлеан» Старикова предлагает обзор важнейших особенностей этого американского города, которые определяются тремя группами факторов: физические характеристики (географическое положение, ландшафт, климат); социально-политические и этнические особенности (смена

колонизаторов, разнообразие и смешение этнических групп); историко-культурные факторы (сосуществование и взаимопроникновение нескольких культурных традиций) (с. 393). Гетеротопические пространства кладбищ Нового Орлеана играют ключевую роль в создании атмосферы города. В поисках выхода из экзистенциальных страданий главный герой романа Янчара Градник постоянно возвращается в это пространство, а в одной из сюжетных линий становится завязкой и местом действия, при этом классические смыслы и функции хронотопа кладбища (гетеротопичность, граница двух миров, пространство диалога) отодвигаются на второй план, уступая место иронической перспективе. Говоря о литературном контексте, Старикова замечает, что повествование новоорлеанского раздела «Насмешливого вожделения» Янчара контекстуально и интертекстуально связано с пьесой Т. Уильямса «Трамвай “Желание”»: атмосфера пьесы, ее тон, персонажи, мотивы и даже форма диалога ярко переданы в изображении топографии Нового Орлеана в романе словенского автора. В подразделе «Нью-Йорк» после краткой истории города описано первое впечатление словенского провинциала о Нью-Йорке. По мнению Янчара, жители города подвержены огромному влиянию телевизионной субкультуры, а СМИ навязывают людям «художественный» вкус, модные тенденции и определяют их интересы. Одним из символов сумасшедшего ритма мегаполиса является бег трусцой, чему, помимо прочего, способствуют длинные прямые проспекты и зеленые зоны города. Отмечая, однако, контраст между страстью американцев к здоровому образу жизни и массовым потреблением фастфуда, результатом которого является неуклонный рост числа людей, страдающих ожирением, герой романа сравнивает пробежку с эпидемией. В его восприятии Нью-Йорк и прямо, и в переносном смысле холоднее и равнодушнее горячего и темпераментного Нового Орлеана. В нью-йоркских главах романа, пишет Старикова, почти нет прямых намеков на знаменитые произведения искусства, в которых фигурирует этот великий город. В этой части обозначены тематические узлы, которые уже неоднократно рассматривались в литературе: «американская мечта» и ее крах (Ф. Скотт Фицджеральд, «Великий Гэтсби», 1925), социальные контрасты (Джон Дос Пассос, «Манхэттен», 1925), отчуждение как форма познания мира. Одним из важнейших «ресурсов» художественного изображения городского топоса в романе Янчара является мотивная структура, прежде всего парадигма мотивов, связанных с цветами, звуками и запахами (с. 427). Звуковая текстура Нового Орлеана в «Насмешливом вожделении» основана на взаимодействии

музыкальной полифонии и городского шума. В Нью-Йорке акустическая гармония сменяется какофонией, здесь слышны крики, шум, а ароматы кофе и чеснока из Нового Орлеана сменяются смесью запахов марихуаны и гнили. Репрезентация американского мегаполиса в романе содержит ряд элементов топоса городских пространств как «пространственного континуума текста, в котором отражается мир объекта», Старикова пишет: «Городские образы, типажи, реалии, мотивы, артефакты концентрируют в себе основную идею произведения, определяют движение фабулы и поведение персонажей, становятся метафорами авторского отношения к миру и бытию» (с. 429). При этом партитура образа мегаполиса синкретична: с одной стороны, выстраивается классический хронотоп, а с другой – городская тема становится объектом иронии Янчара.

В двенадцатой и последней главе монографии под названием «Топос Парижа в хорватской литературе: к вопросу о предпосылках формирования “парижского текста”» П. В. Королькова подробно исследует зарождение «парижского мифа», его эволюцию и специфику в хорватской литературе первой половины XX в. Автор главы подчеркивает ключевую роль двух выдающихся творцов хорватской литературы и ключевых деятелей хорватской культуры – Антуна Густава Матоша и Мирослава Крлежи, а также связь понятия «парижский миф» с двумя доминирующими стилистическими направлениями этого периода – импрессионизмом и экспрессионизмом. Во вводном подразделе Королькова особым образом практически обрисовывает темы, изложенные в предыдущих одиннадцати главах книги, в которых эксплицитно или имплицитно рассматривается вопрос о сверхтексте города в отдельных национальных литературах региона. Таким образом, вопрос о правомерности использования таких терминов, как «минский текст» в белорусской, «пражский текст» в чешской литературе и др. в каждой конкретной главе, как и в двенадцатой, получает теоретическое осмысление, объяснение и предлагает некоторые развернутые ответы. В подразделе «Париж как текстообразующий город» Королькова подчеркивает важность метафизической ауры, которую несет город как источник вдохновения для литературных текстов, и важность специфики менталитета нации, т. е. реципиента литературных произведений. Это предположение вызывает вопросы о том, насколько стабильными должны быть объективные характеристики города или его прошлого (истории), чтобы образовать единый сверхтекст. В следующем подразделе «Исторический и культурный контекст

появления первых произведений о Париже в хорватской литературе» Королькова пишет, что в конце XIX в. Париж стал важным центром культурных и художественных событий не только Европы, но и вне ее. Влияние французской литературы и искусства ощущается среди хорватских писателей и художников, сформировавшихся под сильным влиянием французских художественных течений (реализма, натурализма, импрессионизма, экспрессионизма и др.). «В хорватской литературе XX в. мы находим множество текстов, как прозаических, так и поэтических, как собственно художественных, так и документальных, а также травелогов и фельетонов, в которых возникает образ Парижа», – пишет Королькова в подглаве «Топос Парижа в фельетонах и очерках Антуна Густава Матоша» (с. 440). Несмотря на внушительный список авторов, писавших о Париже, само наличие этих текстов не является доказательством формирования в хорватской литературе специфического «парижского текста» (с. 440–441). Современный Париж ворвался в хорватскую литературу в 1900 г. благодаря очеркам и фельетонам уже известного поэта, прозаика и критика Антуна Густава Матоша (1873–1914). Матош был уникален в своей писательской стратегии: он избегал актуальных политических и экономических тем, сосредоточиваясь исключительно на культурных. Он не придавал значения мелким деталям, а наделял свои произведения глубоко личным взглядом на места, которые он посетил. Своим творчеством Матош изменил взгляд хорватов на искусство, освободил их от провинциального патриотизма и способствовал развитию путевых заметок как художественного жанра. В эссе Матоша образ Парижа двойственен. Он показывает и его «парадную» сторону, и темные стороны, подобно натуралистическим описаниям Э. Золя и Ш. Бодлера. Подглава «Париж в поэзии и очерках Тина Уевича» значительно короче предыдущей, но не менее важна, поскольку в ней Королькова утверждает своеобразную преемственность «парижского текста» в хорватской литературе этого периода.

Очерки и стихи Уевича о Париже сыграли важную роль в становлении и развитии «парижского мифа» в хорватской литературе, который под влиянием исторических изменений направлен на модели литературной героизации, включая тему Великой французской революции (которая присутствует уже у Краньчевича). В подразделе «Крушение “парижского мифа” хорватской литературы в рассказе Мирослава Крлежи “Ходорлахомор Великий”» Королькова пишет, что эта новелла (1893–1981), по единодушному мнению критиков,

представляет собой идеологический расчет писателя с эпохой модерна, и одновременно с господством авторитета Матоша в хорватской литературе. Королькова подчеркивает, что Крлежа намеренно размывает дихотомию между парадным и мрачным, серым Парижем. Этот рассказ представляет деконструкцию «парижского мифа» в хорватской литературе: анализируя образы парижских трущоб, представленные в мировой литературе до Крлежи, автор главы констатирует, что они часто были предметом эстетизации и идеализации, несмотря на изображение темной стороны действительности (с. 459).

В заключении подраздела Королькова пишет, что в целом в хорватской литературе первой половины XX в. можно отметить два ключевых периода, в которых выражался особый интерес к топусу Парижа: период конца XIX – начала XX в. и конца 1910-х – 1930-х гг. Первый период связан с общей подчеркнутой ориентацией хорватского модернизма на французскую культуру, тогда как второй – с ориентацией авангарда на расчет с прошлым, включая и модерн (с. 459). В рамках хорватской литературы «парижский миф» закладывает основу диалога с классиками хорватского модернизма, и этот диалог продолжается на протяжении всего XX в., следуя двум традициям: импрессионистической, заложенной А. Г. Матошем, и экспрессионистской, заложенной Крлежей, созданной как вызов первой.

Монография дополнена избранной библиографией, аннотациями глав на русском и английском языках, данными об авторах и именным указателем.

Данная монография существенно расширяет представление об урбанистической проблематике и особенностях поэтики пространства в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы, вводит в научный оборот новый концептуально систематизированный литературный материал. Авторские статьи, главы монографии отличаются междисциплинарным подходом и применением актуального теоретико-понятийного аппарата, что ставит тему городского пространства в современный научный контекст и освещает ее с самых разных точек зрения. Ценность монографии обусловлена большим количеством примеров и цитат из оригинальных работ. Широкий спектр репрезентативных подходов к теме городского пространства, проиллюстрированных ключевыми произведениями литературы региона, а также примерами из других видов искусства, таких как живопись, кино и музыка, делает эту монографию особенно интересной и, безусловно, полезной для литературоведов, культурологов

и более широкого академического сообщества, как для аспирантов и студентов филологических и культурологических факультетов, так и для более широкого круга читателей, интересующихся литературой и культурой стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Источники и литература

Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы / коллективная монография, отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с. DOI: 10.31168/7576-0481-7.

References

Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Institut slavianovedeniia, 2023, 550 p. DOI: 10.31168/7576-0481-7.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.28

A. Ibrišimović-Šabić

Urban Dreams, Literary Realities: Central and Southeastern Europe in the Labyrinth of the Written Word

Adijata Ibrišimović-Šabić

Doctor of Literary and Historical Sciences, professor

University of Sarajevo

71000, Franje Račkog 1, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina

E-mail: adjata.ibrisimovic-sabic@ff.unsa.ba

ORCID: 0000-0002-4772-1011

Citation

Ibrišimović-Šabić A. Urban Dreams, Literary Realities: Central and Southeastern Europe in the Labyrinth of the Written Word // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 515–534 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.28

Received: 02.09.2024.

Abstract

The review presents a collective monograph entitled “Topos of the City in Synchrony and Diachrony: Literary Paradigm of Central and South-Eastern Europe”. The monograph is devoted to the functioning of the topos of the city and urban space in literary texts using examples of selected works of the 20th and 21st centuries that thematize the space of cities-“generators of culture” (Yu. Lotman): Moscow, Minsk, Kharkiv, Warsaw, Prague, Bratislava, Sarajevo, Sofia, Budapest, Bucharest, Paris, New Orleans, New York. The work significantly expands the understanding of urban issues and the features of the poetics of space in the literatures of Central and South-Eastern Europe, introduces new conceptually systematized literary material into scientific circulation. The monograph is distinguished by an interdisciplinary approach and the use of a relevant theoretical and conceptual apparatus, which places the topic of urban space in a modern scientific context and illuminates it from a variety of viewpoints.

Key words

Urban text, geopoetics, topos of the city, architext, heterotopia, the mythologeme of the city.

УДК 82.091

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.29

Н. Н. Старикова

Полифония словенского художественного перевода: история, теория, практика

Zgodovina slovenskega literarnega prevoda. I. del: pregled zgodovinskega razvoja / uredili N. K. Pokorn, R. Grošelj, T. Mikolič Južnič, II. del: slovenska literatura v dialogu s tujino / glavna urednica N. K. Pokorn, souredniki A. Pisanski Peterlin, T. Mikolič Južnič, R. Grošelj. – Ljubljana: Založba Univerze: Cankarjeva založba, 2023. – 1366 s.

Старикова Надежда Николаевна

Доктор филологических наук, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Полифония словенского художественного перевода: история, теория, практика // Славянский альманах. 2024. No 3–4. С. 535–546. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.29

Рецензия поступила в редакцию 23.09.2024.

Аннотация

В рецензии представлена двухтомная коллективная монография, посвященная проблемам национального перевода, – научный проект, реализованный на базе Люблянского университета и Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств и изданный при поддержке Государственного агентства науки Республики Словения. Коллектив ставил перед собой задачу пролить свет на роль перевода и переводчиков в развитии словенской литературы, языка и культуры и представить объективную картину связей между словенской культурой и культурами других народов через диахроническую парадигму переводов как на словенский язык, так и со словенского языка. Национальный перевод исследован в монографии в двух научных ракурсах: в первом томе представлена история зарождения, формирования и эволюции литературного перевода как одной из важных составляющих литературного процесса, второй том содержит социологически и культурологически

ориентированное исследование феномена перевода как двустороннего культурного трансфера. Главы первого тома раскрывают хронологию становления переводческой деятельности внутри шести исторических этапов: от древних письменных памятников до Реформации, от Барокко к Просвещению, в XIX в., в межвоенный период, в титовскую эпоху и в течение трех десятилетий существования независимой Республики Словении. Второй том состоит из трех разделов: в первом содержатся главы, дающие представление об обмене литературными переводами с носителями основных западных, славянских, а также ряда других языков. Второй раздел посвящен двусторонним переводам европейских и национальных классиков (Гомер, Данте, Шекспир, Прешерн, Цанкар и др.) и отдельных литературных жанров, в третьем сгруппированы портреты сорока пяти выдающихся словенских переводчиков мировой литературы.

Ключевые слова

Словенский литературный перевод, перевод как культурный трансфер, двусторонний перевод, словенские литературные переводчики.

Собрание художественных текстов на словенском языке выглядело бы по-другому, не будь в нем бюргеровской «Леноры» в переводе Ф. Прешерна, гомеровских «Илиады» и «Одиссеи» в переводе А. Совре или пьес Шекспира, переведенных О. Жупанчицем. Да и сама словенская литература, не будь переводов, была бы другой. Так же как словенский язык и культура.

М. Ожбот¹

Художественный перевод – главный способ существования литературы в сфере других культур, область соприкосновения языковых сознаний, важнейшее условие межкультурной коммуникации. Переводная литература активно участвует в формировании и закреплении литературных моделей, поэтому переводоведческие исследования позволяют проследить не только межкультурные отношения, но и динамику изменений внутри исходной и принимающей литературы. Современное словенское переводоведение достигло в этом направлении значительных результатов, назову лишь несколько

¹ Prevajanje besedil iz obdobja romantike. Ljubljana, 2004. S. 56.

концептуальных авторских монографий: М. Становник «Словенский литературный перевод 1550—2000» (2005), Борис А. Новак «Salto immortale. Исследования о поэтическом переводе» (2011), Ш. Вевар «Эквилибристика искусства перевода» (2013)². В 2023 г. увидел свет самый фундаментальный, научно значимый и одновременно дискуссионный проект словенских переводоведов – двухтомная «История словенского художественного перевода». Научными площадками исследования стали Люблянский университет (ЛУ) и Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств (НИЦ САНИ), участие в его создании приняло также Общество словенских литературных переводчиков. Проект был поддержан Государственным агентством науки Республики Словения. В состав авторского коллектива вошли шестьдесят четыре исследователя³, представляющие практически весь «срез» современного филологического знания Словении: лингвисты, литературоведы, культурологи, переводоведы: от академика САНИ М. Есеншека до ассистентки кафедры переводоведения философского факультета ЛУ К. Чобец, главным редактором выступила профессор Люблянского университета, доктор филологии Найк К. Покорн. В подготовке труда принимали участие доценты и профессора четырех университетов – Люблянского и Мариборского (Словения), Загребского (Хорватия) и университета имени Карла и Франца в Граце (Австрия), научные сотрудники Института словенского языка имени Франа Рамовша НИЦ САНИ и Института словенской литературы и литературоведения НИЦ САНИ, главные редакторы специализированных журналов и издательств, независимые исследователи и действующие переводчики. По случаю выхода издания 27–28 июня 2023 г. в НИЦ САНИ была проведена специальная научная конференция-презентация, на которой выступили 40 докладчиков, участвовавших в создании книги.

Коллектив ставил перед собой задачу, опираясь на результаты наиболее значимых европейских переводоведческих исследований и национальных трудов по литературному переводу, пролить свет

2 Об этих трудах подробнее см.: *Старикова Н. Н.* *Studia translatoria.* Заметки об истории, теории и практике словенского художественного перевода // *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 2016. С. 42–57.

3 В кратком разборе невозможно персонифицировать всех участников столь масштабного проекта, поэтому автор рецензии оставляет за собой право выборочного упоминания членов авторского коллектива.

на роль перевода и переводчиков в развитии словенской литературы, языка и культуры и представить объективную картину связей между словенской культурой и культурами других народов через диахроническую парадигму переводов как **на словенский язык**, так и **со словенского языка**. Двухтомная структура монографии обусловлена двумя главными направлениями исследования: историческим и культурологическим. В первом томе представлена история зарождения, формирования и эволюции литературного перевода как одной из важных составляющих литературного процесса, второй том содержит социологически и культурологически ориентированное исследование феномена перевода как двустороннего культурного трансфера.

Масштабность научного замысла диктовала точное определение критериев и методологии, а также четкую структурную организацию текста, последнее по большей части было достигнуто. Первый том монографии называется «История словенского литературного перевода. Обзор исторического развития», он открывается абзацем об участии авторов монографии в других научных проектах и программах, после которого располагается список авторского коллектива; далее следуют вводный блок, состоящий из трех разделов: введения, обзора иностранных переводоведческих исследований и описания структуры монографии, и основная часть, состоящая из тридцати четырех глав, в которых в хронологическом порядке освещаются основные этапы развития словенского литературного перевода и сопутствующие им социокультурные и литературные явления. Последняя, тридцать пятая глава посвящена обзору словенских национальных исследований по теории перевода. Во введении формулируются основные концептуальные и методологические подходы, к которым относятся историко-литературный, социокультурный, текстологический, лингвистический, статистический, объясняется трактовка термина «перевод» («термин “перевод” мы определяем функционально, т. е. говорим не только о литературных произведениях, но и о важнейших религиозных текстах западной и восточной духовности» (23)); аргументируется выбор языков перевода по социокультурной матрице Й. Хейльброна⁴, обусловленный также интенсивностью двусторонних

4 В своем исследовании «Translation as a cultural world system» (1999) нидерландский социолог Йохан Хейльброн делит языковые группы на четыре категории. На вершине пирамиды находится гиперцентральный язык – английский, переводы с которого составляют не менее 40 % всех

контактов, географической близостью, местом литературы на языке в мировой литературной парадигме, продолжительностью двусторонней переводческой традиции; критерии отбора иностранных авторов (рейтинг в национальных литературах и/или их роль в мировом литературном процессе) и персоналий переводчиков. Обзор европейских монографий по истории перевода, на методы и подходы которых в своих изысканиях опирались словенские исследователи, включает девятнадцать позиций, среди них присутствуют работы, анализирующие теорию и практику литературных переводов на материале как «больших» европейских языков – английского, немецкого, французского, итальянского, так и «малых» – чешского, словацкого, сербского, финского, ирландского.

Хронология становления переводческой деятельности представлена шестью эпохами: первая – от древних письменных памятников до Реформации, вторая – период Барокко и Просвещения, третья – XIX век, четвертая – межвоенный период, пятая – эра СФРЮ, шестая – три десятилетия существования независимой Республики Словении. При этом деление на исторические периоды при подаче материала отсутствует (главы даются «сплошняком»), их информативное наполнение внутри каждого хронологического отрезка неравномерно, подчас довольно эклектично тематически, в некоторых случаях частным вопросам уделяется внимания больше, чем аналитическим наблюдениям и обобщениям.

В первом хронологическом отрезке внимание авторов сконцентрировано на первых переводах богослужебных текстов, словарях и их роли в формировании книжно-письменной традиции, переводах Священного писания и Библии и их роли в становлении

книжных переводов в мире, на втором месте центральные языки, каждый из которых занимает примерно 10–12 % мирового книжного рынка переводов, сегодня в эту группу входят французский и немецкий, до распада Советского Союза в нее входил и русский язык. Третья группа охватывает полупериферийные языки с долей 1–3 % мирового рынка переводов и включает испанский, итальянский, датский, шведский, польский, чешский и русский. Последнюю, наиболее массовую группу составляют периферийные языки, не занимающие 1 % мирового рынка; среди них такие, как китайский, арабский, португальский, которые, несмотря на большое количество носителей, занимают маргинальное место в мировой системе перевода, так как с этих языков переводится относительно мало. Словенский язык также принадлежит к последней, периферийной группе.

художественной литературы. Далее исследуется переводческая практика в период секуляризации, в фокус внимания авторов попадают первые литераторы-переводчики эпохи Просвещения Ф. Дев и У. Ярник. Обзор развития переводческой практики в XIX в. включает главы о журнальной стратегии в сфере переводов, об истории формирования первых книжных переводческих серий и о переводах исторического романа. Анализ переводческой деятельности в межвоенный период проблемно-тематически расширяется за счет введения новых дискурсов: эмигрантского и историографического. Так, одна глава этого раздела содержит обзор переводов представителей словенской диаспоры в США, в другой рассматриваются опубликованные в историях словенской литературы обзорные статьи о переводах. Самый большой объем и самый выраженный разброс углов зрения наблюдается в главах, раскрывающих переводческую проблематику периода социализма. Условно здесь можно выделить три основных направления исследования: влияние идеологии на переводческую деятельность (трансформация переводческих векторов, административный ресурс в книгоиздании, цензура), исследование и популяризация перевода после Второй мировой войны, переводчики и издательства словенского зарубежья (Италия, Австрия). Чрезвычайно интересна единственная(!) в книге глава профессора отделения словенистики философского факультета ЛУ И. Новак-Попов «Влияние переводов на развитие новых художественных эталонов в поэзии», посвященная взаимодействию литератур-доноров и литературы-реципиента и раскрывающая влияние переводов на обновление национальных поэтических форм. На этом фоне и с учетом интернационального контекста социалистического периода в целом весьма экзотически выглядит глава переводчика Я. Трупея «Отношение к темнокожим в литературных переводах». Современное состояние переводоведения независимой Словении отражено в двух заключительных главах тома, где речь идет о переориентации переводческих векторов, смене идеологических отношений рыночными и национальной программой стимулирования переводческой деятельности. Структура глав первого тома унифицирована: каждая состоит из введения, основной части с делением на параграфы (обязательный параграф о состоянии исследований по описываемому явлению и перспективах его изучения), заключения, списка близких по теме глав монографии, 3—5 источников, рекомендуемых для чтения, библиографии к главе и аннотации на словенском и английском языках. Сноски во всем издании не предусмотрены.

Второй том монографии называется «История словенского литературного перевода. Словенская литература в диалоге с зарубежьем». Его открывают две небольшие, отчасти дублирующие друг друга главы, в первой представлена структура тома, вторая теоретически освещает проблематику двусторонних переводческих контактов как культурного трансфера. Далее располагаются три раздела: первый включает девятнадцать глав, раскрывающих диахроническую парадигму обмена литературными переводами с носителями почти двух десятков языков. Восемнадцать глав второго раздела посвящены истории переводов отдельных литературных жанров и классиков европейских литератур, включая словенскую; в третьем сгруппированы портреты сорока пяти выдающихся словенских переводчиков мировой литературы. Главы первого раздела, расположенные в алфавитном порядке языков, содержат обзорные и статистические сведения о переводах на словенский художественных текстов, написанных на ведущих романо-германских (английский, немецкий, французский, итальянский, испанский) и славянских (болгарский, македонский, польский, русский, словацкий, чешский, центрально-южнославянские языки⁵) языках, а также арабского, древнегреческого и латыни, китайского, японского, венгерского и языков Индии, и, наоборот, о переводах со словенского на эти языки. Заключает раздел глава о языковых лакунах национального переводопотока, к которым относятся, например, турецкий, албанский, латышский языки. Главы об обмене переводами имеют два композиционных варианта, различающиеся принципом подачи материала: в одних случаях рубрики «Переводы на словенский язык» и «Переводы со словенского языка» сгруппированы в один параграф, в других – разделены на два. В остальном структура главы унифицирована: введение, методологические подходы, история переводов на словенский / со словенского: жанры, авторы, переводчики, исследования и дискуссии, заключение, список близких по теме глав монографии, библиография к главе, аннотация на словенском и английском языках.

5 «[...] термин введен для боснийского, сербского, хорватского и черногорского языков как преамников сербохорватского, поскольку речь идет не только о периоде существования СФРЮ, но и о времени провозглашения независимых государств Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория с их официальными, зафиксированными в конституции языками» (827).

Второй раздел содержит подраздел (три главы) о жанровых предпочтениях в области перевода на словенский язык, которые выглядят весьма специфически – речь идет о произведениях, связанных с музыкальным искусством (либретто, романсы, песни), сказках и романах в жанре фэнтези (Джон Толкин, Джоан Роулинг, Клайв Льюис). Глава о фэнтези – пожалуй, единственный во всей монографии пример весьма вольно структурированного текста, композиция которого отличается от общей продуманной схемы. Остальные пятнадцать глав обращены к персоналиям и дают представление о том, какими темпами словенцы знакомились с классиками мировой литературы и кто из словенских авторов оказался в их рядах. Таковых нашлось два: Ф. Прешерн и И. Цанкар; истории переводов на иностранные языки творческого наследия каждого посвящено по главе (авторство принадлежит соответственно член-корреспонденту САНИ М. Ювану и Найк К. Покорн). Компанию канонизированным романтику и реалисту составили Гомер, Данте, Петрарка и Боккаччо, объединенные в одну главу, Шекспир, Тассо, Манцони, Гёте, Пушкин, Достоевский, Сенкевич, Ибсен, Пиранделло, Джойс и Целан. Авторы глав о переводах классиков в целом придерживались единой схемы изложения: после развернутой характеристики творчества и определения статуса автора в мировой и национальной культуре следуют обзор переводов, информация о конкретных переводчиках, наблюдения о рецепции, список близких по теме глав монографии, библиография к главе, аннотация на словенском и английском языках. При этом в большинстве случаев отсутствуют какие-либо конкретные иллюстративные примеры переводов (исключение составили главы о Гомере и Целане).

В третьем разделе второго тома после статьи о статусе литературного переводчика и краткого введения к разделу располагаются сорок пять портретов выдающихся словенских переводчиков. Выбор персоналий был основан на внешних («объективных») критериях: деятельность на протяжении XX–XXI вв., переводы только на словенский язык, присуждение национальных премий в области перевода (премии имени А. Совре, не менее двух раз, более чем за одно произведение / антологию или по совокупности заслуг; премии имени Прешерна или премии фонда Прешерна в номинации «перевод»). На момент выхода книги в представленной портретной галерее фигурировало семнадцать здравствующих переводчиков: самая старшая, В. Пацхайнер-Кландер, родилась в 1932 г., самая младшая, Н. Грошель, – в 1975 г. Статьи-портреты расположены в хронологическом порядке,

открывает ряд крупнейший национальный поэт XX в. О. Жупанчич. Вообще выдающиеся поэты составляют приблизительно треть от общего числа включенных в книгу мастеров перевода (А. Градник, Б. Водушек, М. Клопчич, М. Бор, И. Минатти, Т. Павчек, Я. Менарт, В. Тауфер, Борис А. Новак и др.), хотя, конечно, есть знаковые поэтические имена, которые из-за следования формальным критериям в выборку не попали, например, Ц. Злобец и М. Есих. Что касается собственно переводчиков, то этот ряд весьма репрезентативен и дает адекватное представление о развитии национального перевода: включенные в издание А. Совре, Й. Видмар, Я. Модер, Я. Градишник, В. Клабус, Д. Байт внесли важный вклад в расширение литературного кругозора словенских читателей. Статьи, снабженные фотопортретами, написаны по единому образцу: биография, переводческая деятельность, краткий обзор творчества (при наличии), издательская / редакторская деятельность (при наличии), размышления о теории и практике перевода (при наличии), библиография. Завершают монографию пояснительный и именной указатели.

Рассмотренное издание производит двойное впечатление. С одной стороны, это, безусловно, обобщающая, энциклопедически информативная и весьма полезная для исследователей-гуманитариев (в первую очередь, конечно, словенистов) работа большого профессионального творческого коллектива, благодаря которому был собран, проанализирован, научно структурирован колоссальный фактический материал об истории, феноменологии и практике национального перевода и переводоведения. С другой стороны, труд вызывает ряд вопросов, связанных как с содержательной, так и с формальной стороной. Столь большое число авторов продуцирует разный уровень и жанровую выверенность научных текстов, диспропорциональность и дробность подачи материала, внимание к периферийным составляющим, что становится причиной определенной эклектичности глав (это особенно бросается в глаза в первом томе). Чрезвычайно уязвим, несмотря на четко сформулированную аргументацию, и вопрос селекции – языков, литературных жанров, канонических представителей иностранных литератур, персоналий переводчиков. Почему, скажем, в языковой выборке нет португальского и новогреческого языков, в жанровой – детектива, а в писательской – Чехова? (данные примеры согласуются с содержащимися в издании обоснованиями правил отбора). В целом продуманный подход к структурной организации глав, без которого оперировать таким объемом сведений просто невозможно, тоже имеет свое уязвимое место – это

библиографии. Они присутствуют во всех типах глав обоих томов, в разы различаются между собой по объему и содержат довольно много повторов, особенно в главах о переводческом обмене и о персоналиях переводчиков.

Несмотря на вышеизложенные замечания, «История словенского литературного перевода» – книга, безусловно, эпохальная для словенской переводоведческой науки, она вносит значительный вклад в адекватную оценку места и роли перевода в национальной культуре. Хотелось бы особо отметить ответственного редактора, госпожу Найк К. Покорн, сумевшую не только удержать этот проект-громаду на плаву и успешно дойти до финиша, но и написать для книги более десяти глав. Весьма интересны и познавательны для российской научной аудитории исследования русско-словенских переводческих контактов и переводов Достоевского, автором которых выступил доцент кафедры русской литературы славянского отделения философского факультета ЛУ доктор филологии Б. Подлесник.

Источники и литература

Старикова Н. Н. Studia translatoria. Заметки об истории, теории и практике словенского художественного перевода // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 42–57.

Heilbron J. Towards a sociology of translation: book translations as a cultural world system // *Critical readings in Translation Studies*. London; New York: Routledge. P. 304–316.

Prevajanje besedil iz obdobja romantike. Ljubljana: Društvo slovenskih književnih prevajalcev, 2004. 410 s.

Zgodovina slovenskega literarnega prevoda. I. del: pregled zgodovinskega razvoja / ured. N. K. Pokorn, R. Grošelj, T. Mikolič Južnič; II. del: slovenska literatura v dialogu s tujino / ured. N. K. Pokorn, R. Grošelj, T. Mikolič Južnič. Ljubljana: Založba Univerze: Cankarjeva založba, 2023. 1366 s.

References

Heilbron, J. Towards a sociology of translation: book translations as a cultural world system. *Critical readings in Translation Studies*. London, New York: Routledge, pp. 304–316.

Prevajanje besedil iz obdobja romantike. Ljubljana: Društvo slovenskih književnih prevajalcev, 2004, 410 p.

Starikova, N. N. *Studia translatoria. Zаметки об истории, теории и практике словенского художественного перевода. Khudozhestvennyĭ perevod i ego rol' v literaturnom protsesse Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*. M.: Institut slavianovedeniia RAN, 2016, pp. 42–57.

Zgodovina slovenskega literarnega prevoda. Vol. I.: pregled zgodovinskega razvoja, ed. by N. K. Pokorn, R. Grošelj, T. Mikolič Južnič; Vol. II.: slovenska literatura v dialogu s tujino ed. by N. K. Pokorn, R. Grošelj, T. Mikolič Južnič. Ljubljana: Založba Univerze: Cankarjeva založba, 2023, 1366 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.29

N. N. Starikova

Polyphony of Slovenian Literary Translation: History, Theory, Practice

Nadezhda N. Starikova

Doctor of Letters, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. Polyphony of Slovenian Literary Translation: History, Theory, Practice // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 535–546 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.29

Received: 23.09.2024.

Abstract

The review presents a research project implemented at the University of Ljubljana and the Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts and published with the support of the State Agency for Science of the Republic of Slovenia – a two-volume collective monograph devoted to the problems of national translation. The collective set itself the task to shed light on the role of translation and translators in the development of Slovenian literature, language and culture and to present an objective picture of the connections between Slovenian culture and the cultures of other peoples through the diachronic paradigm of translations both into and from Slovenian. The monograph examines

national translation from two scientific angles: the first volume presents the history of the origin, formation and evolution of literary translation as one of the important components of the literary process, while the second volume contains a sociologically and culturally oriented study of the phenomenon of translation as a two-way cultural transfer. The chapters of the first volume reveal the chronology of the formation of translation activity within six historical stages: the Reformation, the Baroque and the Enlightenment, the 19th century, the interwar period, the Tito era and three decades of the independent Republic of Slovenia. The second volume contains three parts: the first presents chapters that give an idea of the exchange of literary translations with native speakers of the main Western, Slavic, as well as a number of other languages. The second chapter is devoted to two-way translations of classics (Homer, Dante, Shakespeare, Cankar, etc.) and individual literary genres, while the third contains portraits of forty-five outstanding Slovenian translators of world literature.

Keywords

Slovenian literary translation, translations into Slovenian, translations from Slovenian, Slovenian literary translators.

УДК 81-23; 81-24; 811.1
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.30

И. А. Седакова

Круглый стол «*Старое и новое* в языках и культурах Балкан»

Седакова Ирина Александровна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: ised@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9252-5407

Цитирование

Седакова И. А. Круглый стол «*Старое и новое* в языках и культурах Балкан» // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 547–550.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.30

Текст поступил в редакцию 28.04.2024.

26 марта 2024 г. Центр лингвокультурных исследований “Balkanica” Института славяноведения РАН провел 9-й круглый стол под названием «*Старое и новое* в языках и культурах Балкан». В центре внимания докладчиков были грамматика и структура древних и современных балканских языков, архаика и инновации в балканском языковом союзе (БЯС), обряды инициации и оформления нового социального статуса, а также «старое», «новое» и «молодое» в литературе и культурах Балкан.

Научную встречу открыл *Н. Н. Казанский* (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). В докладе «Особенности обозначения ‘нового’ по отношению к ‘старому’ (традиционному) в древнегреческой культуре» он рассмотрел основные лексемы, связанные с исследуемыми концептами, и контексты их употребления. Докладчик показал, что ‘новое’ намного частотнее в топонимических обозначениях, а также обратился к анализу терминов новолуния в древнегреческой традиции.

О. В. Чёха (ИСл РАН, Москва) прочитала доклад «*Νέο φεγγάρι: молодая или новая луна?*», в котором продолжила рассмотрение номинаций новолуния в греческом и балканославянских языках. Отметив, что греч. *νέος* имеет два значения: ‘молодой’ и ‘новый’, она показала распространение терминологических названий молодого месяца в зависимости от представлений о нем – месяц рождается и умирает

(сербский вариант), месяц наполняется и пустеет (болгарский и греческий вариант); в рамках македонской традиции представлены оба типа интерпретации и, соответственно, две группы номинаций.

Л. И. Акимова (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва) представила доклад «Мяч на апулийских вазах кон. V – IV вв. до н. э.: завершение мемориальной иконографии греков», в котором в широкой географической и исторической перспективе рассмотрела семантику мяча на сосудах с изображением жениха и невесты. По мнению докладчицы, он служит символическим образом «головой-плода-семени» и в общей линии греческой иконографии является последним новшеством, приводящим к исчерпанию мемориального жанра.

А. Н. Соболев (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; Philipps-Universität Marburg) прочитал доклад «Старое и новое определение языкового союза». По мнению исследователя, известное «старое» определение Н. С. Трубецкого не предполагает учета регулярных, закономерных соответствий между языками, составляющими языковой союз, и не обращается к причинам их возникновения. Докладчик предложил авторскую концепцию обоснования языковых и культурных союзов, и в частности БЯС, которая базируется на холистическом подходе к языку, с вниманием ко многим экстралингвистическим факторам.

Г. П. Пилипенко, Н. И. Кикило, С. А. Борисов (ИСл РАН, Москва) в совместном докладе «Балканизация vs дебалканизация в миноритарных славянских языках Воеводины (Сербия)» обратились к анализу ряда явлений, отражающих возникновение типичных балканских черт грамматики в миноритарных контактных зонах (*да*-конструкции вместо инфинитива в чешском и украинском) и, наоборот, редуцированное использование некоторых категорий (в частности, эвиденциальности в македонском). По мнению докладчиков, опирающихся на собственные экспедиционные материалы, ключевым фактором при появлении или ослаблении балканских черт в миноритарных языках Сербии является степень владения сербским языком.

М. С. Морозова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), *А. Ю. Русаков* (Албанская академия наук, Институт лингвистики и литературы, Санкт-Петербург, Тирана) в докладе «Инновации в албанских диалектах: распределение, происхождение, типология (к постановке проблемы)» исследуют архаичность / инновативность говором основного албаноязычного ареала и диаспоры, опираясь на 150 различительных признаков, выявленных в Албанском диалектологическом атласе. Ученые обсудили проблемы происхождения инноваций

(внутренние / контактные), направления их развития (упрощающие / усложняющие) и построения их типологии.

И. А. Седакова (ИСл РАН, Москва) в докладе «“Новая” невестка в фольклорной и этнографической интерпретации: болгарская традиция на балканском фоне» поставила основной целью сравнить этнографические сведения о постсвадебной обрядности с их фольклорным отображением. Широкий балканский контекст показал значительное влияние турецких ритуалов и принципов семейного этикета на болгарские обычаи, которые, однако, неравномерно представлены в народных песнях.

А. А. Новик (МАЭ РАН; СПбГУ, Санкт-Петербург) посвятил свой доклад актуальной теме из области антропологии питания «Старое и новое в албанской кухне: джем, варенье, мармелад». На материале своих полевых записей 1990–2024 гг. в разных регионах Албании и Косово он показал, как трансформировалось приготовление и использование плодовых и ягодных сладких блюд. Значительная часть доклада была посвящена анализу бытования сладких угощений, которые служат неперенным атрибутом института гостеприимства, календарных праздников, обрядов перехода, семейных церемоний и ритуалов во многих балканских традициях.

К. А. Климова (МГУ им. М. В. Ломоносова; ИСл РАН, Москва) выступила с докладом «Новогодние талисманы γούβρι в современной Греции: новое или хорошо забытое старое?», который проиллюстрировала многочисленными артефактами. Она проанализировала новогодние обереги с мотивами граната, чеснока, дикого лука и пр., символизирующими счастье, здоровье, процветание, любовь и общее благополучие. По мнению докладчицы, уходящая в античность традиция новогодней апотропеической магии превратилась в современной Греции в элемент массовой культуры.

Участники круглого стола отметили очень удачное составление программы. Действительно, темы докладов логически выстраивались друг за другом, позволяя рассмотреть смежные или типологически сходные явления в новых, подчас неожиданных ракурсах. Все доклады сопровождалась оживленной дискуссией. Участники круглого стола, имеющие опыт полевой работы на Балканах, делились своими наблюдениями в области традиционного этикета, контактных языковых и культурных явлений, бытования фольклорных произведений. Обсуждались также отдельные лексемы и лексико-семантические группы, грамматические категории, обрядовые акты и реалии, имеющие отношение к понятиям «новый» и «старый».

Было решено, что тема круглого стола столь актуальна и обширна, что ее разработку следует продолжить в рамках «Балканских чтений. 18» в 2025 г. По материалам круглого стола готовится сборник, который выйдет в серийном издании «Материалы круглого стола Центра лингвокультурных исследований “Balkanica”».

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.30

I. A. Sedakova

**The Round Table “The Notions of the New and the Old
in the Balkan Languages and Cultures”**

Irina A. Sedakova

Doctor of Philology, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ised@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9252-5407

Citation

Sedakova I. A. The Round Table “The Notions of the New and the Old in the Balkan Languages and Cultures” // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 547–550 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.30

Received: 28.04.2024.

**Международная научная конференция
«Православие в исторических судьбах славянских народов»**

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: s.sloistov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Международная научная конференция «Православие в исторических судьбах славянских народов» // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 551–554. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.31

Текст поступил в редакцию 12.09.2024.

3 сентября 2024 г. в Бресте состоялась очередная международная научная конференция, посвященная роли православия в истории славянских народов. На этот раз научную встречу приурочили к 425-летию кончины священномученика архидиакона Никифора Парасхеса-Кантакузина. Организаторами мероприятия, прошедшего на территории Брестской крепости, выступили Синодальная историческая комиссия Белорусского экзархата РПЦ, Брестская епархия, Минская духовная академия им. святителя Кирилла Туровского (МинДА), Минская духовная семинария (МинДС), брестская областная организация Белорусского общества «Знание», Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (БрГУ) и Брестский государственный технический университет (БрГТУ).

С первым приветственным словом на открытии выступил архиепископ Брестский и Кобринский Иоанн (Хома), он же впоследствии был

модератором всей конференции. Владыка подчеркнул, насколько важно помнить о служении и подвиге архидиакона Никифора, несмотря на то, что в свое время его пытались оговорить, а память о нем придать забвению. Также прозвучали напутствия участникам от председателя правления брестского «Знания», ректора БрГУ Ю. П. Голубева и ректора БрГТУ С. А. Касперовича (последнее приветствие было оглашено зав. кафедрой гуманитарных наук указанного университета Л. Ю. Малыхиной).

Первый научный доклад конференции представил ректор МинДА *архимандрит Афанасий (Сóколов)*, который на белорусском языке рассказал о малоизвестном очерке Ф. А. Кудринского (1867–1933), посвященном священномученику Никифору. Зав. кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин МинДА *В. А. Теплова* выступила с докладом «Экзарх Никифор Кантакузин и Брестский церковный собор 1596 г.», в котором были систематизированы высказывавшиеся Никифором важные антиуниинные аргументы, особое внимание было уделено тому, как они были сформулированы. Проректор по научной работе МинДА и МинДС *А. В. Слесарев* сделал презентацию «“Белорусский проект” Константинопольского Патриархата в 1950-е – 1980-е гг.», где на основе разнообразных источников, в том числе архивных, представил церковный аспект деятельности функционеров Белорусской центральной рады в США. *Иерей Алексей Хомеев* (Институт истории Национальной академии наук Беларуси) поделился размышлениями о значении конфессионального фактора в общественно-политической истории Белоруссии. *А. Д. Гронский* (МинДА; Национальный институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН) сделал доклад «Образ Русской православной церкви в отражении украинских школьных учебников», в котором детально проанализировал динамику интерпретаций истории церкви в учебных текстах, предназначенных для старшеклассников. В заключение утренней сессии прозвучало выступление зав. отделом истории Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН *И. К. Богомолова*, посвященное изучению истории православной культуры в представляемом им научном учреждении.

После обеда конференция продолжила работу. По видеосвязи выступила проф. Софийского университета им. св. Климента Охридского *Дарина Григорова*, назвавшая свой доклад «Католический фактор в БССР и трансформация Советского Союза (1980–1990 гг.)». В своем сообщении исследователь из Болгарии, в том числе используя донесения аккредитованных в СССР болгарских дипломатов, осветила некоторые важные аспекты истории либерализации отношения центральной советской власти к Католической церкви в последние годы существования Советского

Союза, что отразилось также на положении католиков в Белорусской ССР. *А. В. Апанасёнок* (ИНИОН РАН) посвятил выступление, основанное на богатом историко-социологическом материале, феномену совмещения православной и советской идентичности гражданами СССР. *А. А. Комзолова* (ИНИОН РАН) представила доклад «Конфессиональный вопрос в программе и деятельности М. Н. Муравьева в 1830-е гг.», обратившись в нем к малоизвестным деталям программных предложений и осуществленных практик этого высокого ранга государственного чиновника, в 1831–1835 гг. гродненского губернатора, касавшихся регулирования конфессиональной сферы и затрагивавших положение Католической церкви (в том числе униатов). *М. Ю. Анисимов* (Институт российской истории РАН) выступил с темой «Белорусская епархия Речи Посполитой во внешней политике России в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)», где на большом документальном материале показал, что диссидентский вопрос был основан на реальных фактах притеснения в Речи Посполитой православных и являлся одним из важных направлений внешней политики России в тот период, а сама идея защиты единоверцев со стороны Елизаветы Петровны не носила лишь инструментальный характер и не была только предлогом для реализации других внешнеполитических целей Российского государства. Затем последовал целый блок докладов по карпаторусинской тематике: «Протоиерей Константин Кустодиев (1838–1875) и угрорусские униаты» *М. Ю. Дронова* (ИСЛ РАН), «Московский Патриархат и нормализация церковной жизни в Чехословакии (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.)» *С. М. Слоистова* (ИСЛ РАН) и «Роль церкви в этнокультурном развитии Угорской Руси в XIX в.» *К. В. Шевченко* (Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске). Насельница брестского Свято-Рождество-Богородицкого монастыря *инокиня Елена (Дмитрук)* представила доклад «Эктезис в системе источников о событиях в Бресте в октябре 1596 г.». Заключительным выступлением стал рассказ *В. В. Сушко* («Знание»; БрГУ) о роли традиционных религий в укреплении межэтнических и межрелигиозных отношений в Республике Беларусь. Все желающие получили возможность задать вопросы авторам прозвучавших докладов и сообщений. Работу конференции освещали местные средства массовой информации, в том числе телевидение.

Организаторы предусмотрели культурную программу: 2 сентября иногородние участники конференции во время экскурсии по епархиальному управлению ознакомились с работой различных отделов епархии и убранством домового храма в честь иконы Божией Матери «Троеручица»; 3 сентября перед докладчиками и слушателями конференции

с духовными и светскими произведениями выступил хор духовенства епархии (регент протоиерей Валерий Грицук), вечером того же дня гости Бреста имели возможность посетить находящийся на территории Брестской крепости приход храма святителя Николая; 4 сентября желающие могли принять участие в пешеходной прогулке по городу и посмотреть местные архитектурные достопримечательности.

Примечательно, что, в отличие от большинства других белорусских научных мероприятий, на брестской конференции не было «мертвых душ», добывающихся включения себя в состав участников, а затем отсутствующих во время конференционной работы. Высокий организационный уровень конференции обеспечила слаженная работа оргкомитета: архиепископа Иоанна (Хомы), протоиереев Евгения Лихоты и Виталия Хоновца, иереев Дмитрия Нагнибеды и Павла Романовича, инокини Елены (Дмитрук), а также А. Д. Гронского и В. В. Сушко.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.31

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

**International Scientific Conference
“Orthodoxy in the Historical Destinies of the Slavic Peoples”**

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: s.sloistov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. International Scientific Conference “Orthodoxy in the Historical Destinies of the Slavic Peoples” // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 551–554 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.31

Received: 12.09.2024.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.32

Н. С. Пилько, Ю. В. Лобачева

**Международная научная конференция
«Женщина в политике, культуре и истории
на югославском и постъюгославском пространстве»**

Пилько Надежда Сергеевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: n.pilko@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-1600-8563

Лобачева Юлия Владимировна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: lobachevaj@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1675-1381

Цитирование

Пилько Н. С., Лобачева Ю. В. Международная научная конференция «Женщина в политике, культуре и истории на югославском и постъюгославском пространстве» // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 555–559. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.32

Текст поступил в редакцию 21.09.2024.

17 сентября 2024 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) и на платформе Zoom состоялась международная междисциплинарная научная конференция «Женщина в политике, культуре и истории на югославском и постъюгославском пространстве». На приглашение участвовать в ней откликнулись историки, филологи, лингвисты, литературоведы, этнологи, дизайнеры и культурологи из ряда научных учреждений России, Сербии и Словении. Интерес к мероприятию проявили и студенты нескольких российских ВУЗов.

Для рассмотрения участникам предлагались следующие темы: первые женские организации в Королевстве сербов, хорватов и словенцев; права женщин и борьба за них; женщины в годы Второй мировой войны; женщины-политики и их роль в становлении и развитии независимых государств; женщины-литераторы и их место

в литературном процессе; образ и национальный архетип женщины в литературе, живописи, кинематографе; женщина в науке, искусстве, спорте; историография женского вопроса; женщины-предпринимательницы и благотворительницы; трансформация взглядов на место и роль женщины в истории и политике.

В ходе работы конференции были охвачены практически все предложенные к обсуждению темы. Кроме того, были несколько расширены хронологические рамки, которые охватили доюгославский период, что в свою очередь позволило несколько расширить и проблематику в целом. Рассмотрению и обсуждению круга вопросов преимущественно из истории XIX в. – начала XX в. была посвящена первая часть утреннего заседания. Открыло ее выступление *Уршки Перенич* (Философский факультет, Университет Любляны) – «Луиза Песьяк в контексте бидермайерской культуры». Затем *К. В. Мельчакова* (ИСл РАН) сделала доклад на тему «Из истории православной школы для девочек в Мостаре в 1850–1870-е годы. По материалам российских архивов». В продолжение боснийской линии *Т. А. Крюкова*, студентка Института классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), рассмотрела вопрос «Образ боснийской женщины в дневниках Артура Эванса и его отражение в современном дискурсе». Доклад ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН *М. М. Керимовой* под названием «Балканское путешествие первой женщины – профессора этнографии в России» был посвящен ученому-этнографу Вере Николаевне Харузиной (1866–1931), побывавшей вместе с братом, Алексеем Николаевичем Харузиным (1864–1932), в 1901 г. в Крайне и затем подробно описавшей это путешествие. В следующих трех выступлениях сотрудников ИСл РАН представлены сюжеты о словенских женщинах: *Л. А. Кирилина* обратилась к вопросу об истории создания Высшей женской школы в Любляне в конце XIX в.; *Г. П. Пилипенко* в докладе «Словенки в Триесте в начале XX века: социально-экономический аспект» проанализировал, как социально-экономические практики словенков отражаются в языке Триеста; *Н. С. Пилько* рассмотрела развитие и некоторые особенности словенской женской периодики накануне XX в. и в период между двумя мировыми войнами.

Вторая часть утреннего заседания началась с продолжившего словенскую тематику доклада *Т. И. Чепелевской* (ИСл РАН) – «Зофка Кведер (1878–1926): страницы жизни и творчества». Далее главное

внимание было уделено исследованиям жизни и деятельности сербских женщин, в том числе и в плане борьбы за равные права в межвоенный период: сотрудник Этнографического музея в Белграде *Елена Секулович* представила доклад – «Надежда Петрович (1873–1915) – хранитель музейных фондов на службе нации»; *Ю. В. Лобачева* (ИСл РАН) выступила на тему «Катарина Богданович и “Женское движение”»; *Димитрие Секулович*, обучающийся в НИУ ВШЭ, осветил вопрос «Роль Ксении Атанасиевич в борьбе за равенство женщин в общественной жизни Королевства Югославия». Затем *А. А. Силкин* (ИСл РАН) сделал доклад на тему «“Женский вопрос” в Югославском секторе КУНМЗ (конец 1920-х годов)». Завершил утреннее заседание доклад «Малая Антанта женщин: взлет и падение первого женского пацифистского движения в Восточной Европе», подготовленный сотрудниками ИСл РАН *Е. Б. Лопатиной*, *А. В. Усачевой* и *Н. С. Пилько*.

Научную дискуссию на вечернем заседании открыл доклад *Н. В. Бондарева* (ИСл РАН) «Женские образы в югославском кинематографе в 20–30-е годы XX в.». Тема выступления *А. Ю. Тимофеева* (Институт новейшей истории Сербии (ИНИС) / Философский факультет Белградского университета) – «Русское влияние в сербской борьбе за права женщин: случай Марии Илич-Агаповой». Доклад *Е. В. Сагалович* (ИСл РАН) был посвящен творчеству Милицы Яковлевич (1887–1952). Сотрудник Института истории культуры (Любляна) *Игор Грдина* раскрыл тему «Женщины – авторы либретто для словенских опер». Следующие три выступления объединяет общее направление исследований – русские женщины в Югославии: *Милана Живанович* (ИНИС) представила доклад «Русские женщины-врачи в движении Сопротивления в Югославии»; *Ирина Антанасиевич* (Белградский университет) – «Такие разные символы Сремской Митровицы: о русском архитекторе Ирине Непокойчицкой»; *М. Ю. Сорокина* (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) обратилась к сюжету «От Исхода к Сопротивлению: “женский отряд” Союза советских патриотов в Белграде в годы Второй мировой войны».

Вторая часть вечернего заседания началась с доклада под названием «Репрезентация женских образов в визуальных агитационных материалах Югославии: влияние на трансформацию роли женщин в военный и поствоенный период» *А. С. Орловой*, студентки Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. «Женщина и эпоха: история СФРЮ сквозь призму личного нарратива в романе М. Кресе “Страшно ли мне...?”» – фокус

исследования *Н. Н. Стариковой* (ИСл РАН). Словенская тематика была продолжена *Желько Осетом* (Европейский проект «Negotiating Sovereignty») в докладе «Словенские женщины-ученые и их работа за рубежом в XX в.». Женщинам в югославских и сербских реалиях посвящены завершавшие работу конференции доклады. *А. А. Михалкин*, студент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, выступил на тему «Творчество и идеи Загорки Голубович: на основе материалов журнала “Praxis” и “Praxis International”». Сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова *Л. В. Кузьмичева* рассмотрела политическую и научную деятельность Латинки Перович (1933–2022).

В завершение краткого информационного обзора отметим, что материалы, представленные авторами в 25 докладах, и обмен мнениями позволили создать довольно объемную картину жизни и деятельности женщин на югославянском пространстве в XIX–XXI вв., а также понять, что ряд вопросов, в числе которых судьбы женщин-предпринимателей и женщин-благотворителей, историография женского вопроса, ждут более пристального внимания исследователей.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.32

N. S. Pilko, Yu. V. Lobacheva

**International Scientific Conference
“Woman in Politics, Culture and History
in the Yugoslav and Post-Yugoslav Space”**

Nadezhda S. Pilko

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: n.pilko@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-1600-8563

Yulia V. Lobacheva

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lobachevaj@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1675-1381

Citation

Pilko N. S., Lobacheva Yu. V. International Scientific Conference “Woman in Politics, Culture and History in the Yugoslav and Post-Yugoslav Space” // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 555–559 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.32

Received: 21.09.2024.

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2024

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 г. в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
35,0 п. л. Тираж 500 экз.

